

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
ДЕМОКРАТИЯ

Р О С С И Я
Х Х В Е К

Д Р А М А

**РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ:
большевики и революция**

И С С Л Е Д О В А Н И Я

РОССИЯ. XX ВЕК

И С С Л Е Д О В А Н И Я

Д Р А М А РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: большевики и революция

О.В.Волобуев (руководитель авторского коллектива),
А.А.Косаковский, В.И.Старцев, А.И.Степанов,
С.В.Устинкин, А.И.Уткин

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
МОСКВА 2002

РОССИЯ. XX ВЕК

И С С Л Е Д О В А Н И Я

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2002 ГОДУ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА А.Н.ЯКОВЛЕВА

МОСКВА 2002

УДК 94 (47+57) «1905/1917» (082)
ББК 63.3(2)52
Д 72

*Издание осуществлено
при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).*

Драма российской истории: большевики и революция
Д 72 Под редакцией академика А.Н. Яковлева.
М.: Новый хронограф, 2002. 449 с.
(Россия. XX век. Исследования).

ISBN 5-94881-004-6

Книга адресована тем, кто хочет разобраться в событиях первых десятилетий XX в., приведших к власти большевиков и к установлению в России однопартийной большевистской диктатуры. В ней авторы рассматривают ключевые события того времени и существующие на них точки зрения, опираясь на данные источников, в том числе на новые архивные материалы.

УДК 94 (47+57) «1905/1917» (082)
ББК 63.3(2)52

ISBN 5-94881-004-6

©Международный фонд «Демократия»
(Фонд Александра Н. Яковлева), 2002
©Новый хронограф, 2002

ДРАМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БОЛЬШЕВИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

К читателю

Настоятельная необходимость обобщающих работ об истоках большевизма, о захвате власти ленинской партией, установлении однопартийной диктатуры и тоталитарного режима назрела давно. Общественная потребность в переосмыслении опыта нашей страны за самый бурный, самый драматический век в ее тысячелетней истории особенно ощущается теперь, когда мы вступили в новое столетие.

Взгляды людей не изменяются мгновенно, с утра или вечера какого-то дня. Поэтому и старшее поколение, и тем более молодое нуждаются в просвещении историей, в избавлении от химер, навязанных обществу коммунистической идеологией. К сожалению, неоязыческая религия спасения с культом обожествленного вождизма еще жива как в доктринальном, так и ритуальном плане. Идеи большевизма, заразившие общество, заметно мешают решению политических, экономических и социальных задач, стоящих перед современной Россией.

Книга, которую читатель держит в руках, одно из звеньев в познании прошлого, базирующегося на строго документальной основе и отвечающего задачам создания правового, демократического гражданского общества в России. Только научный анализ может способствовать преодолению исторических мифов, выяснению причин, характера и последствий захвата большевиками власти в октябре 1917 года.

До 1917 года Россия не знала иной формы правления, кроме самодержавия, если не считать слабых ростков парламентаризма в начале века. Не успело сложиться в стране и гражданское общество. Февраль 1917 года круто повернул жизнь миллионов. Казалось, был открыт путь к демократии. Но Февралю положил конец Октябрь. Драма истории нашей страны не только в том, что в годы развязанной большевиками гражданской войны погибли миллионы людей, а остальное население было втянуто в кровавую смуту, насаждавшую ненависть, разруху, голод, но и в том, что диктатура большевизма уничтожила движение к демократии.

История показывает и Февральская революция тому яркий пример, что и революцию, и противостоящую ей контрреволюцию в конечном счете осуществляет политизированное меньшинство (им в октябре 1917 года были большевики) при пассивной позиции основных масс народа. Безмолвствующее большинство больше всего страдает от последствий экстремистских действий политизированного меньшинства. Точно определил основное противоречие революций французский писатель и гуманист Альбер Камю, видевший его в том, что каждая революция стремится к достижению справедливости посредством бесконечной череды беззаконий и насилия. Его высказывание перекликается с мыслями русского философа Николая Бердяева: В революции не бывает и не может быть свободы. Революция всегда враждебна духу свободы... Революция... случается с человеком, как случается болезнь, несчастье, стихийное бедствие, пожар или наводнение. Октябрьский переворот оказался контрреволюцией сверхтеррора и необузданного аморализма.

В обстановке 1917 года популистская политика большевиков, как и их крайне упрощенный подход к реальности, находили отклик среди рабочих, солдат, крестьян, но прежде всего в среде маргинализованной и люмпенизированной массы. Демагогические лозунги о свободе и демократии ослепляли людей, делали их безотчетно покорными власти. Но как только большевики подобрали власть на холодных улицах Петрограда, всякие игры в демократию закончились, и началась жестокая реальность диктатуры. Большевики намеренно не считались с тем, что переход от одного социального качества к другому через классовую борьбу, физическое подавление и уничтожение победителями побежденным это большой вариант исторического развития. Для осуществления утопических целей пресекалось любое инакомыслие и безжалостно вырубались носители старого режима помещики, купцы, предприниматели, священнослужители, офицеры и вообще все подозрительные. Ленин яростно боролся против любой мысли, которая не укладывалась в концепцию революции, завоевания власти, диктатуры пролетариата. Морально то, что служит пролетариату. Потом Гитлер сделал эту мысль более обнаженной, сказав, что освобождает людей от химеры совести. В обществе активно культивировались образ врага народа, нетерпимость, доноительство. Шла, как писал Максим Горький, вульгаризация и без того примитивного сознания.

Конечно, ни в научных исследованиях, ни в наших размышлениях об исторических событиях нельзя полностью объективно реконструировать прошлое. Человеку бывает трудно подняться над своими привычными взглядами и убеждениями, ибо между нами и прошлым стоит современность, которую не дано отодвинуть в сторону.

Мне не раз приходилось высказывать свою точку зрения на революционные потрясения первых десятилетий XX века, на характер

советского государства. Уже второй десяток лет я председательствую в Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Через мои руки прошли тысячи документов и свидетельств. В моем сознании и чувствах отложились тысячи и тысячи человеческих трагедий. Я искал ответ на мучительный вопрос: где же истоки трагедии России?

Я пришел к глубокому убеждению, что Октябрьский переворот есть контрреволюция, положившая начало созданию тоталитарного государства, державшегося не только на идеологии, но и на массовом терроре.

Разумеется, будут несогласные. Я тоже не склонен разделять некоторые оценки событий и людей, содержащиеся в этой книге. Думаю, что и читатель критически отнесется к отдельным суждениям авторов. По — добное скорее хорошо, чем плохо. Но хотелось бы надеяться, что книга поможет осмыслению прошлого во имя настоящего и будущего России.

*Александр Н. Яковлев,
академик РАН*

ДРАМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БОЛЬШЕВИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

О.В. Волобуев

Введение

«Ленин начал строительство нового мира, но его инструментами стали идеологическая полемика, политическая борьба и гражданская война»

*Роберт Сервис, английский историк,
автор книг о Ленине*

«Великая драма началась. Победа и вечная слава ждет нас. Пусть дрожат наши враги! Никакой жалости, никакой пощады им! Соберите всю вашу ненависть. Уничтожьте их раз и навсегда».

*Из речи Троцкого перед матросами и солдатами,
июль 1917 г.*

«...Россия существует не для классов и не для партий».
А.И. Ильин, русский философ, эмигрант

Представления о событиях 1905—1907 гг., февраля и октября 1917 г., гражданской войны у читателя скорее всего отложились в виде самостоятельных фрагментов, а не в виде цельной, но развернутой во времени панорамы революционного движения в России, закончившегося установлением большевистской диктатуры.

К особенностям российского революционного процесса начала XX века следует отнести то, что тогда впервые в истории, несмотря на традиционную стихийность и спонтанность массового движения, в роли претендующих на руководство народом сил выступили политические партии. Они разрабатывали программы преобразования страны, выдвигали лозунги для масс, были инициаторами ряда революционных акций. Свержение Временного правительства в октябре 1917 г. можно квалифицировать как сугубо партийную революцию, и ее определение большевистская — вполне оправдано. Эта особенность революционного процесса в России, его партийная окраска обусловила замысел данной книги как своего рода синтез истории революционного движения и истории большевизма. Причем, оговоримся сразу, — с нашей точки зрения, нельзя ставить знак равенства между этими двумя историями, как по существу и делалось в советской историографии.

Хронологические рамки революционного процесса, который рассматривается в нашей книге, рубеж XIX — XX вв. — 1922 гг. В начале XX в. сначала в ленинских работах периода «Искры», а затем на II съезде РСДРП были заложены основы ленинской партии нового типа, которая в дальнейшем создала государство и общество нового типа (но — вого, разумеется, не обязательно значит — лучшего), а на авансцене политической жизни России появились большевики и меньшевики. 1922 г. — потому, что образование СССР обозначило необратимость военных результатов гражданской войны, с ее политическим завершением в форме утверждения большевистской диктатуры под видом власти Советов и экономическим завершением, выразившимся в переходе от «военного коммунизма» к нэпу¹.

Как правило, историю революций начинают писать либо те, кто их совершал, либо те, кто с ними боролся. И в том и в другом случае создаются ее первые концепции, они же ее политизированные версии. Их авторы — идеологи и вожди общественных движений, лидеры политических партий. В их публицистике, речах, мемуарах а то и в исторических сочинениях дается оценка революционным событиям и процессам, роли партий и политиков. В дальнейшем за создание трудов о революции берутся историки. Но первое их поколение, будучи само свидетелем, а порою и участником этих драматических событий, продолжает оставаться политически предвзятым и определяется в своих оценках публицистическими концепциями революционного периода. Однако и последующие поколения историков долго будут идеологически зависимы от политических пристрастий.

Итак, авторами первых концепций истории российских революций были лидеры и публицисты политических партий. Большевистская концепция, разработанная В.И. Лениным, легла в основу советской историографии. Меньшевистская была представлена работами Л. Мартова, Г.В. Плеханова, А.Н. Потресова и других видных публицистов этого направления. Либеральная историография — это в первую очередь работы лидера кадетов, профессионального историка П.Н. Милюкова, а также других кадетских или близких к ним по взглядам публицистов. Все небольшевистские направления общественно — политической мысли получили продолжение в эмигрантской историографии.

В трактовке российских революций сложились две основные историографические традиции, имеющие, естественно, ряд вариаций: либеральная и марксистская. У истоков первой стояли П.Н. Милюков², П.Б. Струве³ и другие представители русской интеллигенции, связанные с кадетской партией⁴. Для либералов, рассматривавших исторический процесс с точки зрения «социологического эволюционизма» и демократизации политических институтов, революция была отклонением от нормального развития, возникшим в результате конфликта общества

и власти. Соответственно либеральную историографию характеризовало преимущественное внимание к парламентаризму и становлению гражданских прав. В либеральной истории революций на первый план выдвигались такие сюжеты, как организация либеральных сил и борьба за конституцию, Всероссийская политическая стачка и думская деятельность, Временное правительство и Учредительное собрание, сопротивление большевистской власти.

Марксисты, в отличие от идеологов либерализма, представляли исторический процесс как закономерное жестко детерминированное движение через смену общественно — экономических формаций к коммунизму, как непримиримую борьбу классов, видели в революциях локомотивы истории.

Базовые идеи ленинской концепции революции это:

гегемония пролетариата в российском революционном движении, идейное и организационное руководство революционной борьбой пролетариата со стороны марксистской партии,

союз пролетариата с крестьянством,

закономерность установления диктатуры пролетариата и крестьянства в случае победы буржуазно — демократической революции,

наличие в России условий для перерастания буржуазно — демократической революции в социалистическую,

возможность победы социалистической революции в одной или нескольких странах, создающей в эпоху империализма условия для начала мировой революции,

революционное насилие (по марксистскому выражению, повивальная бабка истории).

В марксистской историографии на первом плане находились рабочее и крестьянское движение, деятельность РСДРП и внутрипартийные разногласия, вооруженные восстания, образование Советов и становление Советской власти, классовые силы и действия Красной армии в годы гражданской войны. Особенность российской марксистской историографии в том, что в ней противостоят друг другу две версии революционного движения — большевистская и меньшевистская. В отличие от большевиков меньшевики не считали, что гегемония пролетариата осуществлялась на всем протяжении большого цикла российской революции и что либералы в России представляли всегда контрреволюционную силу. Меньшевики, как и народники — эсеры, полагали, что Россия не подготовлена к социалистической революции, и что Октябрьский переворот не мог привести к диктатуре пролетариата, а привел к установлению диктатуры бланкистской (заговорщической) и якобинской (террористической) партии большевиков⁵.

В советское время юбилеи революций, кроме, — что показательно! — Февральской, отмечались особо торжественно. Уже в сентябре 1920 г.

по указанию Ленина была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б) — Истпарт. При подготовке первого, десятилетнего юбилея Октября Истпарт разослал в местные истпарты (республиканские, губернские и др.) письмо (с приложением схемы для создания очерков по истории Октябрьской революции) об издании посвященных этому событию сборников статей, документов, воспоминаний и популярных (разумеется, пропагандистских) брошюр. На январском 1927 г. Всесоюзном совещании заведующих местными истпартотделами (при партийных органах) были приняты решения о подготовке серии популярных брошюр по истории ВКП (б), об организации научно — исследовательских кафедр по истории революционного движения, о строительстве музеев революции⁶. Юбилеи революций были в первую очередь партийными мероприятиями, делом ЦК КПСС, под его эгидой готовились постановления, тезисы и другие материалы. Партия давала оценки прошлому, которыми и должны были руководствоваться историки.

В конце 20 — х — первой половине 30 — х гг. советской историографии после политизированной и фальсифицированной критики меньшевистских и троцкистских «искажений» истории⁷ была навязана ленинская концепция трех российских революций. Вместе с тем в историографии вплоть до начала 30 — х гг. существовали значительные разногласия по таким вопросам истории первой российской революции, как ее причины, характер (преимущественно рабочая или крестьянская), взаимоотношения пролетариата и крестьянства (в какой степени сложился их союз), соотношение стихийности и сознательности в массовом движении, расхождения в оценке Октябрьской стачки, Декабрьского восстания в Москве, Советов и т.д.⁸ Не меньше было разногласий и расхождений и по 1917 г.; общим было только то, что Февральскую революцию «триумфальный» Октябрь заслонил и отодвинул даже не на второй, а на третий план. Но главный историографический процесс, по меткому определению В. Буддакова, сводился к вытеснению героизированного образа революции марксистскообразной догмой (герои революции остались, но не все, а только отобранные для этой роли Сталиным)⁹.

Большевистская историография имела и свое эмигрантское ответвление. Его возникновение связано с высылкой Троцкого за границу, где им была написана «История русской революции». Как и в «Истории второй революции» Милюкова, в ней освещаются события периода от февраля до октября 1917 г. Это очень образное, местами по репортерски яркое изложение фактов, пересыпанное меткими выражениями. В книге чувствуются темперамент автора и его позиция как одного из творцов революции. Апологетизируя Октябрь, Троцкий в то же время ставит задачу критического восстановления ряда фактов и эпизодов, искаженных сталинской историографией (разногласия Ленина с ЦК по вопросу о вооруженном восстании, роль Сталина в организации Ок —

тябрьского переворота¹⁰. В целом троцкистская версия событий 1917 г., как и меньшевистская у Суханова, соответствуют фактам в большей мере, нежели сталинская фальсификация¹¹.

В конце 30 — х гг. в советской историографии окончательно и безраздельно утвердилось господство ленинской концепции революционного движения в ее сталинской интерпретации, что было закреплено в т.н. кратком курсе «Истории ВКП (б)», одобренным ЦК ВКП (б) в 1938 г.

В «Кратком курсе» действующие лица исторического процесса жестко разделялись на «своих» и «врагов» (ленинская традиция). В массовое сознание внедрялась концепция двух вождей Октябрьского переворота — Ленина и Сталина¹² (вместо привычных на рубеже второго и третьего десятилетий XX в. Ленина и Троцкого, что как раз и соответствовало действительности). Формируется стандартизированный вариант преподнесения Октябрьских событий как торжества «ленинско — сталинской» большевистской партии и краха тех, кто ей противостоял.

«Краткий курс» создавался, когда многие активные участники революций и гражданской войны числились «врагами народа». Так, среди 21 одного члена ЦК большевиков 1917 г. во «врагах» значились 11 (7 членов этого ЦК к тому времени ушли в мир иной). Почти сплошь из врагов народа состояли Политбюро, образованное в октябре 1917 г. и Политбюро 1919 г. Получается, что исключением были только Ленин и Сталин, да еще Калинин (кандидат в члены Политбюро 1919 г.).

В Гражданской войне тоже немало «врагов» руководило Красной армией. Так, в составе Реввоенсовета Республики в 22 человека врагами оказались 14 его членов¹³. Соответственно деяния «врагов» либо замалчивались либо разоблачалась их вредоносность. И тоже соответственно — возвеличивалась историческая роль немногих: самого вождя и его окружения, а также «своевременно» умерших (и поэтому не успевших стать врагами народа).

Очень выразительны в «Кратком курсе» пассажи, посвященные большевикам и меньшевикам. Например, в выводах к главе о первой российской революции можно прочесть: «Большевики держали курс на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции. Вместо свержения царизма путем восстания они предлагали его реформирование и «улучшение», вместо гегемонии пролетариата — гегемонию либеральной буржуазии, вместо союза с крестьянством — союз с кадетской буржуазией, вместо временного революционного правительства — Государственную думу,

как центр «революционных сил страны»¹⁴.

В этом пассаже расчетливо перепутаны действительные позиции меньшевиков и явно искажающие их взгляды с целью дискредитации оценки. Вспомним, что в период первой российской революции большевики и меньшевики были двумя фракциями одной и той же революционной партии, и меньшевики никак не могли в ту пору быть реформистами. Как большевики, так и меньшевики с оружием в руках были в декабре 1905 г. на баррикадах в Москве (другое дело, что Плеханов осуждал московское восстание как несвоевременное). Меньшевики никогда не были против временного революционного правительства и не могли противопоставлять его Думе, ибо правительство и Дума — разные ветви власти, в одном случае — исполнительная, в другом — законодательная. Спор шел совсем в иной плоскости: буржуазным или рабоче — крестьянским должно быть это правительство и входить или не входить в него социал — демократам.

В «Кратком курсе» фальсифицирована история всех трех революций и история всех партий. Но с одной оговоркой: история большевистской партии удостоилась исключительно апологетической фальсификации¹⁵ если не брать в расчет сталинскую мифологию о происках Троцкого, Зиновьева, Каменева и других будущих врагов народа. Руководство практической деятельностью по подготовке Октябрьского переворота была приписана Сталину: «16 декабря состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот партийный центр являлся ядром Военно — революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием»¹⁶. В действительности не партийный центр, никому тогда не известный, а Петроградский ВРК осуществлял руководство Октябрьским переворотом.

То, как одни фигуры выдвигались, а другие задвигались видно на примере выводов к главе о гражданской войне. Среди руководителей нового типа фигурирует только троица: Фрунзе, Ворошилов и Буденный. Отсутствуют упоминания о председателе Реввоенсовета Республики Троцком и большинстве членов Реввоенсовета¹⁷. Ни слова о таких командующих армиями, как В. К. Блюхер (награжден первым орденом Красного Знамени, а всего за гражданскую войну получил три), М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир и др. Однако удостоились чести быть упомянутыми скромные по тем временам военком полка Н.М. Шверник и не попавшие даже в специализированную советскую энциклопедию по гражданской войне Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев, М.Ф. Шкирятов.

Определенный сдвиг в отношении не столь искаженного изображения революции и гражданской войны, как это было в 30—40-е гг., стал происходить с середины 50-х гг. после XX съезда КПСС. Началась реабилитация некоторых репрессированных при Сталине деятелей

революционного движения и гражданской войны, чуть приоткрылись ранее недоступные архивные фонды¹⁸, стали выходить книги и другие публикации, с фактическим материалом, который подрывал некоторые сложившиеся мифы — стереотипы¹⁹. Хотя такие публикации не столько разрушали, сколько обновляли, корректировали, делали более гибкими прежние догмы и схемы, это периодически вызывало тревогу в аппарате ЦК КПСС. Тем более, что не было недостатка и в сигналах с мест.

Поступали письма «читателей» и с критикой журнала «Вопросы истории» за публикацию статьи Э.Н. Бурджалова о Февральской революции, в которой тот якобы пытается реабилитировать Каменева и Зиновьева²⁰. Дело закончилось принятием ЦК в марте 1957 г. разгромного постановления о журнале «Вопросы истории» и снятием самого Бурджалова с должности зам. главного редактора журнала.

Постепенно в атмосфере XX съезда КПСС складывается академическая «группа историков — ревизионистов», которая получает название «нового направления» (А.Я. Аврех, А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер, И.Ф. Гиндин, Л.М. Иванов, К.Н. Тарновский, и др.). Они выступали за многоукладное понимание экономики России (Гефтер, Тарновский, а также В.В. Адамов из Уральского университета), против преувеличения степени зрелости российского капитализма, который складывался на «почве правительственного вмешательства» в создание монополий и банков (Волобуев, Гиндин, Тарновский), доказывали преобладание полукрепостнических отношений в сельском хозяйстве вплоть до 1917 г. (Анфимов), рассматривали русское крестьянство как социальную опору самодержавия (Аврех), в освещении революционных событий выявляли большую роль стихийности в поведении масс и временную потерю гегемонии пролетариата (П.В. Волобуев). Представители «нового направления» пытались поставить вопрос об альтернативности исторического развития (в частности, проблема исчерпанности или наличия правительственного реформаторского потенциала)²¹.

Отдел науки ЦК КПСС, возглавляемый С.П. Трапезниковым, с «новым направлением» окончательно разделался в марте 1973 г. В принятых рекомендациях осуждались «ревизионистские концепции», выдаваемые за «новое прочтение» произведений Ленина. В частности, ученым инкриминировали «отступления от ленинского анализа движущих классовых сил в Октябрьской социалистической революции», имея в виду известное ленинское положение о том, что в социалистической революции пролетариат действует лишь с беднейшим, а не со всем крестьянством²². Последовали и административные меры: был снят решением ЦК КПСС с должности директора Института истории СССР АН СССР П.В. Волобуев.

После разгрома «нового направления» пошла, по словам В.П. Булдакова, вторая волна направленного фальсификаторства истории трех революций. Вновь отыскивались доводы в пользу закономерности социалистической

революции в России ²³, над чем трудилось не одно поколение советских историков. Законсервировался догматический подход в трактовке истории революций и гражданской войны.

Тем не менее, в условиях десакрализации марксистской теории и последующей хрущевско – брежневской практики социализма нельзя было наглухо приостановить движение исторической мысли. С одной стороны, вплоть до конца 80 – х гг. выходили работы, «разоблачающие» политических противников большевизма — кадетов, эсеров, меньшевиков²⁴, с другой стороны, с середины 70 – х гг. началась, хотя и в рамках прежней пара – дигмы, разрабатываться история непролетарских, как тогда было принято их квалифицировать, партий ²⁵.

В юбилейные годы обычно проводились конференции, выходили сборники статей и монографии, посвященные отмечаемому событию. Уже в период перестройки, в 1987 г. вышла, например, книга «Октябрьская революция: Вопросы и ответы», где подытоживались основные выводы и оценки советской историографии, ответы на вопросы давались в выверенном догматическом ключе, а в аннотации отмечалось, что значительное место в книге отведено полемике с фальсификаторами истории. В книге можно встретить ряд утверждений, традиционных для ленинско – сталинской интерпретации трех революций в России. Например, таких:

«...Единственным путем выхода из политического, социального и экономического кризиса был переход от буржуазно – демократической революции к социалистической».

«...Партия кадетов в 1917 году была партией буржуазно – помещичьей контрреволюции».

«...Меньшевики и эсеры превратились в соглашательские партии, встали на путь фактического сотрудничества с буржуазией...».

«Свергнутые капиталисты и помещики России, развязав в союзе с силами мирового империализма гражданскую войну, сами вынудили советскую власть использовать против них крайние средства».

«Учредительное собрание в руках буржуазии и ее политических партий стало средством торможения и ликвидации революции».

В книге по – прежнему утверждалось, что партийный Военно – революционный центр вошел в состав ВРК и «стал его ядром», а Троцкий, Зиновьев и Каменев главным образом все делали «в противовес ленинскому курсу» ²⁶.

Все наиболее известные монографии и обобщающие работы по истории трех революций, вышедшие с конца 60 – х по начало 80 – х гг., условно можно разделить на две группы: насыщенные фактическим материалом, который прошел селекцию в рамках ленинской концепции (монографии И.И. Минца, В.И. Старцева, Е.Н. Городецкого и др.)²⁷, и работы, претендующие на теоретические обобщения ²⁸.

Разумеется, помимо вышеперечисленных двух групп, выходила масса

работ с разной степенью фальсификации событий. Имелись отдельные работы, в которых делались попытки «объективной» трактовки событий в рамках идеологически допустимого свободомыслия. Они готовили почву для «взлета» исторической мысли в период перестройки²⁹.

Догматический монолит советской историографии (подпорченный, разумеется, трещинами вроде «нового направления») стал разваливаться в 1987 г., с распространением гласности и с появлением юбилейного доклада М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжает — ся». На рубеже 80 — 90 — х годов вышло немало сборников статей с говорящими сами за себя названиями «Историки отвечают на вопросы», «Историки спорят», «Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты» и т. п. В них делались попытки пересмотра отдельных догматизированных оценок и положений советской историографии, восстанавливалась роль замалчиваемых с 30 — х гг. репрессированных деятелей революционного движения и гражданской войны. В то же время в них обязательно были ссылки на ленинскую концепцию революционного движения и гражданской войны как основополагающую научную трактовку событий³⁰. Тогда это был тот рубеж, который перестроечная историография так и не перешагнула. Наряду с отечественными работами стали выходить и переводы сочинений зарубежных исследователей³¹.

Если в СССР «новые направления» могли развиваться только в рамках различных интерпретаций ленинского наследия, то в зарубежной немарксистской историографии на протяжении 60 — 80 — х гг. начали создаваться принципиально новые концепции российской революции. Их появление было обусловлено накоплением фактического материала о революционных процессах в странах «третьего мира». Одним из первых на это обратил внимание Т. фон Лауэ. Он рассматривал революцию в России как результат действия двух факторов: социальных противоречий, вызванных ходом векового исторического развития страны, и ускоренной модернизации, навязанной политикой великих западноевропейских держав. Российская революция, полагает фон Лауэ, существенно отличалась от западноевропейских и прокладывала дорогу новым революциям недо — развитых стран, присущих уже XX веку³². В 80 — е гг. этот подход с уклоном в крестьянскую революцию развивал Т. Шанин. По его мнению, «... Россия начала XX в. представляла «развивающуюся» или «третьемир — скую» страну — первую, которая вступила на этот путь, как и первую, которая осознала себя таковой на языках искривленных зеркал идеологии этого столетия»³³.

С крушением и развалом КПСС и СССР создалась совершенно новая историографическая ситуация: вместо партийно — государственной монополии на «истину», и на право цензурировать возникло полицентри — ческое поле поиска и утверждения разных «истин», в т.ч. недостаточно

фундированных фактическим материалом. Возникали при этом порой и весьма схоластические споры. Например, о том, что произошло в октябре 1917 г. — революция или переворот (собственно революция и перево — дится как переворот), можно ли считать советскую власть юридически легитимной (путаница с легитимными основами традиционной власти и революционной). В историографической статье, посвященной анализу литературы о 1917 г., В.П. Булдаков отмечает: «Красный Октябрь» мог бы стать «нормальным» объектом хладнокровного приложения самых разнообразных методологий и методик. Увы, ничего подобного не произошло; историки оказались не готовы к разрыву с былым мифотворчеством»³⁴. Булдаков остро полемизировал с теми, кто пишет историю в посткоммунистическом психозе по — новому в духе «наоборот». В противовес традициям советской историографии историк справедливо доказывал, что все не так просто, что большевизм не сводим к обману масс, что это обычный для конфронтирующих интеллигентов и бунтующих масс самообман, который стал источником не преодоленного до сих пор иллюзорного сознания³⁵.

Свое видение событий 1917 г. в новом психоментальном преломлении Булдаков изложил в монографии «Красная смута». В фокусе ее тематики ранее не разрабатывавшиеся в советской историографии сюжеты: природа кризисов властного начала, психология масс, социальный хаос, социальное насилие, революционная мифология и т. д. Булдаков обратил внимание на «парадоксы Октября» (заметим от себя, небесспорные). Отметим некоторые из них:

Ленин, безусловно бывший проповедником доктрины европейского социализма, оказался в плену раскрученной по — средневековому, по — ази — атски революционной стихии — смуты.

Декреты о мире и земле представляли собой не столько политические акты, сколько сакральную самопрезентацию новой, советской власти.

«Большевизм — это вовсе не грандиозный исторический обман. А достаточно обычный для XX в. самообман, который стал источником не преодоленного до сих пор иллюзорного исторического сознания. Лидеры большевизма, путая временную конъюнктуру с ведущей тенденцией, полагали, что идут столбовой дорогой человечества, а тем временем загоняли Россию в тупик имперской автаркии и государственного индустриализма архаичнейшего типа».

«Надеясь на самый «передовой» и высокоморальный класс, на деле большевики идейно вооружили маргиналов и социальных аутсайдеров».

«...Полагая, что «пробуждают разум» наиболее сознательной, но малочисленной части общества, большевики на деле высвободили под — сознание традиционалистской и численно преобладающей части населения»³⁶.

Значительными вехами в новых историографических поисках стали

некоторые конференции и сборники статей³⁷. В вышедших по материалам конференций сборниках вырисовывается новая проблематика, не характерная для советской историографии. Это прежде всего социально — психологический, террористический, общинно — крестьянский, социокультурный, религиозный, этнический аспекты революции и гражданской войны. В числе инновационных сюжетов фигурировали такие, как, например, обобщенные социальные портреты, психология «человека с ружьем», революция как способ реализации личного интереса, общинная революция. Появились статьи и первые монографии, посвященные повседневной жизни народа³⁸, крестьянской ментальности³⁹, погромной стихии народного бунтарства⁴⁰.

Но становление современной историографии революционного процесса в первые десятилетия XX века не сводимо к методологическому плюрализму, новой проблематике и введению в научный оборот рассекреченных архивных материалов. Наряду со всеми этими явлениями идет критический пересмотр накопленного исследователями фактического материала, что позволяет возвращаться к «исписанным», казалось, темам. И вроде бы отработанные сюжеты — такие, например, как Учредительное собрание — правомерно становятся предметом новых исследований, углубляющих представления о рассматриваемых событиях⁴¹. Происходит также уточнение и новое объяснение отдельных фактов. Так, например, С.В. Леонов обратил внимание на то, что ликвидация Петроградского ВРК 5 декабря 1917 г. почти совпала во времени с созданием ВЧК, спустя два дня, 7 декабря. Основная причина передачи ВЧК функций борьбы с контрреволюцией и саботажем, доказывает историк, это стремление большевиков разделаться с политическими противниками, в частности, избавиться от входивших в ВРК левых эсеров. ВЧК рассматривалась Лениным как орудие партии также в связи с организацией контроля над буржуазией и государственными служащими и подготовки введения всеобщей трудовой повинности⁴².

Происходило переосмысление истории гражданской войны⁴³. Главным достижением этой историографии стал отход от одностороннего изображения событий гражданской войны, чем грешили и советские историки и их оппоненты — эмигранты⁴⁴. История «белого движения» перестала быть «белым пятном» для российского читателя⁴⁵. Благодаря активной разработке вопроса о позиции и поведении крестьянства в годы гражданской войны выяснилась его роль как самостоятельной силы и как одного из факторов, решивших исход братоубийственных сражений. В работах Т.В. Осиповой показано, что основная масса крестьянства не желала участвовать в борьбе партий и в гражданской войне, но вынуждена была поддерживать то одну, то другую сторону в их противостоянии. Крестьянское сопротивление большевистской власти привело Ленина к отказу от крайностей военного коммунизма⁴⁶.

Экономическая политика большевистской власти в годы гражданской войны, известная под названием военного коммунизма, ее метаморфозы и результаты были подвергнуты критическому анализу С.А. Павлюченковым. Автор полагает, что военный коммунизм есть по существу государственно — партийное насилие — безальтернативный для большевиков способ достичь свои цели (утопические в идеологическом отношении и сиюминутные прагматические, обусловленные разрухой и голодом в период гражданской войны)⁴⁷.

Как советские, так и зарубежные исследователи стали обращать внимание на такую составляющую гражданской войны, как социальная оппозиция большевистскому режиму. В проблематике гражданской войны на первый план выдвинулась не военно — политическая, а социально — политическая тема⁴⁸.

В 1990 — е годы одним из наиболее плодотворно развивающихся научных направлений стало изучение истории политических партий. По этой проблематике появились монографии⁴⁹, исследования — персоналии о видных политических деятелях⁵⁰, материалы научных конференций⁵¹, обобщающие работы⁵², справочные издания⁵³. В этой литературе уже нет партий — изгоев, для нее характерна политическая реабилитация прежних политических противников большевиков. Как писал Ю.А. Поляков, автор книги о различных оценках гражданской войны, «долгие годы наше сознание было фанатично однозначным, наш взгляд зашорен. Мы восхваляли революционное насилие, романтизировали гражданскую войну... Теперь мы яснее понимаем трагедию народа, охваченного социальной, политической и национальной рознью»⁵⁴.

Особо следует отметить расширение круга исторических источников благодаря выходу многочисленных документальных публикаций. Это и отдельные сборники⁵⁵ и тематические серии. Так, издательство РОССПЭН завершает многотомную серию публикаций «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие», включающую источники по истории кадетской партии⁵⁶, октябристов⁵⁷, правых партий⁵⁸, эсеров⁵⁹, меньшевиков⁶⁰, анархистов⁶¹ и др. Непредвзятое введение в научный оборот источников, принадлежащих разным политическим силам, что не было, к сожалению, присуще как советским, так и эмигрантским публикациям источников, позволяет приблизиться к пониманию драматических событий первых десятилетий XX века.

Международный фонд «Демократия» издает продолжающуюся серию «Россия. XX век. Документы». В публикациях этой серии вышли сборники на тему гражданской войны⁶² и репрессивной политики советской власти⁶³. Включенные в них материалы расширяют представление о различных сторонах, методах и диапазоне политического давления большевистской власти на отдельные социальные группы (крестьянство, казачество, интеллигенцию и др.), ведущего к разрушению гражданского общества,

и о формах сопротивления диктатуре (от инакомыслия до восстаний), раскрывают роль карательных органов советского государства в уничтожении идеологических и политических противников еще в начальный период его становления.

Выходят сборники документов и в ряде других серий — «Архив новейшей истории России»⁶⁴, «Крестьянская революция в России. 1902—1922 г. Документы и исследования»⁶⁵, «Документы советской истории»⁶⁶, «Социальная история России XX века»⁶⁷ и т.д. В отличие от партийного и государственного взгляда на положение и чаяния масс, новые источники дают историку возможность увидеть революционные будни глазами народа, услышать «голос народа».

Источниковая база исследований также весьма расширилась за счет издания и переиздания мемуаров под авторством как видных политических деятелей, так и других участников событий первой четверти XX века⁶⁸. Многие из них снабжены вступительными статьями и комментариями, что значительно повышает их источниковедческую ценность.

Несмотря на значительные достижения современной отечественной историографии в переосмыслении событий XX века, по — настоящему обновленной истории пути большевиков к власти, Октябрьского переворота и последующего установления большевистской диктатуры, написанных на основе как ранее не использовавшегося комплекса источников, так и критического анализа научной литературы, еще нет. Этот пробел и попытались восполнить авторы настоящей книги.

Благодаря достижениям современной отечественной историографии возникла возможность создать обобщающую работу по истории революционной деятельности большевиков с начала XX века до образования СССР. Думается, что такая работа нужна широкому читателю, так как его в XXI веке не может устроить ни прежняя большевистская, — даже косметически усовершенствованная, — версия революционного процесса в России, как передового рабочего движения, нацеленного на социализм ленинской партией, ни сведение революционного процесса к бланкистско — заговорщической деятельности фанатиков марксистской социалистической идеи.

Авторы, каждый специалист по проблематике, отраженной в написанных им главах, не стремились охватить все сюжеты рассматриваемого в их главах исторического периода и акцентировали внимание преимущественно на тех из них, которые важны для раскрытия темы. Например, если в главе, посвященной первой российской революции, дается панорамное видение всего социалистического партийного сегмента, то во второй главе почти ничего не говорится об эсерах, так как в условиях третьеиюньской монархии революционные партии переживали кризис и развивались без того взаимодействия, которого требовала обстановка 1905—1907 гг. Силы их лидеров в значительной степени были

сосредоточены на внутрипартийной борьбе. В третьей главе речь идет преимущественно о проблеме осмысления партийными лидерами, естественно в первую очередь Лениным, взаимосвязи революционных перспектив и мировой войны.

В четвертой и пятой главах подробно излагается фактическая канва революционных событий 1917 — первой половины 1918 гг. По характеру изложения с ними контрастирует шестая глава., посвященная гражданской войне. Ее автор видел свою задачу не в том, чтобы описывать запутанный (и не вписывающийся в замысел книги) ход фронтовых действий (на — ступления — отступления), а в том, чтобы дать картину состояния (конечно, в динамике) двух противоборствующих военно — политических лагерей, с их идеологическими установками и политической практикой. При этом в главе широко представлены различные точки зрения на причины гражданской войны, ее исход и последствия.

В заключающей книгу седьмой главе раскрываются с введением нового, в том числе архивного (недоступного ранее), материала такие мало — изученные сюжеты периода 1921—1922 гг., как сопротивление большевистской диктатуре со стороны крестьянства, промышленных рабочих, армии; отлаживание механизма репрессивной политики, направленной против остатков социалистических партий, церкви, интеллигенции, всех инакомыслящих. Изложение событий завершает сюжет об образовании СССР. Таким образом, как в разных главах, так порой и в отдельных их частях на первый план выступает реконструирование хронологического событийно — фактографического ряда то в более масштабном, то в узко — рамочном освещении борьбы большевиков за власть, то сквозь призму видения этой борьбы современниками и потомками.

Авторы понимают, что революционные события начала XX в., особенно Октябрьские 1917 г., еще долго будут находиться в фокусе идеологизированных дискуссий, как это до сих пор происходит с Великой Французской революцией конца XVIII века. Они отдают себе отчет и в имеющихся между ними расхождениях в частных оценках и в неизбежных недочетах своего коллективного труда, хотя надеются на то, что эта книга внесет свою лепту в историческое сознание читателей.

Примечания

¹ В качестве научной гипотезы В.П. Булдаков развивает схему «смерти — рождения» империи. См.: Октябрьская революция: от новых источников к новому переосмыслению. М. 1998.

² Милуков П. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб. 1907; Он же. Вторая Дума. Публицистическая хроника. СПб. 1907; Он же. История второй русской революции. Киев — София Лондон. 1919—1924 (переиздана в

России в 2001 г.); Он же. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж. 1927. Т. 12; и др.

³ См.: переиздания: *Струве П.Б.* Избранные сочинения. М. 1999; Он же *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М. 1997.

⁴ Особо следует отметить коллективные сборники либералов «веховцев» и «антивеховцев», вышедшие после первой российской революции (см.: Вехи. Интеллигенция в России. 1909—1910. М. 1991, переиздание), и послеоктябрьский либеральный сборник (см.: Из глубины. Сборник статей о русской революции, М. 1990, переиздание книги 1918 г.). «Веховцы» резко критиковали интеллигенцию за революционный максимализм и безответственные призывы к революции. В обоих сборниках 1909 и 1918 гг. интеллигенция осуждается за историческую безответственность и антигосударственность. Одна из основных положительных идей у них была та, что либерализм необходимо сочетать с дееспособным государством. Интерес к веховской идеологии не спадает до сих пор, о чем свидетельствует проведение Всероссийской конференции «Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры», посвященной 90-летию сборника «Вехи», см., напр: Интеллигенция в России и проблема выбора. Материалы «круглого стола». Екатеринбург. 1999.

⁵ Меншевистская концепция первой российской революции с наибольшей полнотой изложена в фундаментальном коллективном труде «Общественное движение в России в начале XX века» (СПб. 1909. Тт. 1, II, Ч. 12, III, IV, Ч. 12). См. также: *Мартов А.* История российской социал-демократии. // *Мартов А.* Избранное. М. 2000; *Мартов А.* Мировой большевизм. // Там же; Дан Ф. Происхождение большевизма. Нью-Йорк. 1946; Schwarz S. M. The Russian Revolution of 1905. Chicago—London. 1967; Меншевики. Сост. Фельштинский Ю.Г. Benzon, Vermont. 1988.

⁶ 50 лет советской исторической науки. 1917 — 1967. Хроника. М. 1971. С. 99, 101.

⁷ О троцкистской концепции революции см.: *Троцкий Л.* Уроки Октября. М. 1924; Он же. История русской революции. Берлин. 1933. Т. 111 (переиздана в России в 1997 г.); Он же. К истории русской революции. М. 1990. Критика взглядов Троцкого в СССР отличалась крайней тенденциозностью.

⁸ *Волобуев О.В., Муравьев В.А.* Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М. 1982. С. 121—174.

⁹ *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997. С. 294.

¹⁰ См.: *Троцкий Л.* История русской революции. М. 1997. Т. 1, т. 2. ч. 12.

¹¹ См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Тт. 1,2,3, кн. 17. М. 1991.

¹² О действительной роли Сталина в подготовке и осуществлении Октябрьского переворота см.: *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. М. 1989.

¹³ Подробнее см.: *Волобуев О., Кулешов С.* История по-сталински. // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М. 1989.

¹⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1945. С. 90.

¹⁵ См.: *Маслов Н.Н.* «Краткий курс истории ВКП (б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938—1988 // Советская историография. М. 1966.

¹⁶ История ВКП (б)... С. 197. В Партийный центр входили Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский, но дело в том, что Партийный центр не

руководил ВРК, а, наоборот, находился под его эгидой. Слассер о Сталине писал: «Удостоившись на заседании ЦК 16 октября стать членом Военно-революционного центра (Партийного центра — авт.), Сталин включился в стремительно разворачивающуюся деятельность Военно-революционного комитета. Однако ни в документальной, ни в мемуарной литературе о роли полноправного члена ВРК Сталина в те решающие дни не упоминается ни разу» (Слассер Р. Указ. соч. С. 265).

¹⁷ В том числе зам. председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский, видные члены К.А. Мехоношин, Ф.Ф. Раскольников, В.А. Антонов — Овсенко, В.И. Невский, Н.И. Подвойский, И.Т. Смилга, С.И. Гусев, А.И. Рыков и др. «Забыты» были и многие «красные» герои гражданской войны, как, например, Б.М. Думенко и М.Я. Германович, а также многие генералы и другие высшие офицеры, воевавшие на стороне Красной армии.

¹⁸ Выходят серийные многотомные издания документальных материалов: Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Т. 1 — 16, кн. 1 — 18. М. — Л. 1955—1965; Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Т. 110. М. 1957—1967. В последнем издании документы подобраны особенно тенденциозно.

¹⁹ К таким книгам можно отнести: *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М. 1964; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М. 1967; Он же. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М. 1971; *Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония.* М. 1970; *Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности.* Свердловск. 1972.

²⁰ О письмах в отдел науки ЦК КПСС см: Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М. 2000. С. 26.

²¹ Подробнее о «новом направлении» см: *Поликарпов В.В.* «Новое направление 50—70 — х годов: последняя дискуссия советских историков. // Советская историография. М. 1996; *Марквик Р. П.В.* Волобуев и историки «нового направления. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М. 2000.

²² См.: Рекомендации совещания историков в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 21—22 марта 1973 г. М. 1974. С. 23.

²³ См., напр: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: к изучению социально — экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1988. Работа Бовыкина вышла в период перестройки и как бы подводила итог борьбы с «новым направлением» и знаменовала начало агонии догматической (фактически несколько обновленной сталинской) советской историографии.

²⁴ См., напр.: *Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. М. 1990.

²⁵ Большую роль в этом сыграли К.В. Гусев (автор книги об эсерах), Л.М. Спирин (автор книг о помещичьих и буржуазных партиях в период гражданской войны) и В.В. Комин (автор работ о российских партиях в эмиграции), выступившие организаторами ряда симпозиумов по истории непролетарских партий, проводимых главным образом при Калининском (ныне Тверском) университете.

²⁶ Октябрьская революция: Вопросы и ответы. М. 1987. С. 22, 49, 55, 349, 365, 248.

²⁷ См., напр.: *Миц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. М. 1967—1973 (2-е изд. — М. 1977); Он же. Год 1918 — й. М. 1982; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л. 1980, и др.

²⁸ См., напр.: Исторический опыт трех российских революций. В 3 т. М. 1985.

²⁹ См.: *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России. М. 1976; Он же. Начальный этап гражданской войны: история изучения. М. 1980.

³⁰ См. напр.: *Городецкий Е.Н., Покровский А.С.* Проблемы Великого Октября // Историки спорят. М. 1988; *Литвин А.А., Поликарпов В.Д., Спиринов Л.М.* Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Там же; *Кораблев Ю.И.* Гражданская война 1918—1920 гг.: новые подходы.

³¹ *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петро — граде. М. 1989.

³² *Laue T. von.* Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution 1900—1930. Philadelphia. New York. 1964.

³³ *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 1917—1922 гг. М. 1997. С. 2021.

³⁴ *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М. 1996. С. 179.

³⁵ Там же. С. 197 и др.

³⁶ Исторические исследования в России. С. 196197.

³⁷ Революция и человек. Социально — психологический аспект. М. 1996; Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1997; Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1998; Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX — начало XX века. Тамбов. 2001.

³⁸ *Земцов Б.Н.* Социальные и психологические процессы России начала XX века. М. 1998; Он же. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М. 1999; *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М. 2001.

³⁹ *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М. 1996; Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). Материалы международной конференции. М. 1996.

⁴⁰ *Канищев В.В.* Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Тамбов. 1995.

⁴¹ *Протасов А.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М. 1997.

⁴² *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология 1917 — 1922 гг. М. 1997. С. 136 — 140.

⁴³ Об этом см., напр.: Гражданская война в России: круглый стол // Отечественная история, 3, 1993; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России; Гражданская война в России: Перекресток мнений. М. 1994; Российская провинция в годы революций и гражданской войны 1917—1922 гг. Материалы Всероссийской научно — практической конференции... Нижний Новгород. 1998.

⁴⁴ Об эмигрантской историографии см.: *Ушаков А.И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М. 1993.

⁴⁵ См. напр.: Белое движение на Юге России (1917 — 1920): Неизвестные страницы

и новые оценки. М. 1995; *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь. 1997; *Бортневский В.Г.* Белое дело: Люди и события. СПб. 1993; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М. 1993; *Зими́на В.Д.* Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград. 1995; *Мегвегов В.Г.* Белое движение. Масштабы и причины возникновения. Ульяновск. 1994; *Тынченко Я.* Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 — березень 1918). Київ — Львів. 1996; *Решетова Н.А.* Интеллигенция Дона и революция. (1917 первая половина 1920-х гг.). М. 1998; *Устинкин С.В.* Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород. 1995; *Федюк В.П.* Украина в 1918 году. Гетман Скоропадский. Ярославль. 1993, и др..

⁴⁵ См.: *Осипова Т.В.* Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М. 1996; Она же. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М. 2001.

⁴⁶ *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест. Или предыстория большевистского НЭПа. М. 1996.

⁴⁷ См., напр.: *Бровкин В.* Гражданская война как социально-политический феномен. // Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. М. 1996.

⁴⁸ *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; *Нарский И.В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. Екатеринбург. 1994; Он же. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск. 1995. Ч. 12; *Юрьев А.И.* Социалисты — революционеры Центрального промышленного района России (февраль 1917 июль 1918 гг.). М. 1993; *Еремин А.И.* Общественно-политическая жизнь российской провинции: Центрально-промышленный район (конец XIX начало XX веков). Ч. 1. Организация социалистов — революционеров в общественно-политической жизни провинции. Орел. 1995; *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М. 1996; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М. 1996; *Леонов М.И.* Партия социалистов — революционеров в 1905—1907 гг. М. 1997; *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов — революционеров в 1901—1911 гг. М. 1998; *Морозов К.Н.* Партия социалистов — революционеров в 1907—1914 гг. М. 1998; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1. Источниковедение. М. 2000; *Кураев А.Н.* Партии и массовые организации в первой русской революции. М. 2000; *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917 гг.; Политические партии России: 1907—1917 гг. (количественный анализ). М. 2001; *Тютюкин С.В.* Меньшевики. М. 2002, и др. Из изданий, рассчитанных на массового читателя, следует отметить два выпуска «Политической истории России в партиях и лицах» (М. 1993; М. 1994). Из переводных монографий заметным явлением был выход монографий *А. Рабиновича* «Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде» (М. 1989) и *З. Галили* «Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия» (М. 1993).

⁵⁰ *Волконогов Д.* Ленин. Политический портрет. М. 1994; Кн. 12; Он же. Троц — кий. Политический портрет. М. 1992; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М. 1996; *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М. 1997; *Урилов И.Х.* Мартов: политик и историк. М. 1997; *Казарова Н.А.* Ю.О. Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов н/Д. 1998; *Гусев К.В.* В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М. 1999; *Федоренко А.А.* Политическая концепция В.М.

Чернова. М. 1999; П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М. 2000; *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М. 2001.

⁵¹ См. напр.: История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М. 1997; Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал — демократии. К столетию РСДРП. Материалы российско — германского симпозиума. М. 1998; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М. 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы научно — практической конференции. М. 2001.

⁵² История политических партий России. М. 1994; Политические партии России: история и современность. М. 2000. Политические партии России в контексте ее истории. Ростов н/Д. 1998.

⁵³ Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М. 1993; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996.

⁵⁴ *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. М. 1999. С. 169.

⁵⁵ См., напр.: Программы политических партий России. Конец XIX—XX вв. М. 1995; Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). М. 1996; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ. Т. 1. Документы и материалы. М. 1998; Меньшевики в Советской России. Сборник документов. Казань. 1998; ОТ ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. Тверь. 1998. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. М. 1999.

⁵⁶ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно — демократической партии 1905середина 1930 гг. В 6 томах. Т. 1. М. 1994 — Т. 6. Кн. 12. М. 1999; Съезды и конференции конституционно — демократической партии. 1905—1920. В 3 томах. Т. 1. М. 1997 — Т. 3. Кн. 12. М. 2000.

⁵⁷ Партия «Союз 17 октября». М., 2000.

⁵⁸ Правые партии. Документы и материалы. 19051917 гг. В 2 томах. Т.12. М. 1998.

⁵⁹ Партия социалистов — революционеров. Документы и материалы. 1900—1922 гг. В 3 томах. Т. 1. М. 1996 Т. 3. Ч. 12. М. 2000; Партия левых социалистов — революционеров. Документы и материалы. 1917 — 1925 гг. Т. 1. М. 2000.

⁶⁰ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М. 1996; Меньшевики в 1917 году. В 3 томах. Т. 1. М. 1994 — Т. 3. Ч. 12. М. 1996 1997; Меньшевики в большевистской России. 1918 — 1924: Меньшевики в 1918 году. М. 1999; Меньшевики в 1919—1920 гг. М. 2000.

⁶¹ Анархисты. Документы и материалы. 19171935 гг. В 2 томах. Т. 12. М. 1999.

⁶² Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. Документы. М. 1997; Кронштадт. 1921. М. 1997; ГУЛАГ (Главное управление лагерей): 1917—1960. М. 2000.

⁶³ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД по культурной политике. 1917 — 1953. М. 1999.

⁶⁴ Скорбный путь Романовых (1917 — 1918 гг.). Гибель царской семьи. М. 2001.

⁶⁵ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы». Тамбов. 1994; Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. Новосибирск. 1997.

⁶⁶ Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М. 1996; Письма во власть. 1917—1927. М. 1988.

⁶⁷ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М. 1998.

⁶⁸ См., напр.: *Баранская Н.* Странствие бездомных. Жизнеописание. М. 1999; *Богданова Н.Б.* Мой отец — меньшевик. СПб. 1994; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М. 1991; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М. 1991; *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М. 1992; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 12. М. 1990; *Родзянко М.В.* Крушение империи. М. 1990; *Соломон Г.* Среди красных вождей. М. 1995; *Троцкий Л.* Моя жизнь. М. 1990. Кн. 12; *Тыркова—Вильямс А.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М. 1998.

Глава I.

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

О.В. Волобуев

Русский марксизм и неонародничество: становление социалистических партий

К середине XIX века Россия подошла как одна из наиболее отставших в модернизации стран Европы. В ней сохранялись крепостное право, самодержавная власть, сословное деление и другие институты и отношения, свойственные докапиталистическому обществу. Внешний толчок Крымская война и восшествие на престол императора Александра II придали новому правительственному курсу реформаторскую направленность. Отмена крепостного состояния в 1861 г. и последовавшие затем реформы: упразднение телесных наказаний (1863), положение о помещельном устройстве удельных крестьян (1863), введение университетской автономии (1863), учреждение земств (1864), новый устав начальных школ и гимназий (1864), перестройка судебной системы (1864), ограничение цензуры (1865), демократизация городского самоуправления (1870), введение всеобщей воинской повинности (1874) изменили Россию. В результате серии реформ, страна за короткое время (два десятилетия!) идя эволюционным путем, резко уменьшила свой разрыв с Западной Европой в общественном развитии. Оставалось сделать еще один решающий шаг в направлении к введению высшего представительного учреждения. И в начале 1881 г. император одобряет представленный М.Т. Лорис — Меликовым проект привлечения земских и думских представителей к рассмотрению законопроектов, иными словами, проект создания законосовещательного органа государственной власти.

Одновременно власть сталкивается с нарастанием революционных настроений среди той части интеллигенции, которую не устраивает ограниченность реформ. Уже в конце 1861 г. образуется тайное общество «Земля и воля», в его названии отражены два важнейших требования: закрепление за крестьянами всей находившейся ранее в их пользовании земли и наделение широкими правами общегосударственного народного представительства. Землевольты разворачивают нелегальную агитаци —

онно — пропагандистскую деятельность, обращаясь к крестьянам, войску и «образованным классам» с призывом бороться против самодержавия. В 1864 г. общество «Земля и воля» самоликвидировалось в результате арестов некоторых его участников и изменения настроений в обществе в сторону поддержки продолжающихся реформ. Но периодически возникающие революционные кружки, потерявшие надежду на народные выступления, переходят к тактике индивидуального террора. В кружках было немало приверженцев террористической борьбы с самодержавием, организаторов покушений на императора и высших должностных лиц.

Нравственное вырождение терроризма продемонстрировала «нечаевщина». С.Г. Нечаев, бывший учитель закона божия в приходской школе и вольнослушатель Петербургского университета, в 1869 г. попытался создать из студентов Петровской сельскохозяйственной академии подпольную заговорщическую организацию под многозначительным названием «Народная расправа». Она строилась на основе написанного им «Катехизиса революционера», который исходил из принципа диктаторского централизма и предписывал членам тайного общества правила революционного поведения. Согласно им следует порвать во имя революционного дела всякую связь с семьей, родственниками, друзьями и любимыми, игнорировать государственные законы и моральные нормы, не гнушаться никакими средствами — шантажом, ложью, убийством и т.д. — в борьбе с «поганим обществом». Члены тайной организации должны были беспрекословно подчиняться руководителю, не задавая тому никаких вопросов. Свои антигуманистические принципы Нечаев подтверждал убийством разочаровавшегося в тайном обществе студента И.И. Иванова, т.е. обыкновенным уголовным преступлением, а сам после этого скрылся за границей.

Революционная идеология 60 — 70-х годов своими корнями уходит к А.И. Герцену, основоположнику «русского крестьянского социализма». Для Герцена русский мужик был человеком будущего, ибо в России, в отличие от капиталистической Европы, социализм, по его мнению, может быть построен только на основе общинного землевладения и самоуправления. Последователи этой идеи вошли в историю под названием народников. В 1874 — 1875 гг. они предприняли попытку реализовать план широкой пропаганды социалистической идеи в крестьянской среде, так называемое «хождение в народ». Целью пропагандистов — народников, своеобразных миссионеров революционных надежд, стало пробуждение в крестьянстве социалистического сознания и духа сопротивления существующему общественному и политическому строю, подготовка крестьян к будущему восстанию. Однако утопические идеалы и самопожертвование народников не находили отклика в крестьянской «философии жизни. Нередко крестьяне «сдавали» бунтовщиков власти.

Провал кампании «хождения в народ» привел к созданию в 1876 г. новой народнической организации — второй «Земли и воли. Со временем в ней сформировалось два течения — пропагандистское и террористическое. Вследствие этого «Земля и воля» в 1879 г. разделилась на две организации — «Черный передел» и «Народная воля». Последняя продолжила террористическую традицию русских революционеров, и 1 марта 1881 г. народовольческая бомба прервала жизнь царя — реформатора. Его гибель означала конец периода реформ и срыв созыва общегосударственного законосовещательного органа власти. Однако созданные в результате реформ благоприятные условия для развития внутреннего рынка и капиталистических отношений привели к быстрому продвижению России по пути индустриализации и «промышленного переворота».

За последнее десятилетие XIX в. Россия удвоила промышленное производство, вышла на второе место в мире по протяженности железных дорог, выпуску паровозов и вагонов, и на четвертое по выплавке чугуна и стали, по продукции машиностроения. Доля России в мировом промышленном производстве достигла 5% (для сравнения: США — 30%, Англия — 19,5%, Германия — 16,6%), и страна по этому показателю приблизилась к Франции (7%), обосновавшись на пятом месте среди ведущих держав того времени¹.

Если передовые страны Западной Европы и США на рубеже XIX — XX вв. представляли собой уже индустриальные общества, то Россия значительно отставала от них. Соотношение между городским и сельским населением в России составляло в 1908 — 1914 гг. 15% к 85%, тогда как в Англии — 78% к 22%, а в Германии — 56% к 44%². Россия продолжала оставаться по преимуществу крестьянской страной. Даже в конце XIX в. почти половина купцов и мещан проживала в сельской местности, а крестьяне составляли от 32% до 45% населения городов³. Уровень жизни в России был гораздо ниже, чем в Западной Европе. Вступив позже на путь капиталистического развития, страна была отягощена пережитками прошлого, особенно в аграрных отношениях и политическом устройстве.

На рубеже XIX — XX вв. в развитии России произошло как бы совмещение разных исторических фаз. Во — первых, в ней не были доведены до конца преобразования, начатые реформами 60 — 70 гг. XIX в. Сохранились самодержавие, сословное деление общества, помещичье полуфеодалное и крестьянское общинное землевладение.

Во — вторых, в России не были завершены модернизационные процессы в экономике, а само развитие капитализма совершалось в условиях, когда не все его предпосылки сформировались. Особенно это относится к политическим, правовым и социокультурным предпосылкам.

В — третьих, жизнь больших масс населения не только на Кавказе и в Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке, но и во многих губер —

ниях Европейской России (захолустье, пошехонщина, по выражению М.Е. Салтыкова — Щедрина) была связана с натурально — патриархальным и мелкотоварным экономическими укладами.

Все это обусловило переплетение в России старого и нового: доиндустриальных, раннекапиталистических и вызревших капиталистических отношений, а, следовательно, и обострение социальных противоречий (между городом и деревней, предпринимателями и рабочими, помещиками и крестьянами, самодержавием и большей частью общества). К социальным противоречиям прибавлялись и национальные, поскольку Россия была страной, где проживало много народов, отличавшихся друг от друга по религии, культуре, хозяйственному укладу и образу жизни, уровню общественного развития. Причем в течение всего XIX в. доля собственно русских в составе населения империи снижалась и в начале XX в. составила несколько более 44%⁴.

Казалось, высокие темпы промышленного развития в конце XIX в. (89% ежегодного прироста продукции) обеспечивают России благоприятную историческую перспективу на XX в. Но в условиях сохранения самодержавных порядков, помещичьего землевладения и крестьянской общины происходило нарастание социальных конфликтов. Быстрый рост населения в крестьянской России был причиной аграрного перенаселения, уменьшения величины земельных наделов в общине, появления маргинальных групп в городах. Сословное деление общества входило в противоречие со складывающейся новой социальной структурой. Самодержавная власть запаздывала с назревшими реформами, а оппозиционные силы в стране оказывали все большее влияние на общественную жизнь.

Чем больше были успехи страны в промышленном производстве, расширении образования, утверждении правовых начал, тем сильнее ощущались замедленные темпы формирования гражданского общества и гражданского сознания. Российская самодержавная власть опиралась на чиновничью бюрократию, полицейский аппарат, устаревшее законодательство, мало считаясь с общественным мнением, не учитывая происходящих в стране экономических и социальных сдвигов.

Недовольство самодержавным режимом, полицейским контролем, бюрократическим засильем, обида за отсталость страны, бедность, темную крестьянскую жизнь побуждали молодежь искать выход своим негативным эмоциям и размышлениям над несовершенством российского общественного устройства в революционных исканиях. Мода на революционеров все больше захватывала учащуюся молодежь — гимназистов, реалистов, семинаристов, студентов. Многие из них приобщались к революционной деятельности в раннем возрасте. Ю.М. Мартов уже в 18 лет создавал Петербургскую социал — демократическую группу «Освобождение труда», В.М. Чернов еще будучи гимназистом 8 — го класса

первый раз подвергся аресту на квартире саратовского народовольца, Н.И. Бухарин во время гимназических выпускных экзаменов вместе с будущим писателем И.Г. Эренбургом, который был на три года его моложе, организовывал стачку на обойной фабрике. И этот перечень можно было бы продолжать. Показательно, что Л.Д. Троцкий, который в 18 лет вел революционную просветительскую пропаганду среди рабочих верфей в г. Николаеве, признавался, что в сущности «ни одной революционной книги тогда не читал» и даже с «Манифестом Коммунистической партии» познакомился впервые, читая и разъясняя его на подпольных кружковых занятиях⁵. Бациллы революции насыщали атмосферу общественной жизни империи Романовых. Известная деятельница кадетской партии А.В. Тыркова свидетельствует, что «патетическое чтение революционных стихов» было верным средством привлечь девичье внимание даже в либеральных дворянских семьях, ибо в передовом просвещенном обществе господствовало «романтическое отношение к революции»⁶. Обыски, аресты, ссылки, «близкое знакомство» с полицейскими, жан-дармами, тюремщиками еще больше укрепляли уверенность молодых людей в правильности их революционного выбора.

Писательница Н.В. Баранская так восстанавливает по воспоминаниям своей матери Л.Н. Радченко ее приобщение к революции: «Первый арест, первое «дело», первая тюрьма определили дальнейшую жизнь моей матери. Окончательно решилось, кто враги, кто — друзья. Враги — полиция, жандармерия, самодержавие; друзья — те, кто хочет изменить государственный строй, дать всем равные права, покончить с несправедливостью. В друзьях были защитники народа — народовольцы и социал-демократы»⁷. Каждый примкнувший к революционному движению тягивал в него в свою очередь новую поросль.

В идеологическом отношении оппозиционное движение было представлено либералами и социалистами. Социалисты, в свою очередь, делились по своим воззрениям на народников и марксистов. Марксизм проник с Запада в Россию и нашел своих сторонников среди тех революционеров, которые видели в нем социалистическую идеологию, соответствующую, в отличие от народничества, капиталистическому, буржуазному направлению развития страны.

На рубеже двух веков в России интенсивно шло формирование партий революционно — социалистической ориентации. Этому способствовали форсированное развитие капитализма «сверху», урбанизация, рост численности рабочего класса, расслоение деревни. Шло усвоение определенными кругами радикальной, в том числе и части народнической, интеллигенции идей марксизма. Созданная в 1883 г. находившимися в эмиграции Г.В. Плехановым (1856 — 1918), П.Б. Аксельродом (1850 — 1928) и еще несколькими бывшими народниками партийно — литературная группа «Освобождение труда» положила начало широкому распрост —

ранению марксизма и зарождению социал — демократического движения в России.

Одновременно в конце XIX в. идет формирование этнонациональных социал — демократических организаций. Так, зарождение польской социал — демократии (группа «Пролетариат») и армянской партии социал — демократической ориентации Гнчак относится еще к 80 — м гг. XIX в. В 1893 г. на основе слияния партии польских социалистов (ППС — «Пролетариат») и Союза польских рабочих образуется Социал — демократия Королевства Польского (позже с ней сливаются социал — демократы Литвы). В 1897 г. возникает Всеобщий еврейский рабочий союз — Бунд. На исходе XIX в. оформляются на национальной основе группы социал — демократов в Латвии и на Украине. В 1898 г. в Минске состоялся I съезд Российской социал — демократической рабочей партии (РСДРП), в его работе участвовали представители четырех «союзов борьбы за освобождение рабочего класса» — петербургского (С. И. Радченко), московского (А.А. Ванновский), киевского (П.Л. Тучапский), екатеринославского (К.А. Петрусевич), а также группы «Рабочей газеты» (издавалась в Киеве) и «Бунда». Вскоре большинство организаторов съезда были арестованы. В дальнейшем первосоздатели РСДРП не играли в ее деятельности заметной роли. Таким образом, на рубеже двух веков социал — демократическое движение в стране представляли как общероссийская РСДРП, так и ряд национальных партий.

Вопреки мнению, господствующему в советской исторической литературе, причины распространения марксизма не сводимы к кризису на родничества (хотя он, несомненно, наблюдался в конце XIX в., но на родники на рубеже двух веков его преодолели, образовав партию социалистов — революционеров). Марксизм в России правомерно рассматривать в контексте русского западничества. Модернизационные процессы (развитие капиталистических отношений и начало становления элементов гражданского общества в России, политика С.Ю. Витте в 1890 — е гг. и т.п.), связанные с научно — техническим, экономическим и социокультурным прогрессом, утверждением парламентского строя и расширением демократических свобод в Западной Европе, делали приоритетной в общественном сознании западноевропейскую модель исторического развития. Но в условиях традиционного доминирования социалистической идеи в умах радикальной оппозиции борьба за «европеизацию» России была воспринята ею главным образом как марксистское учение. В немалой степени этому способствовали успехи международного социал — демократического движения, в котором русские радикалы видели доказательство правоты марксизма. Социал — демократизм привлекал не только надеждой на победу идеала социальной справедливости в будущем, но и его реальными достижениями в борьбе с социальным эгоизмом буржуазного общества за гражданское равенство в

Западной Европе (трудовое законодательство, профсоюзы, социальные и политические права для широких трудящихся масс). Социал — демократическое движение стало существенным фактором дальнейшей демократизации западноевропейского общества, и это не могло пройти мимо внимания нового поколения российской радикальной интеллигенции.

На рубеже XIX — XX вв. был преодолен кризис народнического движения, воспринявшего, с одной стороны, новые идеи, шедшие с Запада, а с другой, возродившего революционно — террористические народо — вольческие традиции. Молодое поколение народников, жаждавшее революционных действий, а не «мелких» дел, чувствовавшее наступление новых времен, сменило и свое название. Термин «народовольцы» ушел в прошлое. Вместо него широкое распространение получил новый: «социалисты — революционеры», или, в сокращении, — эсеры. Началось объединение народнических групп и кружков. В 1896 г. в Саратове образовался Союз социалистов — революционеров. Его руководство, переехавшее вскоре в Москву, предприняло попытку установить организационные связи с народническими кружками в других городах Центральной России и с эмигрантскими кружками за рубежом. В 1900 г. в Париже была создана «Аграрно — социалистическая лига», а в Харькове состоялся съезд народнических групп Юга России, провозгласивший объединение партии социалистов — революционеров. Однако произошло лишь региональное объединение организаций. Оно получило известность как Южная группа, в отличие от Северной, действовавшей в Центральной России.

Народнические идеи находили благодатную почву и в национальных регионах. Образование там партий народнической ориентации (Дашнакцутюн в Армении и Польской социалистической партии) опередило складывание таковой в общероссийском масштабе. Несколько позже, уже в начале XX в., национальные движения эсеровского направления оформляются в Грузии, на Украине и в Белоруссии.

После своего первого съезда, состоявшегося в Минске в 1898 г., российская социал — демократия переживала полосу глубокого кризиса. Декларированная на нем партия не состоялась как единая общероссийская организация. Социал — демократическое движение представляло собой пеструю мозаику подпольных групп местного значения. Внутри социал — демократии продолжали существовать несколько течений, имевших свое видение путей преобразования России, свои подходы к созданию рабочей партии. Но главная борьба проходила по линии — революционизм или реформизм.

Непрекращающаяся идейная полемика между народниками и марксистами сопровождалась переходом от так называемой кружковщины к формированию революционных партий, поиском новых форм деятель —

ности и связи с «массами», определением теоретических основ, стратегических задач и тактической линии.

В конце 90-х годов XIX в. социал-демократическое движение встало перед альтернативой: либо сосредоточить все свои усилия на улучшении экономического положения рабочих, либо готовиться к революционному свержению самодержавия. Это и определяло отношение к организационным принципам построения партии. Сторонники первой точки зрения, так называемые «экономисты», считали необходимым создавать партию не на основе нелегальных революционных кружков интеллигенции, а на широкой массовой основе рабочих организаций, иными словами, тред-юнионистского рабочего движения.

В 1899 г. концепция «экономизма» была изложена в документе, получившем название «Credo» («Верую»). Его автором была член заграничного «Союза русских социал-демократов» Е.Д. Кускова. «Союз» занимал особую позицию, отличную как от плехановской группы «Освобождение труда», так и от петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», образованного в 1895 г. и ликвидированного в результате арестов. В «Credo» было заявлено, что российский пролетариат еще «не созрел» для участия в самостоятельной политической борьбе и что поэтому «для русского марксиста исход один: участие, т.е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»⁸. Подобная позиция была совершенно неприемлема для революционного крыла российской социал-демократии. С критикой «Credo» выступили 17 авторитетных участников социал-демократического движения, находившихся в то время в ссылке (этот «Протест российских социал-демократов» был написан В.И. Лениным в августе 1899 г.). Для них программа «Credo» была равносильна «политическому самоубийству». Главную задачу рабочего движения они видели в создании такой социал-демократической партии, которая была бы нацелена на «захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества»⁹. «Захват» (!) власти уже с рубежа двух веков стал приоритетным в революционных мечтаниях, намерениях и действиях Ленина.

Основная причина невостребованности тред-юнионизма — тогдашняя российская действительность с ее отсутствием гражданских свобод, профсоюзов и иных объединений рабочих, неразвитостью фабричного законодательства, низким уровнем общественного сознания неграмотного и малограмотного трудового люда. Российская почва не была еще подготовлена для прорастания семян мощного тред-юнионистского движения. Другой немаловажной причиной был революционный радикализм той части интеллигенции, которая не собиралась ждать, пока реформистские капли подточат камень самодержавной и сословной России.

Почти одновременно (декабрь 1900 — январь 1901) выходят в свет партийные газеты — орган социал-демократов «Искра» и социал-

революционеров «Революционная Россия». Обе газеты выступали в роли коллективных пропагандистов, агитаторов и организаторов. Обе они, издаваясь за границей, имели сеть распространителей — агентов, связанных с местными революционными организациями в России. В январе 1902 г. в «Революционной России» было опубликовано извещение о создании партии социалистов — революционеров (на основе объединения «Аграрно — социалистической лиги, «Союза социалистов — революционеров» и других революционных объединений народнического направления). Однако организационное становление ПСР продолжалось вплоть до конца 1905 г., когда состоялся ее первый съезд.

Решающей вехой в становлении РСДРП стал прошедший летом 1903 г. второй съезд. Ему предшествовали два с половиной года публицистической, программной и организационной деятельности «искровцев», в первую очередь основателей «Искры» В.И. Ленина (Ульянова), Л. Мартова (Ю.О.Цедербаума), А.Н. Потресова.

Принадлежащие к одному поколению социал — демократов сын генерала — майора А.Н. Потресов (1869 — 1934), сын директора народных училищ В.И. Ульянов (1870 — 1924) и сын купца Ю.О. Цедербаум (1873 — 1923) — все трое входили в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и за участие в его деятельности были арестованы, судимы и отбыли ссылку. Вернувшись из ссылки, они поставили своей задачей создание жестко централизованной, внутренне дисциплинированной социал — демократической партии.

В отличие от Ленина, политического деятеля авторитарного типа, Мартов и Потресов, столь же неистовые в отстаивании своих взглядов, были демократами не только как политики, но и по своему личностному складу и нравственным в традиционном (а не в «классово — пролетарском, по Ленину) смысле. Чего Мартову как лидеру не доставало, так это не оставляющей ни перед чем энергии и воли, а также политической неразборчивости в средствах борьбы, что на протяжении всей своей жизни демонстрировал Ленин.

Феномен Ленина, представленного в советской «лениниане» не только гениальным мыслителем и непревзойденным практиком революционного дела, но и гуманистом, нельзя объяснить вне истории российского радикализма и терроризма второй половины XIX в. Будучи убежденным марксистом, он в то же время впитал в себя также революционный мессианизм (которого достаточно и в марксизме), нетерпимость, склонность к заговорщическому решению политических вопросов, поведенческую конспиративность и другие черты, свойственные его предшественникам — членам подпольных организаций. В молодости Ленин испытал влияние П. Н. Ткачева, яркого противника мирного прогресса, считавшего, что необходимое условие успешной революции — захват власти путем насильственного переворота и превращение консервативного

государства в революционное. Народ, по мнению Ткачева, не может и не должен играть первенствующей роли в построении нового мира, эта роль принадлежит исключительно конспиративно организованному революционному меньшинству, которое вынуждено будет прибегнуть к массовому террору. За радикализм, организаторские способности и конспиративный талант чтит Ленин и Нечаева. Ненависть к империи, политическому режиму и Дому Романовых обострялась и личным мотивом — казнью старшего брата Александра Ульянова, участника подпольной группы, готовившей покушение на Александра III, которое предполагалось приурочить к 1 марта 1887 г.

В дальнейшем судьбы трех соратников — искровцев разошлись: каждый из них пошел в социал — демократическом движении своим путем. Ленин стал вождем экстремистского крыла РСДРП — большевиков, Мартов — духовным лидером левого меньшевизма, Потресов — представителем тред — юнионистской, ликвидаторской тенденции (правый меньшевизм). Если Мартов, борясь с большевизмом, до конца жизни сохранил верность марксистской ортодоксии (в европеизированном по тому времени варианте), то Потресов, непримиримый противник большевистского Октября, вступил в спор и с официальным меньшевизмом, который, по его мнению, так и не распростился полностью с иллюзиями ортодоксии.

В редакцию газеты «Искра» входили: Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод, Потресов и В.И. Засулич. Наиболее авторитетной фигурой в социал — демократическом движении тогда был Плеханов. С самого начала «искровцы» выступили в роли борцов за ортодоксию и централизованную партию, нетерпимых к любому проявлению того, что они считали и именовали оппортунизмом.

Постепенно многие местные социал — демократические организации присоединялись к программе, организационному плану и тактике «Искры». Редакция газеты «Искра» и сеть ее «агентов» в России образовали достаточно разветвленную и функционально эффективную структуру, позволившую начать претворять в жизнь план построения социал — демократической партии «сверху вниз». Суть этого плана заключалась в том, чтобы предоставить Центральному Комитету широкие полномочия по организации местных органов партии и право контроля за их деятельностью.

Именно эта идея лейтмотивом прошла через ленинскую работу «Что делать?» (1902 г.), на первых порах благосклонно принятую «искровцами», а со временем вызвавшую острую полемику в среде социал — демократии. В ней довольно жестко были сформулированы положения о создании, структуре, функциях нелегальной партии профессиональных революционеров. Вопреки заявлениям «экономистов», что социалистическое сознание может быть выработано со временем самим рабочим

движением, Ленин утверждал, что оно должно быть внесено в него извне профессиональными революционерами. Такая постановка вопроса должна была на практике привести к признанию и узаконению монопольного права партийных идеологов на истину в последней инстанции. Соответственно роль рабочих — партийцев могла быть в дальнейшем сведена лишь к исполнительской. Именно в годы «Искры», по словам одного из ее отцов — основателей, Потресова, «Ленин дал теоретическое обоснование для той концепции революционного движения и революции, согласно которой массы лишь выполняют послушную роль в руках группы революционеров, сознательного меньшинства, обладателя истины»¹⁰. Как писал впоследствии один из лидеров меньшевизма Ф.И. Дан, идеи «Что делать?» оказались динамитом, через какой — то год взорвавшим единство партии¹¹.

Острые разногласия между Лениным и Плехановым возникли насчет проекта программы РСДРП, в том числе по ряду формулировок. Плеханова не устраивала в проекте Ленина явно выраженная тенденция представлять российский капитализм как уже сложившуюся общественно-экономическую формацию, а пролетариат — как единственный революционный класс, призванный вести за собой все другие социальные слои и группы могущие принять участие в борьбе с самодержавием. В письме к Аксельроду от 12 марта 1902 г. Плеханов признавался, что Ленин бесит его «своими куцыми взглядами». Ленин, предложивший свой проект программы, вел себя напористо. Он считал, что капитализм в России уже преобладает, мелкое хозяйство вытесняется крупным, настаивал на введении в программу положения о диктатуре пролетариата. После длительных дискуссий коллективный проект программы партии был одобрен и опубликован редакцией газеты «Искра».

В июле — августе 1903 г. в Брюсселе — Лондоне состоялся II съезд РСДРП. В его работе участвовали 43 делегата от 26 социал — демократических организаций. На съезде были представлены различные течения в российской социал — демократии: твердые искровцы (24 голоса), «мягкие» (т.е. непоследовательные) искровцы (9), «экономисты» (3), бундовцы (5), колеблющиеся, или «болото», имели 10 голосов.

Уже в самом начале выяснилось, что созданный для созыва съезда Организационный комитет (ОК) проводил селективную политику в вопросе приглашения или неприглашения на съезд представителей той или иной социал — демократической организации. О действиях ленинцев в этом направлении можно узнать из писем делегата съезда М.С. Макадзюбы (Панина) к Аксельроду. В них приводится ряд эпизодов, связанных с деятельностью и высказываниями Ленина и членов ОК в период подготовки и проведения съезда. Макадзюба пишет, что Крымскому социал — демократическому союзу мандат был присужден «третейским судом (а по существу членом ОК Игнатом [П.А. Красиковым]) лишь после того,

как выяснилось, что именно он, Макадзюба, делегируется на съезд, что делегаты проходили «через руки Н.И.» (Натали Ивановны — члена ОК Е.М. Александровой — Штейн), и таким образом подбор делегатов осуществлялся под контролем искровцев. Дальнейшая «обработка» делегатов шла уже на съезде. В частности, Макадзюба упоминает о пятичасовой агитационной беседе Ленина с ним в день приезда в Лондон¹².

Проявляющих самостоятельность, занимающих независимую позицию социал — демократов стремились не допустить к участию в съезде. Не был, например, внесен в список местных организаций, имеющих на это право, Воронежский комитет РСДРП, так как им было выпущено заявление, где Организационный комитет обвинялся в том, что его состав подобран крайне тенденциозно, «по кумовству», в основном из представителей редакции «Искры». Последней вменялось в вину, что, присвоив себе право быть «непогрешимой, как непогрешим римский папа», она взяла «в искоренении ересей» роль «опричника социал — демократии». «Благородная горячность в искоренении ересей заставила «Искру» прибегнуть к излюбленному средству всех охранителей — к плетке. Правда, плетка «Искры» не ременная, а моральная, и вместо проволочных наконечников на ней привешены страшные слова: экономизм, эклектизм, оппортунизм, а ремень называется шатанием. Как кто осмелится свое суждение иметь — сейчас плетка; пусть возражения не касались основ, а расходились в тактике или просто в осуждении приема — сейчас грозятся плеткой»¹³. В заявлении утверждалось, что деятельность редакции «Искры» ведет к олигархическому управлению партией. Воронежские социал — демократы не считали «искровцев» достойными особенных, тем более диктаторских полномочий.

О том, что за «шатания» та или иная социал — демократическая группа заслуживает отлучения от партии, говорил Л.Д. Троцкий в связи с рассмотрением вопроса о социал — демократической группе «Борьба». Обвиняя «Борьбу» в политической переменчивости за примирительную позицию в противостоянии с «экономизмом», он призвал применить по отношению к ней карательные меры: отказать этой социал — демократической организации в приглашении на съезд. Такой отказ, по его мнению, мог быть предупреждением всякой оппозиционной группке¹⁴. В результате обсуждения вопроса о «Борьбе» было принято решение о роспуске группы, которому та и подчинилась.

Многие делегаты съезда демонстрировали антидемократизм своего партийно — классового подхода по разным поводам. В процессе обсуждения общеполитической части программы партии делегатом В.Е. Посадовским (Мандельбергом) был поставлен вопрос: признавать ли за демократическими принципами абсолютную ценность, или же они должны быть подчинены исключительно выгодам партии? Возобладало мнение, что интересы партии — абсолютная ценность. Отвечая на поставленный

им же вопрос, Посадовский заявил: «Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были подчинить выгодам нашей партии». На реплику из зала: «И неприкосновенность личности?», последовало твердое: «Да! и неприкосновенность личности!» Мысль о подчинении демократических принципов интересам революции и партии поддержал Плеханов. «Для революционера, — говорил он, — успех революции — высший закон, и если ради успеха революции потребовалось бы временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться». Конкретизируя это утверждение, Плеханов сослался на возможность отказа от принципа всеобщего избирательного права и даже разгона парламента в случае, если бы тот оказался не соответствующим правилу «благо народа — высший закон». Это заявление вызвало неоднозначную реакцию. «Тов. Плеханов, — заметил делегат Е.Я. Егоров (Левин), — не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции — другие. Мы пишем свою программу на случай конституции»¹⁵. Этот малозаметный тогда эпизод свидетельствовал о рано проявившейся тенденции абсолютизировать революционную целесообразность как критерий действий партии. Такой подход таил в себе опасность. Кто мог гарантировать сдерживающие начала в классовой борьбе по отношению к побежденному противнику, или необходимую в политике терпимость по отношению к колеблющемуся временному союзнику, или к несогласному товарищу по партии? О жестокой логике этого опаснейшего принципа, ставшего нормой в годы сталинщины, тогдашние участники II съезда партии, наверное, и не подозревали. Только в 1917 г. после прихода к власти большевиков Плеханов осознал всю пагубность отказа от демократических принципов во имя диктатуры пролетариата.

С первых же заседаний съезда острую дискуссию вызвали вопросы о принципах построения партии. По существу, дебатировались три позиции: партия строится либо на федеративных началах как совокупность организаций, либо на началах автономии местных организаций, либо же на основе централизма. В итоге съезд большинством голосов отверг как федеративное, так и автономное построение партии, что привело к уходу со съезда делегатов от «Бунда».

Сойдясь на идее централизма, участники съезда, тем не менее, понимали его неодинаково, о чем, в частности, свидетельствовала полемика по Уставу. Ленин в системе своей логики увидел в организационных спорах о построении партии — быть ли ей «массовой» или замкнутой, жестко централизованной — реальную опасность для дела, которому посвящал себя целиком.

Особенно острые столкновения между «твердыми» и «мягкими» искровцами произошли при обсуждении первого параграфа Устава о членстве в партии. Ленин предлагал формулировку, согласно которой членом

РСДРП считался только тот, кто признавал ее программу и поддерживал партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций. По мнению же Мартова, последнее не обязательно — достаточно регулярного личного содействия под руководством одной из партийных организаций. Модель партии, построенной по Ленину, предполагала, что в условиях нелегальной деятельности необходим строгий централизм, беспрекословное выполнение директив сверху вниз. Многим социал — демократам, считавшим, что партия должна быть построена на иных основаниях, это казалось неприемлемым. Большинство голосов на съезде прошла формулировка Мартова. Остальные пункты Устава были утверждены в том виде, в каком их предлагал Ленин.

Съездом была принята также искровская программа, состоявшая из двух частей — программы — максимум и программы — минимум. Программа — минимум предусматривала свержение самодержавия и установление демократической республики. В ней содержались такие требования: всеобщее, равное и прямое избирательное право, широкое местное самоуправление, неприкосновенность личности и жилища, неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов. В программу были включены положения о праве наций на самоопределение, праве населения получать образование на родном языке, праве каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях, о введении родного языка наравне с государственным во всех учреждениях. Программа партии также содержала требования восьмичасового рабочего дня, государственного страхования рабочих на случай старости, полной или частичной потери способности к труду, запрещения сверхурочных работ. В аграрном вопросе программа в интересах свободного развития классовой борьбы выдвигала отмену выкупных и оброчных платежей, учреждение крестьянских комитетов для возвращения крестьянам земель, изъятых у них при отмене крепостного права (так называемые «отрезки»). В программе — максимум была сформулирована конечная цель социал — демократии — установление диктатуры пролетариата и построение социалистического общества. В 1917 г. именно эта часть программы определила ленинскую линию в стратегии большевиков.

Характерно, что программа отражала типичные как для российской, так и в значительной степени для международной социал — демократии представления об общественном прогрессе. Последний понимался российской социал — демократией всецело как движение к социализму. Все, что способствовало этому, считалось прогрессивным и должно было поддерживаться партией. В соответствии с этим, например, прогресс экономики мыслился лишь на путях обязательной замены частной собственности общественной. Для аграрного сектора это означало, что мелкое крестьянское хозяйство обречено исторически и ему на смену должно обязательно прийти крупное коллективное, которому и принадлежит будущее.

В тесной связи с программой находились решения II съезда партии по вопросам тактики: об отношении к либералам, о социалистах — революционерах, о демонстрациях, о профессиональной борьбе, об отношении к учащейся молодежи и т.д. При выработке этих вопросов делегаты съезда исходили из положения: РСДРП поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против самодержавного строя.

После острой дискуссии была избрана редакция Центрального органа (ЦО) партии «Искры» (Плеханов, Ленин, Мартов). Однако Мартов, настаивая на сохранении прежнего ее состава, отказался войти в состав ЦО. Вслед за редакцией ЦО был избран ЦК РСДРП в составе сторонников большинства: Г.М. Кржижановского, Ф.М. Ленгника, В.А. Носкова. При выборах руководящих органов партии съезд, таким образом, закрепил победу «твердых» искровцев. Отсюда пошло разделение российской социал — демократии на большевиков и меньшевиков.

Внимательное чтение протоколов II съезда позволяет сделать вывод, что ретроспективную оценку Лениным возникновения большевизма как течения политической мысли и политической партии в 1903 году¹⁶ можно понимать по — разному. С одной стороны, явно несостоятельна подгонка Лениным исторических фактов к доказательству своих суждений. Большевики по формальным критериям до 1917 г. существовали лишь как левая, экстремистская фракция в РСДРП, имевшей одну общую программу. Рассечены внутренними распрями были всегда лишь партийные штабы, в то время как на уровне низовых организаций преобладала солидарность. Но, с другой стороны, Ленин в 1920 г., когда им давалась эта оценка большевизма, осознавал, что уже в начале века он формирует действительно «новый тип» политической организации, с жесткой системой иерархии, идеей диктатуры пролетариата и его «политического авангарда», непримиримостью к инакомыслию, свободе мнений, не допускающий выражения мнений и прав партийного меньшинства и т.п.

Со временем в советской партийной и исторической литературе утвердилось представление о РСДРП, образованной на II съезде, как о тождественной большевистской партии нового типа, меньшевикам же отводилась роль фракции в рамках этой партии¹⁷. Подобная оценка затрудняла анализ сложных и неоднозначных отношений большевиков и меньшевиков в РСДРП. Ведь и меньшевистская, и большевистская фракции существовали в рамках одной РСДРП, руководствовались единой Программой и Уставом вплоть до 1917 г. Между ними постоянно шли дискуссии о путях и методах борьбы за победу буржуазной революции и наличии условий для последующего перехода России к социализму.

Видным идейным лидером меньшевизма был Л. Мартов, возглавивший меньшинство «искровцев» на II съезде РСДРП. Начиная с оформления фракций в партии, он постоянно входил в состав центральных учреждений меньшевиков. Мартов принадлежал к тому же поколению соци —

ал — демократов, что и Ленин. Характерно, что в революционном движении участвовала вся молодежь семей Ульяновых и Цедербаумов. Братья и сестра Мартова были широко известными деятелями меньшевизма.

Влияние Мартова на окружающих шло от его высокого интеллекта, талантности, нравственности, обаяния. По замечанию лидера эсеров Чернова, Мартов был «истинный демократ по своей натуре»¹⁸. Проницательный политический аналитик и блестящий публицист, Мартов не отличался организаторскими и ораторскими способностями, ему не хватало той не останавливающейся ни перед чем готовности «идти напролом, сокрушая и уничтожая «врагов» и «соглашателей», которая были присуща Ленину — его соратнику, а затем оппоненту и противнику на многие годы. Сравнивая их, Потресов писал: «...Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто — либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними... Ленин представлял собою редкостное, особенно для России, явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал»¹⁹. По оценке теоретика и лидера эсеров В.М. Чернова, «...Мартов и меньшевизм были — синонимы; так же, как синонимами были — Ленин и большевизм»²⁰. Мартов и Ленин ушли из жизни почти одновременно. Умер Мартов в апреле 1923 г. в эмиграции. Последние дни его жизни проходили в тяжелых раздумьях о партии, которую он создавал вместе с Плехановым и Лениным, о судьбах революции и социализма.

В начале XX в. в России наряду с социал — демократией в активную политическую деятельность вступила и другая сила — социалисты — революционеры (эсеры), они считали себя главной партией крестьянской демократии. Эсеры как партия конституировались в конце 1901 — начале 1902 г. «Партия социалистов — революционеров в России рассматривает себя как один из отрядов армии международного социализма и ведет свою деятельность в духе общих интересов ее борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности», — заявлялось в программе эсеров, принятой в 1905 г.²¹ Становление партии социалистов — революционеров (ПСР) так же, как и РСДРП, было длительным и сложным процессом. Ее образование происходило на основе слияния ряда российских региональных и эмигрантских народнических организаций, сформировавшихся еще в 90 — е годы XIX в. Эти партии, союзы, лиги были носителями разных тенденций в народничестве. Одни из них оставались верны народовольческим традициям террора. Другие возлагали надежды на создание массовой партии «революционного социализма» и смотрели на террор лишь как на дополнительное средство борьбы с самодержавием, а некоторые даже готовы были от него отка —

заться. Но вне зависимости от тактических взглядов их всех объединяло стремление к обновлению народнической идеологии в условиях новой исторической ситуации, когда капиталистические отношения утвердились в России.

Точно так же, как «Искра» выступала в роли организатора социал-демократических сил, соответствующее значение для объединения неонароднических сил и распространения их влияния на массы имели газета «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции». С января 1902 г., с момента публикации в «Революционной России» извещения о создании партии социалистов-революционеров газета стала ее официальным органом. Теоретическим органом ПСР был «Вестник русской революции». Проект программы ПСР опубликован в газете «Революционная Россия» в 1904 г. (№ 46). Его ведущим автором был В.М. Чернов (1873 — 1952), выдвинувшийся в конце XIX в. в качестве наиболее крупного теоретика неонародничества.

На путь революционной деятельности Чернов вступил в 90-е годы XIX в., будучи студентом Московского университета. Молодые годы Чернова во многом были схожи с судьбой Ленина, Мартова и других деятелей революционного движения России: исключение из университета, арест в 1894 г. по делу партии «Народное право», затем ссылка на три года. После нее — заграница, где Чернов создает «Аграрно-социалистическую лигу, организацию, ставшую важным шагом на пути создания партии социалистов-революционеров. В 30-летнем возрасте Чернов уже признанный теоретик народничества. Характерная черта его теоретических воззрений — стремление соединить народничество с отдельными по-ложениями марксизма, избегая крайностей различных течений социалистической мысли. На первых съездах и конференциях эсеровской партии Чернов делал программные доклады. Его авторитет в партии был чрезвычайно высок. После революции 1905 — 1907 гг. он занимал центристские позиции, стараясь притормозить развитие опасных, с его точки зрения, левозэкстремистских и правооппортунистических тенденций в партии. В годы первой мировой войны, занимая интернационалистскую позицию, он участвовал в работе Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Февральской революции 1917 г. влияние Чернова на внутрипартийные дела было не столь значительно, как в годы первой российской революции. С мая по июль 1917 г. Чернов занимал пост министра земледелия во Временном правительстве. Политический курс большевиков на социализм в России он считал преждевременным. Не приняв Октябрьскую революцию, Чернов связывал надежды на демократическое развитие страны с Учредительным собранием, на единственном его заседании он был председателем. В 1918 г. Чернов вынужден был перейти на нелегальное положение, а в 1920 г. покинул Советскую Россию. В эмиграции он целиком посвятил себя пуб-

лицистической деятельности. Результаты его многолетних размышлений были изложены в книге «Конструктивный социализм», изданной в Праге в 1925 г. В ней автор, в частности, выразил свое неприятие большевистской интерпретации социализма и политической системы Советской России. Будучи противником тоталитаризма всякого толка, Чернов уже в преклонном возрасте борется с фашизмом в рядах французского движения сопротивления.

На рубеже XIX — начала XX в. эсеры не могли отрицать, как это делали их народнические предшественники, самого факта победы капитализма в России. Но распространение капитализма в стране объяснялось как его искусственное насаждение правительством. В начале XX в. у эсеров еще теплилась надежда на устойчивость мелкого крестьянского хозяйства, которое, как они полагали, не втянется в орбиту капиталистических отношений и сможет стать основой для эволюции к социализму. Не желая признавать усиливающийся процесс имущественного расслоения крестьянства, эсеры объясняли это больше влиянием царской политики, нежели результатом естественной эволюции. Большинство крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство и не применяющих наемный труд, они зачисляли в категорию так называемого «трудового крестьянства». По сути дела, между трудовым крестьянством и фабрично-заводским рабочим в представлении эсеров не существовало какой-либо разницы, поскольку источником существования у тех и других был собственный труд.

Надвигающуюся революцию в России эсеры считали не буржуазной и не социалистической, а «трудовой», поскольку она совершается трудящимися массами и направлена на осуществление коренных социальных преобразований. Но ее конечная главная задача — «обобществление труда, собственности и хозяйства; уничтожение, вместе с частной собственностью, самого деления общества на классы». А это предполагает «полную победу рабочего класса, организованного в социально-революционную партию, и в случае надобности установления его временной революционной диктатуры»²².

Широкая программа демократических преобразований, выдвигаемых эсерами, была весьма близка к требованиям РСДРП. К ним относились свобода совести, слова, печати, собраний и союзов, свобода передвижений, неприкосновенность личности и жилища. На основе всеобщего и равного избирательного права для всех граждан предполагалось образование выборных органов демократической республики, с автономией областей и общин, широкое применение федеративных отношений между национальностями, введение родного языка во всех местных, общественных и государственных учреждениях.

В целях охраны духовных и физических сил рабочего класса и создания благоприятных условий для его борьбы за социализм партия соци-

алистов — революционеров, как и РСДРП, выдвигала требования ввести 8 — часовой рабочий день, государственное страхование, а также установить минимальную заработную плату.

В соответствии со своими взглядами на задачи революции в деревне эсеры выступали за социализацию земли, т.е. изъятие ее из частной собственности и из сферы купли — продажи и передачу в общенародное достояние, прежде всего в руки сельских общин, а также местных органов самоуправления. Пропагандировалось уравнилельно — трудовое право пользования землей. Никто не мог получить земли больше, чем был в состоянии обработать ее сам или вместе со своей семьей.

В организационном отношении эсеры учитывали опыт партий II Интернационала, куда они входили наряду с РСДРП. Членом партии социалистов — революционеров считался всякий, кто признавал ее программу, подчинялся ее постановлениям и участвовал в работе одной из ее партийных организаций. В отличие от территориально — производственного принципа построения РСДРП, эсеры провозглашали только территориальный принцип. Эсеры имели два руководящих органа — ЦК и Совет партии. ЦК осуществлял идейную и практическую деятельность партии. В Совет партии входили пять членов ЦК и представители всех областных организаций, а также Московской и Петербургской. Совет партии созывался Центральным Комитетом, его решения были обязательными для партии, их мог отменить только съезд.

Таким образом, программы и уставы двух революционных социалистических партий РСДРП и ПСР имели много общего. Естественно, что большинство непартийных и даже партийных рядовых участников революционного движения не улавливали программных различий и еще меньше ориентировались в теоретических расхождениях. Зачастую эти партии отличали по их отношению к индивидуальному террору.

Именно благодаря возрождению практики индивидуальному террору эсеры получили широкую известность как партия революционного действия. На особом положении в ПСР находилась созданная в конце 1901 г. одним из ее лидеров, Г.А. Гершуни, Боевая организация. Она была строго законспирирована. Члены Боевой организации не принимали участия в региональных комитетах партии, равно как и последние не участвовали в ее деятельности. Отношения Боевой организации с ЦК партии строились через особоуполномоченного и отличались большой самостоятельностью. С 1903 г. Боевую организацию возглавил Евно Азеф, оказавшийся тайным осведомителем царской охранки. Первый официальный террористический акт был совершен 2 апреля 1902 г. эсером — боевиком, смертельно ранившим отравленными пулями министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Другим громким террористическим актом было убийство 15 июля 1904 г. другого министра внутренних дел, В.К. Плеве.

В период становления РСДРП в ее отношении к эсерам преобладали остро критические нотки. Основное внимание концентрировалось на том, что разделяло две партии. Это проявилось и при обсуждении на II съезде РСДРП проекта резолюции «О социалистах — революционерах», автором которой был Аксельрод. Всякие попытки объединения социал — демократов с «социалистами — революционерами» осуждались. Но допускались частные соглашения с ними под контролем ЦК РСДРП.

Накануне первой российской революции эсеры не имели еще утвержденной общепартийной программы, не было и выдержанной тактической линии, шел непростой поиск организационных форм партийной организации. Вместе с тем накануне революции ПСР и не переживала внутренних расколов.

В РСДРП же сразу после II съезда разгорелась острая внутрипартийная борьба. Итоги съезда дали определенные преимущества Ленину и его сторонникам. В программу был включен тезис о диктатуре пролетариата. Названия «большевики» и «меньшевики» закрепились за образовавшимися фракциями в соответствии с результатами голосования на выборах центральных органов партии.

Как ленинцы — большевики, так и мартовцы — меньшевики понимали, что вопрос о том, какой будет РСДРП, зависит прежде всего от двух условий: в чьих руках окажутся центральные органы партии и кто «завоюет» местные комитеты. По этим двум линиям и развернулась борьба. Первоначально мартовцы прибегли к тактике бойкота центральных органов: они отказывались сотрудничать в «Искре» и не признавали чисто ленинский ЦК. В ответ Ленин объявил мартовцев раскольниками, игнорирующими свой партийный долг. Совещание 21 сентября (4 октября) 1903 г., на котором центральные органы представляли Ленин, Плеханов и Ленгник, а оппозицию — Мартов, Аксельрод, Засулич и Потресов, не привело к примирению. В отправленном после этого со — вещания письме находившимся в России членам ЦК Г.М. Кржижановскому и В.А. Носкову Ленин призывает их готовиться к «отчаянной борьбе», «занять своими людьми места во всех комитетах без исключения» и кооптировать в ЦК большевиков Л.Е. Гальперина и П.А. Красикова²³.

В середине октября 1903 г. мартовцы добились первого успеха в борьбе с ленинцами на II съезде Заграничной лиги русской революционной социал — демократии, пославшей в свое время Ленина и Мартова делегатами на II съезд РСДРП, где Лига была признана единственной организацией, представляющей партию за границей. Когда Лига, вопреки Ленину, приняла новый устав, обеспечивавший ее автономию и дававший возможность самой устанавливать связи с местными комитетами, издавать и распространять литературу, и не согласилась передать устав на утверждение ЦК с целью корректировки в направле —

нии полного подчинения ему Лиги, представитель ЦК Ленгник объявил съезд распущенным, и большевики его покинули²⁴. Съезд отказался подчиниться приказу, и Лига, таким образом, стала оплотом меньшевизма вплоть до прекращения своей деятельности в 1905 году.

18 (31) октября, в день ухода большевиков со съезда Заграничной лиги, состоялось их частное совещание, на котором Плеханов в целях примирения двух группировок предложил восстановить прежнюю редакцию «Искры». Ленин в ответ на это вышел из редакции, а большевистский ЦК предъявил «ультиматум, в котором были сформулированы условия прекращения фракционной борьбы, оставлявшие за большевиками преимущества в центральных органах партии. «Ультиматум» мартовцами был отклонен, а Плеханов кооптировал в редакцию «Искры» Аксельрода, Засулич и Потресова. Теперь, начиная с № 53 Искры», вышедшего 25 ноября 1903 г., ее готовила прежняя редакция, но уже без Ленина. Таким образом, к концу 1903 г. меньшевики окопались в «Искре», а большевики — в ЦК, доведя путем кооптации число его членов до девяти. С этого времени Ленин видит выход в созыве нового съезда партии на основе «завоевания комитетов».

Весь период с конца 1903 по конец 1904 г. характеризуется борьбой за местные комитеты и ожесточенной литературной полемикой. В центре разногласий находились первоначально организационные вопросы. В публицистических работах Ленина («Шаг вперед, два шага назад» и др.) меньшевики квалифицировались как наименее устойчивые теоретически, наименее выдержанные принципиально элементы партии. Большинство же, по его мнению, составляло революционное направление РСДРП.

Со своей стороны меньшевики усматривали в большевистских организационных принципах сектантство, опасность крайнего централизма и подчинение партии «духовному ордену» в лице группы профессиональных революционеров. К организационным разногласиям между большевиками и меньшевиками постепенно добавлялись и различия по вопросам теории и тактики революционного движения.

Наиболее значительными памятниками этой полемики со стороны меньшевиков являлись брошюра Мартова «Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии», статьи Аксельрода «Объединение Российской социал-демократии и ее задачи» и Плеханова «Централизм или бонапартизм»²⁵, брошюра Троцкого «Наши политические задачи (тактические и организационные вопросы)». Центральным пунктом всей этой меньшевистской литературы было обвинение Ленина в диктаторстве.

В отличие от Мартова, который, как и его оппонент Ленин, фиксировал внимание социал-демократов на всех перипетиях организационной борьбы в партии, Аксельрод поставил вопрос о разногласиях значи-

тельно шире и глубже, чем другие полемисты. Большевистской идее на —правляющей, опекающей и руководящей партии он противопоставил классовую самостоятельность пролетариата и выдвинул в качестве важнейшей задачи социал — демократии создание организации рабочих на широкой, массовой основе, а не партии профессиональных революционеров с ядром из якобинской интеллигенции. Поставил Аксельрод и другой важнейший вопрос: о классово — политической основе тактики российской социал — демократии. В начале 1904 г. один из деятелей социал — демократического движения Парвус писал Аксельроду: «Я с удовольствием прочитал Вашу статью в последнем номере «Искры». Вы вскрыли большое место политики социал — демократии в России. Борьба против самодержавия требует объединения всех оппозиционных элементов и концентрации сил на непосредственный политический эффект...»²⁶.

Статьи Аксельрода произвели своего рода «революцию в умах» оппонентов ленинскому направлению в РСДРП, помогли им преодолеть узко — организационное истолкование раскола в партии. Видный социал — демократический публицист В. Валентинов (Вольский) считал, что Аксельрод был первым, кто понял разницу между большевизмом и меньшевизмом²⁷, а один из лидеров социал — демократов Ф. Дан признавал, что построения Аксельрода легли в основу всей будущей тактики меньшевизма²⁸.

С началом русско — японской войны меньшевистская, избавившаяся от Ленина «Искра» выдвинула лозунги борьбы за немедленный мир и созыв Учредительного собрания. В то же время на ее страницах подверглись осуждению большевистские настроения «пораженчества»: свобода не может быть принесена России на японских штыках. В сентябре 1904 г. Совет партии, который после разрыва Плеханова с Лениным представлял интересы меньшевиков, принял решение об отказе от участия в Парижской конференции революционных и оппозиционных партий. Решение было вызвано тем, что инициатор созыва конференции финский политический деятель К. Циллиакус получал от японского правительства деньги на борьбу с царизмом.

Осенью 1904 г. было издано в виде листовки «Письмо редакции «Искры» к партийным организациям о плане участия РСДРП в кампании по поводу 40 — летия введения в России судебных уставов». В нем излагался план «давления» на либералов на основе земской петиционной кампании. С целью мобилизации масс на борьбу с самодержавием и выявления пролетариата как самостоятельной политической силы искровцы предлагали организовывать манифестации и митинги рабочих у зданий, где проходили губернские земские собрания, а также «банкеты» интеллигенции, где принимались обращения с требованиями конституционных свобод и введения народного представительства²⁹. Мень —

шевики утверждали, что, участвуя в общенациональном движении против царизма, рабочие, с одной стороны, выдвигают свои лозунги, а с другой — выступают как союзники оппозиционных политических сил. Так пролетариат проходит школу социал — демократического воспитания. Отвергая план меньшевистской «Искры», Ленин заявлял, что пролетариат должен «давить» непосредственно на правительство и не связывать свои действия с политической тактикой либералов.

Так, еще до событий 1905 г. отношение к либеральной буржуазии стало, наряду с принципами построения партии (вокруг ядра профессиональных революционеров или на основе классовой самостоятельно — сти пролетариата, авторитарный «централизм» или авторитарный «демократизм»), камнем преткновения для действительного объединения меньшевиков и большевиков внутри РСДРП.

Фракционная борьба стала доминирующим фактором в идейной и организационной деятельности вождей РСДРП. В ней Ленин проявил себя великим мастером фракционных расколов и расправ с оппонентами. Впрочем, и в самой большевистской среде тоже были свои «жирондисты». Так, в ЦК РСДРП сопротивление вызвала выдвинутая Лениным идея нового съезда. Дело кончилось тем, что в июле 1904 г. большевики — примиренцы Л.Б. Красин, В.А. Носков и Л.Е. Гальперин и меньшевики, составляющие вместе с ними в ЦК большинство, совершили своего рода «переворот» против Ленина, приняв специальную декларацию, запрещающую ему выступать от имени ЦК. Одновременно Ленин был лишен прав заграничного представителя ЦК, и ему было запрещено печатать свои произведения без разрешения коллегии ЦК. Противостояние большевиков и меньшевиков усугублялось и тем, что ЦК РСДРП принял тогда же постановление, в котором выступал против созыва III съезда партии.

Ленин видел, что лишается поддержки в партии, но не сложил оружия и попытался создать параллельную организацию. В августе 1904 г. его сторонники собрались в Женеве и потребовали созыва III съезда РСДРП. По существу это был очередной шаг к дальнейшему расколу партии: возник еще один центральный орган, получивший название Бюро комитетов большинства. Туда вошли В.И. Ленин, А.А. Богданов, С.И. Гусев, Р.С. Землячка. Вновь сформированная организационная структура общалась с местными комитетами напрямую, в обход законных, т.е. избранных съездом, центральных партийных органов. С декабря 1904 г. начал выходить печатный орган большевиков газета «Вперед».

Таким образом, разногласия между большевистской и меньшевистской фракциями усиливались. Фракции имели свои руководящие центры, печатные органы, разъездную агентуру. Они по — разному интерпретировали особенности и перспективы буржуазной революции в России, возможности ее развития, цели и задачи пролетариата, его линию

по отношению к другим классам общества. Ленин неуклонно вел линию на разрыв с меньшевиками.

1905 год:

революционная стихия и партийная тактика

Социальный взрыв 1905 — 1907 гг. был подготовлен всем комплексом противоречий в российском обществе, неудачами консервативно — реформистских полумер царизма, поражениями в русско — японской войне.

Революция в России началась с «Кровавого воскресенья» — драмы, ужаснувшей своей варварской жестокостью мир. 9 января 1905 г. войска расстреляли мирное шествие рабочих, направлявшихся с царскими портретами и иконами к Зимнему дворцу, чтобы вручить Николаю II петицию об улучшении своего невыносимо тяжелого положения. Петиция, которую шедший к Зимнему дворцу «верноподданный» народ собирался вручить Николаю II, широко обсуждалась на рабочих собраниях. В ее составлении участвовали не только активисты инициировавшего петиционное шествие «Собрания русских фабрично — заводских рабочих Санкт — Петербурга» (руководитель — священник Г.Гапон), но также социал — демократы, эсеры и даже либералы. Большое влияние на Гапона имел, в частности, социалист — революционер инженер П.Я. Рутенберг. В «гапоновской» петиции причудливо переплелись вера в царя — защитника и широкие общедемократические требования (в нее вошла почти вся программа — минимум РСДРП). Ни РСДРП, ни эсеры не могли ничего противопоставить призывам «Собрания русских фабрично — заводских рабочих» к мирному шествию, что свидетельствовало об их непопулярности в рабочей среде.

События «Кровавого воскресенья» потрясли не только столицу, но и всю страну. Всеобщая забастовка в Петербурге приняла затяжной характер. Стачки протеста (в поддержку питерских рабочих), с выдвижением экономических и политических требований, охватили многие города, к ним присоединялись и служащие. Началась общероссийская политическая забастовка студентов. Всего за первые три месяца года базтовало более 800 тысяч человек.

В движении протеста приняли участие широкие круги российской интеллигенции, в том числе известные писатели, художники и артисты (Горький, Короленко, Серов и др.). Главной формой борьбы интеллигенции стал так называемый «бунт просветительских обществ». Различные «общества» (ученых, юристов, инженеров и др.) и профессиональные съезды (агрономов, учителей, врачей и др.) принимали резолюции «про —

теста», выдвигали требования демократических свобод и создания на — родного представительства.

Революции, призываемые, предсказываемые и подготавливаемые их адептами и буревестниками — крайними радикалами, наступают, как правило, неожиданно. Так начиналась и первая российская революция. Мартов признавался, что события, связанные с 9 — м января, «застали социал — демократию врасплох»³⁰. Но сразу же социал — демократы не только мобилизовали свои силы для участия в практической революции — онной деятельности, но и в своих эмигрантских изданиях («Искра» и «Вперед») приступили к теоретическому осмыслению событий.

Веря в революционную доктрину марксизма и опираясь на опыт и уроки западноевропейских революций, лидеры меньшевиков и больше — виков первоочередной задачей полагали выработку стратегии и тактики РСДРП и политическое руководство массами, сплочение вокруг партии передовых элементов этой массы. В этом проявилась отсутствующая в предшествующих революциях, но характерная для истории XX века черта — стремление политических партий повести массы за выдвигаемыми призывами и лозунгами во имя реализации своих программ.

Социалистические партии сразу же после 9 января оказались втяну — тыми в стихию революционных событий. И та задача, которую они все — гда перед собой ставили, — руководить борющимися с царизмом мас — сами — встала практически во всей своей сложности и стихийной не — предсказуемости. Показательно, например, само название ленинских ста — тей, написанных в первые месяцы революционного 1905 г.: «Должны ли мы организовать революцию?», «Новые задачи и новые силы», «О бое — вом соглашении для восстания». Лидер экстремистского крыла социал — демократии призывал сосредоточить все партийные силы на организа — ции руководства революционным потоком. Но у социал — демократов не было ни единой концепции расстановки политических сил в революции и ее перспектив, ни единого понимания задач партии в случае победы народного восстания, ни выработанной тактики.

К 1905 г. большевики и меньшевики уже оформились в самостоя — тельные фракции, которые имели свои руководящие центры, органы печати, местные организации. К марту 1905 г. в России действовали 32 больше — вистских комитета и 35 групп, у меньшевиков было 23 комитета и 27 групп, 10 комитетов и 43 группы занимали «нейтральные» позиции. По ориентировочным данным, численность РСДРП к лету 1905 г. составляла 26,5 тыс. человек (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков). Наи — более крупные большевистские организации находились в Петербурге (1200 членов), Москве (более 1000), Саратове (около 1000), Казани (750), Иваново — Вознесенске (600). Меньшевики пользовались значительным влиянием в Петербурге (1200), Екатеринославе (более 1000), Ростове — на — Дону (700), Одессе (700), Киеве (500), в Закавказье и в Таврической

губернии. Организационный комитет, созданный большевиками весной 1905 г. для созыва III съезда партии, пригласил для участия в нем все организации партии. Меньшевики, однако, отказались от участия в его работе и создали свою конференцию в Женеве. И на съезде, и на конференции обсуждались примерно те же вопросы.

III съезд РСДРП проходил в Лондоне 12 — 27 апреля 1905 года. На нем было представлено 26 партийных организаций. Делегатами съезда были видные деятели большевистского направления — В.И. Ленин, А.А. Богданов, В.В. Воровский, А.В. Луначарский и др.

Суть идейного противостояния двух направлений в российской социал — демократии сводилась к вопросу о том, кто на демократическом этапе революции — пролетариат или либералы — сыграют роль гегемона, классового вождя революции. Большевики твердо стояли на том, что функцию гегемона уже на демократическом этапе революции должен и сможет выполнить пролетариат. Меньшевики, подчеркивая авангардную роль рабочего класса на демократическом этапе революции, считали тем не менее большевистскую постановку данного вопроса отходом от марксистской ортодоксии. По существу, от того или иного взгляда на проблему гегемонии зависели и ответы на другие вопросы, поставленные революцией.

Большевистская линия базировалась на ленинской идее трех политических лагерей, действовавших на демократическом этапе. Победу революции большевики связывали не с завоеванием власти либеральной буржуазией, а с установлением революционно — демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Ее политическим органом должно стать временное революционное правительство, в котором предполагалось участие как социал — демократов, так и представителей народных партий и других революционных организаций. Задачу этого правительства большевики видели в осуществлении программы — минимум, в создании благоприятных условий для перерастания демократической революции в социалистическую.

Женевская конференция меньшевиков состоялась в конце апреля — начале мая 1905. Влияние меньшевиков особенно сказывалось в западных и южных губерниях европейской России, а также на Кавказе, где был создан местный меньшевистский центр — Кавказское бюро РСДРП. Когда попытки Совета партии объявить съезд недействительным закончились неудачей, делегаты от меньшевистских групп съехались, по приглашению редакции «Искры», на «общепартийную конференцию».

В Женевской конференции участвовали делегаты 8 местных комитетов и союзов РСДРП, имевших право представительства на съезде (Донецкий, Донской, Екатеринославский, Киевский, Крымский, Сибирский, Смоленский, Харьковский), а также представители из Петербурга, Москвы, Одессы, Нижнего Новгорода, Грузии и других мест. В работе конфе —

ренции участвовали Аксельрод, Дан, Плеханов, Мартов. Участники конференции приняли заявление о незаконности II съезда РСДРП и его решений. Как отмечал Мартов, конференция констатировала «распад партии на две совершенно обособленные части»³¹.

На конференции определилась тактика меньшевиков. В резолюции «О завоевании власти и участии во Временном правительстве» утверждалось, что победа революции может быть достигнута в результате не только народного восстания, но и инициативы того или иного представителя — ного учреждения, провозгласившего создание всенародного учредительного собрания. Второй путь казался меньшевикам предпочтительным. В случае же победы революции социал — демократия не может ставить своей целью захват власти, а должна оставаться партией крайней оппозиции, не связывать себя вхождением в какие — либо новые органы власти.

Меньшевики допускали возможность победоносного вооруженного восстания, но исходили из того, что благоприятные условия для него создаются медленно (пролетариат еще недостаточно организован, а правительство еще не дезорганизовано) и что при существующих условиях практическая организация восстания (подготовка его в военно — техническом отношении и выбор «момента») преждевременна. Акцент делался на агитации, пропаганде и организации масс с целью «развязать» стихию народного возмущения, получить явочным порядком свободу собраний и другие свободы и по возможности переходить от рабочего представительства на предприятиях к так называемому «революционному самоуправлению. Поиски «агитационных средств» для развития революции выдвигались как первоочередная задача, а подготовка восстания рассматривалась как последний, а может быть, даже и не необходимый шаг в дальней перспективе.

Мартов впоследствии вынужден был признать, что «сознательный отказ от задачи организационного объединения народных движений», которая считалась невыполнимой без «объединяющего государственного центра политической борьбы» (Думы, Учредительного собрания), был уязвимым пунктом меньшевистской тактики. В то же время он полагал, что сама по себе тактика, основанная «на доверии» к «стихии революционного развития, была единственно возможной для рабочей партии в данных исторических условиях»³².

Эта тактика особенно наглядно демонстрировалась резолюцией Жевневской конференции по крестьянскому вопросу. В ней крестьяне призывались к «поголовному» вооружению и созданию революционных союзов самоуправляющихся сельских общин, которые должны были выступать как организующее начало крестьянского восстания против царизма. Но, как отмечал В.Валентинов — Вольский, «эта часть резолюции в истории меньшевистской мысли представляет поистине документ уникал. Он появился, чтобы навсегда исчезнуть»³³.

В отличие от резолюций большевистского съезда, резолюции Женевской конференции, что характерно для меньшевиков, не носили директивного характера. Социал-демократическим организациям было предоставлено право их утверждать, отвергать или видоизменять.

Меньшевики полагали, что на арене освободительной борьбы действуют два (правительственный и демократический), а не три (революционно-демократический, либеральный и правительственный) лагеря. Исходя из этой посылки, меньшевики считали вполне реальным взаимодействие пролетариата с либералами в их совместной борьбе с самодержавием. При этом роль рабочего класса сводилась не только к тому, чтобы не допустить преждевременной сделки либералов с царизмом, но и чтобы максимально «раздвинуть» рамки революции, создать более благоприятные условия для борьбы пролетариата за социалистическую перспективу.

Наиболее оптимальным исходом революции меньшевики считали установление демократической республики. Расценивая большевистскую идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как утопическую, меньшевики заявляли, что в России на данном этапе нет объективных предпосылок для завоевания пролетариатом политической власти. Поэтому пролетариат (хочет он этого субъективно или нет) должен занять более реалистическую позицию, соответствующую данной исторической эпохе.

III РСДРП съезд утвердил новый Устав партии. Расширялись права местных комитетов. Они имели право издавать от своего имени литературу и не могли быть распущены исключительно по решению членов ЦК (для этого требовалось теперь 2/3 голосов членов ЦК и 2/3 голосов рабочих, входящих в местную партийную организацию). Вместо трех партийных центров (ЦК, редакция «Искры» и Совет партии), созданных в 1903 г., было решено оставить один — Центральный Комитет. Однако выборы в местные партийные комитеты Уставом еще не предусматривались. Конспиративные условия деятельности большевистских комитетов стимулировали усиление централистских тенденций. В условиях подполья сформировался тип авторитарного комитетчика (профессионального революционера — руководителя), который сужал и без того узкие рамки внутрипартийной демократии, нередко игнорировал мнение рядовых участников революционного движения.

Аналогичная картина была и у меньшевиков, хотя в организационном уставе, принятом на Женевской конференции, был оговорен ряд моментов, отсутствовавших в принятом на большевистском съезде Уставе РСДРП. Например, меньшевиками было зафиксировано положение об отчетности городских комитетов партии перед районными, причем по требованию последних горкомы могли быть реорганизованы. Областные комитеты должны были избираться на областных съездах. В Уставе имелся

пункт, согласно которому решения о крупных выступлениях с участием всех членов организации (за исключением экстренных случаев) подлежали обсуждению и голосованию на общем собрании.

Ни внутрипартийные дискуссии и склоки, ни принимаемые большевиками и меньшевиками резолюции не влияли на ход событий в России. У бунтарской стихии 1905 г. мало что было общего с их бумажным творчеством. Но шла она под революционными лозунгами. Первомайский день 1905 г. был отмечен в 35 городах забастовками и митингами дважды — по новому и по старому стилю. Бастовали рабочие 142 предприятий общим числом 220 тыс. человек. Число участников политических стачек достигло половины всех бастующих. В июне происходят вооруженное восстание в Лодзи, всеобщие политические стачки в Варшаве и Одессе, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями с полицией и войсками, восстание на броненосце «Потемкин» и политические стачки солидарности с восставшими рабочими на юге России. В обстановке разворачивавшейся революции были опубликованы правительственные акты «Учреждение Государственной Думы» и «Положение о выборах в Думу». Но революция уже зашла слишком далеко, чтобы общественность могла удовлетвориться введением законосовещательной Думы и выборами, предусматривавшими лишение избирательных прав ряда социальных слоев и групп. Политические партии и многие общественные организации призвали к бойкоту выборов.

Получившие автономию университеты стали местом общенародных собраний. К митингующим студентам присоединялись представители интеллигентных профессий, служащие, рабочие и прочий городской люд. В настоящий центр митинговой кампании превратился Московский университет, где собиралось по 6 — 10 тыс. человек. Пришедшие на митинг подчас не вменялись внутри университета и запруживали Моховую улицу. Требования законодательной Думы, всеобщих выборов и Учредительного собрания стали дежурными на многочисленных непрекращающихся митингах. На предприятиях, при партийных комитетах, в высших учебных заведениях создаются вооруженные дружины, самодеятельные отряды Красного креста.

Главным событием первой российской революции стала Всероссийская Октябрьская политическая стачка, в результате которой Россия получила Государственную Думу, декларированные либеральные свободы, легализацию не призывающей к свержению государственной власти оппозиции и соответственно систему политических партий. Решение о политической забастовке было принято еще в июле 1905 г. вторым съездом Всероссийского железнодорожного союза (ВЖС), и его Центральное бюро начало осенью готовить стачку практически. 2 октября в местные отделения ВЖС были отправлены телеграммы с призывом приступить к подготовке стачки. 34 октября начались волнения и забастовки различных

групп рабочих и служащих Казанской, Брестской, Ярославской, Курской железных дорог. Нарастание забастовочного движения железнодорожников, а также репрессивные меры правительства по отношению к делегатам проходившего в Петербурге съезда служащих железнодорожных касс побудили Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза объявить начало всеобщей стачки. В ночь с 6 на 7 октября с подмосковной станции Перово по всем железным дорогам страны была передана телеграмма ВЖС с призывом прекратить работу с 12 часов дня 7 октября. К московским железнодорожникам присоединились рабочие ряда предприятий, и к 14 октября стачка в Москве приобрела характер всеобщей.

12 октября забастовка охватила дороги Петербургского железнодорожного узла. В Петербурге, как и в Москве, почин железнодорожников получил массовую поддержку рабочих. 15 октября стачка в Петербурге стала всеобщей. В ней приняли участие рабочие крупнейших предприятий столицы, типографий, городских коммунальных служб, а также учащиеся высших учебных заведений, служащие банков, государственных и торговых учреждений, аптек. Не работал транспорт, закрылись театры, замолчал телефон. Забастовка парализовала все железные дороги страны. Каждый день приносил известия о расширении забастовочного движения.

Всего в октябре 1905 г. забастовкой было охвачено 120 городов Российской империи, сотни фабричных поселков, железнодорожных станций, шахт и рудников. В стачке приняло участие 2 млн. человек, среди них 700 — 800 тыс. фабрично — заводских рабочих, около 700 тыс. железнодорожников, 500 тыс. представителей городских средних слоев. Со всех губерний и городов, включая Прибалтику, Кавказ, Сибирь, шли вести о забастовках, демонстрациях, митингах, стихийных столкновениях населения с полицией и войсками. Представители творческой интеллигенции поддерживали забастовщиков не только словом, но и практической помощью. Организовывались сборы денег. Известный врач В.Н. Кащенко возглавил созданный в октябрьские дни «Комитет Красного креста для помощи раненым революционерам». Многие предприниматели готовы были оплатить рабочим забастовочные дни. Явочным порядком устанавливались свободы: собраний, шествий, слова. На многих предприятиях вводился без согласования с администрацией 8 — часовой рабочий день. Всероссийская Октябрьская политическая стачка наглядно продемонстрировала силу народной организованности на железных дорогах, предприятиях, различных производственных объектах, в масштабе городов и всей страны.

Самое примечательное в этих событиях то, что ни одна из партий реально не руководила революционным порывом масс, требовавших конституции и парламента. Даже Ленин, ставивший почти любое выступ —

ление рабочих в заслугу социал — демократии, вынужден был признать, что во главе «многомиллионной рабочей армии встала весьма скромная делегация железнодорожных служащих»³⁴. Если уж говорить о влиянии какой — либо партии на забастовочную инициативу ВЖС, то это были эсеры, они в его руководстве занимали прочные позиции. Что касается мифологизированной в советской историографии роли большевиков, то последние, нацеленные на вооруженную борьбу, недооценивали мирные способы воздействия на власть. Московские большевики были критика — ми ВЖС, а питерские, считая политическую стачку несвоевременной, до 11 октября агитировали против присоединения к бастовавшим желез — нодорожникам³⁵.

Перед императором и правительством встал вопрос, какие решения нужно принять, чтобы приостановить разрастание смуты в государстве. Ясно было, что установление режима военной диктатуры в сложившихся условиях вряд ли можно было осуществить, но и к введению конститу — ции самодержец не был готов. У Николая II (1868 — 1918) не было со — мнений в том, что он божий помазанник, что Россия и монархия нераз — делимы, что его обязанность сохранить историческое наследие своих предков. Воспитывался он в духе формулы: православие, самодержавие, народность. Его идеалом был не Петр Великий, а набожный и стремив — шийся соблюдать традиции старой Руси Алексей Михайлович.

Изолированный в Царском селе, куда даже министры добирались на катере, Николай II испытывал растерянность и от непрекращающейся стачки, и от давления главы правительства С.Ю. Витте, предлагавшего даровать гражданские свободы и законодательную Думу. К просьбам Витте присоединился и дядя царя великий князь Николай Николаевич. Наконец, 17 октября Николай II подписал Манифест, провозглашавший установление основ гражданских свобод на началах неприкосновенно — сти личности, свободы совести, собраний, слова и союзов. Согласно Ма — нифесту, никакой закон не мог быть введен в России без одобрения созываемой на основе выборов Государственной Думы.

Манифест 17 октября окончательно развел в разные стороны социа — листов и либералов. Особенность политического развития России за — поздалое возникновение либеральных партий по сравнению с револю — ционными. Дело в том, что либералы старались действовать в рамках законности и избегали создания нелегальных организаций. Первая крупная либеральная партия — конституционно — демократическая — образо — валась в дни Всероссийской Октябрьской политической стачки. Она имела и другое название — партия народной свободы, но стала известна в сокращении — кадетская. Кадеты, прежде всего, были партией образо — ванной части общества, в ней были широко представлены средние го — родские слои. Иногда кадетов называли профессорской партией, так как в нее входили многие известные ученые. Среди них были исследователь

летописей академик А.А. Шахматов, профессор Московского университета — известный юрист С.А. Муромцев, будущий академик естественных наук — пылатель В.И. Вернадский. Лидером кадетов стал П.Н. Миллюков.

П.Н. Миллюков (1853 — 1943) был одной из самых крупных фигур среди ученых, занимавшихся отечественной историей. Его можно включить во вторую тройку историков после Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Миллюкову принадлежат фундаментальные исследования «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра I», «Главные течения русской исторической мысли», «Очерки по истории русской культуры». В общественную жизнь Миллюков включился еще будучи студентом Московского университета. В 1895 г. Миллюкову, после возбуждения против него следственного дела о «прочеении лекций преступного содержания перед аудиторией, не способной отнестись к ним критически»³⁶, запретили заниматься педагогической деятельностью и отправили в трехгодичную ссылку в Рязань. Профессором Миллюков стал в Софийском университете, где заведовал кафедрой всеобщей истории. Вернувшись в Россию, он принял активное участие в либеральном движении, выдвинулся как публицист, организатор и ведущая политическая фигура в кадетской партии.

Целью кадетов было установление в России парламентарной монархии и формирование правительства, ответственного перед парламентом. Выборы в Думу и органы местного самоуправления должны проводиться на основе всеобщего избирательного права. При сохранении единого централизованного государства кадеты предполагали введение культурной автономии для всех народов и народностей империи. Очень обстоятельно в кадетской программе оговаривались права граждан. Выказываясь за рабочее законодательство, свободу профсоюзов и стачек, кадеты предусматривали различные процедуры регулирования отношений между рабочими и предпринимателями. Это была своего рода программа «культурного капитализма»³⁷.

Другой крупной партией стал «Союз 17 октября», основанный в ноябре 1905 г. и получивший свое наименование по дню дарования свобод. Партия придерживалась либерально — консервативных взглядов и провозглашала благоустройство страны на началах, объявленных в Манифесте 17 октября. Октябристы были за конституционную монархию, с правительством, формируемым императором и ответственным перед ним. Они считали даже необходимым сохранение титула самодержца. Выборы в двухпалатный парламент предлагалось сделать двухстепенными, а права избирателей ограничить по возрасту (с 25 лет) и по другим показателям. Основой экономического благосостояния объявлялась частная и не подлежащая отчуждению собственность. Крестьянская община должна была быть разрушена, а на ее месте должны были вырасти хозяйства хуторского типа, что совпадало с направлением аграрной реформы

П.А. Столыпина. Октябристы отрицательно относились к стачкам и со — кращению рабочего дня, но допускали свободу рабочих собраний и со — юзов, выступали за расширение социального страхования и поднятие культурного уровня рабочих³⁸.

Лидером октябристов был выходец из семьи московских промышлен — ников, директор Московского учетного банка А.И. Гучков (1862 — 1936). Он был яркой фигурой. В нем непостижимым образом сочетались здра — вомыслие московского купца из старообрядческой общины с явно вы — раженным авантюризмом (участие на стороне буров в их войне с анг — личанами в Южной Африке, переход через Тибет, нелегальная поездка в восставшую против турецкого владычества Македонию и т.д.).

И кадеты, и октябристы были сторонниками гражданского общества и правового государства, выступали за постепенное реформирование по — литической системы и создание более благоприятных условий для раз — вития рыночного хозяйства как основы экономической мощи России. Однако кадеты находились на левом фланге либерального движения, а октябристы (либерал — консерваторы) — на правом.

В период высшего подъема революции шло образование не только либеральных партий, но и беспартийных массовых организаций рабочих — Советов рабочих депутатов. Самым крупным из них был Петербург — ский Совет рабочих депутатов, возникший 13 октября 1905 г., в самый разгар Октябрьской политической стачки. В первые дни своей деятель — ности Совет назывался «Стачной комиссией», «Стачным комитетом», «Общим рабочим комитетом». Только с третьего пленума он стал име — новаться «Советом рабочих депутатов».

Совет был выборной организацией и действовал открыто. На рабочих собраниях депутаты информировали о деятельности Совета, принимае — мых им решениях. Не оправдавших доверия депутатов отзывали и из — бирали новых. Всю текущую работу вел Исполнительный комитет, он насчитывал 51 человек. В его состав входили представители районов, крупных профессиональных союзов, меньшевистской и большевистской фракций РСДРП и партии эсеров. Характерно, что представители от РСДРП, эсеров, Всероссийских железнодорожного, почтово — телеграф — ного и Крестьянского союзов пользовались на заседаниях Исполкома правом лишь совещательного голоса, как организации, делегировавшие своих представителей в другую организацию.

Первым председателем Совета был меньшевик А. Зборовский, затем его заменил беспартийный присяжный поверенный Г. Хрусталева — Но — сарь, в дальнейшем примкнувший к меньшевикам. Позже во главе Со — вета стал Л. Троцкий.

Впервые Л.Д. Троцкий (Бронштейн, 1879 — 1940) приобрел известность в революционной среде в период «Искры». В начале 1903 г. Ленин писал Плеханову о Троцком: «Человек, несомненно, с недюжинными способ —

ностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед»³⁹. Троцкий был талантливым политическим публицистом, темпераментным оратором, но вместе с тем он не чувствовал тяги к повседневной, «серой», будничной работе. Его неиссякаемая энергия находила особенно яркий выход в экстремальных ситуациях. В дооктябрьский период у Троцкого было два взлета — осень 1905 г., тогда они с Парвусом (А.А. Гельфандом) повели за собой Петербургский Совет рабочих депутатов, и осень 1917 г., когда он стал председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Долгие годы в советской историографии господствовали сталинские оценки Троцкого как злейшего врага большевизма. Между тем, не входя в большевистскую фракцию, Троцкий никогда не был и правоверным меньшевиком. По своему менталитету и склонностям к решительным действиям он был гораздо ближе к большевикам. По вопросам же партийного строительства он солидаризовался с меньшевиками.

Значение Советов не сразу стало ясным для лидеров РСДРП. Распространенная в историографии точка зрения, что меньшевики рассматривали Советы в качестве органов революционного самоуправления, а большевики — как зачаток новой революционной власти, не отражает эволюции взглядов двух фракций РСДРП во всей ее сложности. Так, в резолюции Петербургского Федеративного Совета РСДРП, объединяющего большевиков и меньшевиков, принятой 27 октября 1905 г., выражалось негативное отношение партии к Совету, поскольку в этой социалистически незрелой, с точки зрения социал-демократов, организации видели конкурента в борьбе за массы.

К оценке Советов как зародыша новой революционной власти, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, большевики и Ленин пришли не сразу. Лишь весной 1906 г. в проекте резолюции к IV Объединительному съезду Ленин впервые назвал Советы рабочих депутатов «зачатками новой революционной власти, а РСДРП призвал принять участие в их деятельности «в целях расширения и углубления влияния социал-демократии на пролетариат и пролетариата на ход и исход демократической революции»⁴⁰.

В период первой российской революции были созданы и другие массовые самостоятельные организации рабочего класса — профессиональные союзы. К 1907 г. в России насчитывалось 1200 легальных и нелегальных рабочих профсоюзов. Наряду с борьбой за улучшение экономического положения рабочих и служащих, профсоюзы активно занимались и политической деятельностью. Совместно с социалистическими партиями они участвовали в работе Советов рабочих депутатов, во Всероссийской Октябрьской политической стачке, в декабрьских вооруженных восстаниях.

Без помощи политических партий и даже вопреки им попытались создать свою классовую организацию крестьяне. В конце июля — начале

августа 1905 г. образовался Всероссийский крестьянский союз (ВКС). Аграрная программа ВКС предусматривала общенародную собственность на землю и передачу ее крестьянам по трудовой норме. Наряду с этим допускался и частичный выкуп помещичьей земли. Под влиянием революционной обстановки в стране происходила быстрая радикализация ВКС. Уже в ноябре 1905 г. была выдвинута идея всеобщей стачки крестьян — батраков и городских рабочих.

Манифест 17 октября не привел к прекращению революционных выступлений. Раскачанные революцией народные массы готовы были к новым «взрывам». В ноябре в Севастополе произошло самое крупное в период первой российской революции военное восстание. Как и другие восстания солдат и матросов, началось оно стихийно. В восстании приняли участие матросы крейсера «Очаков», броненосца «Пантелеймон» (бывший «Потемкин», переименованный после происшедшего на нем летом 1905 г. военного бунта), десяти других военных кораблей, флотской дивизии и часть солдат. Остальные 22 корабля севастопольской эскадры в восстании участия не приняли.

Был избран Совет матросских, солдатских и рабочих депутатов. Командование восставшим флотом было предложено лейтенанту Петру Петровичу Шмидту. Считавший себя беспартийным социалистом, Шмидт приобрел известность страстной речью на похоронах жертв, погибших в октябре при расстреле демонстрации в центре Севастополя. Командованию Черноморского флота удалось сосредоточить против восставших верные правительству войска. Когда был отклонен ультиматум о сдаче, по кораблям и казармам был открыт с береговых батарей и судовых орудий шквальный огонь. Шмидт вместе с 16-летним сыном последним бросился в воду с пылающего «Очакова». Восставшие подверглись жестокой расправе. Шмидт и еще несколько руководителей восстания были приговорены военным судом к смертной казни и расстреляны. Как и восстание на броненосце «Потемкин», «Севастопольский пожар» (так называли ноябрьское восстание моряков — черноморцев) вспыхнул стихийно.

Синхронно с революцией, потрясавшей города Российской империи, большую часть страны охватили крестьянские волнения. Первый их всплеск приходится на 1902 — 1903 гг., он предвещал широкомасштабное крестьянское движение периода первой российской революции. Уже с начала 1905 г. значительное влияние на стихийно возникавшие крестьянские волнения оказали агитаторы — рабочие, основную массу которых составили возвратившиеся в родные места или приехавшие туда на время участники забастовок. Эсеры и социал-демократы выпускали тысячными тиражами листовки для крестьян. Но главную роль в подъеме борьбы крестьян за землю играли общинные решения. Крестьяне жгли помещичьи имения, выживая бар из их родовых гнезд. И в

отблеске этих пожаров вырисовывалась кого пугающая, а кого воодушевляющая картина новой пугачевщины. Ленин приветствовал аграрный террор. В «Докладе о революции 1905 года» он выразил сожаление, что крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую часть дворянских усадеб и не стерли полностью помещичье землевладение в России⁴¹.

За три последних месяца 1905 г. произошло более полутора тысяч крестьянских выступлений. Особой продолжительностью и упорством отличалась борьба крестьян Прибалтики и Грузии. В течение всего 1905 г. села Кутаисской губернии находились под контролем революционных комитетов, опиравшихся на вооруженные отряды, так называемые «красные сотни». Городская и крестьянская революции на окраинах империи были в ряде мест частью национально-освободительного движения, которое в то время проходило главным образом под автономистскими лозунгами.

7 декабря, ровно через два месяца после начала Октябрьской стачки, в Москве была объявлена новая всеобщая политическая стачка. Решение ее привести было принято по результату опросов на московских предпрятиях. После этого московские социал-демократы (большевики в первую очередь) и эсеры приняли соответствующие резолюции, а 6 декабря всеобщая стачка с перерастанием в вооруженное восстание была узаконена Московским Советом рабочих депутатов.

Разработанного и согласованного плана вооруженной борьбы не было ни у Совета, ни у революционных партий. Главной силой восставших были около 1700 вооруженных дружинников (600 большевистских, 300 эсеровских, 250 меньшевистских и 500 — 600 беспартийных). Им противостояло 2 тыс. полицейских и 15 тыс. солдат, не все из которых были надежны.

Восстание не имело централизованного руководства и распалось на несколько очагов. В уличных боях применялась партизанская тактика: то в одном месте, то в другом появлялись небольшие группы боевиков, обстреливали войска и исчезали. Строились баррикады: железные решетки и рельсы, бочки и деревянные балки обливались водой и скреплялись на морозе ледяной коркой. Большинство дружинников составляла молодежь. Сопротивление боевых дружин войскам продолжалось 10 дней.

Особенно упорно сопротивлялись рабочие в районе Пресни, где почти все дружины были эсеровскими. Борьбой пресненских рабочих руководил эсеровский боевик М.И. Соколов, известный под кличкой Медведь. Он, как и все боевики, отличался личным мужеством и презрением к смерти (и своей, и чужой). Пресня подверглась мощному артиллерийскому обстрелу. Вспыхнули пожары. Три больших зарева, слившись вместе, покрыли московское небо. Штаб боевых дружин принял решение о прекращении вооруженной борьбы с 18 декабря. Но военно-полицейские операции по «очищению» Пресни шли еще три дня.

Кроме Москвы, вооруженные восстания в конце 1905 г. происходили еще в ряде городов: в Харькове, Горловке на Донбассе, Ростове — на — Дону, Новороссийске, Сормове, Чите и Красноярске и др. Вдоль Транссибирской железной дороги в них порой участвовали и возвращавшиеся с русско — японской войны солдаты. Несмотря на то, что часто восстания возникали стихийно, сама их возможность во многом определялась той агитационной работой, которая велась революционными партиями.

Московское восстание не могло бы состояться вообще без вооруженных партийных и рабочих дружин. И в полемике Ленина с Плехановым по вопросу о том, следовало ли начинать восстание, прав был последний, заявивший, что не надо было браться за оружие⁴². В сущности московское восстание было революционной авантюрой, инспирированной Советом рабочих депутатов под влиянием большевиков и эсеров.

Политические партии в думский период революции

После декабрьских вооруженных восстаний начался спад революционных настроений, хотя в течение полутора лет дважды (весной — летом 1906 и весной 1907 гг.) был подъем забастовочного движения, и с весны до осени 1906 г. не прекращались крестьянские волнения. Крестьянские восстания вспыхивали в Воронежской, Уфимской, Ставропольской губерниях. А в Латвии в 1906 г. произошло 643 партизанских выступления. Не случайно весной 1906 г. Ленин уделил особое внимание крестьянскому движению, которое, по его оценке, выступило с самыми разрушительными требованиями, вплоть до конфискации помещичьих земель. С целью усилить влияние на крестьянство им была написана работа «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Основные задачи предложенной Лениным новой аграрной программы можно свести к трем пунктам: направить все усилия на победу крестьянского восстания; осуществить национализацию земли в случае установления демократической республики; поддерживать крестьянское движение до конца, сделав все для организации сельского пролетариата с целью его совместных действий в будущем в интересах социалистической революции⁴³. Принять ленинскую аграрную программу удалось только на V съезде РСДРП.

События 1905 г. остро поставили вопрос об объединении двух частей РСДРП в связи с претензиями социал — демократии на руководство рабочим движением. На раскол болезненно реагировали рядовые рабочие — партийцы, не всегда разбирающиеся в сути чуждых им фракционных разногласий. В апреле 1906 г. в Стокгольме состоялся IV съезд

РСДРП, вошедший в партийную историю под названием Объединительного. Съезд, на котором преобладали меньшевики (62 голоса, у большевиков — 46), еще раз продемонстрировал, что большевики и меньшевики по-разному оценивают движущие силы революции, классовые задачи пролетариата, решение аграрного вопроса, тактическую линию РСДРП в революции⁴⁴. Соответственно предлагались и разные проекты резолюций, бурно обсуждавшиеся как в течение двух месяцев накануне съезда, так и на самом съезде.

Политические надежды на будущее меньшевики связывали не с вооруженной борьбой масс, а с Государственной Думой. Они утверждали, что конфликты Думы с правительством могут стать исходной точкой широких массовых движений и привести в конечном счете к свержению царизма. Меньшевицкая резолюция ориентировала пролетариат на поддержку кадетской Думы, которая изображалась как общенациональный политический центр революции. Вопреки большевикам меньшевики провозгласили предложение об образовании думской социал-демократической фракции.

Однако объединение большевиков и меньшевиков на IV съезде РСДРП не могло устранить глубоких разногласий между ними. Съезд усилил процесс размежевания двух разных политических течений в рабочем движении, еще отчетливее выявил их полярность.

Несомненно, перед его участниками не могло не возникнуть проблемы: как будет действовать фракция, оказавшаяся в численном меньшинстве и не согласная с решениями большинства? В какой приемлемой для РСДРП форме несогласное меньшинство будет выражать свое мнение? Не будет ли такая ситуация препятствовать единству действий? Да и вообще, насколько прочно такое единство двух фракций, если каждая руководствовалась различными представлениями о перспективах революционного процесса. А.В. Луначарский вспоминал: «Хотя съезд должен был быть «объединенным», но каждый понимал, что в зависимости от количества голосов на этом съезде «объединенная» партия получит ту или другую физиономию.

Ленин со своей тонкой усмешкой говорил мне тогда: — Если в ЦК или в Центральном Органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству. Я спрашивал Владимира Ильича:

— Ну, а что если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?

Ленин несколько загадочно улыбался и говорил так: — Зависит от обстоятельств. Во всяком случае мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке⁴⁵.

На IV съезде, будучи в численном большинстве, победу одержала меньшевистская фракция. Большевики сразу же развернули критику ошибочных с их точки зрения решений этого съезда. В свою очередь ЦК, где преобладали меньшевики (7 меньшевиков и 3 большевика), издал специальную инструкцию, по которой допускалась свобода критики решений съезда только в партийной прессе и на партийных собраниях. На широких же политических собраниях, считал ЦК, ведущаяся членами партии агитация не должна входить в противоречие с постановлениями съезда. Однако большевики не подчинились этому решению, продолжая отстаивать и проводить в жизнь свою политическую линию.

С иной, чем у социал-демократов, оценкой начавшейся революции выступили эсеры. По их мнению, российская революция не ограничивалась тенденциями предшествующих ей в мировой истории революций, таких, как уничтожение помещичьего землевладения и гнета (крестьянские войны и Французская революция конца XVIII в.), требование политических свобод (все западноевропейские буржуазные революции), национальное освобождение (Нидерландская революция XVI в., война за независимость в США), установление власти рабочих (Парижская Коммуна). Новые, по мнению эсеров, ранее не бывавшие в мировой истории социальные тенденции они связывали с особой исторической миссией крестьянства и революционной интеллигенции в России.

Революция, по мнению В.М. Чернова, наступила преждевременно, когда еще не было подготовленных для победы над самодержавием наличных сил. Русско-японская война ускорила ее наступление, военные поражения вызвали растерянность правительства. Благодаря этому революционное движение «скакнуло далеко выше реального соотношения сил, взрыв возмущения создал «ложную видимость» господствующего положения «левых». Революция не обладала силой, но уверовала в нее и заставила поверить в эту силу правительство⁴⁶. Будучи движущей силой революции, пролетариат, по мнению эсеров, готов был разрушать, но не был, как и крестьянство, подготовлен к созидательной работе. В этой оценке революции больше реализма, нежели в ленинской. Ленину всегда было присуще преувеличение революционной сознательности пролетариата и ведущей роли большевиков в рабочем движении.

В октябре 1906 г. из эсеровской партии выделилось самостоятельное образование «Союз социалистов-революционеров максималистов. Идеологами и теоретиками этого направления были А. Троицкий, М. Энгельгардт, С. Светлов, Г. Нестроев и др. Эсеры-максималисты заявляли, что революция в России или потерпит поражение, или сразу же приведет к социалистическому перевороту. Экономические условия, по их представлениям, не ставят предела развитию революции. Был бы только революционный энтузиазм, а поскольку он в России в избытке, то она, по их мнению, готова к социалистической революции. Цель рево-

люции — трудовая республика, где власть будет принадлежать народу и где не только земля, но и вся промышленность (заводы и фабрики) будут социализированы, т.е. станут народным достоянием.

Эсеры — максималисты представляли революцию как процесс дезорганизации власти и всей государственной жизни путем захвата и экспроприации земли, предприятий, орудий производства. По их мнению, любая партия, поскольку она основана на централизме, подавляет инициативу своих членов и тем сковывает революционную энергию. Светлов предлагал даже заменить политические партии самостоятельными организациями трудящихся, родившимися в годы первой российской революции. К ним он относил Советы рабочих депутатов, профсоюзы, Крестьянский союз. По существу, это был план действий, близкий к анархистской доктрине, но в оценке возможности социалистической революции в России взгляды эсеров — максималистов сближались с большевистскими и троцкистскими.

Другая часть эсеровской партии (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский, С.Я. Елпатьевский) основала партию народных социалистов (энесов). Их взгляды на первую российскую революцию получили отражение преимущественно на страницах журнала «Русское богатство». Энесы отрицательно относились к разгрому помещичьих усадеб и «захватным» действиям крестьян. Пролетариат же, по их мнению, переоценил свои силы, чему способствовала социалистическая интеллигенция.

Правонароднический взгляд на революцию 1905 — 1907 гг. базировался на том, что социалистические партии делают ошибку, отталкивая от себя кадетов, поскольку их программа содержит много небуржуазных черт. Именно в результате ошибочной тактики революционных партий после октября 1905 г. произошло «раздвоение революционных сил и пролетариат без активной поддержки буржуазии, либералов и внеклассовой интеллигенции был раздавлен правительством»¹⁷.

В советской литературе сложился ряд устойчивых штампов о сущности и деятельности ПСР. Один из них — изображение эсеров преимущественно как террористов. Между тем народовольческая традиция террора была эсерами включена в систему широкозахватной революционной деятельности. Провозглашая индивидуальный политический террор одним из орудий борьбы с самодержавием, эсеры видели в нем, во — первых, средство революционизирования масс, агитационного воздействия на их социальную психологию и, во — вторых, надеялись с его помощью устрасить врага и дезорганизовать правительственный аппарат. На деле террор не решал ни первой, ни второй задачи. На террористические акции власть не могла не отвечать защитными мерами. Одной из них было введение военно — полевых судов после организованного эсерами — максималистами и сопровождавшегося многими

жертвами взрыва на даче нового премьер — министра П.А. Столыпина в августе 1906 г.

Духом терроризма, разумеется, была проникнута Боевая организация эсеров, планировавшая свою деятельность независимо от ЦК. Местный же террор проводился под контролем губернских и городских партий — ных комитетов. Безграничная вера в террор была характерна только для отколовшихся от партии эсеров максималистов.

Больше всего террористических актов приходится на время первой российской революции. Если до 1905 г. их было совершено всего 6, то в 1905 — 1907 гг. — 204. После разоблачения руководителя БО Азефа как провокатора в 1908 г. террор в деятельности эсеровской партии начал сходиться на нет, а после убийства Столыпина в 1911 г. фактически прекратился. ЦК ПСР часто менял свои установки в вопросе о терроре, призывая то усилить его (весна — лето 1905 г. начало 1906 г., июнь 1907 г.), то приостановить (после манифеста 17 октября, время I и II Думы). После поражения революции 1905 — 1907 гг. правые эсеры призывали к полному отказу от террора.

Более сложным, чем к политическому, было у эсеров отношение к аграрному террору. Подразумевалось применение всех видов революционного насилия к помещикам (вплоть до поджогов и разгромов усадеб и физической расправы с их владельцами). I съезд ПСР не включил аграрный и фабричный террор в рекомендуемые партией способы борьбы и постановил воздержаться от призыва крестьян к вооруженному восстанию. В августе 1907 г. ЦК ПСР принял специальное постановление «Об аграрном и фабричном терроре», где подтверждалось решение по этому вопросу I съезда партии и признавалось допустимым применение в сельской местности только «политического террора», т.е. убийство представителей администрации. Санкции на такие «партизанские действия» должны были даваться не ниже, чем областным партийным комитетом. В то же время некоторые местные эсеровские организации поддерживали тактику «аграрного террора», в еще большей степени призывы к аграрному и фабричному террору были характерны для максималистов.

Важнейшим направлением деятельности ПСР считалась пропагандистско — агитационная работа в массах. Эсеры призывали крестьян к организации стачек, бойкота помещиков, к созданию крестьянских «братств» (тайных кружков — первичных организаций в деревне). Перед «братствами» ставились задачи распространения народнической идеологии среди крестьян, ознакомление их с программами и тактическими установками эсеров, усиление влияния на решение «мирских дел» в соответствии с этими установками, объединение крестьян как для проведения просветительских мероприятий, так и в борьбе за их права и организацию «революционных» акций. При этом в «революционных» акциях предпочтение отдавалось мирным демократическим действиям (стачки, демонстрации, петиции и др.).

Занимаясь «политическим воспитанием» крестьян, эсеры не упускали из виду и городской пролетариат. Более того, после поражения первой российской революции их пропагандистско — агитационные усилия в большей степени направлялись на работу среди городского населения, нежели сельского.

В период первой российской революции в составе ПСР, насчитывающей немногим более 65 тыс. человек, рабочих (43,2%) было почти столько же, сколько и крестьян (45,2%), а интеллигентов 11,6%. Наиболее крупными были Петербургская (более 6 тыс. чел.) и Московская (до 3 тыс. чел.) эсеровские организации. ПСР имела в структуре своей организации 1555 первичных крестьянских организаций. Они были сосредоточены главным образом в европейской части Российской империи. Во всех городах, где имелись высшие учебные заведения, ПСР создала также студенческие эсеровские организации. В РСДРП же, имевшей в своих рядах к 1907 г. до 170 тыс. членов, рабочих было 63%, служащих 5%, интеллигентов — 32%.

Партии революционной ориентации по разному строили свои отношения с беспартийными рабочими организациями. Ссылаясь на опыт II Интернационала, придерживавшегося теории «нейтральности» профсоюзов, меньшевики считали, что легче широкие массы рабочего класса привлечь в беспартийные союзы, где их не ограничивают какими — либо политическими обязательствами. Другой их довод в пользу «нейтральности» состоял в том, что при обилии различных политических течений в рабочем движении России соединение союзов с какой — либо партией может привести к расколу профсоюзного движения и усилению в нем фракционной борьбы. Примерно такую же позицию занимали по отношению к профдвижению и эсеры, что отразилось в решениях III Совета партии в 1907 г. Согласно ему, беспартийность профсоюзов должна состоять в их полной организационной автономии и независимости от партий.

Позиция большевиков была иной. В принятой на V съезде РСДРП резолюции указывалось, что профессиональным союзам необходимо признать идейное руководство партии и установить с ней организационную связь.

Манифест 17 октября был лишь декларацией о намерениях. Обещания, данные в нем, требовали законодательного закрепления. В апреле 1906 г. Николай II утвердил новую редакцию «Основных законов Российской империи». Власть императора, согласно «Основным законам», не была столь безраздельной и ничем не ограниченной, сколь прежде. Статья 7 гласила: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой»⁴⁸. В перерывах между сессиями Думы или в случае ее роспуска император мог принимать законодательные акты, если этого потребуют чрезвычайные обстоятельства. Однако он не имел права вносить изме —

нения в «Основные законы», в положения о Государственном Совете и Государственной Думе, в постановления о выборах в Совет или Думу.

Созданный еще в 1810 г. законосовещательный Государственный Совет был преобразован в верхнюю законодательную палату и участвовал в законодательной деятельности на равных правах с Государственной Думой. Половина членов Государственного Совета назначалась императором, другая избиралась.

Отдельная глава в «Основных законах» была посвящена правам и обязанностям граждан. Начиналась она со статей об обязанностях, к которым были отнесены воинская повинность и уплата налогов и пошлин. Законом устанавливалась неприкосновенность собственности. Провозглашалось, что каждый имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за границы государства. В пределах, не противоречащих законам, провозглашалась свобода собраний, слова, создания обществ и союзов, вероисповедания. Никто не мог подвергаться преследованию за преступные деяния, задержанию под стражей, суду и наказанию иначе, как в законодательном порядке.

Закон о выборах в Государственную Думу, подготовленный правительством Витте, был издан еще в декабре 1905 г., в разгар Московского вооруженного восстания. Дума избиралась на 5-летний срок и могла быть распущена императором одновременно с назначением новых выборов и определением времени созыва. Выборы были куриальными, многостепенными и неравными. Все избиратели делились на 4 разряда (курии): землевладельцы, горожане, крестьяне, рабочие. По куриям избирались губернские выборщики. При этом один выборщик приходился на 2 тыс. землевладельцев, 4 тыс. горожан, 30 тыс. крестьян, 90 тыс. рабочих. Выборщики губернских собраний выдвигали депутатов в Думу. Женщины и более половины мужского населения страны не получили избирательных прав. В ведении Думы находилось принятие законов (с их последующим прохождением через Государственный Совет и императорским утверждением), выступление с законодательной инициативой, утверждение государственного бюджета, штатов и смет различных ведомств, заслушивание отчета государственного контроля об их исполнении, право обращения с запросами к министрам.

Думой «народных надежд» или «народного гнева» называли либеральные публицисты I Думу, просуществовавшую 72 дня (27 апреля — 8 июля 1906 г.). Известна она еще и под названием кадетской Думы, так как более трети ее депутатов представляли эту партию. Председателем Думы был избран кадет С.М. Муромцев. Второй по численности депутатской группой была крестьянская, образовавшая самостоятельную фракцию трудовиков (трудовая группа). Это было депутатское объединение демократической ориентации. Трудовики требовали отменить сословные и

национальные ограничения, демократизировать земское и городское самоуправление, осуществить всеобщее избирательное право для выборов в Государственную Думу. Аграрная программа трудовиков включала полную ликвидацию помещичьего землевладения и передачу всех земель в общенародный фонд для уравнительного землепользования. Пользуясь политической терминологией, Думу по ее составу в целом можно охарактеризовать как центристскую. Крайне правое и левое ее крыло были представлены немногочисленными депутатами. Большевики и эсеры выборы бойкотировали, так как видели в Думе угрозу целям революционной борьбы. Однако небольшая рабочая группа вскоре преобразовалась в социал-демократическую после того, как позднее прибыли участвовавшие в выборах депутаты — меньшевики из Грузии.

27 апреля думские депутаты собрались в Георгиевском зале Зимнего дворца. В пятиминутной речи по случаю открытия первого российского парламента Николай II заявил, что России нужна не только свобода, но и порядок. Для Думы был отведен Таврический дворец. Там, сидя под огромным портретом Николая II, четко и безукоризненно соблюдая все процедуры, вел заседания председатель I Думы кадет С.А. Муромцев, известный ученый — юрист.

В центре думских обсуждений находился аграрный вопрос. Два разных подхода к его решению выразились в законопроектах кадетов и крестьянских депутатов — трудовиков. Кадеты предлагали создать государственный земельный фонд из казенных, монастырских, удельных и части помещичьих земель, подлежащих принудительному отчуждению за «справедливое вознаграждение». Комитеты по распоряжению землей должны были, по их предложению, включать равное количество представителей от властей, помещиков и крестьян. Трудовики требовали ликвидации помещичьего землевладения и передачи всех земель (за исключением наделов, не превышающих трудовую норму) в общенародный фонд. Трудовики не отрицали возможности выкупа, но за счет государства и по минимальной цене. Земельные комитеты они предлагали выбирать на основе всеобщего избирательного права.

В ночь с 8 на 9 июля Дума была распущена императорским манифестом на основании того, что она вместо законодательной деятельности «разжигает смуту». По инициативе кадетов 910 июля в Выборге было проведено собрание депутатов, в котором приняло участие около половины состава распущенной Думы. На нем было принято обращение к гражданам России — «Народу от народных представителей». В этом обращении, получившем известность как Выборгское воззвание, население призывалось к пассивному сопротивлению, включающему уклонение от уплаты податей и от воинской повинности. Воззвание было напечатано в Финляндии тиражом 10 тыс. экземпляров. Правительство приняло контрмеры: листовки с воззванием подлежали конфискации, а

их распространители — аресту. 167 подписавших воззвание депутатов были в конце 1907 г. были приговорены к 3-месячному тюремному заключению.

Разгон Думы произошел на фоне нового подъема крестьянского движения, его масштабы сравнивались с осенними 1905 г. и даже их превзошли. На сельских и уездных сходах принимались наказания и приговоры, они направлялись думским депутатам и в различные инстанции центральной власти. Во всех них с той или иной степенью резкости поднимался вопрос о земельных нуждах крестьян. «Русская земля держится нами, а не помещиками», — писали, например, крестьяне Валуйского уезда Воронежской губ. «Требуйте полного перехода всей земли в руки крестьян», — обращались к думцам курские крестьяне. «Уничтожить частную собственность на землю и передать ее в руки народа», — требовали крестьяне Макарьевского (известного ярмарками) уезда Нижегородской губ. Крестьяне возмущались выкупными платежами и требовали их отмены. «Податные забастовки» (т.е. отказ от уплаты податей) — одна из наиболее распространенных форм протеста в период первой российской революции. Рядом с требованием «Земли!» стояло требование «Воли!», т.е. уничтожения крестьянской сословности и создания бессословного земства. Крестьяне выступали за введение всеобщего начального обучения. Раздавались голоса и за ограничение торговли крепкими спиртными напитками. «Человек, борющийся за правду и землю, не должен быть пьян», — заявлялось в наказе Звенигородского уезда Московской губ. Во многих наказах фигурировали и политические требования «государственного перестроения». В том числе замена «правительственных назначений выборным началом», введение всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, созыва Учредительного собрания⁴⁹.

Роспуск царем Думы привел к июльскому политическому кризису. В эти дни тактика социалистических партий колебалась между легальными средствами борьбы и допуском возможности перейти на прямой революционный путь. Вначале был провозглашен лозунг «возобновления сессии Думы для созыва учредительного собрания», а в дальнейшем рекомендовались проявления протеста под лозунгом «за Думу как орган власти, который созывает учредительное собрание». 17 — 20 июля произошло стихийное восстание в военно-морской крепости Свеаборге, и в день его подавления вспыхнуло восстание в Кронштадте, также быстро ликвидированное. 21 июля 1906 г., в связи с военными восстаниями в Свеаборге и Кронштадте, совместное воззвание ЦК РСДРП, ЦК П.С. — Р., ЦК Бунда, думских фракций социал-демократов и трудовиков призывало массы к всенародной забастовке. Подавление восстаний обрекло всеобщую стачку на неуспех, и ЦК РСДРП рекомендовал отказаться от активных выступлений⁵⁰. Сближение между меньшевиками и большевиками по коренным вопросам революционной тактики (в октябре — декабре 1905 г. и в дни

июльского кризиса) объяснялось не только тем, что их лидеры стали одинаково оценивать сложившуюся обстановку, но и тем, что рядовые партийцы не понимали сути фракционных разногласий и причин раскола.

После июльского политического кризиса меньшевики в газете «Социал — демократ» вновь развивают тезис о превращении Думы в «орудие революции», утверждая, что конфликт Думы с царским правительством есть норма ее существования. Урок, извлеченный меньшевиками из опыта I Думы, заключался в том, что надо крепить в сотрудничестве с кадетами «общенациональную оппозицию». Опасаясь того, что черносотенцы могут одержать победу на выборах во II Думу, меньшевистский ЦК предложил выступать в избирательной кампании в блоке с кадетами.

В ноябре 1906 г. в Таммерфорсе состоялась вторая (первая общероссийская) конференция РСДРП, где обсуждался вопрос о тактике партии в избирательной кампании. Из 32 делегатов 18 представляли меньшевики и бундовцы, их голоса были отданы за резолюцию «О тактике РСДРП в избирательной кампании», допускавшую блоки с кадетами в нерабочих куриях в случае черносотенной опасности. Однако поправка непримиримого Ленина к другой резолюции, «Об единстве избирательной кампании на местах», препятствовала меньшевистскому большинству ЦК проводить тактику блокирования с кадетами. На выборах во II Думу левоблокистская тактика большевиков победила в Петербурге и 52 других городах европейской России, а меньшевистская линия одержала верх в 6 крупных промышленных центрах и в других 42 городах.

Аксельрод, Потресов, Череванин и др., а также солидаризировавшийся с ними в принципе, хотя и с оговорками, Плеханов стремились подкрепить направленную на поддержку либеральной оппозиции тактическую линию организационной перестройкой партии из революционной в реформистскую. Осенью 1906 г. Аксельрод вновь возглавил кампанию за созыв рабочего съезда. Предложение его созвать он выдвинул еще летом 1905 г. По замыслу его сторонников, это должно было привести к созданию широкого профессионально — политического рабочего союза. Эта идея в корне противоречила ленинским представлениям о пролетарской партии как орудии борьбы за власть.

В начале 1907 г. состоялись выборы во II Государственную Думу. Впервые в думских выборах принимали участие все политические партии. Выборы во II Думу, казалось, подтвердили правильность парламентской ориентации меньшевиков: в ней оказалось 43% левых депутатов, в т.ч. 65 социал — демократов. В социал — демократической фракции меньшевики по численности вдвое превосходили большевиков, они же и руководили рабочей фракцией, направляя ее в сторону создания блока всех революционных и оппозиционных сил, включающего кадетов.

II Дума открылась 20 февраля 1907 г. и просуществовала 103 дня. По сравнению с I Думой в ней уменьшилось число кадетов (20% от всех

депутатов), сохранилась сильная позиция трудовиков, появилась довольно значительная социал — демократическая фракция, а также фракция эсеров. В целом Дума полевела, из — за чего вероятным стал ее роспуск в будущем. Кадеты стали проявлять большую осторожность, проводя так — тики «бережения Думы», суть которой заключалась в избегании острых конфликтов с императорской властью.

Назначенный 8 июля 1906 г. председателем Совета министров П.А. Столыпин (1862 — 1911) провозгласил курс на «либеральные реформы». Выступая с декларацией в Думе, он заявил: «отечество наше должно превратиться в государство правовое»⁵¹ и предложил 30 законопроектов. Столыпинский «пакет» включал законопроекты о неприкосновенности личности и свободе вероисповедания (в развитие «Основных законов»), расширении прав местного самоуправления, представлении рабочим возможности отстаивать свои экономические интересы через профсоюзы и ненаказуемости за участие в экономических стачках, введении государственного страхования рабочих, установлении обязательного начального образования. Вся эта программа отражала пражительственный курс на реформы.

Дума оставила без ответа правительственную декларацию, приняв решение о переходе к очередным делам без ее оценки. Таким образом, уже в начале работы Думы обозначилось ее политическое соперничество с исполнительной властью. Это проявилось и в спорах с правительством при обсуждении того, по какой процедуре проводить тот или иной законопроект, правомерна ли Дума ставить тот или иной вопрос. Депутаты широко использовали систему запросов по поводу всякого чрезвычайного происшествия в стране (производственное отравление рабочих, неоправданное применение воинской силы при «наведении порядка» и т.д.). Стенографические отчеты о заседаниях Думы печатались в газетах, обеспечивая гласность ее деятельности.

Как и в I Думе, во II — й главным был аграрный вопрос. Трудовики отстаивали свой прежний законопроект. Крестьянский депутат священник Ф.В.Тихвинский с думской трибуны говорил: «Вот как смотрит крестьянство, трудовой народ на землю: земля Божья и трудящийся крестьянин имеет право на нее так же, как каждый из нас имеет право на воздух и воду. Было бы странно, если бы кто стал продавать или покупать, или торговать водой и воздухом; так же странно должен звучать для нас всякий торг, продажа и покупка земли. Крестьянский союз и трудовая группа желают провести принцип: вся земля трудящемуся народу»⁵². Кадеты смягчили свой законопроект, сведя к минимуму принудительное отчуждение земли. Радикальные и идеологизированные земельные проекты были декларированы эсерами (социализация земли), большевиками (национализация) и меньшевиками (муниципализация, передача органам местного самоуправления).

Поводом для роспуска Думы стала революционная деятельность депутатов социал — демократической фракции. На заседании Думы было оглашено постановление судебного следователя о привлечении за подготовку государственного переворота 55 членов социал — демократической фракции. Пока думская комиссия занималась изучением этого обвинения, социал — демократические депутаты в ночь на 3 июня были арестованы (в дальнейшем судимы и приговорены, кто к каторге, кто к ссылке). Днем же были опубликованы указ и манифест о роспуске II Думы. Ей, как и первой, вменялось в вину затягивание принятия законопроектов и бюджета. Роспуском II Думы завершаются события первой российской революции.

В период между IV и V съездами ЦК РСДРП проводил меньшевистскую политическую линию: выдвижение как I, так и II Государственной Думы в центр общественного движения. Недовольный этим Ленин постоянно подталкивал депутатов — большевиков на ультрареволюционные акции, хотя деятельность думской фракции в целом была активной и отличалась радикализмом выступлений, предложений и запросов. Положительная оценка деятельности думской фракции, вопреки резкой критике со стороны большевиков, была дана на V съезде РСДРП, состоявшемся в Стокгольме и закончившем свою работу за две недели до разгона II Думы.

В отличие от IV съезда РСДРП, где доминировали меньшевики, на V съезде перевес возымели большевики. Он, правда, был незначительный: 89 делегатов с решающим голосом против 88 меньшевистских. Но благодаря поддержке польских и в значительной степени латышских делегатов на съезде были приняты большевистские резолюции. Общая картина революции выглядела в докладе Мартова следующим образом: декабрьское поражение вытесняет пролетариат с арены открытой политической борьбы, и в центре столкновения общественных сил оказывается Государственная Дума. В выступлениях меньшевиков говорилось о том, что отказ от практических соглашений с либералами ведет к ослаблению революции. Противоположную точку зрения защищал Ленин, определявший либеральную буржуазию как контрреволюционную силу. В принятой съездом резолюции предлагалось вести борьбу с лживым демократизмом кадетов. Была также осуждена меньшевистская идея рабочего съезда.

V съезд РСДРП упрочил позиции большевиков в партии. Однако ни выборы во II Думу, на которых лидировали меньшевики, ни большевистские резолюции Лондонского съезда не отражали действительного соотношения фракционных сил ни в социал — демократическом, ни в рабочем движении. Очень часто «партийная судьба» и фракционная ориентация рабочих решалась в зависимости от того, чьи — большевиков или меньшевиков — представители и агитаторы первыми начинали среди

них работу, кто — большевики или меньшевики — проявляли большую активность на том или ином предприятии. Да и вообще тонкости политических расхождений между большевиками и меньшевиками были малодоступны для многих рабочих, вступивших в РСДРП. В революции массы шли за лозунгами, за агитаторами, а не за партийными литераторами.

В период революции 1905 — 1907 гг. в меньшевизме выявились сильные реформистские тенденции (Аксельрод, Плеханов, Потресов, Череванин), сложился своего рода центр (Мартов, Дан, Мартынов), наметились крайне «левые» фигуры (Парвус, Троцкий). Так началось превращение меньшевизма в конгломерат групп и течений, что, разумеется, ослабляло его борьбу против консолидированного вождя и монолитного по умонастроению большевизма.

С окончанием первой революции в России завершился первый этап становления большевизма и меньшевизма. Сложился комплекс идей, определивших их политическое поведение в дальнейшем. У большевиков это были: ленинская теория перерастания буржуазно — демократической революции в социалистическую в условиях установления революционно — демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, тактика, ориентированная на гегемонию пролетариата и его союз с крестьянством и борьбу с либерализмом, курс на вооруженное восстание и вне — думское революционное движение, представление о партии как штабе революционной борьбы, вносящем социалистическое сознание и революционную энергию в рабочую среду.

В меньшевистский комплекс идей входили: концепция «общенациональной революции», в которой пролетариат играет особую, авангардную роль, но уступает в случае победы власть буржуазии; ориентация на коалицию трех сил — рабочего, либерального и крестьянского движения; трансформация «интеллигентской» РСДРП в «широкую рабочую партию» со сведением к минимуму роли в ней профессиональных революционеров; отказ от всесторонней управляемости революционного процесса с переносом центра тяжести партийной работы в массовые рабочие организации.

«Русский опыт» 1905—1907 годов в оценке большевиков и меньшевиков

Русским марксистам было присуще видение революции 1905 — 1907 гг. в ее глобальной перспективе, в тесной связи с интернациональной исторической миссией пролетариата. Развитие марксистской мысли применительно к «русскому опыту» рассматривалось как долг

всех социал — демократических партий, среди которых ведущее место занимали теоретики германской социал — демократии.

Единодушно признавая революцию в России буржуазной (по определению Ленина, она буржуазно — демократическая), социал — демократические публицисты уже в первые месяцы 1905 г. сформулировали несколько подходов к пониманию ее особенностей и перспектив. 27 января в «Искре» были опубликованы статьи лидера меньшевиков Мартова «Девятое января» и социал — демократа Парвуса «Итоги и перспективы», они положили начало дискуссиям об особенностях революции, так — тике РСДРП и возможном участии во Временном революционном правительстве.

Суть умозрительных рассуждений Парвуса (их Мартынов именовал феерией)⁵³ была та, что по причине своеобразия исторического развития России в ней не сложились ни сильная либеральная буржуазия, ни сильная мелкобуржуазная демократия. Парвус утверждал, что все политические направления, за исключением социал — демократии, опирающейся на классовую борьбу пролетариата, не могут решить свои задачи, так как не имеют массовой общественной поддержки. Таким образом, революционная власть окажется в руках пролетариата (рабочей демократии), что открывает совершенно новые перспективы для формирования с участием социал — демократов Временного правительства и перехода к социальным преобразованиям⁵⁴.

В письме Аксельроду, относящемся к середине февраля 1905 г., Парвус заявляет: «Многое еще недавно казалось невозможным, а теперь стало политической реальностью». Развивая свою позицию, он пишет: «Революция выдвигает политические силы и открывает возможности, вне ее немыслимые», «Суть в том, чтобы в каждый исторический момент достигнуть наибольших политических изменений в направлении к социальной революции, какие возможны при наличности политических сил»⁵⁵. Парвусу и его сподвижнику Троцкому, так же, как и Ленину, невозможное казалось возможным, настолько велик был эффект «ослепления революционным светом».

Характерно высказывание Троцкого о том, что работы Парвуса превратили для него «завоевание власти пролетариатом из астрономической «конечной» цели в практическую задачу нашего времени»⁵⁶. В статьях осени 1905 г. получают дальнейшее развитие концептуальные построения Парвуса и Троцкого на тему своеобразия исторического развития России, расстановки классовых сил в российской революции и ее перспектив. 25 октября (что символично в свете будущих событий 1917 г.) в газете «Начало» были опубликованы перекликающиеся по содержанию статьи Парвуса, Троцкого и Меринга о непрерывной (перманентной) революции. Наиболее примечательным фактом революции в России Парвус считает «...то обстоятельство, что производительные

силы страны оказались в распоряжении рабочего класса еще раньше, чем он достиг политической власти. В этом факте кроются столетия мирового развития капитализма и величайшие перспективы всемирной истории. Пролетариат, разумеется, не выпустит из рук своих политической силы, которую сам создал»⁵⁷.

Подобно Парвусу, Меринг уверен, что пролетариат, придя к власти в России, может сократить и ускорить историческое развитие, если «поле действий» после одержанной революцией победы не будет предоставлено буржуазии, если русские рабочие «не отдадут приобретенной революционной силы в жертву миражам буржуазного строя». Прогнозируя геополитическую ситуацию в результате победоносной революции, Меринг утверждает, что революция не удержится в пределах России, точно так же, как это было во Франции в конце XVIII в.⁵⁸

Непрерывность революции Троцкий, в унисон с Парвусом и Мерингом, видит в том, что пролетариат в процессе осуществления основных задач демократии и по логике борьбы за упрочение своего политического господства неизбежно столкнется с необходимостью решать чисто социалистические проблемы. Свой вывод Троцкий формулирует в афоризме: «Непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения»⁵⁹. И этот вывод был сделан им еще в 1905, а не в 1906 г., как это утверждается в некоторых работах⁶⁰.

В 1906 г. свои взгляды на революцию в России Троцкий изложил в брошюре «Итоги и перспективы», в которой подчеркнуто повторяется название статьи Парвуса, положившей начало их общей концепции. Согласно этой концепции, доведенной Троцким до ее конечной завершенности в тезисе о перерастании национальных революций в мировую, рабочий класс в России, с ее экономической отсталостью и преимущественно крестьянским населением, не сможет «превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру» без поддержки мирового пролетариата, что связывает «судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе»⁶¹. Такой подход к пониманию российской революции в единстве ее национального и глобального аспектов возник как совместный результат теоретических поисков у представителей российской и германской социал-демократии. За логическими конструкциями германских и российских разработчиков идеи Маркса — Энгельса о непрерывности революционного процесса просматривается жгучее желание приблизить «час социалистической революции» как в России, так и на Западе. И Парвус, и Меринг, похоже, надеялись, что победа рабочих в России революционизирует западноевропейский пролетариат как воодушевляющий и окрыляющий его пример.

Неортодоксальные взгляды на революцию в России одновременно с Парвусом и Троцким стал развивать Ленин. Им всем было присуще

революционное нетерпение, их мысль работала в одном стратегическом направлении, но в разных политико — социологических плоскостях. Ленин выделяет три особенности, отличающих российскую революцию: исключительную остроту аграрного вопроса в стране с преобладающим крестьянским населением, силу и сознательность организованного в социалистическую партию пролетариата, контрреволюционность буржуазии. Таким образом, движущими силами революции в его трактовке оказываются пролетариат (гегемон) и крестьянство, а либералы оттесняются и вытесняются из революции. И в этом ее исторический парадокс: победа революции невозможна как победа буржуазии. Соответственно меняется и цель борьбы пролетариата в буржуазно — демократической революции нового типа, происходящей в новую историческую эпоху: она определяется как установление революционной диктатуры пролетариата и крестьянства. Для Ленина «...отказ от идеи революционно — демократической диктатуры пролетариата и крестьянства равносителен отказу от осуществления нашей программы — минимума»⁶². Ленин, таким образом, начисто отвергал возможность и модель либерального преобразования России, считая, что ей уготован самобытный, а не западноевропейский путь революционного решения вопроса о власти.

В напечатанных 12 апреля (30 марта) в газете «Вперед» статьях «Социал — демократия и временное революционное правительство» и «Революционно — демократическая диктатура пролетариата крестьянства» Ленин, по существу, солидаризируется с Парвусом («тысячу раз прав Парвус», хотя у него и имеются «маленькие неверности»), проявившим, на взгляд вождя большевиков, смелость в определении задач и тактики социал — демократии в российской революции⁶³. Однако Ленин не соглашается с обретенным не на долгий срок идейным союзником в том, что временное революционное правительство будет правительством только «рабочей демократии» и социал — демократического большинства. Социальный базис революции создается не одним пролетариатом, а еще и широкими мелкобуржуазными массами крестьян и горожан, реальные интересы которых может обеспечить осуществление социал — демократической программы — минимум. Революционным пафосом и духом перманентной революции веет от заключительных слов статьи «Революционно — демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»: «...при условиях революционно — демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота»⁶⁴.

Выступая на четвертом съезде РСДРП, Ленин утверждает, что в случае победы революции в России «единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе»⁶⁵. Таким образом, мысль Ленина о непрерывности революции («пролог европейского социалистического

переворота») развивается синхронно с аналогичной у Троцкого и даже опережающе (март — апрель 1905 г.). Но что отличает ленинскую трактовку от троцкистской, так это твердое в то время убеждение насчет двухстадийности революционного процесса в России (буржуазно — демократическая революция — революционно — демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, социалистическая — диктатура пролетариата) и определение роли крестьянства как союзника рабочего класса на первой стадии. Хотя, справедливо замечает Т. Шанин, «новая формулировка крестьянского вопроса подорвала двухстадийную теорию революции»⁶⁶.

«Теория перманентной революции», с точки зрения меньшевизма, начинавшего политически и теоретически осмысливать свое место в социал — демократическом движении, означала разрыв с официальной программой партии и, по существу, отказ от программы — минимум. К вопросу об особенностях российской революции меньшевики подходили более «мягко» по сравнению с делавшими на них упор радикальными оппонентами слева. По мнению Мартова, подтвердилась «головомомная «доктринерская» идея социал — демократов» о гегемонии пролетариата в российской буржуазной революции (и в дальнейшем меньшевики признавали наличие этой гегемонии в 1905 г.), «на смерть поражен умеренный российский либерализм», но «нелепо и вредно мечтать о монополии активной роли в надвигающемся восстании для русской социал — демократии». Отрицая эту монополию, Мартов выражает надежду, что РСДРП все же «будет обеспечено политическое руководство всенародным выступлением»⁶⁷.

Да, признавали меньшевики, у пролетариата политические притязания куда более радикальны, чем у оппозиционных элементов буржуазного общества, но это не означает, что они идут вразрез с интересами буржуазного общества. Это лишь расширяет завоевываемый простор для борьбы с буржуазией, поскольку революция, утверждая власть буржуазии, в то же время в большей или меньшей степени легализирует классовую борьбу. Пролетариат в революции выступает «сознательным двигателем политического самоосвобождения буржуазного общества в целом». Происходит революционизирование буржуазной демократии, ранее связывавшей свою судьбу с либерализмом и метавшейся между революцией и реформой⁶⁸. Объективные условия переживаемой эпохи буржуазных революций обуславливают единственно возможную тактику, подсказанную опытом западноевропейских революций 1848 г., — тактику партии крайней оппозиции, оказывающей давление на буржуазию с целью углубить и расширить революционные завоевания в рамках программы — минимум РСДРП⁶⁹.

В полемике по вопросам революционных перспектив и тактики, раз — вернувшейся на страницах социал — демократической печати уже в на —

чале 1905 г., меньшевистские публицисты подвергли резкой критике «идеологический оптимизм» (выражение Мартова)⁷⁰ Ленина и Троцкого. О сфокусированности этой полемики свидетельствуют названия статей: «На очереди (Рабочая партия и захват власти, как наша ближайшая за — дача)» (А. Мартов), «К вопросу о захвате власти» (Г. Плеханов), «Революционные перспективы» (А. Мартынов). Их тактический лейтмотив — отношение социал — демократии к непролетарским революционным и оппозиционным силам и партиям: бить вместе, но идти врозь, а в случае победы революции социал — демократам не входить в правительство. «Враги революционной фразы», как именовали себя меньшевики — «но — воискровцы»⁷¹, признавая особую роль пролетариата и его партии в российской революции, считали, что последняя сущностно не может выйти за пределы чисто буржуазного развития, и поэтому тактика революционной оппозиции завещана РСДРП историей западноевропейских революций 1848 г. «В отличие от «сочинителей «новой методы» (имеются в виду Ленин, Парвус, Троцкий. — Авт.), — писал Мартынов, — мы не стремимся к власти, неспособной обеспечить господство представляемого нами класса — пролетариата». И пояснял: это не властобоязнь, а объективная необходимость не допустить того, «чтобы социал — демократии, после первого победоносного выступления, не пришлось взвалить на себя ответственность за ограниченность буржуазной революции, в которой повинна буржуазность огромного большинства нации»⁷². В свете последующих с 1917 г. событий в России несомненно и то, что меньшевики провидчески предостерегали от опасностей революционного экстремизма, и что Ленин с Парвусом и Троцким уловили возможность волюнтаристского выхода революционной смуты за пределы буржуазной революции.

Свои взгляды на своеобразие российской революции и тактику в ней как меньшевики, так и большевики стремились подкрепить мнением авторитетных лидеров западноевропейских социал — демократических партий. Показательно в этом аспекте обращение к ним в 1906 г. Плеханова с просьбой ответить на анкету, содержащую вопросы о характере российской революции и позиции социал — демократии по отношению к буржуазной демократии⁷³. Каутский, наиболее известный после смерти Энгельса теоретик марксизма, многие работы которого издавались на русском языке в период революции 1905 — 1907 гг., ответил на нее большой статьей, опубликованной в «Die Neue Zeit» и неоднократно выходившей в России отдельной брошюрой (в том числе и под редакцией Ленина, написавшего к ней предисловие).

По существу, взгляды Каутского не совпадают полностью ни с плехановскими, ни с ленинскими, хотя по некоторым важным позициям ближе к последним. Так, Каутский делал акцент на своеобразие российской революции. Он ее квалифицировал не как буржуазную «в обыч —

ном смысле этого слова», но и не как социалистическую, поскольку она совершается на границе той и другой и дает «могучий толчок всему прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации», подготавливая условия для перехода к социалистическому обществу⁷⁴. В отличие от меньшевиков, Каутский полагал, что время, когда буржуазия была движущей силой революций, миновало, и что в российской революции союзником пролетариата выступает крестьянство (Плеханов с раздражением, имея в виду в первую очередь Ленина, писал о своих противниках, которые «судорожным усилием ухватились за фалды Каутского»⁷⁵).

Признание революции в России неклассическим вариантом (типом) было свойственно не только Ленину, Парвусу, Троцкому, но также Каутскому и Мерингу. Этот подход бесспорно имел все основания в исторической действительности России, но также бесспорно, что в нешаблонных политико-социологических моделях российской революции он был предельно идеологизирован и схематизирован, подчинен политическим задачам.

Принципиально важным для марксистских схем был вопрос о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Эту проблему и Ленин, и меньшевистские лидеры ставили и рассматривали в контексте мировой пролетарской революции. В «Извещении о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии» (май 1905 г.) Ленин с присущим ему явно выраженным революционным мессианизмом писал: «Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде революции в России»⁷⁶.

По мысли Ленина, победа российской демократической революции дала бы мощный импульс социалистическому движению европейского пролетариата. Вместе с тем Ленин учитывал, что начало демократической революции в России и социалистическая революция на Западе могут не совпасть по времени. Какой политической линии должна тогда придерживаться партия? Какие внутренние и международные факторы будут тогда иметь решающее значение для перехода России к социалистической революции?

Рассматривая русскую революцию в контексте мировой социалистической революции, Ленин тем не менее неоднократно подчеркивал, что гегемония пролетариата и его союз с крестьянством должны стать тем решающим фактором, который позволит в короткие сроки осуществить перегруппировку политических сил, создав тем самым условия для пе-

перерастания одного типа диктатуры (революционно — демократической диктатуры пролетариата и крестьянства) в другой — диктатуру пролетариата.

Перспективам демократической революции в России большое внимание уделял и Л.Д. Троцкий. Как политический деятель, Троцкий был ярким приверженцем теории «перманентной», т.е. непрерывной революции. Наиболее полно суть этой теории Троцкий изложил в брошюре «Итоги и перспективы» (1906 г.), в книгах «1905» (1922 г.) и «Перманентная революция» (1930 г.). В основу теории «перманентной» революции положен тезис об особенностях исторического развития России. Самодержавие, считал Л.Д. Троцкий, вследствие отставания России от Западной Европы, взяло на себя функции содействия развитию капитализма, форсируя и насаждая его сверху для своих военно — политических целей. Из этого следовало, что социально — экономические условия для развития в стране буржуазии ничтожны. Троцкий не видел в России революционной буржуазной демократии, способной вести решительную борьбу за ликвидацию монархического режима и остатков крепостничества.

По представлениям Троцкого, в случае победы демократической революции пролетариат не только должен быть представлен во Временном революционном правительстве, но и призван играть в нем главную роль. Отсюда и вытекал известный лозунг Парвуса «Без царя, а правительство рабочее». Троцкий считал, что в результате победы революции в России установится диктатура пролетариата, образуется рабочее правительство. Став у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться одними лишь демократическими задачами. Логика классовой борьбы подтолкнет его к социалистическим преобразованиям. Однако внутренних сил, которые поддержат пролетариат в этой борьбе, по мнению Троцкого, недостаточно. Он связывал российскую революцию с европейской социалистической революцией. Для Троцкого единственная гарантия победы революции в России — это социалистическая революция в Европе.

Некоторые положения «перманентной революции» Троцкого (абсолютизация революционной роли пролетариата, неизбежность ускорения революционного процесса посредством решительных действий «сверху» через политику рабочего правительства, контрреволюционная позиция буржуазии, возможная помощь со стороны социалистической революции европейского пролетариата) близки взглядам В.И. Ленина. Именно поэтому в годы первой революции в России по вопросам перерастания революции между Лениным и Троцким не было полемики. На V съезде РСДРП Ленин положительно отзывался о позиции Троцкого. «Троцкий, — говорил Ленин, — признавал допустимость и целесообразность левого блока против либеральной буржуазии. Для меня достаточно этих фактов, чтобы признать прибли-

жение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о «непрерывной революции» здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям»⁷⁷. Критика взглядов Троцкого по вопросам о перерастании началась позже. Этому способствовало прежде всего предельное обострение внутрипартийной борьбы в РСДРП в 1920 – е годы.

Каково же было отношение меньшевиков к проблеме перерастания буржуазно – демократической революции в социалистическую в 1905 — 1907 гг.? Бесспорным для них было то, что степень развития производительных сил России, политическое и культурное развитие пролетариата еще недостаточны для постановки вопроса о переходе страны к социалистической революции. В отличие от большевиков, меньшевики скептически относились к роли субъективного фактора в историческом процессе, стремились жестко увязать экономику и политику. И тем не менее даже они в 1905 г. категорически не отвергали возможности перерастания демократической революции в социалистическую. Однако этот процесс мыслился ими в более широких хронологических рамках, в тесной «сцепке» российской и западноевропейской пролетарской революции. Прогноз такого варианта был сформулирован еще в резолюции Женевской конференции меньшевиков «О завоевании власти и участии во временном правительстве». В этом документе подчеркивалось, что только в одном случае социал – демократия может стремиться к завоеванию власти. А именно, «если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований»⁷⁸.

В дальнейшем, вплоть до 1917 г., марксистские политико – социальные концепции российской революции, основы которых были заложены в 1905 — 1907 гг., продолжали уточняться, корректироваться, дополняться. Хотя, надо отметить, революционная мысль русских марксистов, особенно Ленина, ответ на дискуссионные вопросы все реже искала у западноевропейских социал – демократов, что было характерно для первых лет XX века, и все чаще замыкалась в «заколдованном круге» борьбы большевизма с меньшевизмом.

Все социалистические лидеры и публицисты на протяжении десятилетия вплоть до 1917 г. анализировали опыт и уроки первой российской революции. Но не только у каждой партии, но и у каждой фракционной группы и каждого лидера – теоретика было свое видение революции и, следовательно, свое понимание ее уроков.

Для лидера эсеров Чернова 1905 — 1907 гг. были временем революционных иллюзий — не учитывалось, как он полагал, реальное соотно –

шение сил. Исход событий предопределялся тем, что организации государственной власти не могла быть противопоставлена организация народа, а либеральная оппозиция не имела, как на Западе, классовой опоры среди процветающей и не зависимой от самодержавия средней умственной буржуазии. И народные массы, и революционные партии в изображении Чернова оказались не «на высоте». Влияние партий не было решающим фактором революции: «...в той же мере, в какой русские партии были не властелины над историей для того, чтобы творить ее, они были не властелины для того, чтобы ее «портить». Между ними и народной стихией не было полного единства: «Они были слишком малою величиной среди чисто стихийных сил, преобладание которых создано было всей предыдущею историей России...»⁷⁹.

Для обоснования своего тезиса о «разрыве» в действиях и настроениях революционных партий и масс Чернов ссылается на опыт революции. Так, 9 января пролетариат устремился не за революционными партиями, а за Гапоном. После манифеста 17 октября партии предостерегали от обобщения высочайшими обещаниями, а массы ликовали. Левые партии бойкотировали Думу, а массы участвовали в выборах. После роспуска I Думы все активные призывы к сопротивлению «сорвались», так как не встретили поддержки в массах. Единственным реальным достижением революции Чернов считает режим фактических свобод, установившийся в октябре и добытый «явочным порядком». Именно этот режим свобод будет способствовать политическому воспитанию масс, что станет залогом успеха партии в будущей революции.

Эсеровское видение революции очень отличалось от большевистского, но отчасти совпадало с меньшевистским в трактовке первой российской революции как общенационального движения. Основной причиной поражения первой русской революции меньшевики считали раскол «общенационального движения», непрочность коалиции взаимно враждебных, как выражался Л. Мартов, классов (буржуазия, пролетариат, крестьянство) в борьбе с самодержавием. Эта непрочность коалиции оппозиционных сил меньшевики объясняли отчуждением от революции либеральной буржуазии из-за переоценки пролетариатом своих сил, приверженности его к крайним формам классовой борьбы, таким, как вооруженное восстание, введение явочным порядком 8-часового рабочего дня, устранение Советами владельцев от руководства предприятиями.

Измена либеральной буржуазии своим собственным революционным задачам, незрелость буржуазной демократии «возложила непосильное бремя на плечи пролетариата» — «одному, исключительно своими силами» двигать вперед буржуазную революцию⁸⁰. Поражение революции, по оценке меньшевиков, было «предопределено изолированностью пролетариата и отсутствием организованной демократии». «...Формаль —

ная гегемония пролетариата, в действительности являющаяся проводником общенациональных интересов, — заявлял меньшевистский публицист Ю. Ларин, — при слабой классовой сознательности внушает ему иллюзию, что он «все может»⁸¹. Соответственно при оценке уроков 1905 — 1907 гг. меньшевики исходили из, пользуясь выражением Мартова, «алгебраической формулы» буржуазной революции, из «шаблона» западноевропейских революций.

Важнейшими уроками революции 1905 — 1907 гг., представлялось меньшевикам, являлись необходимость выдвижения в центр будущей революции «буржуазной демократии» и отказ от гегемонии пролетариата — та, что должно было создать условия для устойчивой коалиции классов капиталистического общества.

Наиболее радикальные выводы из опыта первой российской революции сделал Ленин. Позднее он назвал ее генеральной репетицией Октябрьской революции, поскольку 1905 — 1907 гг. пробудили к политической жизни и политической борьбе миллионы рабочих и крестьян, показали все классы и все партии «в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей». Массы приобрели опыт революционной борьбы, участвуя в массовом движении, демонстрациях и митингах, изгнании помещиков из их родовых гнезд, в выборе Советов рабочих депутатов и крестьянских комитетов, в создании боевых дружин и, главное, в открытом вооруженном восстании. Произошло, по выражению Ленина, точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии...»⁸². Ленин был убежден, что первая российская революция подтвердила неизбежность гегемонии пролетариата, возможность его союза с крестьянством, ведущую роль авангардной рабочей партии, правильность тактики большевиков, в особенности курса на организацию вооруженного восстания.

Опыт революции 1905 — 1907 гг. был, в понимании Ленина, также опытом создания новых форм государственности — Советов, опирающихся на вооруженную силу. И когда вождь большевиков призывал после Февральской революции идти по пути, указанному Парижской коммуной и революцией 1905 г., он имел в виду использование новых революционных форм организации власти в борьбе за установление диктатуры пролетариата и реализацию партийной программы. Марксистская идея безгосударственного социализма исподволь таким образом трансформировалась в идею государственного социализма, а идея политической роли доминирующего в производственной жизни рабочего класса (исторической миссии пролетариата) — в догматическое утверждение о ведущей роли в историческом процессе революционной марксистской партии.

Безоглядно и фанатично веруя в революционную доктрину марксизма и опираясь на понимаемые в этом идеологическом ключе уроки западно-европейских революций, первоочередной задачей радикальные лидеры РСДРП полагали выработку стратегии и тактики рабочей партии и осуществление политического руководства массами не только с целью свержения самодержавия, но и с прицелом на социалистическую переделку России и мира. В 1905 — 1907 гг. уже проявилась отсутствующая в предшествующих революциях, но характерная для истории XX в. черта — стремление политических партий повести массы под своими лозунгами ради реализации своих идеологических установок. При этом по существу игнорировалась важнейшая составляющая исторического процесса — готовность общества к переменам. Можно согласиться с мнением современных авторов о том, что реалистическая позиция Витте, требующая обучения народа основам «цивилизации», «была куда трезвее ленинских призывов к «перерастанию» первой в России буржуазной революции в социалистическую. Что вообще знали русский рабочий и мужик о «социализме»?⁸³.

Во взглядах Ленина и Троцкого на перспективы революции в 1905 — 1907 гг. и в ретроспективной трактовке ими исторического опыта судьба России оказывалась накрепко связанной с судьбой мировой революции, так что она рассматривалась как стартовая площадка для движения других стран через революционный обвал к светлому коммунистическому будущему.

Примечания:

¹ Россия. 1913 год. Статистико — документальный справочник. СПб. 1995. С. 51.

² Там же. С. 23.

³ Мironov Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). СПб. 1999. Т. 1. С. 323.

⁴ Там же. С. 25; Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М. 1997. С. 209 — 210.

⁵ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989. Стлб. 152.

⁶ Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М. 1998. С. 132.

⁷ Баранская Н. Странствия бездомных. Жизнеописание. М. 1999. С. 37.

⁸ Цит. по: Ленин В.И. ПСС. Т. 4. С. 168.

⁹ Там же. С. 172.

¹⁰ Потресов А. В плену у иллюзий. Мой спор с официальным меньшевизмом. Париж. 1927. С. 301.

¹¹ Дан Ф. Происхождение большевизма. Нью — Йорк. 1946. С. 254.

¹² Архив Гугеровского института войны, революции и мира (АГИ). Коллекция В.Н. Николаевского. Кор. 41. Д. 25. Письма Макадзюбы Аксельроду 21.09. 1903;

15.01, 2.02, 8.02. 1904.

¹³ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М. 1959. С. 731.

¹⁴ См. там же. С. 30. Социал — демократическая группа «Борьба» была основана в 1900 г. Д.Б.Рязановым и Ю.М.Стекловым.

¹⁵ Там же. С. 181, 182.

¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 6.

¹⁷ Типичную официозную оценку см.: О 80 — летию Второго съезда РСДРП. Постановление ЦК КПСС 31 марта 1983 г. М. 1983. С. 3.

¹⁸ Чернов В. Мартов // Революционная Россия. 1923. № 26 — 27. С. 2.

¹⁹ Потресов А. Указ. соч. С. 301.

²⁰ Чернов В. Мартов. Указ. соч. С. 3.

²¹ Программы политических партий России. Конец XIX — XX вв. М. 1995. С. 142.

²² Там же. С. 141, 143.

²³ Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 304 — 305.

²⁴ См.: Протоколы 2 — го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал — демократии. Женева. 1903.

²⁵ Искра. № 55, 57, 65.

²⁶ Социал — демократическое движение в России. М. — Л. 1928. Т. 1. С. 108.

²⁷ АГИ. Коллекция В. Валентинова — Вольского. Рукопись «Рождение меньше — визма». Кор. 1. Д. 9. Л. 121, 126, 128.

²⁸ Дан Ф. Указ. соч. С. 243.

²⁹ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 февраль 1917 гг. М. 1996. С. 69 — 77.

³⁰ Мартов Л. История Российской социал — демократии. М. — Пг. 1923. С. 101.

³¹ Мартов Л. История российской социал — демократии. М. — Пг. 1922. С. 120.

³² Там же. С. 113.

³³ АГИ. Коллекция В.Валентинова — Вольского. Рукопись «Общерусская конференция и Плеханов». Кор. 1. Д. 13. Л. 20.

³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 2.

³⁵ Леонов М.И. Партия социалистов — революционеров в 1905 — 1907 гг. М. 1997. С. 188 — 190.

³⁶ Цит. по: Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М. 1993. С. 13.

³⁷ См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М. 1966.

³⁸ См.: Волобуев О.В. Революция 1905 — 1907 гг. в оценке либерал — консерваторов // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы научно — практической конференции. М. 2001.

³⁹ Там же. Т. 46. С. 277.

⁴⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 231.

⁴¹ Там же. Т. 30. С. 322.

⁴² Плеханов Г.В. Соч. Л. 1926. Т. 15. С. 12.

⁴³ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 264 — 268.

⁴⁴ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М. 1959. С. 193 и др.

⁴⁵ Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. М. 1991. С. 321.

⁴⁶ Протоколы первой общепартийной конференции П. С. — Р. Август 1908. Б/м. С. 94 — 108.

⁴⁷ Гелий Авл. (Владиславлев В.М.) Мысли о русской революции. СПб, 1907. С. 63.

⁴⁸ Политическая история России. Хрестоматия. Ч. 2. М. 1995. С. 276 — 277.

⁴⁹ Подборка высказываний сделана на основе книги: Сенчакова А.Т. Приговоры

и указы российского крестьянства 1905 — 1907 гг. По материалам Центральных губерний. Ч. 12. М. 1994.

⁵⁰ *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М. 1991. С. 94 — 111.

⁵¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906 — 1911 гг. М. 1991. С. 51.

⁵² Дебаты о земле в Государственной Думе. 1906 — 1907 гг. М. 1995. С. 117 — 118.

⁵³ «Искра» за два года. Сб. статей из «Искры». Ч. 12. СПб. 1906. С. 220.

⁵⁴ См.: Парвус. Россия и революция. Сборник статей. СПб. Б/г.

⁵⁵ Социал-демократическое движение в России. Материалы. М. — Л. 1928. С. 154, 155.

⁵⁶ *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. М. 1990. С. 193.

⁵⁷ *Парвус.* Ход революции // Начало. № 10. 25 (8) октября 1905.

⁵⁸ *Меринг Ф.* Непрерывная революция // Там же.

⁵⁹ *Троцкий Л.* Социал-демократия и революция // Там же.

⁶⁰ См. напр.: *Шанин Т.* Революция как момент истины. М. 1997. С. 393.

⁶¹ *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М. 1990. С. 108, 110.

⁶² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 10. С. 13.

⁶³ Там же. С. 18.

⁶⁴ Там же. С. 31.

⁶⁵ Там же. Т. 12. С. 362.

⁶⁶ *Шанин Т.* Указ. соч. С. 458.

⁶⁷ *Меньшевики. Документы и материалы.* 1903 февраль 1917 гг. М. 1996. С. 91, 93, 94.

⁶⁸ «Искра» за два года. С. 211.

⁶⁹ Более подробно см.: *Волобуев О.В.* Меньшевики накануне и в годы первой российской революции // 1905 год начало революционных потрясений в России XX века. М. 1996.

⁷⁰ «Искра» за два года. С. 186.

⁷¹ Там же. С. 213.

⁷² Там же. С. 237.

⁷³ Подробнее об анкете и ответах на нее см.: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М. 1997. С. 240 — 243.

⁷⁴ *Каутский К.* Движущие силы и перспективы русской революции. Под ред. и с предисл. Н.Ленина. М. 1907. С. 32.

⁷⁵ *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. 15. М. — Л. С. 300.

⁷⁶ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 10. С. 209.

⁷⁷ Там же. Т. 15. С. 345.

⁷⁸ *Меньшевики. Документы и материалы.* 1903 февраль 1917 гг. С. 124.

⁷⁹ *Протоколы первой общепартийной конференции П. С. — Р.* Август 1908. Париж. 1908. С. 140.

⁸⁰ *Отклики. Сборник 3.* СПб. 1907. С. 38.

⁸¹ *Отклики современности.* СПб. 1906. С. 26.

⁸² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 12.

⁸³ *Плимак Е.Г., Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций. М. 2002. С. 253.

Глава II. ПОДПОЛЬЕ И ЛЕГАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. 1908—1914 гг.

А.И. Степнов, А.И. Уткин

«Третьеиюньский переворот» и кризис в РСДРП

3 июня 1907 г. Император Николай II подписал Высочайший Манифест «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу» и Указ «Положение о выборах в Государственную Думу»¹. С этого момента в Российской империи складывается новая политическая обстановка.

О последствиях событий 3 июня 1907 г. до сих пор самый широкий разброс мнений: от точки зрения умеренного монархиста С.С. Ольденбурга о «думской монархии»² — оптимальном сочетании традиционной, самодержавно — православной, царской, имперской государственности с современными элементами европейского конституционализма и парламентаризма — до буквального пропагандистского отождествления Джугашвили — Сталиным государственно — политического строя царской России с нацистским «Третьим Рейхом»³.

В период революционных событий 1905 — 1907 гг. под напором «снизу» царизм сделал попытку соединить несовместимые институты власти — верховную самодержца и высшую законодательную представительных учреждений — Государственной Думы и Государственного Совета. И если царь через назначение половины членов Государственного Совета в союзе с монархически настроенными выборными членами держал под контролем верхнюю палату — Государственный Совет, то расклад политических сил в Государственной Думе был иным. Прежде сословно — куриальная система многоступенчатых выборов в I и II Государственную Думу давала представителям крупных землевладельцев всего лишь 32,5% выборщиков, — после одностороннего изменения избирательного закона Указом от 3 июня 1907 г. они вместе с представителями верхушки городов составили уже 65%⁴.

С формально — юридической точки зрения события 3 июня 1907 г. обычно рассматриваются в двух аспектах. Во — первых, в рамках традиционного — «божественного, монархического» права самодержца: царь дал те

или иные права, свободы, государственные институты, царь и отнял, либо видоизменил их, ведь только воля императора и есть высшее государственное право. Поэтому как Манифест, так и Указ от 3 июня 1907 г. — это выражение «божественного» права российского монарха. Во вторых, в рамках нового, конституционного права, по какому высшую власть осуществляет народ, выражая свою волю либо непосредственно, через референдумы, либо косвенно, через выборные органы государственной власти — законодательные собрания, а изменения законов могут происходить только по установленным процедурам.

Ход дальнейших реформ в России, необходимость которых осознавала часть правящей элиты, весь процесс ускоренной модернизации российского общества в значительной степени зависел от позиции верховной власти монарха, от его личности и характера, симпатий и антипатий, от его ближайшего окружения, и в гораздо меньшей степени — от государственных и правовых институтов, от политически активной части населения: партий, общественных движений, общественного мнения, от всего населения в целом. В то же время Государственная Дума приобрела определенный авторитет и своей деятельностью питала надежды трудящихся на лучшее будущее.

Думская фракция РСДРП активно использовала депутатскую неприкосновенность для подрыва существующего в России строя, что стало для царского правительства предлогом обвинить депутатов этой фракции в «социал — демократическом военном заговоре»⁵. Таким образом, ультраревOLUTIONONность с одной стороны, и стремление части царского окружения уменьшить влияние конституционных институтов — с другой привели к разгону II Государственной Думы. Этому во многом способствовало падение в народе революционной активности, а также пассивное отношение европейских правительств к судьбе первого российского парламента. Для Ленина конституционные гарантии и демократические права были важны только как условия захвата большевиками политической власти и не имели самостоятельной ценности. Соответственно, монархистам — черносотенцам и реакционерам конституционно — парламентские институты представлялись всего лишь ширмой для антигосударственной деятельности революционных партий.

Массового революционного протеста против «третьеиюньского переворота» в России не было. Это объясняется рядом факторов. Рабочие в 1905 — 1907 гг. добились существенных политических прав и в среднем на 15 — 20% улучшили свое экономическое положение⁶. Правительство П.А. Столыпина стало проводить жесткую, умелую и достаточно эффективную политику решительного подавления революционного движения в сочетании с элементами реформирования и политического маневрирования под лозунгом: «сначала успокоение, затем реформы» в целях укрепления «Великой России»⁷. Умеренные монархисты видели в Столы —

пине последний оплот царского самодержавия, революционные элементы российского общества — могильщика русской революции. Консервативные и либеральные круги связывали с премьером все свои надежды на реформирование и модернизацию российского общества.

Революционный марксизм вдруг в одночасье перестал быть модным среди российской демократической интеллигенции. Рухнули надежды на быструю революционную победу над царизмом. Престиж социалистических партий и особенно РСДРП резко упал. Революционные методы борьбы — экспроприации, террор, партизанщина, вооруженные восстания... вместо прежнего восхищения вызывали обратную реакцию. В пролетарской среде чувствовались усталость, апатия, разочарование в бывших революционных героях⁸.

Численность РСДРП в 1910 г. составила 610 тыс.⁹, т.е. резко снизилась. Например, количество членов РСДРП в Петербурге уменьшилось в 12 раз, в Москве упало с 3 тыс. до 400 человек¹⁰. В Петербурге и в Москве столичные партийные комитеты арестовывались соответственно 15 и 11 раз. Активизировалась деятельность 400 секретных агентов внутреннего наблюдения (агентов — провокаторов) и осведомителей по линиям 60 Охранных отделений. По их «наводке» полиция производила массовые аресты партийных активистов и функционеров, конфискацию революционной литературы и партийных документов, была в курсе основных событий внутрипартийной жизни от местных организаций до фракции в Государственной Думе и ЦК¹¹. Создав атмосферу слежки, доносительства, постоянных склок и подозрительности, она фактически парализовала деятельность руководства партии в общероссийском масштабе. Среди разоблаченных агентов — провокаторов широко были известны член ЦК РСДРП(б), руководитель большевистской фракции социал — демократов в 4 — й Государственной Думе Роман Малиновский, член ЗагранБюро ЦК РСДРП доктор Яков Абрамович Житомирский («большевистский Азеф» — «Отцов»), члены МК РСДРП А.А. Поляков, А.С. Романов, А.К. Маракушев, члены Петербургского комитета РСДРП В.М. Абросимов, И.П. Сесицкий, В.Е. Шурканов и многие другие¹².

35 августа 1907 г. в г. Котка (Финляндия) была созвана 3 — я конференция («Вторая общероссийская») РСДРП для обсуждения тактических вопросов в связи с «третьеиюньским переворотом» и выборами в III Государственную Думу.

Об участии в выборах в III Государственную Думу на конференции были заслушаны три доклада: два от большевиков — В.И. Ленина (против бойкота) и В.А. Базарова (за бойкот), от меньшевиков и Бунда — Ф.И. Дана. А.А. Базаров считал, что партия находится перед маленькой революционной паузой и надо сосредоточить все силы для подготовки к вооруженному восстанию, а не тратить их на бессмысленную парламентскую возню. В этом, он полагал, состоит истинно большевистская, рево —

люционная, марксистская позиция. Ф.А. Дан, наоборот, считал, что на — ступил длительный антракт перед следующей революцией, когда нужно расположиться по — иному, снять с себя грим и революционные костюмы и вместе с кадетами участвовать в законодательной работе Думы. В меньшевизме, отмечает С.В. Тютюкин, импонирует то, что его сторонники не отделяли политику от морали, не действовали по принципу «цель оправдывает средства»¹³.

В.И. Ленин оказался в весьма трудном положении. Он еще не решил, когда будет следующая революция. К тому же его собственная фракция раскололась, и, более того, его, Ленина, обвинили в антибольшевизме, в том, что он размагнитился и в нем ничего от революционера не осталось!^{13а} Тогда Ленин, чтобы восстановить свою репутацию, выступил с тезисом об участии в выборах с целью пропаганды взглядов партии и подготовки к вооруженному восстанию посредством использования всех видов партийной деятельности, от легальных до нелегальных. После про — вала предложения Базарова его сторонники присоединились к Ленину. Ленинская резолюция получила необходимое большинство голосов, а предложения меньшевиков были отвергнуты. Далее конференция приняла решение об избирательных соглашениях с другими партиями и об избирательной платформе.

В октябре 1907 г. состоялись выборы в Государственную Думу на основе сословно — курialesного принципа по 4 — степенной для рабочих системе. Из 442 депутатских мест РСДРП получила всего 19, из них только 5 достались большевикам¹⁴.

На 4 — й конференции РСДРП (Третья общероссийская»), которая состоялась в Гельсингфорсе (Финляндия) 1825 ноября 1907 г. Ленин выступил с докладом о тактике социал — демократов в Государственной Думе. Он повторил, что социал — демократы должны использовать ее только в целях революционной пропаганды и организации пролетариата. Меньшевики и бундовцы негативно отнеслись к ленинской оценке третье — июньского режима и к поставленной Лениным цели подготовить вооруженное восстание. Они считали, что в условиях отдаленной революционной перспективы в России социал — демократы должны проводить в Государственной Думе чисто практическую, повседневную, законодательную работу в союзе с кадетами.

По инициативе Ленина конференция отвергла предложения меньшевиков и бундовцев, отметив, что прямая или косвенная поддержка кадетов была бы теперь большим ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции¹⁵.

Конференция осудила создание особых фракционных центров и наметила конкретные меры для усиления связи ЦК с местными организациями РСДРП. Эта резолюция была чисто декларативной, поскольку реальная власть в большевистской фракции сконцентрировалась в Боль —

шевистском Партийном Центре (БПЦ), который полностью был под личным контролем Ленина¹⁶. Резолюция имела целью обеспечить Ленину полное политическое и моральное право на борьбу с оппонентами внутри РСДРП.

По вопросу об участии в буржуазной прессе конференция приняла решение о недопустимости сотрудничества в ней социал-демократов, т.к. оно приведет к серьезному идейному и организационному разложению РСДРП. Допускалось участие социал-демократов в либеральной и в либерально-демократической печати только под контролем организаций РСДРП в исключительных случаях, когда это дает непосредственный, практически-политический эффект.

Партия к концу 1907 г. по-прежнему пребывала в глубочайшем идейном, политическом и организационном кризисе. Продолжалось дробление партии на фракции, течения, направления, группировки. Раскололись даже твердокаменные большевики-ленинцы.

Меньшевистская фракция РСДРП раскололась на четыре основных направления: ортодоксы меньшевики-партийцы во главе с Плехановым; правые — меньшевики-ликвидаторы; центристы; левые — меньшевики-примиренцы. Характеризуя настроения, охватившие значительную часть меньшевиков в России, Дан писал Аксельроду в конце 1907 г.: «Меньшевизма как организации теперь попросту в России нет, и со-брать его механическим путем невозможно...»¹⁷. Наиболее значительную роль в меньшевизме стали играть правые меньшевики-ликвидаторы (так их называли большевики, заявлявшие, что правоменьшевистский курс приведет к ликвидации революционной партии). Ядро их состояло из партийных литераторов А.Н. Потресова, П.А. Гарви, В.О. Левицкого, Ю. Ларина, П.Б. Аксельрода, Н.Н. Жордания и многих других, которые сами подразделялись на целый ряд более мелких группировок, сложившихся вокруг различных органов партийной печати. Идейными центрами ликвидаторов были журналы «Возрождение» и «Наша заря». Ликвидаторы-легалисты требовали прекращения всех форм нелегальной деятельности партии, перехода на позиции законности, союза со всеми демократическими партиями, включая кадетов, создания реформистской «широкой рабочей партии» по типу европейских для отстаивания экономических и политических интересов рабочего класса, установления «нейтральности» профсоюзов и кооперативов.

Весной 1908 года активизировали свою политическую деятельность меньшевики-партийцы. В это время произошел раскол в меньшевистских организациях Замоскворецкого и Лефортовского районов Москвы. Спустя год между московскими «ликвидаторами»-легалистами и «меньшевиками, работающими в организации», дело дошло до полного разрыва. Меньшевики-партийцы начали оформляться и в Петербурге. Самостоятельные их группы затем сложились и в других городах.

К меньшевикам — ликвидаторам «слева» примыкала группа видных меньшевиков — центристов во главе с Мартовым, Даном, Мартыновым, которые издавали газету «Голос социал — демократа». «Голосовцы» пытались объединить меньшевиков, сочетая идеи легальности и нелегальности, реформизма и революционаризма, классового антагонизма и договорного союза с либерально — демократическими силами.

Ортодоксальных меньшевиков — партийцев возглавлял Плеханов, он призывал возвратиться к стратегии и тактике меньшевиков дореволюционного периода, к сохранению нелегальных форм партийной деятельности периода революционного подполья. Он издавал «Дневник социал — демократа Г.В.Плеханова», в котором резко критиковал ликвидаторов с позиций ортодоксального марксизма. Следует также отметить, что меньшевики пользовались поддержкой и авторитетом среди «рабочей аристократии» и высококвалифицированных специалистов, а также значительной части средних служащих и трудовой интеллигенции.

Центристское движение в РСДРП пытался «оседлать» «внефракционный» Троцкий, позже к нему стали примыкать «справа» меньшевики — примиренцы и «слева» — большевики — примиренцы. Он старался выступить в роли арбитра во фракционной борьбе. С небольшой группой своих приверженцев, включавших и членов главного комитета украинской социал — демократической организации «Спилка», Троцкий с 1908 по 1912 год издавал внефракционную газету «Правда». В опубликованных там статьях борьбу большевиков и меньшевиков он представлял как столкновение двух групп социал — демократической интеллигенции, каждая из которых стремится привлечь на свою сторону «политически незрелый пролетариат». Сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм, присущие социал — демократии, ведут, заявлял Троцкий, к «разложению партии»¹⁸.

В новых условиях «третьеиюньской монархии» борьба вокруг определения типа, стратегии и тактики партии обострялась. Ленинские установки на сохранение революционной партии в рамках частично легальной деятельности, осторожное блокирование с левыми партиями в рамках «левого блока» во время выборов в III Государственную Думу, противовес меньшевистской тактике широкого демократического союза, принесли РСДРП и особенно большевикам минимальное количество депутатских мандатов в Государственной Думе.

Осенью 1907 г. полиция резко усилила репрессии против остатков революционных партий в России, решив раз и навсегда покончить с «революционной заразой». Даже Финляндия, несмотря на ее особый статус внутренней автономии, перестала быть надежным убежищем. Период «ближней эмиграции» закончился, приближалось время ухода в «дальнюю эмиграцию», более отодвинутую от границ России.

«Как водится, — сообщал Мартов Аксельроду, — первым уехал Ле — нин». Ленин вообще с исключительной старательностью берег себя от ареста, считая, что без него, — если арест надолго вырвет его из активной работы, — все развитие внутрипартийных отношений пойдет иными путями¹⁹. Власти уже приняли меры по розыску и аресту Ленина. Судебный следователь 27 участка г. Петербурга направил Выборгскому губернатору предписание о розыске и аресте Ленина в Выборге и во всей губернии²⁰. Но 25 декабря 1907 г. Ленин в сопровождении финских проводников пробирается по льду пролива с острова Лилль Меле на остров Нагу. Во время этого перехода Ленин едва не погиб: лед стал проваливаться, и ему лишь чудом удалось спастись²¹.

Вот хорошая иллюстрация того, сколь несостоятелен исторический детерминизм: простая случайность — крепость льда и физическая ловкость Ленина — сказалась не только на его личной судьбе, но и на судьбе РСДРП, революции, России.

В 1907 — 1908 г. в Европу эмигрировали практически все ведущие лидеры РСДРП. Кто легально, кто нелегально, как Ленин, кто бежал из ссылки, как Троцкий, кто выехал в комфортабельном вагоне, как ведущие лидеры меньшевизма. В эмиграции оказалось около тысячи представителей партийной интеллигенции. Около десяти тысяч рабочих — партийцев, социал — демократическая фракция в Государственной Думе, остатки партийных комитетов и организаций, расколотые на фракции, течения, направления, группы, подгруппы и одиночные внефракционные «социал — демократы», «освещаемые» и «направляемые» многочисленными агентами охранных отделений, — это все, что осталось от самой крупной революционной общероссийской партии в период 1905 — 1907 гг.

Столь же плачевным было положение и других представителей некогда многочисленных и влиятельных социалистических организаций. В этом отношении весьма типична судьба эсеров. После «третьеиюньского переворота» ПСР перестает быть массовой политической партией и не оказывает сколь — нибудь заметного влияния на политическую жизнь страны.

Центральные руководящие органы ПСР в силу ряда причин чем дальше, тем больше теряли авторитет и влияние. В 1907 — 1914 годы местные эсеровские организации стали разваливаться. Большею частью они были уничтожены, частью распались сами, многие находились в полной или частичной изоляции от руководящих органов и других частей партии и пребывали в состоянии почти полного бездействия. Лишь единичные группы продолжали деятельно работать и сохраняли связи с другими частями ПСР.

С разоблачением провокатора Е.Ф. Азефа все эти негативные процессы обрели особую глубину и размах. Уже к 1911 — 1912 годам в

партийных эмигрантских кругах сложились отношения, какие ранее в эсеровской партии были редки: резкие политические выпады против своих партийных оппонентов в печати, бесконечные третейские суды, разбивавшие личные дрязги и склоки, безосновательные обвинения в провокации, уход в личную жизнь.

Оценивая тактику эсеров в 1907 — 1914 годы, необходимо отметить, что решения III Совета партии (июль 1907 года) уже не содержали призыва к немедленному вооруженному восстанию, как это было после разгона I Думы в 1906 году, а нацеливали эсеров на «частные местные выступления», в том числе и военные, как катализатор будущего всенародного восстания. Однако уже к началу 1908 года руководство ПСР осознает нереальность и этой задачи. В августе 1908 года I Общепартийная конференция и IV Совет партии отказываются от «частных местных восстаний». На V Совете партии (май 1909 г.) вопрос о «боевой подготовке масс» даже не поднимается. Непосредственными тактическими задачами партии остаются террор, бойкот выборов в III и IV Государственные Думы, участие в профсоюзном и кооперативном движении трудящихся масс²².

Вследствие своего кризисного состояния партия эсеров практически не оказала какого — либо заметного влияния на начало нового революционного подъема в России. Однако он, в свою очередь, способствовал оживлению в эсеровской среде. В Петербурге стали издаваться легальные эсеровские газеты. Накануне первой мировой войны организации социалистов — революционеров существовали почти на всех крупных столичных заводах и фабриках. Ожилилась деятельность эсеровских групп в Москве, Баку, Одессе, Киеве, во Владимире, на Украине. Война превратила наметившуюся среди них тенденцию к объединению, усилила в их среде идейные разногласия. Подобное в то время происходило и в социал — демократическом движении²³.

Очередная попытка консолидировать РСДРП на принципах реставрации обновленного революционного марксизма — ленинского революционного марксизма была предпринята по инициативе Ленина на Пятой конференции РСДРП, состоявшейся в декабре 1908 г. (январе 1909 г.) в Париже.

Разные мнения на конференции были представлены тремя группами: меньшевиков П.Б. Аксельрода, Ф.И. Дана, Н.В. Рамишвили и др., большевиков — ленинцев В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, В.К. Таратуты и др.; и большевиков — неленинцев — А.В. Соколова (С. Вольского), М.Н. Лядова и др. так называемых «ликвидаторов слева».

Меньшевики Аксельрод, Дан и Рамишвили заявили о неправомерности конференции — по их мнению, это лишь частное совещание членов партии, не представляющее волю РСДРП²⁴. Ленинское большинство отвергло это заявление.

По всем вопросам были приняты с незначительными изменениями

ленинские резолюции. К этому времени Ленин окончательно определился с оценкой внутривластной ситуации в России. Исходя из ее анализа, он выработал стратегию и тактику партийного строительства в РСДРП под своим руководством. Поскольку революция откладывалась, и надолго, на очередь дня выдвигались задачи воспитания, организации и сплочения масс пролетариата, затем работа с крестьянством и армией через воздействие пролетарских и полупролетарских элементов.

По вопросам о думской фракции, большинство которой состояло из меньшевиков и ленинские указания игнорировало, конференция приняла довольно жесткие меры, вплоть до введения права «veto» на становления фракции. Однако эти решения меньшевистским большинством фракции были проигнорированы. Главная организационная задача состояла в использовании, укреплении и учреждении новых нелегальных и полунелегальных организаций, использование же легальных структур должно было быть подчинено нелегальной деятельности партии.

Жесткий прессинг Ленина на конференции окончательно развеял примиренческие иллюзии у части меньшевиков. Его авторитарные наклонности, едкий сарказм и не признающая приличий полемичность, «гипертрофия централизма», «искусственное подавление оппозиции», «систематическое давление сверху на все элементы, подавляющие самостоятельность и оппозиционное настроение»... все то, на что указывал еще в 1904 г. Ю.О.Мартов²⁵, сполна проявилось в работе конференции, так что она стала последним совместным общепартийным форумом меньшевиков и большевиков на таком высоком представительном уровне.

В январе 1910 г. в Париже состоялся т.н. «Объединительный» пленум ЦК РСДРП. Временный союзник Ленина меньшевик — партиец Плеханов из-за болезни не явился. Вполне возможно, что на него подействовала позиция 16 видных российских меньшевиков, осудивших Плеханова²⁶ за его беспринципный союз с Лениным и роль «ликвидатора меньшевизма».

На пленуме Ленин впервые предпринял тактику борьбы на «два фронта», против правых меньшевиков — ликвидаторов и их союзников бундовцев и против той части большевиков, которая не разделяла «ленинского курса». Сами большевикимленинцы были расколоты на большевиков — ленинцев и большевиков — примиренцев Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева, которые при голосовании поддерживали проекты резолюций «объединителей — примирителей», инициированные Троцким. Поэтому резолюции в большинстве оказались компромиссными.

Основная борьба за лидерство в объединенной РСДРП велась между Лениным и Троцким. Последний, не имея права решающего голоса, оказал значительное влияние на работу пленума, соразмерное с ленинским, выступая в роли миротворца и объединителя против ленинского «бюрократического централизма» и диктата в партии.

Тем не менее объединительная тенденция в РСДРП, особенно с появ —

лением Троцкого, претендующего, в противовес Ленину, на роль верховного арбитра и первого вождя партии, значительно ослабла по такой чисто субъективной причине, как борьба за лидерство в руководстве партии. Январский пленум ЦК РСДРП 1910 г. был последним мероприятием объединенной РСДРП. К тому же решения пленума выполнялись фракциями «постольку, поскольку (например, большевики, несмотря на отчаянное сопротивление Ленина, формально ликвидировали большевистский фракционный центр, прекратили выпуск газеты «Пролетарий», выдали часть большевистской кассы в общепартийный фонд), и объединенная РСДРП доживала свои последние дни.

Оценивая результаты январского 1910 г. пленума ЦК, исследователь истории меньшевизма И. Гетцлер писал: «Русская «жиронда» во главе с Мартовым упустила возможность разбить русскую «гору» и ее «Робеспьера». С этого момента инициатива перешла в руки Ленина»²⁷.

Не перестала существовать после январского пленума газета «Голос социал-демократа», в которой продолжалась защита меньшевистских идей и деятельности российских «ликвидаторов». В очередном номере газеты были помещены письма из России. Одно из них принадлежало 16 «ликвидаторам», предлагавшим всем меньшевикам уйти из партии в легальные организации. Авторы письма Шестнадцати заявляли о сохранении лишь «обломков партии». Аксельрод в своих выступлениях отмечал, что от нее остались одни «руины и даже тени партийных учреждений». Потресов утверждал, что «нет партии как цельной и организованной иерархии учреждений» и нельзя ликвидировать то, «чего на самом деле уже нет как организованного целого». В журнале «Возрождение» меньшевики — легалисты писали, что «мечта о восстановлении партии в ее прежнем виде «просто вредная, реакционная утопия»²⁸.

Последней попыткой сохранить объединенную РСДРП под общим патронажем Ленина было совещание членов ЦК партии в июне 1911 г. в Париже. Совещание было созвано по его инициативе в связи с усилиями Троцкого и меньшевиков — ликвидаторов покончить с остатками ленинского диктата в руководстве партии. Делегаты по преимуществу были большевиками — ленинцами и их союзниками. На этом совещании Ленин решил взять реванш за «полупоражение — полупобеду» на январском пленуме ЦК РСДРП 1910 г., используя численное превосходство своих сторонников и союзников. После принятия решения конституировать совещания меньшевик — голосовец Б.И. Горев его покинул, обвинив Ленина в захвате власти²⁹. На следующий день так же поступил бундист М.И. Либбер³⁰. С этого момента совещание приняло чисто большевистский характер, поскольку польско — литовские и латышские социал — демократы стояли по всем принципиальным вопросам на позициях ленинизма. С этого дня 11 июня объединенная РСДРП и формально и фактически перестала существовать, окончательно расколовшись на фракции меньшевиков и боль —

шевиков — ленинцев; как партии они оформятся в 1912 г. Собрание еди — ногласно приняло все ленинские проекты резолюций. Оно взяло курс на создание большевизированной РСДРП путем созыва партийной конфе — ренции под контролем большевиков — ленинцев.

РСДРП фактически перестала существовать как единая общероссий — ская социал — демократическая партия. Не смогла РСДРП организовать и в качестве массовой, легальной социал — демократической, реформи — стской партии европейского типа, как этого хотели правые меньшеви — ки — ликвидаторы и как это получилось в Финляндии. Она не смогла трансформироваться в массовую, легальную реформистскую партию, как этого хотели центристы, меньшевики — голосовцы. Не смогла РСДРП вос — становиться и в качестве революционной, нелегальной партии, как мыслил Плеханов.

Все интеллектуальные, а главное, организационные усилия бесплодно расходовались в межфракционных, групповых, внутригрупповых дрязгах и склоках, в борьбе за лидерство среди «партийных генералов без массо — вой партии — армии». Стоит подчеркнуть, что во внутрипартийной борьбе сказались коренные интересы тех, кто стремился к насильственному захвату власти, и их оппонентов, отстаивавших легальные и демократические фор — мы политической деятельности.

Курс Ленина на захват руководства партией

События 3 июня 1907 г. застали Ленина, находящего на нелегальном положении, на даче в Куоккала, Выборгской губернии (Финляндия), в «ближней эмиграции», где в ночь со 2 на 3 он провел совещание с большевиками — депутатами II Государственной Думы, посоветовав им направиться на заводы и фабрики Петербурга и рассказать рабочим о происходящих событиях³¹. Через несколько часов социал — демократи — ческих депутатов арестовали и отдали под суд. 10 депутатов были при — говорены к пяти годам каторги с последующей пожизненной ссылкой, 10 — к четырем годам каторги с пожизненной ссылкой, 11 депутатов — к пожизненной ссылке³².

22 июня заведующий заграничной агентурой в Париже доносит в де — партамент полиции, что Ленин живет в Финляндии по паспорту, выдан — ному в Берлине на имя германского подданного типографщика Эрвина Вейкова. Только 29 июня, т.е. через неделю, донесение поступает в осо — бый отдел для составления справки. 6 июля Департамент полиции издает и рассылает циркуляр со списком лиц, подлежащих розыску и аресту. В списке под № 2611 значится «Владимир Ильич Ульянов (псевдоним Н. Ленин)» и дается распоряжение: «Арестовать, обыскать, препроводить в

распоряжение судебного следователя 27 уч. С. — Петербурга». Но уже с 28 июня Ленин для восстановления здоровья уезжает из Куоккала на дачу Н.М. Книпович (близ маяка Стирсудден), что не мешает ему регулярно проводить совещания с членами ЦК РСДРП — большевиками перед заседаниями ЦК, проходившими в Териоках. В июле на собрании большевиков — делегатов Петербургской общегородской конференции РСДРП в Териоках Ленин выступает с докладом об отношении социал — демократов к выборам в III Государственную Думу. Большинство в один голос собрание решило поддержать позицию Ленина против бойкота выборов в Думу. В конце июля Ленин участвует во втором заседании Петербургской общегородской конференции, о чем указано в агентурных сведениях департамента полиции. Большинство в 33 голоса (против 30) конференция поддерживает решение Ленина участвовать в выборах в III Государственную Думу³³.

В условиях российского лжеконституционализма и квази — парламентаризма, полагал Ленин, появляется возможность использовать легальные формы политической и литературно — агитационной деятельности по революционному воспитанию и сплочению рабочего класса для более или менее скорого вооруженного революционного восстания. В этих целях все возможные методы легальной деятельности партии и рабочих организаций годятся не только для прикрытия основной, нелегальной деятельности, но и как «приводные ремни» для вовлечения масс в революцию. Отсюда следует известный ленинский тезис о «политизации», а точнее — большевизации рабочих организаций, особенно профсоюзов.

Основной стратегический курс большевиков — ленинцев — захват политической власти — должен осуществляться в сочетании легальных и нелегальных методов политической деятельности, с социальной опорой на рабочий класс в союзе с крестьянством. Союз с либеральной буржуазией, по мнению Ленина, в стратегическом плане невозможен, поскольку цели большевиков и либералов различны. Тактически же временный союз возможен только в особо исключительных случаях, если при этом реализуются стратегические цели и задачи большевиков.

В соответствии с новыми политико — правовыми и социально — экономическими условиями третьеиюньской монархии Ленин развернул внутрипартийную деятельность в РСДРП по реорганизации больше — вистской фракции.

Постреволюционный кризис второй половины 1907 — 1910 гг. самым непосредственным образом затронул большевистскую фракцию в РСДРП, особенно в местных организациях. Большая их часть стихийно была настроена «объединенчески». Их численность уменьшилась в 6 раз, с 60 до 10 тыс.³⁴ Партийные организации остались, по существу, в основных индустриальных центрах России на крупных промышленных предприятиях. Численность меньшевистских организаций сократилась еще более

значительно. Поэтому на всех партийных конференциях в 1907 — 1910 гг. большевики среди делегатов оказались в большинстве, а союз с революционно настроенными польскими, литовскими и латышскими социал-демократами обеспечивал им преимущество.

Раскол затронул и большевиков. От них отошли такие видные деятели, как П.Н. Румянцев, Г.М. Кржижановский, Л.Б. Красин. Ленинская тактика сочетания легальной и нелегальной работы вызвала резко негативную реакцию «слева» со стороны большевиков — ультиматистов в 1907 — 1909 гг. и большевиков — отзовистов в 1908 — 1909 гг. Группа ультиматистов во главе с А.В. Соколовым (С. Вольским) и М.Н. Лядовым (Мандельштамом) образовалась в период выборов в III Государственную Думу. Они требовали, чтобы партия отказалась от думской работы и не использовала легальных возможностей, настаивали на предъявлении соответствующего ультиматума думской фракции. Ленин назвал ультиматизм «стыдливым отзовизмом». В состав отзовистов входили видные большевики — литераторы А.А. Богданов, А.В. Луначарский, Г.А. Алексинский, М.Н. Покровский и другие. Суть отзовизма была сформулирована в резолюции на конференции Петербургской РСДРП в 1908 г. и сводилась к следующим тезисам: Россия стоит накануне нового революционного подъема и, стало быть, вооруженного восстания; деятельность фракций в Государственной Думе только затемняет сознание рабочих — партийцев и потому вредна; необходимо выдвинуть лозунг «Долой Думу» и «Да здравствует Учредительное собрание», фракцию отозвать и все силы бросить на подготовку вооруженного восстания.

Ленин критиковал отзовизм как меньшевизм наизнанку, который ведет тоже к ликвидаторству, только иного рода³⁵. На совещании расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий» в Париже (июнь 1909 г.) из нее были исключены отзовисты во главе с Богдановым, которых к тому же обвинили в отходе от философии марксизма³⁶. В конце 1909 г. отзовисты вместе с ультиматистами составили группу «впередовцев» (так названных по газете «Вперед») в составе Богданова, Н.В. Вольского, В.А. Базарова и др.

Исключив отзовистов, Ленин закрепил за собой положение ведущего идеолога революционного марксизма и главного теоретика большевизма, установив монополию на марксистско — ленинскую «философию единства», суть которой заключалась в безоговорочном и безусловном следовании всем ленинским указаниям по всем аспектам партийной жизни, от философско — теоретических вопросов (монополия на «абсолютную и относительную» истину) до конкретных практических задач партийного строительства. Со своей стороны Богданов считал, что авторитаристские тенденции Ленина в конечном итоге приведут к перерождению партийной диктатуры в новую, невиданную форму диктатуры над пролетариатом³⁷.

Так оно и произошло.

Внутрипартийная деятельность Ленина с целью достичь в результате ожесточенной борьбы с меньшевиками единоличного диктаторства в партии вызвала обратную реакцию — образовалась группа большевиков — примиренцев в 1909 — 1910 гг. Ее составили видные члены большевистской фракции и руководства РСДРП: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, И.Ф. Дубровинский, И.П. Гольденберг, Н.Н. Крестинский, Н.А. Рожков. На январском пленуме ЦК РСДРП, о чем уже шла речь, присутствовавшие там большевики — примиренцы поддержали компромиссные предложения Троцкого.

Формально в годы реакции большевики значились фракцией в РСДРП, но по существу они представляли собой самостоятельную партию во главе с большевистским центром. Уже в 1909 г. Ленин с удовлетворением отмечал, что «фактически наше течение все больше начинает равняться всей нашей партии»³⁸.

Курс на большевизацию руководства РСДРП в 1907 — 1910 гг., несмотря на некоторые успехи, оказался «пирровой победой». Меньшевистская фракция партии игнорировала решения большевистского руководства, а появление Троцкого в роли надфракционного примирителя, но претендующего на роль основного лидера партии, и его весьма удачный дебют на январском пленуме ЦК РСДРП 1910 г., (имея статус всего лишь представителя венской «Правды», он там добился принятия компромиссных решений), создали серьезную угрозу фактическому лидерству Ленина в руководстве РСДРП. Да и победа над меньшевизмом далась ему нелегко.

Если провести контент — анализ партийно — публицистической деятельности Ленина в 1907 — 1911 гг., то выяснится, что значительная часть, свыше 70% его опубликованных работ прямо или косвенно, в той или иной мере посвящена внутрипартийной борьбе на «два фронта», против меньшевиков и Троцкого, ставшего в этот период наиболее конкурентоспособным лидером в РСДРП «справа», и с ортодоксальными большевиками — отзовистами, впередовцами, ультиматистами во главе с Богдановым и Луначарским, «слева». Затем уже шла критика реформистов — оппортунистов из партий II Интернационала, кадетов и неонародников — социалистов, царизма и черносотенцев, не более чем 10 — 15% публикаций соответственно. Единственными, с кем Ленин вступил во временный тактический союз, окажутся меньшевики — партийцы во главе с Плехановым.

Поворотным пунктом в утверждении большевизма стала 6 — я всероссийская конференция РСДРП в г. Праге 18 — 30 января 1912 г. Из 20 — ти делегатов (с 14 — ю решающими голосами) 18 были большевиками (в их число входили Г.Е. Зиновьев, С.С. Спандарян, Г.К. Орджоникидзе, агенты охраны Р.В. Малиновский и А.С. Романов — с решающими голосами, а

с совещательными голосами — Ленин, Н.А. Семашко, О.А. Пятницкий, Л.Б. Каменев) и 2 меньшевика — партийца (Д.М. Шварцман и Я.Д. Зевин, с решающими голосами)³⁹, все остальные фракции, группы и национальные социал — демократические партии отказались принять участие в работе конференции. Представляя менее половины партийных организаций РСДРП, конференция все же провозгласила себя всероссийской, общепартийной, в роли верховного органа партии⁴⁰. По версии, принятой в официальной партийно — советской историографии, пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, партии большевиков, она приравнивается по своему значению к партийному съезду⁴¹.

На самом деле Пражская конференция по своему статусу представляла большевистскую фракцию РСДРП и плехановскую группу меньшевиков — партийцев. Руководство конференцией единолично осуществлял Ленин, хотя не имел даже решающего голоса. С целью избавиться от конкурентов он поставил две основные задачи: изгнать из партии своих главных политических конкурентов внутри РСДРП — меньшевиков — ликвидаторов и в рамках РСДРП установить контроль обновленного, преданного ему руководства над основной партийной массой стихийных «объединенцев». Со всеми этими задачами конференция справилась, решения были приняты без особых дискуссий, в духе ленинского единения: открытые меньшевики — ликвидаторы были исключены из партии из — за программных расхождений, а сам Ленин стал «ликвидатором ликвидаторов»; «скрытые меньшевики — ликвидаторы» (голосовцы, троцкисты, впередовцы, примиренцы — центристы) были осуждены, право действовать от имени РСДРП за ними оставляли только при условии их подчинения ЦК. На конференции был избран ЦК РСДРП, куда вошли Ленин и «его доверенное лицо» Зиновьев, а также «рабочие — практики» из провинции: Ф.И. Голощекин, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Спандарян, и Р.В. Малиновский, и меньшевик — партиец Д.М. Шварцман. На кооптацию в ЦК было намечено пять кандидатов: А.С. Бубнов, М.И. Калинин, А.П. Смирнов, Е.Д. Стасов и С.Г. Шаумян. Для практического руководства в России учреждено было Русское бюро ЦК в составе: Орджоникидзе, Спандаряна, Голощекина, Сталина, Е.Д. Стасова. Ленин был избран председателем редакционной коллегии «Социал — демократа» и представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро.

Конференция утвердила ленинские тезисы о положении в партии и в стране, о стратегии и тактике РСДРП в связи с выборами в IV Государственную Думу под большевистскими лозунгами «Учреждение демократической республики», «Конфискация всей помещичьей земли» и «Установление 8 — часового рабочего дня» и с проведением тактики «левого блока»; об издании в Петербурге ежедневной легальной партийной газеты (будущая ленинская «Правда», в противовес «Правде» Троцкого),

ряд других резолюций⁴². На первом же заседании пленума ЦК, состоявшемся в конце конференции, в его состав были кооптированы И.С. Белостокский и Сталин, а позднее Г.И. Петровский и Я.М. Свердлов.

На Пражской конференции РСДРП Ленин фактически произвел внутрипартийный переворот: от имени партии, под прикрытием союза с меньшевиками — партийцами он установил диктат большевистской фракции, а в новом руководстве РСДРП — свою единоличную диктатуру. Так в ЦК РСДРП реальная власть сосредотачивается в руках Ленина и зависимого от него Г.Е. Зиновьева. Меньшевик — партиец — плехановец Д.М. Шварцман играет роль внутрипартийно — демократического прикрытия, представляя меньшинство при любом раскладе сил в ЦК. Введение в состав ЦК «рабочих — партийцев» и «местных руководителей» с периферии также служило укреплению режима личной власти Ленина в руководстве партии. С одной стороны, в партии, где верхушка состояла из партийной интеллигенции, чисто формально повышалось значение рабочих элементов, что должно было усилить авторитет ленинского ЦК среди рядовых партийцев — рабочих. С другой стороны, их «ссылка» в Русское бюро, на текущую партийную работу в России, дополнительно страховала монополию Ленина на политическое руководство в ЦК от возможной оппозиции со стороны «рабочих — цекистов»; у них, к тому же, не было достаточных для того стажа руководящей работы и культурно — образовательного уровня.

О том, с какой легкостью Ленин манипулировал «рабочими — партийно-функционерами», свидетельствует видный большевик — историк М.Н. Покровский: «Бадаев пришел к Ильичу (В.И. Ленину) от думской фракции с вопросом, как ему говорить по поводу какого — то довольно сложного кадетского вопроса. Ильич расхохотался и сказал: «Чего тебе слушаться, просто выйди на трибуну и обругай буржуев. Затем тебя и послали в Думу, чтобы там был слышен голос рабочего, а это ты предоставь литературной группе при фракции, она все это разработает, а сам над этим голову не ломай. Это совершенно не нужно»⁴³.

Ленин, после того, как его избрали руководителем центрального печатного органа ЦК РСДРП и представителем в Международное социалистическое бюро, практически замкнул на своей персоне функции высшего партийного руководства в партийно — издательской и внешнепартийной деятельности, выступая в роли редактора, издателя, партийного цензора и партийного «министра иностранных дел». Нужно еще учесть, что Ленин контролировал партийную кассу. Таким образом, на Пражской конференции РСДРП Ленин и формально — политически, и фактически создал новую социал — демократическую партию вождистского типа, где атрибуты социал — демократии мирно уживались с централизованной диктатурой вождя партии. Вывеска социал — демократии была ему пока нужна. На коммунистическую он ее сменил только после

захвата власти.

Ленин еще до Пражской конференции сформировал в большевистской фракции систему, где внешне демократические, легальные структуры внутрипартийной власти (ЦК, ЦО, редакции, комиссии, представительства, комитеты) сочетались с авторитарно — бюрократическими, полуполюгальными и нелегальными конспиративными властными институтами. Так, в структуре прежнего Большевистского центра действовала «финансовая группа», в ее ведении была вся строго законспирированная боевая деятельность большевиков, в том числе связанная с экспроприацией финансовых средств⁴⁴, а также комиссия по борьбе с провокаторством. Возглавляла эту группу «коллегия трех» в составе: Ленин — общее руководство, Л.Б.Красин — техническое руководство и Богданов (Малиновский) — организационное и идеологическое прикрытие. Этой тройке подчинялись через особую систему явок, адресов, сложных многоступенчатых паролей соответствующие группы на местах: кавказская — Сталин (Джугашвили), С.А. Камо (Тер — Петросян), уральская — Свердлов и другие.

Наиболее эффективной была деятельность уральской группы во главе со Свердловым, который руководил местным кустом боевой организации РСДРП. При каждом комитете создавались три дружины: первая, известная всем, куда входили рабочие, и две тайные. Собственно боевая работа велась второй дружиной, которая делилась на специализированные десятки: разведчиков, саперов (минеров), бомбистов, стрелков. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати и документы, устраивали теракты против полиции и представителей власти, совершали экспроприации, обкладывали богачей данью под угрозой смерти, осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров. Так, только одна группа боевика К.А. Мячина в 1907 — 1908 гг. совершила четыре «экса» на общую сумму 360 тыс. рублей⁴⁵. Кроме того, Свердлов поддерживал прямую связь с так называемыми «лесными братьями» А.М. Лбова, с ними уральские боевики провели ряд совместных операций. И это несмотря на целый ряд формальных запретов ЦК РСДРП и последующее отрицание в официальной истории КПСС каких — либо связей с «лбовщиной»⁴⁶.

После отхода Красина, изгнания Богданова из — за личного соперничества под предлогом политико — философских разногласий, которые ранее были неважны, эффективного использования В.К. Таратуты в качестве «черного» партийного кассира (большевики способствовали его женитьбе на дочери предпринимателя Н.П. Шмита и затем через ее мужа прибрали к рукам ее наследственную долю в размере 190 тыс. рублей), Ленин сосредоточивает в своих руках всю полноту тайной, реальной и финансовой, власти в партии.

В.С. Войтинский так описывает ситуацию в большевистской фракции в

тот период времени: «Ленин был окружен атмосферой безусловного подчинения. Не только Зиновьев, но и Богданов, и Гольденберг, не говоря уже о таких работниках, как Землячка, Красиков и рядовые профессии — оналы, на все вопросы смотрели глазами «Ильича»... Вообще отношение к Ленину его ближайших сотрудников было таково, что он мог сказать про себя: «Большевизм — это я». Он крепко держал фракцию в своих руках и управлял ею как неограниченный монарх — но притом как монарх, «обожаемый верными подданными»⁴⁷.

Ленину была нужна единая, дисциплинированная партия, преданная идеалам революционного марксизма и ленинского революционизма. Пражская конференция стала началом окончательного идеологического, политического и организационного разрыва большевиков с меньшевиками, формально обозначенного на апрельской 1917 г. конференции РСДРП(б).

Трансформация леворадикальной фракции большевиков — ленинцев в вождистскую партию нового типа и окончательный ее разрыв с социал — демократией связаны, прежде всего, с авторитарностью самого Ленина, в частности, и с глубокими традициями авторитаризма в российской политической культуре. Время дореволюционных идеалистов — утопистов и прекраснодушных теоретиков — говорунов на тему светлого социалистического будущего, время первого апостола марксистского социализма Плеханова и неопита революционно — демократического марксизма Мартова закончилось уже с началом революционных событий 1905 — 1907 гг. Наступило время политических практиков и парторганизаторов. «Партия это не пансион благородных девиц», «политики без грязи не бывает», «иной мерзавец может быть для нас тем и полезен, что он мерзавец», «революция дело тяжелое. В беленьких перчаточках, чистенькими ручками ее не сделаешь!»⁴⁸ — таковы на тот период ленинские «максимы».

А знаменитая его формула «нравственно то, что служит победе социализма» заранее оправдывала все его действия как в собственных глазах, так и среди товарищей — партийцев. Ведь партия — это не дискуссионный клуб, а организация профессиональных революционеров, которая должна перевернуть Россию. Марксизм не догма — а руководство к действию. В этих кратких афоризмах Ленина и заключена суть ленинского революционизма.

После революции 1905 — 1907 гг. РСДРП предстояло выбрать один из двух путей. Первый — эволюционный, реформистский, мирный, легальный и в исторической перспективе очень и очень долгий путь постепенной либерализации и социал — демократизации российского общества. По этому пути пошла социал — демократия в Финляндии. СДПФ на выборах в 1907 г. получила 80 мест в финском сейме из 200, на выборах 1916 г. — 103 места, сформировав впервые в мире социал — демократическое правительство. СДПФ смогла удержать Финляндию на пути либерально —

демократических и социал — реформистских преобразований, в незави — симой Финляндии она играла ведущую роль. «Секрет» успеха финской социал — демократии выдал О.В. Куусинен: «Силтасааревские теоретики (левые) были настолько несведущими, что до 1918 г. не читали ни одного произведения Ленина»⁴⁹.

Второй путь — революционный, конспиративно — полулегальный, ве — дущий к захвату в благоприятный момент политической власти в стране радикальными социалистами. Совершенно ясно, что Ленин сознательно избрал второй путь, на котором ему нужна была лично преданная партия нового типа, способная осуществить политический переворот в стране. Авторитаризации большевиков способствовал низкий уровень общей культуры и образования среди российского населения, особенно среди рабочих, вчерашних крестьян, и политической культуры среди револю — ционной интеллигенции. В массах были сильны патерналистско — авто — ритарные тенденции традиционного общества, а демократические и осо — бенно либеральные идеалы и ценности для них не имели равным счетом никакого самостоятельного значения.

Ликвидаторство и проблема создания легальной рабочей партии

События 3 июня 1907 г. и последующий период столыпинской реакции 1907 — 1910 гг. и революционного подъема 1911 — 1914 гг. (по версии Ленина) или затяжной реакции 1908 — 1914 гг. (по мнению видного мень — шевика Дана⁵⁰) более всего сказались на состоянии меньшевистской фракции РСДРП.

Прежде всего, резко возросло количество людей, покинувших партию, особенно среди партийной интеллигенции на местах и квалифициро — ванных рабочих. Меньшевики раскололись на две неравные части: мень — шую, ортодоксов — партийцев, и большую — новаторов, последняя идей — но — политически и партийно — организационно подразделялась на три группы: правых, реформистов — легалистов; центристов и левых, мень — шевиков — примиренцев.

Ортодоксального направления в меньшевизме придерживалась группа меньшевиков — партийцев во главе с Г.В. Плехановым, В.П. Затонским, Г.И. Чудновским и др., стоявшая на дореволюционных идейно — полити — ческих позициях меньшевизма — принципах революционного марк — сизма в интерпретации Плеханова. Он считал, что для захвата власти, в зависимости от конкретной ситуации, необходимо использовать все ме — тоды борьбы, включая самые радикальные и революционные.

Правое крыло новаторского, постреволюционного меньшевизма за —

нимали реформисты, призывающие к ликвидации подпольных партийных организаций с одновременным реформированием РСДРП по образцу западноевропейских массовых социалистических и социал — демократических партий, хотя обстановка в России мало благоприятствовала реализации подобных намерений⁵¹. Инициаторами этого ликвидаторского направления в меньшевизме стали видные партийные литераторы Ю. Ларин (М.А. Лурье), Н. Череванин (Ф.А. Липкин), А.Н. Потресов, В.О. Левицкий (Цедербаум), П.А. Гарви (Бронштейн) и др., они работали в редакциях журналов «Возрождение» (Москва) и «Наша Заря» (Петербург). Революция, по их мнению, дело весьма и весьма отдаленного будущего. Поэтому надо в рамках существующей легальности, в союзе с либеральной буржуазией, с демократическими и национально — демократическими партиями оказывать политическое давление на власть в целях ее постепенной трансформации в конституционно — парламентарную монархию, не спеша, шаг за шагом, вовлекать российский рабочий класс в легальную, обновленную РСДРП.

Меньшевики — центристы призывали сочетать подпольную деятельность с работой в легальных организациях. Во главе этого течения стояли видные деятели меньшевизма Ю.О. Мартов (Цедербаум), Ф.И. Дан (Гурвич), А.С. Мартынов (Пиккер), они объединились вокруг редакции газеты «Голос социал — демократа», поэтому их иногда называют «голосоцами». Они не исключали возможности новой революции в России. Их опорой были заграничные группы содействия РСДРП и их Центральное бюро (ЦБЗГ). В России в 1910 — 1911 гг. возникло движение меньшевистских инициативных групп, которые поддерживали позицию «голосовцев». Это были меньшевики — практики, которые активно работали в легальных органах партии и рабочего движения.

К левым меньшевикам — примиренцам по своим идейно — политическим позициям примыкал Троцкий с группой своих последователей, он стремился к объединению «всех и вся» в РСДРП под своим личным руководством. Себя он считал «внефракционным социал — демократом». Основные течения в меньшевизме подразделялись на небольшие группы, подгруппы, группировки, которые вступали во временные союзы, раскалывались, дробились, исчезали, возрождались и вновь исчезали.

Но общее, веерообразное (от плехановской до потресовской, от мартовской до троцкистской линии) развитие меньшевизма после событий 1905 — 1907 гг. из узкой, ортодоксальной, законспирированной фракции — партии в массовую рабочую партию, сочетающую легальные и конспиративные формы деятельности, в союзе со всеми либеральными, демократическими, национально — освободительными силами в России свидетельствовало о большом интеллектуальном и партийно — политическом потенциале меньшевизма в целом.

Наиболее перспективной, легальной, демократической альтернативой

развития меньшевизма в условиях столыпинских реформ выглядела правоменьшевистская, реформистская модель создания посредством «рабочего съезда» легальной, мощной «рабочей» партии по образцу европейских партий II Интернационала. Меньшевики — ликвидаторы Потресов, Череванин, братья Мартова В.О. и С.О. Цедербаумы, П.А. Гарви и другие считали, что после 1905 — 1907 гг. происходила трансформация царизма в буржуазную монархию, на что были направлены реформы Витте и Столыпина. Отсюда делался вывод о том, что новой демократической революции в России в ближайшей перспективе не предвидится⁵². К проекту «рабочей партии» достаточно благосклонно относился сам премьер — реформатор П.А. Столыпин, в чьих политических интересах было иметь дело с реформистской партией вместо революционной. После убийства Столыпина в результате резкого усиления межфракционной борьбы, особенно со стороны большевиков — ленинцев, которые формально исключили ликвидаторов из РСДРП, это направление стало играть менее значительную политическую роль в массовом рабочем движении России.

Причиной неуспеха меньшевиков — ликвидаторов было, прежде всего, то, что состав, культурный, политический уровень российских рабочих, в котором потомственные, высококвалифицированные, образованные и культурные пролетарии составляли не более 5 — 7% от общей массы, а тон задавали неквалифицированные, малограмотные, чернорабочие — полукрестьяне (60 — 80%), резко отличался от уровня рабочего класса передовых стран Западной Европы. Практически весь запал меньшевиков — ликвидаторов вместо непосредственной работы по созданию массовой, легальной, социал — демократической, реформистской партии в России ушел на внутрипартийные дразги с меньшевиками — партийцами, ортодоксами революционного марксизма, и с большевиками — ленинцами, обвинявшими меньшевиков — ликвидаторов во всевозможных грехах, от ревизионизма и буржуазного оппортунизма до прямой измены революционному делу рабочего класса и социал — демократии.

Плехановская альтернатива меньшевиков — партийцев, стоящих на позициях революционного марксизма — ортодоксального меньшевизма до революционного периода, оказалась еще менее продуктивной для развития меньшевизма в новых исторических условиях. В 1908 — 1913 гг. Плеханов тесно сотрудничает с большевиками, более того, заключает политический блок с ними, печатается в их журналах, активно переписывается с Лениным. Даже одну статью этого времени он сам озаглавил так — «Плеханов перешел к большевикам», но объяснял в ней, что перешел — то он не до конца, по ряду вопросов занимает особую позицию, хотя еще в конце 1907 г. ставил вопрос о разрыве отношений с большевиками из — за экспроприаций. В своем письме Мартову от 9 декабря 1907 г. он прямо поставил этот вопрос: «Читали ли Вы о берлинской

истории? (арест боевика — большевика Камо, выданного Житомирским). Дело так гнусно, что, право, кажется, нам пора разорвать с большевика — ми. Очень прошу Вас написать мне, что Вы думаете об этом?»⁵³

После ареста большевика — боевика М.М. Литвинова, схваченного полицией при размене экспроприированных 500 рублевых купюр, Плеханов предлагает меньшевистским лидерам за границей обратиться к меньшевикам в России, «кликнуть клич» с призывом сплотиться для борьбы во имя «торжества социал — демократических принципов над большевистским бакунизмом». Он считал, что есть все шансы на успех в этой борьбе, но при одном обязательном условии: «Только надо, конечно, говорить до конца и отказаться от того страха перед большевистской Маршей Алексеевной, которым всегда отличались меньшевики и который никогда не был началом премудрости. Начало премудрости, это — как раз обратное поведение, полное бесстрашие»⁵⁴.

Плеханов решил дать «последний и решительный бой» всей политике «большевистского бакунизма», включая курс на восстание, которое он называл «вспышкопускательством». Он полагал необходимым идти в этой борьбе до самого края, не останавливаясь перед формальным разрывом организационных связей. Его поддержал Мартов, остальные лидеры меньшевизма решили отдать этот вопрос на рассмотрение меньшевика — примиренца Г.В. Чичерина. Он же как опытный дипломат принял компромиссное решение по этому вопросу, равно устраивающее все стороны: в том, что невозможно было скрыть, признались и покаялись, что можно было скрыть — осталось «тайной за семью печатями». Разногласия были формально устранены, опасения Плеханова о «скрытой криминализации» РСДРП были развеяны.

Что дал союз меньшевиков — партийцев Плеханова и большевиков — ленинцев? Для группы плехановцев ровным счетом ничего, кроме очередных разочарований Плеханова в Ленине, выразившиеся в полном и окончательном их разрыве в 1914 г. Но большевикам — ленинцам политический блок с меньшевиками — партийцами дал необходимое политическое прикрытие для их стремления трансформировать РСДРП в партию нового типа — с социал — демократической вывеской и авторитарно — вождистскую по существу. Ленинизму помимо того он обеспечил идейное наследство революционного марксизма через его российского апостола Плеханова. В целом политическая судьба меньшевиков — партийцев показала незавидную общую перспективу меньшевизма в случае его политического союза с ленинским большевизмом. С тех пор группа Плеханова стала не более чем памятником самой себе, ортодоксальному, дореволюционному меньшевизму образца 1903 — 1905 гг., лишь в фразеологии сохранившему дух революционного марксизма.

Меньшевики — центристы, «голосовцы» лишь частично поддерживали меньшевиков — ликвидаторов. Они считали, что наряду с легальными ме —

тодами партийной работы необходимо сохранять и полулегальные формы в сочетании с элементами нелегальщины, поскольку не отрицали возможности новой революции, к которой должна быть готова объединенная РСДРП. Меньшевики — центристы были по существу «партийными генералами» без «партийной армии». Их участие во всех объединенных партийных мероприятиях обычно заканчивалось тем, что Ленин устраивал им «публичную порку» и отклонял все проекты их резолюций.

Свои главные усилия центристы направляли не на укрепление партийных рядов, особенно в России, а на постоянную меж- и внутрифракционную полемику и на бесплодные попытки добиться хотя бы формального единства. Среди центристов — меньшевиков так и не нашлось общепризнанного лидера, способного сплотить ряды социал-демократии. Мартов — основатель меньшевизма, «больная совесть меньшевизма», «Гамлет демократического социализма», «Дон — Кихот русской революции»⁵⁵, не мог составить конкуренцию новому поколению революционных лидеров — практиков и прагматиков вроде Троцкого и Ленина, тем более новой плеяде «делателей революции», таких, как Свердлов и Сталин. Для них уже вопросы морали не были так важны, как для первого поколения революционеров — романтиков и идеалистов, к которым, несомненно, принадлежали Мартов, Плеханов и другие «отцы — основатели» российской социал-демократии. Меньшевик Д. Далин писал: «Мартов был скорее человеком интеллекта, чем большой воли. Больше мыслитель и писатель, чем генерал, он пользовался авторитетом благодаря уму и страстной преданности своей идее, но нуждался в коллеге — вожде, который при нем держал бы в руках разветвленный аппарат, вел практическую работу...»⁵⁶.

Ф.И. Дан, обладающий несомненными высокими организационными способностями, не был крупным мыслителем, о чем, в частности, свидетельствует его последняя книга «Происхождение большевизма» (1946) написанная в духе синтеза идей демократического социализма и коммунизма и прогнозирувавшая мирную трансформацию большевистского режима в демократическое общество⁵⁷.

Роль объединителя РСДРП попытался сыграть «внефракционный социал-демократ» Троцкий, представляющий собой как раз переходный от романтика — идеалиста к практику — прагматика тип революционера. По всем вопросам революционной борьбы у него была своя, единственная — правильная, истинно — марксистская, подлинно — революционная, общепартийная, как он считал, точка зрения. «Не большевик и не меньшевик, а социал-демократ, который многое впитал из большевизма, многое из меньшевизма, многое отмечает в обеих фракциях и который во всяком случае сознает или по крайней мере чувствует, что перерос их — уже по одному, что они — фракции, а ему нужна партия. Это чисто социал-демократический тип, это Петр — камень, на котором укрепится наша

партийная церковь»⁵⁸ — именно так Троцкий представлял свою роль объединителя — спасителя обновленной РСДРП. В 1908 г. он совместно с меньшевиками А.А. Иоффе, С.Ю. Семковским и М.И. Скобелевым принял издание в Вене внефракционной социал — демократической газеты «Правда». Первый ее номер вышел 3 октября как орган Украинского союза «Спилки» РСДРП. Там сообщалось, что газета предназначена для рабочих города и деревни в России. Главная задача газеты — воссоздание партии на новых основах, сбросившей с себя «зависимость от буржуазной интеллигенции» и поставившей во главе пролетарских организаций «рабочих вождей». Издание шло под лозунгом: «Не руководить, а служить! Не раскалывать, а объединять!»⁵⁹ После протеста «Спилки» подзаголовок был снят. С третьим номере «Правды» редакция заявила, что она становится газетой городского и сельского пролетариата, не связанного с какой — либо местной или областной организацией.

Вскоре деятельность Троцкого начала приносить реальные плоды. На январском (1910 г.) пленуме ЦК РСДРП, искусно используя противоречия между меньшевиками и большевиками, пойдя на блок с большевиками — примиренцами, Троцкий добился признания общепартийного статуса венской «Правды», регулярных ежемесячных финансовых субсидий в размере 400 франков (150 рублей) от ЦК, направления в редакцию представителем ЦК РСДРП Л.Б. Каменева и предложил ближайшей партконференции объявить «Правду» органом ЦК. Против этих решений голосовал только Ленин, в Троцком он сразу почувствовал реального конкурента в борьбе за общепартийное лидерство. Попытки Каменева подчинить редакцию «Правды» большевистской фракции не имели успеха. С № 16 «Правда» остается без субсидий ЦК РСДРП, а Каменев выходит из состава редакции.

Троцкий собрал в редакции «Правды» сплоченный коллектив талантливых партийных литераторов и журналистов, состоящий из А.А. Иоффе, М.С. Урицкого, А.И. Гельфанда (Парвус) и др. В качестве авторов «Правды» привлекались видные германские и австрийские социал — демократы К. Каутский, Ф. Меринг, О. Бауэр, В. Адлер и другие. Всего вышло 25 номеров и 4 специальных приложения.

В целом Троцкому в борьбе одновременно против правых меньшевиков — ликвидаторов и левых большевиков — ленинцев удалось выдержать центристскую линию на объединение РСДРП. Газета решительно выступила против раскола РСДРП, который наметился на совместной Пражской конференции большевиков и меньшевиков — партийцев. 6 мая 1912 г. вышел последний, 25 номер, в котором Троцкий резко протестовал против присвоения большевиками названия «Правда» для своей газеты.

Но острие своей полемики он направил против Ленина — «профессионального эксплуататора отсталости русского рабочего движения» и ленинизма — «Все здание ленинизма в настоящее время построено на

лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения... именно в линии вопроса: единство или раскол»⁶⁰. Ленин не оставался в долгу: «Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма»⁶¹. Но самая полемичная статья Ленина «О краске стыда у Иудушки Троцкого», написанная в январе 1911 г., была напечатана в «Правде» только 21 января 1932 г. по личному указанию Сталина в период очередного обострения борьбы с троцкизмом. В ней Ленин не пожалел красок для дискредитации своего противника: «Троцкий хуже всех прочих фракционеров... хуже ликвидаторов, плывавших в «Нашей Заре» перед Столыпиным в лицо нелегальной партии»⁶². Даже сам Ленин в то время посчитал нежелательной ее публикацию.

Полемика, особенно после публикации Троцким статьи в газете германских социал-демократов «Форвертс» о том, что делегаты от РСДРП на предстоящий конгресс, никого, кроме самих себя, не представляют, приняла настолько острые формы, что Плеханов потребовал устроить нечто вроде партийного суда над Троцким на Копенгагенском конгрессе II Интернационала (15 — 21 августа 1910 г.). И только благодаря заступничеству Луначарского такой суд не состоялся⁶³.

Многолетняя перепалка Троцкого с Лениным в межреволюционное десятилетие (1907 — 1917 гг.), сполна раскрывает, с поправкой на полемические преувеличения, политическую и историческую сущность этих двух ведущих лидеров российской революции, непримиримых политических оппонентов в период борьбы за партийное лидерство в РСДРП, ставших, по воле судьбы, «близнецами — братьями» в последующий революционный период. В немалой степени они ответственны за банкротство социал-демократии в России.

После Пражской (1912 г.) конференции РСДРП Троцкий начинает сколачивать антибольшевистский блок из всех фракций и группировок в РСДРП. Неприятие целым рядом социал-демократических фракций и группировок решений Пражской конференции, создавало, по мнению Троцкого, благоприятные условия для объединения РСДРП под его персональным руководством.

Венская конференция организаций РСДРП состоялась 25 августа — 2 сентября 1912 г. В ее работе приняли участие 18 делегатов с решающими и 15 делегатов с совещательными голосами. Венская конференция уступала по представительству Пражской, не была всероссийской (Москва,

Петербург, Севастополь, Красноярск) и представляла в основном наци — ональные социал — демократические партии (Бунд, Латвия, «Спилка», Кавказ и Баку). Среди делегатов преобладали не посланцы из России, а представители эмигрантских групп. Среди делегатов с решающими голосами было 9 нефракционных (в том числе все бундовцы и латыши), 5 меньшевиков (3 центриста — мартовца и 2 ликвидатора), 3 большевика — партийца и 1 меньшевик — партиец. Делегаты с совещательным голосом и гости делились так: 8 нефракционных, 5 меньшевиков, 1 большевик — партиец, 1 меньшевик — партиец. Два делегата были агентами охраны. Большевики, плехановцы и польские социал — демократы осудили созыв августовской конференции. Впередовцы, а затем латышские социал — демократы, прибыв на конференцию, отказались в ней участвовать.

Объединение социал — демократических организаций, возникшее на Венской конференции, получило название Августовского блока. Он оказался очень непрочным. В 1914 г. из него вышли Троцкий и латыши. Большевики относились к блоку крайне враждебно, а Ленин презрительно его называл «августовской фикцией»⁶⁴.

Конференция высказалась за отказ от ряда революционных лозунгов в пользу более умеренных и прагматичных. Так, лозунг о демократической республики был заменен на требование всеобщего избирательного права и полновластного народного представительства. На первый план выдвигалась борьба за общедемократические права. Лозунг о конфискации помещичьей земли был снят как потерявший свое значение в ходе столыпинской реформы. Допускались избирательные соглашения с кадетами «на верхних ступенях». По организационному вопросу на конференции выступал делегат Петербургской Инициативной группы А.Н. Смирнов, предлагавший приспособить нелегальные партийные организации к новым формам и методам открытого рабочего движения. Поддержал это предложение и Троцкий, объявивший, что эпоха нелегальной партии закончилась. В резолюции «Об организационных формах партийного строительства» декларировалась необходимость преобразовать социал — демократию в процессе привлечения рабочих масс к легальному движению и выдвигалась идея легализовать партию по частям⁶⁵.

Современные российские историки справедливо отмечают, что непрочность Августовского блока определялась не столько противоречием между составлявшими его группами, сколько отсутствием в Российской империи широкой социальной базы для реформизма. «Рабочая аристократия» и высококвалифицированные специалисты в России составляли гораздо меньшую, чем в странах Западной Европы, долю всех трудящихся, а их образовательный уровень уступал культурному потенциалу их зарубежных коллег. К тому же большую часть российских пролетариев образовывали вчерашние выходцы из деревни. Тем не менее и в российском пролетариате имелись слои, восприимчивые к эволюционным идеям.

Когда в Петербурге обосновался меньшевистский ОК, он мог опереться на Центральную инициативную группу, куда входили профсоюзные деятели во главе с К.А. Гвоздевым и Ф.А. Булкиным. Сильными реформистскими настроениями были проникнуты служащие государственных учреждений и частных предприятий, составлявшие контингент ряда петербургских профсоюзов, — не колеблясь, они шли за меньшевиками.

В отношении легализации социалистических партий в России положение в межреволюционный период было двойственным: с одной стороны, в Манифесте от 17 октября 1905 г. формально декларировались основные права и свободы, в том числе и на организацию политических союзов и партий; с другой стороны, закон не допускал легального существования социалистических партий. Для их легализации в условиях третьеиюньской монархии необходимо было во всех программных и уставных требованиях легальной партии заместить приемлемыми синонимами всякое прямое упоминание о социализме. На Венской конференции кое — что было сделано по этой части, особенно по части перефразировки партийных лозунгов, но меньшевики считали, что впереди целая вечность, что социализм как историческая неизбежность все равно не уйдет, и не торопились в решении организационных вопросов.

Реально Августовский блок просуществовал в своем первоначальном виде полтора года, вплоть до ухода из него в начале 1914 г. Троцкого, самого активного, перспективного и пассионарного лидера меньшевизма. Номинально он просуществовал до Февральской революции как постоянно меняющийся по составу ОК, решения которого выполнялись местными органами меньшевистской фракции «постольку, поскольку».

В ноябре 1913 г. из внефракционных социал — демократов, троцкистов, части меньшевиков — партийцев, «впередовцев» и большевиков — примиренцев была создана «Петербургская междурайонная социал — демократическая организация» — «Межрайонка». Основатели межрайонки считали, что РСДРП как партии фактически нет, фракции слабы, тяга к единству огромная и поэтому партия должна быть воссоздана путем ломки фракций и сплочения рабочих — партийцев. Межрайонцы поддерживали и сами вели борьбу с большевиками — ленинцами и меньшевиками — ликвидаторами одновременно. Их промежуточное положение между ликвидаторами и большевиками толкало к неустойчивой политике соглашений то с большевиками, то с ликвидаторами. Межрайонцам удалось в 1913 — 1914 гг. создать довольно сильную по масштабам того времени организацию, связаться с рабочими, поставить пропаганду, наладить выпуск нелегальной печати и начать работу в войсках, но в целом решить задачу объединения РСДРП они не смогли.

Несомненно также, что особенностью второго раскола в РСДРП, в отличие от первого, продолжавшегося до IV (Объединительного) съезда, было то, что он прошел не только через партийные организации, но и через

рабочее движение в целом. На страницах большевистских и меньшевистских газет велась упорная повседневная борьба за перетягивание пролетариев под разные фракционно — партийные знамена. В конечном счете это привело к расколу профсоюзного и кооперативного движения, а также к ослаблению культурно — просветительских организаций трудящихся⁶⁶.

Социал-демократия и рабочее движение

С установлением временной политической стабилизации в России начался промышленный подъем, по интенсивности не уступавший подъему 1890 — х годов: среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 8,9% в 1909 — 1913 гг. (9% в 1893 — 1900 гг.). В этот период отрасли, производящие средства производства, увеличили выпуск продукции на 83% (среднегодовой прирост 13%), а производящие товары широкого потребления — на 35% (среднегодовой прирост 6%)⁶⁷.

Наступление промышленного подъема было ускорено расширением внутреннего рынка в результате развития капитализма в сельском хозяйстве, чему способствовала столыпинская аграрная реформа, а также подготовка царской России к войне в Европе. За эти годы чрезвычайные расходы царского правительства по линии военного ведомства выросли более чем в 2 раза⁶⁸.

Режим третьеиюньской монархии создал принципиально новые условия партийной работы РСДРП среди рабочих масс. Наряду с традиционными формами нелегальной работы появились новые возможности легальной и полуполигальной деятельности в законных рабочих организациях: профсоюзах, больничных кассах, кооперативах, многочисленных рабочих и культурно — просветительских обществ.

Основная борьба в легальных рабочих организациях развернулась между меньшевиками — ликвидаторами, меньшевиками — центристами, большевиками — ленинцами и эсерами. Все они практически не имели каких — либо традиций легальной работы, к тому же органы царской власти в центре и на местах заведомо рассматривали рабочие организации как антигосударственные структуры и проводили против них политику административного зажима и полицейских репрессий. В этих условиях существование легальных рабочих организаций в России резко отличалось от положения рабочих организаций в Европе и в США — там они, отстаивающие в рамках закона и традиций интересы трудящихся, рассматривались как существенная часть политической и общественной структуры западных демократий, не зависящая, к тому же, от социалистических и социал — демократических партий. В России ситуация была прямо противоположной. Постоянный прессинг властей против легаль —

ных рабочих организаций, наличие достаточно мощной РСДРП, низкий образовательно — культурный уровень трудящихся — эти и многие другие факторы способствовали политизации легальных рабочих организаций в духе либо меньшевистского социал — реформизма, либо большевистского радикализма⁶⁹.

Получался какой — то замкнутый круг: объективная потребность в массовых рабочих организациях, особо насущная в условиях постреволюционной ускоренной модернизации России, постоянно рождала новые и новые организационные структуры. Реакция властей была контрпродуктивной и неадекватной: политика «держать и не пущать» радикализировала рабочее движение, героизировала его активистов и партийцев, сужала и без того незначительную социальную базу царизма в крупных промышленных городах, объективно расчищала почву для более успешной деятельности радикальных социал — демократов — большевиков — ленинцев, вычищая потенциальных союзников либеральной буржуазии — меньшевиков — ликвидаторов.

Среди легальных рабочих организаций наиболее значительную роль играли профессиональные союзы, это были самые многочисленные и организованные структуры рабочего движения. В годы реакции и упадка революционного движения они сильно ослабли. В начале 1908 г. насчитывалось 482 профсоюза (130 тыс. членов), в конце 1909 г. — 240 (40 тыс.), в конце 1910 г. — 229 (около 38 тыс.)⁷⁰. Союзы закрывались за малейшие проявления активности в массовой работе. Во многих случаях правительство не разрешало открывать их вновь, отказывало в их регистрации. Профсоюзы действовали в условиях легальности, полулегальности (т.е. имели два устава, один — для регистрации, другой — для рабочих) и нелегальности. Так, во второй половине 1907 г. неофициально существовал 81 профсоюз, в 1908 г. — 68, в 1909 — 52, в 1910 — 37⁷¹. Нелегальные профсоюзы помогали сохранять и укреплять революционную основу профессионального движения рабочих в духе большевизации. Переход профсоюза на полулегальное или нелегальное положение, естественно, увеличивал в нем число и роль членов большевистской фракции РСДРП.

В профсоюзах развернули активную деятельность меньшевики — ликвидаторы, национальные социал — демократические партии — латыши, поляки и литовцы, Бунд, а также социалисты — революционеры. Меньшевики — ликвидаторы отстаивали тезис о «нейтральности» профсоюзов по отношению к рабочей партии. Подчинение профсоюзов партии считали они, может быть для них пагубным, задача профсоюзов — улучшить положение рабочих в условиях капиталистического строя, а задача партии — разрушить самый этот строй. Меньшевики считали партию и профсоюзы равноценными организациями. Недопустимо, полагали они, для партии вмешиваться в дела союзов и ими руководить. Союзы долж —

ны быть нейтральными, независимыми от политической партии рабочего класса.

У большевиков точка зрения была иная. Они настаивали на необходимости внедрить в профсоюзы социалистические идеи о единстве рабочего класса, руководящей роли партии, заявляли, что партия без профсоюзов революции не совершит, и что на другой день после нее те должны в устройении нового мира сыграть главную роль. Профсоюзы, считали большевики, необходимы как массовая организация, которая должна помочь партии объединить вокруг своих лозунгов пролетарские массы, которая может подтянуть к авангарду рабочего класса отставшие слои несознательных и малосознательных рабочих, воспитывая их, оформляя их классовое политическое сознание, подготавливая их к революционной борьбе за социализм. Партия есть высшая форма классовой организации, и деятельность профсоюзов должна осуществляться под ее руководством.

В 1914 г. было зарегистрировано 577 профсоюзов (150 тыс. членов)⁷². Этого явно было недостаточно для восстановления профессионального движения до уровня предшествующего революционного периода 1906 — 1907 гг.

Борьба меньшевиков — ликвидаторов и большевиков — ленинцев за руководство профессиональным движением рабочих России, на которую уходила большая часть энергии социал — демократов, закончилась победой большевиков в крупных, столичных профсоюзах Петербурга, Москвы, Урала, Донбасса, Баку, главным образом среди металлистов и металлообработчиков. Меньшевики — ликвидаторы, меньшевики — центристы и эсеры сохранили ведущее положение на периферии и среди рабочих легкой промышленности. В национальных окраинах ведущее положение среди легальных рабочих организаций занимали польские, литовские и латышские социал — демократы и Бунд.

Ожесточенная внутривнутриполитическая борьба в профсоюзах между меньшевиками и большевиками крайне отрицательно сказывалась на развитии массового профсоюзного движения России, подрывало его «изнутри» и фактически парализовало. В то время как охват профсоюзами европейских рабочих колебался от 30% до 70%, в России в 1914 г. он составлял лишь 5%.

Значительное развитие среди рабочих России получило кооперативное движение. Если в конце 1906 г. в стране насчитывалось 544 потребительских кооперативных обществ рабочих, то в 1907 г. их стало 605, в 1908 — 687, в 1909 — 751, в 1910 — 816⁷³.

Борьба большевиков с меньшевиками в кооперативах была более сложной, чем в профсоюзах, поскольку там состояли разного рода демократические элементы города и деревни, приверженные идеям «кооперативного социализма». Кооперативисты решительно отвергали классовую борьбу, кооперативную организацию потребителей они выставляли как

основное средство преодолеть капитализм мирным путем. Они пропагандировали среди трудящихся идею мирного перехода к социализму, вели борьбу с революционным радикализмом.

Среди потребительских кооперативов было много так называемых «хозяйских», созданных по инициативе владельцев предприятий, которые за счет потребительских кооперативных льгот среди рабочих и служащих создавали разного рода патерналистские структуры. Поэтому большевики инициировали создание не зависимых от хозяев рабочих кооперативов под своим политическим руководством. К 1914 г. ими было создано около 100 кооперативов с общим числом членов до 50 тыс.⁷⁴. Большевики активно использовали кооперативы для поддержания партийной связи.

В апреле 1908 г. состоялся Первый всероссийский съезд представителей кооперативов. От ЦК РСДРП на него был направлен В.П. Ногин. В день открытия съезда он сумел накануне ареста провести ряд совещаний с делегатами — большевиками. Была образована рабочая группа из 45 большевиков. Они выступили против установки на переход к социализму через кооперацию, против тезиса о «нейтральности» по отношению к политическим партиям, с требованием вести нелегальную революционную работу под прикрытием кооперативов. Предложения большевиков не были поддержаны съездом. А в 1913 г. в Киеве состоялся 2-й кооперативный съезд, на котором декларация социал-демократической группы даже не была оглашена.

В кооперативах успехи большевиков были куда скромнее, чем в профсоюзах. Они пошли даже на раскол кооперативного движения по узко-классовому, партийно — политическому признаку, лишь бы сохранить свое влияние в независимых рабочих кооперативах и использовать их как прикрытия основной, нелегальной партийной деятельности. В руководстве кооперативного движения доминировали кооперативисты и меньшевики — ликвидаторы. В целом ожесточенная внутрипартийная борьба в кооперативном движении между кооперативистами, меньшевиками и большевиками тормозила развитие этого движения.

Весьма популярны среди рабочих были созданные для них культурно — просветительные учреждения: библиотеки, клубы, кружки, общеобразовательные школы и общества, народные университеты. Они возникли на гребне революционной волны 1905 — 1907 гг.. Там проводились научно — популярные лекции, экскурсии, устраивались литературные и музыкальные вечера, концерты, ставились пьесы. Культурно — просветительские общества действовали при поддержке профсоюзов и кооперативов, и в них развернулась ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Революционная пропаганда большевиков была для властей хорошим поводом закрыть такие общества. Так, только в 1910 г. было закрыто 200 разного рода обществ и почти стам отказано

было в регистрации, запрещались также многие лекции, доклады, даже концерты, устраиваемые профсоюзами и кооперативами⁷⁵.

В 1912 г. Государственная Дума издала закон об обязательном страховании на случай болезни. Для того были созданы больничные кассы, фонды которых составлялись из взносов застрахованных рабочих и предпринимателей. По охвату рабочих они становятся самыми массовыми пролетарскими организациями. Большевики призвали рабочих к тому, чтобы кампанию по выборам уполномоченных в больничные кассы они превратили в акцию по избранию «сознательных» рабочих с целью превратить эти кассы в не зависящие от предпринимателей организации. Пражская конференция РСДРП приняла специальную резолюцию: всемерно использовать страховую кампанию, больничные кассы для развития классового самосознания пролетариата, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм⁷⁶. Большевики выдвинули лозунг о создании единой общей — родской больничной кассы. Меньшевики же рассматривали больничные кассы как самоценные организации, а не только как средство классовой борьбы.

К июлю 1914 г. в России действовало 2860 больничных касс, охватывающих более 2 млн. рабочих. И хотя царское правительство контролировало их деятельность посредством созданного при Министерстве торговли и промышленности совета по делам страхования, руководство ими на местах оказалось под сильным влиянием меньшевиков, эсеров и большевиков.

Рост организаций трудящихся способствовал развитию стачечного движения. Его динамика достаточно полно отражена в работах российских историков. Их данные обобщены в таблице № 1.

Таблица № 1⁷⁷

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ РОССИИ (ИЮНЬ 1907 - ИЮЛЬ 1914 ГГ.).

Годы месяцы	Кол — во стачек	Кол — во стачекников (тыс. чел.)	Кол — во политических стачекников (тыс. чел.)	Процент политических стачекников
1907 (6 — 12)	1391	480,6	208,1	43,3%
1908 (1 — 12)	1043	290,3	185,8	64,0%
1909 (1 — 12)	788	180,7	46,8	25,9%

1910 (1 — 12)	1253	157,3	21,7	13,8%
1911 (1 — 12)	459	106,0	8,4	7,9%
1912 (1 — 12)	2022	725,5	550,0	75,8%
1913 (1 — 12)	2404	887,0	502,0	56,6%
1914 (1 — 7)	3534	1346,0	992,0	73,7%

Забастовки — одна из главных форм рабочего движения. Рабочие таким образом борются либо за улучшение условий труда и заработной платы (как номинальной, так и реальной, т.е. определяемой как ее доля в общей прибыли предприятия), либо за их сохранение на прежнем уровне (если предприниматель намерен его снизить).. По подсчетам Ленина, фонд зарплаты рабочих в 1910 — 1912 гг. составлял в среднем около 50% от общих доходов капиталистов⁷⁸. На рынке труда между предпринимателями и наемными рабочими постоянно происходит борьба за установление оптимального соотношения между фондом зарплаты и объемом прибыли предприятия. Слишком низкая зарплата приводит к обнищанию рабочих, уменьшению емкости внутреннего рынка, затовариванию продукта и кризису «перепроизводства», и, как следствие, к социальной напряженности, подчас разряжающейся взрывом вроде вооруженного восстания и революции. Слишком высокая — к уничтожению прибыли, убыточности предприятия, массовому банкротству, безработице и, как следствие, опять же к социальной напряженности. Как показывает мировой опыт, оптимальный фонд зарплаты рабочих находится между 60% до 75% от прибыли предприятия. В этих пределах интересы рабочих и предпринимателей совпадают. Зарплата рабочих и внутренняя емкость потребительского рынка относительно высоки, общество политически стабильно, а предприниматель имеет гарантированный доход и рынок сбыта. На этих условиях строится в европейских странах 20 века политика социального партнерства в духе «классового мира»: массовые социалистические и социал — демократические партии защищают в рамках буржуазной демократии и правового государства интересы наемных рабочих и служащих.

В России в 1907 — 1914 гг. меньшевики — ликвидаторы в союзе с либерально — демократической буржуазией пытались реализовать западноевропейскую модель социально — политического партнерства. Но эти попытки были малоэффективны, поскольку препятствовала и царская администрация, особенно после убийства Столыпина, и российская буржуазия, решительно не желающая отказаться от той части своих сверхприбылей, какую она извлекала из эксплуатации рабочих.

За период с 1907 — 1914 гг. уровень политизации забастовок в России поначалу снижался, как и вообще забастовочное движение после революции, и в 1911 г. упал до минимального значения — 7,9%. Последующий его крутой подъем пришелся на 1912 — 1914 гг., и в первой половине 1914 г. он достиг 73,7%. Произошло это опять — таки на фоне резкого, более, чем на порядок, подъема стачечного движения в целом: с 106,0 тыс. чел. в 1911 г. до 1346,0 тыс. в первой половине 1914 г.

Эти изменения вполне согласуются как с резко возросшей политической активностью большевиков — ленинцев, которые, фактически воссоздав после Пражской конференции большевистскую фракцию — партию нового типа, постоянно возбуждали рабочих радикально — революционными лозунгами, так и с крахом политики социального партнерства меньшевиков — ликвидаторов, а также неадаптивностью царского правительства, стремящегося массовыми репрессиями подавить рабочее движение в России. Запалом социального взрыва в России оказался расстрел забастовщиков на приисках Ленского золотопромышленного товарищества 17 апреля 1912 г.: 270 рабочих было убито и 250 ранено. На запрос социал — демократической фракции Государственной Думы насчет этого события министр внутренних дел А.А. Макаров ответил своей знаменитой фразой: «так было, так будет впредь».

Революционные партии, особенно большевики, всюду ссылались на эту фразу с целью дискредитировать политику царского правительства в отношении рабочих. Было выпущено огромное количество листовок, газет, активно велась устная агитация посредством всех легальных рабочих организаций и нелегальных структур партии. Рабочие ответили на ленский расстрел общероссийской политической забастовкой. Во многих местах она сопровождалась бурными политическими демонстрациями и митингами протеста. Всего в апреле — мае 1912 г. в стачках протеста против ленского расстрела приняло участие около 500 тыс. человек.

Это движение показало, что настроения рабочих масс приняли революционный характер. Последний сказался на новой волне экономических и политических стачек.

В 1913 — первой половине 1914 гг. Россию постоянно сотрясали массовые политические забастовки, митинги и демонстрации солидарности и протеста, инициированные социалистами: 8 — я годовщина «Кровавого воскресенья» — 1913 г. (158 тыс.), 1 — я годовщина ленского расстрела (116, 2 тыс.), 8 — я годовщина Манифеста 17 октября (19,2 тыс.), 6 ноября и 13 декабря против суда над большевиками (140,2 тыс.), 9 — я годовщина «Кровавого воскресенья» (255,8 тыс.), 22 апреля — против исключения на 15 заседаний левых фракций в Государственной Думе (115,9 тыс.), 1 мая (491,6 тыс.), 19 — 20 мая — против царского суда (236,9 тыс.), 6 — 12 июня — дело Бейлиса (43,6 тыс.)⁷⁹. Всякое событие, даже малозначительное, большевики умело обращали на пользу революционизирования

и радикализации рабочих масс — «социального тарана» против царского самодержавия.

РСДРП активно использовала куцые формы российской легальности, особенно в период избирательных кампаний в Государственную Думу. Обобщенные данные, свидетельствующие об эффективности деятельности РСДРП в ходе думских компаний, суммированы нами в таблице № 2.

Таблица 2⁸⁰

Итоги выборов в III и в IV Государственные Думы

	II Гос. Дума 20.02.1907 г	III Гос. Дума 1.11.1907 г.	III Гос. Дума 9.06.1912 г.	VI Гос. Дума 15.11.1912 г.
К — во депутатов	518	442	437	442
РСДРП в целом	65	19	13	14
Большевиков:	18	5 + 4*	4 + 2 *	6
Меньшевиков	36	10	5 + 2*	7 + 1*
Электорат по рабочей группе	950 тыс.	950 тыс.		1000 тыс.
РСДРП в целом	830 тыс.	520 тыс		500 тыс.
Большевиков:	260 тыс.	176 тыс.		200 тыс.
Меньшевиков	480 тыс.	300 тыс.		136 тыс.

Примечание: * означает количество депутатов, примыкающих к той или иной фракции.

Третьеиюньский переворот 1907 г. существенным образом изменил систему выборов в органы представительной власти Российской империи. Выборы проходили по многоступенчатой системе, были недемократичными. Власти на местах чинили множество преград для открытого волеизъявления избирателей: удостоверения для голосования выдавались по произволу полицейских чинов, результаты выборов неугодных выборщиков кассировались, предвыборные митинги и собрания оппозиционных партий запрещались или разгонялись. В условиях политической реакции заметно усилился абсентеизм избирателей, среди революционных партий нарастали призывы к бойкоту выборов. Бойкотизм охватил и часть РСДРП, особенно большевистскую фракцию.

Большевистская избирательная тактика «левого блока» в III Государственную Думу была малоэффективной. Она дала победу социал-де-

мократам в 4-х губерниях по рабочим куриям и в 1-й губернии по крестьянской курии. Бойкот выборов эсерами автоматически обеспечил РСДРП победу по рабочим куриям. Более эффективно провели избирательную кампанию меньшевики. Их тактика широкого «демократического блока» с либеральными и оппозиционными партиями в крестьянских и 2-й городской куриях дала 10 депутатских мандатов плюс 4 мандата социал-демократам центристам. Двойственная, противоречивая избирательная тактика РСДРП лишала их возможности победить как минимум еще в 10 — 15 округах.

В этих условиях выборы в III Государственную Думу дали РСДРП всего лишь 19 депутатских мандатов, в том числе 5 — ти большевикам. 4 депутата лишь первоначально примыкали к большевикам, остальные 10 мандатов достались меньшевикам. В дальнейшем осталось 13 депутатов: 4 большевика, 5 меньшевиков и 4 примиренца.

Социал-демократическая фракция РСДРП в III Государственной Думе обычно выступала единой группой в духе примиренчества. Тон во фракции задавал ее лидер Н.С. Чхеидзе; блокируясь с примиренцами, он настойчиво проводил меньшевистскую политику. Это вызвало резкое недовольство Ленина. «Наши думские социал-демократы — писал он на деле неизбежно являлись сначала скорее беспартийными социал-демократами, чем настоящими членами партии. На этот путь тянули фракцию социал-демократствующие интеллигенты, которые облепили ее, как мухи тарелку с медом»⁸¹.

В ноябре 1907 г. думская фракция РСДРП вынесла решение о своей автономности. Тем самым она отказывалась признать власть Ленина в. Фракция выступала за мирные, парламентские методы политической борьбы, за союз с другими демократическими партиями и либералами, что явно шло вразрез с ленинской тактикой использования думской трибуны исключительно для революционирования рабочих масс, для разоблачения контрреволюционной сущности царизма, правых, кадетов и особенно меньшевиков.

Под сильным давлением Ленина большевистская группа фракции резко усилила нападки на правительство, стала более активно вести революционную пропаганду, особенно в форме запросов. Так, из 157 запросов, внесенных в III Государственную Думу, более 60 принадлежало социал-демократам⁸². Резко усилилась внедумская деятельность депутатов; легальные формы — встречи с избирателями, лекции, доклады они активно использовали для партийной пропаганды и агитации.

Выборы в IV Государственную Думу проходили осенью 1912 г. РСДРП после Пражской и Венской конференций фактически была расколота на две фракции — партии. Большевики во главе с Лениным избрали «левоблокисскую» тактику избирательной кампании, причем основной упор делали на борьбу с меньшевиками — ликвидаторами.

Меньшевики выступили с либеральными лозунгами: «Выбить реакцию из ее думских позиций!», «Вырвать Думу из рук реакции!»⁸³ Меньшевики — ликвидаторы пытались мобилизовать рабочих под общедемократическими лозунгами: «распространение независимого печатного слова», «право открытых организаций» и т.д. Важное значение придавалось всеобщему избирательному праву. Требования республики и конфискации помещичьих земель были опущены. В «левооблокизме» большевиков меньшевики видели только борьбу радикально — демократического крыла интеллигенции против умеренно — либерального. Главная задача, по мнению меньшевиков, заключалась в формировании массового организованного рабочего движения, которое могло бы поддержать на выборах легальную парламентскую рабочую партию. Правление СДПГ оказало денежную помощь меньшевикам — окистам, Бунду и грузинским меньшевикам, благодаря чему был налажен выпуск меньшевистской газеты «Луч» с сентября 1912 г.⁸⁴ Газета призывала ради единства партии отдать голоса внефракционным социал — демократам.

Большевистская печать вела настоящую пропагандистскую войну против ликвидаторов. Массовым тиражом был опубликован «наказ петербургских рабочих» своим депутатам, написанный Сталиным на основе ленинской избирательной платформы.

В результате по всем рабочим куриям были избраны 6 большевиков — рабочих, 7 меньшевиков прошли по 2 — й Городской и крестьянской курии. Один депутат А.И. Ягелло от польских социал — демократов. Всего оказалось 14 депутатов от РСДРП.

Результаты выборов в IV Государственную Думу оказались в сравнении с предыдущими более чем скромными. Большевики увеличили свое представительство на одного депутата, причем Ленин, учитывая приморечество прежних депутатов — большевиков, добился выставления новых кандидатур. Все депутаты — большевики прошли по рабочей курии, где победа была им гарантирована условиями нового революционного подъема, агрессивной агитацией и пропагандой, а также бойкотом эсеров. Меньшевики свое представительство уменьшили с 10 до 7. В целом потенциал социал — демократической фракции из возможных 50 депутатских мандатов был использован недостаточно, поскольку основная политическая борьба велась между большевиками — ленинцами и меньшевиками — ликвидаторами. Такова была цена раскола РСДРП.

Председателем социал — демократической фракции был избран Н.С. Чхеидзе, товарищем председателя — Р.В. Малиновский, который проводил двуличную политику: на словах выступал за единство, а на деле, руководствуясь тайными директивами Ленина и секретными указаниями царской охранки, вел дело к окончательному расколу фракции РСДРП, к политической изоляции депутатов — меньшевиков и дезориентации примирнцев.

В результате раскольнической деятельности Малиновского депутаты — большевики в соответствии с решениями ленинского ЦК РСДРП, организовали в октябре 1913 г. свою фракцию — Российскую социал — демократическую рабочую фракцию (РСДРФ). Ленин горячо приветствовал этот шаг, рассматривая его как победу над ликвидаторами⁸⁵. Председателем фракции большевиков был избран член большевистского ЦК РСДРП Малиновский. В мае 1914 г. он по настоянию товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, решившего ликвидировать институт прокуратуры в Государственной Думе, после получения 6000 рублей компенсации сложил с себя полномочия депутата⁸⁶. Руководителем большевистской фракции Лениным де — факто был назначен Л.Б. Каменев (Розенфельд), уполномоченный ЦК РСДРП на руководство газетой «Правда», глава Русского Бюро ЦК РСДРП. Формально председателем был избран Г.И. Петровский, имевший примиренческие наклонности. Малиновский, будучи секретным сотрудником охраны, активно «освещал» деятельность ленинского ЦК РСДРП, думской фракции, столичных организаций РСДРП, редакции газета «Правда», где подвизался другой агент охраны, М.Е. Черномазов («Мирон»).

Большевистскую фракцию в Государственной Думе Ленин в основном использовал для ведения революционной пропаганды, разоблачения «всех и вся», главным образом меньшевиков — ликвидаторов, а также как прикрытие нелегального большевистского центра в России, руководившего партийной печатью. Так, депутат Петровский был кооптирован в большевистский ЦК и включен в Русское бюро ЦК РСДРП, а другой депутат А.Е. Бадаев был туда кооптирован позже. Чтобы наладить партийную работу на местах, большевики — депутаты часто совершали поездки. В Думу от них поступали многочисленные запросы о преследовании стачечников, рабочих организаций, об условиях труда, о рабочей печати, о провокационной деятельности охранных отделений. Правоецентристское большинство Думы отвергало запросы, вызывая в ответ негодование рабочих. Это давало прекрасный повод большевикам утверждать, что реакционное большинство Государственной Думы не народные представители, а враги народа, прошедшие в Думу благодаря уродливому избирательному закону⁸⁷.

Меньшевистская фракция в Государственной Думе во главе с Н.С. Чхеидзе также принимала активное участие в думской деятельности. Со — вместе с кадетами устраивались шумные обструкции министрам, вместе с трудовиками и большевиками шло голосование против бюджета. Например, в 1914 г. при обсуждении бюджета 46 депутатов внесли предложение не приступать к рассмотрению бюджета, пока не будет принят закон об установлении свободы слова депутатам при исполнении ими своих обязанностей. Чхеидзе был привлечен к судебной ответственности за свое выступление 11 марта 1914 г., в котором призывал к установле —

нию в России демократического, парламентарного, республиканского режима. В ответ на предъявленное обвинение он сказал, что во главе правительства стоят аферисты и авантюристы, за что был лишен слова. Во время выступления председателя Совета министров И.А. Горемыкина левые депутаты устроили obstruction, не дав ему говорить. Чтобы навести порядок, Чхеидзе и А.И.Чхенкели пришлось вывести из зала заседаний в сопровождении пристава. Тогда столичные рабочие устроили многотысячные забастовки и демонстрации протеста, в них приняло участие свыше 116 тыс. человек. Властям пришлось замять «дело Чхеидзе».

В 1914 г., особенно в мае — июне, резко усилилось массовое рабочее движение. В традиционных первомайских политических стачках протестарской солидарности трудящихся приняло участие рекордное количество рабочих — около 491,6 тыс., наивысший показатель по сравнению с предыдущими годами. Всего в мае 1914 г. бастовало по политическим мотивам 728,5 тыс. человек. Май был традиционный «забастовочный» месяц. В июльских политических стачках протеста 1914 г. приняло участие 468,9 тыс. рабочих, что в 7,5 раза больше, чем в 1913 г. Большевики активно готовились к новой революции и «раскачивали» массовое рабочее движение, резко политизируя и радикализируя его, стремясь организовать Всероссийскую политическую стачку⁸⁸.

3 июля 1914 г. при разгоне митинга произошла вооруженная стычка полиции с рабочими Путиловского завода. На 7 июля Петербургский комитет РСДРП назначил общегородскую демонстрацию протеста, в ней приняли участие 190 тыс. рабочих. Полиция стала разгонять демонстрантов, рабочие воздвигли баррикады. В последующие дни силами петербургской полиции все баррикады были разобраны. В поддержку столичных рабочих выступили трудящиеся Москвы (92,2 тыс.), Риги, Варшавы и Ревеля (105 тыс.), Харькова (26,5 тыс.), Тифлиса и Баку (62 тыс.)⁸⁹. 14 июля по призыву ПК РСДРП общая политическая стачка в Петербурге закончилась. Надежды большевиков на Всероссийскую политическую стачку с переходом в победоносное вооруженное восстание не оправдались.

РСДРП и международная социал-демократия

Время существования II Интернационала (1889 — 1914 гг.) совпало с периодом промышленного подъема в Европе, отсутствием войн и революций в европейских странах, развитием парламентаризма и демократии. Это способствовало росту социал-реформистских тенденций среди партий II Интернационала, постепенной ревизии революционного марксизма. Занялся ею видный деятель германской социал-демократии

Э. Бернштейн. Аналогичных взглядов придерживались представители австромарксизма социал-демократы — К. Реннер, О. Бауэр, Ф. Адлер, М. Адлер. Они утверждали, что элементы социализма зреют в рамках капитализма, и выдвинули теорию постепенной социализации капиталистического хозяйства правовым, либерально-демократическим государством.

Ревизионисты — реформисты составили правый фланг II Интернационала. Центристы, которые придерживались промежуточной позиции сочетания реформистских, легальных, парламентских методов и революционной фразы, составляли большинство среди социалистических вождей. Ортодоксальные революционные марксисты находились на его левом фланге. Центристы, не порывая окончательно с революционными принципами марксизма, в своей практической деятельности предпочитали проводить социал-реформистскую политику приспособления социал-демократического движения к новым реалиям быстрого и мирного развития капитализма в Европе.

На правом фланге II Интернационала находилась лейбористская партия (Великобритания) и ее дочерние филиалы (Австралия и Южная Африка). Лидером лейбористов был Р. Макдональд. К ним примыкала часть американских социалистов. Удельный вес правых в МСБ и на конгрессах находился в пределах от 10 до 20%.

Правоецентристскую и центристскую позиции занимали ведущие партии II Интернационала — германская и австрийская социал-демократии. На них ориентировались социал-демократии Швеции, Норвегии, Венгрии, Люксембурга, Дании, Швейцарии, Бельгии, Голландии, австро-германской Польши, т.е. германских и скандинавских государств, а также значительная часть меньшевистской фракции РСДРП и Бунда. Вожди австро-германской социал-демократии Г. Гаазе, А. Бебель, К. Каутский, В. Либкнехт, Ф. Адлер, В. Адлер, О. Бауэр играли роль идейно-политических лидеров II Интернационала. Не обладая формально административной и организационной властью, таковыми они стали как высокоавторитетные партийные деятели и теоретики. Практически правоецентристы и центристы имели гарантированное большинство в 55 — 65% голосов в МСБ и на конгрессах.

На левоцентристских позициях находились французские социалисты, возглавляемые Ж. Жоресом и Ж. Гедом. На них ориентировались социалисты Испании, Португалии, Италии, Аргентины, Румынии, т.е. романских государств, а также часть американских социалистов — эмигрантов из романских стран и социалистов — революционеров из России. На их долю приходилось не более 10 — 20% голосов.

На левом фланге находилась большевистская фракция РСДРП и ориентирующиеся на нее социал-демократы русской Польши (СДКПиЛ), Латвии (СДЛК), левые Болгарии (тесняки), Голландии (трибунисты), в

германской социал — демократии — Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цет — кин. Их совокупный удельный вес в МСБ и на конгрессах колебался в пределах от 5 до 15%.

В августе 1907 г. состоялся в Штутгарте (Германия) 7 — й конгресс II Интернационала. Ленин впервые принял участие в работе конгресса как руководитель большевистской делегации, куда вместе с ним вошли Лу — начарский, Зиновьев, М.М. Литвинов и др. От меньшевиков прибыли Плеханов, Л.Г. Дейч, Троцкий, Артов и др. Всего РСДРП имело 13 голосов (5,3%) по социал — демократической секции плюс 4 голоса СДКПиЛ от польской секции.

Основная борьба на конгрессе развернулась по вопросам о милитаризме, о «нейтральности» профсоюзов и по колониальному вопросу. По — пытка Ленина объединить накануне конгресса левых социал — демократов не имела успеха. По всем вопросам были приняты компромиссные резолюции левоцентристского характера, предложенные германской социал — демократией. Стремление Ленина радикализировать и революционизировать проекты резолюций успехом не увенчались, а вызвали резкую полемику, в которой Плеханов выступил на стороне А. Бебеля. По вопросам о милитаризме Ленин по существу солидаризировался с Ка — утским, который предлагал исходить не из «оборонительно — наступательного» характера войн, а с точки зрения интересов международного движения пролетариата⁹⁰.

Следующий, 8 — й конгресс II Интернационала состоялся в августе — сентябре 1910 г. в Копенгагене (Дания). РСДРП представляли 10 делегатов: Ленин, Плеханов, Зиновьев, А.М. Коллонтай, Луначарский, Д.Б. Рязанов и др. Накануне конгресса в газете германской социал — демократии «Neues Zeit» (№№ 50, 51, 1910) были опубликованы статьи Троцкого «Тенденции развития русской социал — демократии» и Мартова «Прусская дискуссия и русский опыт». Авторы обвиняли Ленина в развале российской социал — демократии, в революционном сектантстве и в узурпации власти в РСДРП, в том, что ленинская делегация на конгрессе никого, кроме мелких эмигрантских групп, не представляет. Действительно, положение в РСДРП по сравнению с 1907 г. было катастрофическое. Если к Штутгартскому конгрессу в РСДРП насчитывалось около 170 тыс. членов, и это была третья по численности, после СДПГ и СДПА, социал — демократическая партия II Интернационала, то к Копенгагенскому конгрессу РСДРП едва набиралось около 10 тыс. членов, а сама партия находилась в состоянии перманентного кризиса и межфракционных дразг и внутригрупповых склок. По оценке департамента полиции, принятые Правительством в 1907 и 1908 гг. меры по отношению к революционным партиям вообще привели к значительному разгрому существовавших в России социал — демократических организаций⁹¹. Ленин выступил с контробвинениями, изложенными в статье «Исторический

смысл внутривнутрипартийной борьбы в России». Разразился скандал, с большим трудом его удалось приглушить общими усилиями лидеров германской социал-демократии Каутского и Э. Вурма совместно с примиренцами Луначарским и Д.Б.Рязановым. Инициатива Ленина сплотить под своим руководством левых социалистов и ортодоксальных марксистов была такой же безуспешной, как и на предыдущем конгрессе.

Решения конгресса носили компромиссный характер и были продиктованы правоцентристским англо-германо-австрийским большинством. Конгресс продублировал резолюцию Штутгартского форума о борьбе с возросшей опасностью милитаризма, принял решение об отношении Социтерна к кооперативам как мирной форме классовой борьбы, о единстве «во что бы то ни стало» социалистических партий в каждой стране.

Последний, 9-й чрезвычайный конгресс II Интернационала проходил в ноябре 1912 г. в Базеле (Швейцария). Ленин на нем отсутствовал, он был занят проведением заседаний ЦК РСДРП в Кракове. Конгресс единодушно принял Базельский манифест, в котором партии II Интернационала призывались активно бороться против возросшей опасности милитаризма и войн. Манифест носил рекомендательный и чисто декларативный характер. Никаких конкретных действий по предотвращению войны и привлечению трудящихся масс к непосредственным антивоенным акциям он не предусматривал. Каждая партия в случае развязывания войны должна была самостоятельно решать конкретные вопросы антивоенной стратегии и тактики, исходя из местных условий.

Созыву очередного, 10-го конгресса II Интернационала в Вене, назначенного на август 1914 г., помешала первая мировая война.

В перерывах между конгрессами организационно-информационные функции выполняло Международное социалистическое бюро. Председателем МСБ был Э. Вандервельде, секретарем К. Гюисманс, представители бельгийской соцпартии, которые играли роль своеобразного дипломатического моста между правыми (английскими лейбористами), центристами (германо-австро-скандинавскими социал-демократами) и левыми (соцпартиями в романских странах) во II Интернационале.

В состав МСБ входили по 2 постоянных представителя от каждой партии. РСДРП бессменно представлял Плеханов (1900 — 1914 гг.). Вторым представителем был Б.Н. Кричевский (1900 — 1905 гг.), затем Ленин (1905 — 1914 гг.) и М.М. Литвинов (июнь — июль 1914 г.). Плеханов в своей деятельности в МСБ по основным ее направлениям в целом придерживался левоцентристских позиций, ориентируясь на центристскую традицию в СДПГ, персонифицированную в ее вождях Бебеле и Каутском.

Ленин находился на крайнем левом фланге МСБ, неоднократно пы-

таясь резко радикализировать и революционизировать этот орган II Интернационала. Вначале он ориентировался на Каутского, но уже после 1911 г., после резкого спора Каутского с Р. Люксембург, он круто меняет свою точку зрения. Полный и окончательный разрыв наступил в сентябре 1911 г., когда Ленин, после безуспешной попытки защитить Люксембург, последний раз лично участвует в работе МСБ в Цюрихе. В своем письме И. Арманд Ленин дает Каутскому убийственную характеристику: «Он личность подлая, совершенно без характера, поддающийся влияниям, постоянно меняющий позицию согласно тайным побуждениям»⁹².

Основанием для такого неместного отзыва была позиция Каутского, которому видные деятели II Интернационала и РСДРП предоставили роль верховного арбитра, дабы тот помирил меньшевиков с большевиками, т.е. положительно решил т.н. «русский вопрос». Главной причиной раскола в РСДРП Каутский видел в личных разногласиях: «Вот мое понимание русских дел. Мне кажется, что оно не ликвидаторское, но и не ленинское, вернее, оно и то и другое, потому что разногласия относятся больше к прошлому, к личности руководителей, Дана и Ленина... Конечно, то, что я жду следующей революции в России только после Германии и Франции, должно вызвать сильнейшие возражения со стороны Ленина»⁹³.

Попытки примирить оппонентов на протяжении 1907 — 1914 гг. оказались безуспешными. Ленин соглашался на объединение лишь при условии признания меньшевиками революционной тактики⁹⁴. Попытка снять разногласия, предпринятая общепризнанными авторитетами международного и европейской социал-демократии, привела только к худшему. При помощи своих левых сторонников в европейских социал-демократических и социалистических партиях Ленин активно занялся расколом партий II Интернационала. В апреле 1914 г. он писал Арманд: «На счет оппортунизма немецких оппортунистов мы с Григорием (Г.Е. Зиновьевым), кажется, вполне солидарны, и я не встречал разногласий и в оценке их гнусности... У немцев фактически 2 партии, и это надо иметь в виду, отнюдь не покрывая оппортунистов... а травить изо всех сил... Я читаю сейчас Legien'a о поездке в Америку и собираюсь вдрызг ругать этого подленького оппортуниста»⁹⁵.

Последняя попытка примирения между большевиками и меньшевиками была предпринята на Брюссельской социал-демократической объединительной конференции 3 — 5 (16 — 18) июля 1914 г. В работе конференции приняли участие представители 11 организаций РСДРП. Конференция была созвана МСБ под патронажем II Интернационала, который представляли Каутский, Э. Вандервельде, К. Гюйсманс и др. Два дня бесплодных дискуссий ни к чему не привели. За формулу II Интернационала — объединение «во что бы то ни стало» — проголосовали все, кроме большевиков и СДЛК, которые покинули заседание. Августовский антибольшевистский блок получил «второе дыха-

ние». В сильном Ленин раздражении так о нем высказался: «Весь этот блок, все эти объединившиеся против нас фракции, о которых вы говорите, не больше чем штабы без армий. Это нули! Нули, нули, нули. Совершенно полные нули»⁹⁶.

Все готовились к Венской конференции II Интернационала, на нее возлагали большие надежды. Ленин уже продумал тактику поведения. В письме Г.Л. Шкловскому он писал: «Насчет Венского конгресса прошу продолжать готовить делегацию. Но Вы ошибаетесь, если думаете, что можно *majorisieren* ликвидаторов и К числом делегатов!! Тоже ошибка — етесь, что мне полезно ехать: напротив, вредно. Ради бога, вздумайтесь в ситуацию. Враги хотят демонстрации против меня: я им помогу, — если явлюсь!! Это же ясно. Тактика нужна иная: с делегацией уйдем, внесем дело в Бюро, подготовим короткую речь и все. Мандат из России будем готовить. Они приготовят демонстрацию за «единство», мы спокойно, тактично, скромно уклонимся от нее. Большого достичь нельзя»⁹⁷.

Но всем этим большевистским планам расколоть, радикализировать и революционизировать российскую социал — демократию и II Интернационал равно как и меньшевистским сохранить их в единстве, демократизировать и реформировать, помешала сбыться первая мировая война.

Примечания:

¹ Государственная Дума в России в документах и материалах. М. 1957. С. 271 — 273, 357 — 366.

² *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М. 1991. С. 381 — 395.

³ *Сталин И.В.* Соч. Т. 15. М. 1997. С. 78.

⁴ Малый энциклопедический словарь. В 4-х тт. Т. 2. Репринт издания Брокгауза - Ефрона. М. 1997. Стлб. 131 — 921. Т. 4. Стлб. 126 — 465; Политическая история России. Хрестоматия. В 2-х ч. Ч. 2. М. 1995. С. 297.

⁵ *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 380 — 382; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М. 1991. С. 108 — 112.

⁶ *Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России. Конец 19 — начало 20 в. М. 1979. С. 103 — 104.

⁷ *Пайпс Р.* Русская революция. В 2-х частях. Ч. 1. М. 1994. С. 200 — 201.

⁸ История политических партий России. М. 1994. С. 238 — 239.

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Ленин и московские большевики. 2-е изд. М. 1977. С. 130; История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти тт. Т. 1. М. 1966. С. 245 — 246.

¹¹ Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование в трех частях. М. 1996; *Щеголев П.Е.* Охранники, агенты, палачи. М. 1992; *Бурцев В.А.* В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М. 1991; Дело провокатора Малиновского. М. 1992; *Курлов П.* Записки шефа корпуса русских жандармов. М. 1992; *Спиригович А.И.*

История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883 — 1903 — 1917. Париж. 1922; *Перегугова З.И.* Источник изучения социал — демократического движения в России. (Материалы фонда Департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 96. В РСДРП действовали 2070 штатных секретных сотрудников; *Лурье Ф.* Провокаторы и провокации. Л. 1992; Список секретных сотрудников, осведомителей, вспомогательных агентов бывших окранных отделений и жандармских управлений. Ч. 1 — 2. М. 1926 — 1929 (включает 9777 чел. и др.).

¹² *Волков Ф.Д.* Взлет и падение Сталина. М. 1992. С. 13 — 27; *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М. 1992. С. 60 — 61; *Хрусталева-Носарева П. Лейба.* Троцкий — агент царской охраны. М. 1918.

¹³ *Меньшевики. Документы и материалы.* 1903 — февраль 1917 г. М. 1996. С. 15.

^{13a} *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М. 1990. С. 74.

¹⁴ История КПСС. Т. 2. С. 256.

¹⁵ КПСС в резолюциях. Т. 1. С. 300.

¹⁶ См. подробно: *Николаевский Б.И.* К истории «Большевистского центра» // *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М. 1995. С. 11 — 92.

¹⁷ История политических партий в России. М. 1994. С. 239.

¹⁸ *Меньшевики и меньшевизм.* Сборник статей. М. 1998. С. 30 — 32.

¹⁹ *Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова.* Берлин. 1924. С. 176; *Николаевский Б.И.* Указ. соч. С. 44.

²⁰ *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. 1870 — 1924. Т. 2. М. 1971. С. 368.

²¹ См. подробно: Вопросы истории КПСС. 1969. №12. С. 107.

²² См. подробно: *Морозов К.Н.* Партия социалистов — революционеров в 1907 — 1914 гг. М. 1998. С. 606 — 612.

²³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 439.

²⁴ История КПСС. С. 260.

²⁵ *Мартов.* Борьба с «осадным положением» в РСДРП. Женева. 1904. С. 16, 22; *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Историографический очерк. М. 1995. С.74.

²⁶ *Меньшевики. Документы и материалы.* 1903 — февраль 1917 гг. М. 1996. С. 320 — 322.

²⁷ *Гетцлер И.* Мартов. Политическая биография русского социал — демократа // История России в вопросах и ответах. Ростов на Дону. 1997. С. 379.

²⁸ Цит. по: *Меньшевики и меньшевизм.* Сборник статей. М. 1998. С. 33.

²⁹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 20. С. 476 — 477.

³⁰ КПСС в резолюциях. С. 363.

³¹ *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. Т. 2. С. 333 — 334.

³² *Меньшевики. Документы и материалы.* С. 495.

³³ *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. С. 334 — 340.

³⁴ *Уткин А.И.* Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июнь 1907 — февраль 1917 г.). М. 1985. Таблица № 2. Количество меньшевиков и большевиков в 1906 — 1917 гг. С. 100 — 101.

³⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 19. С. 49.

³⁶ Политические партии России. Конец 19 — первая треть 20 века. Энциклопедия. М. 1996. С. 80.

³⁷ *Богданов А.* Уроки первых шагов революции. М. 1907. С. 13.

- ³⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 369.
- ³⁹ Воронский А. За живой и мертвой водой. М. 1970. С. 416; Уткин А.И. Указ. соч. С. 48; Горелов И.Е. Угрюмов А.А. Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. М. 1975. С. 71 — 76.
- ⁴⁰ КПСС в резолюциях. С. 386.
- ⁴¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1945, 1997. С. 138, 139; История КПСС. Т. 2. С. 278.
- ⁴² КПСС в резолюциях. С. 383 — 404.
- ⁴³ Покровский М.Н. Ленин как тип революционного вождя // Ленин. Человек — мыслитель — революционер. М. 1990. С. 270.
- ⁴⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 19, 33, 41, 42.
- ⁴⁵ Платонов О. Убийство царской семьи. М. 1991. С. 55 — 63.
- ⁴⁶ История КПСС. Т. 2. С. 266.
- ⁴⁷ Ленин. Человек — мыслитель — революционер. М. 1990. С. 335, 336.
- ⁴⁸ Войтинский В. Годы побед и поражений. Берлин. 1924. Т. 2. С. 103; Гарви П.А. Воспоминания социал — демократа. Нью — Йорк. 1946. С. 423.
- ⁴⁹ Холодковский В.М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М. 1967. С. 6.
- ⁵⁰ Из архива Л.О. Дан. Амстердам. 1987. С. 169.
- ⁵¹ Меньшевики. Документы и материалы. С. 22.
- ⁵² Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М. 1991. С. 330; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М. 1996. С. 146 — 148.
- ⁵³ Социал — демократическое движение в России. Материалы. Под ред. А.Н. Потресова и Б.И. Николаевского. Т. 1. Л. 1928. С. 175; Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 51.
- ⁵⁴ Письмо Плеханова к Аксельроду от 29 января 1908 г. // Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 2. М. 1925. С. 250 — 251.
- ⁵⁵ Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. (Опыт исторической реконструкции). М. 1994. С. 51, 53.
- ⁵⁶ Цит. по: Йоффе Г.З. Ленин и Мартов: друзья — враги // Аргументы и факты. 1990. № 17.
- ⁵⁷ Политические партии России. Энциклопедия. С. 176.
- ⁵⁸ Правда. 1910. 1 (14) января; Васецкий Н.А. Указ. соч. С. 53.
- ⁵⁹ Правда. 1908. 3 (16) октября.
- ⁶⁰ Политические партии России. Энциклопедия. С. 614.
- ⁶¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 320.
- ⁶² Там же. Т. 20. С. 96.
- ⁶³ Дуначарский А.В. и др. Силуэты: политические портреты. М. 1991. С. 345 — 346.
- ⁶⁴ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М. 1996. С. 323 — 339, 493 — 494.
- ⁶⁵ Политические партии России. Энциклопедия. С. 357; Меньшевики и меньшевизм. Сборник статей. М. 1998. С. 37.
- ⁶⁶ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. I. М. 1991. С. 334; Меньшевики и меньшевизм. Сборник статей. М. 1998. С. 37 — 38.
- ⁶⁷ Большая советская энциклопедия. Т. 24. Кн. 2. М. 1977. С. 119.
- ⁶⁸ Уткин А.И. Указ. соч. С. 9.
- ⁶⁹ Розенталь И.С. Профессиональные союзы рабочих России: численность,

состав, политическая ориентация (1905 — февраль 1907). Дисс. на соискание учен. степ. д-ра ист. наук. М. 1987. С. 161, 163.

⁷⁰ *Пушкарёва И.М.* Рабочее движение в России в период реакции. 1907 — 1910 гг. М. 1989. С. 91; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. М. 1982. С. 144.

⁷¹ *Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 96.

⁷² Рабочий класс России. С. 220, 222.

⁷³ *Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 98.

⁷⁴ *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России. М. 1928. С. 160.

⁷⁵ *Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 103.

⁷⁶ См. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 21. С. 149.

⁷⁷ Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. С. 228; *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 102 — 108; *Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 228, 229, 254.

⁷⁸ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 22. С. 26.

⁷⁹ *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 108 — 109.

⁸⁰ *Цехновичер А.Я.* Школа политической борьбы. Из истории участия большевиков в думских избирательных кампаниях. 1906 — 1912. Тула. 1989. С. 70; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. С. 160, 216; История СССР. В 12-ти тт. Т. 1. М. 1968. С. 396, 449.

⁸¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 17. с. 5, 6.

⁸² *Ковальчук М.А.* Разработка В.И. Лениным парламентской тактики большевиков в годы реакции // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык и литература. 1961. №2. Вып. 1. С. 23.

⁸³ Живое дело. 1912. 27 января и 1 февраля.

⁸⁴ История КПСС. Т. 2. С. 397.

⁸⁵ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 48. С. 225.

⁸⁶ Дело провокатора Малиновского. М. 1992. С. 75 — 76.

⁸⁷ Большеви́стская фракция 4 Государственной Думы. Сб. документов и материалов. Л. 1938. С. 38.

⁸⁸ *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 108, 109.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 17. С. 194 — 195.

⁹¹ Политические партии и политическая полиция. М. — Минск — Гомель. 1996. С. 215.

⁹² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 48. С. 325.

⁹³ Цит. по: Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М. 1970. С. 219.

⁹⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. С. 203.

⁹⁵ Там же. Т. 48. С. 280.

⁹⁶ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М. 1960. С. 12.

⁹⁷ Ленин в борьбе за революционный Интернационал. С. 234.

РСДРП и война:
от оборонца Плеханова до пораженца Ленина

В древней притче говорится, что войны начинают и в них виноваты власть потерявшие, войны заканчивают и в них побеждают «власть имущие, больше всех выигрывают и во всем всегда правы «власть захватившие» целиком и надолго, а расплачиваются за все, всегда и полностью власть не имущие.

С международно — правовой точки зрения Первая мировая война на — чалась 1 августа 1914 г. и закончилась 28 июля 1919 г. подписанием Версальского мирного договора между побежденной Германией и «ве — ликими державами — победительницами» Францией, Британской импе — рией, США. Италией, Японией и их союзниками.

Фактически боевые действия на Западном театре военных действий прекратились 11 ноября 1918 г. после Компьенского перемирия. Война велась за военно — политическую и экономическую гегемонию в Европе и в мире в целом. Одну воюющую сторону представляли государства — участники «Сердечного согласия Entente Cordiale (фр.), сокращенно Ан — танта, или «Тройственное согласие», первоначально в составе Франции, России (до 3 марта 1918 г., когда состоялось подписание Брест — Литов — ского сепаратного мирного договора), Британской империи и их союз — ников (всего 25 государств). Другую и Германская и Австро — Венгерская империи с их союзниками: Османской империей и Болгарским цар — ством.

Политическим поводом к войне послужил региональный австро — сер — бский конфликт из — за убийства наследника австрийского престола эрцгерцога Франца — Фердинанда Габсбурга и его жены Софьи Гоген — берг членом сербской национальной революционной организации «Млада Босна» (Молодая Босния) гимназистом Гаврилой Принципом 28 июня 1914 г. в 11 часов утра в главном городе Боснии Сараево, на набереж — ной реки Миляцка¹. Началась общеевропейская война. Еще в январе

1913 г. Ленин писал Горькому в связи с наметившимся раскладом событий: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Йозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»².

После убийства в Сараево под нажимом Германии на австро-венгерское политическое руководство происходит трансформация довольно заурядного межгосударственного конфликта между Сербским королевством и Австро-Венгерской империей в конфликт на Балканах уже между Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, и Сербией и Россией, с другой. Двусмысленная, внешне нейтральная позиция Великобритании подтолкнула германского императора Вильгельма II объявить войну России 1 августа 1914 г. в 19 часов 10 минут в ответ на отказ российской стороны прекратить мобилизацию вооруженных сил. Николай II подвергся сильному нажиму со стороны сторонников партии «быстрой и победоносной войны» и после некоторых колебаний, принял, в конечном итоге, роковое решение о вступлении в войну, которая привела к катастрофическим последствиям для России.

Каждая воюющая держава, в соответствии с ее политико-идеологическими ориентациями, пропагандировала свою официальную версию, оправдывающую ее участие в войне, как правило, патриотического толка. Но под лозунгом защиты Отечества, верности союзническому долгу, выступал, по существу воинствующий национализм и милитаризм.

Правящие блоки либерально-консервативных партий и их союзников из числа умеренных социалистов и социал-демократов, составлявших политическую коалицию «национального единства, социального мира и гражданского согласия» в либерально-демократических государствах Запада заявляли, что война ведется ради защиты Отечества, идеалов свободы и демократии, за освобождение угнетенных народов Европы против агрессивного германского экспансионизма и гегемонизма консервативно-монархических режимов династий Гогенцоллернов и Габсбургов. Это будет, уверяли политики, последняя в истории Европы и человечества война, и в случае неизбежной победы над германо-австро-турецким блоком, несущим средневековое варварство и порабощение, наступит эпоха всеобщего и вечного мира, все угнетенные народы Европы, в том числе и немецкий, получат подлинный национальный суверенитет, а в послевоенной Европе будут царить идеалы свободы, демократии, прогресса и всеобщего процветания.

В Германии и Австро-Венгрии официальная пропаганда имела две составляющие: политико-юридическую и идейно-психологическую. Согласно первой, совершается справедливое возмездие за террористическое убийство австрийского эрцгерцога и проявляется верность союзническому долгу перед родственной по крови и по духу державой. Вторая представляла собой гремучую смесь идей пангерманизма, ква-

зиисторического реваншизма восстановления былого германского гос — подства над ранее утраченными территориями от вестготской Испании на западе до норманнской Руси на востоке, мессианизма и великодержавного национализма особой исторической роли Германии в мировой истории как основного фактора развития человеческой цивилизации, высокой культуры, прогресса и порядка, образца для других народов (что в особенно четко выразилась в первой строке государственного гимна: «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире»); крайне воинствующего милитаризма культа армии как школы нации, упования на грубую военную силу как на простое решение сложного клубка меж — государственных противоречий в Европе и в мире в целом.

В результате молниеносной войны «блицкрига» германские войска, предполагалось, сокрушающим ударом уничтожат многовековых врагов разлагающуюся Францию на западе, варварскую Россию на востоке, и на их обломках будет окончательно достроен «второй Великогерманский Рейх», что явится торжеством германского духа и победой его гения кайзера Вильгельма II. Немецкая и австрийская социал — демократические партии, кроме нескольких немногочисленных группировок левых радикалов, полностью поддерживали военные действия своих правительств. В дополнение к официальной версии их руководители заявили, что раз — гром России освободит рабочий класс от реакционного царского самодержавия.

В России содержанием официальной пропаганды были идеи государственного патриотизма (война специальным царским манифестом объявлялась «Второй Отечественной войной 1914 года»), панславизма и непоколебимой верности союзническому долгу перед братской славянской Сербией и Францией, защищающими себя от австро — германской агрессии. Быстрая победа в войне, заявлялось, даст возможность освободить братские славянские народы от многовекового угнетения немцами и австрийцами и объединить их под великодержавным скипетром Дома Романовых; тысячелетняя германская угроза на западе, австрийская на юго — западе и турецкая на юге будут полностью и окончательно устранены.

В подобного рода заявлениях, как можно видеть, нет речи о защите реальных интересов России, в качестве же идеологических проектов они тоже сомнительны.

Высшие церковные круги всех вступивших в войну государств активно поддерживали свои правительства, отнеся их участие в войне к Божьему произволению. Бернард Шоу остроумно заметил: «Господа Бога так усиленно и страстно молили о ниспослании скорейшей победы христоблюбивому воинству, что он целых четыре года не мог рассудить в чью — либо пользу и отдал решение вопроса на откуп черту, который принял воистину дьявольское решение: русским крах царизма накануне

победоносного наступления и провал либерализма на пороге победы, позор Брестского мира и триумф большевизма в самой кровавой гражданской войне; немцам после 4-х лет нескончаемых пирровых побед крушение кайзеризма, горечь национального унижения и хмель нацизма; французам и британцам неожиданную победу после постоянных военных неудач, крах либеральных иллюзий о мирной, послевоенной Европе; американцам экономический бум и европейские долги; итальянцам статус «великой державы — победительницы» за целую серию военных поражений; австрийцам клерикальную республику без республиканцев; венграм королевство без короля во главе с сухопутным адмиралом; чехам, морavam, словакам и русинам вместо двуединой Австро — Венгрии единую Чехословакию; полякам Великую Польшу «от можа до не можа»; сербам Великую Сербию с австрийской Словенией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной, венгерской Воеводиной, болгарской Македонией, албанской Метохией, черногорской Черногорией; румынам Великую Румынию с венгерской Трансильванией и русской Бессарабией; туркам османскую Турцию и Великую Армению без армян; финнам Финляндию; японцам немецкий Китай и русскую Маньчжурию, а всем европейцам и азиатам эпоху мировых войн и катаклизмов вместо мира, свободы и процветания»³. Восторжествовала, в конечном итоге, преступная политика правителей государств тех времен. Выстрел одного террориста привел к гибели миллионов ни в чем не повинных людей.

Кроме официальных, крайне идеологизированных и политизированных версий, оправдывающих войну, имелись еще две резко оппозиционные.

Первая религиозно — пацифистская, безоговорочно осуждающая войну с позиций идеалов гуманизма и религиозной морали. С этих позиций выступали видные общественные, религиозные и научные деятели Б.Рассел, А.Лафонтен, Р.Роллан, папа римский Бенедикт XV, А.Эйнштейн и многие другие.

Вторая отражала позицию радикальных социалистов — интернационалистов: предстоящая мировая война, по этой версии, дает уникальную возможность совершить мировую революцию — быстрое, одномоментное свержение буржуазной власти в результате всеобщей забастовки, массового отказа от военной службы, вооруженных восстаний и других радикальных форм классовой борьбы. Такой подход выразился в резолюциях II Интернационала о милитаризме и международных конфликтах, принятых в Штутгарте (август 1907 г.) и в Базеле (ноябрь 1912 г.); резолюции, впрочем, имели рекомендательный характер⁴.

Правое крыло II Интернационала открыто выступило за поддержку своих правительств в будущей мировой войне. Центристы считали, что рабочий класс должен в оборонительной войне защищать свое отечество. Представители же левого крыла (Ленин, Р.Люксембург, К.Либкнехт и другие) такое противопоставление оборонительной войны наступательной

расценивали как предательство интересов пролетариата и решительно отстаивали лозунг о «превращении империалистической войны в войну гражданскую».

В нынешней историографии сложился самый широкий диапазон мнений, вплоть до диаметрально — противоположных и взаимоисключающих, о причинах, характере, роли и месте первого в мировой истории глобального военно — политического конфликта и о его влиянии на превращение радикального крыла российской социал — демократии, большевиков — ленинцев, насчитывавших несколько тысяч членов в 1914 — 1916 гг., в одно из мощнейших политических движений XX века, положившее начало в 1917 г. будущей коммунистической сверхдержаве СССР и всему «лагерю социализма».

На протяжении XX в. в мировых войнах Первой, Второй и «холодной» проходили своеобразную проверку на прочность основные модели развития ведущих держав и их союзов. Во всех трех войнах неизменно выходила победителем англо — франко — американская модель гражданского общества с правовым государственным строем, свободной рыночной экономикой и либерально — демократическим политическим режимом.

После Первой мировой войны в «отвал» мировой истории ушли консервативно — монархические режимы Германской, Австро — Венгерской, Османской, Российской империй. Итак, перед ведущими державами и всем человечеством в целом Первая мировая война поставила, но не до конца разрешила вопрос о выборе оптимального варианта исторического развития.

Первая мировая война в первую очередь велась за передел сфер влияния и власти между союзами государств: Антантой и странами Центральной Европы. Империалистическая, экспансионистская составляющая Первой мировой войны играла весьма существенную роль. Особенно наглядно она проявилась со стороны Германии и ее союзников, которые не скрывали планов существенного расширения своего господства путем прямых территориальных захватов. Так, к осени 1918 г. в зону совместной германо — австро — венгеро — турецкой оккупации вошли территории свыше 1,2 млн кв. км с населением 70 млн человек. Та же тенденция превалировала и у держав Антанты: Российской империи (претензии на Босфор и Дарданеллы), Италии (Фиуме, Южный Тироль, Албания), Сербии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Воеводина), Японии (германские колонии в Китае), Франции (возврат Эльзаса и Лотарингии) и Великобритании (раздел германских колоний и турецких владений в Африке и на Ближнем Востоке).

Вместе с тем, не менее значительную роль играла и либерально — демократическая тенденция. Ее представляли Франция, Великобритания и особенно США — президент этого государства В. Вильсон неоднократно подчеркивал, что «цель войны состоит в демократизации Германии»⁵.

Этот процесс привел к установлению либерально — демократических режимов в Австрии (1918 — 1933 гг.), Болгарии (1919 — 1923 гг.), Венгрии (1918 — 1919 гг.), Германии (1918 — 1933 гг.), России (март — октябрь 1917 г.), Королевстве сербов, хорват, словенцев (1918 — 1929 гг.).

В то же время Первая мировая война окончательно расколола международное социалистическое движение на умеренных социалистов и социал — демократов, поддержавших ради «защиты Отечества» свои национальные правительства, и либерально — демократическую тенденцию в целом, и на радикально — экстремистское, интернационал — социалистическое течение, трансформировавшееся в революционно — коммунистическое, которое привело к большевистской диктатуре в России, а также к советским республикам в Баварии (13 апреля — 1 мая 1919 г.), Бремене (10 января — 4 февраля 1919 г.), Венгрии (21 марта — 1 августа 1919 г.), Словакии (16 июня — 7 июля 1919 г.), Латвии (13 января — 22 мая 1919 г.), Литве (18 февраля 1919 — июнь 1920 гг.), Эстонии (29 ноября 1918 — февраль 1919 гг.), Финляндии (28 января — 5 мая 1918 г.) и к неудавшейся попытке экспортировать «мировую революцию» в Польшу (июль — август 1920 г.).

Одновременно Первая мировая война стимулировала объединение социалистов с радикально — экстремистской ветвью национализма, что привело к установлению в Украине национал — социалистического режима Директории С.Петлюры (14 ноября 1918 г. — 20 ноября 1920 г.), превращению социалистов — интервенционалистов с лидером Б.Муссолини в фашистскую партию в Италии (23 марта 1919 г.) и к гитлеровскому национал — социализму, особенно преуспевшему в стратегии и тактике массового манипулирования, каковое и сказалось на трансформации основанной А.Дрекслером националистической группки «Немецкой рабочей партии» (5 января 1919 г.) в гитлеровскую НСДАП (National — Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei — Национал — социалистическая рабочая партия Германии) (20 февраля 1920 г.).

При анализе истории большевизма и меньшевизма в 1914 — 1916 гг. необходимо учитывать следующие особенности и парадоксы Первой мировой войны.

Во — первых, вместо планируемой высшим военно — политическим руководством и генштабами ведущих европейских сухопутных держав Германии, Австро — Венгрии, Франции и России кратковременной (три — четыре месяца), маневренной, победоносной военной кампании, успех в которой решали полководческое искусство, боеготовность и боеспособность вооруженных сил, получилась долговременная (4 года и 3 месяца) война.

Во — вторых, войну начинали профессиональные, прекрасно вооруженные и экипированные, высокодисциплинированные кадровые армии с высокими степенью мобилизационной способности и боеготовности, исполненные боевого духа, а заканчивали огромные, насильно мобили —

зованные (до 74,2 млн)⁶ массы вооруженных людей, со слабой дисциплиной и крайне низким боевым духом, охваченные массовым пассивным и активным неповиновением. Так, фактически распалась 10-миллионная русская армия в 1917 — 1918 гг., зараженная бациллой «пораженчества» и братания, 15-миллионные армии Четвертного союза в октябре — ноябре 1918 г.

В — третьих, война начиналась в условиях небывалого, спонтанного всплеска воинствующего патриотизма и «романтического национализма», особенно в Германии и во Франции, несколько меньше в Австро-Венгрии и в России, в обстановке стихийного национального единства и согласия во имя «скорой победы», а заканчивалась полным и окончательным крахом консервативно — монархических, царистско — кайзеровских иллюзий, разочарованием в либерально — демократических идеалах и ценностях и заполнением образовавшегося идейно — политического вакуума разного рода популистско — демагогическими, радикально — экстремистскими идеями — лозунгами вроде «война войне!», «грабь награбленное!».

В — четвертых, десятки миллионов мобилизованных солдат, прошедших окопы первой мировой войны, оказались носителями «окопной психологии» особой формы милитаризованного сознания, легко поддающегося на радикально — экстремистские, популистско — демагогические лозунги и призывы крайних политических сил, от националистов до интернационалистов; носители такого сознания во всей их массе организовались в партийно — общественных структурах типа красной гвардии, рабочий милиции в России, фашистской милиции в Италии, «Стального шлема» и штурмовиков в Германии и т.д.

В — пятых, начало войны вызвало окончательный крах II Социалистического Интернационала как союза марксистских партий и погребло под его обломками догму об интернациональной роли европейского пролетариата и о неизбежности и победе мировой социалистической, пролетарской революции в ходе превращения войны империалистической в гражданскую. Партии II Интернационала окончательно раскололись надвое: по одну сторону оказались умеренные социал — демократы и социалисты, патриотически настроенные и демократически ориентированные, взявшие курс на мирное сотрудничество и социальное реформирование на основе общенационального единства и согласия во имя победы; по другую — радикально — экстремистские группки и течения, революционные интернационалисты — социалисты и социал — демократы, использующие идейно — политический крах консерватизма и кризис либерализма на заключительном этапе войны, а также межимпериалистические противоречия для реализации своих планов мировой революции и положившие начало формированию будущего мирового коммунистического движения.

В — шестых, война, несмотря на победу либерально — демократических держав Антанты (Франции, Великобритании и США), не привела к реализации в послевоенной Европе и на глобальном уровне идеалов мира, свободы и демократии — напротив, открыла широкую дорогу целой серии последующих локальных, региональных и мировых войн, расчитанная, после краха либеральных режимов, прямую столбовую дорогу к власти большевизму в России, фашизму в Италии и нацизму в Германии⁸.

Раскол партий II Интернационала, вызванный рознью в оценках Первой мировой войны, не миновал и Россию. На крайне правом фланге рос — сийской социал — демократии, на умеренно — демократических позициях социального реформизма в рамках буржуазно — демократической модернизации России, т.е. на позициях оборончески — патриотических, оказалась группа социал — демократов, объединившаяся вокруг Г.В.Плеха — нова и газеты «Единство».

Георгию Валентиновичу Плеханову в 1914 г. исполнилось 58 лет. По меркам начала XX века это был уже пожилой человек, прошедший сложный и тернистый путь от видного деятеля революционно — террористической народовольческой организации «Земля и Воля» (1875 г.) и отца — основателя первой марксистской группы «Освобождение труда» (1883 г.) до лидера умеренно — демократической фракции в РСДРП. Революционные порывы юности и революционный напор зрелости уже прошли, особенно после неудачи первой русской революции 1905 — 1907 гг. «Не надо было браться за оружие»⁹ такой фундаментальный вывод он сделал после поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве.

Первую мировую войну Плеханов оценивал с позиций патриотизма, защиты Отечества и правительства. Суть его аргументации такова. В случае победы Антанты, в которой ведущую роль играли Франция и Великобритания, будет навсегда устранена угроза крайне агрессивного и реакционного германского империализма; а в послевоенной России, произойдут крайне необходимые буржуазно — демократические реформы, способствующие дальнейшим социальным преобразованиям в передовых странах Европы. Это была стратегия и тактика медленного и постепенного роста в России общедемократического, рабочего и социалистического движений в союзе с либеральной демократией. Процесс модернизации, прерванный войной, должен возобновиться после ее скорейшего и победоносного завершения. Поэтому все сознательные социал — демократы должны, по мнению Плеханова и его группы, сосредоточить свои усилия на достижении победы, после чего царизм будет вынужден под давлением «извне», со стороны союзников по Антанте и «изнутри», со стороны широкой, общедемократической, либерально — социалистической коалиции, завершить трансформацию «думской монархии» в кон —

ституционно — монархический режим, при каком российская социал — демократия займет подобающее ей ведущее место и приступит в рамках демократизации государственного строя и в союзе с либеральной демократией к крайне необходимым социальным реформам. Этот путь, полагал Плеханов, был бы оптимальным, мирным и демократическим.

Аналогичные позиции «социал — патриотизма» занимали все ведущие социал — демократические и социалистические партии Европы. Как ретроспективно показала европейская история, такой путь оптимального сочетания позитивных моментов либерально — демократической и социал — демократической тенденций на основе демократизма, национального единства и согласия этот путь либерально — демократическим державам Антанты обеспечил, в конечном итоге, победу, а затем и большинству стран Запада благоприятное социально — экономическое и культурно — политическое развитие. Группа Плеханова, однако, не имела широкого влияния на рабочее, социал — демократическое и общедемократическое движения в России, а его взгляды представляли всего лишь один из теоретически возможных вариантов развития страны.

Умеренно — радикальные позиции по отношению к войне занимала группа российских социал — демократов во главе с Александром Николаевичем Потресовым, которому в 1914 г. исполнилось 45 лет. По мнению меньшевика П.А.Гарви, «А.Н.Потресов был аристократом духа по разносторонности умственных интересов, по обширности знаний, по яркости и своеобразию литературного дарования»¹⁰. Марксист с 1891 г., один из отцов — основателей меньшевизма, сторонник легальных, парламентских методов ведения политической деятельности, Потресов, в отличие от Плеханова, выступавшего за безусловную поддержку правительства в деле «защиты» Отечества, считал, что российская социал — демократия, не протестуя против ведения войны, не должна отказываться от критики правительства и обязана всеми силами бороться за установление демократического мира без аннексий и контрибуций, с правом всех наций на самоопределение. Он полагал, что экономические предпосылки социализма в России еще не достаточно созрели и что необходима дальнейшая борьба в рамках существующего строя за демократизацию российского общества в духе «программы — минимума» РСДРП. Потресов требовал признать «принципиальную несостоятельность» решений Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала о превращении империалистической войны в гражданскую. Его ключевая формула «непротивление войне»: далее она трансформировалась в тезис о «самозащите».

«Заристы» — потресовцы (так их называли, хотя название «Заря» их журнал уже заменил на «Наше дело», а затем на «Дело») считали, что антивоенная деятельность создаст ненужные трудности для либерально — демократических союзников России по Антанте Великобритании и Франции. Потресов требовал, чтобы Дума отказалась кредитовать войну

и тем самым вынуждала правительство к заключению мира. Он вел активную публицистическую деятельность, выпустил сборник «Самозащита» (1915 г.). В начале 1915 г. он был арестован и выслан из Петербурга в Москву, а в феврале 1917 г. его и оттуда собирались выслать. Политический вес и роль группы Потресова были незначительными и ограничивались небольшим слоем социал-демократической интеллигенции в столичных городах России. Потресовская альтернатива развития российской социал-демократии в целом укладывалась в рамки демократического социализма и вытекала из либеральной составляющей марксизма, но для реализации в российских условиях она, как и плехановский вариант, оказалась слишком европейской.

Правоцентристы, окисты (члены Организационного комитета РСДРП) во главе с П.Б. Аксельродом и члены думской фракции меньшевиков во главе с Н.С. Чхеидзе приняли в отношении первой мировой войны межумочную позицию, под весьма парадоксальным лозунгом «ни побед, ни поражений» они пытались объединить как правых «патриотов – оборонцев» плехановцев и потресовцев, так и левых «интернационалистов – пораженцев», сторонников превращения империалистической войны в гражданскую.

Первоначально члены меньшевистской фракции в IV Государственной Думе заняли интернационалистическую позицию. Следуя резолюциям Штуттартского и Базельского конгрессов II Интернационала, вместе с большевистскими депутатами они голосовали 26 июля 1914 г. против военных кредитов. Совместную декларацию социал-демократических фракций зачитал депутат от рабочей курии Уфимской губернии меньшевик В.И. Хаустов. Декларация отражала интернационалистическую позицию РСДРП, решительно осуждала империалистическую войну, обвиняла в ее развязывании правящие круги империалистических держав. В ней выражалась надежда на то, что международная солидарность пролетариата приведет к прекращению войны. По настоянию Чхеидзе в текст декларации была включена в завуалированной форме идея оборончества: «Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент исполнит свой долг и будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили, извне или изнутри»¹¹. Это была единственная совместная декларация меньшевистской и большевистской фракций в IV Государственной Думе. Чхеидзе с думской трибуны зачитал решения международных социалистических конференций. Меньшевистская фракция в дальнейшем поддержала «оборону Отечества» и лозунги спасения страны, одновременно заявив о своей позиции противников войны. По мнению Чхеидзе, войну социал-демократия должна использовать в своих целях, не порывая с настроенными патриотично демократами. Центристы заняли антантофильскую позицию, сославшись на «вековые традиции патриотизма».

Когда война затянулась Аксельрод предложил весьма заманчивый план

«интернациональной борьбы за мир»: по требованию рабочих отозвать министров — социалистов из правительственных коалиций, а социалистическим и социал — демократическим фракциям в парламентах голосовать против военных кредитов. На Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.) международных социалистических конференциях Аксельрод неоднократно предлагал «взаимную амнистию» всех социалистических и социал — демократических партий, выступал против разрыва с Международным социалистическим бюро и неоднократно заявлял, что благодаря сложившейся в России революционной ситуации российский пролетариат не склонен к шовинизму.

Лидеру правоцентристов в эмиграции Павлу Борисовичу Аксельроду в 1914 г. исполнилось 60 лет. Общепризнанный патриарх революционного движения в России, он, как и Плеханов, прошел сложный и тернистый путь от профессионального революционера, террориста — народовольца к умеренному социал — демократу парламентского, европейского образца, первым предложившему «европеизировать» российскую социал — демократию и пойти на союз с либеральной демократией. Бывший террорист — подпольщик, он одним из первых обратил внимание на рост и доминирование радикально — экстремистских, революционно — террористических, авторитарно — тоталитарных тенденций в стратегии и тактике большевизма и на особую роль Ленина в этом процессе. Он же первым понял, что меньшевизм и большевизм непримиримые, принципиальные враги. Будучи лидером заграничной коллегии ОК РСДРП, представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро, сторонником и горячим поклонником Карла Каутского, Аксельрод активно препятствовал деятельности большевиков — ленинцев по революционизированию международного социалистического движения.

Литератору, лидеру думской фракции РСДРП и члену российской коллегии ОК РСДРП Николаю Семеновичу Чхеидзе в 1914 г. исполнилось 50 лет. С самого начала своей политической деятельности он занимал умеренные, центристские, реформистские позиции, был членом масонской «думской ложи», активно поддерживал «Прогрессивный блок», быстро пройдя путь от революционного почти — пораженчества до почти — оборонческого патриотизма, осенью 1914 г. он уже занимал позицию «защиты Отечества»

Политическое значение правоцентристов в России было невелико. Даже в их кратковременном союзе с большевиками, когда вместе с теми они приняли декларацию против войны, при том, что исполнено это было в тоне высокой патетики и завершилось демонстративным уходом всей фракции РСДРП из зала заседаний после оглашения декларации даже тогда не оказали они сколь — нибудь заметного влияния на развитие внутриполитической ситуации в России, а тем более на радикализацию и революционизирование европейского пролетариата. Это была типичная

«революционная буря в думском стакане воды». Тем не менее в условиях ограниченной легальности на время войны правоцентристы и формально, и по существу были ведущей фракции РСДРП.

Левоецентристы, группировавшиеся вокруг Мартова, придерживались интернационалистических позиций в соответствии с решениями Штутгартского (1907 г.) и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала. Они считали, что вслед за империалистической войной наступит период гражданских войн с последующей ликвидацией капитализма и победой социализма. Наиболее перспективным они полагали общедемократический лозунг — требование «мир без аннексий и контрибуций». Одновременно левоецентристы поддерживали тезис большевиков — ленинцев насчет объективной заинтересованности пролетариата в провале империалистических планов «своих» правительств, но решительно отвергали прямое, открытое «революционное поражение». Левоецентристы резко выступали против социал-патриотизма правых, стремились объединить все социал-демократические группы и течения РСДРП на основе интернационал-социализма решительно и резко выступали против политической гегемонии либералов в общедемократическом движении в России.

Юлий Осипович (Иосифович) Мартов (Цедербаум) — большая совесть российской социал-демократии, идеолог и теоретик мирового меньшевизма (Р.А. Абрамович), российский Дон-Кихот, наивный романтик-идеалист демократического социализма (Д.А. Волкогонов), Гамлет демократического социализма (Л.Д. Троцкий) — одна из самых трагических и сложных фигур истории российской революционной истории. Буквально всю свою жизнь он отдал пролетарской революции и первый вкусил ее горькие плоды¹². В своей политической деятельности Мартов (в 1914 г. ему исполнился 41 год) прошел сложный и извилистый путь от горячего сторонника, близкого друга и соратника Ленина с момента организации Петербургской группы «Освобождение труда» (1892 г.), «мягкого» искровца, идеолога меньшевизма (1903 г.)... до полного и окончательного политического, идеологического и личного разрыва с Лениным (1911 г.), увидев в ленинском большевизме возрождение «нечаевщины» — тотального революционного терроризма. По вопросу о войне у Мартова и его единомышленников была программа из трех пунктов: «1. Война является империалистической по своим причинам и характеру; 2. Социалисты не должны принимать в ней участие даже под лозунгом обороны; 3. Европейское социалистическое движение должно оказывать давление на правительства воюющих стран, требуя от них заключения всеобщего справедливого мира»¹³.

В противовес Ленину, рьяно отстаивавшему тезис о превращении империалистической войны в гражданскую, Мартов отстаивал лозунг «мир во что бы то ни стало» и был принципиально против всех и всяческих

войн, в том числе и гражданских. Не сходилась он с Лениным и в оценке возможного поражения «своего» правительства. По Ленину, это было бы меньшим для пролетариата злом, Мартов же, признавая в том объективную пользу для российского пролетариата, полагал, однако, что его революционное тому содействие неизбежно приведет к полной политической реабилитации немецких и австрийских социал-шовинистов, тем самым будет способствовать исполнению империалистических замыслов враждебного германо-австрийского блока.

По прогнозу большевиков-интернационалистов, поражение царского самодержавия неизбежно приведет к победе демократической революции в России, которая автоматически вызовет в Европе гражданские войны и, как следствие, социалистическую революцию.

В этом тезисе, считал Мартов, чисто спекулятивным никто ведь априори не доказал, что к буржуазно-демократическому перевороту Россия подготовлена лучше, чем Запад к социалистическому, сказали бы теоретическая ограниченность, национальная узость и политический авантюризм большевиков-ленинцев. Мартов провидчески замечал, что «Всемирная война открывает собой эпоху мировых революционных потрясений». Он писал: «Не революция во имя национальной обороны, а революция во имя мира! Центральным боевым лозунгом момента для российского пролетариата должно стать Всенародное Учредительное Собрание для ликвидации и царизма, и войны»¹⁴.

В целом позиция Мартова представляла собой своеобразный синтез демократических начал и революционного марксизма, следовала духу и букве резолюций о войне II Интернационала. Мартов занимал, можно сказать, интернационалистическую позицию в наиболее идеологически «чистом» виде. Но в политической практике российской и международной социал-демократии она имела весьма незначительную ценность и не могла стать программой действий для отчаявшихся вооруженных масс, озверевших от крови в окопах Первой мировой войны, чей уровень политической культуры, и прежде весьма низкий, за время войны стал еще ниже.

Политическое значение и реальный вес этой группы в российской социал-демократии были небольшими, но сам Мартов пользовался непререкаемым моральным авторитетом среди руководства РСДРП и европейских социал-демократических партий. Во время русско-японской и первой мировой войн меньшевики принципиально отвергали большевистскую тактику революционного пораженчества как несовместимую с подлинным патриотизмом и совершенно неприемлемую для политической партии, рассчитывающей на поддержку народных масс России. И уж совсем не могло быть у них речи о какой-либо финансовой помощи от противников России в военных конфликтах 1904—1905 и 1914—1917 гг.¹⁵

Троцкисты и так называемые межрайонцы занимали политическую позицию, постоянно колеблющуюся между меньшевистским левоцентристским и большевистским, революционно — интернационалистическим крылом РСДРП. Они пытались под своим идейным и организационным руководством объединить эти основные течения российской социал — демократии, совместить принципиально несовместимые тенденции реформистского социализма меньшевиков и радикально — экстремистского революционаризма большевиков. Как самостоятельная политическая структура в РСДРП межрайонцы организационно оформились в ноябре 1913 г. по названию «Петербургская междурайонная социал — демократическая организация», затем переименовывались в «Междурайонный комитет организации объединенных социал — демократов» «Междурайонную комиссию РСДРП», с конца 1914 г. «Междурайонный комитет». В состав межрайонцев входили троцкисты, часть меньшевиков — партийцев, «впередовцев» и большевиков — примиренцев. Основатели межрайонки считали, что РСДРП как единой партии нет, фракции слабы, со стороны партийных низов, особенно партийцев — рабочих, сильно стремление к единству и потому партия должна быть воссоздана путем ломки фракций. В 1913 — 1914 гг. межрайонцам удалось создать дееспособную организацию. Признавая необходимость превращения империалистической войны в гражданскую, они решительно выступали против тезиса о «поражении своего правительства», боролись против социал — патриотов, но за организационное единство всех социал — демократических течений, фракций и групп в рамках единой РСДРП.

Льву Давидовичу Троцкому (Бронштейну) в 1914 г. исполнилось всего лишь 35 лет. Это был самый молодой, самый амбициозный, самый яркий межфракционный лидер в РСДРП. Только Троцкому могла прийти в голову мысль объединить под своим личным руководством теоретически и идеологически несовместимые течения, фракции и группы, во главе которых стояли общепризнанные патриархи российского социалистического движения Плеханов и Аксельрод, отцы — основатели меньшевизма и большевизма Потресов, Мартов и Ленин. Для всех них без исключения Троцкий был выскочка. Начало первой мировой войны застало его в Вене, столице враждебной России Австро — Венгрии, в качестве корреспондента целого ряда газет, в т.ч. и «Одесских новостей». В самом начале войны он встал на позиции, близкие к левоцентристам — мартовцам. Затем Троцкий попытался объединить все социал — демократические фракции и группы в РСДРП посредством синтеза «революционного оборончества» и «социалистического интернационализма» в т.н. «интернационал — оборончество». В качестве организационного центра Троцкий использовал редакцию газеты «Голос» — «Наше слово» (с 6 — го номера), где активно сотрудничали на межфракционной основе ведущие группы социал — демократов, от

крайне правого Г.А. Алексинского до левого Мартова, вплоть до большевиков.

Сам Троцкий занял позицию между левоцентристами — мартовцами и большевиками — ленинцами. Первую мировую войну он считал империалистической, резко критиковал позиции правых социалистов, оборонцев — шовинистов, но требовал сохранения и укрепления организационного единства с ними, поскольку они имели весьма солидное влияние в массах. В противовес ленинскому требованию безусловного разрыва с социал — оборонцами Троцкий настоятельно призывал к единству с ними всех социал — демократов. По этой части он вел непримиримую полемику с Лениным. Тот же Троцкого и Мартова считал скрытыми оппортунистами, наиболее опасными для подрыва ленинской гегемонии в левом спектре российской социал — демократии и рабочего движения в целом.

В конце 1915 г. Троцкий порвал все свои отношения с оборонцами и выдвинул весьма претенциозный лозунг: создать Соединенные Штаты Европы посредством революции в ведущих европейских странах. Тогда же он дал свое обоснование исторически неоправдавшемуся тезису о невозможности национального самоопределения зависимых народов при империализме. Ленина он резко критиковал за то, что, «революционный демократизм» и «социалистическое доктринерство» у него раздельны и никогда не собираются в живое марксистское целое. «Ни побед, ни поражений» такова весьма популярная среди центристов и левых формула Троцкого. Он активно участвовал в первой после начала войны международной социалистической Циммервальдской конференции (1915 г.), был весьма близок к «циммервальдской левой» группе. В 1916 г. за активную антивоенную пропаганду Троцкий был выслан из Франции в Испанию, а затем в США, где вместе с Бухариным редактировал газету «Новый мир».

Отношение к Первой мировой войне крайне левых социал — демократов большевиков во главе с Лениным было всегда революционно — бескомпромиссным, антипатриотически — пораженческим. Единственным правильным способом борьбы против империалистической войны он полагал превращение ее в войну гражданскую: в каждой стране против своего правительства, и в первую очередь против самого реакционного царского самодержавия в России. Это была не очередная псевдомарксистская химера и социалистическая благоглупость, а тщательно продуманная стратегия захвата государственной власти в России через военный — политический крах царского самодержавия с опорой на победоносные социалистические революции в Европе и установление в дальнейшем мировой гегемонии большевистских идей и большевистской власти.

В 1914 г. Владимиру Ильичу Ленину (Ульянову) исполнилось 44 года. К этому времени он уже был лидером хоть и небольшой, но сравни —

тельно дисциплинированной и управляемой фракции — партии большевиков «нового типа». Большие надежды он возлагал на рост революционного подъема 1910 — 1914 гг. и на перспективы общеевропейской войны, которые неизбежно вызовут политический переворот в России и в Европе. Самое главное, полагал он, быть своевременно в нужном месте, чтобы успеть перехватить власть у Николая II. С этой целью Ленин поселился в Новой Дунайце около Кракова (Австрийская Польша), с минуты на минуту ожидая неминуемого революционного переворота в России. Но после начала войны и краха интернационал — социалистических иллюзий насчет того, что война вызовет немедленный социалистический переворот, он вместо кресла руководителя революционного правительства России совершенно неожиданно оказывается в камере № 5 австрийской тюрьмы в городе Новый Тарг по глупейшему подозрению в «русском шпионаже». И только благодаря заступничеству лидеров австрийской социал — демократии В. Адлера и Г. Диаманди, охарактеризованного Лениным как непримиримого, открытого политического противника царского самодержавия, Ленин освобождается из тюрьмы и немедленно уезжает в Швейцарию под поручительство уже швейцарского социал — демократа Г. Грейлиха.

Итак, действительность не оправдала его расчетов и надежд. Военный патриотизм оказался для рабочих выше пролетарского интернационализма. Крах II Интернационала и переход всех его партий с интернациональных позиций на националистические несколько не разубедил Ленина в перспективности его стратегии. А оказаться в «хвосте» у социал — патриотов в союзе с либералами — прогрессистами в качестве думского «пятого» колеса бюрократической телеги царского самодержавия это для Ленина было бы отказом от всех его амбициозных планов, от самого себя. Жажда власти не толкнула его на измену Родине.

Ленин заявляет о своей непреклонности в стратегии превращения войны империалистической в гражданскую, пишет целый ряд статей и воззваний, ориентирует депутатов большевистской фракции Государственной Думы на конфронтацию с властью. Ленинские тезисы об отношении революционных социал — демократов к войне были найдены у арестованных членов большевистской фракции Государственной Думы и послужили одним из главных обвинений в государственной измене. В тезисах вполне определенно заявлялось, что каждый последовательный социалист обязан бороться в первую очередь со своим правительством, и что лучшим исходом войны должно быть поражение царского правительства как самого реакционного.

В дальнейшем Ленин уточняет свои взгляды: именно отсталая Россия, как слабое звено мирового империализма, после революционного свержения царского самодержавия станет базой мировой революции. Но для этого необходимо, чтобы война подготовила объективные условия, обо —

стрила до предела все социальные и межнациональные противоречия внутри воюющих государств. Большевики же должны создать субъективные условия: укрепление своей партии и воссоздание нового Коммунистического Интернационала на основе последовательного революционного и интернационализма.

Итак, Первая мировая война расколола на два противоборствующих лагеря не только Европу и мир, но и российскую социал-демократию, чему причиной стали внутренние разногласия ее лидеров относительно как войны, так и государственной власти. Раскол этот оказался необратимым и прошелся по всему политическому спектру основных течений, фракций и групп РСДРП, от крайне правых, меньшевиков-плехановцев, до крайне левых, большевиков-ленинцев, разделив их по национально-государственной ориентации на антантофилов, патриотов и оборонцев и последовательных пораженцев, революционеров-интернационалистов из отряда Ленина. По степени легальности, уровню радикализма, тактике и организационному устройству произошло разделение на лояльных власти социал-демократов реформистской ориентации и нелегалов радикально-экстремистского толка вроде ленинцев с авторитарно-тоталитарным мировоззрением. Этот раскол не был неожиданным. Ленин настойчиво его добивался исключительно с личной целью остаться единственным лидером экстремистской группировки, что ему и удалось. Не без его участия в развитии российской социал-демократии идеологически, политически и организационно выделились разные тенденции. В соответствии с последними определились модели (проекты) социалистического будущего России: плехановско-потресовский, правоменьшевистский, патриотически-оборонческий, проантантовский вариант постепенной социализации России; аксельродовско-чхеидзевский, правоцентристско-меньшевистский, интернационалистическо-оборонческий (от интернационализма на словах к оборончеству на деле, от антиимпериализма к антантофильству) постепенно-ускоренный путь социализации России в контексте ее европеизации; мартовский, левоцентристско-меньшевистский, радикально-демократический, революционно-интернационалистический, антиимпериалистический вариант социализации России после победы социалистической революции в Европе; ортодоксально-марксистский, радикально-экстремистский, ультрареволюционно-интернационалистический, антиимпериалистический, резко антантофобский, революционно-пораженческий путь насильственной социализации России и Европы в процессе мировой революции.

Оптимальными представляются плехановско-потресовские и аксельродовско-чхеидзевские варианты развития РСДРП в рамках мирного, демократического реформирования в ходе послевоенной модернизации России на основе общенационального единства и гражданс-

кого согласия. РСДРП тогда трансформировалась бы в типичную массовую социал — демократическую партию европейского типа вроде лейбористской в Великобритании, социалистической во Франции, социал — демократической в Германии и Швеции.

Вариант Мартова революционный переход к социализму демократическим путем при помощи социалистического Запада был мало реален и требовал гораздо более высокого уровня социально — экономического и культурно — политического развития России.

Троцкистско — ленинский проект социалистического будущего, сконцентрировавший в себе революционную составляющую марксизма, каковая была дополнена радикально — демагогической политикой манипулирования массами, этот вариант, несмотря на его авантюристность, в условиях первой мировой войны и отсталости российского общества оказался исторически реализованным 25 октября 1917 г.

Ленинская теория: империализм — канун пролетарской революции

Важную роль в революционной технологии захвата власти в России сыграло, в качестве научно — теоретического обоснования, ленинское учение об империализме — высшей стадии развития капитализма, кануне социалистической революции в России и в мире.

Но устаревшие догмы одна за другой попадали под каток времени. Отношение Ленина к марксизму было чисто потребительским, он брал оттуда только то, что было под стать лично его перспективе захвата власти. Когда в начале Первой мировой войны произошло крушение II Интернационала он долго не мог в это поверить. Рушились его надежды на превращение войны империалистической в гражданскую с последующей неизбежной победой социалистической революции в Европе, затем в России и во всем мире. Троцкий вспоминает: «когда в Швейцарии появился номер «Vorwarts» с отчетом о заседании райхстага 4 августа (1914 г. о голосовании военных кредитов. — А.С.), Ленин решил, что это поддельный номер, выпущенный германским генеральным штабом для обмана и устрашения врагов»¹⁶.

Крушение II Интернационала самым непосредственным образом сказалось на большевиках. В обстановке патриотического подъема начала войны они оказались в политической самоизоляции, полиция фактически разрушила организационные структуры партии в России, большинство профессиональных партийных работников оказалось в тюрьмах, в ссылках, а оставшееся меньшинство ушло в глухое подполье, значительная часть большевиков отошла от активной политической деятельности. От некогда

влиятельной общероссийской фракции — партии осталось по существу несколько эмигрантских групп, а от некогда многотысячных партийных организаций в промышленных городах России несколько десятков малочисленных партийных ячеек в крупнейших индустриальных центрах страны. Такая ситуация поставила Ленина в положение генерала без армии. В связи с резким упадком большевистского движения партийная касса быстро опустела, и надо было думать о других, источниках дохода, например, литературных¹⁷.

Весной 1915 г. А.М.Горький основал издательство «Парус». Оно планировало выпуск серии брошюр по социально — экономической тематике: «Европа до и во время войны». По совету историка — марксиста М.Н.Покровского Ленин был приглашен в качестве автора вводной брошюры. Находясь в весьма непривычном для него политическом «простое», он весьма активно занялся обоснованием социально — экономических предпосылок неизбежной победы социалистической революции с учетом тех изменений, которые произошли в развитии капитализма с конца XIX в., когда иссякли возможности территориальной экспансии империалистических держав с образованием колониальных империй и началась борьба между ними за «куски» уже поделенного мира.

Это нашло свое отражение в рукописи Ленина за 1916 г. «Империя — лизм как высшая стадия капитализма» общим объемом 5 печатных листов (198 страниц). Поначалу она была отправлена в адрес издательства Горького. Первый ее экземпляр конфисковали французские военные власти. Второй, совершив кружной путь через Женеву, в конце сентября 1916 г. был получен в Петрограде. Ленин в своем письме М.И.Ульяновой 22 октября 1916 г. так оценивал свой труд: «Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде»¹⁸.

Когда власть оказалась у Временного правительства, книга Ленина под названием «Империализм как новейший этап капитализма» вышла в свет в июле 1917 г. общим тиражом 15 тыс. экземпляров. Автор значился под двумя своими ходовыми псевдонимами «Н. Ленин [Вл. Ильин]». Полный подлинный текст работы под тем же заглавием, что и рукопись, впервые опубликован в 1925 г. в 19 томе второго издания сочинений Ленина

Формула Ленина об империализме как о высшей, загнивающей и последней стадии развития капитализма, кануне социалистической революции, т.е. победы пролетариата в мировом масштабе, стала для официальной идеологии марксизма — ленинизма одним из ее краеугольных камней.

Суть империализма состоит, по Ленину, в пяти его признаках: «концентрации производства и капитала, дошедшей до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни»; «слияние банковского капитала с промышлен —

ным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии»; «вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение»; «образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир»; «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»¹⁹. Опираясь на такое понимание империализма, в своих последующих работах («Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и других) Ленин сконструировал вывод об углублении общего кризиса капитализма, что проявляется, по его учению, в следующем: империалистические мировые войны; неравномерность развития империализма; наличие в его мировой системе «слабого» звена; поворот от демократии к политической реакции; рост угнетения народов и, следовательно, неизбежность победы социалистической революции сначала в одной, отдельно взятой капиталистической стране, а затем, по мере объединения и радикализации всех антиимпериалистических сил от рабочего движения до национально-освободительного, в мировом масштабе.

Завороженность перспективой обрести власть через насилие привела Ленина к политическим выводам спекулятивного характера. Ничего научного, как показало время, в этих рассуждениях нет. Настоящая их цель не объективно исследовать капитализм и основные тенденции его развития, а вернуть себе лидерство в радикально-экстремистском крыле российской и международной революционной социал-демократии. Он решил обосновать новую стратегию и тактику революционного захвата власти, используя углубление межимпериалистических противоречий в ходе затянувшейся первой мировой войны. Даже его публицистика была полностью оторвана от жизни. Он, например, изображал капитализм одряхлевшим, умирающим, распадающимся общественным строем накануне пролетарской революции.

Потенциалом демократических институтов Ленин пренебрегал, буржуазную демократию считал юридической фикцией; истинная демократия, он утверждал, носит классовый, точнее пролетарский характер. Временные ограничения основных демократических прав и свобод в годы первой мировой войны Ленин принял за начало краха либеральной и парламентарной демократии как таковой.

Такова логика Ленинского политического доктринерства. Вот одна из его формул: «империализм есть «отрицание» демократии вообще, всей демократии...»²⁰. Понятно, что частная собственность как экономическая основа демократии и плюрализм как идеологическая несовместимы с теорией и практикой коммунизма — тотальным обобществлением — огосударствлением всей собственности, власти и информации в руках партии — государства и его руководства.

Проблему отношений между метрополиями и колониями Ленин рассматривал исключительно политически: империализм потерпит крах под

объединенным напором социалистической революции в метрополиях и национально — освободительного движения в колониях и полуколониях. Действительность оказалась более сложной.

Главный методологический порок высказываний Ленина об империализме состоит в том, что за ними нет попытки объективно исследовать империалистические тенденции конца XIX — начала XX вв., с учетом конкретно — исторических и национально — цивилизационных особенностей капитализма в ведущих государствах мира, вместо всего этого сложное, динамичное, противоречивое развитие капитализма Ленин рассматривает сквозь «узкий прицел марксистской догматики», исключительно в контексте настроя большевиков на победу в мировом масштабе.

Такое более подобает религиозно — мистическим и политико — идеологическим учениям, в основе которых слепая вера в непререкаемые догматы. С наукой же такой идеологизированно — политизированный подход, основанный на вере в фатальную неизбежность революционного краха империализма, не имеет ничего общего. История XX в. опровергла постулаты Ленина об империализме как последней стадии монополистического капитализма кануне социалистической революции. Претензия на универсальность осталась не более, чем претензией.

Империализм не оказался смертельной болезнью для мирового капитализма. Что касается России, то ее судьба оказалась иной, но все же не имеющей ни малейшего отношения к «предвидениям» Ленина. Российский капитализм, самый молодой и хрупкий, просто не вынес тяжести имперских амбиций и военных усилий в годы Первой мировой войны. Россия, вплоть до начала первой мировой войны, несмотря на ускоренную модернизацию конца XIX — начала XX вв., не успела преодолеть свое отставание от передовых, высокоразвитых, индустриально — аграрных держав Запада. Когда Первая мировая война из первой, маневренной фазы перешла во вторую, позиционную, ее исход в значительной степени был предreshен критическим истощением военно — экономического потенциала каждой из воюющих держав. Наибольшая военная нагрузка (до 50% и более) приходилась на российский театр военных действий, при том, что у России военно — экономический потенциал в 34 раза был меньше, чем у ее союзников по Антанте. Поэтому военно — политический крах России в первой мировой войне объективно был обусловлен как общей социально — экономической и военно — технической отсталостью, так и крайне невыгодным геостратегическим положением. Россия фактически в одиночку удерживалаточный театр военных действий (1934 км) и Кавказский фронт (1100 км), от Балтики до Черного моря и от Черного моря до Персии, против объединенной боевой мощи Германии, Австро — Венгрии и Турции (115 + 25 = 140 дивизий в 1915 г.), в то время как на 630 км Западном

театре военных действий против 130 англо – французских дивизий действовали 90 немецких²¹.

Определяя историческое место капитализма и империализма и стратегию победоносной мировой пролетарской революции, Ленин сделал выводы с точностью до наоборот. В отношении же тактики борьбы за власть в охваченной кризисом России он проявил, как признают многие исследователи его политической деятельности, незаурядную изворотливость.

После краха надежд на социалистическую революцию в Европе в начале Первой мировой войны Ленин приступил к обоснованию тезиса о победе революции в одной стране²². Самым слабым звеном империализма, по его мнению, была Россия, так как империалистическая война обусловила «революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно – демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе»²³. И хотя лидер большевиков верил в победу грядущей социалистической революции в Европе, в своем публичном выступлении на собрании швейцарской социал – демократической молодежи в цюрихском Народном доме 22 января 1917 г. (по новому стилю) он буквально за месяц до начала Февральской революции прямо сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»²⁴. «И все же только об этой грядущей революции и думал Ильич, для нее работал», отмечает его жена и соратница Н.К.Крупская²⁵. И лишь ретроспективно, оценивая внезапный успех Февральского переворота, который буквально в три дня смел царское самодержавие, Ленин «пост фактум» подвел под эту буржуазно – демократическую революцию теоретическую базу.

Что Ленин думал тогда на самом деле о перспективах социалистической революции в России, нам теперь никогда не станет известно. Но говорил он сообразно той или иной ситуации: молодым швейцарским социалистам о неопределенно долгой перспективе, своим ближайшим соратникам о скорой и неизбежной революции... Луис Фишер, автор исследования о политической деятельности Ленина, заметил, что «он был монументальным оппортунистом»²⁶.

К 1917 г. фактически была полностью уничтожена кадровая императорская армия, в том числе ее офицерский и унтер – офицерский состав. Им на смену пришли прапорщики запаса, выпускники школ прапорщиков, мобилизованные 1 – го и 2 – го разрядов, призывная молодежь и ратники – ополченцы. Из 15,1 млн мобилизованных в составе армии к 1917 г. насчитывалось 10,4 млн военнослужащих, в т.ч. 9 млн в действующей армии, около 4,7 млн солдат погибли в боях, умерли от ранений и болезни, попали в плен либо были демобилизованы по ранению и возрасту²⁷.

Армия, основной институт российского самодержавия, превратилась в «пороховую бочку». Особенно ее тыловые части, где сосредоточились вновь мобилизованные солдаты, не желающие воевать и не понимающие, за что им должно воевать. Постоянные военные неудачи русской императорской армии в 1914 — 1916 гг., перманентные скандалы в высших эшелонах власти, министерская «чехарда», слабование Николая II, постоянные нападки думской и буржуазно — либеральной оппозиции на власть в печати, рост цен, перебои в снабжении городов, транспортный кризис... все это и многое другое окончательно подорвало остатки бывшего авторитета царской власти и рассеяло, как туман, бывшие монархические иллюзии.

Ждать победы социалистической революции на Западе, либо самим организовать революционный переворот в России и «подтолкнуть» революцию в Европе иных альтернатив Ленин не видел. Складывающаяся обстановка давала большевикам реальный шанс на политический переворот в России. Ленин и его ближайшие сподвижники сумели увидеть эту возможность, в создании которой они участия не принимали.. Большевизм дитя войны. Война породила «большевизацию» общества, прежде всего ментальную²⁸.

Большевистская практика

В предвоенный период РСДРП, по словам Ленина, насчитывала от 30 до 50 тыс. членов, из них около половины²⁹ состояли в большевистских и в объединенных меньшевистско — большевистских организациях РСДРП. В большевистской фракции — партии вплоть до апреля 1917 г. не было строгой фиксации членства по индивидуальным партийным билетам, Ленин определял ее численность на период между съездами по материалам партийной печати. Накануне войны он активно готовился к созыву намеченного на август 1914 г. съезда партии³⁰.

Начало Первой мировой войны во всех европейских странах вызвало небывалый взрыв патриотических и национальных чувств, что и привело к крушению интернационализма в партиях II Интернационала. Лишь большевики — ленинцы стояли на позиции революционного поражения. Из — за этого большевистская фракция — партия распалась как общероссийская политическая организация. Например, общее количество большевиков в Петрограде уменьшилось с 6 тыс. до 0,5 тыс., т.е. на 5,5 тыс., из которых 1,5 тыс. были мобилизованы в действующую армию, 1 тыс. арестованы полицией и высланы за пределы столицы³¹, а остальные 3 тыс. членов прекратили заниматься политической деятельностью и отошли от партии.

После переезда из Австро – Венгрии в Швейцарию Ленин поселяется в Берне и начинает работу по восстановлению партии. Как свидетель – ствуют документы, главная для него задача оставалась неизменной – сохранить абсолютную монополию на власть в руководстве партии, чтобы не было впредь постыдных историй, когда на IV съезде РСДРП (1906 г.) он вообще не был избран в ЦК, а на V (1907 г.) съезде стал лишь кандидатом в его члены. К этому времени из 7 членов ЦК РСДРП, избранных на VI Пражской конференции РСДРП в 1912 г., на свободе, в Швейцарии, оказались только Ленин и его личный друг Г.Е. Зиновьев (Радомысльский)³². Три члена ЦК (Ф.И. Голощекин, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Спандарян) были арестованы, Р.В. Малиновский, агент охраны, был исключен из партии (хотя Ленин настаивал на его реабилитации)³³, Д.В. Шварцман отошел от политической деятельности, Г.И. Петровский, будучи председателем большевистской фракции в IV Государственной Думе, находился в России и был арестован в ноябре 1914 г. Из четырех кооптированных после конференции членов ЦК РСДРП(б) двое были арестованы – Я.М. Свердлов (1913 г.) и И.В. Сталин (1913 г.). Теперь Ленин, наконец, установил свою единоличную диктатуру в партии. Осу – ществил это, взяв под свое личное руководство редакцию газеты «Со – циал – демократ», центрального партийного органа печати (печаталась в Женеве под редакцией Ленина и Зиновьева, секретарь редакции Н.К. Крупская) и став членом ЦК РСДРП, куда кроме него вошли только Зиновьев и кооптированный в сентябре 1915 г. верный ленинец А.Г. Шляпников. Под его же личным присмотром находилась партийная касса. Для контроля над партийными комитетами в России после ареста боль – шевистской фракции в Государственной Думе в сентябре 1915 г. было сформировано посредством кооптации из верных ленинцев Русское Бюро ЦК РСДРП, возглавляемое Шляпниковым полномочным представите – лем ЦК в России. Кроме того, активное участие в работе Бюро ЦК принимали А.И. Ульянова – Елизарова (старшая сестра Ленина, человек с властным и жестким характером), куратор Петрограда, и М.И. Улья – нова (младшая сестра Ленина), куратор Москвы.

Несмотря на идейный крах партий II Интернационала и организа – ционный развал большевистской партии в начале первой мировой войны, Ленину удалось в 1915 – 1916 гг. по крупницам воссоздать большевист – скую партию под еще более централизованным руководством: на от – ветственные посты он поставил лично ему преданных людей, проявле – ния разного рода инакомыслия и инакодействия решительно отсекал, а разного рода колеблющихся вроде большевиков – примиренцев изгонял из партии. К началу 1917 г. РСДРП(б) насчитывала около 10 тыс.³⁴ ак – тивных членов. Следует также отметить, что в годы войны в партию в основном шли рабочие крупных промышленных предприятий, рево – люционно настроенные интеллигенты и солдаты, мобилизованные в ар –

мию из индустриальных центров. В 1915 — 1916 гг. РСДРП(б) имела в России сложносоставную, двухуровневую структуру. На одной территории нелегально и строго конспиративно действовали совершенно не зависимо друг от друга партийные организации: на заводах и фабриках и параллельно им среди революционной интеллигенции и военнотружущих. Дело иногда доходило до того, что независимо друг от друга действовали две и более партийные организации в пределах одного даже крупного промышленного предприятия.

Внутри РСДРП между ее основными течениями большевиками и меньшевиками, а также разными фракциями и группами шла постоянная меж- и внутрифракционная борьба за власть и лидерство в партии, за контроль над партийной собственностью партийной кассой и изданиями, за стратегию и тактику партийной деятельности. При этом всегда имела место объединительная тенденция, особенно сильная в низовых организациях — рядовые их члены мало разбирались в тонкостях теории и стратегии лидеров партии. Иногда объединительная тенденция побеждала, но затем партия раскалывалась на умеренных меньшевиков и радикальных большевиков — ленинцев, причем главным инициатором очередного раскола всегда выступал Ленин. Его бывший друг и соратник Вольский (Валентинов) замечает: «Он непоколебимо верил, что в нем олицетворяется идея и участь Великой Революции, что только он один обладает верным знанием, как вести революцию, обеспечить ей успех, и поэтому — то ему, всевидящему водителю, нужно сохранять и оберегать свою жизнь. Вера в свою избранность и предназначенность вошла в него с давних пор. На поддержку себя он смотрел как на поддержку революции, а при таком понимании цель оправдывает все средства...»³⁵. Если учесть эту особенность его характера, понятными становятся его постоянные действия, направленные на отмежевание большевиков — ленинцев, истинных марксистов — революционеров от прочих: меньшевиков, предателей — ренегатов, тайных и явных оппортунистов — ревизионистов, ликвидаторов, отзовистов, богоискателей, реформаторов.

Так, еще накануне первой мировой войны было созвано межфракционное Брюссельское объединительное совещание РСДРП (3 — 5 июля 1914 г.) под патронажем Международного социалистического бюро II Интернационала с целью объединения РСДРП. Работа совещания была фактически сорвана Зиновьевым, строго действующим по ленинским директивам: никаких соглашений с соглашателями, никакого примирения с примиренцами. Ленин никогда не стремился к объединению РСДРП на условиях общей платформы из взаимоприемлемых компромиссов. Основа объединения большевиков — ленинцев с меньшевиками для него была приемлема только одна: полная идейная и теоретическая капитуляция последних, безоговорочное политическое, организационное и дисциплинарное подчинение ленинскому ЦК. Для большевистс —

кой фракции — партии авторитарно — вождистского типа объединение с социал — демократической, меньшевистской фракцией было невозможно, очень уж разные они были как по своему менталитету, так и по организационной структуре. Восстановление объединенной РСДРП для Ленина абсолютно неприемлемо было ни на каких основаниях ведь тогда он потеряет статус общепризнанного и непререкаемого вождя — диктатора революционной фракции — партии и станет хотя и руководящим, но одним из многих высокопоставленных партийных функционеров, чья власть ограничена процедурами и традициями внутрипартийной демократии. Быть партийным деятелем вечно оппозиционной, легальной, объединенной РСДРП, депутатом безвластной Государственной Думы... эта перспектива совершенно Ленина не устраивала. Себя он видел не меньше, чем общепризнанным лидером революционной российской социал — демократии, а в недалекой перспективе — вождем революционного пролетариата в России.

Неслучайно поэтому, в 1914 — 1916 гг., находясь в эмиграции, Ленин себя проявил как самый активный инициатор постоянной публичной полемики и самый непримиримый критик лидеров всех остальных фракций и групп российской социал — демократии, от Плеханова до Троцкого. При этом он опускался до уровня грубых публичных выпадов: иногда спонтанно, из — за своего неуживчивого характера, но большей частью с расчетом на определенный эффект — партийцам, людям не очень высокой культуры, нравилось «крепкое словцо». Ленин учитывая силу демагогии и важность манипулирования поведением рабочих масс при помощи простых, крикливых штампов, запоминающихся на десятки лет, общедоступных лозунгов — идей и бранных эпитетов — ярлыков типа «политическая проститутка Троцкий». В массовое подсознание он их вбивал, успешно играя на примитивной оппозиции «свое чужое». Например, «Плеханов барин»: как общепризнанный патриарх российской социал — демократии, он вроде бы свой, но на самом деле чужой, барин. Используя возможности литературного и разговорного языка, вульгаризмы, афоризмы и крылатые обороты, Ленин таким манером достиг вершин полемической демагогии. И всегда последнее слово в любой полемике принадлежало Ленину своих оппонентов он, можно сказать, втапывал в словесную грязь³⁶. Эта ленинская манера политической дискуссии оказалась заразительной — почти все лидеры антиленинских групп РСДРП в эмиграции погрязли в межфракционных склоках и разборках.

При всем том межфракционная борьба внутри РСДРП в 1914 — 1916 гг., хотя и спровоцирована Лениным и потому во многом обусловлена особенностями его личности и его верой в собственный «революционный мессианизм», отражала объективный процесс радикализации левого, большевистского течения российской социал — демократии с его пос —

ледующей трансформацией в революционно — коммунистическое, т.е. поляризацию и окончательный раскол российской социал — демократии на традиционное, социал — демократическое движение и на экстремистски — коммунистическое. Еще 23 июля 1914 г. Ленин публично заявил: «С сегодняшнего дня я перестаю быть социал — демократом и становлюсь коммунистом»³⁷. Именно с этого времени к меньшевикам он особенно непримирим — они уж ему не как товарищи по революционной борьбе и не союзники в общем деле социалистического переустройства России, а политические конкуренты в борьбе за власть в социалистическом и рабочем движениях, злостные идеологические враги, оппортунисты — ревизионисты, тайные и явные предатели великого дела освобождения рабочего класса и мировой социальной революции, прямые агенты буржуазии. Полная коммунизация большевиков, в 1914 г. знаменовавшаяся приведенным публичным высказыванием Ленина, формально завершилась на VII съезде РСДРП(б) РКП(б) 8 марта 1918 г.

После краха II Интернационала Ленин уже в сентябре 1914 г. в своей статье «Война и революционная социал — демократия» заявил о задаче создания нового, пролетарского Интернационала, свободного от оппортунизма, направленного против шовинизма буржуазии всех стран. Он начал активную работу по радикализации остатков II Интернационала, в первую очередь левых групп европейских социалистических и социал — демократических партий, дабы они стали основой будущего III Коммунистического Интернационала. По инициативе лидера швейцарских социал — демократов Р. Гримма 38 сентября 1915 г. в швейцарской деревушке Циммервальд около Берна собрались 38 делегатов от интернационалистических фракций социал — демократических и социалистических партий Болгарии, Германии, Голландии, Италии, Норвегии, России, Румынии, Польши, Франции, Швейцарии, Швеции. Накануне, 3 и 4 сентября, Ленин организует совещания в кругу представителей революционных интернационалистов с целью выработать общую тактику борьбы с центристами и пацифистами. На конференции развернулась ожесточенная дискуссия между центристским большинством и левым меньшинством, два проекта ленинских резолюций были провалены, но в конечном итоге была принята компромиссная резолюция, предложенная Троцким, в которую были включены ленинские тезисы об империалистическом характере войны, лживости лозунга «защиты отечества» и констатировалась измена вождей II Интернационала делу пролетарского единства.

На конференции была избрана Интернациональная Социалистическая комиссия исполнительный орган Циммервальдской конференции в составе Р. Гримма и Ш. Нэна от Швейцарии, О. Моргани и А. Балабано — вой (близкой знакомой Ленина и Муссолини) от Италии, которая стала секретарем ЦСК. Образовался блок центристов и левых на общей ос —

нове пролетарского интернационализма. Ленин его использовал для поднятия авторитета РСДРП(б) и для выхода большевиков из политической изоляции на международной арене, а также для создания организационных и идеологических основ будущего коммунистического Интернационала.

В деревушке Кинталь в Швейцарии 11 — 17 апреля 1916 г. прошла вторая Международная социалистическая конференция. Из 43 — х делегатов представителей групп социал — демократов России, Германии, Франции, Италии, Польши, Сербии, Австрии, Швейцарии, Англии, Голландии только 12 стояли на ленинских позициях революционного интернационализма. Попытки Ленина навязать резолюции о превращении войны империалистической в гражданскую и о создании III Интернационала провалились. Блок центристов и левых интернационалистов распался. Конференция высказалась как против защиты буржуазного отечества, так и против социал — пацифизма, провозгласив, что борьба за мир может состоять лишь в борьбе за осуществление социализма.

В начале 1917 г. Ленин потребовал разрыва левых с Циммервальдским объединением, но социалисты его требование проигнорировали. Третья Циммервальдская конференция состоялась в Стокгольме в сентябре 1917 г.; на ней большевики не присутствовали, так как к тому времени вся правая часть Циммервальда склонилась к поддержке центристов и Международного социалистического бюро III Интернационала. Первый конгресс Коммунистического Интернационала объявил Циммервальдское объединение распущенным, что ознаменовало окончательный разрыв центристов и левых.

Ленинский курс на создание нового, революционного III Интернационала, на дальнейшую большевизацию международного социалистического движения с опорой на леворадикальные элементы и группы в социалистических партиях Европы тогда полностью провалился. Без мощной финансовой подпитки и политической поддержки извне этот курс оказался контрпродуктивным. В дальнейшем, став руководителем советского государства, Ленин учтет эти исторические уроки, и финансово — политическое обеспечение Коминтерна будет у него на одном из приоритетных мест, а во главе нового, своего Интернационала он поставит испытанного друга и соратника Зиновьева, наделив его чрезвычайными, диктаторскими полномочиями.

Основную ставку в своей революционной деятельности Ленин и большевики делали на массовый, протестный потенциал рабочего движения, политизируя и радикализируя его как напрямую, с помощью партийного руководства местными парторганизациями, так и косвенно, путем постепенной большевизации руководства рабочих организаций профсоюзов, больничных касс, кооперативов, стачечных комитетов и регуляр —

ным, периодическим вбрасыванием в рабочие массы большевистских идей — лозунгов, настраиванием рабочих на массовые революционные выступления под своим руководством, дабы адресовать их протест существующему государственному и общественному строю. Разумеется, на рост и динамику рабочего движения влияли и другие факторы, в том числе и экономические.

В таблице № 1 в обобщенной форме представлены данные, характеризующие стачечное движение в России основную форму рабочего движения в военный период развития страны с 1 августа 1914 г. по 1 февраля 1917 г. и его зависимость от основных экономических факторов: роста цен, изменения номинальной и реальной заработной платы (даны средние по России значения показателей, поскольку они разнятся в зависимости от региона и отрасли). Прежде всего, видна монотонно возрастающая зависимость от роста цен и отставание от него роста номинальной заработной платы. Из того можно заключить, что уменьшение реальной заработной платы рабочих несомненная причина общего роста стачечного движения как в абсолютных, так и в относительных показателях.

Таблица № 1³⁸

**СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ В РОССИИ, ИНДЕКСЫ РОСТА ЦЕН,
ИЗМЕНЕНИЯ НОМИНАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ЗАПЛАТЫ С 1 АВГУСТА 1914 Г. ПО 1 МАРТА 1917 Г.**

Годы	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1917 г.
Месяцы	8 — 12	1 — 12	1 — 12	1	2
К — во стачек	70	1063	1542	400	963
Количество политических стачек	8	203	243	229	912
К — во стачечников	37212	569243	1172652	270099	438800
Политических	4345	156969	310100	162978	412800
В среднем за месяц к — во стачек	14	88,6	128,5	400	963
Политических	1,6	16,9	20,5	229	912
К — во стачечников	3101	47436,9	97721,0	270099	438800
Политических	869,0	13080,7	25841,6	162978	412800
Среднее на 1 стачку к — во участников	465,1	535,5	760,4	675,2	455,6
Политических	543,1	773,2	1276,1	711,7	452,6

К – во потерянных раб. дней на 1 стачку	1628	2008	3621	5629	6592
Индекс роста цен	109	130	204	361	372
Индекс роста номинальной заработной платы	102	114	169	268	269
Индекс изменения реальной зарплаты	93,5	88,1	83,2	74,2	72,4

Примечание: Погрешность исчисления $\pm 4,0\%$.

В марте 1915 г. А.Л. Парвус (И.Л. Гельфанд), бывший российский социал-демократ, бывший член президиума Петербургского совета рабочих депутатов (1905 — 1906 гг.), а в начале мировой войны германский социал-демократ, торговый спекулянт, весьма близкий к германским спецслужбам и правительственным верхам, представил германскому правительству план организации революции в России, известный как «меморандум д-ра Гельфанда»³⁹. По этому плану предлагалось, в частности, выделить деньги для поддержки всех антиправительственных организаций в России от большевиков и БУНДа до финских социал-демократов в целях активизации антигосударственной, пораженческой, революционной пропаганды и, как следствие, быстрее выхода России из войны. Эта война зашла в позиционную стадию «тупика», и ради выхода из него правительство выделило в 1915 — 1918 гг. 382 млн марок из 80 млрд военного бюджета на ведение пораженческой пропаганды в странах Антанты, в том числе 40 580 977 марок на Россию, часть которых досталась большевикам⁴⁰.

Межимпериалистические противоречия Ленин активно использовал для приближения краха господствующих в России режимов: сначала царского, а затем Временного правительства. Тем более, что оба они были участниками Антанты, тогда как Ленин ярким ее противником. Отсюда «временное совпадение интересов» у Германии с Австро-Венгрией и у большевиков. Кто кого для этих целей использовал вопрос интересный и дискуссионный. Понятно, что у всех участников драмы были свои интересы. Во всяком случае ясно, что если бы Ленин не прибегнул к помощи австрийских и германских социал-демократов и к содействию австро-венгерских и германских властей, то, скорее всего, до конца войны просидел бы в лагере для интернированных, выйдя на свободу к шапочному разбору. Если бы Ленин ограничился помощью только австрийских социал-демократов, то, находясь в Швейцарии до завершения войны, он был бы, в лучшем случае лидером небольшой ультрареволюционной эмигрантской группки большевиков. Но в истории, как известно, нет сослагательного наклонения — получилось то, что получилось. Ленин сумел ис —

пользовать по максимуму как межпартийную солидарность австрийских и немецких социал—демократов, что не помешало ему в дальнейшем гневно их заклеить как предателей интересов рабочего класса и мирового социализма, так и содействие австрийских и германских властей для перебазирования с тюремных нар сначала в Швейцарию, а затем в «пломбированный вагон», доставивший его в революционную Россию.

В преддверии революции

Процесс мирной эволюции Российской империи с ее аграрно—ин—дустриальной экономикой, феодально—абсолютистским государственным строем, слегка «разбавленным» сословно—представительными учреждениями, в передовую индустриальную державу этот процесс был резко прерван Первой мировой войной. Переход от «маневренного» ее этапа к «позиционному» вызвал у царского самодержавия крах надежд на «быструю» и «победоносную» войну. Исход войны стали определять не военное искусство, а эффективность военно—экономического потенциала ведущих держав, способность правящих элит мобилизовать и организовать на войну все силы. Либерально—демократические правительства «национального единства» во Франции, Великобритании, США, куда вошли представители ведущих политических партий, от правых консерваторов, центристов—либералов до левых социалистов включительно, смогли консолидировать свои народы на основе общенациональных ценностей и мотива защиты своей родины, моральная безупречность которого тоже общепризнана. В России же власть не позаботилась о формировании «правительства доверия», «ответственных министерств», поэтому самые политически и социально активные элементы и группы российского общества не были привлечены к более рациональному и оптимальному управлению страной, к мобилизации всех сил, от «монархистов до анархистов», на «оборону Отечества». Николай II по—прежнему оставался на позициях персонального единовластия, опираясь исключительно на высшие эшелоны государственной бюрократии и военно—полицейские структуры. Постепенно, по мере ухудшения военно—политической и социально—экономической ситуации в стране, в оппозицию к царскому режиму встали все основные социальные слои и политические силы российского общества: от либеральной бюрократии, фрондирующей аристократии, буржуазно—помещичьих кругов... до интеллигенции, служащих, рабочих и национальных меньшинств.

К началу 1917 г. немецкими войсками были оккупированы 16 западных губерний, где было сосредоточено свыше 20% экономического потенциала страны, из 15 млн мобилизованных в армию осталось в строю

только 10 млн, а 5 млн кадровых и военнообученных солдат 1-й и 2-й очереди были убиты, пропали без вести, взяты в плен, демобилизованы по ранению и инвалидности, 195 — 130 солдат дезертировали⁴¹. В стране усилилась экономическая разруха, поскольку отсталая аграрно — индустриальная экономика не могла вынести бремени военных усилий, покупательная способность рубля упала почти в 4 раза, составив 2627 довоенных копеек⁴². Государственный долг за годы войны к 1 января 1917 г. возрос за счет военных расходов в 3,8 раза, с 8824,5 млрд руб. до 33 580,8 млрд руб⁴³. Соответственно возросли цены на товары первой необходимости. Сверхмилитаризация экономики страны привела к постоянному транспортному кризису, поскольку железные дороги были на 80 и более процентов заняты военными и оборонными перевозками. Усилилась имущественная поляризация населения, на 20 — 25% снизился уровень его жизни в целом. Страна начала медленно и неуклонно погружаться в общенациональный кризис, охвативший все сферы российского общества.

К началу 1917 г. царский режим оказался в политической самоизоляции и в социальном вакууме, потеряв окончательно опору в городах и в действующей армии, авторитет царской монархии и личный престиж Николая II и его семьи снизился до нулевого уровня, особенно в связи с распутищиной — крайне негативной формой фаворитизма, когда назначение на высшие государственные посты чиновники получали не в соответствии с их компетентностью, а по степени близости к дворцовой камарилье⁴⁴. В стране началась «министерская чехарда». За годы войны сменилось 3 председателя Совета Министров, 5 министров внутренних дел, 2 министра иностранных дел, 3 военных министра, 3 министра юстиции, 17 министров и главноуправляющих⁴⁵. Сам Николай II, хотя и взял на себя высшие государственные и военные полномочия, в критические моменты истории оказался неспособным по своим личным качествам, исполнять функцию верховного руководителя, как это получилось у премьер-министра Франции Жоржа Клемансо (по кличке «Тигр»), спасшего Францию от военно — политического краха в 1917 г., или у «хитрой лисы» Д. Ллойда Джорджа, английского премьер-министра с 1916 г, мобилизовавшего на победу все силы необъятной Британской империи. Николай II по-прежнему опирался на узкий круг лично преданных сановников, тасуя их время от времени по правительственным постам. На самых важных государственных постах оказались в конечном итоге люди малокомпетентные, безынициативные и инертные. Например, 27 декабря 1916 г. на пост председателя Совета министров был назначен 67-летний князь Н.Д. Голицын, а 2 декабря 1916 г. на пост главы МВД, ведущего министерства («пупка власти» Российской империи) абсолютно некомпетентный думский деятель А.Д. Протопопов, на должность командующего столичного Петроградского военного округа — 65-летний отставной казачий генерал С.С. Хабалов. Царское самодержавие в начале 1917 г. опиралось

на политическую инерцию патриархального стомиллионного российского крестьянства и на консервативно — охранительную часть государственной и военно — полицейской бюрократии.

Накануне революции никто ни в России, ни за рубежом не предпологал столь быстрого и неожиданного крушения царизма.

Лидеры российской социал — демократии не составляли исключения. Вся их надежда, от правого меньшевика Плеханова до экстремиста большевика Ленина, была на победоносную социалистическую революцию в Европе. Плеханов в Женеве по — прежнему писал публицистические статьи а защиту «социал — оборончества». Ставку он делал на скорейшую победу либерально — демократических держав Антанты и последующую послевоенную либерализацию и демократизацию России в рамках общеевропейской модернизации.

В самой России «социал — патриоты» меньшевики с 1915 г. стали активно работать в составе рабочих групп военно — промышленных комитетов (ВПК) и вместе с либеральной демократией и буржуазными прогрессистами «ковали оружие победы» над германскими империалистами. Руководителем рабочей группы Центрального ВПК в Петрограде был меньшевик — оборонец К.А. Гвоздев. В составе группы были созданы комиссии по созыву рабочего съезда, продовольственная, профессиональная и др. Главный путь борьбы с царским режимом социал — оборонцы видели в давлении на власть в рамках Государственной Думы и других легальных рабочих организаций.

Рабочая группа ЦВПК и многие меньшевики — оборонцы находились под идейным влиянием Потресова. Национально — государственный, гражданский патриотизм следует, считал он, отличать от казенного, по — верхностного, квасного «ура — патриотизма». Последним охвачена обывательская масса, в том числе и пролетарская. В духе первого воспитаны народы Западной и Центральной Европы, где есть развитое гражданское общество. Основой этого патриотизма в России он считал освободительное движение, участники которого готовы «душу положить за други своя». Рабочие в России, по его мнению, должны и обязаны отстаивать свои классовые интересы в рамках развития общедемократического процесса, в обстановке легальности, критиковать царизм, но не участвовать в политических стачках и в вооруженных восстаниях. К концу 1916 г. Потресов констатирует крах казенного «ура — патриотизма» в рабочих массах, начало их переориентации на идеи «мессианского интернационала — революционаризма», отмечает слабые позиции подлинного, национально — государственного, гражданского патриотизма. После высылки из Петрограда в Москву Потресов организовал выпуск журнала «День», в котором пропагандировал свои взгляды. Накануне революции власти собирались выслать его и из Москвы, но опоздали. Ирония судьбы: социал — демократы, оборонцы — патриоты, стоящие на подлинно гражданских

позициях, подвергались систематическим преследованиям со стороны царских властей и самой резкой критике со стороны интернационалистов, особенно левых, революционных, обвинявших их в социализме и предательстве рабочего дела.

Меньшевики — центристы, ОК — исты и думская фракция, «интернационалисты на словах, оборонцы на деле», в 1915 г. предложили созвать всероссийский рабочий съезд из уполномоченных, избранных в состав рабочих курий ВПК. По их мнению, рабочий съезд должен решить вопрос об участии рабочих в ВПК и определить отношение рабочих масс к войне. Но осуществить эту идею помешала революция. В местных партийных организациях меньшевики колебались и дрейфовали, по мере обострения политической ситуации в стране, от правых — оборонцев к центристам — интернационалистам. Большая их часть поддерживала позиции центристов, им импонировала их умеренная политическая позиция в рамках легальности и тенденция восстановить единую РСДРП. Руководитель заграничной части ОК, представитель РСДРП в Международном социалистическом бюро Аксельрод пытался объединить политэмигрантов под лозунгом «взаимной амнистии», но особого успеха не имел. Чхеидзе лидер думской фракции РСДРП и член ОК подобным образом в России пытался объединить в РСДРП под единой партийной «крышей» оборонцев — патриотов и революционных интернационалистов, но тоже безуспешно.

Левые меньшевики — интернационалисты, мартовцы, в численном и в организационном отношении представляли небольшие группки в эмиграции и не играли значительной роли в рабочем и социалистическом движении в России. Сам лидер этого направления Мартов находился в Швейцарии, где вел ожесточенную публичную полемику с Плехановым и Лениным, обвиняя их в отходе от марксизма. Первым предложивший добраться до России из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию, в апреле 1917 г. Мартов, как ранее Ленин в «пломбированном» вагоне, приехал в Россию, где сразу встал в оппозицию всем и вся.

Межрайонцы и троцкисты в начале 1917 г. также составляли небольшие группки среди политэмигрантов и насчитывали несколько сот членов в России, главным образом в Петрограде и в Москве. Они были малочисленны и организационно слабы. Троцкий, после высылки из Франции за «германофильскую пропаганду» и из Испании за «пацифизм», 1 января 1917 г. высадился в Нью-Йорке, где с «глубокой верой в надвигающуюся революцию» стал работать в редакции газеты «Новый мир». Как обычно, он занялся яростной критикой «всех и вся», от правого уклонизма — ревизионизма до ультра — революционного авантюризма. Свою точку зрения Троцкий, как всегда, считал единственно верной и организовал для ее массовой пропаганды выпуск боевого марксистского еженедельника. Бурная публицистическая деятельность Троцкого выз —

вала ответную негативную реакцию в социалистических кругах Нью-Йорка. Началась яростная склока. Но тут совершенно неожиданно, как снег на голову, произошла Февральская революция в России, и Троцкий срочно выехал на родину «делать революцию». По дороге домой он был арестован в Канаде английскими военными властями как «страшный социалист, с субсидией от германского посольства для низвержения Временного правительства»⁴⁶, и помещен в концлагерь, где взбаламутил немцев матросов и солдат. Несмотря на активное противодействие главы МИД Временного правительства П.Н. Милюкова (автора термина «троцкизм» в 1905 г.), Троцкий как видный политэмигрант — революционер по просьбе Временного правительства был освобожден и приехал в Петроград 4 мая 1917 г.

Крайне левые интернационалисты — революционеры большевики под авторитарным руководством Ленина по мере стремительного роста кризисных явлений и процессов в России радикализировали рабочее движение, особенно в Петрограде, постоянно и методично «вбрасывая» в него революционные лозунги — требования, активно используя памятные даты и юбилеи. Так, 9 января 1917 г. ПК РСДРП(б) и ЦВПК в честь 12-й годовщины «Кровавого воскресенья», они организовали политическую, общегородскую забастовку, в которой приняли участие около 150 тыс. рабочих. Стачка сопровождалась митингами и демонстрациями под общедемократическими и революционными лозунгами. 14 февраля 1917 г., в день открытия зимней сессии IV Государственной Думы, по призыву ПК РСДРП(б) в общегородской стачке участвовало 90 тыс. рабочих.

Ленин в начале 1917 г. находился в нейтральной Швейцарии, твердо веря в победу социалистической революции в одной или нескольких европейских странах — будь то Германия, Австро-Венгрия, Франция или Италия. Но революция совершенно неожиданно началась в отсталой России. Ленину пришлось пережить очередное банкротство своих концепций.

Примечания:

¹ Писарев Ю. «Наши дети будут ходить по Вене...». Сараевское убийство 28 июня 1914 года и «Млада Босна» // Родина. 1993. № 89. С. 16.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 155.

³ Bernard Shaw and Mrs. Patrick Campbell. Their Correspondence. N. — Y. 1952. P. 146 — 147.

⁴ Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. М. 1967. С. 46, 67 — 69.

⁵ Хаффнер С. Революция в Германии 1918 — 1919. М. 1983. С. 47.

⁶ Де Лазари А. Мировая империалистическая война 1914 — 1918 гг. М. 1934. С. 136.

⁷ Народы России. Энциклопедия. М. 1994. С. 90, 156, 248; *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII — XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб. 1994. С. 374 — 385.

⁸ *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М. 1997. С. 307, 313, 315 — 318.

⁹ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 — ти тт. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 февраль 1917 года. М. 1966. С. 162.

¹⁰ *Гарви П.А.* А.Н.Потресов человек и политик // Социалистический вестник. 1934. № 14.

¹¹ Большевицкая фракция IV Государственной Думы. Сборник материалов и документов. Л. 1938. С. 508.

¹² См. более подробно: *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М. 1997. С. 1417.

¹³ *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М. 1993. С. 43.

¹⁴ *Мартов Ю.О.* Избранное. М. 2000. С. 322, 343.

¹⁵ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 февраль 1917. М. 1966. С. 15.

¹⁶ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М. 1992. С. 106 — 107.

¹⁷ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 55. С. 454.

¹⁸ Там же. С. 365.

¹⁹ Там же. Т. 27. С. 299 — 426.

²⁰ Там же. Т. 30. С. 93.

²¹ *Де Лазари А.* Указ. соч. С. 88, 106, 129.

²² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 354. Т. 30. С. 133.

²³ Там же. Т. 27. С. 27.

²⁴ Там же. Т. 30. С. 328.

²⁵ *Крупская Н.К.* Последние дни в эмиграции 1917 г. // Крушение царизма. М. 1986. С. 221.

²⁶ *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2 — х тт. Т. 1. М. 1997. С. 221.

²⁷ Россия в мировой войне 1914 — 1918 гг. (в цифрах). М. 1925. С. 18, 19.

²⁸ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М. 1995. С. 79, 80.

²⁹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. С. 34.

³⁰ Там же. Т. 48. С. 318.

³¹ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. М. 1979. С. 72.

³² Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 218.

³³ Дело провокатора Малиновского. Сост.: *Каптелов Б.И. и др.* М. 1992. С. 20.

³⁴ *Миллер В.И.* К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М. 1989. С. 256.

³⁵ *Валентинов В.* Недорисованный портрет. М. 1993. С. 353.

³⁶ См. подробнее: *Кондаков Н.И., Кленовская Л.А.* Крылатые аргументы. (Афоризмы и крылатые выражения в трудах и выступлениях К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина). М. 1989; *Душенко К.* Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда сказано. М. 1996.

³⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. В 12 — ти тт. Т. 3. М. 1972. С. 266.

³⁸ Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М. 1982. С. 328; *Кохн М.П.* Русские индексы цен. М. 1926. С. 160 — 161; *Уткин А.И.* Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июнь 1907 — февраль 1917 г.). М. 1985. С. 102 — 107.

³⁹ *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М. 1995. С. 239 — 252; *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. М. 1999. С. 55, 56.

⁴⁰ *Fisher Fritz.* Griff nach der Weltmacht. // Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen. Dusseldorf. 1961. S. 174. Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко — большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб. 2001. С. 8.

⁴¹ Россия в мировой войне 1914 — 1918 гг. (в цифрах). М. 1925. С. 26.

⁴² *Малышев А.И., Таранков В.И. Смиранный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М. 1991. С. 76.

⁴³ *Дементьев Г.А.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро — Венгрией до конца 1917 г. П. 1917. С. 49.

⁴⁴ Святой черт. Сборник. М. 1990.

⁴⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М. 1966. Стлб. 466 — 467.

⁴⁶ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М. 1991. С. 275.

Февральское восстание в Петрограде и падение монархии

22 февраля 1917 г. Николай II уехал из столицы в Ставку, в г. Могилев, после двухмесячного пребывания в Царском Селе, вызванного убийством Г.Е. Распутина. Это время оказалось потерянным для мирного разрешения назревшего в стране политического кризиса. На поверхности событий он выглядел как конфликт между Государственной Думой, с одной стороны, и императором и царским правительством — с другой. Дума требовала от Николая II отправить Совет министров в отставку и призвать к власти «Правительство доверия страны», составленное из либеральных депутатов и общественных деятелей. Двукратная встреча Николая II с председателем IV Государственной Думы М.В. Родзянко, обращения к императору великих князей, английского посла Дж. Бьюкенена с просьбами пойти навстречу Думе оказались безрезультатными.

Отказываясь от компромисса, царь в то же время пошел на усиление репрессий. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов в конце января 1917 г. арестовал членов Рабочей группы при Центральном военном — промышленном комитете. Войска и полиция разогнали рабочие демонстрации в Петрограде 10 и 14 февраля. На день открытия очередной сессии Государственной Думы 14 февраля войска и полиция по специально разработанной еще 8 февраля диспозиции взяли столицу под полный контроль. Все это раздражало и оппозицию в Думе, и рабочих, и жителей Петрограда. Обстановка накалилась до предела.

К тому же в Петрограде неожиданно начались перебои с хлебом. 18 февраля из — за снежных заносов на Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге на несколько дней прекратился подвоз зерна к столице. Так как в городе не было его запасов, то резко сократилось производство муки и продажа печеного хлеба. Через три дня перебои закончились, но недовольство населения Петрограда не спадало. Рабочих взбудоражило также известие о забастовке на Ижорском заводе в пригороде столицы

Колпино. Вслед за ней был объявлен локаут (общее увольнение) на крупнейшем предприятии города, Путиловском заводе, где работало свыше 30 тыс. рабочих. Эти события до предела взвинтили недовольство царской властью, а немногочисленным организациям нелегальных революционных партий создали благоприятные условия для антиправительственной агитации.

23 февраля (8 марта по новому стилю) в ответ на листовки социал-демократического «Межрайонного комитета» с призывом к женщинам-работницам забастовать в «Международный день рабочих» в знак протеста против продолжения войны, дороговизны и продовольственных затруднений бросили работу около 70 тыс. рабочих на заводах и фабриках промышленного Выборгского района Петрограда. Их поддержали несколько десятков тысяч рабочих и работниц других районов столицы. События сразу же приняли бурный и острый характер. Забастовщики заполнили ряд улиц района, появились самодельные красные флаги и лозунги «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Начались погромы продовольственных магазинов и булочных.

Власти ввели в действие план борьбы с уличными беспорядками, опробованный уже 14 февраля. На помощь полиции, не сумевшей их пресечь, были направлены 12 тыс. солдат из гвардейских запасных частей Петроградского гарнизона. Они преградили заставами путь забастовщикам в центр города, заняли подходы к мостам через реку Неву. Волнения и демонстрации в городе шли до позднего вечера. Они продолжались 24 и 25 февраля. Количество забастовщиков выросло до 250 тыс. человек. Это составляло 60% всех промышленных рабочих города. Сквозь воинские заставы десятки тысяч рабочих прорывались в центр города. На главной улице столицы, Невском проспекте, возникали митинги и демонстрации. Комитеты партий эсеров, большевиков, меньшевиков в меру своих небольших сил старались вести агитацию на улицах, однако охватить своим влиянием сотни тысяч забастовщиков они не имели возможности. События разрастались стихийно, толпа сама выделяла своих новых вожаков и лидеров. В ночь на 25 февраля полиция арестовала свыше 100 руководящих работников революционного подполья, в том числе 5 членов Петербургского комитета большевиков. Государственная Дума вплоть до 24 февраля на своих заседаниях выражала солидарность с бастующим населением, однако трактовала события только как беспорядки из-за продовольственного кризиса. Следующее заседание Думы было назначено на 28 февраля¹.

Вечером 25 февраля 1917 г. командующий войсками гарнизона генерал Хабалов, военный министр Беляев и министр внутренних дел Протопопов отправили царю в Могилев телеграммы о невозможности справиться с событиями. Около 10-ти вечера от Николая II пришел ответ с повелением «завтра же прекратить беспорядки». Утром 26-го солдатам,

отправляемым в заставы, впервые за время событий были розданы боевые патроны. Это был воскресный день, поэтому первые демонстранты появились в центре города только после полудня. Власти изменили тактику: мосты были свободны, но Невский проспект от Знаменской площади до Казанской улицы был перегорожен воинскими заставами в пяти местах. Началась стрельба. Сотни демонстрантов были ранены или убиты. На Екатерининском канале одна из рот запасного батальона гвардии Павловского полка отказалась идти на Невский и обстреляла взвод конной — полицейской стражи. Солдат увели в казармы, заставили выдать «зачинщиков», 19 человек отправили в Петропавловскую крепость, но 21 солдат во время разбирательства сбежали с оружием.

Председатель Думы Родзянко направил царю телеграмму с требованием немедленно назначить новое правительство, так как события угрожают династии. Но никакого ответа не последовало. Более того, председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын направил Родзянко за ранее подготовленный царский указ о перерыве в работе Государственной Думы с 27 февраля до начала апреля 1917 г. Родзянко сообщил об этом руководителям фракций и официальное заседание Думы назначил на утро 27 февраля².

Стрельба в народ после трех дней промедления и братания войск с демонстрантами у запасных солдат вызвала резкое недовольство и чувство вины в том, что они стреляли в своих братьев. Солдаты 4-й роты запасного батальона гвардии Волынского полка по предложению унтер-офицера Тимофея Кирпичникова решили утром 27 февраля выказать свое неповиновение командиру, штабс-капитану Лашкевичу. На утреннем построении в ответ на приветствие они закричали «Ура!». Лашкевич повернулся и пошел прочь. Раздался выстрел, Лашкевич был убит. В возбуждении солдаты захватили цейхгауз, разобрали винтовки и патроны и покинули казармы. Они присоединили к себе всех солдат части и по Парадной улице добежали до Кирочной и Таврического сада. Здесь они ворвались в казармы одной из рот запасного батальона гвардии Преображенского полка и увлекли их за собой. Затем к восставшим присоединились солдаты 6-го саперного запасного батальона. Достигнув Литейного проспекта, солдаты соединились с рабочими Орудийного и Петроградского патронного заводов. Рабочие стояли у ворот своих предприятий и не приступали к работе. Они бурно приветствовали вооруженных солдат. Раздались призывы к захвату Окружного суда и Дома предварительного заключения. Среди ораторов на митинге появился и первый председатель Петербургского Совета 1905 г. адвокат Хрусталев — Носарь, напомнивший о событиях первой революции. Здание Окружного суда запылало, а солдаты и рабочие бросились к воротам Дома предварительного заключения. Они захватили тюрьму и выпустили оттуда заключенных, не только политических, но и уголовников.

После этого толпа двинулась к Александровскому (Литейному) мосту. Около 20 тыс. человек плотной массой шли по мосту на Выборгскую сторону. Там, у начала моста, им преграждала путь застава из солдат. Они не выдержали и расступились — путь на Выборгскую был открыт. Солдаты и рабочие захватили Финляндский вокзал, начался часовой митинг. На нем выступали ораторы разных партий, в том числе М.И. Калинин от большевиков. А затем толпа разделилась: часть ее направилась к казармам Московского полка и оттуда вместе с москвочами, перешла на Петроградскую сторону к казармам Гренадерского полка. Большая же часть толпы повернула по Арсенальной набережной к тюрьме «Кресты». Восставшие захватили эту самую большую в Петрограде тюрьму и выпустили все две тысячи заключенных, в том числе десять членов Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, арестованных Протопоповым еще 29 января. По партийной принадлежности они были меньшевиками — оборонцами, толпа встретила их как героев революции. Меньшевики призвали восставших идти к Таврическому дворцу, чтобы поддержать Государственную Думу, которая и стала центром движения.

С утра 27 февраля свыше трехсот депутатов, добравшихся пешком до Думы, собрались в ее Белом зале. М.В. Родзянко зачитал указ о перерыве в ее работе, и депутаты молча стали расходиться. Тогда совет старейшин огласил свое постановление: в связи с событиями в городе не покидать Таврического дворца. Решено было собраться на «частное заседание» в Полуциркульном зале, находившемся за стеной президиума. Вплоть до двух часов дня продолжалась дискуссия о «текущем моменте» и высказывались разные предложения. Самым радикальным было мнение «товарища» (заместителя) председателя Думы левого кадета Н.В. Некрасова о назначении военным диктатором столицы генерала А.А. Маниковского, симпатизировавшего партии кадетов. Но оно не было принято. А в это время ко дворцу подошла огромная толпа солдат и рабочих. Небольшой караул, поставленный еще старой властью, взял винтовки на изготовку. Только вмешательство депутата Думы председателя фракции трудовиков А.Ф. Керенского, «отпустившего» прежний караул и назначившего «новым» из первых попавшихся солдат, предотвратило неизбежное кровопролитие. Новый караул сам вошел во дворец, и с ним туда же хлынули восставшие.

В комнате бюджетной комиссии Государственной Думы собрались представители подпольных партий, члены Думы, ранее встречавшиеся друг с другом на информационных совещаниях, социал-демократы и трудовики, журналисты. Они объявили о создании временного исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов и напечатали листовки о проведении выборов на заводах (по одному представителю от тысячи рабочих) и о созыве первого заседания Совета в 7 часов

вечера 27 февраля. В то же время в Полуциркульном зале члены Думы избрали «Временный комитет Государственной Думы для восстановления порядка в столице и для сношений с учреждениями и лицами». В него вошло бывшее бюро Прогрессивного блока Думы, дополненное председателем социал — демократической фракции меньшевиком Чхеидзе и председателем Трудовой группы Керенским. Так образовались два центра движения, два ядра будущей новой власти.

А за стенами Таврического дворца продолжало расширяться восстание. Им были охвачены вся Петроградская сторона, центр города, ряд других районов. Царские власти Совет министров в Мариинском дворце, штаб округа на Дворцовой площади оказались окруженными восставшим городом. Попытка штаба послать для захвата Таврического дворца военный отряд под командованием полковника Кутепова закончилась неудачей: отряд дошел по Невскому проспекту от здания Адмиралтейства до угла Литейного и там растворился в огромной толпе восставших, заполнившей весь проспект. К 10 часам вечера к Таврическому дворцу подошел в полном составе и с офицерами запасный батальон гвардии Преображенского полка. После этого Родзянко уступил настойчивым советам руководителей Прогрессивного блока и объявил о том, что Временный комитет Думы берет в свои руки власть и приступает к созданию нового правительства. Комендантом Петрограда был назначен депутат Думы полковник Преображенского полка Б.А. Энгельгардт.

К полуночи в Таврический дворец прибыло около 70 избранных на заводах депутатов Петроградского Совета рабочих депутатов. В присутствии свыше 200 прочих представителей социалистических партий и журналистов левого толка Совет начал свою работу. Председателем Петроградского Совета был избран Чхеидзе, завоевавший ранее, в качестве председателя думской социал — демократической фракции, большую популярность. Совет принял ряд важных решений: назначил комиссаров на вокзалы и в важные стратегические места города, организовал вооруженную рабочую милицию из расчета один милиционер на сто рабочих. Со своей стороны Думский комитет назначил своих эмиссаров в министерства и ведомства для обеспечения их бесперебойной работы. Через автономную систему железнодорожного телеграфа из министерства путей сообщения были отправлены по всей России циркулярные телеграммы с изложением событий в Петрограде. Поздно вечером 27 февраля и в ночь на 28 — е в Таврический дворец стали приводить первых арестованных министров и сановников царской власти. Последний министр внутренних дел А.Д. Протопопов сам пришел во дворец и сдался Керенскому³.

Днем 28 февраля 1917 г. революция в Петрограде успешно продолжалась. Присоединились к восстанию воинские части, расположенные на Васильевском острове. Матросы крейсера «Аврора», стоявшего на

ремонте у Франко — Русского завода, подняли мятеж, убили командира и присоединились к восставшим. Была занята Петропавловская крепость, захвачены все тюрьмы, сожжена тюрьма «Литовский замок». По всему городу громили или сжигали полицейские участки. Захватили также Ох — ранное отделение и разгромили его архив, сожгли архив Петроградской городской думы. Быстро формировалась народная милиция из студентов и старших гимназистов, а также рабочая милиция. По городу шла охота за полицейскими. В то же время с крыш некоторых домов, где располо — жились посты противовоздушной обороны, раздавались пулеметные оче — реди. Десятки случайных людей были убиты и ранены. Фактически рас — поряжался в городе Совет рабочих депутатов. Временный комитет Госу — дарственной Думы вызвал в Петроград из Москвы председателя Все — российского земского союза князя Г.Е. Львова, которого намечали в пред — седатели нового, Временного правительства.

В Могилеве Николай II после колебаний выслал в Петроград кара — тельный отряд во главе с генералом Н.И. Ивановым, а вслед за ним выехал в Царское Село и сам. Но в ночь на 1 марта он смог доехать только до станции Малая Вишера Николаевской железной дороги. Там было получено сообщение, что на станции Любань разместился рево — люционный караул, имеющий целью арестовать царя. После этого Ни — колай II приказал ехать в Псков, в ставку главнокомандующего войсками Северного фронта. В Псков поезда прибыли в 7 часов вечера 1 марта.

В Петрограде 1 марта к Таврическому дворцу непрерывным потоком двигались воинские части гарнизона, чтобы заявить о поддержке Госу — дарственной Думы, Петроградского Совета. Перед ними выступали Род — зянко, Керенский, Милюков и другие лица, известные своей думской и общественной деятельностью. Сенсацией стало прибытие матросов Гвар — дейского флотского экипажа во главе с его командиром, великим князем Кириллом Владимировичем. Его шинель была украшена красным бантом, и он заявил о поддержке Временного комитета Думы. Из Царского Села прибыла делегация от Собственного Его Величества Конвоя, чтобы зая — вить о присоединении к революции. Стало ясно, что в столице у царя нет никакой опоры. Генерал Иванов, прибыв со своим отрядом в Царское Село, был встречен делегацией местного гарнизона, заявившей, что они перешли на сторону революции. Генерал приказал отвести войска на 50 — 70 км от Царского Села.

Охрану города несла рабочая и народная милиция. Все полицейские попрятались. Догорали здания Окружного суда, Литовского замка и по — лицейских участков. С аптек и государственных учреждений сбивали ненавистные двуглавые императорские орлы и сжигали их прямо на улицах. Восторженные толпы петроградцев заполняли проспекты и на — бережные. Однако время от времени раздавались выстрелы и пулемет — ные очереди, все еще гибли отдельные люди.

Петроградский Совет занял под свои заседания Белый зал Тавричес — кого дворца, в то время как Думский комитет разместился в кабинете председателя Думы. Был переизбран на постоянной основе исполком Совета. Он носил левоцентристский характер: большинство принадле — жало пока меньшевикам — интернационалистам, эсерам левого направ — ления и большевикам. Временный комитет Государственной Думы 1 марта обсудил состав нового правительства. Из Москвы были получены све — дения об учреждении Комитета общественных организаций и советов рабочих и солдатских депутатов. Революция в Москве победила бес — кровно.

Вечером 1 марта и в ночь на 2 — е марта делегация исполнительного комитета Петроградского Совета встречалась с делегацией Временного комитета Государственной Думы для обсуждения программы и состава Временного правительства. Представители Совета заявили, что не пре — тендуют на вхождение в правительство, но требуют, чтобы оно объявило о программе необходимых политических реформ. Пункты этой про — граммы были продиктованы меньшевиками — интернационалистами Н.Н. Сухановым и Ю.М. Стекловым и записаны кадетом Милюковым. В эти же часы члены Исполкома и солдатские депутаты выработали знамени — тый Приказ № 1 по петроградскому гарнизону. Приказ крайне безот — ветственный. Он отменял отдавание чести, стойку «смирно», создавал в частях, начиная от роты, солдатские комитеты и передавал им контроль за вооружением части. Все выступления военных частей, если они при — обретали политический характер, могли происходить только по приказу Петроградского Совета. Этот приказ вскоре распространился на всю армию. Он серьезно подорвал единоличную власть командиров, спо — собствовал общему ослаблению воинской дисциплины и в конечном счете падению боеспособности русской армии. В благодарность за полученные права солдаты обязались повиноваться только Петроградскому Совету, а не Думскому комитету. Борьбу за главную вооруженную силу в столице Совет выиграл.

В Пскове 1 марта в 8 часов вечера во время обеда в царском поезде главнокомандующий войсками Северного фронта генерал Н.В. Рузский рассказал Николаю II о положении в столицах. Царь также получил письма и телеграммы от императрицы; она писала, что «уступки необходимы». Он связался по буквопечатающему телеграфному аппарату системы Юза (так называемому прямому проводу) со Ставкой и поручил составить Манифест об образовании «правительства доверия» во главе с предсе — дателем IV Государственной Думы Родзянко. Себе он оставлял право назначить четырех министров: двора, военного, внутренних дел и инос — транных дел.

В эту же ночь Родзянко связался по прямому проводу с Рузским. Тот сообщил о действиях Николая II и передал уже составленный текст ма —

нифеста. Но Родзянко заявил, что этой меры уже недостаточно, так как происходит «невиданных размеров солдатский бунт», и что «ребром поставлен вопрос династический». От царя требовалось отречение от престола с передачей его сыну, великому князю Алексею Николаевичу и назначением до его совершеннолетия регента, младшего брата императора, великого князя Михаила Александровича. Рузский передал текст этого разговора в Ставку, начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву. Последний давно симпатизировал либерам либеральной оппозиции и находился с некоторыми из них в тайной переписке. Эти телеграммы он срочно передал всем главнокомандующим фронтами и флотами и от себя добавил, что нужно посылать в Псков императору просьбу об отречении.

Днем 2 марта Думский комитет обнаружил, что в войсках получен Приказ № 1 Петроградского Совета. Лишенные военной поддержки в столице комитет и образующееся Временное правительство оказались теперь в руках Совета. Милюков на огромном митинге в Екатерининском зале Таврического дворца огласил состав Временного правительства и объявил о создании конституционной монархии во главе с Алексеем Николаевичем. Это сообщение вызвало бурю агрессивного недовольства. Родзянко вынужден был выйти к участникам митинга и заявить, что Милюков высказал только «свое личное мнение». А на общем собрании Петроградского Совета была высказана поддержка Временному правительству «постольку, поскольку» оно станет проводить обещанные реформы.

На этом предложении, исходившем от меньшевиков а они в исполнении Совета составляли большинство сказались их представлениям о чисто буржуазном характере происходившей революции. Поэтому и власть в государстве закономерно должна перейти к представителям буржуазии. Большинство же депутатов Совета в политике были абсолютными новичками, не разбирались в различиях между социалистическими партиями, вполне удовлетворялись словами о контроле над правительством со стороны Совета. К тому же Керенский, который собирался войти в правительство в качестве министра юстиции, минуя президиум Совета, обратился прямо в зал с просьбой оказать ему доверие и одобрить его вступление в правительство. Депутаты, уже знакомые с деятельностью Керенского и до революции, и в самые последние дни, единодушно одобрили его вхождение во Временное правительство.

На этом заседании выступили и большевики (в частности В.М. Молотов), предложившие, согласно взглядам Ленина времен Первой русской революции, создать от имени Совета Временное революционное правительство без буржуазии. Это предложение было отвергнуто подавляющим большинством, как и предложение правых меньшевиков послать представителей Совета в правительство и создать коалиционную власть.

Так 2 марта 1917 г. были заложены основы сложных отношений между официальным Временным правительством и неофициальным центром власти Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Еще днем 2 марта по поручению Временного комитета Государственной Думы в Псков к Николаю II была отправлена специальным поездом делегация в составе члена Государственного Совета, лидера партии октябристов А.И. Гучкова и депутата Государственной Думы, «прогрессивного националиста» В.В. Шульгина в сопровождении сим-волической охраны из пяти вооруженных солдат. Они везли с собой сочиненный ими текст отречения царя в пользу сына. В Пскове еще не знали об отправке этой делегации. А из Могилева от генерала Алексе-ева прибывали все новые телеграммы от командующих фронтами и адмиралов с требованиями отречения. За это высказались все, также и присутствующие в Пскове генералы. В 3 часа дня 2 марта император принял решение отречься в пользу сына. Были составлены две телеграммы и для отправки в Петроград и Могилев переданы генералу Рузскому. Однако в этот момент Рузский узнал, что в Псков едут Гучков и Шульгин. Он решил не отправлять телеграммы, а дожидаться приезда посланцев Думы.

Гучков и Шульгин прибыли около 10 часов вечера. Рузский не успел их перехватить, и они встретились только в салон — вагоне императорского поезда. Думские посланцы стали убеждать Николая II в необходимости отречься от престола. Рузский сказал, что это «дело решенное», и протянул телеграммы. Но царь перехватил их и продолжал слушать Гучкова и возражать ему. После длительных переговоров Николай II заявил, что уже принял решение: так как Алексей болен наследственной болезнью, несвертываемостью крови, он передает престол непосредственно Михаилу Александровичу и отрекается и за себя, и за сына. Это нарушало положения Основных государственных законов о престолонаследии, однако Гучков и Шульгин, обуреваемые желанием быстрее привезти в Петроград документ об отречении, решили пренебречь этими юридическими тонкостями. Были составлены новые тексты отречения, и телеграмма об этом была послана в Таврический дворец. Затем Гучков и Шульгин выехали обратно в столицу, а Николай II утром 3 марта поехал в Ставку.

В Петрограде же в Таврическом дворце состоялась новая встреча делегаций исполнительного комитета Петроградского Совета и Временного правительства. По настоянию Совета в подготовленную Декларацию Временного правительства были добавлены пункты о предоставлении солдатам на время вне службы всех гражданских прав и о том, что Временное правительство не воспользуется обстоятельствами военного времени для «какого — либо промедления в осуществлении» намеченных реформ и мероприятий. Ночью во дворце была получена телеграмма из Пскова о том, что царь отрекся за себя и за сына в пользу Михаила.

После бурных споров члены Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства решили поехать на квартиру к князю Путятину, где временно остановился застигнутый врасплох событиями революции великий князь Михаил Александрович. Только Милюков высказался за принятие короны Михаилом. Все остальные участники совещания, включая и Родзянко, убеждали великого князя не принимать сейчас трон. Вскоре на квартиру князя Путятина прибыли и приехавшие из Пскова Гучков и Шульгин. Их заявление на митинге рабочих железнодорожных мастерских о том, что теперь императором будет Михаил, вызвало у тех гневное возмущение. Гучков и Шульгин еле вырвались и едва сохранили текст манифеста. Из — за ненависти народных масс к династии Романовых сохранить монархию в России было трудно, а по мнению многих, и вовсе невозможно.

К такому решению пришли в ходе споров и на совещании с великим князем Михаилом. Днем 3 марта был составлен по его поручению Акт об отказе от принятия верховной власти. В нем население призывалось к повиновению Временному правительству, «по почину Государственной Думы возникшему». Что же касается принятия трона, то Михаил был согласен на это только в том случае, если Учредительное собрание, избранное на основе всеобщих выборов, выскажется за монархию как форму правления Российского государства.

4 марта 1917 г. оба документа, Манифест Николая II об отречении и Акт об отказе от принятия верховной власти Михаилом, были опубликованы. Вскоре министру юстиции Временного правительства Керенскому были переданы акты, аналогичные подписанному Михаилом Александровичем, по которым все члены Дома Романовых, имевшие права на престолонаследие, отказывались от них вплоть до решения Учредительным собранием вопроса о форме правления.

Вначале Временное правительство собиралось разрешить царской семье выехать в Англию, но Петроградский Совет решительно воспротивился этому и настоял на ее аресте. Новый главнокомандующий войсками Петроградского гарнизона генерал Л.Г. Корнилов лично арестовал императрицу Александру Федоровну и августейших детей в Александровском дворце Царского Села. Вскоре сюда был доставлен для содержания под домашним арестом и Николай II. В начале августа 1917 г., в связи с обострением политической обстановки и твердым официальным отказом английского короля, переданным по секретным дипломатическим каналам, дать убежище бывшему царю и его семье в Англии, царская семья была отправлена в г. Тобольск, где проживала в губернаторском доме. В начале сентября 1917 г. Керенский, ставший к тому времени уже министром — председателем Временного правительства, торжественно объявил, что государственным строем Российского государства стала республика. С монархией в стране было покончено⁵.

Март—июнь 1917 года

3 марта 1917 г. была опубликована Декларация Временного правительства. Обращаясь к гражданам страны, Временный комитет Государственной Думы объявлял, что при содействии и сочувствии столичных войск и населения он достиг такой степени успеха над темными силами старого режима, что может назначить новую исполнительную власть из лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью. Председателем правительства был назначен князь Г.Е. Львов; министром иностранных дел — Милоков; военным и морским министром — Гучков; министром путей сообщения — Н.В. Некрасов; министром торговли и промышленности — А.И. Коновалов; министром финансов — М.И. Терещенко; министром просвещения — А.А. Мануилов; обер-прокурором Святейшего синода — В.Л. Львов; министром земледелия — А.И. Шингарев; министром юстиции — Керенский. Из десяти членов правительства четыре принадлежали к партии кадетов, один был октябристом, один прогрессистом. Керенский заявил, что с 1905 г. он принадлежит партии эсеров. Г.Е.Львов, Терещенко и В.Л.Львов формально не входили в какую-либо партию. В целом правительство можно было бы охарактеризовать как кадетско-октябристское.

В своей программе правительство обещало полную и немедленную амнистию по всем политическим делам, свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, немедленную подготовку на основе всеобщих выборов Учредительного собрания, которое «установит форму правления и конституцию страны». Затем говорилось о замене полиции народной милицией (с выборным начальством), подчиненной органам местного самоуправления, а также о всеобщих выборах в эти органы. Особо оговаривались, что воинские части, примкнувшие к революционному движению, останутся при оружии и не будут выведены из Петрограда.

На первом же заседании 4 марта Временное правительство объявило не действующими Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. Следовательно, приостанавливалась работа старых законодательных учреждений: IV Государственной Думы и Государственного Совета. Временное правительство получало всю полноту верховной (принадлежавшей ранее императору) законодательной и исполнительной властей. Все временные законы издавались теперь непосредственно Временным правительством. И оно действительно в течение марта—апреля издало ряд важных законов, определивших направление демократических преобразований российского общества. Это законы о выборах в новые органы самоуправления — городские думы и земства, о фабрично-заводских комитетах, о примирительных камерах для разрешения трудовых споров, о

новом временном суде и пр. Военный министр и главнокомандующий со своей стороны издали ряд приказов о формировании воинских и морских комитетов⁶.

Однако новые законы регулировали далеко не всю государственную и общественную жизнь. Большей частью они оказывались под властью традиции и революционного «правотворчества» общественных организаций, быстро возникавшим «революционным правом». Революция в большинстве губерний, областей и краев России, не оккупированных неприятелем, прошла мирно, хотя в ряде городов старые губернаторы или начальники гарнизонов и полиции были арестованы или убиты. 5 марта Временное правительство сместило всех губернаторов и заменило их «губернскими комиссарами». Ими были назначены председатели губернских земских управ. Так возникла новая исполнительная вертикаль. Комиссаров назначал и Петроградский Совет, особенно в воинские части и на фронт. Затем эти комиссары также перешли в подчинение Временному правительству.

Самые большие перемены произошли в правоохранительных органах. Старая полиция была ликвидирована. Вместо нее была создана милиция из представителей разных слоев демократического населения, солдат и рабочих. Старые навыки борьбы с преступностью были утрачены, но выручало то, что преступники выжидали дальнейшего развития событий. Пока же все тюрьмы стояли пустыми и с открытыми дверями. Уволены были старые прокуроры и часть судебных следователей. На их место, как правило, назначали присяжных поверенных (адвокатов), отличавшихся демократическими убеждениями.

В военном ведомстве Гучков во время поездок на фронт уволил свыше ста старых генералов и продвинул на их места более молодых и способных командиров⁷. На Балтийском флоте смена власти прошла очень болезненно, так как рознь и вражда между матросами и офицерами были там особенно сильны. В Гельсингфорсе, главной базе Балтийского флота, был убит матросами командующий флотом адмирал А.И. Непенин. Командант Кронштадтской крепости Р.Н. Вирен был также убит. Сотни офицеров были арестованы и посажены самовольно матросами на гауптвахту в Кронштадте. Гучков вынужден был своим приказом отменить ношение флотскими офицерами золотых погон, а центр кокарды следовало окрашивать в красный цвет. Вскоре романовская овальная кокарда на флоте была заменена «красным», дожившим и до сегодняшнего дня. На Черноморском флоте вначале обошлось без эксцессов. Командование флотом даже послало в Петроград «Черноморскую делегацию», которая должна была «усоветить» матросов и уговорить их подчиняться приказам офицеров. Но делегаты, познакомившись с вольной жизнью балтийцев, по возвращении в Крым сами стали лучшими революционными агитаторами. В конце мая матросы потребовали сменить командующего

Черноморским флотом адмирала А.В. Колчака, и он едва вырвался из Севастополя.

На фронте всякие военные действия прекратились. Небольшое наступление немцев в середине марта 1917 г. вызвало катастрофическое отступление русских войск на реке Стоход. После этого установилось затишье. Немецкие и русские солдаты встречались на нейтральной полосе, занимались меновой торговлей, говорили о скором конце войны. Это «братание» началось по инициативе самих солдат и, несмотря на запрет начальства, охватило многие фронты.

Главной чертой нового строя была свобода и массовая деятельность различных политических, общественных и профессиональных добровольных организаций. Свобода слова и печати была полнейшей. Митинги и собрания устраивались кем угодно и по любому поводу. Это было новинкой, и поэтому в марте и апреле 1917 г. по всей стране разливался могучий поток митингов. Издание газет и журналов не требовало никакого разрешения, и их могли издавать любая организация или частное лицо, способные оплатить типографские расходы. Свобода уличных демонстраций также была быстро усвоена населением. В городах и селах проходили демонстрации и шествия по случаю победы над старым строем. Особенно часто устраивались манифестации в Петрограде. Тут были демонстрации учащихся и солдаток, получавших пайки за мобилизованных мужей, Лиги равноправия женщин и мусульман, воинских частей и пожилых солдат, инвалидов и официантов. 23 марта 1917 г. Временное правительство устроило государственную манифестацию в честь похорон «Жертв революции». Это были неопознанные трупы людей, погибших от расстрелов и случайных выстрелов в дни 26 февраля — 3 марта. По специально разработанному церемониалу на Марсово поле демонстранты принесли 173 гроба, под звуки орудийного салюта они были погребены в четырех глубоких братских могилах в центре площади.

18 апреля (1 мая по новому стилю) День пролетарской солидарности рабочие России впервые праздновали открыто. Традиция «маевок» зародилась в стране еще в конце XIX века. Но теперь впервые этот день праздновался легально и широко. В Петрограде около полумиллиона человек приняло участие в шествиях и митингах. Заводские комитеты не пожалели денег на изготовление красных знамен и транспарантов. На Марсовом поле, на Дворцовой и Исаакиевской площадях состоялись огромные многочасовые митинги.

Но прошло не так уже много времени, и праздник свободы и радости освобождения сменился новыми демонстрациями, где отчетливо проявились разные представления о задачах революции и различные интересы. Внезапный переход от сильной и всепроникающей царской власти к новой, демократической вначале не ощущался населением страны. Похищение закона и власти шло по инерции, по обычаю. Но вскоре стало

заметно, что если слом старой государственной машины идет успешно, то строительство новой проходит медленнее и отстает от запросов жизни.

Советы, созданные по образцу Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в несколько недель покрыли собою всю страну. Один депутат избирался в зависимости от местных условий от 100, 500 или 1000 рабочих. Выборы проходили на пропорциональной основе, кандидаты выставляли действующие на предприятиях комитеты политических партий. Советы, таким образом, были многопартийными.

В первые 5 — 6 месяцев революции в Советах преобладали представители наиболее популярных тогда партий социал — демократов, главным образом меньшевиков и социалистов — революционеров (эсеров). Эсеры стали организаторами и руководителями автономной сети Советов крестьянских депутатов. Меньшевики и эсеры рассматривали Советы как органы классового представительства рабочих, солдат и крестьян, органы воздействия на Временное правительство, дабы его политика была в интересах трудящихся. Большевики же считали Советы «новым типом» демократического государства, органами будущей пролетарской власти. Однако в первые месяцы революции влияние большевиков на формирование политической позиции Советов было незначительным.

Самостоятельными общественно — политическими организациями стали войсковые и флотские комитеты. Созданные по желанию и требованию солдатской массы, они содействовали превращению анархической по своей природе силы протеста против угнетения со стороны офицеров в организованный поток демократического движения. Единоличная власть офицеров в воинских частях была основательно подорвана Приказом № 1 Петроградского Совета и заменена коллегиальной властью комитетов. Но от дивизии и выше в комитетах было больше офицерских депутатов, которые старались восстановить власть командиров. Солдатские комитеты тоже строились на выборной пропорциональной партийной основе. Так как солдаты большей частью были из крестьян, в солдатских комитетах почти безраздельно главенствовала партия эсеров. Лишь постепенно туда стали проникать и большевики.

Политические, материальные и социальные интересы рабочих на предприятиях стали отстаивать две новые общественные системы. Во — первых, фабрично — заводские комитеты. Это были Советы в миниатюре. Они избирались по партийным спискам на пропорциональной основе и представляли политические интересы рабочего коллектива, вмешивались в управление предприятием, а вскоре стали органами «рабочего контроля». Кроме того, на предприятиях создавались профессиональные союзы. Они строились строго по профессиям, и на одном заводе могло быть несколько профсоюзов (например, на судостроительном были профсоюзы деревообделочников и металлистов). На протяжении почти всей

революции 1917 года профсоюзами руководили меньшевики, а в руководстве фабзавкомов по ходу развития политической борьбы стали преобладать большевики. По призыву левых партийных организаций и фабзавкомов еще в конце марта стали создаваться «Красная гвардия», вооруженные дружины из рабочих, призванные защищать интересы пролетариата и революции. Меньшевики и Петроградский Совет резко выступили в конце апреля против Красной гвардии (которая провела в Петрограде свою первую конференцию), и ее организация замедлилась. Осенью 1917 г. Красная гвардия стала возрождаться уже под политическим руководством большевиков⁸.

Новые общественные корпоративные организации быстро проявили тягу к объединению во всероссийском масштабе. Уже в конце марта в Петрограде состоялось Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. В мае 1917 г. прошла первая конференция фабзавкомов. Тогда же состоялся Всероссийский съезд крестьянских депутатов, избравший Всероссийский Совет крестьянских депутатов. С 3 по 24 июня в Петрограде прошел Первый Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов, избравший Центральный исполнительный комитет Советов. Таким образом, помимо Временного правительства, его комиссаров и реформируемых органов самоуправления на местах, в стране создавалась мощная и разветвленная система общественных организаций, которые фактически взяли на себя часть государственного управления.

Наконец, самой характерной чертой этого замечательного по своему общественному содержанию времени была организация и деятельность массовых политических партий. В царской России после Первой русской революции легально существовали лишь несколько партий: Союз русского народа, Всероссийский национальный союз и Союз 17 октября. Даже конституционно-демократическая партия (кадеты), отказавшаяся подписать обязательство о лояльности правительству, формально осталась нелегальной. Подпольными были и все социалистические партии: социал-демократов (меньшевики и большевики), социалистов-революционеров, народно-социалистическая, союз эсеров — максималистов, анархисты, национальные социалистические партии. Все ранее запрещенные партии получили теперь свободу расширять свои организации и сферу своего влияния. В наихудшем положении оказались большевики и эсеры. В отличие от меньшевиков и трудовиков, они не имели накануне революции ни своих легальных представительств, ни газет.

В момент выхода из подполья во вновь открытые в столице районные комитеты большевиков пришло лишь около двух с половиной тысяч человек, а по всей России в марте числилось только 23 тыс. большевиков. В середине марта в Петроград вернулись из сибирской ссылки члены ЦК Л.Б. Каменев и И.В. Сталин. Во время Всероссийского совещания Советов большевистские делегаты провели несколько встреч и обсудили по —

литическое положение в стране. Только вечером 3 апреля из эмиграции, проехав в экстерриториальном вагоне через Германию, а затем через Швецию и Финляндию, в Петроград возвратились Ленин и несколько членов большевистского ЦК.

Еще в Швейцарии, узнав о победе революции, Ленин пришел к выводу о том, что свержение царизма есть только первый этап революции. Теперь надо бороться за ее переход ко второму этапу: передаче власти в руки пролетариата и его союзника, беднейшего крестьянства. Эту программу Ленин изложил 4 апреля 1917 г. на двух совещаниях в Таврическом дворце, а 7 апреля опубликовал в виде тезисов и комментариев к ним в большевистской газете «Правда». Она встретила неоднозначное отношение даже внутри большевистской партии, в частности со стороны Каменева. В дискуссии, которая продолжалась на VII (апрельской) Всероссийской конференции большевиков, Ленина поддержало большинство делегатов. К открытию конференции большевистские организации насчитывали уже свыше 70 тыс. членов, а к июлю свыше 200 тыс.⁹

Меньшевики в период Первой мировой войны сумели сохранить свой легальный центр — фракцию в Государственной Думе, имели представителей в рабочих группах при военно — промышленных комитетах, контролировали несколько газет и журналов. Все это позволило им приобрести сильные позиции в Советах и новых демократических организациях. Хотя число членов в меньшевистских организациях росло медленнее, чем у эсеров и большевиков, «руководящее» положение позволило меньшевикам оказывать существенное влияние на весь ход революции в первые ее месяцы, реально контролировать Временное правительство. К октябрю 1917 г. в рядах меньшевиков насчитывалось около 200 тыс. членов¹⁰.

Эсеры свою организационную и политическую борьбу начали тоже почти с нуля. В момент революции их было в Петрограде всего около 500 человек. Но их авторитет среди простых людей был велик. Народ помнил их террористическую борьбу против царской администрации в годы Первой русской революции: убийства великого князя Сергея Александровича, министров внутренних дел Сипягина и Плеве, десятков губернаторов и генералов. Партия вела свою родословную от народников, убивших Александра II, известных своими терактами и «хождением в народ» в 1870 — е гг. Из сибирской ссылки, где они провели десятки лет, стали возвращаться в Петроград деятели эсеровской партии. Теперь ряды членов партии эсеров стремительно росли. Программа эсеровской партии была простой и понятной даже мало сведущим в политике. Крестьянство, пролетариат и трудовую интеллигенцию эсеры объединяли в один «трудовой народ», который, по их представлениям, был заинтересован в свержении самодержавия, учреждении демократической республики и переходе к социалистическому строю. В отличие от большевиков эсеры

считали, что для перехода к социализму нет нужды в двух революциях достаточно одной, а она уже произошла. Именно в ходе дальнейшей демократизации революционной России, заявляли эсеры, трудовой народ постепенно возьмет всю власть в свои руки.

В марте 1917 г. из Восточной Сибири в Петроград вернулась Екатерина Константиновна Брешко — Брешковская, участница легендарного «хождения в народ» в 1873 — 1874 гг. Осужденная по политическому процессу 193-х, она долгие годы провела в тюрьме и ссылке. В начале XX в. участвовала в создании Партии социалистов — революционеров, подверглась новым преследованиям и ссылке в Восточную Сибирь. Слава «бабушки русской революции» (Брешко — Брешковской было уже 73 года) очень помогла эсерам быстро увеличивать свои ряды. В первые дни революции о своей принадлежности к партии эсеров публично объявил и министр юстиции Временного правительства Александр Федорович Керенский, его всероссийская известность тоже способствовала популярности эсеров. В начале апреля в Петроград из французской эмиграции вернулся еще один известнейший лидер и теоретик партии эсеров В.М. Чернов, активно включившийся в политическую деятельность. 15 марта 1917 г., значительно позже большевиков, чья газета «Правда» вышла уже 5 марта, и меньшевиков, выпустивших первый номер «Рабочей газеты» 7 марта, эсеры смогли начать выпуск своей ежедневной газеты «Дело народа». В мае 1917 г. в Москве они провели свой съезд, где были представлены уже несколько сот тысяч членов возрожденной партии. Но на этом же съезде проявились и три направления: правых, которых возглавляли Брешко — Брешковская, Н.Д. Авксентьев, Керенский; центристов во главе с Черновым; и левых (Мария Спиридонова, Б.Д. Камков)¹¹.

Заметную роль в политической жизни столицы и провинции играла небольшая Народно — социалистическая партия, правая группа, отколовшаяся от эсеров еще в 1906 г. Ее представители были представлены в ЦИК Советов и других демократических организациях. В июле 1917 г. народные социалисты слились с бывшей Трудовой группой IV Государственной Думы и образовали «Трудовую народно — социалистическую партию». Она выступала за сотрудничество с так называемыми цензовыми элементами (состоятельными слоями общества), и не признавала возможности в стране скорого социализма. Представители этой партии были как бы мостиком, переброшенным от социалистов к буржуазным демократам.

Либеральное начало в послефевральской России представляла конституционно — демократическая партия («кадеты»). Несмотря на то, что она не была зарегистрирована властями, кадетская партия вплоть до февраля 1917 г. работала фактически легально, имела ЦК, местные организации. Однако если весной 1906 г. в партии было около 100 тыс. членов, то к моменту Февральской революции ее численность упала до не —

скольких тысяч. Тем не менее она была достаточно популярна среди интеллигенции и наиболее образованных представителей средних городских слоев и рабочих. В марте 1917 г. кадеты провели съезд, на котором выбросили из своей программы содержавшееся там ранее положение о том, что государственным строем России должна быть конституционная монархия. Так они стали «республиканцами». Кадеты притязали на роль главной либеральной партии. Имея огромные заслуги в борьбе с самодержавием за превращение страны в «нормальное» парламентское государство, кадеты в первые месяцы революции сохраняли значительное влияние на образованные слои русского общества. Они стояли у истоков образования Временного правительства и играли в нем существенную роль¹². Другие, более правые буржуазные и буржуазно-помещичьи партии дореволюционной России практически распались и прекратили свою работу. Самые активные из прогрессистов и октябристов вступили в кадетскую партию. Кроме них в партию вступала и учащаяся молодежь: студенты, гимназисты старших классов, а также офицеры. Общая численность кадетов впервые послереволюционные месяцы возросла до 100 тысяч человек.

Определенным влиянием пользовались и анархисты. Теперь, после свержения самодержавия, в Петрограде и в ряде других промышленных городов страны организовывались группы анархистов — коммунистов, анархистов — синдикалистов, анархистов — индивидуалистов. Они принципиально отказывались объединиться в одну партию. В Петрограде существовала только Федерация различных анархистских групп. Анархисты отрицали государство и его власть. С июня 1917 г. своими дерзкими выступлениями в столице они существенно осложняли и без того напряженную политическую жизнь¹³.

В национальных районах страны формировался свой спектр политических партий. Но и там главное место занимали социалистические организации.

Протестная мотивация, всегда характерная для политического поведения русского народа и других народов России, привела к тому, что запрещавшиеся старой властью социалистические партии теперь стали самыми популярными. Казалось, вся Россия стала страной социалистов.

На самом же деле это феномен политической психологии. Миллионы новорожденных членов социалистических партий имели самое смутное представление о социализме, не понимали и не могли понять, что даст им реально социалистический строй в России. Силу и популярность социалистическим партиям давала отнюдь не сознательность новых членов этих партий, не осознанный выбор народных масс, а ореол борцов за народное дело у вождей партий, факт преследования их «старым режимом», мечта о лучшей доле, мстительное желание унижить бывших хозяев

жизни помещиков и капиталистов, вообще всех богатых и образованных людей («кто был ничем, тот станет всем!»).

Открытая политическая борьба всех перечисленных выше партий и составила историю восьми месяцев революции, с марта по октябрь 1917 г. Эта борьба состояла во влиянии на состав правительства, в выборе для новой демократической России приоритетов внутренней и внешней политики, в пропаганде своих партийных программ и актуальных «ударных» лозунгов, в прямом политическом и организационном руководстве массовыми выступлениями. В то же время на ход межпартийной политической борьбы и поведение масс оказывали мощное воздействие и внешние факторы: продолжение войны с Германией и Австро-Венгрией, постепенное ухудшение продовольственного и материального положения населения и прежде всего трудовых масс в городах, понижение в силу политических причин производительности труда и сокращение производства, рост анархии и падение авторитета центральной и местных властей. Разными были программы партий и их подходы к решению главнейших вопросов революции: войны и мира, земельной проблемы, положения рабочих. Но для каждой партии выбор противников и союзников в этой свободной открытой политической борьбе менялся и зависел от общей ситуации в стране и колебаний политического «маятника».

В первые два месяца революции, в марте — апреле 1917 г., линия противостояния проходила между либералами и Временным правительством, с одной стороны, и так называемой «революционной демократией», представленной всеми социалистическими партиями, Советами и демократическими организациями с другой. Один конфликт сменялся другим. Сначала это был спор о судьбе царя и царской семьи, который закончился победой Петроградского Совета и отказом правительства от планов вывезти Николая II и его семью в Англию. Затем вопрос о присяге войск новому правительству начавшееся ее принятие оно тоже вынуждено было приостановить. Но, пожалуй, самым крупным конфликтом стал вопрос о целях войны. Ведь революция в России произошла через два с половиной года после ее начала. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков, ставший министром иностранных дел, формировал международную политику новой России. Он полагал, что революция сделана для того, чтобы в еще большем единении с союзниками быстрее добиться разгрома неприятеля и вести войну «до победоносного конца». Этот взгляд разделяли и другие министры Временного правительства¹⁴. Но левосторонний исполнительный комитет Петроградского Совета считал, что свержение царизма само по себе уже изменило цели войны со стороны России. Если раньше они были «империалистическими»: захват чужих земель, получение контрибуций с побежденной стороны, то теперь война приобрела оборонительный характер защиты «молодой русской свобо —

ды» и революции от «прусского милитаризма». Этот взгляд был выражен в принятом 14 марта 1917 г. общим собранием Петроградского Совета «Манифесте к народам мира» и в политическом словаре того времени получил название «революционного оборончества».

В середине марта из восточносибирской ссылки в Петроград вернулся И.Г. Церетели, бывший председатель социал — демократической фракции II Государственной Думы. Будучи центристом, он не разделял радикальных увлечений меньшевиков — интернационалистов и тем более большевиков. Церетели был введен в контактную комиссию, созданную еще 6 марта для урегулирования споров между Советом и Временным правительством. Он сразу же обратил внимание на то, что новые цели войны, сформулированные Советом, игнорируются Временным правительством. Под его руководством исполком Совета добился того, что 27 марта правительство, несмотря на отчаянное сопротивление Милюкова, выпустило обращение к гражданам, в каком невятно высказалось за достижение мира «без аннексий и контрибуций».

В середине апреля под нажимом все того же Церетели Петроградский Совет стал требовать от Временного правительства, чтобы новые цели войны были доведены до союзников (Англии, Франции и Италии) и при вели бы к созыву международной конференции для общего их пересмотра. Милюков опять возражал. Но тогда Петроградский Совет угрожал, что не будет поддерживать только что выпущенный правительством очередной военный заем, громко названный «Займом свободы». 27 марта Милюков послал обращение союзным правительствам, но вместе с составленной им сопроводительной нотой.¹⁵

Правда, к этому моменту единство «революционной демократии» по вопросу о продолжении войны было уже нарушено. 31 марта 1917 г. в Петроград из Франции после долгих лет эмиграции вернулся патриарх русских социал — демократов Плеханов. Он приехал через Швецию и Финляндию. На Финляндском вокзале Петроградский Совет и меньшевистская партия устроили Плеханову торжественную встречу, на которую пришло около 5 тыс. человек. Плеханов был «оборонцем» с самого начала войны и поддерживал активное участие России в войне еще при царском правительстве. То же отношение к войне он высказывал и теперь в газете «Единство», созданной его сторонниками в Петрограде.

Через три дня на тот же Финляндский вокзал прибыл Ленин с его сторонниками. Ленина тоже встречал председатель Петроградского совета меньшевик Чхеидзе. Большевики решили превзойти меньшевиков размахом встречи своего лидера. Несмотря на праздничный, пасхальный день, к вокзалу собралось около 25 тыс. рабочих заводов Выборгской стороны и солдат. Команда запасных Автобронемастерских прислала три броневика: «Олег», «Святослав» и «Ярослав», на бортах у них было выведено красной краской «РСДРП».

До приезда Ленина руководители большевиков в основном поддерживали линию исполкома Петроградского Совета. Каменев и Сталин печатали в «Правде» статьи в поддержку «Манифеста к народам мира» и революционного оборончества. Ленин же еще за границей расценил манифест Совета как «путаный» и доказывал, что, пока у власти буржуазное правительство, добиться справедливого мира невозможно. И другие положения ленинских «Апрельских тезисов»: о недоверии Временному правительству, о борьбе за передачу власти Советам, о создании республики Советов снизу доверху, а не «демократической республики», шли вразрез с линией Петроградского Совета и резко меняли позицию большевиков, бывших ранее лишь левым флангом единой «революционной демократии».

Плеханов назвал эти тезисы бредом и заявил, что Ленин водрузил знамя гражданской войны внутри революционной демократии. Резко против тезисов Ленина выступил и лидер партии эсеров Чернов. Однако все это было только началом раскола революционной демократии, и Временное правительство и народ воспринимали еще Петроградский Совет и его политику как единое целое. Ленин и на этот раз выступил инициатором раскола.

Милюков отправил свою ноту союзникам 18 апреля старого стиля, когда Россия праздновала 1 Мая. В печать она была сдана в ночь на 20 апреля 1917 г. И тут разразился скандал. Нота явно противоречила содержанию Обращения от 27 марта, которое она сопровождала. В ней, в частности, говорилось: «Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого». Решительная победа предполагала энергичное и наступательное ведение войны, а не «оборончество». Исполком Петроградского Совета, получив текст ноты Милюкова, заседал всю ночь, но так и не принял никакого решения¹⁶.

Нота появилась в газетах и вызвала стихийное возмущение у солдат Петроградского гарнизона. По инициативе вольноопределяющего запасного батальона гвардии Финляндского полка, депутата Петроградского Совета Ф.Ф. Линде началась стихийная вооруженная антиправительственная демонстрация, в ней участвовали около 35 тыс. вооруженных солдат и матросов. Центром демонстрации стала площадь перед Мариинским дворцом, где тогда размещалось Временное правительство. Солдаты несли с собой лозунги «Долой Милюкова!», «Милюкова в отставку». Перед фасадом Мариинского дворца начался многочасовой митинг. Вооруженная толпа была настроена решительно и хотела аресто-

вать Милюкова, а то и все правительство. Но выяснилось, что во дворце его нет. Министры собрались в Доме военного министра (Мойка, 67), где Гучков лежал с сердечным приступом. Милюков и Гучков были настроены решительно и хотели арестовать руководство Петроградского Совета, но ядро правительства (Терещенко, Коновалов, Некрасов и Львов), дорожившее хорошими отношениями с Советом ради стабильности в стране, не допустило этого. Сами же лидеры Совета были напуганы этой стихийной демонстрацией, устроенной помимо них, и послали своих представителей, чтобы успокоить солдат. К 6 часам вечера те стали расходиться, а на площадь проникли манифестанты, поднятые кадетской партией, с лозунгами доверия Милюкову и Временному правительству.

На экстренном заседании вечером 20 апреля Петроградский Совет дал полномочия Исполкому на участие в общем собрании членов правительства, Временного комитета Государственной Думы и Совета в Мариинском дворце для разрешения кризиса. Там глава правительства князь Г.Е.Львов заявил, что правительство готово уйти в отставку и передать всю власть Совету. Но лидеры Совета, избегая ответственности, выражали доверие правительству и лишь настаивали на смещении Милюкова. Они призвали солдат прекратить выступления и оставаться 21 апреля в казармах. С этим не согласились большевики и Ленин. 21 апреля они самостоятельно организовали мощную демонстрацию рабочих Петрограда. Впервые на этой демонстрации появились лозунги «Вся власть Советам!» Некоторые группы рабочих несли и лозунги «Долой Временное правительство!» Так была опробована Лениным тактика особого пути пролетариата и большевистской партии.

Днем 21 апреля генерал Корнилов вызвал на Дворцовую площадь учебную батарею Михайловского артиллерийского училища. Но солдатский комитет училища известил об этом Исполком. Чхеидзе и другие члены президиума Совета явились к Корнилову в штаб округа и заставили его отменить свой приказ. Но уже в разных районах города возникали стычки, раздавались отдельные выстрелы, происходили столкновения между сторонниками и противниками Временного правительства. Оно поняло, что в таких условиях не может далее управлять страной. После занявших конец апреля переговоров между Временным комитетом Государственной Думы, Временным правительством и Петроградским Советом решено было создать коалиционное Временное правительство.

25 апреля подал в отставку и уехал на фронт Корнилов. Затем 30 апреля заявил об отставке Гучков. Милюкову был предложен пост министра народного просвещения, он отказался и тоже подал заявление об отставке. Путь к созданию коалиции был расчищен. Победа в этом кризисе явно была на стороне «революционной демократии», т.е. руководства Петроградского Совета¹⁷.

3 мая новым военным министром был назначен Керенский, а 5 мая весь состав коалиционного Временного правительства был представлен на утверждение общему собранию Петроградского Совета. В него вошли, кроме Керенского, еще пять социалистов: министр юстиции П.Н. Перевезев, министр земледелия Чернов, министр почт и телеграфов Церетели, министр труда М.И. Скобелев и министр продовольствия А.В. Пешехонов. 10 постов занимали 9 представителей либеральных кругов (князь Г.Е. Львов совмещал посты министра — председателя и министра внутренних дел). Особенно важным было вхождение в правительство лидеров двух крупнейших социалистических партий эсера Чернова и меньшевика Церетели. Это, казалось, обеспечивало новому правительству стабильность и поддержку Советов. Все социалистические министры были представителями Петроградского Совета и обязаны были отчетываться перед ним о своей деятельности через каждые две недели. Такую же ответственность за своих четырех представителей взяла на себя партия кадетов. Бывший министр финансов М.И. Терещенко стал министром иностранных дел, а бывший министр земледелия кадет А.И. Шингарев занял пост министра финансов. Назначение военным министром Керенского было результатом той рекламы, которую делала ему либеральная и социалистическая печать, создавая культ бескорыстного и отважного «вождя» революции. Сменен был и верховный главнокомандующий русской армии: вместо одиозного М.В. Алексева, занимавшего пост начальника штаба при Николае II, им стал герой прорыва 1916 г. генерал А.А. Брусилов.

Декларация нового правительства была плодом межпартийной дипломатии. С одной стороны, там содержалось признание мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. С другой стороны, правительство обещало, что в результате демократизации армии и укрепления ее боевой силы она сможет принять участие как в оборонительных, так и в наступательных действиях. Это уже был удар по «революционному оборончеству». С такой концепцией был согласен и Церетели, что обеспечивало поддержку Советом летнего наступления, обещанного русской властью еще в феврале 1917 г. Пропагандистскими были и другие обещания декларации: отобрать сверхприбыль у капиталистов, ввести контроль над производством, перевозкой и распределением продуктов и пр. Образование коалиционного Временного правительства значительно расширило его социальную базу. Речь шла теперь не об условной поддержке власти, а о деятельном участии в ней «революционной демократии».

Только одна партия отказала новому правительству в поддержке. Это были большевики. Ленин выступил с несколькими статьями, критикующими программу новой власти. Он заявлял, что правительство не сможет выполнить ни одного своего обещания, и кризис в стране усилится. С

публичной критикой новой власти прямо на заседании Совета 5 мая выступил и Троцкий, только что вернувшийся в Россию из эмиграции.

На поверхности политической жизни казалось, что вся страна сплоснулась вокруг коалиции, а большевики и их немногочисленные союзники из левых социал — демократов оказались в политической изоляции. Но уже через несколько недель выяснилось, что раскол внутри «революционной демократии», начавшийся после приезда Ленина, ширится и большевики находят определенную подпитку в настроениях и выступлениях определенной части масс в столице. Эта поддержка росла по мере того, как выяснялось, что коалиционное Временное правительство не в состоянии выполнить свою программу.

11 мая Керенский подписал «Декларацию прав солдата», но его предшественник Гучков отказывался ее санкционировать. В этот документ были тогда внесены поправки, разрешающие командирам в боевой обстановке применять силу против солдат, не подчиняющихся приказам. В солдатских массах это вызвало раздражение. В то же время воинским частям Петроградского гарнизона стали с разрешения Керенского и исполкома Петроградского Совета вручать приказы о высылке на фронт пополнения, «маршевых рот». Это противоречило обещанию правительства первого состава о том, что полки, принимавшие участие в свержении царизма, не будут выведены из Петрограда, и вызвало новое недовольство солдат. Военный министр Керенский совершил беспрецедентную трехнедельную агитационную поездку по фронтам и флотам. Он выступал с речами перед солдатами фронтовых частей по 45 раз за день. Ему удалось переменить настроение солдат. Они согласились пойти в наступление «под красными знаменами революции». Керенский к тому их склонил следующим доводом: неприятель пойдет на мир, только если почувствует, что новая Россия стала еще сильнее. Успех его акции морально подготовил солдат к наступлению.

В Петрограде же ситуация складывалась не в пользу Керенского и правительства. Когда Кронштадтский Совет принял резолюцию, объявлявшую Керенского единственной полномочной властью в военно — морской крепости, лидеры Петроградского совета обвинили кронштадтцев в намерении «отложиться от России». Агитация оказалась действенной: матросы и солдаты Кронштадта стали убежденными противниками правительства.

3 июня 1917 г. открылся первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В его руководстве безраздельно господствовали меньшевики и эсеры. Большевики и сочувствующие им составили всего 10% депутатов. Примерно таким же соотношением партийных сил было тогда по всей России. На проходивших в конце мая и начале июня 1917 г. выборах в районные думы (органы самоуправления) эсеры и меньшевики получили 50%, 17% — кадеты и буржуазные организации, а

20% мест досталось большевикам. Это был их первый заметный успех в политической борьбе. На съезде Советов 4 июня Ленин заявил, что именно большевики представляют собой ту партию, которая готова сформировать власть в стране. Часть зала осмеяла Ленина, а часть встретила его слова аплодисментами. Ответ ему дал Керенский, встреченный овацией.

В эти дни обстановка в Петрограде вновь накалилась. С одной стороны, солдаты требовали от Военной организации большевиков устроить демонстрацию протеста против «Декларации прав солдата» и отправки на фронт маршевых рот. С другой стороны, рабочие бурно протестовали против попытки властей отобрать у них дачу и сад Дурново на Полусовской набережной, захваченные ими в дни революции. Аналогичное требование об очищении особняка балерины М.Ф. Кшесинской было предъявлено большевистской партией.

В условиях нарастания политической напряженности большевики решили провести в субботу 10 июня демонстрацию рабочих и солдат, дабы показать, что меньшевистско-эсеровское руководство съезда Советов не выражает интересов рабочих и солдат столицы. Подготовка демонстрации пошла полным ходом. Изготавливались плакаты с лозунгами «Долой 10 министров — капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими капиталистами!»

В эти же дни часть офицерского корпуса, недовольная солдатской волейницей, которой явно попустительствовало правительство, решила создать свои организации. Возглавила движение «Военная лига», в него также входили «Антибольшевистская лига», «Союз защиты Родины и Порядка», а всего 14 союзов и организаций. Все они были крайне малочисленными, но имели пулеметы и горели желанием преподать урок солдатам и рабочим Петрограда.

Вечером 9 июня президиум съезда Советов получил сведения о готовящейся на 10-е число большевистской демонстрации, а от английского посла Дж. Бьюкенена секретные данные о намерении офицерских антибольшевистских организаций ее расстрелять. Не раскрывая источника информации, президиум съезда жестко потребовал запретить демонстрацию большевиков. Съезд принял такое постановление, проигнорировав их протест.

После жарких споров ЦК РСДРП(б) решил, вопреки мнению Ленина, подчиниться решению съезда и отменить демонстрацию. Особенно трудно было сдерживать матросов и солдат Кронштадта, которые в 4 часа утра уже собрались на Якорной площади, чтобы занять суда и отправиться в Петроград. Со своей стороны съезд направил на заводы и в казармы 30 «десяток», чтобы те агитировали там против демонстрации. Хотя последняя и была отменена, настроение масс оставалось нервным. Тогда съезд уже от своего имени назначил демонстрацию для возложения венков к

могилам Жертв революции на воскресенье, 18 июня. На эту демонстрацию большинство из 500 тыс. ее участников вышло с большевистскими лозунгами. Налицо был новый политический кризис.

Однако коалиционную власть спасло известие о начавшемся 18 июня наступлении на Юго-Западном фронте. 19 июня на улицы и проспекты Петрограда вышли новые манифестанты, которые поддерживали наступление и Керенского. У Казанского собора перед патриотически настроенной толпой выступил Плеханов с портретом Керенского на груди. В Исаакиевском соборе состоялось освящение знамени Женского «батальона смерти», отправлявшегося на фронт. Солдатам 1-го запасного пулеметного полка, где насчитывалось 19 тыс. солдат и тысяча пулеметов, военные власти предъявили требование отправить на фронт половину части. На Путиловском заводе незрела забастовка. Причиной было то, что тарифное соглашение с Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков не было вовремя заключено. Все это вновь до предела накалило обстановку в Петрограде в конце июня 1917 г.¹⁸

Первый Съезд Советов принял резолюцию, одобряющую наступление на фронте, тем самым разделив с правительством ответственность за его судьбу. 24 июня съезд закончил свою работу, избрав Центральный исполнительный комитет Советов («ЦИК»). 90% мест в нем принадлежало меньшевикам, эсерам, народным социалистам и представителям национальных социалистических партий. Съезд выразил доверие Временному правительству.

В самом правительстве все больше нарастали противоречия между кадетами и социалистической его частью. Министру Чернову не удалось провести запрещение земельных сделок, споры были и по вопросу о проекте налога на сверхприбыль. Наконец, кадеты выступили против переговоров с Украинской Центральной Радой, которая вела сепаратистскую политику. Для переговоров правительство послало делегацию в Киев.

А в ночь на 3 июля министры — кадеты, в знак протеста против соглашения с Украинской Центральной Радой, вышли из состава коалиционного Временного правительства. Петроград оказался перед лицом нового правительственного кризиса¹⁹.

Июль — сентябрь 1917 года.

2 июля руководство Петроградской федерации анархистов собралось на даче Дурново и приняло решение завтра, 3 июля поднять солдат 1-го запасного Пулеметного полка на вооруженную антиправительственную демонстрацию. Утром 3 июля по Петрограду поползли слухи о прави —

тельствующем кризисе, взволновавшие лидеров ЦИК и Петроградский Совет. Но вскоре волноваться пришлось по еще более грозному поводу. В расположении 1-го запасного пулеметного полка анархисты созвали массовый митинг, на котором призывали солдат к вооруженной демонстрации против Временного правительства. Полковой комитет, в котором главную роль играли большевики, высказался против. Тогда солдаты его переизбрали. Теперь временным революционным комитетом (ВРК) руководили анархисты. Вошли туда и большевики, чтобы не потерять влияние в массах. ВРК полка послал делегатов на Путиловский завод, на предприятия Выборгской стороны, чтобы призвать рабочих присоединиться к демонстрации. Пулеметчики реквизировали около тридцати грузовых автомобилей, поставили на них пулеметы, украсили знаменами и выехали в центр города. На черных и красных знаменах были как большевистские лозунги, так и призывы анархистов. Среди последних выделялись такие: «Берегись, капитал булат и пулемет сокрушат тебя!», «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!» Все же главной целью демонстрации был протест против отправки на фронт, у пулеметчиков не было плана свержения правительства или захвата власти. Около 5 часов дня на Выборгской стороне появились и первые колонны рабочих. Они несли большевистские лозунги и знамена, с какими уже выходили на демонстрацию 18 июня.

И пулеметчики, и делегаты рабочих побывали в особняке Кшесинской, где проходила в этот момент общегородская конференция большевиков. Большевики отказались присоединиться к демонстрации и уговаривали рабочих прекратить ее. Однако демонстрация уже стала фактом. Автомобили с пулеметчиками прибыли на Невский проспект и другие центральные улицы Петрограда. Около машин стихийно возникали летучие митинги. В некоторых местах прозвучали револьверные выстрелы в воздух. Тогда пулеметчики начали стрелять из пулеметов поверх голов гуляющей публики. Поднялась паника, появились первые случайные жертвы. К центру города приближалась 30-тысячная колонна рабочих Путиловского завода. На Сенной площади она подверглась пулеметному обстрелу с колокольни. Около 10 час. вечера собрание большевистских организаций в Таврическом дворце решило «присоединиться к движению, чтобы придать ему мирный организованный характер». Одновременно ЦК послал за Лениным (тот с 30 июня находился на даче большевика В.Д. Бонч-Бруевича на Карельском перешейке в связи с тем, что еще 14 июня получил «черную метку» с угрозой убийства, если он не покинет Петроград через две недели).

Представители большевиков присоединились к демонстрантам и повели их к Таврическому дворцу, чтобы заявить требование ЦИКу Советов взять власть в свои руки и отстранить распавшееся Временное правительство. Министры — социалисты прибыли в Таврический дворец, где

соединились с президиумом ЦИК. Министры — капиталисты, опасаясь за свою жизнь, укрылись в здании штаба Петроградского военного округа на Дворцовой площади.

4 июля большевики решили уже сами организовать новую демонстрацию под лозунгами передачи власти Советам. В ранние утренние часы третьи июльские демонстранты покинули улицы города, но вскоре их заполнили уже сегодняшние демонстранты. Огромная делегация прибыла из Кронштадта. На улицы вышли около 100 тыс. солдат гвардейских и пехотных запасных частей и 300 тыс. рабочих. Матросы пришли сначала к особняку Кшесинской. Там перед ними выступил Ленин, которому уже удалось вернуться в столицу. Он сказал, что болен и долго говорить не может, но выразил надежду, что лозунг, под которым идут демонстранты, «Вся власть Советам!» победит.

С самого начала демонстрация стала развиваться по экстремальному варианту. В разных местах города демонстранты подверглись провокационным обстрелам с крыш и чердаков со стороны боевиков «Военной лиги» и других подобного рода организаций. Вооруженные солдаты в свою очередь стреляли по крышам и верхним этажам домов. Настоящее сражение развернулось у Литейного моста, где солдаты обстреляли казачков, ехавших по вызову ЦИК на охрану Таврического дворца. Было убито и скончалось от ран 16 человек, около 700 получили ранения и травмы.

Центром демонстрации был, как и накануне, Таврический дворец. Его сквер, Шпалерная и Таврическая улицы были заполнены плотными рядами демонстрантов. Пленарное заседание ЦИКа Советов и исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов согласилось выслушать пятерых представителей от демонстрантов. Они требовали немедленного взятия ЦИКом власти в свои руки. Лидеры ЦИК обещали созвать через две недели Второй съезд Советов и на нем решить вопрос о власти. Делегаты передали этот ответ собравшимся, и демонстранты стали расходиться.

Во время демонстрации, когда город фактически находился в руках рабочих и солдат, Военная организация большевиков предложила ЦК РСДРП(б) взять власть и составила план акции. Но ЦК и Ленин отклонили это предложение, полагая, что они не смогут удержать власть. Там не менее во время демонстрации произошел ряд инцидентов, позволяющих судить о серьезности такого намерения членов «Военки». Так, была подвергнута осаде служебная квартира князя Г.Е. Львова, захвачено и разгромлено помещение контрразведки штаба ПВО.

В обстановке бездеятельности правительства и растерянности ЦИК инициативу по стабилизации положения проявил главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П.А. Половцов. Он сумел собрать на Дворцовой площади несколько сот солдат и добро-

вольческую команду инвалидов («увечных воинов»). Министр юстиции П.Н. Переверзев передал Половцову для оглашения показания некоего прапорщика Ермоленко, сдавшегося немецкого агента. Тот утверждал, что немцы, переправляя его через линию фронта, приказали ему связаться с Лениным, как с агентом германского генерального штаба. Слово «измена» подействовало на психику солдат, и они согласились участвовать в аресте демонстрантов и большевиков. Инвалиды разгромили редакцию газеты «Правда», отряды солдат Преображенского полка арестовали и разоружили около сотни митинговавших солдат, возвращавшихся в казармы. Все это подтолкнуло к перелому в настроениях солдат: они принимали покаянные резолюции, выдавали «зачинщиков». ЦИК Советов вызвал сводный отряд из Пятой армии Западного фронта для своей охраны и разоружения рабочей Красной гвардии и милиции. Военные власти 5 июля сумели отправить из Петропавловской крепости ночевавших там кронштадтских матросов. А затем был захвачен особняк Кшесинской, где все еще оставались Военная организация при ЦК большевиков и Петербургский комитет РСДРП(б). Ленин и Зиновьев с утра 5 июля перешли на нелегальное положение и скрывались на частных квартирах²⁰.

Керенский все эти дни в Петрограде отсутствовал. Еще вечером 3 июля, получив сведения о неудаче наступления на Юго-Западном фронте, он выехал в Ставку. Вернулся он только 6 июля. Ему удалось собрать министров, кроме кадетских. На этом заседании князь Г.Е. Львов объявил о своей отставке, министры выбрали новым председателем правительства Керенского. Он тут же подписал постановления об аресте Ленина и Зиновьева как изменников родине и офицеров, принимавших участие в июльской демонстрации. Полному разоружению и расформированию подлежали и отдельные воинские части (1-й пулеметный запасный полк и др.). На большевистскую пропаганду была возложена ответственность за поражение русских войск на Юго-Западном фронте. Эти меры правительства положили конец тому периоду революции, когда власть действовала только методом убеждения и не применяла насилия. Теперь тюрьмы снова приняли первых политических заключенных, а лидеры самой радикальной партии подверглись преследованию.

Правительство сформировалось в количественно уменьшенном составе: 7 июля были уволены со своих постов Мануилов, Некрасов, Шингарев, Переверзев и управляющий министерством торговли и промышленности В.А. Степанов. Вокруг Керенского остались в основном одни «министры — социалисты», но правительство специально постановило, что оно и в этом составе сохраняет «всю полноту принадлежащей ему власти». Министр земледелия эсер Чернов лучше других понимал, что в основе стихийного начала июльских событий была неудовлетворенность

народных масс медленным решением главных вопросов революции. Он составил новую программу правительства, принятую 8 июля. Она содержала торжественные обещания ускорить реформы, созвать конференцию союзников по пересмотру целей войны. На 17 сентября 1917 г. были назначены выборы в Учредительное собрание.

9 июля ЦИК принял постановление, объявлявшее правительство Керенского «правительством спасения страны». Отныне ему передавалась вся полнота власти. С «двоевластием», которое существовало до июльских дней, формально было покончено. Политический водораздел теперь проходил уже не между «революционной демократией» и буржуазной властью, как это было в марте — апреле, а между Временным правительством, ЦИК Советов и всеми Советами, руководимыми меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и партией большевиков, обвиненной в организации государственного переворота, с другой. Керенского же лидеры ЦИК считали «своим» на сто процентов и полностью ему доверяли, полагая, что он будет опираться на Советы. Но, став главой правительства, он явно стремился к увеличению и концентрации власти в своих руках.

Меньшевистско — эсеровские лидеры ЦИК считали необходимым восстановить коалицию с буржуазией и с партией кадетов. Однако Керенский отказался воссоздавать ее на прежней основе, когда партии делегировали в правительство своих представителей и считали, что те ответственны перед ними. Керенский заявил, что он возглавит правительство только в том случае, если кандидатов в министры будет подбирать он сам и никакой его ответственности перед Советами и центральными комитетами партий больше не будет. 21 июля совещание представителей социалистических и либеральных партий согласилось с Керенским и поручило ему создать правительство. 22 июля он сделал заявление, в каком требовал «забвения партийных распрей».

25 июля был опубликован состав второго коалиционного правительства, сформированного лично Керенским. Он сохранил за собой пост военного и морского министра, хотя и назначил правого эсера Б.В. Савинкова временным управляющим. Заместителем министра — председателя и министром финансов стал Н.В. Некрасов, министром внутренних дел — эсер Н.Д. Авксентьев. Пост министра иностранных дел сохранил за собой М.И. Терещенко, остался на посту министра земледелия эсер Чернов, а на посту министра труда — меньшевик М.И. Скобелев. Министром юстиции стал народный социалист А.С. Зарудный, народного просвещения — академик С.Ф. Ольденбург (кадет). Церетели ушел из правительства ради укрепления связи с ЦИК Советов, а на его место министра почт и телеграфов был назначен меньшевик А.М. Никитин. А.В. Пешехонов остался министром продовольствия, министром государственного призрения стал бывший прогрессист И.Н. Ефремов. Госу —

дарственным контролером стал кадет Ф.Ф. Кокошкин, а обер — прокурором Святейшего синода — кадет А.В. Карташев. Министром торговли и промышленности был назначен народный социалист С.Н. Прокопович, а министром путей сообщения — кадет П.П. Юренев. Таким образом, в этом правительстве стало уже 8 социалистов и 7 «капиталистов», включая пятерых членов партии кадетов²¹.

Керенский старался показать, что новое правительство представляет собой «сильную власть». Еще до формирования коалиции он отдал приказ о закрытии газеты «Правда» и всех большевистских изданий, восстанавил смертную казнь на фронте, ранее отмененную, учредил «военно — революционные суды». Было принято решение о разоружении рабочих гвардии и милиции, об изъятии оружия у населения. Была закрыта государственная граница и воспрещен выезд из России. Вместе с тем, чтобы не допустить перехвата власти военными, Керенский уволил главнокомандующего войсками ПВО генерала Половцова, спасшего ЦИК и правительство от большевиков в июльские дни. В середине июля Керенский уволил главнокомандующего русской армии генерала Брусилова и, поддавшись давлению либеральной прессы и либеральных общественных организаций, назначил на этот пост генерала Корнилова, жестоко расправившегося с солдатами Юго — Западного фронта, бежавшими от немецкого контрнаступления. Обострились отношения с Финляндией. В ответ на принятие социал — демократическим большинством Сейма закона о фактической независимости Временное правительство опубликовало Манифест о роспуске сейма и назначении новых выборов.

28 июля министр внутренних дел и военный министр получили право закрывать во время войны съезды и собрания по соображениям государственной безопасности. Это постановление было явно направлено против большевиков. Последним удалось укрыть в подполье Ленина и Зиновьева. Но были арестованы Каменев, а затем Троцкий и Луначарский, заявившие о солидарности с большевиками. На гауптвахте сидели свыше сотни офицеров, участников июльских событий. Однако в борьбе с большевиками правительство не проявило последовательности, опасаясь наступления справа. Сдача оружия саботировалась, а вскоре совершенно прекратилась. Ленин и Зиновьев опубликовали свои ответы на предъявленные им обвинения в измене, где полностью их отвергали. 23 июля большевикам удалось выпустить первый номер своего нового центрального органа, газеты «Рабочий и солдат». А 26 июля 1917 г. в Петрограде открылся VI съезд РСДРП(б). Ленин на этом съезде не присутствовал, но написал для него основополагающие тезисы. В них утверждалось, что в России установилась военная диктатура, что мирный период развития революции закончился. Теперь пролетариат может взять власть в свои руки только путем новой революции. Если бы в стране началось новое стихийное движение вроде июльских дней, его нужно

было бы возглавить под лозунгом о взятии власти. Ленин рекомендовал съезду снять лозунг «Вся власть Советам!», поскольку Советы сомкнулись с буржуазным правительством и одобрили травлю большевиков, отказались дать Ленину и Зиновьеву гарантию личной неприкосновенности. Съезд одобрил эту линию, изложенную в двух докладах Сталина, хотя и несколько смягчил тезис о бойкоте Советов²². Временное правительство так и не решилось закрыть большевистский съезд.

Преследования большевиков увеличили их популярность. Им на руку было традиционное сочувствие русских людей к лицам, преследуемым официальной властью. Тем более, что откровенные выступления буржуазных лидеров против зашедшей слишком далеко революции, за восстановление порядка вызывали у рабочих и солдат тревогу и опасения. Они имели под собой реальную почву. ЦИК Советов так и не созвал Второй съезд советов. Зато усилились требования собрать некий «земский собор» от всех слоев населения страны, чтобы обсудить пути выхода из государственной разрухи. Идя им навстречу, Временное правительство постановило созвать в Москве 12 — 14 августа «Государственное совещание». Но еще до него правительство Керенского выдержало массированные удары правых сил. Генерал Корнилов потребовал от правительства милитаризовать железные дороги и военную промышленность. На фронте он издал приказы о борьбе с аграрным движением в прифронтовой полосе, о расстреле артиллерией братающихся. От правительства Корнилов требовал также наведения порядка в тылу, запрещения митингов и собраний, ограничения деятельности Советов и комитетов. Керенский отказался принять его требования Корнилова, а его самого назвал на заседании Временного правительства контрреволюционером «на белом коне».

В начале августа 1917 г. в Москве состоялось совещание буржуазных «общественных деятелей». Оно выставило свой счет Временному правительству. Известный банкир П.П. Рябушинский сказал, что если порядок в стране не будет восстановлен, то скоро «костлявая рука голода схватит за горло лжедрузей народа» из Советов и комитетов. Ультиматумы Корнилова и требования крупной буржуазии показали, что, кроме левой оппозиции, казалось бы, разгромленной после июльских дней, заявила о себе и жесткая правая. На Государственном совещании, проходившем в московском Большом театре, голоса о необходимости остановить дальнейшее развитие революции прозвучали еще громче. Их, естественно, поддержали военные, в частности генералы Каледин и Корнилов. Представители Советов пошли на уступки. Вместо черновской «Программы 8 июля» Чхеидзе предложил «Программу 14 августа», которая существенно сокращала пожелания «революционной демократии». Керенский в своей речи на совещании грозил и левым и правым, заявляя, что правительство раздавит железной рукой любую контрреволюцию.

Корнилов предполагал уже во время Государственного совещания осуществить задуманный военный переворот с целью наведения порядка в тылу и на фронте. Однако защитные меры, принятые командующим Московским военным округом полковником А.И. Верховским, вставшим на сторону Керенского, вынудили Корнилова отсрочить свое выступление.

Пытаясь выиграть время и точнее разузнать планы Корнилова, Керенский послал в Могилев добровольного посредника — бывшего обер-прокурора Священного синода В.Н. Львова. Тот получил от Корнилова ультимативные условия: отставка Керенского, передача поста министра — председателя Корнилову и формирование им нового правительства. Керенского Корнилов предполагал на некоторое время оставить в своем правительстве из — за его популярности, но дать ему пост министра народного просвещения. Корнилов требовал, чтобы Керенский и управляющий военным министерством Савинков срочно выехали в Ставку, в Могилев, поскольку в Петрограде, который должен был быть занят корниловскими войсками, он «не может гарантировать их безопасность». Учитывая обострение ситуации, Савинков сам в эти дни, 24 — 25 августа, ездил в Ставку и пытался вести собственные переговоры с Корниловым.

26 августа В.А. Львов вернулся в Петроград и доложил о результатах своей поездки Керенскому. Последний попросил Корнилова во время переговоров по прямому проводу подтвердить полномочия Львова на передачу условий. Потом он вынудил Львова в присутствии спрятанного свидетеля повторить еще раз условия Корнилова. После этого Львов был арестован. Затем Керенский собрал экстренное заседание Временного правительства, на котором он доложил о готовящемся выступлении Корнилова. По требованию Керенского большинство министров подали в отставку и предоставили ему свободу действий. По всей стране были отправлены телеграфные сообщения, обвинявшие Корнилова в заговоре. Лидеры кадетской партии В.А. Маклаков и П.Н. Милюков, симпатизировавшие Корнилову, пытались примирить его с Керенским. Но Корнилов отказался и отдал приказ об отправке в столицу «Отдельной Петроградской армии» во главе с генералом А.М. Крымовым. Последний должен был занять город, разогнать ЦИК и Петроградский Совет и арестовать социалистических лидеров. В Петрограде должны были быть введены военное положение и комендантский час.

В составе армии генерала Крымова были Третий Казачий кавалерийский корпус и Кавказская туземная дивизия. Это была грозная сила, она вполне могла справиться с разложившимся Петроградским гарнизоном. Однако движение войск к Петрограду по железным дорогам требовало нескольких суток. Это давало шанс Керенскому. Поздно вечером 27 августа он обратился за помощью к ЦИКу Советов и Всероссийскому Совету крестьянских депутатов. Те сумели мобилизовать несколько сот агитаторов, которых выслали навстречу корниловским войскам. По призыву

Советов рабочие петроградских предприятий построили проволочные заграждения от Невы, через Колпино и Пулковские высоты вплоть до побережья Финского залива. Несколько десятков тысяч солдат для передовых застав выставил по требованию ЦИК и штаб Петроградского военного округа. Для объединения всех сил ЦИК создал «Комитет народной борьбы с контрреволюцией», в его распоряжение поступил Временный военный комитет, организованный ЦИК еще в июльские дни. Комитет народной борьбы открыл запись в Рабочую гвардию и отдал распоряжение ее вооружить. В Зимний дворец, куда Керенский еще в середине июля перевел Временное правительство, он вызвал матросов с крейсера «Аврора», дабы те стали его личной охраной.

Все эти меры позволили за два дня подготовить прикрытие для столицы и встретить эшелоны с корниловскими войсками. Их удалось остановить за 50—70 км от столицы. К казакам обратились агитаторы. Офицеры, как выяснилось, говорили казакам, что в Петрограде происходит новое восстание большевиков, которое и надо подавить. Посланцы революционной столицы убеждали казаков, что в городе спокойно, никаких выступлений нет, а их обманули, чтобы натравить на своих братьев, рабочих и солдат Петрограда. Особая роль в агитации принадлежала посланцам Социалистического мусульманского комитета, главным образом татарам. Так как конники «Дикой дивизии» не знали русского языка, мусульманские агитаторы объясняли им положение на понятных им или близких языках. Осетины, ингуши и чеченцы также отказались повиноваться своим офицерам и двигаться на Петроград.

Корниловские войска объявили о подчинении Временному правительству и были отведены в расположение Северного фронта. А.М. Крымов и командир Кавказской туземной дивизии Д.П. Багратион были вызваны в Петроград к Керенскому. Багратион заявил о полном подчинении Временному правительству. Крымов же, обвиненный Керенским в двуличии, после разговора с ним застрелился. Это единственная жертва корниловского мятежа, который был подавлен без применения оружия²³.

Борьба с корниловщиной показала, что революционная демократия еще способна сплотиться против общего врага. В частности, представители большевиков в ЦИК вошли в Комитет народной борьбы с контрреволюцией, активно участвовали в агитации и в пресечении движения корниловских войск. Эти действия одобрил и Ленин, находившийся тогда в подполье, в Гельсингфорсе (Хельсинки). Сначала он не допускал самой возможности военного мятежа против Временного правительства, так как полагал, что Керенский полностью подчинился военной клике. Но, узнав о событиях и о тактике большевиков, полностью ее поддержал.

Подавление выступления генерала Корнилова привело к глубоким изменениям политического положения в стране. Правые силы потерпели поражение. Корнилов как значимая политическая фигура был убран со

сцены. Нового вождя у правых пока не было видно. Офицерство и генералитет, поддерживавшие планы Корнилова, были приведены в замешательство. Подавление мятежа сопровождалось анархическими выступлениями солдат, они искали «корниловцев» среди своих командиров. В Выборге, где находился штаб 42-го армейского корпуса, разъяренные солдаты убили несколько генералов и офицеров. Власть командиров была подорвана окончательно, а солдаты открыто демонстрировали свою ненависть к Ставке и всякому начальству. Это привело к окончательному крушению воинской дисциплины в русской армии. Вместе с тем, если ранее старшие офицеры и генералы скрепя сердце подчинялись Временному правительству Керенского, то после корниловщины они больше ему не доверяли. Керенский в их глазах «предал» Корнилова. Самоназначение же его главнокомандующим русской армии они воспринимали с иронией. Если в борьбе с большевиками после июльских дней Керенский опирался на правые силы и генералитет, то теперь поддержка Временного правительства с правого фланга русской политической жизни прекратилась. На первое место в политической жизни вновь вышли «революционная демократия» и Советы.

30 — 31 августа 1917 г. Керенский, видя, что угроза для него миновала, приступил к консультациям с кадетской партией о возобновлении нормальной работы коалиционного правительства. Однако центральные комитеты партий меньшевиков и эсеров заявили, что не пошлют своих представителей в правительство, если Керенский пригласит туда кадетов. Возник новый политический кризис. Выход из него был найден в такой форме: Керенский с согласия лидеров ЦИК объявил о создании «Совета пяти», или Директории, куда вошли он сам, М.И. Терещенко, назначенный министром внутренних дел меньшевик А.М. Никитин, военный министр А.И. Верховский (получивший за борьбу с Корниловым чин генерала) и морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский. ЦИК разбил доверие Совету пяти и объявил, что через две недели будет созвано новое общегосударственное совещание — «демократическое», поскольку на него не будут приглашены кадеты. Это совещание и решит, нужно ли продолжать коалицию с кадетами или формирование правительства следует поручить «демократии». Такое решение вновь подняло авторитет ЦИКа и Советов. Таким образом, в результате разгрома Корнилова и удара по правой оппозиции вновь как бы вернулось «двоевластие».

Эта стало реальным после того, как выяснилось, что Петроградский Совет на этот раз разошелся с эсеро-меньшевистскими вождями ЦИК. В Совете давно назревало недовольство их компромиссной политикой по отношению к Временному правительству, соответственно повышались значение и вес большевиков. Они теперь фактически главенствовали в рабочей секции Совета. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1917 г. по

предложению Каменева общее собрание Совета, впервые за всю свою полугодовую историю, приняло большевистский проект резолюции по текущему моменту. Там содержались требования немедленно заменить правительство Керенского.

В то же время Ленин в Гельсингфорсе, ознакомившись по газетам с ситуацией в Петрограде и в стране на 31 августа, пришел к выводу о возможности для большевиков предложить меньшевикам и эсерам политический компромисс. 1 сентября он написал статью, она так и называлась: «О компромиссах», и отправил ее курьером в Петроград. Подобная тактическая гибкость была присуща Ленину — в предшествующих статьях он яростно обзывал меньшевиков и эсеров изменниками революции и объявлял, что никакого сотрудничества между ними и большевиками впредь быть не может. Суть компромиссов, по мнению Ленина, состояла на этот раз в том, что большевики отказываются от курса на новую революцию, подготовку вооруженного свержения Временного правительства, а меньшевики и эсеры объявляют о низложении правительства Керенского и сами формируют новое правительство из лидеров Советов. 6 сентября эта ленинская статья была напечатана в центральном органе большевиков газете «Рабочий путь» с примечанием о том, что, пожалуй, время для заключения компромисса уже прошло.

Между тем в Петроградском Совете лидеры умеренных социалистов по-прежнему мерялись силой с набиравшими голоса депутатами большевиками. Процессу «большевизации» Советов, начавшемуся с принятия Петроградским Советом предложенной Каменевым резолюции о необходимости сменить власть, о чем речь уже шла выше, способствовала как общая радикализация масс в послекорниловские дни, так и сдвиг влево в составе депутатов. Меньшевистско-эсеровское руководство предприняло попытку отменить большевистскую резолюцию на том основании, что на заседании в ночь с 31 августа на 1 сентября не было кворума. 6 сентября Президиум Петроградского Совета объявил о намерении сложить свои полномочия, если резолюция не будет признана недействительной, и Совет не выскажет доверие прежнему руководству.

9 сентября впервые в Актовом зале Смольного института (Совет переехал туда, т.к. Таврический дворец ремонтировался перед открытием Учредительного собрания) состоялось общее собрание Петроградского Совета, где присутствовала ровно тысяча его депутатов. Большинство их высказалось за большевистское предложение о новом составе Президиума на основе пропорционального представительства всех политических партий. В Москве же еще 5 сентября объединенное собрание Советов рабочих и солдатских депутатов приняло ту же резолюцию, что и Петроградский Совет, но с прибавлением, что предлагает Демократическому совещанию создать новое правительство.

Отчуждение от меньшевиков и эсеров главного Совета страны вызвало у них сильное раздражение. В статьях своих центральных органов, газет «Дело народа» и «Рабочая газета», они официально отказались от компромисса с большевиками, не без оснований заявив, что им и Ленину доверять нельзя. Так, еще до открытия Демократического совещания возможность для заключения политического компромисса между большевиками и меньшевиками и эсерами исчезла. Но это еще не осознавалось руководством большевиков в Петрограде. В своих выступлениях перед открытием совещания и в первые дни его работы вожди большевиков Каменев, Троцкий (он был принят в РСДРП(б) на VI съезде), Сталин высказывали готовность прийти на Демократическом совещании к компромиссу. Но с 17 сентября в связи с начавшейся большевизацией Советов они восстановили главный агитационный лозунг «Вся власть Советам!»

А Ленин в Гельсингфорсе, в свою очередь, пришел в ярость от отказа меньшевиков и эсеров пойти на союз с большевиками и от оскорбительной для него формы этого отказа. Принимая во внимание переход на большевистские позиции Петроградского и Московского Советов, он сделал вывод о наличии теперь у большевиков собственных сил для свержения правительства Керенского и для захвата государственной власти. 14 сентября он отправляет в ЦК два письма — «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Он убеждает членов ЦК большевиков назначить и провести восстание уже в дни работы Демократического совещания в сентябре. Ленин прислал сразу по десять машинописных копий своих писем, чтобы на их основе немедленно развернуть среди солдат и рабочих агитацию за восстание.

Члены ЦК были в шоке: второй раз за две недели Ленин предлагал им круто, на 180 градусов, повернуть всю тактику. Они отказались от предложения Ленина и уничтожили 9 копий всех двух его писем. Они ничего Ленину не ответили, а в большевистской газете «Рабочий путь» печатали только те его статьи, в которых еще предлагался компромисс меньшевикам и эсерам. Так возникло расхождение по тактическим вопросам между Лениным, с одной стороны, и Каменевым, Зиновьевым, Троцким, Сталиным, Бухариным, Ногиным, большинством ЦК — с другой. Оно продлило на месяц жизнь Временного правительства, давало лидерам ЦИК и Керенскому шансы на поиски третьего пути, которые так и остались неиспользованными. Как писал Милюков, Россия подталкивалась к дилемме: «Корнилов или Ленин».

Демократическое же совещание зашло в тупик. Оно приняло резолюцию о принципиальной возможности коалиции с буржуазией. Однако потом внесло туда поправку насчет того, что из коалиции должна быть устранена кадетская партия. Затем вся резолюция вместе с поправкой была провалена. Совещание решило выделить из своего состава «Де-

мократический совет», который стал бы временным, до Учредительного собрания, представительным органом при правительстве²⁴. Колебания на совещании дали возможность Керенскому перехватить инициативу. Он начал интенсивные консультации по образованию третьего коалиционного правительства. Лидеры ЦИК, боясь остаться за бортом политической жизни, согласились с планами Керенского.

25 сентября правительство назначило А.И. Коновалова, который к этому моменту вступил в кадетскую партию, заместителем министра — председателя и министром торговли и промышленности. Коновалов покинул Временное правительство еще в середине мая 1917 г. Теперь он вернулся во власть, потому что прежний ближайший помощник Керенского Н.В. Некрасов, в дни борьбы с Корниловым посоветовал Керенскому сдать и за это был удален из правительства и назначен Финляндским генерал-губернатором. Адвокат П.Н. Малянтович (меньшевик) стал министром юстиции, кадет Н.М. Кишкин — министром государственного призрения, А.В. Ливеровский — министром путей сообщения. Кадет М.В. Бернацкий был назначен министром финансов, меньшевик К.А. Гвоздев — министром труда. В правительство были приглашены крупные московские капиталисты: С.А. Смирнов стал государственным контролером, а С.Н. Третьяков — председателем экономического совета при Временном правительстве. Таким образом, после правительственного кризиса, длившегося почти целый месяц, Керенский сумел освободиться от опеки лидеров ЦИК и создать то правительство, какое хотел.

В то же время Керенский должен был что-то делать с Советом, какой выделило Демократическое совещание. Он решил эту задачу, заявив о создании «Временного Совета Российской республики», где вместе с 220 членами «Демократического совета» должно было заседать и такое же число представителей либеральных кругов. Открытие Совета Российской республики (или «Предпарламента», как его стали называть) было назначено на 7 октября. Он получил только законосовещательные функции и был окрещен второй «булыгинской думой».

В то же время с каждым днем в столице и в стране усиливали свое влияние большевики. 25 сентября состоялись перевыборы председателя Петроградского Совета. Вместо меньшевика Чхеидзе им был избран большевик Троцкий (Бронштейн), который быстро занимал место второго человека в большевистском руководстве. Первый раз выступая в качестве председателя, Троцкий заявил, что ответом Совета на известие об образовании нового правительства будут слова: «В отставку!» ЦК большевиков, все еще не соглашаясь с Лениным по вопросу о восстании, решил (вопреки Троцкому) участвовать в Предпарламенте, а также поддержать инициативу ряда Советов о созыве на 20 октября Второго Всероссийского съезда Советов. Перспектива подготовки и проведения вооруженного восстания большинством ЦК в этот момент исключалась. В те же

дни об отказе в поддержке Временного правительства Керенского заявил Центральный комитет Балтийского флота («Центробалт»). Опираясь на это решение, судовой комитет крейсера «Аврора» отозвал матросский караул из Зимнего дворца.

Так заканчивался первый месяц осени 1917 года. Керенскому казалось, что он удачно пресек попытку переворота со стороны правых во главе с Корниловым, поставил «на место» меньшевистско — эсеровских лидеров ЦИК, пытавшихся ограничить его режим личной власти. Опасность же со стороны большевиков он явно недооценивал.

Октябрьский переворот и свержение Временного правительства

Внутреннее и внешнее политическое и экономическое положение России в начале октября 1917 г., после семи месяцев революции, оказалось более сложным и трудным, чем в феврале того же года. Временному правительству и только что создаваемому гражданскому обществу не удалось достичь сплочения страны, гражданского мира и стабильности в государстве. Противоречия интересов социальных групп и представлявших их политических партий не давали развиваться положительным реформам.

Сначала это были противоречия между желанием Временного правительства и кадетского руководства продолжить войну и нежеланием этого со стороны солдат, рабочих и их Советов. Либеральные политики пытались разрешить эти противоречия, пригласив во власть лидеров Советов, умеренных социалистов. Но войдя в правительство, социалисты разделили с либерально — буржуазными верхами ответственность за продолжение войны. Оставшиеся в изоляции левые радикалы, большевики нашли поддержку в тех слоях рабочих, которым революция была нужна как средство получить более широкие политические права и улучшить свое материальное положение. Их поддерживали те солдаты Петроградского гарнизона, которые стремились воспользоваться неожиданно открывшимися для них правами, безопасной жизнью в тылу и отказывались идти на фронт. Желание большевиков дать выход этим настроениям организацией демонстрации 10 июня вызвало затяжной июньский кризис в Петрограде. Он перерос в новый кровавый июльский кризис, когда перехватившие у большевиков инициативу анархисты спровоцировали вооруженное выступление части гарнизона против правительства. Присоединившись к движению, большевики подставили себя под репрессии. В то же время умеренные социалисты, меньшевики и эсеры фактически отказались от самостоятельной политической роли и сомкнулись с Временным правительством.

Разрешив этот кризис и нанеся удар по левым радикалам, Временное правительство вскоре встретилось с напором оппозиции справа. Выразителем ее интересов стал верховный главнокомандующий генерал Корнилов. В ситуации потери власти Керенский бросился под защиту Советов. Вновь проявив волю и энергию, эсеро-меньшевистские вожди ЦИК вынуждены были смягчить политику по отношению к большевикам. Те немедленно этим воспользовались и захватили прочные позиции в Советах обеих столиц, опираясь на растущее сочувствие со стороны матросов и части солдат. Шанс компромисса между враждующими частями «революционной демократии» был упущен. Лидеры ЦИК вновь вернулись к поддержке коалиции и Керенского, а он частично вернул себе независимость от ЦИК. Перспектива работы Предпарламента и созыва Второго Всероссийского съезда Советов несла с собой новые осложнения. Выборы в Учредительное собрание перенесены были с конца сентября на середину ноября, а начало работы этого «хозяина земли русской», как в политическом обиходе торжественно именовали Учредительное собрание, было назначено на 28 ноября 1917 г. Но до этого нужно было еще дожить.

Неудача июньского наступления понизила авторитет России у союзников. Они все более убеждались в небоеспособности русской армии. Огромная денежная и материальная помощь России со стороны Англии, Франции, США, Японии и Италии не давала заметных результатов. Союзники подумывали о том, чтобы отказаться от обещания территориальных приращений, данных еще царскому правительству. В начале октября Керенский обратился к союзникам с просьбой о политической поддержке. Ею могло стать только разрешение России на время заключить перемирие с противником. Но Керенский боялся поднять этот вопрос. Германия еще в июле обратилась к министру иностранных дел Терещенко с очень выгодным предложением о сепаратном мире, но Терещенко не посмел вынести этот вопрос на официальное рассмотрение Временного правительства. В начале октября разгорелось сражение на Моонзундском архипелаге в Балтийском море. Несмотря на героическое сопротивление матросов и солдат, немцы захватили эти эстонские острова. Морской путь в Финляндию и на Петроград, а также высадка десанта были теперь открыты для немцев. А вопрос о мире стал еще более жгучим.

Экономическое положение страны резко ухудшилось. Введение восьмичасового рабочего дня в результате соглашений между обществами фабрикантов и заводчиков и Советами по всей России привело к росту расходов капиталистов и государства на оплату обязательных сверхурочных часов. Новые тарифные договоры поднимали среднюю заработную плату. Промышленники вынуждены были оплачивать и службу рабочей милиции. Расходы увеличились, а производительность труда рабочих упала,

поскольку главным для них делом стали митинги. Материальный уровень рабочих в апреле — июне повысился, но к августу был сведен на нет инфляцией и ухудшением снабжения. Временное правительство ввело хлебную монополию и заставило крестьян продавать зерно правительству по твердым ценам. Инфляция заставила в августе поднять их вдвое, но все равно заготовка продовольствия шла очень плохо. Новые продовольственные органы не справлялись со своими задачами. В августе были введены карточки на сахар, в дополнение к уже существовавшим с марта 1917 г. карточкам на хлеб. В сентябре — октябре снабжение городов резко ухудшилось, что вызвало уже недовольство не только рабочих, но и всех горожан²⁵.

Общее ослабление власти, некомпетентность новой милиции привели к росту преступности. Убийства и тяжкие телесные повреждения случались все чаще, как и воровство, разбой и дерзкие ограбления. Поймав воров на рынках и в магазинах, разъяренная толпа расправлялась с ними самосудом, часто забивая до смерти. Ослабление власти и недоверие к ней обернулись невиданным ростом анархии. Ее застрельщиками стали солдаты запасных частей. Угрожая оружием, они заставляли машинистов менять пути следования, отцеплять вагоны и цистерны. Они захватывали на станциях цистерны со спиртом и вагоны с продовольствием. На улицах городов и в трамваях возникали драки и стычки между солдатами разных частей. Все это усложняло и без того сложное продовольственное положение.

Политическое же положение в городах и особенно в столицах было угрожающим. Керенский, вчерашний кумир всей России, потерял популярность. О нем рассказывали анекдоты, на него сочиняли эпиграммы, рисовали карикатуры. Министр — председатель все больше отрывался от масс, ставя себя над народом, окружая себя толпой адъютантов и порученцев. В Зимнем дворце работала теперь спецстоловая для правительства. Все те излишества и привилегии «народной власти», какими она обзавелась в последующие годы и с какими не рассталась и сегодня, появились уже в августе — сентябре 1917 г., при Керенском. Ярко проявилось обычное российское отчуждение власти от народа. С другой стороны, народ, прежде всего солдаты и рабочие, жили своей бурной политической жизнью. Борьба с корниловщиной оживила интерес к политике. Каждый день в Петрограде и в большинстве крупных городов проходили тысячи митингов и собраний. На них принимались тысячи политических резолюций²⁶.

На этих митингах теперь уверенно верховодили большевики. Они повели кампанию за созыв Второго Всероссийского съезда Советов и за передачу ему решения вопроса о власти. Численность большевистской партии увеличилась до 350 тыс. человек. Это было меньше, чем миллион эсеров, но больше, чем 200 тыс. у меньшевиков. В эсеровской и меньшеви —

стской партии была слабая внутренняя дисциплина. Свобода мнений и группировок привела к тому, что у эсеров образовалось три враждовавших между собой направления: центр, правые и левые. Последние были близки к полному разрыву с прежней партией и образованию новой. У меньшевиков было 5—6 политических фракций, от оборонцев до интернационалистов и «объединенцев». Каждая имела своих вождей, свои программы спасения России. Полемика между ними отвлекала силы партий от главного: сотрудничества в деле спасения демократии в России.

У большевиков дисциплина была строже, а авторитет основного лидера, Ленина, достаточно высок. Такова была традиция малочисленной подпольной партии. Но в обстановке легальной политической жизни революционного года сотни тысяч новых членов, вступивших в партию, принесли с собой и свободные политические нравы. Появилась и у большевиков рознь во мнениях и их оттенках, что выразилось в решениях сотен партийных конференций и собраний по всей России. А в критические дни октября 1917 г. в руководстве партии большевиков возникла рознь по вопросу о ее ближайшей тактике.

Самые правые позиции занимали Каменев в Петрограде и В.П. Ногин в Москве. Они полагали, что партия должна оставаться на крайнем левом фланге советской демократии, участвовать в Предпарламенте, вести выборную кампанию в Учредительное собрание, поскольку там она имеет шансы стать сильной оппозицией и получить до 30% голосов. Они отвергали ленинское предложение о вооруженном восстании, полагая, что сил для захвата и удержания власти у большевиков недостаточно, а неудачное восстание похоронит моральный авторитет большевистской партии и приведет к поражению рабочего движения. Эти взгляды подерживал бывший ближайший соратник Ленина Зиновьев. Он часто общался с Каменевым и даже иногда бывал на заседаниях ЦК. Мнение Каменева разделялось большевистской фракцией Демократического совещания, где были представлены 130 делегатов со всей страны. За него были и члены ЦК — москвичи. Но после провального по существу финала совещания позиции Каменева ухудшились. Внутри ЦК все больший вес приобретало мнение Троцкого, который предложил уйти с первого заседания Предпарламента после оглашения принципиальной декларации. Троцкий хотел при этом опереться на авторитет Ленина и 3 октября провел в ЦК решение о вызове Ленина из Финляндии (тот жил в это время уже в Выборге).

5 октября ЦК РСДРП(б) принял предложение Троцкого о выходе из Временного Совета Республики. Каменев, недовольный новым расколом в рядах «революционной демократии», подал заявление об отставке с постов руководителя большевистской фракции в ЦИК и в Петроградском Совете. Ленин же в это время настаивал на выходе из Предпарла —

мента и на подготовке немедленного восстания. Это выразилось в его публицистических статьях для центрального органа партии, газеты «Рабочий путь». Кроме того, в ЦК он отправил письма, не предназначенные для печати. В этих письмах в крайне резкой форме Ленин критиковал сторонников легального пути и ожидания съезда Советов. Он тоже подал (раньше Каменева) заявление о выходе из ЦК, но, разумеется, по другой причине, чем у Каменева. Угроза выхода из ЦК была для него средством давления на тех, кто с ним не соглашался насчет вооруженного восстания. 7 октября, после оглашения Троцким декларации большевиков, их фракция покинула Мариинский дворец, где в бывшем зале Государственного Совета стал работать Предпарламент.

Вскоре в Петроград прибыл Ленин и настоял на немедленном созыве заседания ЦК. Оно состоялось поздно вечером 10 октября и приняло, вопреки мнениям Каменева и Зиновьева, решение об организации вооруженного восстания в ближайшее время. Однако Каменев и Зиновьев продолжали борьбу за свои взгляды и 11 октября распространили письмо к членам большевистской партии, в котором заявляли, что сил для победы в восстании недостаточно, что поражение приведет к новым репрессиям против большевиков и т.д. Письмо Каменева и Зиновьева, циркулировавшее по партийным организациям, создало неопределенность в вопросе о восстании, и Ленин настоял на новом, расширенном заседании ЦК РСДРП(б). Началось оно поздно вечером 15 октября. Из 26 участников этого заседания к Каменеву и Зиновьеву присоединилось только 4 — 5 человек.

После завершения заседания в ранние утренние часы 16 октября Каменев и Зиновьев написали заявления о выходе из ЦК. Они продолжили борьбу против вооруженного выступления. 17 октября газета М. Горького «Новая жизнь», не одобряющая идеи восстания, поместила сообщение о том, что по городу ходит листок Каменева и Зиновьева (их имена, правда, названы не были) против выступления, а 18 октября та же газета поместила интервью с Каменевым, в котором он от своего имени и от имени Зиновьева подтверждал, что ЦК большевиков до открытия съезда Советов принял решение о выступлении и назначил его на 20 октября.

Это интервью нарушало партийную дисциплину, но оно вряд ли может считаться «выдачей врагу срока восстания», как об этом писалось в советское время. О подготовке большевиками нового вооруженного выступления против Временного правительства писала вся петроградская печать с конца сентября. Гадали лишь о дне восстания: 13-го, 17-го или 20 октября. Каменев лишь подтвердил: двадцатого! Между тем еще 17 октября Временное правительство на своем заседании решило просить ЦИК Советов перенести дату открытия съезда на более поздний срок. ЦИК сделал это и назначил открытие на 25 октября. Ленин со своей стороны решил опубликовать свой памфлет, в каком он призывал к восстанию и осуждал письмо Каменева и Зиновьева. Это было сделано в

центральной органе большевиков газете «Рабочий путь» 19 — 21 октября. Теперь подготовка восстания стала вестись совершенно открыто. Кроме того, Сталин, главный редактор «Рабочего пути», заставил Зиновьева опубликовать заявление о том, что у него и Каменева нет глубоких расхождений с Лениным. От себя же Сталин добавил, что «мы остаемся в основном единомышленниками». Таким образом, полуторамесячная борьба в ЦК окончилась победой Ленина. Внутрипартийных препятствий для вооруженной борьбы за вооруженный захват власти больше не осталось.

Независимо от этой полемики полным ходом шла и военно — организационная подготовка вооруженного выступления. На предприятиях Петрограда большевики возобновили занятия рабочей Красной гвардии. Их проводили инструктора — солдаты и офицеры, члены Военной организации при ЦК РСДРП(б). К середине октября в Красной гвардии было уже 15 — 16 тыс. членов. Казенные трехлинейные винтовки для них поступили 22 — 23 октября с Сестрорецкого оружейного завода по ордерам председателя Петроградского Совета Троцкого. 22 — 23 октября прошла общегородская конференция Красной гвардии, избравшая ее Центральную Комендатуру. Последняя заявила о подчинении Петроградскому Совету.

В эти же сроки резко обострился вопрос об обороне Петрограда. Военное правительство и штаб округа под предлогом защиты города хотели вывести из столицы ненадежные и разложившиеся части Петроградского гарнизона. Тогда Петроградский Совет по просьбе Солдатской секции еще 9 октября заявил, что сам займется обороной города. Для этого он объявил о создании комитета революционной обороны, вскоре переименованного в Революционный штаб, а затем и в «Военно — революционный комитет». 16 октября положение о ВРК утвердило общее собрание Петроградского Совета. В ВРК были представлены, наряду с большевиками, левые эсеры и меньшевики — интернационалисты. Став фактически легальным штабом готовящегося восстания, ВРК маскировал свои действия флагом обороны, ссылаясь на неспособность военных властей защитить столицу. С 20 октября ВРК начал устанавливать связь со всеми воинскими частями, а с 21 — го — назначать туда своих комиссаров. Последние в частях созывали собрания и сообщали, что отныне приказы штаба и командира части могут выполняться лишь после подтверждения их комиссарами ВРК.

Только тут всполошился штаб округа и командующий ПВО полковник Г.П. Полковников. Он отказался признать комиссаров ВРК, начался их «конфликт». Полковников уверял Керенского, что гарнизон в его руках и что правительству опасаться нечего: выступление будет подавлено регулярными частями. Однако на деле он ничего для защиты правительства не предпринял, кроме издания пары грозных приказов. 23 октября, увидев, что почти во всех частях уже командуют комиссары ВРК, Полковников запросил от Петроградского Совета делегацию для переговоров.

Приготовления большевиков вызвали большую тревогу у эсеро-меньшевистского руководства ЦИК первого созыва. Известный лидер меньшевиков Ф.И. Дан, который замещал уехавшего в Грузию председателя ЦИК Н.С.Чхеидзе, настоятельно советовал Керенскому немедленно заявить о передаче земли крестьянам и о начале переговоров о перемирии. Вопрос о мире неожиданно приобрел редкую остроту в связи с тем, что военный министр генерал А.И. Верховский заявил на объединенном заседании комиссий по обороне и по иностранным делам Предпарламента, что армия воевать больше не может и что надо обратиться к союзникам с просьбой разрешить России заключить перемирие с немцами. Тут же выступил Терещенко и сказал, что Верховский выразил только свое личное мнение, а Керенский немедленно отправил Верховского «в отпуск по состоянию здоровья».

В беседе с Керенским, которая состоялась 20 октября, представители миссии Красного креста США полковник Томпсон и подполковник Робинс предложили Керенскому объявить о передаче земли крестьянам и сформировать «советскую власть» под своим председательством! Но ни в коем случае не выводить Россию из войны. Все эти советчики давали шанс Керенскому вырвать у большевиков популярные лозунги и тем самым блокировать их приход к власти. Достаточно было объявить о немедленном решении хотя бы двух вопросов революции из трех (земля, мир, власть), чтобы внести раскол в стан противников правительства и удержаться до созыва Учредительного собрания. Но Керенский отверг эти маневры. В беседе с английским послом Джорджем Бьюкененом он заявил: «Я желаю только, чтобы они вышли на улицу. Я их раздавлю!» Своей политикой Керенский лишь ускорил конец Временного правительства и помог большевикам.

22 октября большевики провели невиданную в Петрограде скоординированную агитационную кампанию под названием «День Петроградского Совета». Почти сотня митингов состоялась в столице, где рабочие и солдаты клялись выступить на защиту Совета по первому его зову. 23 октября на вечернем общем собрании Петроградского Совета секретарь Военно-революционного комитета большевик В.А. Антонов-Овсеенко сделал доклад о действиях комитета. Доклад был одобрен Советом. Комиссаров ВРК принял даже гарнизон Петропавловской крепости и 9-й кавалерийский запасный полк. Гарнизон был готов к выступлению против Временного правительства. После полуночи штаб и ВРК разрешили свой «конфликт»: ВРК отменил свою телефонограмму о неподчинении приказам штаба, а штаб, со своей стороны, утверждал всех комиссаров ВРК своим приказом по округу, т.е. легализовывал их статус и деятельность. До съезда Советов оставалось два дня²⁷.

Узнав об этом соглашении, Керенский расценил поведение ВРК как признак слабости большевиков: у них, дескать, не все «готово». Поэтому

он решил нанести по ним упреждающий удар. На ночном заседании правительства в Зимнем дворце было принято постановление о закрытии большевистских газет «Солдат» и «Рабочий путь», о вызове войск для охраны правительства из пригородов. При всем том Временное правительство отклонило предложение Керенского об аресте членов ВРК Петроградского Совета.

Ранним утром 24 октября отделение юнкеров и комиссар милиции местного подрайона прибыли в типографию «Труд» на Кавалергардской улице, где печатался очередной номер большевистской газеты «Рабочий путь». Они разбили стереотипы, конфисковали уже несколько тысяч уже готовых экземпляров и опечатали типографию. На закрытие газеты «Солдат» сил у правительства не хватило. Узнав о закрытии газеты «Рабочий путь», большевики собрали в Смольном заседание ЦК. Ленин все еще находился в подполье и жил на конспиративной квартире на Сердобольской улице. Было решено начать переговоры с ЦИК и заявить протест, вызвать солдат для охраны Смольного, создать запасной большевистский штаб в Петропавловской крепости. ЦК решил направить в типографию охрану и принять меры к выходу «Рабочего пути».

Надо сказать, что на формы, какие приняло начало восстания в Петрограде, оказали воздействие разногласия между Лениным и Троцким. Ленин считал, что провести захват власти нужно до открытия Второго Всероссийского съезда с тем, чтобы поставить его перед фактом. Троцкий же полагал, что восстание надо начать после принятия съездом такого решения и изложения на съезде Временного правительства. Троцкий, будучи председателем Совета, намерен был таким образом придать перевороту внешне легальный характер. Все технические возможности для этого были у него, тогда как Ленин мог только писать негодующие письма и грозные записки.

Военно-революционный комитет, размещавшийся тут же в Смольном, действовал более решительно и прямолинейно. Он выпустил Предписание № 1, через связных тут же оно было доставлено в воинские части гарнизона. В нем говорилось, что «штабные заговорщики» перешли в наступление на Петроградский Совет. Предписывалось привести часть в боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. ВРК решил обеспечить напечатание номера «Рабочего пути» за 24 октября, для чего послать в типографию полуруту Волинского полка. Были вызваны пулеметные команды для охраны Смольного.

Днем 24 октября Керенский констатировал, что большинство частей из пригородов не прибыло в Зимний дворец. Тогда были приняты меры по вызову юнкеров из городских училищ. В Зимнем была также оставлена полурута 1-го Петроградского женского батальона, который прибыл на Дворцовую площадь для построения. Правительство обратилось к городскому инженеру с предложением прервать трамвайное движение и

развести мосты через Неву, чтобы воспрепятствовать проникновению рабочих с заводских окраин в центр города. Мосты стали разводиться, но ВРК, узнав об этом, стал посылать к мостам свои команды, чтобы не допустить их разводки. В результате властям удалось развести только Николаевский мост.

Во второй половине дня вышел номер «Рабочего пути». В передовой статье «Что нам нужно?», написанной Сталиным, содержался призыв к рабочим посылать делегации на съезд Советов с требованиями взять всю власть в свои руки. Обеспокоенный Керенский явился в Предпарламент, где заявил, что часть городского населения находится в состоянии восстания. Он цитировал «Письмо к товарищам» Ленина с агитацией за восстание, называл Ленина «разыскиваемым государственным преступником». А в Смольном Троцкий на пресс – конференции заявил, что никакого восстания нет, а если съезд примет такое решение, это будет просто полицейская акция по отношению к Временному правительству.

ВРК действовал самостоятельно. В пять часов дня его комиссары убили солдат Кексгольмского полка, охранявших Центральный телеграф на Почтамтской улице, перейти на сторону Совета. С их поддержкой они установили политический контроль за телеграфными сообщениями. Это был первый наступательный акт восстания. В Гельсингфорс были посланы две телеграммы, содержавшие кодовое слово «Устав». Оно означало, что Центробалт должен выслать отряд на помощь Петроградскому Совету.

В 9 – 10 часов вечера отрядами ВРК были заняты Балтийский и Варшавский вокзалы. Это было сделано, чтобы предотвратить неожиданное появление юнкеров из училищ Петергофа и Ораниенбаума и войск с Северного фронта. Затем наступила очередь Царскосельского (ныне – Витебский) и Николаевского вокзалов. Финляндский вокзал еще ранее был занят Красной гвардией. ВРК захватил Петроградское телеграфное агентство, Главный почтамт. В 6 часов утра ротой Кексгольмского резервного полка были заняты Центральная телефонная станция, а матросами Гвардейского флотского экипажа – Государственный банк. Впоследствии пропаганда и кино изображали восстание как массовое театрализованное представление. Десятки тысяч рабочих и солдат двигались со всех сторон города к Смольному. Там на крыльце стояли либо Ленин с протянутой вдаль рукой, либо Сталин в шапке – ушанке и отдавали приказы о взятии тех или иных объектов. На самом деле ничего этого не было. Сталин появился в Смольном только к вечеру 24 – го. Ленин же туда пришел в сопровождении телохранителя Эйно Рахья только к полуночи²⁸. Он провел совещание с Троцким и членами ЦК, после чего лег спать в одном из кабинетов. Приказы отдавались непосредственно членами Военно – революционного комитета (председателем его был левый эсер Лазимир, а членами – младшие офицеры большевики и левые

эсеры) через связных, а затем по телефону. В занятии государственных и общественных зданий участвовали солдаты тех воинских частей, что располагались в непосредственной близости от них и могли быстро и эффективно занять объект. Моральный дух правительственных войск был чрезвычайно низок. Юнкера сдавали свои посты и караулы без всякого сопротивления. К утру 25 октября весь город, за исключением района Дворцовой и Исаакиевской площадей, был под контролем Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

Керенский, следуя своему инстинкту самосохранения, весьма у него сильному, решил оставить столицу и выехать на Северный фронт, чтобы лично привести «верные войска» в Петроград. Он уехал на своей машине марки «Пирс — Эрроу» в двенадцатом часу дня 25 октября с Дворцовой площади через Арку Главного штаба. Впереди его открытой машины путь ей прокладывал закрытый автомобиль американского военного атташе под флагом США. Едва машины проскочили Мариинскую площадь и поехали по Вознесенскому проспекту, как этот перекресток был загорожен баррикадой из двух поставленных поперек проспекта автомобилей. Был окружен Мариинский дворец и прервано заседание Предпарламента. Занята военная гостиница «Астория» и дом военного министра на Мойке, 67. Матросы Гвардейского экипажа и солдаты Кексгольмского полка под руководством комиссаров ВРК вышли на Невский в районе Полицейского моста и соединились с солдатами — павловцами. Началось окружение района Дворцовой площади.

В 2 часа дня в Смольном открылось общее собрание Петроградского Совета. На нем присутствовали многие делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Троцкий его открыл сообщением о победе восстания. Затем он предоставил слово Ленину. Тот выглядел непривычно, с бритым лицом, без бородки и усов. Ленин заявил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». Свою речь он закончил словами: «Да здравствует всемирная социалистическая революция!» После Ленина выступил Зиновьев, заверивший, что он и Каменев полностью поддерживают вооруженное восстание.

Ленин торопил ВРК с арестом Временного правительства, так как приближался момент открытия съезда. Около 7 часов вечера Временному правительству, заседавшему с 12 часов дня в Зимнем под председательством А.И. Коновалова, был предъявлен ультиматум о сдаче. Правительство защищало всего около двух тысяч юнкеров, 136 «ударниц» Женского батальона и три сотни казаков. ВРК противопоставил им 9 — 12 тыс. человек, треть из них составляли матросы двух флотских экипажей, треть — солдаты (главным образом, Павловского и Кексгольмского полков) и еще одну — красногвардейцы Выборгского, Петроградского и Василеостровского районов. Операция развивалась мед —

ленно. Только в 9 час. 35 мин. вечера прозвучал сигнальный орудийный выстрел с батареи Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости, повторенный баковым орудием крейсера «Аврора». После сигнала на площади возникла перестрелка. Казаки попросились выйти из Дворца, что и было им разрешено. Затем сдались ударницы Женского батальона. В двенадцатом часу Зимний был подвергнут артиллерийскому обстрелу со стороны крепости и Арки Главного штаба. Три снаряда попали внутрь дворца. Это привело к массовой сдаче юнкеров, после разоружения их отпускали в училища. Около часу ночи начался захват здания со стороны Подъезда Ее Величества (левый, если смотреть на него от Арки). Захват длился около часу, без стрельбы, путем уговоров юнкеров Антоновым — Овсенько, руководившим операцией. Около 2 часов ночи восставшие достигли Малой столовой Зимнего дворца, где сидели министры. Они сдались, «подчиняясь насилию», как выразился Коновалов. Был составлен протокол, и министров отправили пешком в Петропавловскую крепость. Так было свергнуто Временное правительство, большинство которого состояло из социалистов²⁹.

В Актовом зале Смольного в 10 час. 35 мин. вечера открылся Второй Всероссийский съезд Советов. Руководители ЦИК первого созыва во главе с Ф.И. Даном настояли на принятии резолюции о начале переговоров между «восставшей частью демократии», ЦИК и правительством. Но после 3 часов стало известно об аресте правительства. Съезд принял написанное Лениным обращение о взятии Советами всей власти в центре и на местах, «опираясь на успешное восстание». Вечером 26 октября открылось второе заседание съезда. На нем по докладам Ленина были приняты декреты о мире и о земле. Съезд образовал Временное рабочее и крестьянское правительство «Совет Народных Комиссаров». Ленин стал его председателем, а Троцкий — народным комиссаром по иностранным делам. Со съезда ушло около 70 делегатов. Это были руководители партий меньшевиков, эсеров и народных социалистов. 24 — 26 октября они избрали своим центром Петроградскую городскую думу, где большевикам принадлежало только 30% голосов. Здесь был создан «Всероссийский комитет спасения Родины и Революции» во главе с В.М. Черновым.

Закончилась целая эпоха в истории России. Она длилась всего 8 месяцев. Народы России впервые прикоснулись к свободе. Впервые им представилась реальная возможность политического выбора, возможность определять свою дальнейшую судьбу. К сожалению, они не смогли ею воспользоваться. Веками сложившаяся в народе вера в царя, а потом в правителя, героя, отсутствие демократического опыта мешали развернуться личной инициативе, сформироваться представлениям о личной ответственности за свою судьбу и судьбу родины. Создавать кумиры, потом свергать их и топтать было более привычно. После Февральской

революции «обожаемый монарх» и его семья оказались мишенью для обливания помоями и грязью, объектом презрения и насмешек, что уже предрешило в сознании простых людей их будущую трагическую судьбу. Даже тело убитого Григория Распутина выкопали из могилы и сожгли в топке котельной Политехнического института. Окруженный поразительным массовым восторгом при своем возвышении в первый период революции, Керенский вскоре стал объектом насмешек и ненависти. Толпа восторженно встречала новых кумиров — Ленина и Троцкого, легко — мысленно полагая, что и с ними сможет расстаться по своему желанию.

Большевистский переворот был осужден всеми политическими силами, кроме принимавших в нем участие левых эсеров, а также анархистских групп. Воззвание ЦК кадетов гласило: «Насильники — большевики в час грозной опасности для России путем мятежа, опираясь на воинские части, ими обманутые и забывшие свой долг, захватили власть в Петрограде [...] Свобода, право граждан, завоеванное революцией, целостность и достоинство государства подвергнуты величайшей опасности. Насильники не стесняются ничем. Они уже наложили руку на свободу слова и печати [...] Начатая большевиками гражданская война и все ужасы междоусобий и анархии отнимают надежду на правильное осуществление выборов и на самую их возможность». Воззвание заканчивалось призывом «Спасайте Родину и Свободу». В обращении ЦК партии социалистов — революционеров к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам говорилось: «Вас подло и преступно обманули! [...] Открывшийся съезд, признавший уже совершенный захват власти, неправомерен, потому что его покинули все социалистические партии и фронтовые делегаты, там остались одни большевики и плетущиеся у них в хвосте социалисты — революционеры — максималисты [...] Вам обещали хлеб, но хлеба не будет [...] Вам обещали немедленный мир, а вместо того дадут новую тягчайшую войну в стране». ЦК объединенной партии социал — демократов — меньшевиков заявил, что считает «захват власти большевиками путем военного заговора насильем над волей демократии и узурпацией прав народа»³⁰.

Период борьбы политических партий в основном легальными средствами был теперь закончен. Большевики, захватившие власть силой, готовы были допускать к ней на правах младших партнеров только те партии, которые соглашались подчиниться их политическому курсу. Но трезвое понимание новых реальностей общественной жизни пришло не сразу. Даже новые хозяева России были, казалось, смущены открывшимися перед ними горизонтами, хотели лишь временно опереться на страну перед прыжком к мировой революции, не вскоре ощутили вкус к диктатуре, безнаказанности и всемогуществу. Поэтому гражданская война, практически уже начавшаяся 24 — 25 октября 1917 г. в Петрограде, первоначально еще недостаточно осознавалась всеми ее участниками. Многим

противникам большевиков казалось еще, что открытая политическая борьба партий, длившаяся восемь месяцев, продолжается. Эта иллюзия испарилась очень быстро. За фасадом советской власти скрывалась жесточайшая партийная диктатура.

Примечания:

¹ События Февральской революции 1917 г. излагаются главным образом на основе следующих документальных публикаций и исследований: Февральская революция 1917 г. Сборник документов и материалов. М. 1996; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М. 1967; *Пушкарёва И.М.* Февраль — ская буржуазно — демократическая революция 1917 г. в России. М. 1982; *Старцев В.И.* 27 февраля 1917 г. М. 1984.

² См.: Февральская революция 1917 г. С. 34 — 72.

³ См.: Февральская революция 1917 г. С. 59 — 81; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Том 1. 27 февраля — 31 марта 1917 года. Л. 1991. С. 19 — 24.

⁴ См.: Февральская революция 1917 г. Ч. 2, 3, 5; Петроградский Совет. Т. 1. С. 25[...] — 46.

⁵ См.: Февральская революция 1917 г. Ч. 1 — 4; Петроградский Совет. Т. 1. С. 46 — 131; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства (первого состава). Л. 1980. С. 37 — 111.

⁶ Данный параграф написан на основе ряда документальных публикаций и монографических исследований, в том числе: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М. 1957; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М. 1958; Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация. М. 1959; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. Ч. 2; Его же. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г. Гл. 1 — 3. М. 1978.

⁷ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М. 1996. С. 120 — 121; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М. 1991. Гл. XVIII.

⁸ См.: *Старцев В.И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочих милиции. М. — Л. 1965.

⁹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31; *Миллер В.И.* К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. // *Миллер В.И.* Осторожно: история! М. 1997.

¹⁰ См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. От января до июльских событий. М. 1994.

¹¹ См.: Протоколы третьего съезда ПСР см.: Партия социалистов — революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль — марта 1917 г. М. 2000. С. 132 — 627.

¹² См.: Съезды и конференции конституционно — демократической партии. Т. 2. М. 2000; Протоколы Центрального комитета конституционно — демократической партии. Т. 3. 1915 — 1920 гг. С. 351 — 410.

- ¹³ См.: Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917 — 1935. М. 1999. С. 13 — 31.
- ¹⁴ См.: Миллюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М. 1990. С. 289 — 310; Его же. История второй русской революции. М. 2001. С. 74 — 84.
- ¹⁵ Миллюков П.Н. Воспоминания. С. 293 — 297; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1 — 2. М. 1991. С. 253, 256, 276, 295 — 296, 317 — 318, 320.
- ¹⁶ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. // От первого лица. Сб. М. 1992. С. 62 — 70; Суханов Н.Н. Т. 2. Кн. 3, 4. С. 100.
- ¹⁷ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М. 1958. Раздел 8; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 17 году. Т. 2. СПб. 1995; Старцев В.И. Революция и власть. М. 1978. С. 158 — 240.
- ¹⁸ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация. М. 1959. Раздел 8.
- ¹⁹ Миллюков П.Н. История второй русской революции. М. 2001. С. 187 — 192.
- ²⁰ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М. 1959. Раздел 1; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М. 1992; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. С. 278 — 362.
- ²¹ Миллюков П.Н. История второй русской революции. С. 205 — 241; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М. 1959. Раздел 4.
- ²² Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М. 1958.
- ²³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5 — 6 — 7. С. 83 — 144; Миллюков П.Н. История второй русской революции. София. 1922. Т. 1. Вып. 2. Корнилов или Ленин?
- ²⁴ См.: Меньшевики в 1917 году. М. 1996. Т. 3. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики: Партия социалистов — революционеров. М. 2002. Т. 3. Ч. 1. Февраль — октябрь 1917 г. С. 759 — 806.
- ²⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март — октябрь 1917 г. Ч. 2. М. — Л. 1957. Раздел 6.
- ²⁶ Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Документы и материалы. М. 1962.
- ²⁷ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М. 1957. Раздел 1.
- ²⁸ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М. 1989. С. 290 — 292; Сервис Р. Ленин. Минск. 2002. С. 348 — 350; Слассер Р. Сталин в 1917 году. М. 1989. С. 272 — 276.
- ²⁹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М. 1957. Раздел 2.
- ³⁰ Протоколы Центрального Комитета Конституционно — демократической партии. 1915 — 1920 г. Т. 3. С. 409; Партия социалистов — революционеров. Документы и материалы. Октябрь 1917 г. — 1920. М. 2000. С. 31 — 32; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря. М. 1997. С. 252.

ГЛАВА V. ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ: ОТ ВОЙНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ К ВОЙНЕ ГРАЖДАНСКОЙ

В. И. Стопцев

Конец «хозяина земли русской»

С момента захвата власти большевистской партией 25 — 26 октября 1917 г. и вплоть до разгона Всероссийского Учредительного собрания ранним утром 6 января 1918 г. первые всполохи вооруженной гражданской войны возникли в условиях острой и открытой борьбы между партиями или внутри них. Политическая карта России представляла собой пеструю и мозаичную картину. В Петрограде, Москве, нескольких десятках других губернских и промышленных городов власть взяли местные Советы рабочих и солдатских депутатов, причем большинство в них кое — где составляли меньшевики и эсеры. В меньшем числе городов у власти остались комиссары Временного правительства, органы местного самоуправления. На фронте и в прифронтовой полосе власть сохранялась у армейского командования. На Северном и Западном фронтах оно большей частью ориентировалось уже на большевиков, а на Юго — Западном, Румынском и Кавказском поддерживало власть свергнутого Временного правительства и партий меньшевиков и эсеров.

В Петрограде Военно — революционный комитет стал закрывать органы печати партий, осудивших Октябрьский переворот. Большевики сместили старую редакцию главной всероссийской газеты Советов «Известия ЦИК» и захватили ее в свои руки. Они установили также военный контроль над важнейшими типографиями столицы. Это дало им преимущества в информационной войне против своих политических противников. Так началось удушение оппозиционных сил. Но одновременно в ближайших пригородах Петрограда разгорелась и вооруженная борьба. Керенский, покинувший штаб утром 25 октября, сумел привести под Петроград третий конный корпус под командованием генерала П.Н. Краснова. 27 — 28 октября 1917 г. казаки без боя заняли Гатчину и Царское Село. В самом Петрограде Всероссийский комитет защиты родины и революции под председательством лидера партии эсеров Чернова 29 октября поднял на мятеж юнкеров большинства военных училищ. Командование ими принял на себя смещенный еще Керенским команду —

ющий войсками Петроградского военного округа полковник Г.П. Полковников. Юнкера захватили инженерный замок, Михайловский манеж (депо броневых машин). Под прикрытием самого мощного броневика «Ах — тырец» они смогли занять Центральную телеграфную станцию и пленить секретаря ВРК большевика В.А. Антонова — Овсеенко. Но этот мятеж быстро подавили: 16 юнкеров и несколько красногвардейцев были убиты, Полковников бежал, Чернов скрылся.

С большим трудом Ленину и Троцкому удалось заставить офицеров штаба округа и солдат — гвардейцев выстроить оборону против войск Керенского Краснова. Им помогали матросы и красногвардейцы, число которых было увеличено до 32 тыс.

В разгар военных действий на Пулковских высотах, в 15 км от города, Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников («Викжель»), угрожая всероссийской железнодорожной забастовкой, предъявил большевикам ультиматум: начать немедленные переговоры о создании «однородного социалистического правительства, от большевиков до народных социалистов». ЦК РСДРП(б) вынужден был согласиться. На переговоры была отправлена делегация с Каменевым во главе. Руководство большевиков согласилось даже с тем, чтобы ни Ленин, ни Троцкий в однородное правительство не входили. Но как только матросам удалось в Гатчине договориться с казаками Краснова о прекращении военных действий, Ленин потребовал прервать переговоры. Краснов был пленен, затем отпущен и уехал на Дон, Керенский бежал. Военная победа оказалась на стороне большевиков.

Исключительно сложно проходила борьба за власть в Москве. Военно-революционный комитет был создан на объединенном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов Москвы только 25 октября, после получения известий о начале восстания в Петрограде. В распоряжении МВРК было мало войск. Лагерь сторонников Временного правительства возглавила во второй столице Московская городская дума. В контакте с ней действовал командующий округом полковник Рябцев. Он сумел мобилизовать на борьбу с ВРК юнкерские и кадетские училища. После ряда военных действий стороны заключили перемирие, которое многократно нарушалось. Юнкера захватили Кремль, ВРК использовал против них тяжелую артиллерию. При артобстрелах много зданий в центре Москвы было разрушено. Лишь 1 ноября юнкера покинули Кремль. В окончательном договоре значилось разоружение юнкеров и возвращение их в свои казармы. Таким образом, установление советской власти в Москве сопровождалось, противоположность Петрограду, большими человеческими жертвами¹.

Военная победа над войсками Керенского Краснова и установление власти Советов в Москве разрушили надежду на перемирие между большевиками и другими социалистическими партиями и на создание «од —

народного социалистического правительства». Тогда 5 наркомов и член ЦК РСДРП(б) Л.Б. Каменев и наркомы А.Н. Рыков, В.П. Ногин, В.М. Милютин, Н.А. Теодорович в знак протеста подали в отставку со своих постов, опубликовав заявление о том, что большевистская партия сможет оставаться у власти только «средствами политического террора». Ленин и Троцкий, наоборот, видели в победе упрочение «рабоче — крестьянской власти». На короткое время в большевистском руководстве они остались в меньшинстве. Но 13 ноября путем психологического нажима и хитрости они сумели перетянуть на свою сторону большинство членов ЦК. Тогда ими был опубликован «Ультиматум большинства меньшинству». ЦИК Советов второго созыва, где большевики и левые эсеры составили большинство, поручил Совету Народных Комиссаров пригласить новых кандидатов на места отказавшихся от должности наркома. 4 ноября закончился этот первый и единственный кризис советского правительства.

Борьба эсеров, меньшевиков и других социалистических партий против большевистской власти продолжалась. ВРК был вынужден быстро освободить арестованных в Зимнем дворце бывших «министров — социалистов». Они образовали «подпольное Временное правительство», которое заседало и выпускало обращения и воззвания. Однако его политическое влияние оказалось ничтожным. Большевикам удалось, умело играя на противоречиях, расколоть Крестьянский съезд. Новый Всероссийский совет крестьянских депутатов торжественно прибыл в Смольный и слился с ЦИКом второго созыва. Большевикам также удалось изолировать Викжель и созвать новый съезд железнодорожников. Так как и в Петрограде Центральная городская дума возглавила сопротивление большевистской власти, СНК ее распустил и 16 ноября провел новые выборы. Больше половины избирателей бойкотировали эти выборы, а рабочие и городская беднота избрали депутатов из большевистского и левозеро-эсерского списков. Было восстановлено единство большевистского фронта: оппозиционеры начала ноября написали покаянные заявления и были вновь допущены к работе. Зиновьев, первым перебежавший от Каменева опять к Ленину, был избран вместо Троцкого председателем Петроградского Совета.

13 — 15 ноября под руководством комиссии Временного правительства в стране состоялись выборы во Всероссийское Учредительное собрание. Они проходили исключительно по демократичному Положению о выборах. Местом работы Учредительного собрания был избран Таврический дворец в Петрограде, где срочно был произведен ремонт. Депутаты стали съезжаться в Петроград.

Власть Совнаркома в эти недели распространялась только на территорию Смольного института. Служащие всех учреждений объявили забастовку, которую большевики называли саботажем. Соответствующие министерства выплатили бастующим служащим зарплату за три месяца

вперед. Наркомы не имели пока никакой опоры в своих ведомствах и сидели в комнатах Смольного. Приближался день 28 ноября. Кадетская партия, получившая в Учредительном собрании свыше 15% мест, готовилась дать сражение большевикам на трибуне Таврического дворца. Тогда большевики устроили налет на особняк графини Паниной, где заседал кадетский ЦК, и арестовали его членов. При этом кадетская партия была объявлена «партией врагов народа» и поставлена вне закона. Так впервые из политического словаря Французской революции конца XVIII века был извлечен термин «враг народа». Через двадцать лет он будет применен к тысячам большевиков, совершивших октябрьский переворот в 1917 году.

Одновременно с арестом кадетов советское правительство объявило о переносе даты открытия Учредительного собрания с 28 ноября 1917 г. на 5 января 1918 г., мотивируя это малым количеством приехавших в столицу депутатов. В знак протеста десятки тысяч членов партий меньшевиков и эсеров, бастующих служащих вышли 28 ноября на демонстрацию, требуя немедленного открытия Учредительного собрания, «хозяина земли русской», как называла его пропаганда Временного правительства. Демонстрация была жестоко разогнана, большевики распустили и «Всевыборы» — созданную Временным правительством комиссию по подготовке и производству выборов в Учредительное собрание, назначив свою под руководством М.С. Урицкого. После этого враждебные большевикам партии создали «Союз защиты Учредительного собрания».

За отказ начать переговоры с немецкими властями СНК сместил тогдашнего верховного главнокомандующего русской армии генерала Н.Н. Духонина. Вместо него был назначен большевик прапорщик Н.В. Крыленко. Прибыв в Могилев для снятия Духонина, Крыленко не смог предотвратить кровавый самосуд над Духониным, осуществленный матросами и солдатами. 15 ноября, наконец, было заключено перемирие с Германией и начались мирные переговоры, так как союзники России никак не отреагировали на Декрет о мире. В большой тайне германское правительство 89 ноября открыло финансирование Совету Народных Комиссаров, выделив из своего военного бюджета первые 15 млн марок. Эти деньги в швейцарской валюте, переданные в декабре, помогли большевикам как-то справиться с полным отсутствием финансовых средств. Новые деньги появились после национализации в декабре 1917 г. частных банков и слияния их в один Государственный банк.

Если в первые одну–две недели в Петрограде царил порядок, подерживаемый старой милицией и Красной гвардией, то с середины ноября начались винные погромы. Солдаты частей гарнизона рыскали по городу в поисках спиртовых и винных складов. Их захватывали, и солдаты устраивали попойки, многие тогда умирали от перепоя или тонули в лужах вина. Особенно заметным был разгром погребов Зимнего дворца,

расположенных под зданием Эрмитажа. Под руководством большевика В.Д. Бонч — Бруевича в 75-й комнате Смольного был создан Комитет по борьбе с погромами. Опираясь на более стойкие воинские части, Комитет сумел с применением пулеметов прекратить погромы. Этот успешный опыт был использован при создании 7 декабря 1917 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе со спекуляцией и саботажем. Ее председателем был назначен член ЦК РСДРП(б) Ф.Э. Дзержинский.

В эти же ноябрьские и декабрьские дни 1917 г. начался и первый в XX веке распад России: дробление территории бывшей империи и образование новых мелких самостоятельных государств. Временное правительство все же сохраняло как могло территориальную целостность России и стремилось донести ее в неизменном виде до Учредительного собрания. Главными проблемами были Финляндия и Украина. И теперь, после падения Временного правительства и образования советской власти, поддерживавшей лозунг самоопределения народов вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, Финляндия и Украина, где уже были созданы свои органы власти и управления, провозгласили свою независимость. Уже 27 октября (9 ноября по новому стилю) финский сейм, ссылаясь на старинный шведский закон об управлении страной в случае смерти шведского короля, передал власть в стране трем избранным парламентом «регентам». 15 ноября (по новому стилю) сейм объявил себя верховным органом власти в Финляндии и сформировал самостоятельное правительство. 31 декабря (по новому стилю) Совнарком по предложению Ленина признает независимость Финляндии.

Правда, подписывая декрет и передавая его представителям буржуазной власти, Ленин держал камень за пазухой. Ровно через две недели в южной и восточной Финляндии началась при поддержке Советской России «рабочая революция». Несколько тысяч членов финской Красной гвардии Петрограда было переправлено через границу на помощь красногвардейцам Финляндии. Три месяца продолжалась кровопролитная гражданская война. В самом ее конце Совнарком подписал даже с рабочим правительством Финляндии договор о взаимопомощи и союзе. Но финской белой гвардии удалось нанести поражение красногвардейцам и занять Гельсингфорс (Хельсинки). По Брестскому миру, русские войска (а их численность в Финляндии доходила до 100 тыс.) должны были очистить территорию страны. Десятки тысяч красногвардейцев Финляндии были арестованы, судимы, расстреляны или посажены в концлагеря. Лишь несколькими тысячами питерских финнов удалось отступить в Петроградскую губернию и спастись. Отделение Финляндии от России стало фактом.

В столице Украины Киеве 29 октября рабочие и часть солдат подняли восстание с целью установить советскую власть, но через три дня они были разгромлены силами Центральной Рады. 3 декабря 1917 г. Со —

внарком вынужден был признать независимость Украины. Одновременно из Петрограда были отправлены верные большевикам войска, матросы и петроградская Красная гвардия, чтобы поддержать Советы в Харькове и других украинских городах, где им удалось захватить власть. 11 декабря в Харькове в противоположность Киевской Раде была провозглашена Украинская Советская республика. 26 января (8 февраля) 1918 г. большевистские войска из Петрограда вошли в Киев и свергли власть Рады².

После начала немецкого наступления (из — за одностороннего разрыва советской властью договора о перемирии) территорию Украины быстро заняли германские войска. На переговорах в Брест — Литовске делегация вынуждена была признать в качестве самостоятельной украинскую делегацию от Центральной Рады. По Брест — Литовскому миру территорию Украины следовало очистить от российских войск и Красной гвардии. Украина стала самостоятельной державой, хотя политическая борьба в ней продолжалась еще три года.

Это были первые две крупнейшие территориальные потери прежде единой страны. Но далеко не последние. На территории будущей Белоруссии, вблизи Ставки подняли мятеж добровольцы под командованием генерала Довбор — Мусницкого. Их выступление было подавлено верными Совнаркому полками старой армии и петроградскими красногвардейцами. Несколько тысяч красногвардейцев было отправлено из Петрограда в Донецкий бассейн, где они вошли в состав советских войск и участвовали в первых боях с формирующимися белыми частями у Ростова — на — Дону и на Кубани.

На южном Урале и в Оренбурге началось выступление казачьего атамана Дутова. На борьбу с ним также были отправлены советские силы из центра.

Но главное политическое сражение за власть должно было разыграться в Петрограде в начале января 1918 г. Связано это было с неминуемым открытием 5 января 1918 г. Всероссийского Учредительного собрания. Затягивание работы Учредительного собрания и перенос выборов в него на середину ноября 1917 г. безусловно было одной из главных политических ошибок Временного правительства. Если бы собрание открылось хотя бы в середине октября, успело бы принять важнейшие законы о земле, о федеративном устройстве демократической России, об отношении к войне и миру, большевикам было бы гораздо труднее организовать захват власти, а правое крыло в руководстве ЦК РСДРП(б) получило бы сильную внутреннюю и внешнюю поддержку. Так, Зиновьев даже 3 октября 1917 г. в «Рабочем пути», центральном органе большевистской партии, писал о возможности сосуществования в будущем политическом строе России Учредительного собрания и Советов. Ленин, пока не узнал о том, кто автор статьи, тоже благосклонно отнесся к

такому варианту. Когда же начиная с 10 октября в узком составе ЦК большевиков разгорелась острейшая борьба по вопросу о сроке восстания, Ленин отверг всякие предложения Зиновьева и Каменева об отсрочке выступления до открытия Учредительного собрания. В своем письме против Ленина от 11 октября Каменев и Зиновьев резонно полагали, что Учредительное собрание «будет не с нами», но что большевикам вместе с левыми эсерами, возможно, удастся завоевать до трети голосов, чтобы стать сильной оппозицией в Учредительном собрании и влиять на его решения.

Как известно, Ленину удалось настоять на начале восстания перед II Всероссийским съездом Советов. Когда же власть, пусть хотя бы пока и номинально, оказалась в руках Совнаркома, часть членов ЦК решила, что теперь Учредительное собрание вообще не нужно. Но Ленин, полагавший, что большевики, в союзе с левыми эсерами, могут завоевать даже большинство мест в Учредительном собрании, предложил не мешать выборам (строго говоря, у большевиков и сил — то еще не было, чтобы сорвать эти выборы по всей стране). Когда же советская власть не допустила открытия Учредительного собрания в день 28 ноября 1917 г., разогнала «Все-выборы» и перенесла открытие собрания на 5 января, то некоторые члены ЦК вновь стали говорить о ненужности созыва собрания. Ленин выступил за разрешение Учредительному открыться, учитывая распространенность в народе веры в то, что именно собрание должно сыграть роль «хозяина земли русской». Вспоминая полемику на II съезде РСДРП и тогдашнюю позицию Плеханова, Ленин говорил, что, если Учредительное собрание окажется «плохим парламентом», его можно будет тут же разогнать.

В пользу такого варианта были и результаты выборов, и политическая активность правых социалистических партий. Так как эсеры получили практически половину мест в Учредительном собрании, они полагали, что смогут повести его депутатов за собой и превратить «Конституанту» в законный противовес большевистской власти. Всего в Учредительное собрание было избрано по неполным данным 715 депутатов. Из них 370 — эсеров, 175 — большевиков, 40 — левых эсеров, 16 — меньшевиков, 86 — представителей национальных партий и организаций, 17 — кадетов, 2 — народных социалиста, 1 — неизвестной партийной принадлежности. К началу января в Петроград прибыло свыше 400 депутатов, и с формальной стороны Учредительное собрание должно было быть открыто. Эсеровский «Союз защиты Учредительного собрания», который свыше месяца вел в Петрограде политическую кампанию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!», решил поддержать его открытие мощной политической демонстрацией. Представители интеллигенции, студенты и рабочие ряда заводов должны были плотной массой окружить дворец, чтобы прикрыть его живой стеной и не допустить попыток разгона силой со стороны большевистской власти.

Но и большевики активно готовились к открытию Учредительного собрания. 4 января 1918 г. в «Правде» и «Известиях ЦИК» была опубликована «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанная Лениным. Это был состоящий из четырех разделов проект «манифеста» Российской республики, сформулированный как постановление Учредительного собрания. От имени Собрания Россия объявлялась Республикой Советов на основе союза свободных наций, объединенных в федерацию советских национальных республик. Далее говорилось, что задача государства — уничтожение эксплуатации человека человеком, установление социалистической организации общества и победа социализма «во всех странах».

Затем в этом проекте подтверждались первые декреты советской власти: об уничтожении частной собственности на землю и об объявлении земли «достоянием всего народа», о рабочем контроле и создании Высшего совета народного хозяйства как переходной меры к полной национализации промышленности и транспорта, о национализации банков. Декларация вводила всеобщую трудовую повинность в целях уничтожения «паразитических слоев общества», объявляла о вооружении трудящихся и создании социалистической красной армии. Дальнейшие пункты Декларации одобряли внешнюю политику СНК, мирные переговоры, аннулирование долгов царского и Временного правительств. От имени Учредительного собрания заявлялось, что оно не имеет права противопоставлять себя советской власти. Оно должно было подтвердить законность этой власти и тем исчерпать свои функции.

Это был ультиматум Совнаркома Учредительному собранию: примите Декларацию и самораспуститесь! Тогда не тронем вас. Уже публикация данного проекта была грубым насилием над народными представлениями об Учредительном собрании как о полномочном и полномочном представительстве российских граждан и подлинном «хозяине земли русской». Советская власть не собиралась склоняться перед Конституантой, передавать ей реальную власть. Или примите то, что мы предлагаем, или пеняйте на себя. Применение силы или угроза ее применения были в 1917 г. любимым средством политики у лидера большевистской партии Ленина. Он ни в грош не ставил принципы демократии (буржуазной!), проявление в результатах голосования народной воли. Захватив власть вооруженным путем, большевики и не думали от нее отказываться. С презрением относясь к партиям эсеров и меньшевиков, Ленин полагал, что они ради спасения своей шкуры трусливо согласятся с данным ультиматумом.

Такой же была и «экономическая политика» советской власти, проявлявшаяся в диктате органов «рабочего контроля», арестах владельцев предприятий с угрозой их расстрела. Ленин полагал, что трусливая, по

его мнению, буржуазия немедленно покорится и будет действовать по указке СНК. Но на угрозу силы капиталисты отвечали закрытием своих предприятий, организацией сопротивления советской власти.

Ленин в действительности не разбирался в реальной экономике, в экономических стимулах развития народного хозяйства. Такая его брошюра, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», считавшаяся поколениями марксистских ученых «экономической программой» большевистской партии накануне взятия власти, на самом деле представляет собой перечень средств политического давления и применения грубой силы к владельцам предприятий с целью заставить их выполнять директивы советской власти.

Ленин объявлял сомнительными результаты выборов в Учредительное собрание, так как они проводились по партийным спискам, составленным еще до захвата власти большевиками. И эти результаты ставили под сомнение правильность и законность самого захвата власти (позже, по прошествии двух лет гражданской войны, Ленин признает, что итоги выборов в Учредительное собрание согласуются с распределением по регионам числа людей, поддерживающих белое и антисоветское движение). Конечно, нет сомнения в том, что большинство населения, прежде всего крестьяне и солдаты, симпатизировали идеям социализма (хоть и не имели о нем внятного представления) и социалистическим партиям. Но, переходя от общих предпочтений к конкретным партиям, они ставили на первое место партию социалистов — революционеров. Эта почти миллионная партия быстро продвигалась к власти до Октября. Во вновь избранных органах самоуправления эсеры самостоятельно или в блоке с меньшевиками повсюду одерживали победы. Значительное число комиссаров Временного правительства были эсерами. Солидную опору они имели и в армейских организациях. Поэтому неудивительно, что в целом по стране они получили почти 50% голосов избирателей.

География выборов показывает, что среди других социалистических партий большевики лидировали только в Петрограде, в Москве, а также на Северном и частично Западном фронтах, где за них было большинство солдат. Во всей остальной огромной России на первом месте были социалисты — революционеры. Не оправдались и надежды большевиков на то, что выделение левых эсеров в самостоятельную партию расколет эсеровский фронт и увлечет под полубольшевистские лозунги левую часть эсеровского «электората». Увы, левые эсеры собрали всего 6 — 7% голосов.

Но Ленин был лишен всякого пиетета перед демократическими процедурами и результатами выборов. Поэтому политический диктат, с каким он обратился к Учредительному собранию, вполне отвечал диктаторской логике его характера и уровню его общей и политической культуры, а также неуемной жажде власти во имя социалистической миро —

вой революции. Поставив жесткие условия будущему собранию, Совнарком решил не допустить и демонстрации 5 января в поддержку «Учредилки». По распоряжению Совнаркома сильные воинские заставы были расставлены на пути следования демонстрантов: на Литейном проспекте, Знаменской улице, на Французской набережной и прочих местах.

Открытие Всероссийского Учредительного собрания было назначено на 12 часов дня 5 января 1918 г. Но уже с утра большинство приехавших депутатов было в Таврическом дворце. Прошли заседания фракций. Там было 237 эсеров, около 120 большевиков, 30 левых эсеров³. Большевистская фракция постановила предложить собранию принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, а в случае отказа ее принять — распустить его, не дожидаясь открытия III Всероссийского съезда Советов, назначенного на 8 января. Предложение должен был сделать председатель ВЦИК второго созыва большевик Я.М. Свердлов. Левые эсеры решили внести предложение о «смягчении» некоторых формулировок Декларации. Эсеры после дискуссии решили не возражать против открытия собрания от имени ВЦИК Свердловым.

Наступил полдень, но открытие затягивалось. Все ждали известий с улицы. Демонстрация в поддержку Учредительного собрания началась. Колонны с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!» собрались на Марсовом поле у могил Жертв революции. Отсюда они направились к Литейному проспекту. Солдаты резервных гвардейских полков (в частности, Преображенского и Семеновского), вопреки обещаниям эсеровских активистов в этих частях, из казарм не выступили. Безоружные манифестанты вошли в соприкосновение с заставами большевистских частей. Раздались залпы: десятки людей были убиты, около сотни ранено.

В день 5 января члены Временного исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и приехавшие в Петроград делегаты съезда также приняли участие в демонстрации в защиту Учредительного собрания. Их колонна была обстреляна. Правый эсер Г.П. Логвинов, несший знамя Исполкома, был убит, убиты и ранены были десятки других крестьянских депутатов — эсеров.

Так советская власть вторично применила оружие против простых людей. Теперь уже не против пьяных солдат во время винных погромов, а против граждан страны по политическим мотивам, против своих безоружных политических противников, веривших в то, что право наличные шествия и демонстрации, завоеванное Февральской революцией, действует и при новой власти.

Получив сведения о разгоне демонстрации, СНК в 16 часов распорядился открыть Учредительное собрание. Свердлов опоздал к этому моменту, и один из старейших членов фракции эсеров, редактор газеты «Голос Донской земли» С.П. Швецов открыл собрание. Но вскоре Свер —

длов поднялся на трибуну и забрал председательский колокольчик в свои руки. Он зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а затем предложил собранию избрать председателя. Получив 244 голоса «за» и 151 «против», им стал эсер В.М. Чернов. Выступив с приветственной речью, Чернов постарался предложить своеобразный компромисс большевикам, поддержав ряд декретов советской власти. В то же время он подчеркивал полномочность Учредительного собрания, выражавшего волю народа. Затем выступил лидер меньшевиков И.Г. Церетели. В отличие от Чернова, он решительно отмежевался от советской власти и противопоставил ей полноправное Учредительное собрание. При обсуждении повестки дня большевики настаивали, чтобы прежде всего была обсуждена «Декларация». После жаркой дискуссии было принято предложение эсеров, чтобы первыми вопросами обсуждались мир и земля, а затем уже «формы государственного устройства России». Затем, в два — надцатом часу ночи, по требованию большевиков был объявлен перерыв для проведения фракционных совещаний.

Большевики решили огласить написанное Лениным заявление о своем уходе с заседания Учредительного собрания. Во время перерыва фракция покинула Таврический дворец, а в зал вернулось только двое большевиков. Зачитана была их декларация. После этого П.Е. Дыбенко приказал начальнику караула А.Г. Железнякову распустить собрание, но Ленин вмешался и предложил караулу не допускать насилий над членами Учредительного собрания, всех выпускать из дворца, но никого не впускать назад без особых приказов. Собрание продолжало свою теперь уже обреченную деятельность. Прения продолжались. В пятом часу утра зал покинули и члены фракции левых эсеров. Вскоре Железняков вышел на трибуну и сказал Чернову: «Я получил инструкцию, чтобы довести до Вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал». Чернов в это время зачитывал эсеро-ский проект закона о земле. Во время сумятицы, начавшейся после этого заявления, Железняков на время удалился. Чернов быстро дочитал проект закона и предложил принять его без прений. Затем было принято обращение к союзникам приступить к совместному определению точных условий демократического мира. Третьим пунктом было предложение провозгласить Россию «демократической федеративной республикой». Предложения были приняты оставшимися 200 депутатами. И только после этого в 4 часа 40 минут утра Чернов объявил заседание Учредительного собрания закрытым⁴.

6 января Таврический дворец оставался закрытым. У его крыльца стояли две трехдюймовые пушки. В Смольном СНК поддержал написанный Лениным проект декрета о роспуске Учредительного собрания, принятый ВЦИК в ночь на 7 января. В нем говорилось, что «это Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазной парламен —

тской республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и советской власти». Партии эсеров и меньшевиков обвинялись в том, что вне стен Учредительного собрания ведут агитацию за свержение советской власти, «называя произволом и беззаконием необходимое для освобождения от эксплуатации подавление силой трудящихся классов сопротивления эксплуататоров»... Оставшаяся часть Учредительного собрания играет роль прикрытия контрреволюционеров в борьбе против советской власти⁵. Таким стал приговор новому «хозяину земли русской». И хотя многие рядовые члены Учредительного собрания еще попытались летом 1918 сыграть некую политическую роль в Комитете Учредительного собрания в Самаре, эта страница русской истории была окончательно перевернута.

Возможен ли был, достигим ли еще был компромисс между политическими силами во время работы Учредительного собрания? Увы, нет. Развитие событий могло быть лишь таким, каким оно было. Если большевики и Ленин готовы были к компромиссу в начале сентября 1917 г., когда у них не было еще ни власти, ни даже большинства в Советах, кроме Петроградского, то теперь Ленин, формально обладая общегосударственной властью, не собирался ни отдавать ее «вождям первого призыва», ни делиться ею с кем бы то ни было. Он требовал подчинения, отречения от политических убеждений. Он унижал бывших противников и открыто издевался над ними. Но и они не могли смириться с поражением, признать, что их время ушло. Не только большевики, но и эсеры с меньшевиками не думали о России, об общенациональных интересах. Большевики ждали немецкой и мировой революции и намеривались хотя бы продержаться до нее, эсеры и меньшевики боролись за возвращение к власти, за то, чтобы отшвырнуть от нее захватчиков — большевиков...

Учредительное собрание было разогнано, но политические битвы вокруг него еще продолжались. Эсеры, главные на данный момент оппоненты большевиков, уже 10 января созвали «Третий Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, стоящих на защите Учредительного собрания». К моменту открытия съезда в Петроград прибыло около 200 делегатов, а к 14 января их было уже 300. Почти все они были правыми эсерами, но из Тамбовской губернии прибыл делегат — большевик с наказом поддерживать Учредительное собрание. Большевики попытались сорвать съезд. Отряд матросов и красногвардейцев предъявил предписание Коллегии по военным делам СНК за подписью Н.И. Подвойского об обыске и аресте документов и задержании лиц, сопротивляющихся обыску. После жаркого обсуждения крестьянские делегаты отказались подчиниться. Члены отряда смутились, один матрос разрыдался. Отряд остался участвовать в работе съезда. Командир отряда комендант Красной гвардии Рождественского района И.Н. Корнилов ушел за новыми инструкциями. Вскоре он вернулся и привез постановление о закрытии

съезда. Тогда его заседание было прервано, и делегаты нелегально собрались вновь по другому адресу.

В ночь с 11 на 12 января 1918 г. было принято воззвание с протестом против закрытия съезда. В специальной резолюции крестьянские делегаты осуждали насилие над Учредительным собранием и называли это противореволюционным и противонародным делом. Съезд считал работу собрания лишь временно прерванной. Он видел в Учредительном собрании «единственное спасение революции, которая гибнет в яростной междоусобице, в судорогах голода, единственный оплот против грозящего революции перехода от вводимого кровавыми и насильственными средствами большевистского лжесоциализма и черной самодержавной реакции». Резолюции были напечатаны в эсеровской газете в Петрограде «Земля и труд» 18 января 1918 г. Съезд провозглашал единственными органами власти, в противовес Советам, вновь избранные в 1917 г. органы местного самоуправления. Был поддержан принятый Учредительным собранием земельный закон и принималась его поддержка на местах Съезда, закончивший свою работу 18 января, заявлял в декларации, направленной на III Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, что будет бороться с «новыми самодержцами и насильниками».

Запретив этот крестьянский съезд, большевики и левые эсеры 13 января 1918 г. созвали свой Третий Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Он должен был поддержать «левую часть» Учредительного собрания в ее борьбе с правой. В нем участвовало около 500 делегатов, из них 200 были большевиками, 200 — левыми эсерами, 30 — эсерами — максималистами. Съезд открылся в 5 часов дня. От имени Совнаркома делегатов приветствовал левый эсер В.А. Карелин. С приветствиями также выступили Свердлов и легендарная героиня левых эсеров Мария Спиридонова. Было решено воссоединиться с III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Делегаты прошествовали в Таврический дворец, и там, где еще неделю назад шло историческое заседание Учредительного собрания, в 9 часов вечера открылся Третий Всероссийский съезд теперь уже рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Естественно, что этот съезд подавался как триумф советской власти и ее политики. В нем приняло участие 1798 делегатов. О партийном составе съезда можно судить по анкетам 1130 делегатов, заполнивших их. Большевиков и сочувствующих им было 647 чел., левых эсеров и сочувствующих им — 281, 19 эсеров — максималистов, эсеров правых и центра — 41, 18 меньшевиков — интернационалистов, 24 меньшевика, включая «Бунд» и группу «Единство», 2 члена трудовой народно-социалистической партии, 1 польский и 4 украинских и белорусских социалиста, 78 беспартийных.

Первым был заслушан доклад Троцкого «О войне и мире». Он говорил о курсе на демобилизацию армии, о продолжении политики мира.

14 января делегаты обсуждали доклад Троцкого, причем политику СНК поддержали меньшевик — интернационалист Мартов и меньшевик — объединенец Г.Д. Линдов. 15 января съезд заслушал и обсудил доклад Сталина о федеративном устройстве. Доклад подвергся критике за ярко выраженный в нем принцип централизма. На следующий день съезд приветствовал делегацию от 46 казачьих полков, восставших против атамана А.М. Каледина. Свердлов рассказал о начале революции в Финляндии, что вызвало взрыв энтузиазма. По его предложению в повестку дня был включен вопрос о социализации земли (проект представили левые эсеры). 17 января было выходным днем, а 18-го в последний день работы съезда решено было снять в советских декретах все ссылки на Учредительное собрание и впредь не именовать СНК «временным рабочим и крестьянским правительством». Доклад по вопросу о социализации земли сделал левый эсер, народный комиссар земледелия А.П. Колегаев. Закон, принятый съездом, впервые признавал преимущества коллективного ведения хозяйства, подтверждал отмену собственности на землю без всякого выкупа и провозглашал права крестьян на орудия сельскохозяйственного производства, которые тоже должны были перейти крестьянам без всякого выкупа. Затем был избран новый ВЦИК из 326 членов и 26 кандидатов.

Так закончился этот этап внутренней политической борьбы. Хотя в ходе его раздавались залпы, падали десятки убитых и раненых, сила в основном применялась демонстративно и в виде угрозы. Преимущественным орудием борьбы были еще политические средства: форумы сторонников, протесты, резолюции и постановления. Продемонстрировав глубокий внутренний раскол послефевральской политической элиты и непримиримую борьбу между ее главными двумя частями, стороны разошлись, чтобы готовиться к новым схваткам. Но с каждым днем вызревала новая угроза для страны, ее еще слабой центральной власти, угроза внешняя, связанная с выходом из войны и условиями мирного договора с Германией.

Брестский мир

Необходимость выхода из войны диктовалась многими причинами. Большевицкое руководство на первое место выставляло положения марксистской догмы. Пролетариат интернационален, не имеет национальных границ, война противоречит социалистическим убеждениям. Большевики, как почти единственные в мире сторонники подлинного Интернационала и противники империализма, должны бороться за демократичес —

кий мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.

На самом же деле Ленин просто хотел удержать власть. Получив ее призрачную легитимацию на Втором Всероссийском съезде Советов, большевики тут же предложили съезду принять Декрет о мире. В нем сохранилось обращение ко всем воюющим странам с призывом заключить перемирие на три месяца, и за это время провести конференцию, чтобы обсудить на ней условия заключения «демократического мира». Союзники России Англия, Франция, США и др. даже не ответили советскому правительству. Только Германия согласилась с этими предложениями. Так идея всеобщего мира превратилась на деле в подготовку мира сепаратного.

Ленин спекулировал на этой разнице между теоретическим подходом к вопросу о мире и прагматическими намерениями. В его статьях сентября — октября 1917 г. выражалась надежда на то, что немцы дадут России хотя бы перемирие. Эта уверенность основывалась не только на совпадении интересов большевистского руководства (укрепиться в России прежде всего) и Германии (ликвидировать Восточный фронт, освободить силы для борьбы на Западе), но и на опыте марта — апреля 1917 г., когда германское правительство разрешило проезд через свою территорию русских политэмигрантов из Швейцарии (кроме первой группы, во главе с Лениным, через Германию проехали еще четыре русские эмигрантские группы). Тут тоже главную роль сыграло совпадение интересов: германскому правительству желательно было пропустить в Россию заведомых противников войны. Хотя против войны они выступали со своих доктринерских позиций, их политический успех мог бы приблизить выход России из войны и ликвидацию Восточного фронта.

С 1915 г. германские власти, уже предлагавшие к царскому правительству сепаратный мир, наряду с этим искали способ передать русским интернационалистам финансовые средства. В их интересах действовали платные агенты: русский эсер Цивин и эстонский националист Кескюла. После приезда Ленина в Россию и развертывания большевистской пропаганды мира в стране Германия более настойчиво стала принимать попытки оказать большевикам через посредников финансовую поддержку. Одна линия привела к некоторой удаче. Через швейцарского социал-демократа Карла Моора заграничному представителю ЦК РСДРП(б) (с разрешения ЦК в Петрограде!) была предоставлена сумма, эквивалентная тогдашним 40 тыс. долларов. Это были деньги германского правительства, но Моор выдал их за частные пожертвования от «друзей русской революции»⁶.

Контрразведка Петроградского военного округа при помощи французских контрразведчиков в русской столице обратила внимание на интенсивный обмен телеграммами между Фюрстенбергом (Ганецким) в

Стокгольме и Козловским и Суменсон в Петрограде. Было известно, что Козловский и Ганецкий большевики. В телеграммах речь шла о коммерческих сделках: продаже детской муки «Нестле» и карандашей и о переводе крупных сумм в русской валюте. Контрразведка сделала вывод, что «карандаши» и «детская мука» это кодовые слова, и что речь идет о переводе немецких денег для большевиков. Это расследование стало основой для возбуждения против лидеров большевиков в июле 1917 г. уголовного дела по обвинению в государственной измене.

Как известно, Ленин и Зиновьев скрылись и перешли на нелегальное положение. Доказательств так и не удалось собрать — дело об измене развалилось. Арестованные в августе и начале сентября Каменев, Троцкий и Луначарский были освобождены под залог и с удвоенной силой взялись за революционную пропаганду. Ленина и Зиновьева всерьез и не искали. Германия очень внимательно наблюдала за развитием событий в Петрограде и с удовлетворением отмечала огромные политические успехи большевиков. И когда до Берлина дошли первые известия об Октябрьском перевороте, то уже 27 октября (9 ноября по новому стилю) из немецкого военного бюджета секретно было выделено 15 млн марок для поддержки большевистского правительства. С этого момента начинается прямая и регулярная финансовая помощь кайзеровской Германии большевикам, достигшая к октябрю 1918 г. 60 млн «золотых» марок в швейцарской валюте. Деньги эти, можно предположить, впервые были привезены в Петроград в декабре 1917 г., когда в гостинице «Европа» обосновалось представительство Германии во главе с графом Мирбахом.

Россия не могла продолжать войну и из-за состояния армии. Усталость войск сказывалась уже с осени 1916 г.. Тогда уже участились случаи неповиновения приказам. В Петрограде успех Февральской революции был обеспечен только переходом солдат запасных батальонов гвардейских частей на сторону бастующих рабочих. Появившийся в качестве гарантии безопасности восставших солдат Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов привел к началу падения дисциплины в войсках гарнизона, а затем и всей армии. Авторитет офицеров упал, их власть над солдатами почти исчезла. Началось то, что уже летом 1917 г. было названо «разложением армии». Корниловское выступление привело к волне солдатских самосудов над офицерами и генералами. Власть командиров была окончательно уничтожена, и армия, по сути, уже утратила боеспособность.

А.И. Верховский, последний военный министр Временного правительства Керенского, ознакомившись в сентябре — октябре с состоянием армии, 20 октября сделал на заседании комиссий Предпарламента сенсационное заявление о том, что армия воевать больше не может, и надо обратиться к союзникам с просьбой разрешить России выйти из войны.

Могли ли Керенский и правящая эсера — меньшевистская элита пойти

на сепаратный мир с Германией до 24 октября 1917 г.? Думается, что не могли. Некоторые из них тоже понимали, что армия практически потеряла боеспособность. Даже Керенский в своих последних воспоминаниях писал, что союзники должны были, учитывая внутреннюю ситуацию в России, разрешить ей выйти из войны. Но тогда, в октябре 1917 г., все это им представлялось иначе. Дело в том, что у ставших политиками и государственными деятелями лидеров эсеров и меньшевиков не было цинизма и практической сметки политиков — профессионалов. Им казалось невозможным «предать» союзников, «демократии» Англии, США и Франции и заключить мир с «реакционной» Германией. Об этом было сказано столько слов, дано столько публичных клятв. Одураченные собственными убеждениями и предрассудками, не имевшие государственного опыта, они не способны были думать об интересах страны, ставить на первое место сохранение демократии внутри России, что требовало немедленного выхода ее из войны.

После установления советской власти усилились тяга солдат к миру и бегство из армии. Начавшиеся переговоры о мире лишь подогревали эти настроения. Дезертирство (а даже до Октября в стране числилось два миллиона дезертиров) увеличилось. Советская власть и большевики своей политикой ускорили развал армии и приближение ее конца. Декреты СНК и ВЦИК ввели выборное начало в армии, упразднили чины и звания, отменили знаки различия и ордена. Созванный СНК съезд по демобилизации армии рассматривал не вопросы об укреплении ее боеспособности, а методы роспуска десятиmillionной вооруженной громады. В анкете, пущенной среди членов этого съезда, половина их заявила, что их части уже не могут сражаться.

15 ноября 1917 г. Германия объявила о готовности заключить перемирие. Вскоре переговоры начались в занятом немцами Брест — Литовске. Советскую делегацию возглавлял А.А. Иоффе, заместитель Троцкого по Наркоминделу, его старый друг и доверенное лицо. 2 декабря 1917 г. было заключено соглашение о перемирии, а 9 декабря начались и переговоры о мире. Правительство организовало в Петрограде 17 декабря многотысячную уличную демонстрацию в поддержку заключения мира на демократических условиях, без аннексий и контрибуций, с предоставлением самоопределения тем народам Прибалтики, которые ранее входили в состав Российской империи, а теперь находились на оккупированных германской армией территориях. Правые эсеры и меньшевики, а также либеральные политики в своих публичных выступлениях и на страницах газет, которые им удавалось выпускать, подняли кампанию против мирных переговоров, за продолжение войны вместе с союзниками. А дипломатические представители стран Антанты и специальные посланники США наперебой предлагали СНК продовольственную и техническую помощь с целью удержать Россию в войне. Часть русских

политических деятелей, наоборот, считала необходимым подтолкнуть страны Антанты к интервенции и свергнуть большевистскую власть.

5 января 1918 г. в Брест — Литовске на переговорах произошел драматический поворот. Если до этого германская военная делегация демagogически присоединялась к заявлению о необходимости заключить именно демократический мир, то теперь они стали говорить, что эти принципы будут применены только после достижения всеобщего мира, пока же России придется исходить из реального положения дел. Германия должна сохранить «полицейскую власть» над завоеванными ею территориями России. Линия фронта становится демаркационной линией между Россией и Германией, новой временной границей. Следовательно, юго — западная часть Латвии (Лифляндии), Курляндия и Литва, а также бывшее Царство Польское остаются под контролем немецких войск. Речь шла о территории бывшей Российской империи размером в 150 тыс. квадратных километров. Советская делегация попросила сделать перерыв в переговорах и вернулась в Петроград для консультаций. Значительная часть руководящих большевистских работников в Петрограде считала эти условия неприемлемыми, поскольку они игнорировали права поляков, латышей и литовцев на самоопределение. Лишь Ленин цинично заявил, что интересы сохранения советской власти в России выше, чем нарушения прав на самоопределение народов Польши, Литвы и Курляндии!

8 января 1918 г. для обсуждения положения было собрано заседание ответственных работников большевиков. Только четверть из 63 присутствовавших поддержала предложение Ленина о принятии немецких условий мира. Половина выступила за отказ от этих условий. Русская революция должна защитить себя и разжечь пожар европейской революции или погибнуть! Таковы были настроения большинства. Примерно четверть поддержала мнение Троцкого: мира не подписывать, но войну закончить и демобилизовать армию. Последующие дни ушли у большевиков на внутренние проблемы: репрессии против эсеровского Третьего крестьянского съезда, созыв проправительственного крестьянского съезда, проведение III Всероссийского съезда Советов. Последний, кстати, под — держал позицию Троцкого.

Наконец, в конце января советская делегация снова прибыла в Брест — Литовск. На этот раз ее возглавлял народный комиссар по иностранным делам Троцкий. Ленин советовал подписать вышеизложенные немецкие условия, если германская сторона сделает их ультимативными. Троцкий, в соответствии со своей точкой зрения, 28 января 1918 г. отказался подписать мирный договор, заявил, что Россия мира не подписывает, но войну прекращает и армию демобилизует. Был отдан приказ о начале демобилизации, с энтузиазмом воспринятый солдатами на фронте. Но Ленин, вмешавшись в события, настоял на отмене приказа. Троцкий вер —

нулся в Петроград, и внутрипартийная борьба среди большевистского руководства разгорелась с новой силой. Но через пять дней после разрыва переговоров германская сторона уведомила, что считает перемирие прекращенным и с 18 февраля возобновляет военные действия. (Тут надо вспомнить, что Россия только переходила на новый календарь, и поэтому сразу наступало 14 февраля). Когда в Петрограде подтвердилась весть о начале немецкого наступления, в Берлин была направлена телеграмма Совнаркома о согласии возобновить переговоры и принять немецкие условия. Но немцы продолжали наступление. Оно оказалось успешным. Русские войска не оказывали сопротивления, а при появлении германцев просто бросали артиллерию, амуницию и бежали в тыл. За пять дней своего наступления немецкие войска захватили оставшуюся часть Лифляндской губернии (Латвии) и всю Эстляндскую губернию. Они вышли к рубежу реки Наровы, заняв город Нарву. 24 февраля немецкая армия захватила Псков.

Совнарком в Петрограде прикладывал невероятные усилия, чтобы выставить военный заслон хотя бы перед Петроградом. 22 февраля было опубликовано воззвание «Социалистическое отечество в опасности», спешно создавались новые красногвардейские отряды «партизан», их направляли в сторону Гатчины. В этот же день, 22 февраля, Берлин ответил, что готов возобновить мирные переговоры, но выдвинул при этом новые, более тяжелые условия мира. Давалось несколько дней на обсуждение и принятие условий и две недели на ратификацию договора. После получения новых немецких условий в руководстве большевистской партии начались новые ожесточенные споры.

Группа членов ЦК, преимущественно москвичей, а также Ф.Э. Дзержинский настаивали на отказе от заключения сепаратного мира и на ведении «революционной войны». Они повторяли то, что, эсеры и меньшевики предлагали после Февральской революции: сначала борьба за демократический мир, потом поддержка наступления, потом продолжение войны в тесном единении с союзниками. У «левых коммунистов» была несколько иная аргументация, но суть оставалась той же — защита отечества, интересы родины и целостности государства. Именно они выступили за национальные интересы России, против позорного мира. Н.И. Бухарин говорил и писал о том, что в борьбе с германскими империалистами можно пойти на временную утрату советской власти. Тем самым он допускал сдачу власти меньшевикам и эсерам, дабы предоставить им организацию обороны вместе с союзниками. Надо сказать, что и сам Ленин колебался, пока не был получен положительный ответ из Берлина. Он также вел переговоры с различными представителями стран Антанты и высказывался за принятие от Америки помощи оружием и продовольствием. За «революционную войну» без всяких колебаний выступали левые эсеры, имевшие своих представителей и в СНК и во ВЦИК.

Ленин в этих условиях направил всю свою энергию на то, чтобы добиться от Центрального исполнительного комитета Советов согласия на принятие немецких условий. Он яростно боролся против «левых коммунистов». И здесь помощь ему пришла от Троцкого и его сторонников. Вероятно, Ленин сумел убедить Троцкого, что Германия кровно заинтересована в сохранении власти большевиков, так что ей на оставшейся огромной территории страны ничего не грозит. Логично предположить, что Ленин также поделился с Троцким главным секретом: несмотря на потерю территории, несмотря на уплату контрибуции из государственной казны, партия будет получать прямую финансовую помощь от германского правительства, что поможет удержаться у власти и «додушить буржуазию». Во всяком случае, неожиданно Троцкий и его сторонники перешли на сторону Ленина, и благодаря тому ЦК смог минимальным большинством голосов принять решение о согласии с новыми немецкими условиями мира. В половине пятого утра 24 февраля ВЦИК после доклада Ленина и его обсуждения принял постановление о немедленном принятии условий мира.

Мирный договор был подписан в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. новым составом советской делегации, в которую входили Г.Я. Сокольников, Г.В. Чичерин, Г.И. Петровский, А.М. Карахан. Согласно его условиям, территория Украины немедленно очищается от русских войск и русской Красной гвардии..., Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью..., Финляндия и Аландские острова также должны быть немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии..., округа Ардагана, Карса и Батума также немедленно очищаются от русских войск. Это были полный разгром и капитуляция. Жертвы, понесенные народом России за три с половиной года войны, оказались напрасными. Россия стала первой страной, потерпевшей поражение в мировой войне.

Ленин пошел на этот шаг с надеждой, что революция скоро скинет власть кайзера в самой Германии, и мировой социализм победит. Эту надежду разделял и Троцкий. Но простым гражданам России все это было трудно понять, трудно поверить в такую перспективу.

Перед ратификацией договора IV съездом Советов был проведен опрос среди местных Советов об отношении к Брестскому миру. Ленин сам составил таблицу ответов. 167 Советов высказались за мир и 128 — за революционную войну. Советов было значительно больше, но часть их находилась на территории, контролируемой противниками советской власти. Они явно были бы за войну. Таким образом, можно считать, что идеи левых эсеров и левых коммунистов разделялись значительным числом Советов. Ленин заключал мир вопреки желанию русского народа, силой давления центральной власти.

6 — 9 марта 1918 г. в Петрограде прошел VII экстренный съезд боль —

шевистской партии. Он был немногочисленным: всего 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным. Они представляли только 170 тыс. членов партии из 400. Важнейшим вопросом было отношение к войне и миру. Ленину удалось настоять на одобрении заключения мира. За это проголосовало 30 делегатов, против — 12 и 4 воздержалось. Съезд сменил название партии: вместо социал — демократической она стала называться коммунистической РКП(б).

Совнарком решил переехать в Москву и временно перенести туда столицу Российской республики. Операция готовилась с начала немецкого наступления. Поздно вечером 10 марта с окраинной Цветочной площади в Московско — Заставском районе Петрограда отправились три поезда. Два из них везли в Москву делегатов IV Всероссийского съезда Советов, которому предстояло ратифицировать Брест — Литовский договор, и членов ВЦИК. В третьем ехали члены Совнаркома, Ленин и его семья. Утром следующего дня они прибыли в Москву¹⁶.

Согласие СНК подписать новые условия мира с Германией вызвали тяжелые внешнеполитические последствия для страны. Это означало полный разрыв с бывшими союзниками и было чревато конфликтами с ними, вплоть до вооруженных. Если простые люди переживали от сознания того, что неприятель захватил огромную часть России, то люди интеллигентные, и особенно отодвинутые от власти представители правящей элиты революционного 1917 года, переживали разрыв с союзниками, «измену», совершенную Россией под давлением большевиков. Что же касается партии левых эсеров, единственных партнеров большевиков по правительственной коалиции, то они также остались решительными противниками Брестского мира. Левые эсеры ушли в отставку со своих постов народных комиссаров. Теперь Россией правил однопартийное большевистское правительство. Но левые эсеры остались в других органах советской власти: во ВЦИК и в местных Советах, где продолжали критиковать политику большевистского правительства.

Забавно, но как раз после отъезда советского правительства в Москву в Петроград из своего финляндского подполья вернулся А.Ф. Керенский. Он уже приезжал в столицу в дни работы Учредительного собрания и хотел появиться в Таврическом дворце. Он искренне считал, что его речь может переломить ситуацию и любящий его народ прогонит большевиков! ЦК ПСР не разрешил ему этого и отправил в Финляндию, где он жил вплоть до начала высадки немецких войск около Або. Теперь он один вышел из вагона на Финляндском вокзале с огромным чемоданом. На площади не было ни одного извозчика, и он пешком дотащился до явочной квартиры на Васильевском спуске. Керенского поразили безлюдие улиц и общее запустение в городе. Ему достали стенограмму его показаний в следственной комиссии Временного правительства по делу Корнилова. Почти два месяца Керенский писал книгу «Дело Корнилова»,

которую вскоре издали в Москве. Затем Керенский переехал в Москву и жил в двух кварталах от ВЧК. Никто его не искал, но все же эсеры стали готовить его отъезд за границу.

Официальные дипломатические представители стран Антанты (Великобритании, Франции, США, Японии и Италии) заявили о желании выехать из Петрограда в Вологду, чтобы избежать риска попасть к германским войскам в случае возобновления немецкого наступления. От Вологды проходила железнодорожная ветка на Архангельск, что открывало для дипломатов возможность дальнейшего отступления. СНК выделял состав международных вагонов, и утром 9 марта 1918 г. представители Антанты прибыли в Вологду. В Петрограде остались только консульства. После переезда Совнаркома и ВЦИК в Москву первым звеном связи между советской властью и бывшими союзниками стали их московские консульства.

В январе и феврале 1918 г. представители стран Антанты проявляли исключительную активность с целью удержать советскую уже Россию в состоянии войны с Германией. И официальные представители, и различные посланники что ни день, то приезжали в Смольный, добивались приема у Ленина. Они убеждали, агитировали, угрожали, задабривали. Представители миссии американского Красного креста полковник Томпсон и подполковник Робинс вызвали особую симпатию у Ленина. Он вел с ними много бесед и даже после подписания мира спрашивал, может ли Советская Россия надеяться на помощь США, если Германия возобновит свое наступление с целью занять Петроград. Американцы обещали такую помощь. Встречи с Лениным добился и специальный представитель президента США, глава Американской информационной службы Эдгар Сиссон. Однако он, в отличие от Томпсона и Робинса, был настроен критически к большевистскому вождю и склонялся к мысли, что все они агенты Германии. Ленин высмеял в разговоре с Сиссоном слухи о том, что он «германский шпион». Но Сиссон счел это хитрой уловкой.

Тем временем тайно от немецкого и российского народов, с соблюдением всех правил конспирации в Москву продолжали прибывать портофели со швейцарской валютой, которые из германского посольства курьерами ЧК доставлялись в Кремль. Эта связь приоткрылась после Второй мировой войны, когда в Англии и Франции были опубликованы сборники документов министерства иностранных дел кайзеровской Германии. Но даже и сегодня многие подлинные документы о германо-большевистских финансовых отношениях открыто не опубликованы, а общий размер помощи определен лишь на основании косвенных источников. Надо взглянуть правде в глаза: именно эти деньги дали возможность большевикам продержаться у власти до начала ноября 1918 г. Они дали средства для оплаты Красной гвардии, латышских стрелков, формиру-

ющихся частей Красной Армии. А также для поддержания маленьких интернационалистических группировок в европейских странах, для лечения в Западной Европе членов ЦК и СНК. На те же средства удовлетворяли своим потребительским склонностям представители большевистской верхушки, их жены и дети.

Между тем в Москве открылся IV Всероссийский съезд Советов. Поздно вечером 15 марта 1918 г. он ратифицировал Брест — Литовский договор с Германией. За утверждение договора было подано 784 голоса, против — 261, и 199 делегатов воздержались. Мир с Германией стал фактом, Россия вышла из состояния войны. Наступила мирная передышка. Она была очень короткой, так как на пороге оказались конфликты с бывшими союзниками и полномасштабная гражданская война.

Уже 21 февраля посол США Френсис предлагал своему правительству взять под свой контроль Владивосток, а Мурманск и Архангельск передать Англии и Франции. 15 марта 1918 г. на конференции премьер-министров и министров иностранных дел стран Антанты решено было не признавать Брестского мира и обеспечить за счет России материальные интересы союзников. Названные выше порты имели многочисленные склады, где находилось поставленное в Россию странами Антанты военное снаряжение, техника и продовольствие. Эти склады должны были в первую очередь взять под контроль войска союзников. По этому поводу еще 2 марта 1918 г. исполком Мурманского Совета заключил с представителями Англии и Франции словесное соглашение о праве высадки десанта для защиты побережья от возможного нападения со стороны Германии. 9 марта в Мурманск прибыл английский крейсер «Глори». С него было высажено несколько сот человек. 14 марта прибыл крейсер «Кохрейн», а 18 марта французский крейсер «Адмирал Об». Готовились союзные войска и к занятию Архангельска, осуществленно — му, правда, лишь в конце июля 1918 г. 18 февраля 1917 г. Верховный совет Антанты рекомендовал оккупировать КВЖД от Харбина до Владивостока японскими войсками. 5 апреля они высадились во Владивостоке⁷.

Эти факты знаменовали собой начало военной интервенции стран Антанты против Советской России. СНК выступил с соответствующими протестами, на что получил заверения в том, что высадка войск диктуется интересами борьбы против Германии и не направлена против народа России. Владивосток и Мурманск от Москвы очень далеки, а количество высаженных войск пока было очень незначительным. Советское правительство вынуждено было пока оставить это без внимания и заняться другими, более неотложными делами. Одним из первых было создание хоть каких — то вооруженных сил. Старая армия практически уже растаяла и растворилась в океане России. Объявленная по декрету СНК от 15 (28) января 1918 г. добровольческая Красная Армия насчитывала в

своих рядах только несколько десятков тысяч человек. Красная гвардия стоила очень дорого и быстро разлагалась. Для решения этих задач ЦК РКП(б) назначил Троцкого народным комиссаром по военным и морским делам. Тот подал в отставку с поста народного комиссара по иностранным делам, поскольку чувствовал свою вину за заключение «похабного» Брестского мира. На новом посту ему предстояло реабилитироваться.

Дальнейший распад страны. Насилие рождает насилие

Брестский мир подтолкнул ряд национальных окраин к отделению от России. Потерпели неудачу создание «рабочего государства» в Финляндии и распространение советской власти на Украине. Приходилось смириться с потерей не только Польши и Литвы, но и Лифляндии и Курляндии, а также части Псковской губернии. Это на севере и на западе. Но Брестский мир затрагивал и Кавказ, в частности, предстояло отдать Турции не только Карс и Ардаган, но и Батуми. Эти положения мирного договора ускорили процесс отделения от России закавказских губерний. Еще 15 ноября 1917 г. в Тифлисе был создан «Закавказский комиссариат» из членов Учредительного собрания, избранных на территории Грузии, Армении и Азербайджана, и равного числа представителей от местных партий. Его председателем был избран Е.П. Гегечкори. Он вначале не претендовал на провозглашение независимости Закавказья, но перемирие с Турцией, а затем и заключение Брестского мира привели к тому, что 15 апреля 1918 г. Турция оккупировала Батуми. Тогда 22 апреля Закавказский сейм провозгласил самостоятельную Закавказскую федеративную республику. Лишь город Баку с пригородами в нее не вошел и сохранил у себя (до занятия летом 1918 г. его англичанами) советскую власть.

В ходе переговоров в Батуми о заключении мирного договора с Турцией в мае 1918 г. обострились противоречия между республиками Закавказской федерации. 26 мая был созван новый Закавказский сейм, который объявил федерацию распущенной. В тот же день Грузия объявила себя самостоятельным государством, а 28 мая заявили о полном суверенитете Армения и Азербайджан. В Грузии к власти пришли местные меньшевики, в Армении партия Дашнакцутюн, а в Азербайджане партия Муссават. Две последние были национально-социалистическими. Но вскоре значительная часть Армении и Азербайджана были заняты турецкой армией. В то же время меньшевистская Грузия заключила с Германией 28 мая договор, по которому Германия обязалась не допустить турецкой оккупации республики. Вскоре в Тифлисе был размещен не —

мецкий гарнизон. Таким образом, следствием Брестского договора была полная потеря Россией Закавказья и раздел его между Германией и Турцией.

Советское правительство в Москве постоянно подвергалось давлению, с одной стороны, бывших союзников по Антанте, а с другой — Германии и ее союзников. Так, Германия обвиняла Советскую Россию в том, что она отказывается заключить мирный договор с Украиной. Оттяжка на самом деле происходила по вине Центральной Рады. Переговоры были назначены на 28 апреля 1918 г. в Курске. Но 29 апреля в Киеве произошел переворот: Рада была свергнута, и власть перешла к гетману Скоропадскому. Только 5 мая на украинском фронте было заключено перемирие. Германия потребовала возвратить Черноморский флот в Севастополь, откуда он сумел эвакуироваться в Новороссийск. Затем германские войска заняли Крым. Германия требовала также передать правительству Финляндии сооружения мощного российского форта «Ино», оказавшегося теперь на чужой территории. Советская сторона взорвала форт.

Ленин выступал за дальнейшие уступки немцам. Но при обсуждении этого вопроса в ЦК РКП(б) 13 мая 1918 г. Г.Я. Сокольников предложил круто изменить внешнюю политику и ориентироваться на англо-французскую коалицию. Его поддержал Сталин. Ленин жестко воспротивился этому предложению и заявил, что пока англичане и японцы будут двигаться с Востока на Запад, немцы гораздо быстрее могут захватить Петроград, Москву и большую часть европейской части России. Это было, конечно, так, но разрыв с Германией означал, в первую очередь, прекращение тайной финансовой помощи большевистскому правительству. Публично же Ленин заявлял, что надо соблюдать выдержку и осторожность, лавировать и отступать, пока не подойдут «подкрепления» со стороны новых победителей в мировой революции.

Внутренние связи между центром и провинцией, между новой столицей и губерниями весной 1918 г. не только не укреплялись, но явно слабели. Провозглашенный принцип федерации трактовался на местах исключительно широко и понимался не только как национальная федерация, но и как территориальная. Губернии копировали форму организации центральной власти. Почти в каждой из советских губерний создавался свой «Совет комиссаров». Многие губернии изменяли свои границы, соединялись с другими. Так, Петроградский Совет объявил себя «Петроградской трудовой коммунной», а территорию Петроградской, Олонецкой и Новгородской губерний — «Союзом Коммун Северной области». Во главе этого союза стоял Совет комиссаров (СКСО). Экзотические русские республики появились на Северном Кавказе. Многие коренные горские народы объявили о своей автономии, состоялось провозглашение эфемерной Горской республики. Таким образом, эффективность центральной советской власти в стране была в тот период весьма низкой, и

вертикальные связи практически были заменены горизонтальными. Все это порождало хаос, «калужскую» и «костромскую» законность, злоупотребления власти. Местная милиция, партийные дружины проводили незаконные обыски и аресты, облагали данью зажиточных и богатых граждан. Классовая политика часто оборачивалась произволом и беззакониями, преступлениями власти.

Усилилась политическая борьба между партиями большевиков и левых эсеров, а также правых эсеров и меньшевиков против большевистской власти. Ее главным направлением была критика внешней политики СНК и борьба против Брест — Литовского мира. Так, 17 — 25 апреля проходил Второй съезд партии левых социалистов — революционеров — интернационалистов. В Москве собрались 59 делегатов и около 30 приглашенных от 29 губерний России. Хотя отчет ЦК, сделанный П.П. Прошьяном, был выдержан в спокойных тонах по отношению к большевикам, левые эсеры заявляли, что расходятся с ними по вопросу о Брестском мире и по содержанию закона о социализации земли. Делегаты резко критиковали большевиков по вопросу о федерации, обвиняли СНК и президиум ВЦИК в узурпации прав ВЦИКа как верховного законодательного и исполнительного органа Советской России.

Мария Спиридонова от ЦК выступала за борьбу против Брестского мира только легальными средствами, считала ошибкой выход левых эсеров из Совнаркома и настаивала на участии партии во всех структурах советской власти. Однако часть съезда во главе с Б.Д. Камковым резко выступила против большевиков, отдавших на разграбление Германии Украину, Прибалтику и Финляндию, из — за чего замедлились революционные процессы в самой Германии и Австро — Венгрии. Бывший нарком юстиции И.З. Штейнберг констатировал рождение «демократической бюрократии», которой «вино власти ударило в голову»: за деньги можно добиться от советских бюрократов всего. Звучали призывы быть готовыми к моменту, когда большевистская власть рухнет от внутреннего загнивания, и отдать власть в руки левых эсеров. Противоречия проявились в оценке децентрализации власти: одни приветствовали создание новых территориальных русских республик в бывших губерниях, другие отмечали нелепость и опасность таких губернских автономий и совнаркомов. Но все сходились на том, что признание права на федерацию только за национальными меньшинствами приведет к национализму и шовинизму.

Вот что, например, говорилось в редакционной статье на страницах московского меньшевистского журнала «Новая заря», вышедшего в свет 1 мая 1918 г.: «страна живет под градом унижительных ультиматумов Германии. Ультиматум о военнопленных, ультиматум о черноморском флоте... Германцы занимают Курскую губернию, вторглись уже в центральную область, германцы направляются к Севастополю, германцы около

Петрограда... Что делает советская власть? Она платит по Брестскому векселю. Она готова на все». Вывод статьи был таким: «скоро мы не будем знать, какой у нас режим: советский или «мирбаховский?»»⁸

14 мая 1918 г. состоялось совместное заседание ВЦИК и Московского Совета, где обсуждалась внешняя политика России. На нем разыгралось настоящее сражение между большевиками и их критиками из всех других социалистических партий. Левый эсер Камков заявлял, что Брестский мир придется нарушить. Правый эсер Коган — Бернштейн призывал к национальному возрождению под руководством Учредительного собрания. Мартов допускал возможность сговора между большевиками и Германией об оккупации Мурманского полуострова. При обсуждении проектов резолюции фракция правых эсеров в своем документе требовала возобновить войну с Германией вместе с союзниками. Именно их она представляла в качестве защитника «сильной и самостоятельной России». Поэтому предлагалось признать Брестский мир недействительным и восстановить прерванные большевиками связи с союзниками. В меньшевистском проекте, наряду с критикой внутренней политики советской власти, содержалось требование сбросить «новые цепи» Германии. Но поскольку у большевиков на собрании заведомо было численное преимущество, оно «целиком одобрило политику советской власти, последовательно проводящую решения и указания IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов».

Это, разумеется, не остановило критики со стороны эсеров и меньшевиков. Один из вождей меньшевиков Федор Дан 20 мая писал в «Партийных известиях»: «После Брестского мира Россия превращается в «ничье» достояние, которое сегодня кусок за куском отхватывает в свою пользу империалистическая Германия, а завтра начнут растаскивать и другие страны капиталистического мира». Конечно, эта критика имела хождение прежде всего среди интеллигенции, особенно той, что в прошлом сочувствовала эсеровской партии и меньшевикам. Обширная сеть большевистских партийных коллективов и организаций нейтрализовала влияние эсеров и меньшевиков на большинстве рабочих предприятий Москвы и Петрограда. Но чем дальше от столицы, тем большим было влияние антибольшевистских партий и общественных сил.

Чувство национального унижения, вызванное подчинением России Германии и разрывом с прежними союзниками, охватывало и более широкие слои населения, в частности крестьянство. Из-за того у широких масс народа возникло недовольство политикой большевиков. К тому добавлялись нарушения привычного быта и условий жизни в городах, связанные с катастрофическим сокращением производства, с умиранием розничной и оптовой торговли, ухудшением связей и обмена между регионами. Независимость Украины, скажем, грозила остановкой большинства петроградских предприятий, так как с началом мировой войны

они снабжались донецким углем по железной дороге. Работали только те, что еще имели старые запасы или получали уголь с закрытых и брошенных заводов.

20 — 28 мая в Москве прошло Всероссийское совещание при ЦК РСДРП(м) (так теперь, после принятия большевиками имени «компартии», стали называть себя все меньшевики). Собственно, это должна была быть всероссийская конференция, но из-за уменьшения территории страны, транспортной разрухи и преследований добраться до Москвы сумели только 64 делегата. Конференция поддержала меньшевистские организации, которые «везде ведут мужественную и стойкую борьбу за принципы народовластия и политической свободы», защищают рабочих «от насилий анархо-бонапартистских клик наших коммунистов». В то же время меньшевики выступали против «авантюристических методов борьбы с большевизмом» и попыток опереться в этой борьбе на «вмешательство иностранных штыков». Меньшевики высказались за уничтожение созданного Брестским договором политического и экономического закабаления германским империализмом и за «восстановление самостоятельности и единства России». Они требовали немедленного прекращения гражданской войны и «ликвидации разрушительных мнимых — социалистических опытов анархического, насильнического и противонародного режима». Исходя из реальности, меньшевики выступали за восстановление связей между различными частями страны ради нового государственного единства. Они решительно отвергали советский принцип государственного устройства и требовали замены Советской республики подлинно демократическим государством, основанном на народовластии, политической свободе и политическом равенстве. Столь же радикальными были требования в экономической и хозяйственной сфере: денационализация банков, использование частного капитала, отказ профсоюзов от исполнения хозяйственных функций и т.п.⁹ Советская власть ответила на эту критику весьма жесткими мерами.

14 июня 1918 г. ВЦИК исключил из своего состава меньшевиков, эсеров центра и правых. Он рекомендовал всем местным Советам удалить представителей этих фракций из своей среды. Это означало резкое ужесточение внутреннего политического режима. Антибольшевистские социалистические партии лишались своего легального прикрытия и становились объектами деятельности советских карательных служб.

Став во главе Народного комиссариата по военным и морским делам, Троцкий начал деятельно создавать новую армию. Догматические представления социал-демократии об упразднении постоянной армии и замене ее всеобщим вооружением народа пришлось отбросить.

29 мая 1918 г. ВЦИК принял декрет о переходе от добровольчества к всеобщей мобилизации трудящихся. Правда, вначале мобилизации подвергались только рабочие и трудовое крестьянство. До начала призыва в

частях Красной Армии числились разношерстные формирования. Где — то были фактически партизанские отряды, где — то партийные дружины. Островками среди них были части старой армии или полки, где старые солдаты составляли заметную долю личного состава. В обстановке, когда промышленность испытывала жесточайший кризис и многие заводы останавливались, запись в Красную Армию представлялась удобным выходом из положения. Там кормили, одевали, да еще платили. Теперь оплата прекращалась, но форма и казенная еда оставались. В июне 1918 г. в Москве была проведена первая мобилизация рабочих и крестьян нескольких возрастов. Мобилизация проводилась также в ряде «прифронтовых» уездов Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. Начало созданию регулярной Красной Армии было положено. В качестве особо надежных частей выступали полки латышских стрелков, которые с Западного фронта передислоцировались в Москву, так как не хотели возвращаться в занятую немцами Латвию. Не говоря — шие по — русски и преданные своим командирам, они стали охранной гвардией Кремля.

Был отменен принцип выборности командного состава, введены единые штаты воинских частей. Троцкий видел необходимость сотрудничества со специалистами старой армии: генералами, высшими офицерами, готовыми сотрудничать с большевиками в условиях внешней опасности. В военном ведомстве в Москве осталось работать 90% старых работников военного министерства Временного правительства и царского времени. Были взяты на учет все имевшиеся на территории Советской России склады вооружения, боеприпасов и амуниции.

В период невооруженной политической борьбы между большевиками и их противниками, в частности меньшевиками, появились «собрания уполномоченных фабрик и заводов». Меньшевики предложили их учредить после Брестского мира в противовес Советам, находившимся под большевистским влиянием. В марте — апреле 1918 г. прошли выборы «уполномоченных» на заводах Петрограда, Москвы, Тулы, Харькова, Екатеринослава, Самары. Они образовывали районные и городские собрания, проводили свои конференции. Большевики вначале довольно равнодушно отнеслись к этой затее и в выборах почти не участвовали. Главным политическим лозунгом уполномоченных стало требование возродить Учредительное собрание. Это была организационная форма протеста против ухудшения с приходом к власти большевиков материальных условий жизни, недовольство тем, что обещания большевистской партии расходятся с ее делами. В Москве из 110 уполномоченных 42 были беспартийными рабочими, меньшевиков было 35, эсеров — 33 и один народный социалист. Для меньшевиков и эсеров собрания уполномоченных были прежде всего орудием антибольшевистской борьбы. В Москве первое заседание конференции уполномоченных состоялось 13 марта 1918 г., и

до середины апреля было проведено 7 заседаний. В Туле конференция представляла 30 тыс. рабочих Оружейного завода, железнодорожников и профсоюзы. Собрания уполномоченных обсуждали также вопросы борьбы с растущей безработицей и с продовольственным кризисом.

Количество таких собраний в промышленных городах России весной 1918 г. увеличивалось с каждым месяцем, и в июле 1918 г. меньшевики собирались созвать всероссийский съезд рабочих уполномоченных. Тут советская власть всполошилась и начала репрессии против этих общественных организаций. Два делегата петроградской конференции были арестованы в Москве в июне 1918 г. Всероссийская конференция была назначена на 20 июля. В качестве демонстрации силы нового движения 2 июля 1918 г. в Петрограде и Москве должна была пройти всеобщая забастовка. Петроградский Совет 27 июня принял резолюцию, в которой объявил Собрание уполномоченных контрреволюционной организацией. Был временно закрыт Обуховский завод, ставший базой движения. Комиссар печати получил право закрывать газеты, публиковавшие воззвания уполномоченных. ВЧК за подписью Дзержинского опубликовала специальное воззвание к питерским рабочим, где именovala собрания уполномоченных «группой самозванцев и контрреволюционеров». Проведены были массовые аресты в Петрограде и Москве. Забастовка 2 июля 1918 г. была этими репрессиями сорвана, хотя отдельные предприятия и цеха в обеих столицах бастовали.

Особенно напряженной была обстановка в Петрограде. В июне там прошли пере выборы в Петроградский Совет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Они проходили в условиях смягчения внутреннего режима и разрешения небольшевистских органов печати. Хотя победу на этих выборах одержали большевики (чему способствовали различные ухищрения в новом положении о выборах), в числе 1147 депутатов оказалось и 184 представителя небольшевистских партий. Из них: — 102 левых эсера, 49 правых эсеров, 26 меньшевиков. Были избраны даже 2 представителя от правоменьшевистской группы «Единство» и по одному представителю от 5 мелких социалистических групп.

20 июня 1918 г. был убит видный большевик В. Володарский. Следствие тут же обвинило в покушении правых эсеров, однако виновников так и не нашли. В связи с этим Ленин 26 июня 1918 г. направил Зиновьева в Петроград характерную телеграмму. В ней он высказал недовольство тем, что руководство препятствует питерским рабочим ответить «массовым террором» на террористический акт. «Террористы будут считать нас тряпками, заявлял Ленин. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*»¹⁰. Эти слова показывают, что вторая половина июня стала определенным рубежом, за которым Ленин решил пресечь легальную борьбу против большевиков и перейти к реп —

рессиям, арестам и террору по отношению к политическим противникам из других социалистических партий России¹¹. Так открылась самая страшная страница в истории России — большевистский террор.

Конечно, поводом для него стали и отдельные террористические акты со стороны правых эсеров, и поощрение ими недовольства крестьян и матросов. Ответ же большевиков был чудовищным, он вызывал только ответное насилие и усиление гражданской войны. 11 июня был принят декрет о создании «комитетов бедноты» в деревне. На них должны были опереться продовольственные отряды, посылавшиеся из городов для изъятия хлеба. Новая вспышка гражданской войны, грозившая охватить всю Россию, была теперь совсем близко.

Одним из существенных эпизодов, подхлестнувших разжигание этой войны, был так называемый мятеж Чехословацкого корпуса. Дело в том, что в ходе первой мировой войны в России оказалось около двух миллионов военнопленных. Немалая их часть была из славянских стран, находившихся тогда под властью Австро — Венгрии. Политика Антанты состояла в том, чтобы создать для них благоприятный режим и побудить к вступлению в добровольческие части, которые можно было бы использовать в войне. В 1917 г. был создан корпус из австрийских и немецких поляков, передвинутый в тыл Западного фронта (он поднял восстание против советской власти в декабре 1917 г.). Теперь, к маю 1918 г., были сформированы Сербская дивизия и Чехословацкий корпус. Сербская дивизия была отправлена в Мурманск, чтобы там погрузиться на корабли союзников и отправиться на Западный фронт. Именно в составе этой дивизии под видом сербских офицеров выехали из Москвы Керенский и его телохранитель Фабрикант. Керенский отпустил длинные волосы и бороду. Три недели они ехали через Петроград и по Мурманской железной дороге. В середине июня Керенский взобрался на борт французского крейсера «Адмирал Об». Первым желанием его было побриться и постричься, чтобы вновь обрести хорошо всем знакомый внешний вид.

С чехословаками было сложнее. Численность корпуса достигала 50 тыс. человек. Советское правительство приняло решение эвакуировать Чехословацкий корпус по Транссибирской железной дороге через Владивосток. В мае 1918 г. эшелоны с чехословаками растянулись от Пензы до Владивостока. Настроение солдат было довольно нейтральным. Революционно настроенные чехи и словаки еще в конце февраля покинули корпус. Около 6 тыс. человек вступили в Красную Армию. Солдаты корпуса были хорошо вооружены русским и трофейным оружием. Но в связи с недостатком вооружения для формирующейся постоянной Красной Армии наркомвоен Троцкий решил разоружить чешские части. Слух об этом достиг командование и солдат корпуса раньше, чем пришли официальные приказы.

17 мая 1918 г. в Челябинске чехословаки, захватив станцию, попытались разогнать местный Совет, но затем вступили с ним в переговоры. Тут — то и нагнали чехов приказы об обязательном разоружении эшелонов на всем пути следования. Они возмутились и стали оказывать сопротивление. 26 мая 1918 г. в Омске чехи обстреляли красноармейский отряд, который пришел их разоружать. В тот же день они арестовали членов Совета в Новониколаевске (ныне Новосибирск). Между Челябинском и Омском чехи захватили поезд, в котором ехал народный комиссар по продовольствию А.Г. Шлихтер, и держали его целые сутки. В ночь с 26 на 27 мая чехословаки захватили Челябинск. 27 мая они приняли участие в совещании с активистами Комитета членов Учредительного собрания. Последние просили чехов помочь им свергнуть советскую власть на Урале и в Сибири.

28 мая началось выступление чехов, находившихся в районе Сызрани. Сначала первые чехословацкие эшелоны в Сердобске сдали аэропланы, автомобили и часть другого военного имущества. Но следующие эшелоны отказались сдать оружие. Советская власть попыталась блокировать эшелоны на станции. Тогда чехословаки покинули свои вагоны и походным порядком направились в Сызрань, а затем в Пензу. Около пяти тысяч чехословаков начали наступление на Пензу и через два дня заняли город. Большевики обвиняли чехословаков в том, что они контрреволюционеры, хотят отобрать землю и заводы и даже... восстановить самодержавие! После захвата Пензы чехословацкие части начали наступление с целью захвата железной дороги Самара — Уфа. Попытки советских военных и гражданских властей оказать сопротивление чехам к особым успехам не приводили. Красноармейские и крестьянские партизанские части были необученными и не имели никакого военного опыта, в то время как чехословаки были достаточно умелыми солдатами. 8 июня 1918 г., после нескольких дней упорных боев, чехословаки заняли Самару.

Вместе с чехословаками в Самару, один из крупнейших городов и промышленных и торговых центров в Поволжье, прибыли правые эсеры И.М. Брушвит, Б.К. Фортунатов, В.К. Вольский и И.П. Нестеров. Они образовали «Комитет членов Учредительного собрания», который объявил себя высшей властью в России. Так появилась антибольшевистская политическая сила, открыто противопоставившая себя советскому правительству. Самарский «Комуч» немедленно поддержал Всесибирский краевой комитет партии эсеров. Комитет членов Учредительного собрания назначил и свое правительство из 16 глав различных ведомств. Там было много видных фигур с всероссийской известностью, например, председатель Е.Ф. Роговский, П.Г. Маслов, И.М. Майский, В.К. Вольский, М.Я. Гендельман. Забегая вперед, скажем, что 19 сентября в Самару прибыл и В.М. Чернов. Комуч и его правительство попытались на прак —

тике осуществить многое из программы, разработанной меньшевиками и эсерами.

Советская власть в Поволжье переживала трудные времена. Отсутствие военного опыта, неразбериха, низкая дисциплина красноармейских частей, грабежи и пьянство привели к тому, что 17 июня настроенные против Советов восставшие чехословацкие части заняли Сызрань. Таким образом, впервые после Брестского мира советская власть столкнулась с организованной борьбой антибольшевистских сил, получив «Восточный фронт». 25 июня 1918 г. А.Ф. Мясников (сменивший Н.И. Подвойского на посту главы советских войск) представил Ленину и Свердлову докладную записку, в которой правдиво охарактеризовал ужасное и катастрофическое моральное и боевое состояние красных войск на Восточном фронте. Он пришел к выводу, что армии еще нет, ее нужно создать¹².

Но все внимание Ленина было приковано к Москве. Он понимал, что выступление чехов не главная угроза большевистской власти. Обострение внутренней борьбы и переход к преследованию меньшевиков и эсеров, борьба с «собраниями уполномоченных», продовольственный кризис создавали тревожный для Совнаркома фон. Положение большевиков должен был укрепить V Всероссийский съезд Советов. Открытие его было назначено на 4 июля 1918 г. Он должен был, в частности, принять первую Конституцию РСФСР, которую подготовила специальная комиссия во главе с известным юристом профессором М. Рейснером. Конституция должна была юридически закрепить положение пролетариата как нового господствующего класса в Российской Федерации. Крестьянам была уготована роль граждан второго сорта: их представительство в Советах определялось нормами конституционного проекта, разработанного в 1905 году земским деятелем славянофильского толка Д.Н. Шиповым. Представители же «эксплуататоров» и духовенства вовсе лишались избирательных прав.

Но именно в дни V Всероссийского съезда Москву, большевиков и всю Россию ждали новые потрясения. Они были вызваны противоречиями между главными «советскими» партиями большевиками и левыми эсерами. Последние, как говорилось выше, были против Брестского мира и разорвали правительственную коалицию после его заключения. В июне 1918 г. в своих легальных газетах они усилили агитацию за разрыв Брестского мира, критиковали продовольственную политику большевиков. Левые эсеры рассчитывали на помощь бывших союзников России и открыто обещали возобновить войну с Германией. Конечно, их программа отражала настроения определенной части народа, прежде всего тех крестьян, которые поддерживали большевиков в момент захвата ими власти и получили помещичью землю, но выступили против посылки продотрядов в деревню и продовольственной диктатуры. Программа левых

эсеров отвечала и национальным чувствам большей части жителей России, оскорбленных несправедливым и грабительским Брестским миром.

4 июля 1918 г. в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В составе его делегатов было 773 большевика, 353 левых эсеров, 17 эсеров — максималистов, 4 анархиста, 3 представителя других партий и 10 беспартийных. Ожесточенные споры с левыми эсерами начались уже при обсуждении повестки дня. Затем левые эсеры требовали включить в нее вопрос об отмене смертной казни за контрреволюционные выступления. Большевики ее ввели, придя к власти, вопреки тому, что ее отмену торжественно провозгласил еще II Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры обвинили также большевиков в том, что они не помогают жителям оккупированных германцами Белоруссии и Украины. После этого они покинули зал Большого театра. Но 5 июля они появились вновь на пленарном заседании съезда. Делегаты заслушали доклад председателя ВЦИК Свердлова, в котором он объявил, в частности, о решении ВЦИК от 14 июня исключить правых эсеров и меньшевиков из этого органа. После Свердлова с критическим по отношению к большевистской политике содокладом выступила Мария Спиридонова, один из лидеров левых эсеров.

Затем с докладом о работе СНК выступил Ленин. Он резко обрушился на левых эсеров, агитирующих за разрыв Брестского мира. Он защищал продовольственную политику советской власти, ратовал за дальнейшее разжигание классовой борьбы в деревне. Левые эсеры в прениях выступали против комитетов бедноты, назвав их «съездами деревенских лодырей». Ночью состоялось голосование резолюций по отчетам ВЦИК и СНК. Понятно, что съезд принял большевистские проекты. После этого левые эсеры вторично ушли со съезда.

Утром 6 июля сотрудники ВЧК, левые эсеры по партийной принадлежности боевики Я.Г. Блюмкин и Н.А. Андреев явились в германское посольство под предлогом срочных переговоров с послом графом Мирбахом. При встрече с ним они открыли стрельбу, бросили бомбу и тут же скрылись. Мирбах был убит. Этим убийством террористы надеялись вызвать разрыв мирного договора со стороны Германии. Убийцы скрылись в здании штаба войск ВЧК, где размещался отряд под командованием левых эсеров Д.И. Попова. Дзержинский, то ли по одной из версий заранее осведомленный о возможности покушения, то ли прозевавший «измену» в собственном ведомстве, отправился в Трехсвятительский переулок, где «попал в плен» к левым эсерам.

Единственным действием левых эсеров был захват Центрального телеграфа и отправка членом их ЦК П.П. Прошьяном телеграмм по стране о разрыве Брестского мира и возобновлении войны с Германией. Ленин и Свердлов, получив известие о террористическом акте, отправились в

германское посольство выразить свое соболезнование и возмущение действиями левозсеровских террористов. Они готовы были на компенсации и убеждали германскую сторону не разрывать мирных отношений, в чем та и не была заинтересована. Никто не сделал попытки захватить их во время этих путешествий по Москве в пятом часу дня.

Латышскую дивизию и другие верные Кремлю войска, расположенные у храма Христа Спасителя и еще в двух местах, решено было послать на штурм здания, где находился отряд Попова.

Командир Латышской дивизии И.И. Вацетис заверил Ленина, что к 12 часам дня восстание левых эсеров будет ликвидировано. Был «отбит» телеграф и начато отправление большевистских воззваний по России. Утром латыши стали концентрироваться вокруг штаба отряда Попова. Трехдюймовые пушки катили вручную и сократили расстояние между ними и особняком до 300 шагов. Затем начался обстрел. После первых же попаданий фугасных и шрапнельных снарядов в здание чекисты из отряда Попова разбежались. В 12 час. 30 мин. дня Вацетис позвонил Ленину и заявил, что «мятеж» подавлен. Был отдан приказ о разоружении и аресте всех обнаруженных мятежников.

Левые эсеры еще до обстрела отряда Попова освободили арестованного Дзержинского, и он даже появился на трибуне Большого театра. Но сами большевики взяли в заложники всех делегатов съезда от левых эсеров, оказавшихся в зале съезда Советов.

По вопросу о так называемом мятеже левых эсеров в литературе после ледного времени существуют разные точки зрения. По версии Ю. Фельштинского, левозсеровский «мятеж был, возможно, провокацией ВЧК, в результате которой большевики, используя в качестве формального повода для репрессий убийство Мирбаха и неосторожные шаги Попова, громили партию левых эсеров»¹³. Я.В. Леонтьеву, составителю сборника документов о партии левых эсеров, эта подхваченная постсоветской исторической публицистикой версия «о тайном руководстве левозсеровским заговором провокаторами из ВЧК с попустительством самого Дзержинского» представляется малоубедительной¹⁴. На сходных позициях стоят и составители другого документального сборника А.А. Литвин и Л.М. Овруцкий¹⁵. На основе изучения источников Овруцкий пришел к выводу, что «вопреки мнению официальной советской историографии», в убийстве Мирбаха и последовавших за ним событиям, «если судить по намерениям левых эсеров, не было ничего ни антисоветского, ни мятежного»¹⁶. Таким образом, можно считать, что вне зависимости от планов ЦК левых эсеров аннулировать Брестский мир и оказать давление на большевиков в целях изменения внешнеполитического и внутривластного (по отношению к крестьянству) курса советской власти, убийство Мирбаха оказалось для Ленина хорошим поводом покончить с двухпартийным режимом и сокрушить партию «заговорщиков» и «мятежников».

В Петрограде, Вологде и некоторых других городах большевистские силы провели превентивные операции против местных комитетов левых эсеров. Так, в Петрограде, где левые эсеры сделали своей резиденцией здание бывшего Пажеского корпуса на Садовой улице, они были окружены большевистскими войсками и артиллерией и после предупредительных выстрелов сдались. Общим результатом разгрома левых эсеров было изгнание их из Советов и советских учреждений. Россия стала еще ближе к однопартийной большевистской диктатуре.

Примечания:

¹ Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград Москва. Июль — ноябрь 1917. Гл. 13 — 20.

² Старцев В.И. очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. Приложение 4. М. Л. 1965. С. 277.

³ См.: Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л. 1976.

⁴ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М. 1997. Гл. 5.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 235 — 237.

⁶ См.: Lyandres Semion. The Bolsheviks «Germans Gold» Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. The Carl Beck Papers. Number 1106. Pittsburgh. February 1995.

⁷ История гражданской войны в СССР. Т. 3. М. 1958.

⁸ Меньшевики. Составитель Ю. Фельштинский. Бенсон. 1988. С. 161.

⁹ Политические деятели России. 1917 г. М. 1993. С. 411 — 412.

¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 106.

¹¹ Так, в сборнике «Меньшевики» в статье Д. Далина отмечается, что репрессии, начав резко возрастать в мае — июне 1918 г., достигли своего апогея в июле — августе. (Указ соч. С. 174 — 175.)

¹² Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918. М. 1969.

¹³ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М. 1992. С. 473.

¹⁴ Партия левых социалистов — революционеров. Документы и материалы. Т. 1. 1917 г. — май 1918 г. М. 2000. С. 29.

¹⁵ См.: Левые эсеры и ВЧК. Казань. 1996.

¹⁶ Политические партии России: история и современность. М. 2000. С. 376. См. также: Рабинович А. Большевики и самоубийство левых эсеров. // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1998.

Глава VI.
КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ
(осень 1918 — 1920 гг.)

С.В. Устинкин

Инициаторы гражданской войны

Различным аспектам Гражданской войны в России посвящено около 30 тыс. книг, изданных у нас в стране и за рубежом. Огромное количество работ, написанных с разных методологических позиций, свидетельствует о чрезвычайной актуальности и политической дискуссионности этой темы на протяжении всего XX века.

При этом ортодоксальные марксисты исходят из положения о непримиримости интересов антагонистических классов, третируют идею «гражданского мира» как «мещанскую утопию. Политические наследники белого дела, бичуя «чудовищную химеру национал — большевизма», объявляют преступными попытки поставить на одну доску белых и красных, уравнивать их перед лицом истории, стереть разницу между теми, кто до последнего отстаивал Великую, Единую, Неделимую Россию, и теми, кто ее разрушал, намереваясь осуществить мировую революцию¹.

Историческую правоту, святость и героизм белогвардейцев в борьбе с «всадниками апокалипсиса» пропагандируют в своих трудах идейно — политические наследники белого дела². Романтику революции — «красных коней на синей траве, «агонию, «разгром», «крах» белых воспевают историки и публицисты, верные марксизму — ленинизму³.

Таким образом, в исторической литературе нет недостатка в различных концепциях, версиях, трактовках и суждениях, касающихся Гражданской войны. Многие из них в последнее время проанализированы в работах Г.А. Бордюгова, В.П. Булдакова, С.В. Волкова, В.И. Голдина, В.Д. Зиминой, С.А. Павлюченкова, В.Т. Тормозова, В.Ю. Чуракова, А.И. Ушакова, В.Ж. Цветкова и других отечественных специалистов⁴. Большинство историков поддерживает тезис о необходимости объективного освещения Гражданской войны. Однако на деле выйти из замкнутого круга красно — белых схем оказалось не просто. Субъективизм и фрагментарность до сих пор характерны для современного, по сути поискового и дискуссионного периода отечественной историографии⁵.

Революция, посягающая на самодержавие, а затем и на русскую государственность, однозначно воспринималась правыми как «безумие и болезнь», как «патологический, свершающийся в обстановке массового психоза, разрыв исторических традиций». Разрыв, через кровавый хаос неизбежных и напрасных жертв, с роковой неизбежностью отбрасывающий нацию назад, вспять, ниже от исходной точки⁶.

Революция — это социальная катастрофа, доказывал, например, А.В. Карташов, — ибо она раскалывает душу народа и помрачает национальное самосознание⁷. «Исторически революция всегда есть бессмыслица, — писал С.Л. Франк. — Она есть попытка с помощью взрыва исправить недостатки паровой машины, или с помощью землетрясения установить целесообразно распланировку улиц города. Всякая революция обходится народу слишком дорого, не окупает своих издержек...»⁸. Практический вывод четко сформуливал В.В. Шульгин: «...если подавить бунт можно, то и слава богу, Николай повесил 5 декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 февралистов, то это будет дешево купленное спасение России. Это будет значить, что у нас есть государство, что у нас есть власть»⁹.

После свержения самодержавия представители демократических и социалистических партий считали революцию законченной. Временное правительство, с их точки зрения, боролось на два фронта: с крайне правыми и левыми, осуществляя истинную государственность, проводя в жизнь истинный демократизм¹⁰.

Большевики, во главе с В.И. Лениным, считали иначе. Февральскую революцию они рассматривали как первую победоносную гражданскую войну и звали ко второй — к установлению диктатуры пролетариата¹¹.

29 сентября 1917 года в статье «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной» В.И. Ленин констатировал: «...начало гражданской войны со стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и упорство движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило»¹². Поэтому следует не бояться гражданской войны, смело брать инициативу в борьбе с контрреволюцией. В.И. Ленин так сформулировал главный урок, который большевикам следовало «извлечь из истории Парижской коммуны»: «... излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне...». Ибо «бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках»¹³.

С точки зрения В.И. Ленина, советская власть должна быть диктатурой гигантского большинства народа над «ничтожной кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти». Поэтому «развязывание»

гражданской войны пролетариатом он считал морально и политически оправданным¹⁴. Однако после взятия власти, 4(17) ноября 1917 года, выступая с речью на заседании ВЦИК, В.И. Ленин уже однозначно обвиняет в развязывании гражданской войны «ничтожную кучку юнкеров, калединцев и других элементов, выступивших против пролетарской диктатуры». «Мы против гражданской войны, — заявил Владимир Ильич. — Если, тем не менее, она продолжается, то что же нам делать?.. Как же мы прекратим меры преследования врага, который не прекратил враждебных действий?»¹⁵. Противоречие, содержащееся в вышеприведенных заявлениях, В.И. Ленин разъяснял так: «Мы за Гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом»¹⁶. Ленинский подход к причинам начала и нравственной оценке Гражданской войны разделял Л.Д. Троцкий: «Есть две гражданские войны. Та гражданская война, которую ведут помещики, старые генералы, банкиры, капиталисты против трудящихся масс — это бесчестная гражданская война, и есть другая гражданская война, которую мы, которую вы, рабочие, поднявшиеся, расправившие свои спины, начинаете вести против угнетателей, против насильников — это священная гражданская война» — писал он¹⁷.

Либерально — демократические партии не смогли остановить разложение государственного аппарата, армии, провести реформы. Восстановить порядок можно было двумя способами: посредством либо военной диктатуры, либо социально — политического компромисса, общенационального примирения и общественного согласия. Экстремистские тенденции в деятельности политических партий возобладали. В этом плане Гражданская война явилась следствием их политики в предреволюционную эпоху. Теоретические установки и практическая деятельность революционных политических партий способствовали усилению конфронтации между классами и социальными группами России. Неспособность власти и общества своевременно и справедливо решать возникающие проблемы и составили главную причину постигшей страну драмы. «Инициатором» же развязывания Гражданской войны были большевики. Их противники находились у власти, и им гражданская война была не нужна.

Начавшаяся Гражданская война представляла собой социально — экономическую, идейно — политическую, духовно — нравственную, агитационно — пропагандистскую, психологическую, военно — организационную и дипломатическую борьбу между различными политическими группировками, войну красных и белых, т.е. между РКП(б) и ее политическими противниками. Это была «смута» — распад государственности, разрыв преемственности многовековой культурной традиции, духовно — нравственный кризис нации, развязавшей братоубийственную бойню. Гражданская война в России стала великой исторической драмой народа, где победа одних классов и социальных групп была поражением и трагедией для других.

Это была борьба за власть с целью навязать основной массе населения страны свои представления о будущем общественно — политическом устройстве России. Это была борьба социально — экономических интересов и проходила она при вмешательстве во внутренние дела России иностранных сил. Просторы России, разнообразие этногеографических и социально — демографических условий, в каких велись военные действия, определили формы Гражданской войны: военные операции регулярных армий, вооруженные столкновения отдельных отрядов, использование добровольцев — интернационалистов, организация подполья, мятежей и восстаний в тылу противника, политический бандитизм, саботаж, экономическая и информационная блокада, интервенция, партизанские действия, массовый террор против реальных и потенциальных противников, диверсионно — террористические и разведывательные акции, психологическая и агитационно — пропагандистская борьба.

Основные этапы и противоборствующие силы

Когда же началась Гражданская война? Каковы ее основные этапы? В какой период борьбы на антибольшевистском фронте выделилось белое движение? И по этим вопросам историки продолжают спорить. Главная причина разногласий — в прямо противоположных толкованиях причин и сущности Гражданской войны и, соответственно, в разных критериях ее периодизации.

Основные позиции по этому вопросу были сформулированы еще в 1920 — е годы. Монархисты началом Гражданской войны считали весну 1917 года, для них она была следствием «жидомасонского заговора». За рождение же белого движения они связывали с реакцией правых сил на Февральскую буржуазно — демократическую революцию. Либералы относили ее начало к Октябрьскому перевороту, а сущность белого дела видели в защите «завоеваний февраля», т.е. ценностей правового государства. Эсеры и меньшевики связывали возникновение Гражданской войны с разгоном Учредительного собрания и заключением Брестского мира, т.е. отказом большевиков разделить власть с социалистическими и демократическими партиями. Начало же белого движения датировали ноябрем 1918 года, когда на территории Сибири и Урала была установлена военная диктатура адмирала А.В. Колчака.

Современные отечественная и зарубежная историографии все эти концепции воспроизводят в модернизированном виде¹⁸. Какая же точка зрения представляется более обоснованной?

Если рассматривать Гражданскую войну как такой период в нашей истории, когда вся государственная, политическая, экономическая жизнь

страны была подчинена решению проблемы власти военным путем, то ее хронологические рамки: лето — осень 1918 — конец 1920 гг.

Если же сместить акценты с проблем военно — стратегической борьбы красных и белых на социально — политические и духовно — нравственные аспекты, то хронологические рамки Гражданской войны, в широком ее понимании, будут охватывать период с весны 1917 г. до октября 1922 г., т. е. с первых попыток ее развязать до завершения борьбы на Дальнем Востоке и образования СССР.

В соответствии с таким пониманием, время с марта по октябрь 1917 г. рассматривается как предыстория, а с октября 1917 г. по июнь 1918 г. — как этап «мягкой» Гражданской войны, когда процессы перерастания общественно — политической конфронтации в стране после краха самодержавия вылились в события октября 1917 г., определившие — в свою очередь — углубление и обострение противостояния в стране.

Поэтому на наш взгляд, Гражданская война прошла через следующие этапы:

Весна 1917 г. — октябрь 1917 г. Этап предыстории Гражданской войны, нарастания общественно — политической конфронтации. Для него характерны попытки большевиков, а также правых государственно — патристических сил установить диктатуру. Временное правительство, противостоящее сторонникам «левого и правого» политического экстремизма, постепенно утрачивает авторитет. Важной вехой этого этапа стало зарождение антибольшевистского движения. В него вливаются люди разной политической ориентации, выступающие за восстановление порядка и победоносное завершение Мировой войны.

Октябрь 1917 г. — июнь 1918 г. Этап «мягкой Гражданской войны». Начало ему положил октябрьский переворот. Большевики экспроприируют помещичью и монастырскую собственность, отменяют право частной собственности на землю, провозглашают уравнильное землепользование. С выходом России из Мировой войны и переделом земли интересы крестьянства как класса были удовлетворены. Оно на время «отходит от политики» и тем обеспечивает «триумфальное шествие Советской власти». Брестский мир, разгон Учредительного собрания, становление однопартийной большевистской диктатуры заставили правых эсеров и других социалистов, увидевших «грозящую катастрофу», выступить застрельщиками антибольшевистской борьбы. На этом этапе начинается добровольческое формирование красных и белых армий.

Лето 1918 г. — осень 1918 г. Стадия эскалации Гражданской войны, связанная с началом «пролетарского» этапа аграрной революции в деревне. Летом 1918 г., большевики ужесточили хлебную монополию и ввели продовольственную диктатуру. С целью «политически подкрепить» насильственное изъятие хлеба у крестьян, а также «ликвидировать эксплуататора — кулака» ими был взят курс на организацию комбедов и раз —

жигание классовой борьбы в деревне. Такая аграрная политика РКП(б) вызвала недовольство зажиточных крестьян и середняков. Большевики таким образом сами создали массовую базу для сопротивления. На антибольшевистской основе объективно сложилась консолидация двух течений: демократического сопротивления, поднявшего лозунг защиты «завоеваний Февраля», и белого дела, выступившего под флагом «непредваренного» государственного строя России до ликвидации советской власти. Этот период завершается крушением Комуча и Уфимской Директории.

Декабрь 1918 г. — июнь 1919 г. Этап противоборства регулярных красных и белых армий. В вооруженной борьбе с советской властью «чистые» белогвардейцы доминируют и добиваются наибольших успехов. В лагере сопротивления усиливается дифференциация социально-политических сил. Часть революционной демократии идет на сотрудничество с советской властью. Другая часть ведет борьбу на два фронта: с белой и большевистской диктатурами. Третья — пополняет контингенты белых подразделений. Это период ожесточенной «полевой» Гражданской войны, эскалации «красного и белого» террора.

Вторая половина 1919 г. — осень 1920 г. Этап военного поражения белых армий. Большевики скорректировали свою политику по отношению к среднему крестьянству, заявив на VIII съезде РКП(б) о «необходимости более внимательного отношения к его нуждам — устранении произвола со стороны местных властей и стремлению к соглашению с ним». Крестьянство, до того колеблющееся, поддерживающее то белых, то красных, склоняется на сторону советской власти как к «меньшему злу». Завершается этап острым кризисом в отношениях большевиков с средним и зажиточным крестьянством, не желавшим продолжения политики «военного коммунизма» после разгрома основных сил белых армий.

Конец 1920 г. — 1922 г. Период последних вспышек Гражданской войны. Белое движение, разбитое в европейской России, на Дальнем Востоке и в Приморье, переносится за границу, приобретая политический и эмигрантский характер. Либерально-демократические и консервативные элементы в эмиграции окончательно разделяются и разворачивают ожесточенную полемику между собой. Внутри России вновь усиливается влияние эсеров и меньшевиков, возглавлявших антибольшевистские восстания крестьян и оппозиционное к власти рабочее движение. Крестьяне своим массовым сопротивлением политике военного коммунизма заставляют большевиков отступить, ввести НЭП. Либерализация экономической политики большевиков способствовала постепенному затуханию Гражданской войны.

Истоки социально-политического размежевания и противостояния классов и социальных групп находятся, прежде всего, в историческом прошлом России.

Незавершенность социально — классовой структуры буржуазного общества; сохранение мощных пережитков феодализма в социально — экономической сфере и массовом сознании; острейшие социальные и национальные противоречия, ненависть низших классов к классам привилегированным; относительная слабость буржуазии; сила и организованность пролетариата, имеющего свою партию; экстремизм, беспочвенность и отщепенство интеллигенции; кризис русской православной церкви; отсутствие традиций политической жизни в правовом государстве; неуважение народа к праву и частной собственности; непопулярность идей длительной трансформации общества; дискредитации власти оппозиционными и революционными партиями; сильные революционные традиции; разложение дворцовой камарильи; деградация правящих верхов — все это существенно определило расстановку и соотношение боровшихся в Гражданскую войну социально — политических сил.

Что до социальной базы противоборствующих сил, то в советской историографии долгое время господствовала следующая схема: основными движущими силами в Гражданской войне были пролетариат, буржуазия и крестьянство. Крестьянство было колеблющимся элементом, в конечном итоге определившим окончательное соотношение сил обеих сторон. Зажиточный слой кулачества тяготел к лагерю буржуазии. Крестьянская «беднота» сделалась революционным попутчиком пролетариата. Среднее крестьянство долго не могло определить свою позицию, но в результате временных уступок со стороны советской власти и опыта, полученного в ходе Гражданской войны, поддержало большевиков¹⁹.

Эту схему в целом, с известными оговорками, признавали П.Н. Милоков, Н.И. Астров, П.И. Новгородцев, Н.В. Устрялов, С.П. Мельгунов и многие другие представители эмигрантской историографии²⁰. А.И. Деникин, например, утверждал: «между тремя основными народными слоями — буржуазией, пролетариатом и крестьянством — легли непримиримые противоречия в идеологии, в социальных и экономических взаимоотношениях, существовавшие всегда в потенции, углубленные революцией и обостренные разъединявшей политикой Советской власти»²¹.

В этом плане, историки и политики русского зарубежья гораздо объективнее некоторых современных публицистов, считающих, что Гражданская война представляла собой столкновение двух сил — небольшой группы большевиков во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким и всей остальной России, представленной политическими партиями анархистов, меньшевиков, эсеров, кадетов и монархистов²².

При всем том, вышеприведенная схема нуждается в уточнении и дополнении, ибо неточно отражает своеобразие социально — классовой структуры российского общества, сложившейся в начале XX века, а также специфику этно — географических и социально — политических условий в отдельных регионах страны. Весьма интересные попытки внести такие

дополнения неоднократно предпринимались отечественными и зару — бежными специалистами ²³.

На наш взгляд, в схему «пролетариат плюс беднейшее крестьянство под руководством большевиков ведущие борьбу с буржуазией города и деревни (кулачеством) при колеблющемся среднем крестьянстве», сле — дует внести ряд уточнений.

«Рабочий класс российского общества» едва ли можно считать соб — ственно классом, по крайней мере, в западноевропейском понимании. Осенью 1918 г. численность промышленных рабочих в стране состав — ляла по разным подсчетам от 1,5 до 2,5 млн чел. Принято считать, что социальная группа только тогда становится классом для себя, когда она осознает свои экономические, политические и социальные интересы, за — щищает свои права, осознает некую общность интересов с другими со — циальными слоями, а также меру ответственности за предпринимаемые действия. С этой точки зрения, российские промышленные рабочие по качественным параметрам еще не стали классом, к началу XX века они остаются все увеличивающейся и быстро политически развивающейся социальной группой²⁴. Значительная часть рабочих, причем даже в Пет — рограде и Москве, сохраняла связи с селом и имела земельные участки (соответственно 25 и 49%). Еще больше рабочих было тесно связано с сельским хозяйством в Прикамье, на Урале и Сибири (до 60%).

Для большевиков было неожиданным разочарование в революции части рабочего класса, от имени которого и для которого, как заявлялось, была совершена эта революция. Однако это разочарование было во многом обусловлено объективными причинами. Из трех лозунгов, выдвинутых большевиками в ходе захвата власти, два — мир и земля — выражали, прежде всего, интересы крестьянства. Третий — рабочий контроль над производством — отражавший интересы промышленных рабочих, был менее понятен массам. Рабочее управление национализированными предприятиями и рабочий контроль на частных предприятиях быстро продемонстрировали свою неэффективность — падала дисциплина и производительность труда, резко снижался уровень жизни. По этой при — чине в среде рабочих возникло недовольство политикой большевиков.

К тому же как раз сознательные рабочие были глубоко оскорблены подавлением демократии — диктатурой одной партии, прикрываемой идеологией «диктатура пролетариата». Состоявшееся в марте 1918 г. в Петрограде Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов города так выразило эти настроения рабочих: «...профессиональные со — юзы утратили самостоятельность и независимость, они уже не органи — зуют борьбы в защиту прав рабочих. Советы рабочих и солдатских де — путатов точно боятся рабочих: не допускают перевыборов, заброниро — вали себя, они превратились только в правительственные организации и не выражают больше мнений рабочей массы»²⁵.

Экономические и политические ошибки большевиков, а также естественное стремление защититься от экспроприации и продразверстки свои огороды, покосы и живность, стали причиной восстаний рабочих по всему Уралу в течение 1918 г. Самые крупные из них произошли в августе 1918 г. на Ижевском и Воткинском заводах. Здесь сыграло свою роль и стало катализатором выступления то обстоятельство, что Ижевский завод был оружейным, и там служило много офицеров. Четырехтысячный Ижевский союз фронтовиков, поднявший восстание против большевиков, насчитывал 200 офицеров. Примерно так же обстояло дело и на соседнем Воткинском заводе.

Таким образом, рабочий класс в 1918 — 1920 гг. не был монолитен. Большинство поддерживало РКП(б). Меньшая часть, недовольная снижением жизненного уровня, подавлением демократии и установлением диктатуры входила в состав антибольшевистского движения и либо с оружием в руках, либо используя другие формы протеста боролась против Советской власти.

Представители старой бюрократии и бывших привилегированных групп (дворяне, крупная и средняя буржуазия, чиновники госаппарата) в значительной части были враждебны по отношению не только к большевикам, но и к революции вообще. Их численность составляла около 4 млн человек²⁶. Однако в сопротивлении большевизму не они стали главной движущей силой.

Ядром антибольшевистского и белого движения было русское офицерство. По образному выражению Н.В. Чайковского, «офицерский корпус сыграл роль машинки для пуска и раскручивания маховика русской контрреволюции»²⁷. Также и П.Н. Милюков неоднократно подчеркивал, что «антибольшевистское движение, как организованное и вооруженное, вышло непосредственно из рядов армии, участвовавшей в мировой войне»²⁸. Эти оценки очень точно отражают существо дела. В годы Гражданской войны более 125 тыс. офицеров служило в белых армиях.

Какие причины толкнули их на борьбу с Советской властью?

Офицеры первыми на себе испытали эксцессы революции. С разложением армии их стали преследовать собственные солдаты. Преследовали как начальников, пытавшихся поддерживать дисциплину. Преследовали как дворян и буржуев, представителей ненавистного правящего класса, врагов крестьян. Преследовали как интеллигентов, ибо в каждом образованном человеке народные массы видели «барина». Революционный террор был безжалостен и страшен. О расправах над офицерами писала даже большевистская пресса²⁹.

В борьбе за упрочение нового политического режима большевики осуществили слом старой армии. И конечно, в условиях продолжающейся мировой войны эта политика не могла быть признана разумной подавляющим большинством офицерского корпуса, в том числе даже теми его

представителями, кто был готов на сотрудничество с советской властью. Брестский мирный договор, обещавший жертвы, принесенные офицерским корпусом ради победы над Германией, окончательно дискредитировал в их глазах большевиков и активизировал их на борьбу с Советами.

При отсутствии у либеральных и демократических партий опыта ведения вооруженной борьбы именно офицерство стало главной движущей и организующей силой антибольшевистского движения.

В морально — психологическом сплочении русского офицерского корпуса и в той роли, которую он сыграл в антибольшевистской борьбе, многие отечественные и зарубежные исследователи усматривают «классовый признак». В советской историографии со времен «Краткого курса истории ВКП(б)» офицерство «по социальному происхождению и имущественному положению» причислялось «к классу помещиков и капиталистов» и характеризовалось крайне негативно³⁰.

На деле же, многочисленные потери, какие понесла русская армия в годы первой мировой войны, а также массовая подготовка офицеров военного времени из студентов, учителей и мелких чиновников, привели к качественным изменениям в социальном составе офицерского корпуса. Удельный вес дворянства резко сократился и возросло количество выходцев из третьего сословия. До 80% подготовленных за войну офицеров происходило из крестьян и только 4% — из дворян. В результате, выходцы из дворян среди офицеров русской армии к февралю 1917 г составляли менее 10%, а выходцы из разночинских, мелкобуржуазных слоев и крестьянства — более 90%³¹.

Численность интеллигенции к 1917 г. составляла 725 тыс. человек (2,7% населения страны). Из них 50% были мелкими и средними чиновниками, а 3,5 тыс. человек — представителями литературно — художественной среды³². Интеллектуальная элита России составляла ядро и чисто монархических групп, и либерально — демократических и социалистических партий.

Большая часть интеллигенции была настроена решительно антибольшевистски. Сказывалось и происхождение, и эксцессы революции, и полное неприятие политики Советской власти, и крушение прежнего образа жизни. Даже представителям интеллигенции, не настроенным на открытую борьбу с большевиками, новая власть чужда была этически, ибо это была власть, уничтожающая, по их понятиям, русскую культуру. Поэтому до 50% российских интеллигентов к концу Гражданской войны оказалось во внутренней и внешней эмиграции.

Как известно, к началу Гражданской войны из 165 млн чел. российских граждан 77% составляли крестьяне. К 1917 г. — 65% крестьян были бедняками, 20% составляли середняки и 15% — кулаки³³. Один из мифов советской историографии — это утверждение о безоговорочной под —

держке РКП(б) крестьянской массой, т.е. большей частью населения стра — ны. На деле, одна из главных причин неудач большевиков в экономической политике весной 1918 г., это их слабое влияние на крестьянство. Большевики к началу 1918 г. имели на селе всего 203 сельские партийные ячейки с 4 тысячами членов³⁴. И хотя число сельских партиячек увеличилось в течение 1918 г до 2 тыс., а число крестьян в РКП(б) возросло до 55 тыс. человек, значительное влияние в деревне имели не большевики, а эсеры. ПСР (социалисты — революционеры) и Трудовая народно — социалистическая партия призывали к вооруженной борьбе с большевиками³⁵.

Стремясь расширить социальную базу РКП(б) в деревне, 11 июня 1918 г. В.И. Ленин издает Декрет ВЦИК «Об организации и снабжении деревенской бедноты», по которому деятельность Сельских советов была фактически приостановлена, а власть перешла к комбедам, получившим право конфискации и реквизиций.

Комитеты бедноты не только изымали хлеб у зажиточных крестьян, но и осуществили новый земельный передел, отняв у кулаков до 50 млн десятин, то есть больше, чем у помещиков после октября³⁶. Военно — политический нажим на крестьянство, внесение раскола в его среду вызвали массовое недовольство и серьезно расширили социальную базу сопротивления большевикам.

Весной и летом 1918 г. по 20 губерниям центральной России, находившимся под контролем большевиков, было зарегистрировано 245 крупных крестьянских выступлений³⁷. По составленным Нижегородским губкомиссариатом спискам, в мае 1918 г. из 23 волостей губернии лишь 6 числились стоящими на платформе советской власти. Всего за 1918 год было зарегистрировано более 400 крестьянских восстаний³⁸.

На деле комбеды привели к усилению влияния правых социалистических партий. Позднее В.И. Ленин признавал, что именно крестьянство (сибирское крестьянство, казачество, среднее крестьянство и кулачество) оказалось для противников большевизма социальной опорой³⁹. При этом решающая роль в крестьянском сопротивлении до конца 1918 г. была у середняков⁴⁰.

Еще острее, чем крестьянство средней России, реагировали на аграрную политику РКП(б) крестьяне и казаки Сибири и Дальнего Востока⁴¹. Здесь жили зажиточные крестьяне, никогда не знавшие крепостного права и не испытывающие недостатка в земле. В районах Сибирского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского казачьих войск имелся громадный фонд свободных земель. Так, из 25 млн десятин земли, находившихся в распоряжении Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачества, до 1910 г. была освоена 1/10 часть, а остальные 9/10 представляли собой целину⁴². Многие крестьяне охотились, занимались торговлей, сдавали землю в аренду китайцам и корейцам, не имевшим рос —

сийского подданства, а следовательно, и права владеть землей. Поэтому и крестьяне, и казаки декрет о земле встретили без особого восторга. Требования же Советов сдавать хлеб по твердым ценам, а также решение о переделе пахотной земли и угодий, причем не только в пользу русских «долеви́ков», имевших по 15 десятин на едока, но и китайцев, и корейцев, толкнули как зажиточных, так и других крестьян на борьбу за свои интересы⁴³.

Большевики в своей аграрной политике не учитывали в должной мере особенностей Донского и Кубанского казачества. Оно было не только одной из разновидностей русского крестьянства, но и особым привилегированным военным сословием, со своим неповторимым укладом жизни, особой социальной психологией, что так выразительно описано М.А. Шолоховым.

Положение «О поземельном устройстве казачьих войск» от 21 февраля 1869 г. устанавливало для казаков уравнительное землепользование. Учитывая самостоятельное снаряжение казаков на военную службу, Положение определяло размер казачьего пая не менее 30 десятин. Накануне октября 1917 г. в землепользовании казачества преобладала еще феодальная собственность на землю, но в условиях капиталистического хозяйствования земельная община постепенно разрушалась. В то же время, дифференциация казачества отличалась от крестьянской⁴⁴.

Будучи зажиточнее середняков Центральной России, казаки с большим опасением относились к перспективам революционных преобразований. К тому же социальные противоречия в казачьей среде были не столь острыми, как в крестьянской. Беднота связывала надежды на улучшение своего положения с принадлежностью к казачьему сословию. Гибкую политику в отношении рядовых станичников проводила казачья верхушка. Смягчению противоречий способствовали также традиции самоуправления, особенности образа жизни и социальной психологии. Анализ источников позволяет выделить прочно укоренившиеся в общественном мнении казачьих масс суждения, настроения, оценки, привычки, определявшие их мысли и поведение. Общим было мнение о том, что земля казачьих регионов принадлежит исключительно казакам. Станичники были убеждены, что казачество по его историческим заслугам стоит выше всего остального населения. Живучими были в казачьей среде представления об единстве всего казачества, сохранялась вера в солидарность казаков, возможность достижения в казачьих областях гражданского мира. Эти особенности социальной психологии во многом определили колебания казаков между белым и красным лагерями в годы Гражданской войны. Следует отметить, что казаки старшего поколения и казаки — фронтовики во многом по-разному воспринимали происходящее в России. Это привело к расколу казачества на две противоположные по своим политическим симпатиям группировки⁴⁵. Между ними находилась основная часть

казаков, колебавшаяся в выборе окончательной линии.

Из — за такого соотношения сил Гражданская война на Дону и Кубани стала ожесточенной. Ее эскалации способствовала январская 1919 г. директива члена Оргбюро ЦК РКП(б) председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. В директиве говорилось о необходимости «самой беспощадной борьбы со всеми верхами казачества, путем поголовного их истребления». Партийным организациям большевиков и частям РККА директивно предписывалась целая система мер для осуществления геноцида против казаков. Директивой предусматривались самые жесточайшие меры: провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью; осуществлять перманентный террор против потенциальных пособников контрреволюции; провести полное разоружение казачества; разместить в казачьих станицах вооруженные отряды из иногородних для твердого и неуклонного наведения революционного порядка⁴⁶.

Целеустремленно выполняя эту директиву, большевики совершили целый ряд преступлений: трибуналы рассматривали в день до 50 дел, смертные приговоры выносились старикам, женщинам и детям

В сохранившихся расстрельных списках казаков в графе «за что расстрелян» указывались, как правило следующие причины: за критику Советской власти, за несочувствие большевикам, как отец офицера, офицер, отставной генерал, хуторской атаман, сельский священник, учитель, адвокат, ювелир, бежавший из Москвы, брат служит в Донской Армии, сын у добровольцев, за сочувствие кадетам, отвергла комиссара, дезертировал из РККА, выдавала красных и т. д. Дома расстрелянных подвергались разграблению и сжигались⁴⁷.

Репрессии обрушились и на православную церковь. Храмы самым циничным образом осквернялись, предметы богослужения растаскивались, были разгромлены монастыри, архиерейские дома и ризницы. Только на территории Ставропольской губернии было убито 52 священника, 4 дьяка, 3 псаломщика, 1 келарь. Типичные поводы для расстрела: сочувствие кадетам и буржуям, осуждение большевиков в проповеди, служение молебна для проходящих частей Добровольческой армии, протест против богохульства и святотатства, нарушение запрета хоронить казненных⁴⁸.

Пьянство и разгул большевиков в занятых станицах, грабежи жителей казаков, стрельба по кресту и куполам церквей, насилия над женщинами, взятыми на работу в тыл, были не исключением, а правилом⁴⁹. Л.Д. Троцкий, правда, уже в эмиграции, признавал «исключительную свирепость» Гражданской войны на Юге «между казаками и крестьянами», «которая здесь забиралась глубоко в каждую деревню и приводила к поголовному истреблению целых семейств». С его точки зрения

это была «чисто крестьянская война, глубокими корнями уходящая в местную почву и мужицкой свирепостью своей далеко превосходившая революционную борьбу в других частях страны»⁵⁰.

Остается только добавить, что он лично и РКП(б) в целом многое сделали, чтобы придать ей именно такой истребительный характер.

Абсолютное большинство населения страны в 1917 г. оставалось верующим. Православные составляли среди них 70%, мусульмане — 10,8%, иудеи — 4%, протестанты — 4,85%, прочие — 1%. Большевики не собирались мириться с духовно — нравственной оппозицией. Притеснение церкви, репрессии против священнослужителей, дискриминация верующих толкнули значительную часть населения страны в оппозицию большевикам. Общее число жертв среди духовенства и мирян, стоящих вне политики, с октября 1917 г. по конец 1921 г. превысило 10 тыс. чел.⁵¹ Русская православная церковь призывала к прекращению кровопролития, к примирению. Патриарх Тихон считал невозможным дать белой гвардии свое благословение и однозначно встать на ее сторону в самом начале Гражданской войны, когда предал анафеме большевиков. Пытаясь остановить разгорающееся кровопролитие, Тихон в послании СНК 13 октября 1918 г. писал: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... Вы обещали свободу... Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой — то свободы вы не дали» во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода... Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узкобольшевистской, задушена совершенно... Дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая и от меча погибнете сами вы, взявшие меч»⁵².

Политика большевиков в отношении церкви и религии углубила раскол российского общества, превратила вопрос о свободе совести в еще один фактор эскалации Гражданской войны.

При анализе расстановки противоборствовавших в 1918 — 1920 гг. сил нельзя не учитывать национальные движения. Ту или другую сторону они поддерживали в зависимости от ее национальной политики. Движения национальных меньшинств в России, в массе своей, были политически близки к умеренным партиям Временного правительства и лишь очень немногие из них симпатизировали большевикам. Сепаратистские и автономистские движения в конечном итоге оказались в тисках противоборствующих красных и белых. Не случайно многие отечественные

и зарубежные историки считают, что фактически в 1917 — 1922 гг. в России имели место не одна, а несколько переплетающихся разновидностей войны. Красные и белые правительства воевали не только между собой, но и против новых государств — лимитрофов, являющихся прежде составными частями империи. Со стороны белых и красных это была война за возвращение утраченных Россией территорий. Национальные государства отстаивали свой суверенитет и независимость от бывшей метрополии. С их точки зрения это была национально — освободительная борьба, но никак не Гражданская война.

Однако национально — освободительная борьба оказала едва ли не решающее воздействие на исход Гражданской войны в России. Признание большевиками независимости Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Грузии и т.д. способствовало нейтралитету их армий в решающие, переломные моменты военного противоборства белых и красных. В. И. Ленин в докладе на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. признал, что помощь белым со стороны государств, «объявивших себя независимыми, быстро решила бы исход борьбы в пользу наших врагов, в кратчайший срок и с ничтожными жертвами»⁵³.

Другой гранью внешнего, инационального вмешательства в русские дела стала интервенция.

Как известно, интервенция представляет собой противоправное силовое вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства: военное, политическое, экономическое или идеологическое. Интервенция оказала воздействие на ход Гражданской войны в России. Она затянула борьбу, наложила отпечаток на политику как большевиков, так и белых правительств. В то же время надо учитывать, что цели участников интервенции не оставались неизменными, а эволюционировали по ходу развития событий.

Документы, приводящиеся многими отечественными и зарубежными историками, свидетельствуют, что правящие круги Запада приход к власти большевиков расценили как случайный эпизод в истории России. Поэтому сразу после революции свое отношение к Советскому правительству они определяли руководствуясь перспективой выхода России из мировой войны. В последние месяцы 1917 года ни державы Антанты, ни Германия со своими союзниками не стремились свергнуть Советское правительство. В меморандуме Бальфура от 21 декабря 1917 г. указывалось на необходимость «показать большевикам, что мы не желаем вмешиваться во внутренние дела России и что было бы глубокой ошибкой думать, что мы содействуем контрреволюции»⁵⁴. Двумя днями позже этот меморандум одобрил французский премьер — министр Клемансо. 8 января 1918 г. президент США В. Вильсон выступил со знаменитыми «14 пунктами», которые носили общедемократический характер и во многом были близки к идеям ленинского «Декрета о мире». В то же время

программа В. Вильсона предполагала освобождение всех русских территорий, безотносительно к политическому будущему России. Ей обещали прием в Лигу наций и оказание помощи⁵⁵. Приняв в принципе идеи «Декрета о мире», державы Антанты при этом сделали ряд оговорок, которые ставили под сомнение их практическую реализацию. Аналогичную позицию заняли Германия и Австро-Венгрия⁵⁶. С распадом Российской империи на ее территории возникло много новых государственных образований. Воюющие державы стремились включить эти «лимитрофы» в свои сферы влияния. 23 декабря 1917 г. Англия и Франция на этот счет заключили между собой соглашение⁵⁷. Формально это соглашение о разделе бывшей России не было направлено против Советского правительства, которое, признав право на самоопределение народов окраинных территорий, формально отказалось от своего господства над ними.

Германия, также ссылаясь на принцип самоопределения народов России, заключила договор с правительством Украинской Центральной Рады. К началу мая 1918 г. она оккупировала всю территорию Украины и, начав продвижение своих войск вглубь России, в ультимативной форме предъявила ей аннексионистские условия мира⁵⁸. Германия все еще оставалась грозным противником. Поэтому страны Антанты стремились любой ценой побудить Россию продолжать войну и восстановить Восточный фронт против немцев, даже под советским флагом. После заключения выгодного для истощенной Германии Брестского мира ее политика была направлена на противодействие созданию в России любого сильного правительства, способного представлять для нее угрозу. Антанта же начала поддержку в России антибольшевистских сил, сделав ставку на установление в ней режима, способного возобновить войну с Германией⁵⁹. При этом надо учитывать, что в России широкие слои населения — офицеры, интеллигенция, средняя и мелкая буржуазия, часть крестьян и рабочих — были недовольны Брестским миром и политикой советского правительства как антинациональной и непатриотичной.

Относительно широкая военная интервенция Антанты началась лишь после окончания мировой войны. Велась она под лозунгом освобождения страны от узурпаторов — большевиков. Причины изменения отношения правящих кругов Запада к Советскому правительству значительно позже сформулировал госсекретарь США Б. Колби. В ноте от 10 августа 1920 г. он заявил, что народ России имеет право выбрать любую социальную или политическую систему. Но возможность признания Советского правительства исключают «неоднократно сделанные его руководителями заявления, что, по их убеждению, само существование большевизма в России, сохранение их власти зависит и будет зависеть от свершения революций во всех других великих цивилизованных странах, включая США, что подразумевает свержение

и слом их правительств, и установление, вместо них, власти большевиков»⁶⁰.

Чрезвычайно важным рубежом в соответствующем изменении политики ведущих стран Антанты стала организация выступления в мае 1918 г. находившегося в России Чехословацкого корпуса. Выступление не было случайным. Еще в конце 1917 г. на встрече военных представителей союзников в Яссах обсуждалась возможность направить корпус против большевиков. Майор Дж.К.Л. Фицвиллис, посланный британским военным атташе в Яссах на встречу с А.М. Калединым в Новочеркасск, 12 декабря 1917 г. докладывал начальству, что считает «чешскую организацию наилучшей, наиболее подходящей для формирования сильного правительства (в России)». Она имеет две хорошо оснащенные и высокодисциплинированные дивизии, «какими не располагает никакая другая организация. Если союзники готовы пойти на денежный риск, то, по его мнению, в течение 6 месяцев можно было бы собрать и вооружить армию в полмиллиона человек... Результаты были бы неоценимыми»⁶¹. Так же считало и Британское военное министерство. Однако 16 декабря 1917 г. французское правительство признало Чешский легион в России самостоятельной частью Чехословацкой армии, находящейся под непосредственным руководством Французского верховного командования. Это командование считало, что целесообразнее эвакуировать Чешский легион во Францию через Дальний Восток. Споры между англичанами, которые отстаивали свое предложение использовать легион в России, и французами, которые настаивали на его отправке во Францию, продолжались долго. Лишь 8 апреля 1918 г. в Париже военные представители союзников, за исключением американских, одобрили документ, представленный Британским штабом и предусматривавший, что чехи составят часть будущих сил союзников в России⁶².

При подготовке интервенции державы Антанты исходили из того, что русская сухопутная граница в Европе была для них недоступна, так как там находились германские и австровенгерские войска. Черное море тоже было недоступно для них до тех пор, пока не капитулировала Турция. Поэтому в 1918 г. интервенция могла быть осуществлена только морским путем на севере России и на Дальнем Востоке. В марте 1918 г. в Мурманске высадились 2 тыс. английских солдат с целью сорвать предполагаемое немецкое наступление на Петроград. Чтобы легализировать интервенцию, 2 марта 1918 г. командование английских войск подписало с председателем Мурманского Совета Юрьевым соглашение «О совместных действиях по обороне Мурманского края от немцев».

На Дальнем Востоке прибытие иностранных войск прошло под предлогом защиты иностранных граждан от находившихся там австрогерманских военнопленных, а также оказания помощи в эвакуации Че-

хословацкого корпуса. 5 апреля во Владивостокском порту высадились японские, а затем английские войска.

Дальневосточный край, однако, сразу оккупирован не был. Командование Антанты опасалось, что такая акция может толкнуть советское правительство на заключение мира с Германией. Только после заключения Брестского мирного договора, подавления Красногвардейскими отрядами антисоветских выступлений атаманов Г.М. Семенова и И.М. Гамова началась оккупация Дальнего Востока.

6 июля 1918 г. правительство США приняло решение об участии своих войск в оккупации Дальне-Восточного края. Одной из причин такого решения было стремление ограничить экспансию со стороны Японии.

На 15 сентября 1919 г. на Дальнем Востоке насчитывалось более 60 тыс. японских, 9 тыс. американских, 1500 английских, 1500 итальянских, 1100 французских и 60 тыс. чехословацких солдат и офицеров⁶³.

Белогвардейцам оказывалась финансовая помощь⁶⁴. Так, США предоставили А.В. Колчаку кредит в размере 262 млн долл. В ноябре 1918 г. они направили ему 220 тыс. винтовок и 2 тыс. пулеметов. В августе 1919 г. — свыше 1800 пулеметов, и 92 млн патронов к ним. Разумеется, эта помощь предоставлялась небескорыстно. США создали специальную комиссию по эксплуатации богатств Дальнего Востока. Воспользовались интервенты и золотым запасом России, захваченным чехословаками, которые в свою очередь передали его А.В. Колчаку⁶⁵. Он же в обеспечение поставок и займов выделил США — 2118, Англии — 2883, Франции — 1125 и Японии — 2672 пудов золота⁶⁶.

Поражение войск А.В. Колчака, партизанское движение на Дальнем Востоке, начавшееся в интервенционистских войсках революционное брожение, а также развивающееся в Европе движение «Руки прочь от России» вынудили командование Антанты приступить к эвакуации своих войск. 30 января 1920 г. на секретном совещании руководителей миссий и представителей командования союзников во Владивостоке было решено поручить Японии представительство и охрану интересов стран Антанты на русском Дальнем Востоке. В январе — апреле 1920 г. все войска стран Антанты, кроме японских, были выведены с Дальнего Востока.

Таким образом, цели участников интервенции претерпели значительную эволюцию. На первом ее этапе преследовались в основном антигерманские цели, и только летом 1918 г. войска Антанты получили указание поддерживать антибольшевистские движения. Не надо забывать и о том, что численность интернационалистов в РККА (до 300 тыс. человек) намного превосходила количество интервентов. Поэтому хотя интервенция и дала временный перевес антибольшевистскому движению на окраинах России, решающей роли в ходе и исходе гражданской войны она не сыграла.

Большая часть населения страны в 1917 — 1922 гг. колебалась в вы —

боре, а часто просто пассивно наблюдала за событиями. Она желала мира, искала возможности обойтись без борьбы, но вовлекалась, втягивалась в нее активными действиями белых и красных. «Мобилизованные белогвардейцами крестьяне целыми полками сдавались или переходили в ряды Красной Армии, — вспоминал С.И. Гусев, начальник, политуправления РККА и член РВСР. — И, наоборот, из Красной Армии перебежали к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом был один и тот же у обеих половинок перебежчиков: гражданский мир»⁶⁷.

Еще сложнее для РКП(б) была ситуация в получивших независимость национальных республиках. Член Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, РВС 12-й армии, Зафронтового бюро ЦК КП(б) Украины В.П. Затонский в мае 1919 г. писал: «По существу любой наш полк мог поднять против нас восстание, и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас»⁶⁸.

О нежелании основной массы населения — крестьянства — втягиваться в Гражданскую войну писали и белые. Профессор Н.Н. Алексеев вспоминал, что опасными соперниками белых были разные коммунистические, матросские, еврейские и т. п. полки, что же касается до несчастных мобилизованных украинских мужиков, составляющих массы Красной Армии, то это были «нестройные толпы баранов, которые сами сдавались в плен для того, чтобы опять сдаться большевикам при малейшем их успехе»⁶⁹. Отдел пропаганды Освага доносил руководству вооруженных сил Юга России в мае 1919 г.: «К будущему государственному строительству массы относятся совершенно безразлично, стремятся лишь к прекращению Гражданской войны и уравниванию всех слоев населения в отношении их прав. Казаки говорят о будущем политическом строе: «... чего гадать, там видно будет, прежде войну надо кончить»⁷⁰.

Такие же колебания были характерны для представителей национальных меньшинств. Сплошь и рядом национальные части по несколько раз перебежали из лагеря в лагерь. Так, в мае 1919 г. на Восточном фронте перешел на сторону РККА Башкирский корпус. Не прошло и двух недель, как он ушел обратно к белым, вырезав прислугу у артиллерии, забрав орудия, и совместно с казаками перешел в наступление против красноармейцев⁷¹.

Далеко не всегда политическая ориентация человека определялась его социальной и сословной принадлежностью и национальностью. Размежеванию внутри социальных групп способствовали как субъективные, так и случайные объективные факторы.

В период слома старой армии офицеры рассеялись по всей территории бывшей Российской империи. Но рассеялись, разумеется, неравно —

мерно. Кадровые офицеры уезжали, как правило, в места дислокации частей, где они служили в мирное время, ибо там находились их семьи, там они имели казенные квартиры. Наибольшее число кадровых офицеров (до 70 тыс.) оказалось поэтому в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Хабаровске, Ташкенте ⁷².

Офицеры военного времени тоже уезжали туда, где учились, работали и служили до призыва в армию, где находились их семьи или где жили их родители. После Брестского мира Украина и западная часть России оказались оккупированными кайзеровскими и австро — венгерскими войсками. А когда после мятежа Чехословацкого корпуса в Поволжье, на Урале и в Сибири возникли белые правительства, многие проживающие там офицеры оказались, соответственно, в армии А.В. Колчака. По сходным причинам русские офицеры вошли в армию А.И. Деникина, в национальные формирования Польши, Финляндии, Украины, Прибалтики, Кавказа и Средней Азии. То есть дислокация русской армии до войны и изменения, произошедшие в ходе нее, определили судьбы многих офицеров. Сознательный выбор большинство офицеров сделало далеко не сразу, а после начала массовых мобилизаций офицеров, военных врачей и военных чиновников в противоборствующие армии, когда перебраться из региона в регион, перейти из лагеря в лагерь, стало уже очень не — просто.

Имел значение, особенно для генералитета, и такой фактор, как личные контакты с политическими деятелями разных партий. Скажем, генерал Н.М. Потапов перешел на сторону Советской власти под влиянием Н.И. Подвойского и М.С. Кедрова, генералы А.А. Брусилов, А.И. Верховский, Д.С. Шувалов — под влиянием Ф.Э. Дзержинского⁷³. В белом движении А.И. Гучков оказал политическое воздействие на М.В. Алексеева, Б.В. Савинков — на Л.Г. Корнилова, японский полковник Хизахидзе — на А.В. Колчака, В.В. Шульгин — на А.М. Драгомирова, П.Б. Струве — на П.Н. Врангеля и т.д. Соответственно, подчиненные и сослуживцы, зная этих генералов как людей честных, шли служить под их начало, далеко не всегда разделяя их идейно — политические убеждения.

Одним из главных критериев, по каким происходило размежевание и разделение офицеров на белых и красных, стало отношение к защите Отечества, продолжению войны вместе с союзниками до победного конца.

Сделать этот выбор было очень непросто.

На собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г., В.И. Ленин признавал: «...наша революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма. Мы говорили: если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты должен верить, если ты интернационалист»⁷⁴. Такая позиция была, конечно, неприемлема для большинства офицеров. И только

после начала интервенции, превращения большевиков в оборонцев, многие сотни офицеров старой армии смутно ощутили, что и РКП(б) стремится к созданию сильной Российской государственности.

Для белых же офицеров вопроса об интервенции не существовало. Военная роль Антанты в борьбе с Германией и ее союзником большевиками, для них ничем, по существу, не отличалась от роли тех русских войск, которые были отправлены во Францию на Западный фронт для участия в военных действиях. Для них, не признававших Брестского мира, убежденных сторонников продолжения войны с Германией, борьба со союзниками с немцами и большевиками на территории России не была интервенцией⁷⁵.

Противники РКП(б) пользовались поддержкой Антанты. Имели на своей стороне тысячи русских офицеров. За ними стояла большая часть правительственной бюрократии, тайной полиции и прочих старых учреждений. В политической борьбе против большевиков — интернационалистов они подняли пользовавшееся популярностью знамя русского национализма и традиционализма. Соотношение противоборствующих социально — политических сил было примерно равным.

Антибольшевистские межпартийные и надпартийные объединения

Что касается участия в событиях 1917 — 1922 гг. отдельных политических партий, то можно констатировать, что не они доминировали в политике противоборствующих лагерей. Ибо это была именно война, и решающее воздействие на ее ход и исход оказывала вооруженная борьба красных и белых армий. К тому же антибольшевистское движение имело «рыхлый» характер и включало в себя представителей всех российских политических партий, от социалистов до монархистов, и национальных движений. Идеино — политические установки крайне «левых» и крайне «правых» партий, а также ценности великодержавных шовинистов и либеральных республиканцев были несовместимы. Объединяла этот пестрый конгломерат прежде всего ненависть к большевикам.

В феврале — марте 1918 г. в Москве возникла организация под названием «Девятка». Истоки ее шли от «Совещания общественных деятелей», созданного в августе 1917 г. и выражавшего идеологию и политику сторонников Корнилова. В «Девятку» из «Совещания» были делегированы три представителя кадетско — октябристского толка. К ним присоединились по три представителя от ЦК партии Народной свободы и торгово — промышленной общественности. Главную роль в «Девятке» играли П.Б. Струве и П.И. Новгородцев⁷⁶. Организация быстро выросла, установила связи с формировав —

шейся на Дону Добровольческой армией и «государственно мыслящими» политиками правого и левого толка. В марте 1918 г. «Девятка» была преобразована в Правый Центр (ПЦ). В ПЦ вошли следующие организации:

Совет общественных деятелей; кадетская партия; Торгово — промышленный комитет; Союз земельных собственников.

Персонально в «Правом Центре» участвовали П.Б. Струве, князя Григорий и Евгений Николаевичи Трубецкие. От крайних правых входили Л.Л. Кисловский и Рогович (бывший обер — прокурор Синода). Доминировали в «Правом Центре» кадеты, преимущественно правого толка. Председателем был П.И. Новгородцев⁷⁷.

Идея объединения всех государственно — патриотических сил возникла и в левом крыле противников большевизма: у энесов и эсеров. Попытка создать такую единую организацию, куда был бы открыт доступ представителям любых политических партий, кроме левых эсеров и монархистов — черносотенцев, была предпринята через межфракционный Совет Учредительного собрания. После ряда совещаний и консультаций государственников — патриотов демократического толка весной 1918 г. было создано межпартийное объединение «Левый Центр», позже переименованное в «Союз возрождения России». В него на персональных началах вошли кадеты (Н.И. Астров, Н.Н. Щепкин, Н.М. Кишкин, В.А. Степанов), народные социалисты (Н.В. Чайковский, А. Пешехонов, В.А. Мякотин, А. Титов), эсеры (И.И. Бунаков (Фондаминский), Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов), правые меньшевики (А.Н. Потресов). Вступил в «Союз возрождения России» и беспартийный генерал В.Г. Болдырев⁷⁸. Председателем Союза состоял Мякотин, затем его сменили Н.Н. Щепкин и С.П. Мельгунов.

Между Правым и Левым Центрами через кадетов поддерживалась связь и осуществлялась координация военных действий. Для оперативного разрешения военных проблем было создано особое совещание. В нем участвовали генерал Болдырев (Левый Центр), адмирал Немитц и генерал Цихович (Правый Центр). Совещание установило связь с подпольными офицерскими организациями и начало руководить их деятельностью⁷⁹. Программные установки Правого и Левого Центров также были согласованы. В решении трех важнейших вопросов — свержение Советской власти вооруженным путем; учреждение новой формы государственности после изъявления воли народа через Учредительное собрание; продолжение войны с Германией в единении с союзниками — никаких разногласий между ними не было. Разногласия появились позже, после пополнения Правого Центра лицами, по оценке Н.И. Астрова «иногда очень далеко заходящего правого уклона», то есть монархистами, которые все более склонялись к мнению, что война с Германией была крупной ошибкой. После выхода из войны России, считали они, Антанта потерпит поражение, а посему единственным действенным союзником в борьбе с большевизмом может быть только Германия. Пере —

мена внешнеполитической ориентации неизбежно влекла за собой частичную перемену внутривнутриполитической программы. Положение о созыве Учредительного собрания (после военной диктатуры) правые пытались заменить на требование безусловной реставрации прежней власти, разумеется, с послереволюционными коррективами⁸⁰.

Противоречия по вопросу об «ориентации» и будущей форме государственного устройства вызвали раскол Правого Центра. ЦК конституционно-демократической партии дал указание своим членам выйти из Правого Центра и образовать новую организацию. Такая организация была создана и получила название Национальный Центр⁸¹. НЦ объединил в себе представителей всех несоциалистических политических партий, кроме крайне правых. Во главе его стоял Д.Н. Шипов. После его ареста председателем стал Н.Н. Щепкин. Выработанная НЦ программа включала в себя следующие пункты:

1. Свержение Советской власти и восстановление единой и неделимой России.

2. Учреждение единоличной диктатуры с чрезвычайными полномочиями в тесной связи с Добровольческой армией.

3. Диктатура опирается на правительство, состоящее из лиц, пользующихся общественным доверием.

4. Новая власть, установив порядок, продолжает войну с Германией, для чего воссоздает Восточный фронт и поддерживает Добровольческую армию⁸².

Как видим, в основе этой программы лежали правоцентристские идеологические установки, которые НЦ внедрялись в белое движение. Особую роль в разработке и пропаганде этих идей сыграл П.Б. Струве. В марте 1918 г. после пребывания в Добровольческой армии он приехал в Москву. Большинство членов НЦ были кадетами. Национальный Центр координировал деятельность большого количества подпольных офицерских организаций, наладил поставку разведанных в Добровольческую армию, установил связь и сотрудничество с созданным Б.В. Савинковым Союзом защиты Родины и свободы⁸³.

В конце июля — начале августа 1918 г. Национальным Центром и Союзом возрождения России был составлен совместный меморандум, в котором подчеркивалось, что обе организации ведут работу по воссозданию русского государства «в полном единении». «Единая платформа», выработанная этими организациями, включала в себя два принципиальных положения.

В процессе образования государственности и до установления окончательной формы государственного устройства власть должен представлять сильный, наделенный полнотою прав, независимый и дееспособный верховный орган, устроенный как Директория трех: главнокомандующего вооруженными силами и двух представителей «социалистического и несоциалистического течений».

Поскольку восстановление «неосуществившегося» Учредительного собрания нереально, окончательную форму государственного устройства должно принять новое Учредительное собрание, которое будет создано Директорией после победы над большевиками⁶⁴.

Как видим, кадеты, сторонники военной диктатуры, пошли на серьезную уступку Союзу возрождения. Связано это было, прежде всего, с тем, что летом 1918 г. Восточный фронт стал решающим фронтом гражданской войны. В Поволжье и в Сибири верховодили эсеры, поддержанные подпольными офицерскими организациями и богатой проэсеровской операцией. В Москве уже знали о попытках Комуча и Временного Сибирского правительства объединить усилия в борьбе с большевиками и торопились довести до их сведения точку зрения Центра. Союз Возрождения и Национальный Центр направили своих представителей в Поволжье и Сибирь для объединения всех антибольшевистских сил. Совместными усилиями был разработан план перебазирования части офицерского корпуса и отдельных подразделений Добровольческой армии с Юга на Восточный фронт. Шла речь и о переезде генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова в Омск. Но реализованы эти планы не были⁶⁵. В Сибирь были отправлены Л.А. Кроль и В.Н. Пепеляев. В письме, адресованном руководству НЦ, В.Н. Пепеляев в марте 1919 г. писал о цели своей миссии: «Национальный Центр командировал меня на Восток для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексея и Колчака. Со смертью Алексея кандидатура адмирала стала бесспорной...»⁶⁶. Задание, поставленное перед ним, В.Н. Пепеляев выполнил и сыграл особо важную роль в восхождении А.В. Колчака к власти.

В конце своего существования правый центр, как и другая антибольшевистская организация, Совет общественных деятелей, был откровенно монархическим с германофильскими тенденциями. Национальный центр (НЦ) и Союз возрождения (СВ), ориентирующиеся на Антанту, по отношению к Совету общественных деятелей (СОД) были настроены враждебно. Но после ноябрьской революции в Германии, когда одна из главных причин разногласий отпала, Национальный центр, Союз возрождения и Совет общественных деятелей постепенно стали сближаться. В результате была определена общая позиция, с которой контрреволюция и собиралась выступить единым антибольшевистским фронтом:

восстановление государственного единства России;

созыв Национального собрания, разрешающего вопрос о форме правления в России;

установление единоличной, диктаторской военной власти для осуществления неотложных мероприятий экономического и социального характера.

Тактический центр (ТЦ) высказался за признание А.В. Колчака Вер-

ховным правителем России. В ТЦ вошли: от НЦ — Н.Н. Щепкин и О.П. Герасимов, от СВ — Н.Н. Щепкин и С.П. Мельгунов и от СОД — Д.М. Щепкин и С.М. Леонтьев⁸⁷. Образованный в тактических целях, этот центр не имел распорядительных полномочий. Но именно поэтому действовал достаточно эффективно.

В целом межпартийные и надпартийные центры и объединения способствовали сглаживанию противоречий между политическими партиями и сыграли большую роль в координации всех антибольшевистских сил.

Формирование Красной Армии

Осень 1918 г. стала для РКП(б) самым, пожалуй, трудным временем за весь период Гражданской войны. Советская Республика оказалась в кольце фронтов. Красная армия контролировала не более 1/15 территории бывшей Российской империи. Остановились заводы, недовольство охватывало многих рабочих. В городах царил голод, стихия черного рынка захлестывала страну. Выборочный анализ показывал, что население крупных городов к середине 1918 г. покупало у мешочников 70% потребляемого продовольствия. В мелких городах приобретали на рынке 90% продовольственных товаров⁸⁸.

Крестьяне, недовольные политикой продразверстки, начали быстро отходить от поддержки большевиков. Продотряды несли тяжелые потери, иногда полностью уничтожались восставшими крестьянами. Монархисты, кадеты и правые эсеры вели открытую вооруженную борьбу против Советской власти. Левые эсеры, меньшевики и анархисты заявляли о необходимости решительной идейно — политической и организационной борьбы с правительством большевиков. Положение было настолько серьезным, что ЦК РКП(б) дал секретные указания о подготовке к переходу на нелегальное положение или даже к новой эмиграции⁸⁹.

Для подавления оппозиции была создана система военных и репрессивно — террористических органов. В нее вошли отряды ВЧК, милиции, Красной армии, Войска внутренней охраны республики (ВОХР), Части особого назначения (ЧОН), Войска внутренней службы (ВНУС), продовольственная армия и некоторые другие формирования, организационно не входившие в РККА. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) была организована 7 декабря 1917 г. В задачи ВЧК входило пресечение любых действий против большевистской власти; предание суду ревтрибунала саботажников. Все это рассматривалось как угроза диктатуре РКП(б).

Форсировалось создание местных ЧК: наряду с губернскими были образованы уездные, волостные и сельские чрезвычайные комиссии. В со —

ответствии с положением ВЦИК от 28 октября 1918 г. о Всероссийских и местных ЧК по борьбе с контрреволюцией, все они получили право на организацию вооруженных отрядов. Их величина устанавливалась местными Советами и варьировалась в зависимости от обстановки. К декабрю 1918 г. войска ВЧК насчитывали 11 тыс. борцов, объединенных в 35 отдельных батальонов. В марте 1919 г. — 30 тыс. В результате активной работы местных партийных и советских организаций по всей РСФСР была создана разветвленная система эффективно действующих репрессивно — террористических органов. В особо опасные для большевистской власти моменты местные ЧК брали на себя все обязанности органов пролетарской диктатуры. Не случайно по росту своей численности ВЧК уступала только Красной Армии. Центральный аппарат ВЧК 1 декабря 1917 г. составлял 10 человек, а в декабре 1920 г. — 1742 сотрудника. К ноябрю 1920 г. войска ВЧК включали в себя уже 68,3 тыс. бойцов. Общее же число сотрудников к началу 1921 г. превышало 110 тыс. человек⁹⁰.

Красная Армия формировалась по классовому принципу, преимущественно из рабочих и трудящихся крестьян, и считалась орудием диктатуры пролетариата⁹¹. Однако строительство регулярной армии в условиях Гражданской войны было делом непростым. Большевикам потребовалось преодолеть ряд серьезных противоречий: между необходимостью использовать военных специалистов и враждебностью большей части офицерского корпуса русской армии по отношению к советской власти; необходимостью увеличить численности бойцов РККА и сокращением возможностей их обеспечения. Как же эти противоречия были устранены?

В годы Мировой войны большевики немало сделали для разложения русской армии. Лозунг немедленного заключения демократического мира, с которым они шли к октябрю 1917 г., привлек на сторону РСДРП(б) симпатии огромного количества фронтовиков — крестьян, измученных империалистической войной. Предполагалось, что крестьяне вернувшись домой и получив землю, должны были понять необходимость ее защиты. Вот почему РККА сначала комплектовалась на добровольческой основе. Агитационная работа большевиков была направлена на обеспечение притока в войска добровольцев из числа «сознательных рабочих» и беднейших крестьян.

Руководили этой деятельностью Всероссийская коллегия по формированию РККА. На нее возлагалась координация работы местных, областных и краевых партийно — советских организаций по созданию новой армии, руководству обучением и воспитанием красноармейцев, разработке новых уставов, положений и инструкций⁹². Вся практическая работа по формированию воинских частей возлагалась на местные Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, для чего при Советах создавались военные отделы.

С целью привлечь рабочих и беднейших крестьян в добровольческие формирования РККА с 14 февраля по 26 марта 1918 г. Всероссийской коллегией было направлено на места 286 агитаторов и 112 организаторов. К апрелю их число возросло до 440 человек. За этот же период организационно — агитационный отдел коллегии распространил более 2 тыс. экземпляров брошюр и листовок, 450 тыс. воззваний к населению с призывом вступать в Красную Армию⁹³. За 2 месяца вербовка дала РККА 106 тыс. добровольцев. К 10 мая 1918 г. в частях Красной Армии служило 306060 человек, из них добровольцев красноармейцев — 250000; красногвардейцев — 34000. От 70 до 90% всех добровольных защитников революции составляли солдаты — фронтовики. 71,2% были коммунистами и сочувствующими партии большевиков⁹⁴.

Расширение масштабов Гражданской войны вынудило РКП(б) перейти к комплектованию РККА на основе призыва военнообязанных. У тех, кто отказывался служить в Красной армии, конфисковывали имущество, их лишали земельного надела или его части, были и другие наказания. Целенаправленно проводить такую политику можно было только с помощью разветвленной системы специальных военно — политических и репрессивно — террористических органов, действующих в центре и на местах.

4 марта 1918 г. по постановлению СНК был создан Высший Военный Совет, призванный руководить обороной Советской Республики. 8 апреля 1918 г. СНК издал декрет об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам⁹⁵. Одновременно с местными военными комиссариатами учреждалось Всероссийское бюро военных комиссаров в целях согласования и координации деятельности военных комиссариатов во всероссийском масштабе⁹⁶. Военные комиссариаты проводили учет годного к военной службе населения, вербовали добровольцев в РККА, обучали рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, занимались формированием частей и подразделений, обучением и снабжением войск⁹⁷. Во Всероссийском бюро военных комиссариатов имелся специальный фронтовой отдел, в его обязанности входило руководство политическими органами армий и фронтов. В октябре 1918 г. Всероссийское бюро военных комиссаров было подчинено Реввоенсовету Республики (РВСР), который осуществлял руководство РККА и РККФ, возглавлял все фронты и военные учреждения. Всю свою работу РВСР проводил на основе указаний ЦК РКП(б). Председателем РВСР был комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий.

В 1918 — 1920 гг. в ряды РККА было призвано 4 млн 449 тыс. красноармейцев и командиров⁹⁸. РККА превратилась преимущественно в крестьянское войско. В 1920 г. 77% ее бойцов были крестьянами, 15% — составляли рабочие, 8% — представители других социальных групп.

Институт военных комиссаров сыграл исключительную роль в деле строительства и укрепления РККА. Военные комиссары являлись представителями РКП(б) в армии, носителями ее идей, осуществляли контроль над военными специалистами и красноармейцами, решительно пресекали всякие проявления контрреволюционных настроений, карали за попытку измены. Но этим их функции не ограничивались. Военкомы проводили организаторскую и партийно — политическую работу среди личного состава частей РККА. Они устанавливали и поддерживали связи воинских подразделений с местными партийными и советскими организациями, работали с населением прифронтовой полосы.

Костяк комиссарских кадров составляли рабочие. Если в среднем по стране на каждые 100 человек населения приходилось 6 рабочих, в РККА и РККФ соответственно 19 — 25, то среди комиссаров они составляли 84%. Больше 40% комиссаров вступило в РКП(б) до октября 1917 г., около 50% — до осени 1919 г.⁹⁹ Чем больше был партийный стаж коммуниста, тем более ответственную работу он выполнял в РККА¹⁰⁰.

В начале 1918 г. из-за огромной нехватки политических кадров в РККА на должности комиссаров отправлялись частично и беспартийные рабочие и даже представители партий левых эсеров, анархистов, бундовцев и меньшевиков, согласных с политикой Советской власти. Так на I Всероссийском съезде военкомов (июнь 1918 г.) 75,5% делегатов были большевиками, 15,3% — левыми эсерами, 6,4% — бундовцами, меньшевиками, 2,8% — беспартийными¹⁰¹. Из 500 чел., направленных в Красную армию на политработу с июня по декабрь 1918 г., члены РКП(б) составляли 60%¹⁰².

ЦК РКП(б) потребовал от РВСР тщательнее отбирать идеологических работников по их политическим и деловым качествам, чтобы исключить возможность проведения в РККА чуждой РКП(б) политики. В результате принятых мер уже в период с декабря 1918 по май 1919 г. среди политработников, направленных на фронт, оказалось лишь 11,2% представителей других партий. За период с 1 апреля 1919 г. по 1 марта 1920 г. из общего числа политработников, направленных в РККА, членами других партий было лишь 1,5%¹⁰³.

В своей работе комиссары опирались на рядовых коммунистов. Практика боевых действий 1918 — 1920 гг. показала, что минимальный процент коммунистов в воинской части, ниже которого подразделение становится небоеспособным — 6%. Части, имевшие от 6% до 12% коммунистов, были только более или менее стойкими. И лишь подразделения, где число коммунистов превышало 12%, были боеспособными¹⁰⁴.

Если в октябре 1918 г. в РККА находилось 35 тыс. членов РКП(б), то в августе 1920 г. их количество в войсках возросло до 278 тыс. К концу 1920 г. 50% общего состава партии большевиков служило в РККА¹⁰⁵.

Понятно, что регулярная армия требует «беспрекословного повиновения» бойцов воле командира. Однако совершить переход «от палочной дисциплины» в старой армии к «сознательной революционной» в РККА для большей части мобилизованных крестьян было трудно, ибо они не видели между ними разницы. Ситуация осложнялась тем, что внутри РКП(б) сформировалась, так называемая «военная оппозиция», которая отрицала необходимость дисциплины, единоначалия и централизованного управления. Военная оппозиция отстаивала традиции добровольческого периода РККА: выборность командиров, коллегиально – митинговое принятие решений, т.е. все, что позже было осуждено как «партизанщина». Убеждение, призывы к классовой сознательности действовали малоэффективно. Поэтому В.И. Ленин директивно потребовал от РВСР... укреплять дисциплину, «заставлять командный состав, высший и низший, *выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств...*»¹⁰⁶.

Для понимания того, какие средства применялись, можно сослаться на Троцкого. Председатель РВСР, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, обобщая опыт строительства РККА в книге «Моя жизнь» напишет: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, используемые людьми, будут строить армии и воевать. Командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади...»¹⁰⁷. В арсенале форм и средств укрепления дисциплины в частях РККА обыденными стали расстрелы виновных в ее подрыве красноармейцев, комиссаров и командиров, не выполнивших боевой приказ, паникеров и дезертиров, трусов и потенциальных перебежчиков. В особо сложной обстановке прибегали к децимации — расстрелу каждого десятого в отступившем подразделении РККА¹⁰⁸.

В результате этих репрессивно – террористических акций, организационной, агитационно – пропагандистской и воспитательной работы комиссаров и политруков РККА в основе своей стала дисциплинированным войском.

Построить РККА было невозможно без привлечения в нее военных специалистов. Всего к концу 1918 г. было призвано более 22 тыс. бывших офицеров и генералов¹⁰⁹. Военные специалисты были поставлены под жестокий контроль Политического Управления Реввоенсовета, военных комиссаров, особых отделов, партийных организаций большевиков в РККА, которые «бдительно следили за ними и пресекали их контрреволюционные замыслы». Семьи бывших офицеров контролировались ВЧК и в случае измены «военспеца», могли быть репрессированы. В конце 1918 г. В.И. Ленин констатировал, что «бывшие офицеры в Красной Армии окружены такой обстановкой, таким громадным напором коммунистов, что большинство из них не в состоянии выр –

ваться из той сети коммунистической организации и пропаганды, ко — торой мы их окружаем»¹¹⁰.

Значительная часть бывших унтер — офицеров, многие офицеры и не — которые генералы русской армии служили советской власти не за страх, а за совесть. Из унтер — офицерских и младших офицерских чинов старой армии вышли такие командиры РККА как В.К. Блюхер, С.М. Буденный, С.С. Вострецов, Г.Д. Гай, О.И. Огородников, Б.М. Думенко, П.Е. Дыбенко, Е.И. Ковтюх, Г.И. Котовский, В.М. Примаков, Ф.Ф. Раскольников, М.И. Тухачевский, И.П. Уборевич, П.А. Щорс, И.Э. Якир и многие дру — гие.

Генералы царской армии Д.П. Парский, В.Н. Егорьев, П.П. Сытин, А.Н. Снесарев в сентябре 1918 г. были назначены РВСР командующим фронтами Красной Армии. Д.П. Парский возглавил Северный фронт, В.И. Егорьев — Восточный, П.П. Сытин — Южный, А.Н. Снесарев — Западный район обороны. Полковник И.И. Вацетис был утвержден Глав — нокомандующим Вооруженными Силами Республики. Свою судьбу свя — зали с РККА также такие бывшие офицеры и генералы, как В.М. Альт — фатер, Е.А. Беренс, М.Д. Бонч — Бруевич, В.М. Гиттис, А.И. Егоров, С.С. Каменев, Д.М. Карбышев, С.С. Корк, П.П. Николаев, Ф.Ф. Новицкий, А.А. Самойло, А.В. Станкевич, А.А. Таубе, Б.М. Шапошников, В.И. Шорин. К концу Гражданской войны 48% всего высшего командного и админист — ративного аппарата РККА и РККФ составляли бывшие офицеры и только 37% — выпускники первых советских командных курсов, училищ и школ¹¹¹.

«Военный коммунизм»

Эскалация Гражданской войны способствовала численному росту про — тивоборствующих армий. РККА увеличилась с 200 тыс. красноармейцев в 1918 г., до 3 млн человек в 1919 г. и 5,5 млн в конце 1920 г. Однако все меньше у Советской власти становилось средств на ее вооружение, об — мундирование, снабжение продуктами питания. Выход РКП(б) нашла в максимальной мобилизации всех ресурсов — страна превратилась в еди — ный военный лагерь. Партия большевиков стала «воюющей партией», подчинила своему контролю все сферы общественной жизни. Частичное совпадение задач, диктовавшихся условиями Гражданской войны, с док — тринальными представлениями о социализме как централизованном бе — стоварном обществе привели к политике «военного коммунизма». Этот социокультурный феномен включал в себя экономическую политику, по — литический режим, идеологию, культуру, социальную психологию и этику.

«Военный коммунизм» был порожден всей логикой предшествующего развития советской власти: установлением однопартийной большевист —

ской диктатуры, созданием мощного государственного аппарата и системы репрессивно — террористических органов, опытом «кавалерийской атаки» на капитал и военно — политического нажима на деревню весной — летом 1918 г.

Составными элементами военного коммунизма были:

в экономике — борьба против частной собственности и свертывание товарно — денежных отношений; полная национализация, огосударствление промышленности; продразверстка на селе, т. е. изъятие у крестьян всего хлеба сверх установленных государством минимальных норм.

в социальной сфере — господство всеобъемлющей государственной — распределительной системы; уравниловка в оплате труда; натурализация заработной платы; принудительная кооперация населения; всеобщая трудовая повинность; трудовые армии; милитаризация труда рабочих.

в сфере политики — однопартийная большевистская диктатура; всеобъемлющий контроль РКП(б) над Советами, из которых были исключены эсеры и меньшевики; перманентный террор против потенциальных и реальных противников Советской власти; командно — административные методы управления всеми сферами общественной жизни; неразличимость функций партии — идеолога и учредителя «военного коммунизма», — и функций госаппарата.

в сфере идейно — теоретической — господство идеологии революции — онного штурма; культивирование веры в необходимость Гражданской войны, в неизбежность Мировой революции и светлого будущего человечества; разжигание классовой ненависти к врагам диктатуры пролетариата; апология большевистского руководства, самопожертвования и массового героизма как условий, необходимых для достижения победы над контрреволюцией.

в сфере социальной психологии — господство веры во всемогущество насилия, военно — организационных и репрессивно — террористических методов управления общественными процессами; возвеличивание революционного романтизма в ущерб ценности человеческой жизни, достоинству личности; пренебрежение общедемократическими правами и свободами.

в сфере культурной и духовно — нравственной — утверждение этики, оправдывавшей любое деяние, совершенное во имя революции; противопоставление буржуазному индивидуализму коллективизма; христианской вере — атеистического понимания истории; убеждение в необходимости уничтожить буржуазную культуру и создать новую пролетарскую.

Переход к «военному коммунизму» позволил возобновить производство военной продукции. Для контроля над предприятиями военного ведомства была создана при ВСНХ Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии.

На всем протяжении Гражданской войны настоящим арсеналом РСФСР была Тула. В 1919 тульские оружейники произвели 289 тыс. винтовок, 6,5 тыс. пулеметов, 77,7 тыс. револьверов¹¹². На оборону переключалась большая часть гражданской промышленности. Так, 60% технической емкости Брянского и около 40% Сормовского паровозостроительных заводов в 1919 г. были заняты военными заказами. На Путиловском, Днепровском заводах производились и ремонтировались бронепоезда, бронемашин, орудия. В Москве и Московской губернии на оборону работали Московский металлический (бывший Гужона) «Динамо», «Русская машина» (бывшая Мехельсона), мастерские «Всеобщей кампании электричества» и другие. Красную Армию снабжали и заводы Урала. Всего за 1918 — 1920 гг. было изготовлено 3.973 орудия, около 2,5 млн винтовок, 21 тыс. пулеметов, около 1,5 млрд патронов, 669 самолетов.

Примерно 860 тыс. рабочих полностью или частично трудились на нужды Красной Армии и флота¹¹³. По решению Чрезвычайной комиссии многие заводы, арсеналы, пороховые склады были переведены на военное положение, а рабочие — на казарменное. Они были обязаны трудиться сверхурочно. Разумеется, забастовки и всякие другие виды «саботажа» жестко пресекались.

Переход промышленности на удовлетворение главным образом военных нужд привел к тому, что для обмена на хлеб товаров уже не оставалось. Крестьяне, не заинтересованные в продаже хлеба государству по неэквивалентно низким ценам и без соответствующего товарного покрытия саботировали продовольственную диктатуру. Осенью 1918 г. потребляющие районы страны получили лишь 12,3% запланированного количества хлеба.

В этих условиях большевистское правительство вводит в январе 1919 г. продовольственную разверстку. Разъясняя ее назначение и сущность В.И. Ленин писал: «Мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги»¹¹⁴. Продразверстка стала главным элементом военного коммунизма.

Для насильственного изъятия хлеба у крестьян были созданы особая Продовольственная армия и система продотрядов, организационно в нее не входивших. Численность продовольственной армии росла всю Гражданскую войну. Всего же за период с 1918 г. по 1921 г. в рядах Продармии и отрядах Военпродбюро служило более 250 тыс. человек¹¹⁵. Помимо того многие оборонные заводы, трудовые армии, части особого назначения, тыловые подразделения РККА создавали ради самоснабжения собственные продотряды. На террор и насилие деревня ответила вооруженным сопротивлением¹¹⁶.

Таким образом, политика военного коммунизма способствовала эс —

калации террора, вела к затягиванию Гражданской войны, к свертыванию демократии и утверждению партийно — бюрократической диктатуры.

Состав и программы антибольшевистского движения

Против РКП(б) выступили представители самых разных социально — политических сил, входивших в состав антибольшевистского и белого движений. Что же они из себя представляли?

В историографии нет единства взглядов по этому вопросу. Начало дискуссии положили лидеры противоборствовавших в годы Гражданской войны политических партий. Б. Никольский, П. Курлов, И. Корвацкий и другие сторонники самодержавия доказывали, что белое дело по сути своей есть почвенническое, антижидомасонское движение, отстаивающее ценности православия, самодержавия и народности. Такие монархисты, как В. Шульгин, В.Гурко, Л.Билинский акцентировали внимание на государственно — патриотическом, религиозно — нравственном характере белого движения. И.А.Ильин писал, что белое дело «есть дело русской национальной чести, русского патриотического горения, русского народного характера, русской православной религиозности... Путь белой армии — государственный смысл»¹¹⁷. П.Н. Новгородцев, П.Б. Струве, П.Н. Милюков, Н.И. Астров и другие либералы считали, что белое движение было крайне неоднородно, но в целом следовало критериям правового государства и гражданского общества. С.Л. Франк так определяет духовную и идейно — политическую сущность противоборствовавших в 1917 — 1922 гг. сил: «На одной стороне — рационализм, безграничный государственный деспотизм, господство низших классов над классами культурными; на другой — права традиционализма и религиозной веры, принцип права и свободы личности, защита интересов культуры и образования (и, следовательно, иерархической структуры общества по признаку образования и культуры). Коротко говоря — борьба между нигилистически — демагогическим деспотизмом и идеей опирающегося на духовные ценности правового порядка; еще короче — борьба между «красным» и «белым»...»¹¹⁸.

Сменовеховцы, сторонники сотрудничества с Советской властью Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников доказывали, что сущность и ценности белой борьбы не оставались неизменными, а эволюционировали от демократии и либерализма к милитаризму и реакции. Евразийцы Г.В. Флоровский, Л.П. Карсавин утверждали, что белое дело по своей природе двойственно. В плане нравственном это «святой, но безнадежный порыв». В социально — политическом отношении белое движение представляло собой

реакционную утопию, «попытку не считаться с жизнью», «стремление внести мир и лад в разъярившиеся исторические стихии одною формальною энергией воли, одною дисциплиною, одним темпераментом власти»¹¹⁹. Социалисты — народники В.М. Чернов, С.П. Мельгунов, Н.В. Чайковский признавали героизм и мужество военных руководителей белого движения. Но с целью снять с себя ответственность за поражение в Гражданской войне объявили его изначально несостоятельным и обреченным из — за реставрационных устремлений белых генералов. Русские фашисты Г.В. Тараданов, К.В. Родзаевский, В.В. Кибардин, напротив, считали, что белое дело — движение либеральное, а его поражение свидетельствует о губительности либерализма.

Л.Г. Корнилов, А.В. Алексеев, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, А.В. Колчак, К.В. Сахаров, В.Г. Болдырев, П.Н. Врангель и многие другие военные руководители сущность белого дела осознавали как «мучительное искажение сильной, национальной, демократической власти, но не реакции». С точки зрения генералов, белые армии должны были объединить под своими знаменами всех, «кому дорога русская национальная идея, свобода и независимость Родины», защищать общенациональные, а не сословные, партийные или классовые интересы¹²⁰.

В современной историографии можно встретить все изложенные выше интерпретации с множеством переходных вариантов. Каждая из них в какой — то мере отражает характерные черты российской контрреволюции, но не исчерпывает ее сути. В зависимости от аспекта исследования (идеологической, религиозно — этический, культурной, институциональный), от культурной ориентации и партийной принадлежности его автора преувеличивается значение тех или иных особенностей белого движения, те или иные причины его возникновения и идейно — политической эволюции объявляются существенными за счет игнорирования других. Ни с какой из ранее приведенных версий безоговорочно согласиться невозможно.

В широком смысле слова, белогвардейцы или белые — это все участники антибольшевистского движения: кадеты, юнкера, солдаты, офицеры и генералы, служившие в белых армиях на различных фронтах Гражданской войны; идеологи, организаторы и рядовые участники белой борьбы из «русской общественности», примкнувшие к армии и разделявшие ее государственно — патриотическую позицию; мобилизованные в белые армии крестьяне, мещане и рабочие зачастую не понимающие или не разделяющие идейно — политической программы белых, но настроенные антибольшевистски.

В узком смысле слова, белогвардейцы — это добровольцы, из идейных, национально — патриотических соображений вступившие в белые армии до начала массовых мобилизаций в них.

Поэтому следует различать понятия «антибольшевистское» и «белое»

движение. Антибольшевистское движение включало в себя представи — телей всех российских политических партий и националистических дви — жений: от социалистов до монархистов.

Белое движение было тоже аморфно. Но, во — первых, носило более «узкий» характер: в начале оно не включало в себя социалистов и мо — нархистов — черносотенцев, сторонников реставрации самодержавия. Во — вторых, создавалось оно как надпартийное, русское, государственно — патриотическое движение, противостоящее интернациональным тече — ниям и партиям, принимавшим участие в революции. В — третьих, оно имело достаточно четкую организационную структуру. Ее стержнем, глав — ным элементом государственного аппарата белых правительств были во — оруженные силы. В — четвертых, совершенно исключительную роль в белом движении сыграли русские офицеры. Они положили начало воору жен — ной антибольшевистской борьбе, принимали деятельное участие в орга — низации антибольшевистского подполья, строительстве белых армий.

Сначала в антибольшевистской борьбе доминировал эсеро — меньше — вистский Комуч (Комитет Учредительного собрания, образовавшийся ле — том 1918 г. в Самаре), затем эсеро — кадетская Директория. Позже воз — главляли борьбу право — кадетские режимы А.И. Деникина и А.В. Колчака. Еще более в либеральные тона белая идеология и политика окрасились при П.Н. Врангеле. А в Земской рати генерала М.Х. Дитерихса открыто

✓ проповедовались идеи черносотенного монархизма.

В эмиграции белое движение опиралось на кадетско — монархичес — кие ценности. А внутри страны — Кронштадт, Антоновщина, восста — ния крестьян в Центрально — Черноземном районе и западной Сибири свидетельствовали о смещении центра притяжения всех антибольше — вистских сил влево, вновь к эсерам и меньшевикам. Каждая из этих группировок внесла свою лепту в идейно — политическую программу белого дела.

Двойственность истоков белого дела сознавали его идейные участ — ники. П.Н.Милюков писал, что в ряды организованных и активных борцов становились вначале «элементы или политически более сознательные, или заинтересованные лично, экономически» в поражении Советской власти. Для сознательных патриотов это была власть, разрушившая государство и управляющая путем насилия. Для заинтересованных классов это была власть, враждебная их благополучию. Те и другие элементы были перемешаны в движении с самого начала. Но с тече — нием времени «реалистические соображения классового интереса выд — вигались постепенно вперед перед идеалистическими соображениями государственной и народной пользы»¹²¹.

А.И. Деникин в характеристике политических группировок антиболь — шевистского фронта и в определении перспектив взаимоотношений между ними был еще более категоричен. «Непредрешенчество, — признавал

он, — давало возможность различным антибольшевистским силам со — хранить плохой мир и идти одной дорогой, хотя и вперебой, подозри — тельно оглядываясь друг на друга, враждуя и тая в сердце — одни республику, другие монархию». Удобная «непредрежденческая кладь, — надеялся А.И. Деникин, — не обременит армию на ее пути к Москве, а если там при разгрузке произошло бы столкновение разномыслящих эле — ментов, даже кровавое, то оно было бы, во всяком случае, менее дли — тельным и изнурительным для страны, чем большевистская неволя» ¹²².

Соотношение «демократических» и «патриотических» элементов в ан — тибольшевистском движении менялось, пока, наконец, не привело к пре — обладанию в нем национальной, государственно — патриотической идеи — базовой для всего белого движения.

Революционная демократия. Комуч.

Почему же на первом этапе Гражданской войны в борьбе с больше — виками доминировала вставшая в непримиримую оппозицию к ним ре — волюционная демократия? Свергнутому Временному правительству А.Ф. Керенского, формирующейся на Дону белой добровольческой армии ге — нерала М.В. Алексеева, выступившим против советской власти казачьим атаманам — А.И. Дутову, А.М. Каледину и другим сначала не сочув — ствовали не только рабочие, но и крестьяне, значительная часть казаче — ства. Офицерский корпус русской армии был дезорганизован. Не имели большого авторитета у населения монархисты и кадеты. Вот почему на роль ведущей и консолидирующей силы в борьбе с большевиками по — началу выдвинулись эсеры и меньшевики.

Меньшевики не сыграли серьезной роли в вооруженном противо — борстве красных и белых, хотя имели такую возможность. В 1917 году, в момент выхода из подполья число их сторонников превышало 200 тыс. человек. Лидер социал — демократической фракции IV Думы меньшевик Н.С.Чхеидзе стал председателем Петроградского Совета рабочих и сол — датских депутатов. Меньшевики располагали в Совете 10% мандатов. За — няли ведущее положение в Исполкоме Совета. В мае 1917 г. они вошли в состав коалиционного Временного правительства. На I Всероссийском съезде Советов Н.С.Чхеидзе стал председателем ЦИК Советов. Правда, по результатам выборов в Учредительное собрание меньшевики полу — чили всего 2,3% голосов, что свидетельствовало о серьезном политичес — ком поражении партии, катастрофическом снижении ее влияния на массы.

Значителен был вклад меньшевиков в теоретическое и идейно — по — литическое обоснование борьбы с большевиками, ее возможного исхода и последствий. С октября 1917 г. и вплоть до окончания Гражданской

войны меньшевики были главными политическими соперниками РКП(б) в борьбе за влияние на рабочий класс, а в союзе с эсерами и на крестьянство. Меньшевицкие аргументы и доводы широко использовали агитационно — пропагандистские органы белых армий.

Как и почему представители этой партии оказались в составе противоборствующих красных и белых армий? После того, как большевики лишили своих противников возможности бороться против Советской власти легальными средствами, партия меньшевиков, по сути дела, распалась на несколько течений и фракций. Этим фракциям и группам приходилось выбирать между организацией вооруженного противодействия РКП(б) и поиском ниши для легального функционирования в политическом пространстве Советской Республики.

Руководимый Л. Мартовым ЦК РСДРП(объед.), поддержанный большинством членов партии, сделал выбор в пользу ненасильственных методов борьбы с большевистской диктатурой. Л. Мартов и Ф. Дан выступили против развязывания гражданской войны, отстаивали мирные средства борьбы за восстановление демократии. ЦК РСДРП(объед.) запретил членам партии какое бы то ни было участие в восстаниях, организуемых под флагом Учредительного собрания с помощью иностранных войск¹²³. Ни заключение Брестского мира, ни усиливающийся красный террор, ни репрессии против членов партии, ни решение ВЦИК об исключении меньшевиков из Советов всех уровней не поколебали этой позиции большинства ЦК РСДРП(объед.). В ноябрьском 1918 г. воззвании ЦК меньшевиков, выпущенном в связи с революцией в Германии, было подчеркнуто, что «империалисты Антанты, выступившие в союзе с белогвардейцами, имеют своей целью возродить режим военной диктатуры капиталистов и помещиков». Заявляя, что они остаются «партией, находящейся в борьбе с большевистским правительством и принципиально отвергающей его политику», ЦК РСДРП(объед.) призывал «социалистов всех стран развернуть активную кампанию против вмешательства в дела России», а сознательных рабочих и крестьян «принять участие в работе по организации обороны страны»¹²⁴.

Учитывая позицию группы Л. Мартова, 30 ноября 1918 г. ВЦИК вынес решение об отмене постановления, по какому исключались из Советов представители партии меньшевиков, и о «предоставлении им возможности защищать Республику». Опираясь на это «Постановление о меньшевиках» опубликованное в «Правде», а также на соответствующий приказ РВСР, часть членов РСДРП(объед.) приняла участие в формировании Красной Армии и Флота, в укреплении советских вооруженных сил¹²⁵.

Меньшая часть партии меньшевиков, так называемые «активисты» во главе с А.Н. Потресовым, избрала другую тактику борьбы за демократию. Октябрьский переворот А.Н. Потресов безоговорочно оценил как контрреволюцию, для борьбы с которой допустимы объединения с любыми

демократическими силами и любые средства. Большевизм, с точки зрения А.Н. Потресова, освятил «объективно реакционное движение солдатчины», «бунт деревни против города», «всеобщий дележ», в котором воплотился дух «не Маркса, а Стеньки Разина и Михаила Бакунина». Поэтому он требовал от своих сторонников сделать все возможное для свержения «самодержавия большевиков»¹²⁶.

А.Н. Потресов вошел в состав «Союза Возрождения», определившего целью своей деятельности «вооруженное свержение Советской власти и учреждение вместо нее диктаторской власти единоличного характера с последующим созывом Учредительного или Национального собрания»¹²⁷. «Активисты» призывали партийные организации меньшевиков поддерживать любые антибольшевистские выступления. Члены партии, разделявшие эти взгляды, вступили в вооруженную борьбу с РКП(б).

Таким образом, разное понимание военной, социально — экономической обстановки в стране и на международной арене, а также сущности большевистской диктатуры способствовали идейно — политическому размежеванию внутри партии меньшевиков и вступлению рядовых ее членов в противоборствующие армии.

Во время гражданской войны в России действовало семь неонароднических партий и организаций:

трудовая народно — социалистическая партия (ТНСП), лидеры — А.В. Пешехонов, Н.В. Чайковский;

партия правых социалистов — революционеров (ПСР), лидеры — В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц;

партия левых социалистов — революционеров (интернационалистов) — ПЛСР, лидеры — М.А. Спиридонова, Б.Д. Камков, В.А. Трутовский;

партия революционного коммунизма (ПРК), лидер — А.М. Устинов;

партия народников — коммунистов (ПНК), лидеры — А.П. Колегаев, Г.Д. Закс;

союз социалистов — революционеров максималистов (ССРМ), лидеры — Ф. Светлов, Г. Неустроев, Н.И. Ривкин;

группа «Народ», создавшая организацию меньшинства партии социалистов — революционеров (МПСР), лидеры — В.К. Вольский, Н.В. Сятыцкий, К. Буревой и др.

К осени 1917 г. ПСР была самой большой партией России. В ней насчитывалось 700 тыс. членов, из них 400 тыс. — в армии и в деревне. Энесов было 10,5 тысяч, их организации находились в 52 губернских городах, в 82 уездах, 18 селениях. Максималисты имели в своих рядах около 3 тыс. чел.¹²⁸

Социальной базой энесов и правых эсеров были преимущественно зажиточные крестьяне, левых эсеров и революционных коммунистов — крестьяне — середняки, народников — коммунистов и максималистов — деревенская беднота. Городские интеллигенты входили во все партии, от

коммунистов до монархистов, и в большинстве были настроены антисоветски. Сельская интеллигенция сочувствовала больше правым неонародникам. Судя по такому социальному составу партий, можно понять, почему эсеры и правые эсеры колебались между белым и красным лагерьами, а левые неонародники — внутри советского политического лагеря, от поддержки большевиков до противодействия их диктату.

Народно-социалистическая партия (Н. Чайковский, А. Пешехонов, В. Мякотин, С. Мельгунов, А. Титов и др.), правые эсеры (Н. Авксентьев, А. Аргунов, М. Вишняк, В. Зензинов и др.), правые меньшевики (А. Потресов, И. Майский и др.) обвинили большевиков в развязывании гражданской войны. Октябрьская революция, считали они, это авантюра, она не носит ни пролетарского, ни социалистического характера. Свершив октябрьский переворот, узурпировав власть, отказавшись создать однопартийное социалистическое правительство, большевизм фатально привел страну к гражданской войне. Диктатуре пролетариата эсеры противопоставили теорию «чистой демократии» и «народовластия». Их политика по своим теоретическим основам и практическим действиям была направлена на сохранение коалиции с либералами. После разгона большевиками Учредительного собрания они начали борьбу против большевиков под флагом «демократической контр-революции». Эсер В. Зензинов вспоминал: «... когда социалисты-революционеры и примы-кавшие к ним группы оказались в Учредительном собрании в абсолютном большинстве... , тогда общегосударственная точка зрения взяла верх над всеми другими соображениями, взяла верх над узкопартийными интересами..., с этого времени ни на минуту партия эсеров не отказывалась от мысли раздавить большевизм вооруженной силой»¹²⁹.

Левые эсеры сотрудничали с большевиками, сохраняя для РКП(б) пусть уже призрачную, но возможность диалога с другими социалистическими партиями. Поворотной вехой на пути к Гражданской войне оказался Брест.

«Правые» и «левые» неонароднические партии стали яркими противниками Брестского мира.

В мае 1918 г. VIII совет ПСР в резолюции «О международном положении» признал необходимым привлечение войск союзников в Россию с согласия «законной власти», т. е. Учредительного собрания, для открытия Восточного фронта борьбы с Германией при условии невмешательства союзников в дело восстановления «народовластия»¹³⁰.

ЦК ПАСР принял решение осуществить ряд террористических актов против представителей германского правительства в России, намереваясь сорвать Брестский мирный договор, «выпрямить» политику советской власти.

28 мая 1918 г. начался антисоветский мятеж чехословацкого корпуса. Накануне эсеры через посредство французского посольства вели переговоры с Национальным чехословацким советом для организации совместного выступления (в переговорах участвовал В.М. Чернов).

Чехословацкий корпус оказал помощь Самарскому комитету членов Учредительного собрания (Комучу) во взятии власти в Поволжье. На Урале он помог Уральскому временному правительству, в Сибири — Временному Сибирскому правительству. Всего на указанных территориях было создано до 30 преимущественно эсеровских правительств. В Уфе была образована эсеро — кадетская Директория, объявившая себя всероссийской властью. Легкость, с какой малочисленные, но хорошо дисциплинированные чешские войска, заняли волжские города, свидетельствует о военной и политической слабости советского режима в тот период. В кратчайший срок Комуч смог увеличить свои территории в областях Самары, Уфы, Симбирска, Казани, Саратова. Симбирск был взят посредством мятежа. Его возглавил М.А. Муравьев, левый эсер, командующий Восточным фронтом. К северу и югу от этой территории влияние Комуча было слабее. Казань была последним губернским центром, который попал под власть Комуча.

После взятия Самары И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, В.К. Волжский, М.П. Нестеров и Б.К. Фортунатов сформировали правительство Комуча.

Комитет объявил себя законным наследником Всероссийского Учредительного собрания. Антибольшевистки настроенным членам распущенного парламента было предложено вступить в состав нового правительства. К концу августа 46 его членов, включая В. Чернова, приехали из 18 различных областей России. К концу сентября около 100 членов собрания прибыли в Самару. Большинство их входило в правое крыло партии эсеров. Кадеты предпочитали формировать свой собственный союз с белыми в Сибири и на юге России. ЦК меньшевиков в Москве отверг Комуч, назвав его «еще одной авантюрой эсеров» Однако конференция 8 областных меньшевистских организаций высказалась в пользу Комуча и определила состав региональной комиссии для сотрудничества с ним¹³¹.

Самарское правительство с большим трудом создавало новую систему управления. Катастрофически не хватало надежных квалифицированных исполнителей. Из — за многие правительственные приказы не исполнялись¹³².

Выборы в городские Думы прошли в августе, в них приняли участие 30 — 40% от общего числа избирателей (в основном интеллигенция, частные собственники, высококвалифицированные рабочие). Большинство проголосовало за эсеров, однако либерал — консервативные партии получили значительное количество голосов в Симбирске и Уфе¹³³.

Эсеровские правительства заявляли о продолжении демократической политики Временного правительства, на деле же широко использовали террор против большевиков и активных сторонников советской власти. В ходе эсеровского переворота в Самаре было расстреляно около 300 человек, при взятии Сызрани — 200, Симбирска — 400, Хвалынска — 500 и т. д. В кратчайших срок была создана система карательных орга —

нов — следственная комиссия Комуча, учредилловская охрана во главе с бывшим жандармским полковником М.П. Познанским, военно — суд — ная часть Народной армии с чрезвычайным военно — полевым судом, представители Комуча на местах, имевшие чрезвычайные полномочия, арестовывали неугодных им людей. Их дополняла контрразведка чехов¹³⁴.

Возглавив правительства, правые эсеры вернули собственникам фабрики и заводы, чем оттолкнули от себя рабочих. Они оказались не в состоянии контролировать ситуацию в городах без арестов и репрессий. Ограничил Комуч и политические свободы, которые были провозглашены во время его прихода к власти¹³⁵. Он отменил большевистскую государственную монополию на продовольственное обеспечение. Правда, правительство оставило за собой право регулировать цены на хлеб и заключило договоры о поставках продовольствия с частными организациями и кооперативами. Рыночная политика Самарского правительства способствовала увеличению поставок продовольствия в города. Во время правления Комуча был собран самый обильный урожай со времен начала войны. Люди, приезжавшие в Самару из РСФСР, были поражены изобилием и низкими ценами на рынках.

Крестьян Самарский Комуч отпугнул от себя тем, что разрешил помещикам и другим частным владельцам снять с полей урожай, посеянный осенью 1917 г., и дал им право требовать за него денежную компенсацию. Поэтому в деревнях, особенно расположенных недалеко от поместий, настроение крестьян было подавленное. Бывшие землевладельцы с помощью офицерских и казачьих отрядов пытались вернуть растащенное из поместий имущество. Самое негативное воздействие на отношение крестьянства к Комучу оказала организация Народной армии. Само существование Самарского правительства зависело от военной мобилизации населения Поволжья. Чешский легион не желал подерживать Комуч бесконечно. К концу августа чехословаки совсем пали духом, так как поняли, что их надежды быстро вернуться в Европу стали почти несбыточными. Поражения от РККА под Казанью и Симбирском стали для них настоящим шоком. Раздражали чехословаков и монархические воззрения офицеров в Самаре и Уфе: они постепенно распространялись и в офицерском корпусе Народной Армии¹³⁶. Легион начал распадаться. Отдельные его представители дезертировали в РККА. Другие занялись продажей местному населению запасов военного продовольствия и снаряжения легиона¹³⁷.

8 июня 1918 г. Самарский Комуч опубликовал приказ об организации Народной Армии и призвал вступать в нее добровольцев. Длительность срока волонтерской службы равнялась 3 — м месяцам. Месячное жалованье составляло 15 рублей для холостого и 100 рублей для семейного человека. Количество добровольцев, вступивших в Народную армию в

июне — сентябре, не превышало 6 — 10 тыс. человек. Большинство из них были городскими жителями. Вступили офицеры и юнкера, высококвалифицированные рабочие, студенты, татарские и башкирские националисты (они создавали собственные военные отряды)¹³⁸. Крестьян среди волонтеров было немного. Это были или зажиточные крестьяне или пострадавшие от РККА и советской власти¹³⁹.

С расширением военных действий потребовалось увеличить число солдат. 30 июля 1918 г. Комуч объявил мобилизацию мужчин призывных возрастов. Было набрано 15 тыс. человек. Принудительно мобилизовали в армию офицеров и юнкеров. К 1 августа 1918 г. в Народной армии Комуча числилось 8485 добровольцев и 21888 мобилизованных рабочих и крестьян.

Половину армии составляли крестьяне, 11% — рабочие, 10 — офицеры, 8 — интеллигенция, 22% — средние городские слои. Офицерский корпус Народной армии Комуча делился по политической ориентации на 5 групп: социалисты — революционеры; беспартийные офицеры, организовавшиеся еще в антибольшевистском подполье; беспартийные мобилизованные офицеры организовавшиеся еще в подполье монархистов; офицеры из большевистского Поволжского округа, перешедшие к белым¹⁴⁰. Численно преобладали первые три группы, совершенно не сочувствовавшие идее реставрации и отвергавшие монархические иллюзии.

Войска, сформированные из мобилизованных Комучем рабочих и крестьян, были крайне неустойчивы. Они либо разбегались при первом удобном случае по домам, либо сдавались в плен РККА. Комитет в конце концов вынужден был держать их в тылу в расчете на то, что муштра и учеба выбьют у них «дурь из головы». На фронте дрались офицеры, добровольцы и чехословаки. Народная армия Комуча, сильно потрепанная осенью 1918 г. в боях на Волге и Урале, после установления в Омске военной диктатуры Колчака растворилась в контингенте белых армий.

Таким образом, летом 1918 г. Гражданская война в России разворачивалась между правительством большевиков и эсеро — меньшевистскими правительствами. Россия как единое государство фактически прекратила свое существование. Региональные правительства и отколовшиеся части империи — Украина, Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика, Финляндия, Польша — вели между собой борьбу. Вмешательство иностранных сил в русские дела было связано в этот период прежде всего с германским вопросом. Русские монархисты и незначительная часть кадетов пытались с помощью германских военных кругов установить в России военную диктатуру прогерманской ориентации. Большая часть кадетов, меньшевики и эсеры придерживались антантовской ориентации.

Почему же эсеро — меньшевистские правительства пали? Главная причина их неудач состояла в том, что они не сумели организовать широкое народное сопротивление большевикам, повести за собой массы

крестьян. Эсеров — меньшевистским правительствам, поскольку своих военных специалистов у них было мало, приходилось в борьбе с РКП(б) опираться на офицеров. Победа же офицеров грозила крестьянам восстановлением старого режима, тогда как отрицательные последствия большевистской диктатуры еще не проявились с достаточной отчетливостью на территории периферийных губерний. Много размышлявший на эту тему К. Каутский позже напишет: «Большевики казались борцами за новую крестьянскую собственность, как она только что возникла из раздела помещичьих земель, они казались защитниками рабочих Советов, давших рабочим свободу, политически и социально поставивших их выше капиталистов. Все гибельные стороны большевизма, его террор, его всемогущая полиция, уничтожение политической свободы и хозяйственная разруха — все это казалось лишь следствиями Гражданской войны, которые исчезнут вместе с нею. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что на помощь враждебным большевизму генералам послали в Россию свои войска иностранные капиталистические государства... В то время большевики казались единственной силой в России, способной защитить пролетариев и крестьян от возвращения их старых капиталистических, аристократических, бюрократических угнетателей и справиться с иностранной интервенцией...»¹⁴²

С другой стороны, с социалистами, выступавшими за масштабные социальные преобразования, не в ладу были консервативные круги и офицерство. В результате эсеров — меньшевистские правительства пали под ударами двух диктатур — наступавшей с Волги большевистской Красной Армии и офицерства, которое 18 ноября 1918 г. свергло эсеров — кадетскую Директорию и привело к власти адмирала А.В. Колчака. Начался «белый этап» антибольшевистской борьбы.

«Белое дело»

Что же из себя представляла идеология белого дела? С какой программой, на основе каких принципов и под какими лозунгами боролись против большевиков белогвардейцы?

В отечественной и зарубежной историографии стало общим местом утверждение о том, что борьба между партиями и группами внутри белого движения помешала выработке единой идейно — политической линии, обязательной для всего белого лагеря. «Изучение белого движения», — пишет, например, П. Кенез, — это изучение его разобщенности». В отличие от красных, где доминировал В. И. Ленин, белые не имели общепризнанного идеолога и вождя. Поэтому «трудно найти ряд объединяющих белое движение идей», — считает он ¹⁴².

Какие же причины мешали образованию в белом движении единой линии?

Серьезно осложнила создание единого антибольшевистского фронта борьба сторонников «германской» и «антантовской» ориентаций. Речь идет, конечно же, не об индивидуальных симпатиях, а о том, «какая из борющихся сторон может принести больше пользы России в ее борьбе с большевизмом», — вспоминал П.Н. Милюков¹⁴³. Эта рознь усиливалась тем, что сторонники германской поддержки большей частью придерживались правых политических убеждений, а сторонники ориентации на Антанту — более левых, демократических. Сильное влияние на выбор Германии или Антанты в качестве союзника в антибольшевистской борьбе оказывала разная оценка возможного исхода мировой войны, географическая близость к одной из противоборствующих держав, а также факты реальной поддержки белых. Позже проявилась и другая, негативная сторона этой проблемы. В соответствии со своими внешнеполитическими интересами союзники начали активно вмешиваться в военно — политические распри внутри белого лагеря. Так, А.В. Колчак, например, на допросе утверждал, что создание крупных вооруженных сил белого движения не соответствовало планам Японии. Поэтому она всячески противодействовала объединению под его командованием всех белых армий в Сибири и на Дальнем Востоке. И «дробила» те формирования, какие он пытался поставить под свой контроль¹⁴⁴.

Другой важной причиной розни в антибольшевистском движении стала борьба за руководство между командованием белых армий и политиками. Эта борьба, как и вопрос об «ориентации», также была осложнена политическими разногласиями. Демократические элементы хотели, чтобы военное руководство было подчинено гражданской и коллегиальной власти: Директории из нескольких лиц как органу исполнительной власти и какому — нибудь «предпарламенту» как органу законодательной власти. Командование белых армий, напротив, настаивало на соединении военной власти с гражданской в лице «диктатора», решительно возражало против Директории, подозревая в этой идее влияние социалистов, и отказывалось от всякого сотрудничества с «общественными деятелями». Военные восторжествовали. А.И. Деникин с самого начала отверг претензии левой общественности на раздел власти. В Сибири офицеры заменили Директорию диктатурой А.В. Колчака. На Севере, в Архангельске, офицеры арестовали правительство Н.В. Чайковского, состоящее из эсеров, членов Учредительного Собрания и составили новое, не из таких левых элементов, где также доминировали военные.

Третьей причиной разногласий, подрывавшей единство и силу белого движения, стала борьба «всероссийской» ориентации Добровольческой и

Колчаковской армий с автономистскими и сепаратистскими устремлениями территорий, где они организовывались, разворачивались и действовали.

На Восточном фронте противоборство между Комучем и Временным правительством Сибири было связано не только с политическими разногласиями и борьбой амбиций их руководителей, но и с областной политической Омска. Только после установления диктатуры А. В. Колчака областнические устремления были пресечены, и на повестке дня встала борьба с большевизмом во имя восстановления Всероссийской государственности. Идеолог колчаковского правительства Н. В. Устрялов, позже сменевеховец, вспоминал: «Наша идеология была не Сибирской, а всероссийской. Здесь мы не хотели идти на уступки. В конце концов сама фигура Колчака менее всего представляла символ областничества или Сибири»¹⁴⁵.

Те же проблемы возникли у Добровольческой армии во взаимоотношениях с Доном и Кубанью. Между этими регионами в мае 1918 г. был заключен договор с целью «обеспечения на будущие времена политической и экономической свободы и независимости народов, населяющих Донскую и Кубанскую области». По тому договору признавалось необходимым «создание на Юге России прочного государственного образования на федеративных началах, дабы ныне разрозненные части России могли явить более могущественную силу». В дальнейшем этот Донско-Кубанский союз стремился превратиться в Донско-Кавказский за счет присоединения кое-каких чисто русских земель¹⁴⁶. Руководство белых армий не допускало ни малейшего отклонения от принципа «Единой и Неделимой России» и тем отталкивало от себя не только сепаратистов, но и умеренные автономистские группы, стоящие за федерацию.

Особенно много проблем вышеуказанный принцип рождал в отношениях с лимитрофами. Так, бывший генерал-лейтенант русской службы барон К. Г. Маннергейм 17 июля 1919 г. писал А. В. Колчаку в ответ на его приглашение от 23 июня «принять участие в общем деле», что Финляндский сейм этого не одобрит, если не получит необходимых гарантий на счет национального и государственного суверенитета. Н. Н. Юденич, Главнокомандующий белогвардейскими войсками на Северо-Западе России, на свой страх и риск подписал соглашение с К. Г. Маннергеймом, пообещав за помощь во взятии Петрограда предоставить Финляндии независимость и выход к Ледовитому океану. А. В. Колчак отверг это соглашение, заявив, что принципом «Единой и Неделимой России» он «не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды», не говоря уж о том, что «помощь Финляндии сомнительна, а требования чрезмерны»¹⁴⁷.

Сказанное полностью относится и к Эстонии, не только не помешавшей РККА обойти армии Н. Н. Юденича, но и принявшей участие в ее уничтожении. Официальным мотивом отказа Эстонии от борьбы с Советами также было непризнание белыми ее независимости¹⁴⁸.

Важной причиной розни среди антибольшевиков стал «социальный характер», приобретаемый белым движением; вследствие этого постепенно усиливались противоречия между консервативными офицерами и демократически настроенным казачеством, офицерами и крестьянством, конфликты возникали в собственно офицерской среде¹⁴⁹. Так, враждебность между А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем была во многом вызвана взаимонепониманием, коренившимся в различии их социального происхождения. Сам П.Н. Врангель о А.И. Деникине писал: «Сын армейского офицера, сам большую часть своей службы прошедший в армии, он, оказавшись в ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды — провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды у него оставалось бессознательное предубежденное отношение к аристократам, двору, гвардии, болезненно развитая щепетильность, невольное стремление оградить свое достоинство от призрачных посягательств»¹⁵⁰. Эти социальные трения ощущались как внутри белых армий, особенно когда они сменили принцип комплектования, так и между армиями в целом и населением.

П.Н. Краснов вспоминал, что казаки в массе своей считали Добровольческую армию классовою, интеллигентскою, офицерскою и противопоставляли ее Донской — казачьей, народной, национальной армии¹⁵¹. П.Н. Милюков в эмиграции заявлял, что со временем Добровольческая армия стала «выражением чувств и мыслей земледельческой и дворянской России»¹⁵². Лично А.И. Деникин и А.В. Колчак всегда твердо держались того мнения, что выбор формы правления для России — дело будущего, что армия не должна вмешиваться в политику — выбор между «республикой» или «монархией» пусть она предоставит воле Всероссийского Учредительного Собрания, созданного после восстановления в стране законности и порядка¹⁵³. Однако под давлением консерваторов антибольшевистские силы неуклонно правили. Антиоктябризм демократически настроенных белых и антифеврализм консерваторов временно давали возможность им действовать против большевиков единым фронтом, но это единение не снимало социально — политических разногласий между ними и крайне осложняло борьбу.

Свой вклад в разжигание розни в белом движении вносили политические партии, отстаивавшие свои партийные интересы и пытавшиеся влиять на генералитет. Борьба между ними не прекратилась и в эмиграции.

Проведению единой политики мешали распри между вождями белого дела. Например, после установления в Омске диктатуры А.В. Колчака произошли события, вошедшие в историю белого движения под названием «конфликт атамана Г.М. Семенова с Омском». У атамана Г.М. Семенова были с А.В. Колчаком личные счеты. Не возражая против установления военной диктатуры, он хотел видеть на месте «Верховного правителя» другого человека. Из Читы в Омск, Харбин и Оренбург атаман

отправил телеграмму следующего содержания: «... признать адмирала Колчака (в качестве) Верховного правителя государства не могу. На столь ответственный перед Родиной пост я, как Командующий Дальневосточными войсками, выставляю кандидатами генерала Деникина, Хорвата и Дутова, каждая из этих кандидатур мною приемлема»¹⁵⁴. В ответ на это Г.М. Семенов был отрешен от всех должностей и подлежал суду за неповиновение и грабеж военных грузов, следовавших в Омск. Конфликт осложнялся тем, что Г.М. Семенова поддерживали японцы. Только вмешательство А.И. Дутова и союзников не дало перерасти конфликту в вооруженные столкновения. А. В. Колчак под давлением Антанты восстановил Г.М. Семенова в правах, произвел в генерал-лейтенанты, назначил командиром 6-го корпуса и утвердил в звании Походного Атамана Дальневосточных казачьих войск. Это, однако, несколько не изменило поведения Г.М. Семенова, не признававшего над собой никакой власти и никакого закона. «Атаманщина» разлагала белое движение, при этом его дискредитируя, ибо не только Г.М. Семенов пытался играть самостоятельную политическую роль. Двойную игру постоянно вели И.М. Гамов, И.М. Калмыков, Б.И. Анненков и другие атаманы и атаманчики.

Полковник генерального штаба Н. Колесников 21 апреля 1926 г. писал: «Атаманы не признавали власти «Верховного правителя». В Семиречье и на Дальнем Востоке появились анненковы, семеновы и калмыковы, от которых шел вопль по городам и селам, которые марали чистое белое знамя и выступали в распахнутом виде перед толпой, стараясь дискредитировать и власть, и национальное движение. Достаточно сказать, что любимым занятием Анненкова была прогулка по селам в пьяном виде с гармонией в руках, на которой этот гармонист действительно изумительно зажаривал всякие польки и «вальсы». Вот эти — то «гармонисты», эта пьяная утарная атаманщина с блюющими, распоясавшимися сукиными сынами, нарядившимися в военную форму, с маршами хоронили то, что делали корниловские ударники, скитаясь в степи, что творили дроздовцы, марковцы и алексеевцы, что созидал адмирал Колчак, к чему звали Духонин и Каледин. Отваливаются гнойные струпы от тела выздоравливающей России. Уходят в область предания и уродливых кошмаров прошлого «атаманы» и проклятая, заливавшая кровью, опаскудившая движение «атаманщина»...»¹⁵⁵. Остается только добавить, что борьба за лидерство между А.И. Деникиным и А.В. Колчаком носила более цивилизованные формы, но все же способствовала свершению ряда военно-стратегических ошибок и принесла движению в конечном итоге не меньший вред. П.Н. Миллюков, ссылаясь на Р. Гайду, рассказывает, как разрабатывался Ставкой А.В. Колчака план наступления по линии Пермь — Вятка — Вологда для овладения Центрально-промышленным районом и Москвой с севера. Против плана выступили А.И. Дутов и Р. Гайда, они предлагали наступать вместе с Южной арми —

ей, чтобы соединиться с А. И. Деникиным. Их предложения отвергли. Полковник Д. А. Лебедев заявил, что, если произойдет объединение, начнется борьба за первенство, а это губительно. А. В. Колчак подвел обсуждению итог: «Кто первый придет в Москву, тот и будет господином по — ложения». Честолюбие возобладало над военно — стратегической целе —сообразностью. О том, что слышал нечто подобное, писал и А. Будберг, правда, тут же оговариваясь, что «не верит в возможность такой гадости». Но вывод делал однозначный: «Москва одержала победу над Сибирской Вандеей, — и даже не Москва, а наше собственное ротозейство, наша дряблость, наша государственная и военная безграмотность»¹⁵⁶.

Таким образом, пестрый состав социальных и партийно — политических сил, входивших в белое движение; особенности социально — экономического положения белых режимов в разных регионах страны; их территориальная разобщенность; вмешательство иностранных сил в социально — политическую борьбу в России; распри между военным командованием и гражданской администрацией; наконец, борьба организаторов и руководителей белого дела за лидерство осложняли реализацию военно — стратегических планов и формирование единой идеологии и политической программы.

В ходе вооруженной борьбы противоречия между концептуальными установками и политическими программами политических партий и групп, входивших в белое движение, постепенно сглаживались, во — первых, за счет офицерского корпуса, руководившего борьбой и в массе своей искренне считавшего, что армия должна оставаться вне политики; во — вторых, межпартийными объединениями, такими, как Правый Центр, Союз Возрождения, Национальный Центр, Тактический Центр и другими, много сделавшими для координации действий всех антибольшевистских сил; в — третьих, стимулом этой координации было бы то, что все они действовали против общего врага.

Общая идейно — политическая программа белого движения образовалась в конечном итоге из следующих положений:

- свержение большевиков, ведущих Родину к гибели;
- восстановление Великой, Единой, Неделимой России, государственного правопорядка;
- созыв народного Собрания на основе всеобщего избирательного права, которое и решит вопрос о будущем общественном строе России;
- децентрализация власти: областная автономия и широкое самоуправление;
- гарантия гражданских прав и свобод, свободы вероисповедания и культурно — национальной автономии;
- признание права частной собственности;
- земельная реформа с целью удовлетворить нужды трудящегося населения;

немедленное введение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом¹⁵⁷.

Эмблемой этой общегосударственной идеи служили трехцветное национальное знамя (белый, синий, красный) и нашивки тех же цветов на рукавах военных. Белый цвет знаменовал мирное сотрудничество всех слоев и групп населения России и осознанно противопоставлялся красному — цвету крови и цвету флага, под которым большевиков зовут на классовую борьбу и мировую революцию.

Признавая общую идейно — политическую программу белого движения, правые политические партии надеялись на восстановление монархии и вели соответствующую пропаганду. Опираясь на известную формулу «Православие, самодержавие, народность», они имели целью:

1. Восстановить Всероссийского императорского престола на камне исторического самодержавия;

2. Возвести на трон предков династически законного православного государя;

3. Прекратить гонения на религию, возродить Русскую православную церковь на ее канонических устоях;

4. Учредить Высший Государственный Совещательный орган, способный соединить царя с народом, и обеспечить утверждение законной власти;

5. Восстановить расхищенное Великодержавие России, объединить отпавшие части Великой Российской империи;

6. Предоставить инородческим окраинам, по степени их культурного развития, необходимую автономию без нарушения суверенных прав Российской Верховной власти и не в ущерб целостности империи, восстановить самоуправление городских и земских единиц;

7. Восстановить священное право собственности и справедливо наделить крестьян достаточным количеством земли;

8. Организовать примирительное государственное посредничество между трудом и капиталом и поднять уровень благосостояния рабочих;

9. Воспитать народ — как низшие, так и высшие его слои — на основах религии, национального духа, труда, дисциплины при помощи просвещения и всеобъемлющей патриотической работы;

10. Провести социальные реформы во благо всей нации¹⁵⁸.

Большинством либерально — буржуазного, кадетского крыла формула «Единая и Неделимая Россия» читалась как правовой, парламентский режим в форме республики или конституционной монархии типа английской.

Смыслом существования и целью белого движения его идеологи считали борьбу за Россию против установившегося в октябре 1917 г. большевистского режима. Прекрасно сознавая, за что они не принимают большевизм, используя для его критики и эсеро — меньшевистскую, и кадет —

скую, и монархическую, и религиозную аргументацию, теоретики белого дела пытались, правда без особого успеха, сформулировать «положительный идеал» Родины¹⁵⁹.

Что же касается формы государственной власти и организации правления, то она не предreshалась. Частично из тактических соображений, с целью максимально расширить социально — политическую базу белого дела. Частично из — за теоретической уверенности, что сама по себе монархическая или республиканская форма управления не предопределяет ни соблюдения законности, ни государственного правопорядка.

Военно — стратегическое и идейно — политическое руководство белыми армиями осуществляли русские генералы и офицеры, связавшие с ними свою судьбу. Несомненно, что в случае победы белых, они оказали бы значительное воздействие на выбор формы государственного устройства России.

Что же собой представлял офицерский корпус Белой по социальному составу и политической ориентации? Добровольческая армия А.И. Деникина, по данным А.Г. Кавторадзе, к февралю 1918 г. насчитывала около 3 тыс. 700 чел. Из них 2 тыс. 350 чел. офицеры (63,5%); свыше тысячи юнкеров, студентов, воспитанников кадетских корпусов и гимназистов старших классов (27,0%); 235 человек были солдатами (6,4%). Из 2350 офицеров Добровольческой армии 500 человек (21,4%) составляли кадровые; 1848 человек (78,6%) — офицеры военного времени. По социальному происхождению 21% офицеров составляли потомственные дворяне; 39% — личные дворяне; 40% происходило из мещан, крестьян, семей мелких чиновников и солдат. К крупным и средним помещикам можно отнести лишь 5,6%. 90% офицеров никакого недвижимого имущества не имели и жили на жалованье¹⁶⁰. У А. В. Колчака к июлю 1919 г. служило 25 тыс. офицеров. Из них кадровые составляли 1 тыс. человек; 16 — 17 тыс. были офицерами на прошлой войне и 6 — 7 тыс. получили офицерское звание в годы Гражданской войны по приказам белых генералов и правительств¹⁶¹.

Таким образом, несмотря на то, что среди организаторов и руководителей белых армий было достаточно много дворян, основную массу белого офицерства нельзя отнести к помещичье — буржуазным кругам. Ядро Добровольческой, как и других армий, составляли кадровые офицеры и патриотически настроенная молодежь.

В отечественной и зарубежной историографии встречаются самые разные мнения насчет политической ориентации белых офицеров. Н.Н. Алексеев и П.Н. Милюков утверждали, что у А.И. Деникина до 80% офицеров были монархистами, причем многие — сторонниками самодержавия. В.И. Гурко, Н.Н. Головин, В.Г. Курлов, С.П. Мельгунов придерживаются того мнения, что большинство белых офицеров не были монархистами, а испытывали лишь известные симпатии к монархической идеологии и этике,

в политическом же отношении находились под влиянием партии кадетов. Я.А. Слащев и П.Д. Климушкин считали, что офицерство не было одно — родным в своих политических пристрастиях и делилось на три группы: кадетствующие верхи, меньшевистско — эсерствующие низы и политически индифферентную часть. Как же обстояло дело в действительности?

Все генералы, будущие вожди белых армий были, в сущности, выдвигенными кадетско — социалистического Временного правительства. По социальному происхождению М.В. Алексеев был сыном солдата; А.Г. Корнилов — казачьего хорунжего; А.И. Деникин — крепостного крестьянина, сумевшего дослужиться до офицерского чина; А.В. Колчак — морского офицера.

Ломка традиционных взглядов у офицеров была крайне болезненной и продолжалась весь период Гражданской войны. Политическая дифференциация офицерского корпуса происходила не только по вертикали, между командованием армии, кадровыми офицерами и массой офицеров военного времени, но и по горизонтали, внутри групп генералов, штаб — и обер — офицеров. После формирования белых армий офицеры с нетерпением ждали, что командование ясно и определенно выскажет свои политические взгляды. Но у белого генералитета не было единства взглядов по этому вопросу. А.Г. Корнилов, А.И. Деникин, И. Романовский, С.А. Марков, А.В. Колчак, В.Г. Болдырев, Г.К. Гинс ни на какие «авантюры с Романовыми» идти не собирались. М.В. Алексеев, А.М. Драгомиров, А.С. Лукомский, А.А. фон Лампе, П.Н. Врангель, симпатизируя идеям восстановления конституционной монархии, при этом опасались, что провозглашение чисто монархического лозунга расколется армию. Поэтому она должна оставаться вне политики, идти за своими руководителями и решать только общенациональные, государственно — патриотические задачи.

Хотя на Юге и действовал «Всероссийский монархический союз», не он определял лицо Добровольческой армии. Как не определяло политическую ориентацию армий А.В. Колчака созданное монархистами общество «Единая и нераздельная Россия», к которому примкнули генералы и атаманы И. Дутов, П. Иванов — Ринов, И. Калмыков и Г. Семенов.

Монархисты отрицательно относились к власти А.И. Деникина, А.В. Колчака, П.Н. Врангеля, считая их недостаточно правыми. Более того, консперативно готовили ликвидацию их режимов, считая возможным использовать для этого и насильственные средства.

Не надо забывать и о том, что на Востоке страны, в войсках А.В. Колчака преобладали офицеры военного времени, т.е. кадровые. Они, по оценке С.П. Мельгунова, представляли собой пестрый конгломерат, включающий все оттенки русской интеллигенции. Будучи ее органической частью, в своем политическом и бытовом облике офицеры военного времени имели мало общего со старым (довоенным) кадровым офицерством.

Прежде всего, они были не аристократами, а демократами, и их политические симпатии были столь же разнородны, сколь и общественное мнение в целом¹⁶².

Обосновано мнение тех авторов, которые считают, что командование белых армий находилось под кадетским, а большая часть младшего командного состава — под кадетско — эсеровским влиянием. Значительная часть белых офицеров не имела твердых политических убеждений и вступила в борьбу, руководствуясь эмоционально — патриотическими чувствами, ностальгией по прошлому.

Белые армии

Действовавшие на Южном фронте силы белого движения организационно и политически разделялись на Донскую, Кубанскую и Добровольческую армии. Донская и Кубанская армии черпали пополнение из крупнейших в России Донской и Кубанской казачьих областей. Добровольческая армия не располагала собственной территорией формирования.

Генерал М.В. Алексеев, приехавший в первых числах ноября 1917 года в столицу Донского казачества Новочеркасск, составил первый план строительства Добровольческой армии. «Я помню, как говорил генерал Алексеев, — вспоминал А.В. Туркул, — что к началу смуты в русской армии было до 400 тыс. офицеров. Русские пространства могли помешать им всем прийти на его призыв. Но если придет только 10 — я часть, только 40 тысяч, уже это создаст превосходную новую армию, в которую вольется тысяча 60 солдат. А 100 тысяч русской армии будет вполне достаточно, чтобы спасти Россию»¹⁶³. В соответствии с этим планом им были образованы в Петрограде и в Москве общества помощи офицерам. Эти общества поддерживали тесную связь с общественными организациями, помогающими им материально, и направляли всех желающих на Дон. «Алексеевская организация» стала ядром Добровольческой армии. Позже, освободившись из тюрьмы в Быхове, пробралась на Дон группа генералов во главе с Л. Г. Корниловым. Оказавшись после всех унижений революции, преследований леворадикальными политическими партиями в привычной атмосфере армии, строгой дисциплины, генералы очень скоро забыли, что «сидят на вулкане». Снова появились разбухшие штабы, традиционный бумажный бюрократизм. Добровольческая армия оказалась к ним крайне восприимчива и «в самом своем зародыше затаила глубокий организационный недостаток, приобретая характер классовый», утверждал П.Н. Милоков. «Нет нужды, что руководители ее вышли из народа, что офи —

царство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальных элементов борьбы (это было верно вначале), что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям. Печать классового отбора легла на армию прочно и дала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения, и противопоставлять ее цели народным интересам», — совершенно справедливо писал он¹⁶⁴. В результате формирование и организация армии продвигались медленно. Солдат не хватало.

А.И. Деникин позднее сетовал, что враждебное отношение областной власти на Дону лишало Добровольческую армию возможности издать приказ о мобилизации и сборе всех офицеров, и этим объяснял массовое уклонение офицерства от вступления в Добровольческую армию¹⁶⁵.

Численность Добровольческой армии оказалась меньше той, на какую рассчитывали ее вожди. Н.Н. Головин это объясняет тем, что боеготовое офицерство шло не только в армию, собираемую М.В. Алексеевым и А.Г. Корниловым. Оно откликнулось на призыв А.М. Каледина, пошло в донские партизаны, в Кубанские добровольцы. Оно входило в состав всех противобольшевистских организаций самых различных наименований и политической ориентации. Оно составило основной стержень этих организаций и в других казачьих округах, и в Сибири, и на Дальнем Востоке.

Однако все эти объяснения не исчерпывают сущности такого массового явления. Главной причиной была, все — таки, политическая дезориентация основной массы офицерского корпуса. Нужно было время, за какое колеблющиеся изжили бы свои сомнения и поверили зовущим их под свои флаги вождям.

Кроме Добровольческой армии, придерживавшейся «союзнической» ориентации, на территории Украины и Великого войска Донского формировались армии «немецкой» ориентации.

В Киеве при помощи монархического союза «Наша Родина», возглавляемого герцогом Лейхтенбергским, М. Ацакатовым, генералами Шильдбахом (Литовцев) и Семеновым, началось создание Южной армии. П.Н. Краснов предложил генералу Н.И. Иванову ее возглавить.

Деньги на формирование армии давали немцы, обещал финансовую помощь и гетман Скоропадский. Территорией ее формирования был выбран Богучарский уезд Воронежской губернии. Армия должна была возвести на престол законного государя. По свидетельству герцога Г. Лейхтенбергского, набор в армию осуществлялся с большим трудом, «не удалось набрать состава нижних чинов даже на полный комплект одной дивизии»¹⁶⁶. По свидетельству П.Н. Краснова, из офицеров в армию записывались те, кто не хотел ехать к Деникину, т.к. подозревал его в демократизме — либо из опасения попасть в бой. «Эти герои

тыла любили воевать на Крещатике и Подоле. Надели погоны, нашли на рукава полоски бело — желто — черного цвета — «романовских» цвев — тов и двуглавые орлы, распевали по кафе «Боже, царя храни» и думали только о себе»¹⁶⁷.

По специальному поручению кайзера Вильгельма князь Тундутов начал формирование Астраханского корпуса. Тундутов оказался плохим организатором. Хотя он играл роль «не то царя, не то полубога у калмыков», в корпус собрал всего 3 тыс. пехоты и 1 тыс. конницы. Его калмыки были босы и оборваны, большинство не имело седел и оружия, но дрались хорошо. К ноябрю 1918 г., несмотря на всю безалаберность управления, корпус достиг численности 2 тыс. штыков, 4800 сабель при 23 легких орудиях¹⁶⁸. Третий, Саратовский корпус, формированием которого занялся сам П.Н. Краснов, состоял из «крестьян, ушедших от большевиков Саратовской губернии». По словам П.Н. Краснова, бригады эти от лично дрались вместе с казаками на царицынском, камышинском и балашовском направлениях. Когда опасность создания Восточного фронта ослабела, германское командование охладело ко всем этим новым формированиям и в августе — сентябре 1918 г. перестало давать на них средства. Впоследствии остатки этих корпусов присоединились сначала к Донской армии, а затем к Добровольческой.

С ноября 1918 г. Антанта наладила материально — техническое снабжение Добровольческой армии через Новороссийск, что позволило А.И. Деникину развернуть крупные силы (до 100 тыс. человек, в том числе 40 тыс. при штыках и саблях)¹⁶⁹. 8 января 1919 г. были созданы Вооруженные силы Юга России. Одной из частей стала Добровольческая армия. Ядро ее составляли так называемые «цветные», или именные полки и дивизии. Это название укрепилось в Вооруженных силах Юга России за шефскими полками, батареями, бригадами и дивизиями из — за отличающих каждую часть определенных цветов фуражек, погон, нагрудных знаков и шевронов.

Что же касается национального состава Добровольческой армии, то весьма широко распространено ошибочное мнение о том, что она состояла исключительно из русских националистов. Великороссы действительно составляли подавляющее большинство, но вместе с ними служили, как в общих, так и отдельных подразделениях украинцы, белорусы, чехи, словаки, поляки, русины, немцы, калмыки, татары, чеченцы, туркмены и представители многих других северо — кавказских и среднеазиатских народов.

Донская армия, созданная в обстановке обострения классовой борьбы, а также расширения германской интервенции до границ Донской области, формировалась из зажиточных и середняцких кругов казачества. Их политическая идеология приближалась к эсеровской, но включала в себя сильные автономистские тенденции. Верхи казачества тяготели к кадет —

ской идеологии, имея, впрочем, целый ряд серьезных расхождений с руководителями Добровольческой армии по вопросам стратегии и тактики антибольшевистской борьбы. Своим устройством казачьи войска были приспособлены к быстрой мобилизации по территориальному признаку. В этом было их преимущество перед с РККА — той понадобилось около полугода, чтобы найти для охвата мобилизованных крестьян подбаюющие организационных рамки¹⁷⁰.

Устойчивость Донской армии, ее внутренняя прочность серьезно подрывались мобилизациями «иноземцев» (людей не из казачьего сословия). Проходили они всякий раз с большим трудом. В периоды успехов белых на фронте крестьяне еще вступали в Донскую армию. Однако общее настроение призванных было далеко не воинственным. И в случае поражения мобилизованные переходили к красным, увозя с собой на смерть и муки офицеров¹⁷¹.

Кубанское казачество сформировало Кубанскую армию и разделило судьбу добровольцев и донцов. Кубанские части вливались в Добровольческую армию, кубанские казаки пополняли ряды добровольческих частей. Организационно кубанские части строились так же, как и донские. Они отличались несколько большей стойкостью за счет обилия хорошо подготовленных офицеров.

Таким образом, белые армии Южного фронта формировались, как и РККА, первоначально на основе добровольчества, затем путем мобилизации военнообязанных; офицерство и казачество составили костяк Добровольческой, Донской и Кубанской армий, придерживавшихся союзнической ориентации. Пополнение их за счет крестьянства и пленных красноармейцев снижало их устойчивость и боеспособность; промонархические Южная армия, Астраханский и Саратовский корпуса в военном отношении серьезной силы не представляли; все эти армии были многонациональными и имели в своем составе отдельные национальные подразделения; обучение и тактика действий соответствовали опыту и традициям русской армии с учетом особенностей и своеобразия гражданской войны; главным источником снабжения в первый период гражданской войны были запасы русской армии и захват «военной добычи» у большевиков, затем поставки Германии для Дона (до ее поражения) и Антанты для Добровольческой армии; офицерство и казачество в ходе борьбы не раз показывали образцы величайшего самопожертвования и мужества, но проявляли и бессмысленную жестокость, вызванную взаимным озлоблением противоборствующих сторон.

Белые армии Восточного фронта начали свое формирование на основе вооруженных сил восточных казачьих войск: Оренбургского — 553 тыс. чел. (из них 93% русские, 7% татары, башкиры, калмыки) и Уральского — 235 тыс. чел. (из них 93,8% русские, 6,2% татары и калмыки), Сибирского — 164 тыс. чел. (94% русские, 6% мордва и татары), Амурского

— 50 тыс. чел., Уссурийского — 44 тыс. чел., а также на основе конспиративных офицерских организаций, рассеянных по городам Поволжья и Сибири.

На 1 января 1917 г. в Казанском военном округе, ставшем территорией главных боевых операций на Востоке страны, насчитывалось 14898 офицеров и 2092 классных чина. Кроме того, в Оренбургском и Уральском казачьих войсках служило свыше 1100 офицеров. Первоначально в этих формированиях выделялись три основных типа: казачьи контингенты, сибирские формирования, ядром которых стали офицерские организации, и Народная армия Комуча, возникшая в Среднем Поволжье¹⁷².

Армия Колчака официально считалась основным стержнем белого движения. В начале руководства Верховного правителя уверенность в успехе была всеобщая. Первоначальная мобилизация прошла блестяще. Число неявившихся не превышало 5%, крестьянство проявило готовность воевать с большевиками. К весне 1919 г. армии А.В. Колчака, не считая чехословаков, насчитывали в своих рядах свыше 100 тыс. бойцов, причем они могли быть увеличены к маю 1919 г. до 150 тыс. человек. В феврале 1919 г. силы Восточного антибольшевистского фронта состояли из 3-х отдельных армий: «Сибирской» — генерала Р. Гайды, «Западной» — генерала М.В. Ханжина и «Юго-Западной» — атамана А.И. Дутова.

Юго-Западная армия комплектовалась преимущественно оренбургскими казаками. Ее численность в апреле 1918 г. составляла 6—7 тыс. человек, к осени 1918 г. выросла до 20 тыс. штыков и сабель. В апреле 1919 г., потерпев ряд поражений, под влиянием большевистской пропаганды она сократилась до 14 тыс. человек.

Ядро Западной армии составляла бывшая Народная армия Комуча, плохо дисциплинированная и деморализованная отступлением от Волги. К весне 1919 г. она имела 32,4 тыс. штыков, 6,3 тыс. сабель, 570 пулеметов и 98 орудий. Южная группа генерала Г.А. Белова, организационно входившая в Западную армию, насчитывала 7 тыс. штыков и 5,8 тыс. сабель и имела на вооружении 143 пулемета и 15 орудий. Чтобы подтянуть Западную армию, А.В. Колчаком были в нее назначены старые кадровые офицеры, «не умевшие и не хотевшие сблизиться с солдатами»¹⁷³.

Сибирская армия состояла из вновь набранных частей и рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Созданная в июне 1918 г. в Новониколаевске по распоряжению временного Сибирского правительства, она выросла с 7,6 тыс. человек во время ее образования до 37,6 тыс. человек к сентябрю 1918 г. (командующий — генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов). Армия включала в себя до 20 тыс. казаков, до 10 тыс. офицерской молодежи, около 5 тыс. учащейся молодежи и интеллигенции. А.В. Колчак переформировал ее, а командующим назначил Р. Гайду¹⁷⁴.

Настроение, дисциплина и боевая готовность войск, сражающихся на фронте, были вполне удовлетворительны. Многие части, особенно Сибирской армии, проявляли блестящие боевые качества. Куда слабее оказались вступившие в состав общего фронта полки бывшей Народной армии, постепенно ликвидируемые. Казачьи части тоже нередко оказывались не на высоте предъявляемых им боевых задач. Из национальных частей хорошую репутацию на фронте приобрели башкирские полки. Чехословацкие подразделения, понеся большие потери в боях, столкнувшись с враждебным отношением со стороны населения и части консервативно настроенных белых офицеров и не испытывая доверия к А. В. Колчаку, начали отказываться от участия в боях. Их отвели в тыл для выполнения полицейских функций, где они окончательно разложившись и были эвакуированы из России.

Таким образом, белые армии Восточного фронта формировались на тех же принципах и прошли те же этапы строительства, что и на Юге. По социальному составу колчаковские армии от южных существенно отличались большим относительным числом рабочих и крестьян, причем не только зажиточных, но и бедняков, возмущенных режимом большевистской диктатуры и злоупотреблениями Советской власти. Офицерский корпус в армиях А. В. Колчака, по сравнению с армиями А. И. Деникина, был более демократичен, но менее квалифицирован. Как и на Юге, массовые мобилизации крестьянства, в конечном итоге, снижали боеспособность войск Восточного фронта. Конфликт между представителями умеренных социалистических и демократических партий, с одной стороны, и консервативно настроенным генералитетом с другой, тоже немало способствовал дестабилизации Восточного антибольшевистского фронта¹⁷⁵.

Сближал армии Южного и Восточного фронтов многонациональный состав их подразделений. У А. В. Колчака в отдельных национальных или интернациональных частях служили чехи, словаки, башкиры, казахи, татары, калмыки, чуваша, мордва и представители многих других национальностей Урала, Сибири и Дальнего Востока¹⁷⁶. Сближало и то обстоятельство, что на Юге А. И. Деникину приходилось бороться с автономистскими и сепаратистскими настроениями казачества, народов Северного Кавказа, а также с махновцами и «зелеными». А. В. Колчак же столкнулся с проблемой «атаманщины», «партизанами», национализмом и областничеством Башкирского, Казахского и других местных правительств.

Армии генералов Е. К. Миллера, Н. Н. Юденича, М. К. Дитерихса и других оперировали на второстепенных фронтах Гражданской войны и в противоборстве белых и красных не сыграли решающей роли. Судьба борьбы на Северном, Западном фронтах, Дальнем Востоке зависела от ее исхода на других направлениях, главным образом, от побед и поражений армий А. В. Колчака и А. И. Деникина.

На фронтах Гражданской войны

Какова была боеспособность белых армий? В современных историко — публицистических сочинениях встречаются прямо противоположные оценки — от восторженных до уничижительных. Причина столь разных оценок не только в политической предвзятости авторов. Дело и в том, что белые армии за годы Гражданской войны неоднократно меняли принципы формирования, организацию, социальный состав, политическую ориентацию. Все эти изменения были связаны с серьезными сдвигами в расстановке противоборствующих социально — политических сил и прямо влияли на морально — психологическое состояние и боеспособность войск.

Главным критерием боеспособности вооруженных сил всегда была практика, оценка их противником в ходе военных действий. В циркулярном письме ЦК РКП(б) от 14 июля 1919 г. всем членам партии было сказано: «Мы вынуждены ошестиниться лесом штыков против наших врагов. 9/10 своих сил наша партия поэтому вынуждена будет отдавать армии»¹⁷⁷. Командиры, политработники и рядовые красноармейцы, встречавшиеся с добровольческими частями А.И. Деникина и А.В. Колчака, могли их люто ненавидеть, но не могли не уважать. Л.Д. Троцкий в воспоминаниях признавал: «Слишком велик был перевес организации и опыта у противника. Отдельные белые роты, состоящие сплошь из офицеров, совершали чудеса»¹⁷⁸. С.И. Гусев, в годы Гражданской войны последовательно занимавший посты члена РВС Восточного, Юго — Восточного и Южного фронтов, а затем начальника Политуправления РККА, подчеркивал, что преимущество в качестве войск всегда было на стороне белых, благодаря обилию офицеров они могли не только формировать отборные хорошо обученные офицерские батальоны, но и для остальных частей имели возможность выделять значительное количество офицеров. В армиях А. В. Колчака, А. И. Деникина и П. Н. Врангеля почти все части имели одного офицера на 5 — 10 бойцов. Поэтому «высокие военные качества белых войск вынуждали красные армии увеличивать свою численность до размеров, по меньшей мере вдвое больших, чем белые армии»¹⁷⁹.

В работах советских историков, написанных сразу после окончания Гражданской войны, общим местом стало положение, что «в отношении численности и людских средств Красная Армия находилась в более выгодном положении, чем ее противники, так как могла широко использовать тяжелые резервы в виде масс беднейшего и среднего крестьянства и рабочих, мобилизовывать которых белым не удавалось, и они избегали это делать по политическим соображениям». С этим утверждением были согласны и белые генералы. Так, А.В. Туркул писал в 1937 г.: «Число никогда не было за нас. За нас всегда было качество,

✓ единицы, личности, отдельные герои. Большевики ползут на черни, на бессмысленной громаде двуногих. А мы, белые, против человеческой икры, против ползучего, безличного числа, всегда выставляли живую человеческую грудь, живое вдохновение, отдельных героев»¹⁸⁰. Зато некоторые современные публицисты заявляют о полной небоеспособности белых армий, потерпевших поражение от сборища фабричных, безлошадных, неимущих романтиков, китайцев и босяков.

На характер военных действий в ходе гражданской войны суще — ственное влияние оказали следующие факторы.

Окраинное положение вооруженных сил белого движения по отношению к центральным районам страны позволило им свободно общаться со своими союзниками и сохранять достаточно устойчивую связь с зарубежными базами снабжения. Этот же фактор предопределял важнейшие стратегические направления действий со стороны вооруженных антибольшевистских сил и «подсказывал» командованию Белых армий тактику концентрических ударов по территории, контролируемой советской властью. Осуществление таких ударов требовало организации четкого взаимодействия и координации усилий между фронтами.

Советская власть в ходе вооруженного противоборства достаточно продолжительное время находилась в кольце фронтов. Ее центральное положение позволяло РККА действовать по внутренним операционным линиям, по кратчайшему пути перебрасывать воинские подразделения с одного фронта на другой и наносить тот или иной заранее намеченный удар. Для военно — политического руководства Красной Армии особенно важно поэтому было своевременно и точно определить направление планируемого наступления противника.

✓ В стратегии возможность сплошного окружения считается большим преимуществом, поэтому положение Белых армий обычно представляют более выгодным, чем у Красных внутри охватывающего их кольца. Однако это преимущество во многом было кажущимся. Во — первых, одновременное существование всех Белых фронтов длилось менее года. Во — вторых, «кольцо» в этот период не было сплошным — имели место огромные пробелы и прорывы. В — третьих, не было единого руководства всеми белыми силами. Например, А.И. Деникину связь с адмиралом А.В. Колчаком по екатеринодарскому телеграфу приходилось поддерживать или через русского посла в Афинах, или через Париж. Все попытки установить иную связь заканчивались неудачей.

Основным способом действий РККА был маневр силами и средствами и разгром противника по частям. При этом военно — политическое руководство Красной Армии умело использовало противоречия в анти — большевистском лагере, последовательно сосредоточивая усилия то на одном, то на другом фронте. Белые же не проявляли решительного стремления исправить недостатки своего стратегического положения.

Другим важным фактором оказались крестьянские восстания в тылу и на флангах Красных и Белых армий. Угроза фронту со всех сторон — спереди, сзади, с флангов, проникновение в ряды армий вражеских лазутчиков в целях их разложения и для разведки — все это вынуждало противоборствовавших белых и красных устраивать на своей территории «стратегические каре»; создавать огромный репрессивный аппарат для борьбы с «внутренним врагом» и тайными организациями противника.

Массовые партизанские действия, диверсионно — террористические методы борьбы, восстания и мятежи в тылу противника стали характерными особенностями этой войны. Причем на Дальнем Востоке и на Украине партизанские действия даже преобладали.

Непрерывность Гражданской войны и необходимость для обеих сторон одновременно вести боевые действия и формировать вооруженные силы приводила к тому, что у красных, и у белых войска зачастую были слабо обучены. Нередкими были случаи, когда командованию противоборствующих армий приходилось бросать в бой и вовсе необученные части. Плохая подготовка рядовых бойцов и слабая сколоченность частей вели к их неустойчивости. Эта неустойчивость резко усилилась с началом массовых насильственных мобилизаций.

Гражданская война — жестокая война. Бои ведутся на полное физическое истребление противника. Они заканчиваются либо решительной победой, либо сокрушительным поражением, неустойчивость слабо обученных, колеблющихся, силой мобилизованных элементов способствовала постепенному закреплению в сознании и поведении своеобразного социально — психологического феномена Гражданской войны. В случае наступления войска неудержимо рвутся вперед с надеждой быстрее закончить войну и разойтись по домам, при поражении — либо массами сдаются в плен, либо переходят на сторону противника все с той же надеждой избавиться от войны. Поэтому отступление быстро разлагало белые и красные части, планомерный отход был большой редкостью. РККА и Белые армии преследовали одни и те же военные цели: нанести поражение основным группировкам противника, захватить и удержать инициативу, овладеть важными в стратегическом и политико — экономическом отношении районами; оборона применялась для выигрыша времени, экономии сил и средств, для перегруппировки войск. Контрнаступление предпринималось обычно в момент, когда наступательный порыв и резервы противника иссякали. Причем оно осуществлялось обычно как последовательные наступательные операции, объединенные общей стратегической задачей.

В научной литературе даются самые разные оценки количественного соотношения сил Белой гвардии и Красной Армии. М. Бернштам считает, что к середине февраля 1919 г., т.е. ко времени максимального развития

белого движения, оно располагало следующими силами:

Южный фронт — 85 000;
Восточный фронт — 140 000;
Западный фронт — 104 000;
Северный фронт — 12 500;
Северный Кавказ — 7500;
Тылы белых фронтов — 188 000.
Итого: 537006 человек.

Численность же РККА на 28 августа 1920 г. составляла 3538000 человек¹⁸¹.

Существует и другая оценка: в работе «Гриф секретности снят» доказывается, что «боевой состав войск фронтовых объединений Красной Армии в большинстве случаев уступал противнику в численности штыков и сабель». К июню 1919 г. количественное соотношение войск «красных» и «белых» выглядело, согласно указанной книге, следующим образом:

Северный фронт — 1 : 2,9;
Западный фронт — 1 : 2,7;
Южный фронт — 1 : 1,4;
Восточный фронт — 1 : 1.
Итого: 1 : 1,9 в пользу «белых»¹⁸².

И только к середине 1920 г. соотношение сил значительно изменилось.

Авторы работы «Гриф секретности снят» признают, что в годы Гражданской войны соотношение численности действующих (боевых) и недействующих (тыловых, внутренних, вспомогательных, резервных, запасных и других) войск резко изменилось в сторону количественного роста последних, что свидетельствовало как о чрезмерном расширении тыловых структур в ущерб фронтовым, так и о возрастании роли тылового обеспечения боевых подразделений.

Тыловые части 3-миллионной в 1919 г. и 5-миллионной в 1920 г. Красной Армии в сотни раз превосходили численностью соответствующие подразделения белых. Надо учитывать и то обстоятельство, что в борьбе с белогвардейцами участвовали войска внутренней службы (ВНУС), ВЧК, части особого назначения (ЧОН) и некоторые другие формирования, организационно не входившие в РККА. К концу 1920 г. ВНУС насчитывали 360 тыс. человек (14 дивизий, 18 бригад). В ЧОН, военно-партийных отрядах в 1920 г. кадрового состава числилось более 39 тыс. человек, переменного — более 323 тысяч¹⁸³.

Численность железнодорожных войск к концу 1918 г. составляла около 40 тыс. человек, к февралю 1919 г. возросла до 74 тыс., а к июню 1919 г. — до 102 тыс.¹⁸⁴ Это, конечно, далеко не полные данные. В 1919 — 1920 гг. к войскам, располагавшимся в тылу РККА, добавились такие крупные вой —

сковые объединения, как особая армия и запасная армия республики, запасные армии ряда фронтов, а также трудовые армии, подчиненные РВСР. Не учтено здесь и большое количество тыловых, резервных, вспомогательных формирований, военных учреждений и заведений. Одно только перечисление всех этих формирований объясняет, почему белые считали, что ряды «красных» неисчерпаемы. И, рассказывая в воспоминаниях, как белые сотни громили тысячи красных, с разочарованием отмечали, что число красноармейцев от этого не убывало.

С другой стороны, эти данные ставят под сомнение утверждение о подавляющем моральном превосходстве личного состава РККА над противником. Если из 5-миллионной Красной Армии к концу 1920 г. можно было бросить в бой только 500 тыс. человек, то этого не объяснить лишь плохой постановкой военно-организационной работы¹⁸⁵.

Без учета социально-политических аспектов борьбы белых и красных невозможно понять, почему командование РККА не обеспечило подавляющего численного превосходства на фронтах, хотя и подготовило колоссальные резервы. А ответ заключается в том, что большевики учитывали «колебания» крестьянства, составляющего 75% Красной Армии, и в условиях, когда ежегодно до 20% РККА дезертировало (крестьяне переходили с одной стороны на другую и восставали в тылу обеих противоборствующих сторон), просто не могли себе позволить оголить тыл. В результате большевики постоянно сталкивались с проблемой пополнения боевых частей, а белые на фронте зачастую действительно получали численное преимущество.

Еще один критерий, позволяющий судить о квалификации руководства вооруженными силами, а также о боеспособности частей, это количество понесенных ими боевых потерь. Б.Ц. Урланис и М. Бернштам фронтовые потери белых в Гражданской войне (убитыми и умершими от ран на этапах санитарной эвакуации) определяют в 175 тыс. человек, а число бойцов, умерших от болезней — в 150 тыс. Ю.А. Поляков считает, что боевые потери воюющих сторон в 1918—1922 гг. были примерно одинаковыми и составили в общей численности около 2,5 млн человек¹⁸⁶. Эти данные подтверждаются в уже цитировавшейся работе «Гриф секретности снят», где подсчитано, что за 1918—1920 гг. в РККА было мобилизовано и призвано 6707588 чел., а убыль военнослужащих за счет безвозвратных потерь составила 1280315 чел. или 19% мобилизованного людского контингента. Потери противника неизвестны, «но были они не меньше, чем в Красной Армии»¹⁸⁷.

Все эти оценки потерь у белых носят предположительный характер. Но они свидетельствуют, с учетом подавляющего численного превосходства РККА, о высоком профессионализме белых офицеров. Рядовые бойцы по обе стороны мало отличались друг от друга: фронтовики прошли одну школу в рядах старой армии, мобилизованные крестьяне

наспех готовились в запасных подразделениях военными специалистами и унтер — офицерами. Но белых жизнь заставляла беречь людские резервы и не отождествлять большие потери на фронте с проявлением доблести. Не все, но многие руководители белого дела повели борьбу за то, чтобы победа обходилась малой кровью.

Относительно более высокие боевые потери красноармейцев были связаны, прежде всего, с отсутствием опыта у красных командиров, за что приходилось платить кровью. Призванные в РККА офицеры старой армии были скованы надзором комиссаров, недоверием красноармейцев, морально — этическими соображениями — и в массе своей опасались проявлять инициативу. Война — дело жестокое, но сказалось и пренебрежение жизнью солдат, прорывавшееся порой в директивах В.И. Ленина. Даже революционный энтузиазм, в сочетании с отсутствием опыта, множил жертвы. Л.Д.Троцкий признавал: «Белое командование утверждало, что на нашей стороне жертв было больше. Возможно: у них было больше опыта и оружия. На нашей стороне был перевес самоотвержения. Молодые рабочие и крестьяне, московские и питерские курсанты не щадили себя. Они наступали под пулеметами и бросались на танки с револьвером в руке. Белые писали о «героическом безумии» красных»¹⁸⁸.

Таким образом, количественное соотношение белых и красных подразделений, размер понесенных в ходе боев потерь и отзывы противника свидетельствуют о достаточно высокой боеспособности белых армий и профессионализме большей части белых офицеров.

Почему же белогвардейские войска, имеющие гораздо больше опытных офицеров, лучшее снаряжение, традиции, дисциплину и финансирование, потерпели поражение от РККА? Ведь «мужество и героизм обреченных», составлявших костяк белых армий, не уступало самопожертвованию и воодушевлению рабочих, коммунистов и комиссаров, образующих ядро РККА. Не военно — стратегические просчеты, а они у командования белых армий, конечно же, были, привели их к поражению. Решающую роль сыграли социально — политические факторы. Б. Савинков верно заметил: «Армии Колчака и Деникина не дали результатов, потому что «доблестные» генералы не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идее нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из книг, не взращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятую каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу»¹⁸⁹. Красная Армия, обученная хуже, чем белая, с менее подготовленным командным составом, побеждала белые армии своим численным превосходством и большей внутренней спайкой, неустанно поддерживавшейся органами ВЧК, политотделами, комиссарами, комячейками, в атмосфере не столько сочувствия советской власти со стороны крестьянства, сколько неприятия ими «белых режимов».

Почему же победили большевики?

Дискуссия о причинах поражения белых и победы красных началась сразу после окончания Гражданской войны и продолжается по сей день. В чем сущность разногласий, существующих по этому вопросу в мировой историографии?

В советской литературе победа большевиков над силами контрреволюции обычно выдается за историческую закономерность: одна общественно — экономическая формация прогрессивно сменяется другой, капитализм — социализмом.

Причины победы большевиков концентрированно изложены в шеститомной «Истории КПСС», вышедшей в 1967 г. Изложение основывается на двух концепциях — ленинской и «Краткого курса истории ВКП(б)». Основной акцент в объяснении причин ставится на руководящую и организующую роль партии большевиков. «Опыт истории показал, а пример России еще раз подтвердил, что пролетариат может сплотить вокруг себя миллионы трудящихся всех национальностей, взять и закрепить власть, организовать ее защиту, осуществлять грандиозные созидательные задачи социалистической революции, прежде всего, благодаря правильному руководству со стороны своего авангарда — марксистско — ленинской партии. Вооруженная научным пониманием законов развития общества, партия на всех этапах борьбы правильно определяла стратегические задачи пролетариата, вырабатывала гибкую тактику, шла на необходимые компромиссы, обеспечивая решающий перевес сил там, где решалась судьба революции», — так декларируется определяющая роль партии в этом официальном издании Института марксизма — ленинизма при ЦК КПСС¹⁹⁰.

Как видим, большевистская аргументация опирается на два положения: социалистический характер Октябрьской революции и «непогрешимость» партии, правильно понимающей законы общественного развития и адекватно реагирующей на возникающие в ходе борьбы проблемы. При этом главным критерием правильности идейно — теоретических установок, стратегии и тактики РКП(б) выступает ее победа в Гражданской войне. Логика здесь проста — раз победили, значит, были правы. Оценка дается с точки зрения победителей, в ими же расставленных идейных координатах.

Важный методологический порок приведенной выше схемы в том, что народ она помещает в позицию лишь объекта воздействия со стороны РКП(б), но не субъекта истории. А ведь именно его отношение к противоборствующим общественно — политическим силам определило итог Гражданской войны.

Как уроки Гражданской войны осмысливали в противоборствующем стане? К чести многих белых, они нашли в себе силы говорить о своей

борьбе и своем поражении предельно откровенно, стремясь вскрыть его глубинные истоки, осуждая присущие движению заблуждения и пороки.

Монархисты, в том числе В.В. Шульгин, Н.Н. Львов А.А. фон Лампе и другие, в качестве главных причин поражения выделяли: во — первых, слабость белого движения, не сумевшего создать гибкий и сильный аппарат власти; во — вторых, отрицательное отношение населения к половинчатой и непоследовательной социально — экономической политике белых правительств.

В.В. Шульгин четко сформулировал сущность проблемы, какую белые не разрешили: «Надо было заставить... повиноваться себе, чтобы посредством повинующихся раздавить не желающих повиноваться...»¹⁹¹. Почему же ни одним из антибольшевистских правительств эта задача так и не была решена? Ответы на этот вопрос давались разные. В.В. Шульгин считал, что белым не хватило преданных, способных и честных руководителей, не скомпрометировавших себя злоупотреблениями царского режима. С его точки зрения, и революция произошла потому, что обруч, составлявший скрепу государственной ткани, не выдержал и лопнул. И когда из клочков этого невыдержавшего материала пришлось отстригать заново Российское государство, оказалось, что люди, сторонники старого режима, хотя и «поумнели политически, но нравственно еще большие разболтались». Весьма сурово отзывался В.В. Шульгин о русской либеральной интеллигенции: у нее мозги набекрень, в ней одна из причин произошедшей катастрофы. «Да, под прикрытием... штыков мы красноречиво угрожали власти, которая нас же охраняла, — запоздало сожалел он. — Но говорить со штыками лицом к лицу... Да еще со взбунтовавшимися штыками... Нет, на это мы были не способны. Беспо — мощные — мы даже не знали, как к этому приступить... Как заставить себе повиноваться? Кого? Против кого? И во имя чего?», — писал он¹⁹².

В этом откровенном высказывании В.В. Шульгина отразилось действительное противоречие, свойственное русской либеральной интеллигенции: годы борьбы с властью учат интеллигенцию фронде, а не способности «нести государственное историческое тягло». Н.Н. Львов, выступая в 1924 г. в Белграде с докладом «О белом движении», прямо связал поражение белых и «революционизм русской либеральной интеллигенции». «Белое движение не завершилось победой потому, — доказывал он, — что не сложилась белая диктатура, а помешали ей сложиться центробежные силы, вздутые революцией, и все элементы, связанные с революцией и не порвавшие с ней. Вот где внутренняя причина неудачи белого движения...»¹⁹³.

О причинах поражения белых много размышлял А.А. фон Лампе, в годы Гражданской войны бывший ответственным руководителем газет «Россия» и «Великая Россия». Первой и основной причиной он считал настроение населения в центре России и на ее окраинах. Логика его

рассуждений такова. Армии белых, как и армии красных, снабжались за счет населения тех областей, по каким шло наступление. Они вынуждены были брать у него подводы, лошадей, продовольствие, проводить мобилизацию. И, конечно, население было недовольно, оно думало «не об обязанностях, а только о правах, и от белых ожидало немедленного восстановления порядка и нормальных условий жизни», со своей стороны совершенно не думая оказывать им хоть какое-нибудь содействие. Население же окраин, на каких базировалось белое движение, «не знало большевизма», не знало «результатов практического его применения на шкуре обывателя». Поэтому оно не смогло «дать полного напряжения», чтобы предотвратить надвигавшиеся на них испытания и мучения. Этот социально-психологический феномен сыграл злую шутку с белыми. «Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немного — население было озлоблено...», — писал А.А. фон Лампе¹⁹⁴. Поэтому вторую причину неуспеха, непосредственно вытекающую из первой, он находит в том, что белые действовали не теми методами, каких требовала жесткая обстановка Гражданской войны и небывалой разрухи. Иными словами, он сетует все на ту же слабость белой диктатуры. «Если красные «работали» дубиной по обывательским головам, несли революционный режим, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все без исключения... то белые... «работали» в белых перчатках, тем самым связывали себе руки и не получали сочувствия... населения», — считал А.А. фон Лампе¹⁹⁵. Неумение белых принудить население, не изжившее еще большевизм и индифферентизм, привело их, с точки зрения А.А. фон Лампе, к поражению.

Таким образом, монархисты, вскрыв множество действительных причин поражения, обвиняли в нем, прежде всего, себя. «Мы проиграли потому, что скверно играли и только. Мы поторопились, мы не выказали никакой государственной зрелости и сгубили чистую идею», — считали они¹⁹⁶. Не менее суровые обвинения предъявляли они своим непоследовательным союзникам по антибольшевистской борьбе — либералам и социалистам, мешавшим «концентрации белой власти». Но монархисты так и не поняли до конца ни глубинных причин революции, ни природы большевизма.

Гораздо ближе к пониманию подлинных причин поражения подошли кадеты. Основные пороки белого движения они осознали еще в ходе продолжавшейся Гражданской войны, когда можно было внести поправки в идейно-политический и социально-экономический курс белых, и тем достичь победы. Так, Н.И. Астров, 17 декабря 1919 г. на заседании Особого Совещания в присутствии А.И. Деникина сделал доклад, в котором потребовал либерализовать политический курс Добровольческой армии, сместив его «влево». «Главная причина слабости Добровольческой армии, —

заявил он, — отсутствие взаимного понимания между армией, правительством и народом... Власть должна понять народ, которым управляет, и стать ему понятной. Она должна стать «честной и справедливой». Теперь же за насилиями, испытываемыми на местах, не видят во власти силы — и не узнают в действиях исполнительной власти тех обещаний, которые благою вестью исходили от вождя армии». Безудержное ограбление населения на — щими военными властями, разгул и чинимые насилия воинских чинов на местах, невероятное взяточничество представителей власти, неприкрытая спекуляция их, продажность и, наконец, ничем не сдерживаемый произвол, царящий в учреждениях контрразведки, — вот язвы новой власти, заставляющей население говорить: нет, это не та власть, которая может спасти и возродить Россию»¹⁹⁷.

Исходя из «идеи национальной диктатуры», которая «стремится установить правовой порядок через силу, освященную справедливостью», Н.И. Астров предлагал, дабы исправить положение, скорректировать политический курс. Предложенная их программа имела целью стабилизировать обстановку, установить элементарный порядок, «знаменующий конец революции, смуты и анархии». Главное средство ее реализации — создание настоящего центрального правительственного органа «из лиц, объединенных единым пониманием политического курса» и способных «на решительные волевые действия», не уклоняющиеся ни «вправо», ни «влево».

Это правительство, по мнению Астрова, должно было:

1) прекратить нетерпимое положение, когда «внутренняя политика осуществляется разными не согласованными между собой органами», создать ответственное перед властью министерство внутренних дел;

2) скоординировать планы центральных и местных органов, пересмотреть все назначения на высшие министерские и местные посты по критерию способности принять и реализовать курс новой власти;

3) организовать в провинции местные советы с введением в них, кроме служилого элемента, представителей местного самоуправления, торговцев, промышленности, кооперативов, ученых обществ и т. д.;

4) взять под защиту «новый социальный, по существу буржуазный слой», возникший в процессе свершения революции, как в городах, среди «низших слоев населения», так и во «всем обогатившемся крестьянстве». Власть должна найти подход к этому населению, должна стать его властью, ему необходимой;

5) принять суровые меры по пресечению коррупции, обмана, преступности. Ввести новые карательные нормы, «упрощенное и ускоренное судопроизводство по преступлениям, расстраивающим жизнь тыла армии»;

6) образцово наказать наиболее скомпрометировавших себя представителей военной и гражданской власти, преступных «деятелей» кон —

трразведки, государственной стражи и др. Регулярно проводить инспекторские и сенаторские ревизии;

7) не допускать «приемов, вызывающих представление о реставрации старого порядка», пресекать сознательное и бессознательное проявление монархических настроений;

8) пересмотреть отношение к соседним государственным новообразованиям, чтобы заинтересовать их в содействии белой армии;

9) Дабы поддержать доблесть и честь армии, решительно пресечь грабежи со стороны военных.

10) искоренить в армии сознание безнаказанности и заботиться о политическом воспитании войска в духе принятого правительственного курса;

11) отказаться от истребления красных командиров и привлечь их на свою сторону;

12) коренным образом улучшить контрразведывательную борьбу с германофильскими настроениями¹⁹⁸.

Как видим, программа Н.И. Астрова четко указывала на отрицательные стороны белой борьбы, подлежащие решительному искоренению. Но она, как и множество других предложений, так и не была реализована. А.И. Деникин распустил Особое Совещание и заменил его правительством при Главнокомандующем. Но председателем правительства назначил не Н.И. Астрова, а генерала А.С. Лукомского. Новым членом правительства стал товарищ председателя «Совета Государственного объединения России» А.В. Кривошеин. А.С. Лукомский проводил все ту же противоречивую и непоследовательную политику. По формуле председателя партии кадетов П.И. Новгородцева, эта была «более левая политика, делаемая правыми руками». Благодаря А.В. Кривошеину эта формула стала основным лозунгом программы П.Н. Врангеля. На заседании Парижской группы партии к. — д. 21 декабря 1920 г. вновь были проанализированы причины неудачи П.Н. Врангеля. Специальная комиссия пришла к следующему заключению:

1. Попытка переиграть аграрный вопрос в интересах помещного класса оттолкнула крестьянство.

2. Возвращение старого состава и старых злоупотреблений военной и чиновной бюрократии оттолкнуло городское население и местную интеллигенцию.

3. Узко — националистическая тенденция в решении национального вопроса оттолкнула окраинные народности.

4. Преобладание военных, а в известной мере и частных интересов, помешало вовремя восстановить правильное течение экономической жизни.

На основе этих выводов Парижская группа к. — д. разработала «Новую тактику» антибольшевистской борьбы:

радикальное решение аграрного вопроса;

привлечение советских элементов к сотрудничеству;

добровольное соглашение на началах федерации со стремящимися к независимости народностями;

оживление экономической деятельности;

отказ от дальнейшего вмешательства иностранцев в русские дела.

В заключении к этим директивным указаниям было подчеркнуто: «Поражение Врангеля не прибавило ничего нового к уже создавшемуся мне — нию *о несостоятельности коренных основ закончившегося периода белого движения*. Но эпилог укрепил мысль, что отныне вооруженную борьбу надо считать законченной, признать открыто принципы республики, федерации и радикального решения аграрного вопроса...»¹⁹⁹.

Так члены партии к. — д. пытались порвать с непоследовательной политикой, с теми компромиссами, какие они заключали на время их участия в различных белых правительствах.

Много размышлял о причинах победы большевиков П.Н. Милюков. В своем капитальном труде «Россия на переломе», вышедшем в 1927 г., главные причины поражения он объяснял следующими обстоятельствам.

В первоначальный период Гражданской войны, когда антибольшевистские и антиреволюционные элементы действовали единым фронтом, имелись большие шансы одолеть неподготовленных к вооруженной борьбе большевиков. Но российский антибольшевизм не был своевременно и в достаточной степени поддержан союзниками. В этот период отношение населения к борьбе не играло еще решающей роли, и при его пассивности конфликт мог быть разрешен силой.

В период 1918 — 1920 гг. все больше заметно действие нового фактора: сначала равнодушного, а потом враждебного отношения населения к белому движению. П.Н. Милюков объяснял эту враждебность как общим фатально отрицательным отношением народных масс к правящим верхам, так и несомненной классовой сутью белых армий. Она особенно сильно сказывалась на отношении белых к крестьянству и аграрному вопросу. Большую роль сыграла тяжесть реквизиций и поборов, какими командование белых армий обременяло население. Все это вместе привело к тому, что белые армии отрываются от крестьянства.

Одновременно с отчуждением от крестьянства происходит постепенное усиление реакционных элементов в составе белых армий и в характере руководства ими. Это, в свою очередь, вело к разобщению политических партий, поскольку те по — разному оценивали эту тенденцию. С полной определенностью оба эти факторы проявляются уже после эвакуации остатков армии за границу.

Важной причиной поражения П.Н. Милюков считает отрицательное отношение белых к национальным и автономистским стремлениям населения тех областей, где они формировались и действовали.

Недостаточно искусное военное руководство силами антибольшевистского движения стало еще одной причиной поражения. При слабости

вооруженных сил белых, считает П.Н. Милюков, военный гений, может быть, изменил бы ситуацию. Но такого рода гения в рядах белых армий не оказалось. Тогда как военное руководство РККА, возложенное на бывших офицеров Генштаба, велось довольно искусно.

Если прибавить ко всем вышеуказанным факторам слабость чувства долга, дисциплины и сознания общего интереса в массах, с одной стороны, возрастающую деморализацию политических деятелей, с другой, то причины неудач антибольшевистского движения, считает П.Н. Милюков, станут вполне понятны²⁰⁰.

Таким образом, недостаточная и несвоевременная, руководимая узкокорыстными соображениями помощь союзников, постепенное усиление консервативных начал в составе движения, и, как следствие, разочарование народных масс в нем стали, по П.Н. Милюкову, главными причинами его неудачи.

Как видим, самое пристальное внимание уделяли кадеты социально-экономическим, идейно-политическим и этико-психологическим факторам, определившим динамику противоборства белых и красных в ходе Гражданской войны. Изменения в международной обстановке, политике союзников, ошибки белых правительств во внешнеполитической сфере, оказавшие столь сильное воздействие на конечный итог белой борьбы, также были подвергнуты ими анализу. Не забывали кадеты и о военной стороне борьбы, резко критикуя стратегические и тактические просчеты белого командования.

Отличались кадеты от монархистов прежде всего тем, что причину победы большевиков они пытались осмыслить не только с позиций своего лагеря, но с учетом положения и действий другой стороны. Н. Астров в письме В. Пепеляеву подчеркивал, например: «Большевики тоже не захватили народной души, тоже не стали национальным явлением, но бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с Петровской табелью о рангах не поспевали за ними...»²⁰¹.

Н.А. Бердяев верно заметил, что для того, чтобы преодолеть большевизм, надо понять «правду» и «ложь» социализма (правда — стремление к справедливости, отрицание эгоистических крайностей капитализма; ложь — богоборческий, насильственный рецепт достижения этой справедливости). Кадеты видели, что подобная раздвоенность присуща и белому делу: призывая к классовому и межнациональному примирению на основе возрождения «великой и свободной России», руководители белого дела заявляли о неизбежности братоубийственной Гражданской войны.

Другой подход был характерен для социалистов. В эмиграции большая часть меньшевиков, эсеров и энесов поспешила открититься от

белого дела. Главную причину поражения белых они усматривали в реакционных, монархических устремлениях военных руководителей.

Энес Н.В. Чайковский, например, к числу «главных грехов» белого движения относил следующие:

— белые «Борьбу с большевиками превратили в борьбу с революцией, прежде чем революция окончилась в умах народа...»;

— «Войну с большевиками вели как войну с внешним врагом, а не как гражданскую войну, опирались на силу оружия, а не сочувствие народных масс...»;

— «Деятели революции с широкой популярностью устраняли и преследовали. На ответственные посты назначали людей старого режима...»;

— «Предоставили полный простор и свободу черной прессе Шульгина и Суворина, а левую серьезную печать преследовали...»;

— «Проводили реакционные меры по землевладению и национальному вопросу... и тем самым давали оружие для большевистской агитации и местных самостийников»²⁰².

Эсеры и меньшевики в целом разделяли эти оценки. Умеренные социалисты ясно осознали и четко сформулировали одну из главных причин поражения белого движения — постепенное его «правление» и отрыв от народа, превращение борьбы с большевиками в борьбу с революцией. В отличие от либералов, они не пережили трагедии крушения веры в революцию как таковую. Не отшатнулись «в ужасе и смятении» от зажженного ею пожара. «Зло», принесенное революцией, они перекладывали на большевиков, нерешительных либералов или реакционных генералов, не способных к социальному компромиссу. Некоторые социалисты признавали, что развязыванию анархии, насилия и террора не мало способствовал «просчет в определении степени готовности русского народа к строительству социализма и революции вообще». Большинство пришло к заключению, что «социализм есть благо лишь в неременном сочетании с демократическими началами, а вне связи с ними есть... ложь и зло»²⁰³.

Ни эсеры, ни меньшевики так и не обратили внимания на трагическую взаимосвязь и взаимозависимость белых и красных, вдохновленных разными идеалами, с прямо противоположных позиций претендующих на спасение человечества мерами государственного принуждения. Белое движение, воодушевленное идеалами спасения Родины, восстановления государственного единства и порядка, и красное, вдохновленное левыми идеалами социалистической революции и социальной справедливости, были неразрывно связаны. Общая ошибка и того и другого заключалась не только в том, что они имели ложные или односторонние социально — политические идеалы, а в том, что они поклонялись им неистово и фанатично. Драматизм ситуации состоял в том, что реальность втискивалась ими в прокрустово ложе утопии. Это была яростная борьба

за власть, а в жертву ей был принесен человек.

О причинах победы красных не могли не высказаться военные руководители белого движения. Вопреки довольно распространенному в мировой историографии мнению, что генералы связывали свое поражение с факторами чисто военного характера, в работах А.И. Деникина, Н.Н. Головина, П.Н. Врангеля, С.В. Денисова, П.Н. Краснова, А. Будберга, Я.А. Слащева и многих других обращено внимание на социально — экономические, идейно — теоретические и внешнеполитические причины произошедшего.

А.И. Деникин выделял три группы причин, в совокупности приведших белые армии к поражению: чисто военные; социально — политические и внешнеполитические. В статье «Кто спас Советскую власть от гибели?» он прямо обвинял Пилсудского в заключении тайного соглашения с большевиками, по какому были прекращены осенью 1919 г. военные действия на советско — польском фронте. Между тем боевое сотрудничество Польской и Добровольческой армий привело бы, по его оценке, к быстрому разгрому и падению Советов. Однако Польша, имевшая на Полесском фронте достаточно сил, чтобы развернуть наступление и оказать Деникину решающую поддержку, этого не сделала, ибо Пилсудский хотел отделить Польшу от России буферным государством — враждебной России и тяготеющей к Польше (вассальной) Украиной. Он полагал, что только путем реституции Украины поляки могут обезопасить себя с Востока. Поскольку пособников в разделе России среди вождей белого движения не нашлось, а приступить к осуществлению вышеизложенного плана можно было только после поражения Добровольческой армии, поддержка А.И. Деникину со стороны командовавшего Волынским фронтом генерала Лисовского не была оказана. Что же касается «союзников» по Антанте, то они стремились лишь затянуть агонию белых армий, преследуя свои корыстные интересы, и не помышляли о реальной помощи белой России²⁰⁴.

В числе социально — политических причин поражения А.И. Деникин выделял «самоснабжение» белых армий, частенько перераставшее в грабежи крестьян и погромы еврейского населения.

Ошибочное отношение к колеблющимся офицерам и перебежчикам из РККА, — в первый период белой борьбы их расстреливали — стало еще одним самоубийственным просчетом. А.И. Деникин считал, что Л.Д. Троцкий в организационном и пропагандистском плане решил проблему с пленными офицерами и перебежчиками более рационально. В результате, несмотря на то, что офицерская среда мало поддавалась советскому влиянию, борьбу за колеблющуюся часть офицерского корпуса белые проиграли.

Резко негативно по отношению к белым настраивал население производ контрразведки, которая густой сетью покрывала территорию Юга России и создавала очаги провокаций, организованного грабежа и террора.

Велика, с точки зрения А.И. Деникина, была вина белых правительств, «не сумевших обеспечить армию и пресечь злоупотребления на местах, командования, не справившегося с иными начальниками, начальников, не сумевших или не хотевших обуздать войска, войск, не устоявших против соблазна, общества, не хотевшего жертвовать своим трудом и достоинством, ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы «от благодарного населения» и потом забросавших Армию камнями». «Мы хорошо знали свои грехи, — писал А.И. Деникин. — Но в разные периоды борьбы вооруженных сил Юга моральное сопротивление войск было различным. Различна была также степень грехов — отдельные войсковых частей. Десятки тысяч офицеров и солдат — павших и уцелевших — сохранили незапятнанную совесть. Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов развратного времени, умели все же жертвовать другим — они отдавали свою жизнь. Боролись и умирали. Быть может, за это суд Божий и приговор истории будет менее суров: «Виноваты, но заслуживают снисхождения!»²⁰⁵.

Белые генералы немалую сыграли роль в начале вооруженной борьбы с большевиками. Но в конечном итоге военная традиция в руководстве белым движением оказалась одной из серьезных его слабостей. Вожди белого дела до конца уповали на чисто военное решение главной проблемы — искоренение большевизма, плохо учитывали в борьбе РКП(б) особенности Гражданской войны.

Таким образом, целый ряд объективных и субъективных факторов способствовал победе большевиков.

Лозунги РКП(б), обращенные к мощным социальным пластам «униженных и оскорбленных» старой России, достаточно гибкая тактика, не дюжинные организационные усилия определили не только захват власти большевиками, но и ее удержание и упрочение в условиях военного противоборства красных и белых. С другой стороны внешнеполитические, военно — стратегические, социально — экономические и идейно — политические просчеты и ошибки вождей белого дела также способствовали его поражению.

В Гражданской войне, как и во всякой другой, побеждает тот, кто добивается решающего перевеса сил в решающем месте. Но любая военная победа оказывается непрочной, если она не закрепляется разумной социально — экономической политикой на занятой войсками территории. Ни одно из белых правительств не оказалось способным создать эффективную структуру власти в районах, находившихся под их контролем. Ни одно из них более или менее эффективно не разрешило назревшие социально — экономические проблемы.

Особенно тяжелые последствия имела непродуманная аграрная политика, ставшая самой действенной пропагандой против белых. Белые

правительства так и не решились законодательно утвердить стихийный земельный передел и выдать каждому крестьянину грамоту на пожизненное владение занятой им земли. Они понимали необходимость развести помещиков и крестьян, поставив между ними государство, закрепить за крестьянами земли, полученные в процессе революции. Но так и не сделали этого. Вся обстановка белого движения отдавала крестьянство в руки помещиков и оживляла их застарелую ненависть к ним. Там же, где помещиков не было, хватало «самоснабжения» белых подразделений и произвола местной администрации. Следствием всего этого были крестьянские выступления в тылу белых, перерыв снабжения боевых частей, отсутствие пополнений на фронте.

Быстро и неудержимо разлагался белый тыл. Он разрушался интригами различных политических групп, «ориентирующихся» на конкурирующие между собой иностранные государства. Спекуляция срывала снабжение армий. Должностные лица, имевшие на руках казенные суммы, без стеснения распоряжались ими как своими собственными. Это было свойственно белому Югу, так же дело обстояло и у А.В. Колчака в Сибири.

Не потерявшие чести и совести руководители белого дела пытались апеллировать к разуму подчиненных. Крутые меры на время давали необходимый результат. Затем все начиналось сначала. Падала дисциплина. Начальники и подчиненные «смешивались в одну гниющую кучу». Коррумпированная штатская и военная бюрократия умело обходила любые приказы и повеления там, где они затрагивали ее интересы.

Возникнув как государственно — патриотическое движение, опирающееся на лучшие традиции русской армии, православие и традиционалистские нравственные ценности и нормы, белое движение постепенно утратило чистоту. После идейно — нравственного перерождения исход белой борьбы был предreshен.

«Демократическая контрреволюция», представленная эсеро — меньшевистскими правительствами, консервативная «национальная диктатура» генерала А.И. Деникина, «средняя линия» между либерализмом и реакцией адмирала А.В. Колчака, «левая» политика правыми руками генерала П.Н. Врангеля в период нахождения у власти оказались неспособными эффективно решать актуальные вопросы общественного развития даже при наличии для этого реальных возможностей. Это было одной из главных причин неустойчивой социальной базы всех антибольшевистских и белых правительств, деструкции их политических систем, постепенно углубляющегося кризиса и краха политических режимов.

С другой стороны, ряд особенностей политики РКП(б) способствовал победе красных.

Имеющая общепризнанного лидера — В.И. Ленина, строжайше централизованная и дисциплинированная, опирающаяся на поддержку и сочувствие значительной части рабочих и беднейших крестьян, самоот-

верженность и героизм рядовых коммунистов, РКП(б), после целого ряда просчетов и ошибок из — за ее приверженности определенной доктрине, неверной оценкой готовности России к социалистической революции, фатализмом и революционным нетерпением части последователей, низким уровнем культуры и образования большинства низовых партийно — политических работников, сумела мобилизовать все имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, силы и средства на борьбу с контрреволюцией. Особенно широко использовалась демагогия обещаний.

За счет проведения в целом более целенаправленной и гибкой, чем у белых, политики и пропаганды РКП(б) сумела расширить и укрепить свою социальную базу.

Чутко реагируя на изменения во внешнеполитической, военно — стратегической и социально — политической обстановке, искусно используя противоречия в лагере противника, сочетая убеждение и принуждение, уступки и безжалостный террор по отношению к колеблющимся слоям крестьянства, мелкой буржуазии, средним слоям города, служащим, чиновникам, интеллигенции и офицерству, РКП(б) сумела превратить советскую республику в единый военный лагерь.

На стороне большевиков было военно — стратегическое преимущество — центральное положение Советской республики. Это позволяло РКП(б) использовать мощный экономический потенциал Центра, внутренние коммуникационные линии для маневра силами. Благодаря созданному ими мощному госаппарату, они могли концентрировать войска и резервы на решающих направлениях вооруженной борьбы, эффективно подавлять оппозицию, проводить массовые мобилизации, бороться с дезертирством.

Аграрная революция сделала в России возможным осуществление диктатуры РКП(б). Эта диктатура была насилием над крестьянством, она осуществлялась безжалостно и жестоко, по преимуществу выходцами из народных низов. В их сознании, так же, как и у крестьян, уживались уравнилельные представления о справедливости, дикая ненависть к «белой кости», недоверие к интеллигенции, стремление побольше урвать у буржуазии. Поэтому крестьянство, не желавшее возврата к старому обществу, до поры до времени мирилось с чрезвычайными социально — экономическими мерами Советской власти, воевало в рядах РККА, хотя и расходилось с большевиками в понимании лучшего общественного устройства России.

В любом случае исход борьбы не был изначально предопределен. Большевицкий политический режим, несмотря на очевидную враждебность человеку, его свободе, экономической инициативе и творчеству, в экстремальных условиях гражданской войны показал более высокую, чем у белых, способность к мобилизации ресурсов и концентрации усилий для достижения победы над своими социально — политическими противниками. Однако цена этой победы оказалась непомерно высока. За годы войны в результате потерь на фронтах, красного и белого террора,

голода, болезней страна потеряла 15 млн человек. Два с половиной миллиона россиян были рассеяны по свету, оказались в эмиграции.

Гражданская война стала трагедией русской интеллигенции. Неистово поклонявшаяся революционному идеалу, считавшая, что в революции сливается «правда — истина и правда — справедливость», она большей частью в ужасе отшатнулась от реализации этого идеала и первой попала под жернова красного террора.

Гражданская война стала трагедией русского офицерства. На полях сражений и в результате обоюдного террора воюющих сторон погибло свыше ста тысяч офицеров старой русской армии, намного больше, нежели за всю Первую мировую войну.

Не менее трагичной оказалась судьба казачества. Только население Дона потеряло примерно половину своего дореволюционного состава, около 2 млн человек. «Расказачивание» привело к гибели сотен тысяч тех, кто прежде по праву считался честью и славой России.

Трагическая судьба офицерства и казачества неотделима от судьбы других, практически уничтоженных в советское время групп населения: интеллигенции, духовенства, дворянства, крепкого, с хозяйственной жилкой, крестьянина.

Генетическому потенциалу нации был нанесен трудновосполнимый ущерб.

Чрезвычайно важен политический аспект гражданской войны. Установление большевистской диктатуры имело множество отдаленных негативных последствий. Полное поражение и уничтожение политических противников РКП(б) лишили русское общество стихийно действующего механизма саморегуляции. Отсутствие такого механизма стало одной из причин превращения благих намерений победителей в свою противоположность, способствовало постепенному утверждению в стране тоталитаризма.

Примечания

¹ Белая эмиграция против национал — большевизма. // Народная газета. 25 октября 1994 г.; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во второй мировой войне. М. 2001.

² Бортневский В.Г. Белое дело: люди и события. СПб. 1993.

³ Доброхотов В.Я. Так были ли белые патриотами? В кн.: Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Н. Новгород. 1998. С. 69 — 75.

⁴ См.: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОС СПЭН. 1997; Тормозов В.Т. Белое движение в Гражданской войне: 80 лет изучения. М. 1998; Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чуриков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М. 1998; Зимина В.Д. Белое движение в годы Гражданской войны. Волгоград. 1998; Цвет-

ков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917 — 1920 (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России, Русской армии). М. 2000. Кн. 1; *Медведев В.Г.* Белый режим под красным флагом. (Поволжье, 1918). Ульяновск. 1998; *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917 — 1920 гг. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Орел. 2000; *Сухенко А.Д.* Добровольческое движение на Юге России (1917 — 1920 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов — на — Дону. 2000; *Воронов В.И.* Вооруженные формирования на территории Сибири в период гражданской войны и военной интервенции. 1917 — 1922. Дисс. ... докт. ист. наук. М. 1999; *Константинов С.И.* Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург. 1998; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М. 1999.

⁵ *Цветков В.Ж.* Белое движение в России 1917 — 1922 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 56; *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 80 — х — 90 — е гг.). Архангельск. 2000. С. 14 — 24; *Романишина В.Н.* Социальный состав и идеология белого движения в годы гражданской войны в России (1917 — 1920). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М. 2001. С. 9 — 11.

⁶ *Билинский А.* Катехизис монархиста. Мистика и эмпирика монархической идеологии. Париж. 1924. С. 28.

⁷ *Карташов А.В.* Воссоздание Святой Руси. Париж. 1956. С. 43.

⁸ *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 208.

⁹ *Шульгин В.В.* Дни 1920: Записки. М. 1989. С. 195.

¹⁰ *Керенский А.Ф.* Послеиюльские дни и выступление генерала Корнилова. — В кн.: /Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. М. 1991. С. 236 — 237; *Чернов В.М.* 1917 год: народ и революция. — В кн.: Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. М. 1991. С. 256 — 258.

¹¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 351, 354.

¹² Там же. Т. 34. С. 221.

¹³ Там же. Т. 16. С. 451 — 454.

¹⁴ Там же. Т. 35. 268.

¹⁵ Там же. Т. 35. С. 53.

¹⁶ Там же. С. 31. С. 351.

¹⁷ *Троцкий Л.Д.* Сочинения. М. — Л. 1926. Т. 17. Ч. 1. С. 526 — 527.

¹⁸ История России XX век. М. 1996. С. 179. Пособие по истории Отечества для поступающих в вузы. М. 1996. С. 288; *Верт Н.* История Советского государства. 1900 — 1991. М. 1992. С. 115; *Хоскинг Д.* История Советского Союза. 1917 — 1991. М. 1994. С. 64 и др.

¹⁹ *Кокурин Н.Е.* Как сражалась революция, 1917 — 1918. Т. 1. М. 1990. С. 46 — 47; История КПСС: В 6 — ти т. Т. 3. Кн. 2. 1968. С. 82.

²⁰ См.: *Ушаков А.И.* История Гражданской войны в литературе русского зарубежья. М. 1993; *Устинкин С.В.* Трагедия белой гвардии. Монография. Н. Новгород. 1995; *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980 — х — 90 — е гг.). Архангельск. 2000.

²¹ *Деникин А.И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г. Берлин. 1924. С. 7.

²² *Кузнецов А.А.* О белой армии и ее наградах. 1917 — 1922 гг. М. 1991. С. 4.

²³ Франк С.А. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4.; Волошин М. А. Россия распятая // Юность. 1990. № 10; Кожин В.В. Черносо — тенцы и революция. М. 1998; Бернштам М. Стороны в Гражданской войне. 1917 — 1922 гг. (Проблематика, методология, статистика). М. 1992; Бровкин В.Н. Россия в Гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5 и др.

²⁴ Геллер М., Некрич А. История России. 1917 — 1995 гг. В 4 — х тт. Т. 1. М. 1996.

²⁵ История Отечества в документах. М. 1996. С. 35.

²⁶ Писарев И.К. Население и труд в СССР. М. 1966. С. 33.

²⁷ Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 — 1918 гг. Ч. 1. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Кн. 1, 2. Париж. 1937. С. 14.

²⁸ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж. 1927. С. 3.

²⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 2914. Л. 28; Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб., документов. М. 1961. С. 569 — 579.

³⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М. 1939. С. 235 — 236; Алексашенко А.П. Крах деникинщины. М. 1956. С. 8; Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М. — Л. 1966. С. 29; Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. М. 1983. С. 101.

³¹ Хесин С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М. 1977. С. 14; Интеллигенция и революция. XX век. М. 1985. С. 151 — 158, 283.

³² Лейкина-Сварская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 — 1917 гг. М. 1981. С. 60, 87 и др.

³³ Изменения социальной структуры общества. Октябрь 1917 — 1920. М. 1976. С. 246 — 248.

³⁴ История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М. 1967. С. 245.

³⁵ Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. Вып. 4. М. 1923. С. 35 — 37; Мегведев А. В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы Гражданской войны (окт. 1917 — 1920). Автореф. дисс. на соискание уч. степ. — ни доктора историч. наук. М. 1994. С. 22 — 24.

³⁶ История Отечества. Вып. 1. М. 1992. С. 62.

³⁷ О революции и контрреволюции. Ярославль. 1975. С. 129.

³⁸ Государственный архив Нижегородской области (ГАОН). Ф. 55. Оп. 1. Д. 162. Л. 8.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 401.

⁴⁰ Мегведев Р.А. Русская революция 1917: победа и поражение большевиков. К 80 — летию Русской революции. 1917 г. М. 1997. С. 62.

⁴¹ Мегведев В.Г. Белое движение в среднем Поволжье в 1918 — 1919 г. Автореферат диссерт. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Самара. 1995; Тимкин Ю.И. Общественно — политическая борьба в Вятской губернии весной 1917 — осенью 1918 г. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М. 1995; Фефелов С.В. Диктатура большевиков и крестьянство в 1918 — 1921 гг.: у истоков левого тоталитаризма. (На материалах Центрального Черноземья России). Автореферат диссертации на соискание уч. степ. докт. ист. наук. М. 2000.

⁴² Ермолин А.П. Революция и казачество. М. 1982. С. 20.

⁴³ Ермолин А.П. Указ. соч. С. 18.

⁴⁴ Кильсеев С.И. Опыт РКП(б) по развертыванию агитационно — пропагандистской работы в период борьбы с Деникиным (июль 1919 — март 1920). Канд. диссертация. Горький. 1982. С. 112; Бугай П.Ф. Ревкомы Дона и Северного Кавказа. М. 1979. С. 45.

- ⁴⁵ Кильсеев Е.И. Указ. соч. С. 114.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 82 — 86; 93 — 94; 113; РОЦДНИ. Ф. 910. Оп. 1. Д. 202. Л. 12.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.
- ⁵⁰ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М. 1990. Т. 2. С. 172.
- ⁵¹ Набатов Г.В., Мегвегов А.В., Устинкин С.В. Политическая Россия в годы Гражданской войны. Н. Новгород. 1997. С. 11.
- ⁵² История России. Сб. документов. М. 1994. С. 223.
- ⁵³ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 393 — 394, 356.
- ⁵⁴ Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М. 1982. С. 55.
- ⁵⁵ История дипломатии. Т. 2. М. — Л. 1995. С. 366 — 367; Архив полковника Хауза. М. 1955. Т. 4. С. 152.
- ⁵⁶ Мирные переговоры в Брест — Литовске. М. 1920. Т. 1. С. 9 — 10.
- ⁵⁷ История внешней политики СССР. Т. 1. 1917 — 1945. М. 1970. С. 71.
- ⁵⁸ Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs in Jahre 1918. Berlin. 1929. Bd. 2. S. 129.
- ⁵⁹ Ullam R. Intervention and the War. London. 1961. P. 56.
- ⁶⁰ Загладин И.В. История успехов и неудач Советской дипломатии. М. 1990. С. 49.
- ⁶¹ Ротштейн Э. Указ. соч. С. 70.
- ⁶² Ullam R. Intervention and the War. London. 1961. P. 154.
- ⁶³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983. С. 229.
- ⁶⁴ Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Н. Новгород. 1995. С. 329.
- ⁶⁵ Иоффе П.Э. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983. С. 211.
- ⁶⁶ Гражданская война и военная интервенция. Указ. соч. С. 230.
- ⁶⁷ Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия. М. 1958. С. 79.
- ⁶⁸ Цит. по: Савченко В.А. Авантюристы гражданской войны: историческое рас — следование. Харьков. 2000. С. 117.
- ⁶⁹ Алексеев Н.Н. Из воспоминаний // Архив русской Революции (АРР). Т. 17 — 18. М. 1991. С. 204.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 124. Л. 10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 22. Л. 9.
- ⁷² Кавторазге А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 — 1920. М. 1988. С. 49.
- ⁷³ Болдин И.В. Страницы жизни. М. 1961. С. 32.
- ⁷⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 213.
- ⁷⁵ Зензинов В. Борьба русской демократии с большевиками в 1918 г. // Кол — лекция ГА РФ.
- ⁷⁶ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983. С. 40.
- ⁷⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. Изд. 2 — е. М. 1990. С. 30.
- ⁷⁸ Там же. С. 32 — 33.
- ⁷⁹ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 41.
- ⁸⁰ Коллекция ГА РФ. Астров Н.И. Московские организации. 1917 — 1918 гг.
- ⁸¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. Изд. 2 — е. М. 1990. С. 38.
- ⁸² Там же. С. 39 — 40.
- ⁸³ Там же. С. 54 — 58.

- ⁸⁴ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 51.
- ⁸⁵ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март — апрель 1919). М. 1960. С. 149.
- ⁸⁶ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 54, 55.
- ⁸⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. Изд. 2 — е. М. 1990. С. 52 — 55.
- ⁸⁸ Вопросы истории. 1994. № 1. С. 43.
- ⁸⁹ Медведев Р.А. Указ. соч. С. 76.
- ⁹⁰ Набатов Г.В., Медведев А.В., Устинкин С.В. Указ. соч. С. 28; Леонов С.В. Создание советской государственности: теория и политика (1917 — 1922 гг.). Автореф. ... дисс. докт. ист. наук. М. 1998. С. 34.
- ⁹¹ Политработник. Ежемесячный орган ПУ РВСР. М. 1922. № 2. С. 55.
- ⁹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 2. Д. 39. Л. 30 — 31.
- ⁹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 39. Л. 35.
- ⁹⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 136.
- ⁹⁵ Декреты советской власти. М. 1957. Т. 1. С. 522 — 523.
- ⁹⁶ Партийно — политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919) Документы и материалы. 1961. С. 77.
- ⁹⁷ РГВА. Ф. 9 оп. 2. Д. 39. Л. 39 — 40.
- ⁹⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983. С. 103.
- ⁹⁹ Политработник. Февраль. 1922. № 2. С. 55.
- ¹⁰⁰ Там же С. 60.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф 1765. Д. 215. Л. 17, 19.
- ¹⁰² РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 50 — 145.
- ¹⁰³ Известия ЦК РКП(б) 1928. 30 марта.
- ¹⁰⁴ Гусев С.И. Указ. соч. С. 169.
- ¹⁰⁵ Китаев М.А. Партийное старшинство в годы Гражданской войны. М. 1975. С. 76.
- ¹⁰⁶ Ленинский сборник. Т. 34. С. 45.
- ¹⁰⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М. 1990. Т. 2. С. 137.
- ¹⁰⁸ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 161 — 162, 168; РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 78. Л. 20; Ф. 106. Оп. 2. Д. 151. Л. 19.
- ¹⁰⁹ Гражданская война 1918 — 1921 гг. Т. 3. М. 1928. С. 93.
- ¹¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 39 С. 314.
- ¹¹¹ Политработник. 1923. № 1 — 2. С. 36.
- ¹¹² История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 308.
- ¹¹³ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918. М. 1974
- ¹¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 215 — 220.
- ¹¹⁵ Внутренние войска Советской Республики. 1917 — 1922 гг. Документы и материалы. М. 1972. С. 56, 82, 114; Стрижков Ю.К. Продотряды. М. 1976. С. 48, 108.
- ¹¹⁶ См. Большевики и крестьяне на Украине. 1918 — 1919 гг. Очерк о больше — визмах, национал — социализмах и крестьянских движениях. М. 1997; См. *Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917 — 1921). Oxford. 1989. С. 154 — 162.*
- ¹¹⁷ Ильин И.А. Русская мысль. 1923. Кн. 6 — 8. С. 237, 242.
- ¹¹⁸ Франк С.А. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 233.
- ¹¹⁹ Флоровский Г.П. На путях утверждения евразийцев. Кн. 2. Москва — Берлин. 1922. С. 240; Он же. О патриотизме праведном и греховном // Па —

раллели (Россия — Восток — Запад). Вып. 2. М. 1991. С. 152.

¹²⁰ Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г. Париж. 1924. Т. 3. С. 7 и др.; ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 2. Л. 40; Д. 67. Л. 230; Ф. 6051. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

¹²¹ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. Париж. 1927. С. 3.

¹²² Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г. Париж. 1922. С. 227.

¹²³ Меньшевики. Сб. статей. Нью — Йорк. 1988. С. 176.

¹²⁴ Правда. 1918. 26 ноября.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 10. Л. 29.

¹²⁶ Потресов А.Н. В плену иллюзий. (Мой спор с официальным меньшинством.) Париж. 1927. С. 13.

¹²⁷ Красная книга ВЧК. Т.2. Изд. 2 — е. М. 1990. С. 33.

¹²⁸ Набатов Г.В., Мегведев А.В., Устинкин С.В. Политическая Россия в годы Гражданской войны. Н. Новгород. 1997. С. 64.

¹²⁹ Коллекция ГА РФ. Зензинов В. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 г.

¹³⁰ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10 — 11 об.

¹³¹ Футман Д. Гражданская война в России. Лондон. 1961. С. 102 — 103.

¹³² Вестник Комитета Учредительного Собрания (Самара). № 24. 6 августа. 1918. С. 1.

¹³³ Фигес О. Гражданская война в России. Оксфорд. 1989. С. 137.

¹³⁴ Набатов Г.В., Мегведев А.В., Устинкин С.В. Указ. соч. С. 79.

¹³⁵ Лелевич В. В дни Самарской учредилки. М. 1921. С. 57.

¹³⁶ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М. 1923. С. 153 — 156.

¹³⁷ Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война. 1918 — 1920 гг..

¹³⁸ Стюарт Г. Белые армии России. Нью — Йорк. 1933. С. 145.

¹³⁹ Вестник Комитета Учредительного Собрания (Самара). № 62. 1 сентября. 1918. С. 3

¹⁴⁰ Там же. С. 84 — 85; Футман Д. Указ. соч. С. 114; Мегведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918 — 1919 гг. Автореф. ...канд. дисс. Самара. 1995. С. 13; Вестник Комитета Учредительного Собрания (Самара). № 38. 23 августа. 1918. С. 4.

¹⁴¹ Каутский К. Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994. С. 11 — 12.

¹⁴² Кенез П. Идеология белого движения. В кн.: Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994. С. 95.

¹⁴³ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Антибольшевистское движение. Т. 2. Париж. 1927. С. 76 — 77.

¹⁴⁴ Допрос Колчака. Л. 1925. С. 127.

¹⁴⁵ Иоффе Г. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983. С. 238.

¹⁴⁶ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское. В кн.: Белое дело. Избранные произведения. В 16 — ти книгах. М. 1993. С. 102 — 103.

¹⁴⁷ А.В. Колчак в Финляндии // Красный архив. 1928. Т. 2/33. С. 87, 95 — 96.

¹⁴⁸ Как погибала белая армия (и как возникло «эстонское государство») // Единство. Русский вестник. 1993. № 27. С. 8.

¹⁴⁹ Миллюков П.И. Россия на переломе. Антибольшевистское движение. Т. 2. Париж. 1927. С. 78 — 79.

¹⁵⁰ Записки. Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г. Генерал П. Н. Врангель // Белое дело. Т. 6. С. 111.

¹⁵¹ Краснов П.И. Указ. соч. С. 54.

¹⁵² Миллюков П.И. Указ. соч. Т. 2. С. 79.

¹⁵³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 341 — 342; Арестант пятой камеры. М. 1990. С. 342 — 345.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

¹⁵⁵ Россия (Харбин) 1928. 21 апреля.

¹⁵⁶ Бугберг А. Дневник. 1919 год // АРР. Т. 16. С. 240 — 242; 282.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 — 15; Красная книга ВЧК. Т. 2. М. 1990.

¹⁵⁸ Билинский Л. Катехизис монархизма: Мистика и эмпирика монархической идеологии. Париж. 1924. С. 5 — 13.

¹⁵⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М. 1991. С. 44, 59, 126, 137 — 138, 207, 334, 512 — 515; Ильин И.А. О сущности правосознания. — Собр. соч. Т. 4. М. 1994. С. 149 — 160, 210 — 222, 230. 1956. С. 19, 27, 43, 59; Булгаков С.П. Христианский социализм. М. 1991. С. 6 — 7.

¹⁶⁰ Кавторазе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов 1917 — 1920 гг. М. 1988. С. 35 — 36; 227 — 230; РГВА. Ф. 1468. Оп. 7. Д. 3. Л. 13; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 3862. Л. 53; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1745. Л. 19 об.

¹⁶¹ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на Востоке страны // Отечественная история, 1994. № 6. С. 58.

¹⁶² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала. Ч. 1. Белград. 1930. С. 57.

¹⁶³ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Белград. 1937. С. 15.

¹⁶⁴ Миллюков П.И. Указ. соч. Т. 2. С. 58.

¹⁶⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 197.

¹⁶⁶ Герцог Лейхтенбергский Г. Как начиналась «южная армия» // АРР. Т. 14. С. 144.

¹⁶⁷ Краснов П.И. Указ. соч. С. 90.

¹⁶⁸ Там же. С. 91 — 92.

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 116. Л. 108.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 — 31; Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128. Л. 259.

¹⁷² РГВА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 223.

¹⁷³ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 142. Л. 1 — 31.

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 — 6.

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 39. Л. 20; Оп. 6. Д. 267. Л. 2 — 2 об.

¹⁷⁷ Комиссары на линии огня 1918 — 1922. В кольце фронтов. М. 1988. С. 59, 252.

¹⁷⁸ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М. 1990. С. 125.

¹⁷⁹ Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. М. 1958. С. 76 — 78.

¹⁸⁰ Туркул А.В. Дроздовцы в огне Белград. 1937. С. 293 — 295.

¹⁸¹ Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917 — 1922 гг. (Проблематика, методология, статистика). М. 1992. С. 45 — 46.

¹⁸² Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил... в войнах, боевых действиях и вооруженных конфликтах. Статическое исследование. М. 1993. С. 19; 20 — 21, 45 — 46.

¹⁸³ Внутренние войска Советской Республики. 1917 — 1922. Документы и материалы. М. 1972. С. 56, 82, 114.

¹⁸⁴ Некрасов В.Ф. На страже интересов Советского государства. История стро —

ительства войск ВФК — ОГПУ — НКВД — МВД. М. 1983. С. 20.

¹⁸⁵ Гриф секретности снят. С. 19 — 21.

¹⁸⁶ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М. 1986. С. 104.

¹⁸⁷ Гриф секретности снят. С. 44 — 57.

¹⁸⁸ Красная Армия. 1921. № 19. С. 35.

¹⁸⁹ Там же. С. 35.

¹⁹⁰ История КПСС. В 6-ти томах. М. 1967. Т. 3. Кн. 2. С. 554.

¹⁹¹ Шульгин В.В. Дни 1920. Записки. М. 1989. С. 185.

¹⁹² Там же. С. 185, 241 — 243.

¹⁹³ Львов Н.И. Белое движение. Доклад. Русская типография. Белград 1924. С. 12 — 13.

¹⁹⁴ Деникин А.И., фон Лампе А.А. Трагедия белой армии. М. 1991. С. 29.

¹⁹⁵ Там же. С. 23 — 30.

¹⁹⁶ Коллекция ГА РФ. Фон Лампе А.А. Дневник. Одесса. 27 — 28 декабря 1919 г.

¹⁹⁷ Милуков П.И. Россия на переломе. Париж. 1927. Т. 2. С. 213.

¹⁹⁸ Там же. С. 214 — 215.

¹⁹⁹ Там же. С. 240 — 241.

²⁰⁰ Там же. С. 6 — 8.

²⁰¹ Коллекция ГА РФ. Н. Астров — В. Пепеляеву. Новороссийск. 16/29 января 1920 г.

²⁰² Коллекция ГА РФ. Чайковский Н. Грехи белого движения. Рукопись конспекта статьи.

²⁰³ Раковский Г. Конец белых. Воля России. Прага. 1921. С. 3 — 6; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. — В кн.: В огненном кольце. М. 1988. С. 564 — 570.

²⁰⁴ Деникин А.И., фон Лампе А.А. Трагедия белой армии. М. 1991. С. 5 — 6, 10, 19.

²⁰⁵ Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии // Белое дело. Т. 3. М. 1992. С. 392.

Глава VII.
БОЛЬШЕВИКИ УДЕРЖИВАЮТ
ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ

А.А. Косаковский

Социально-экономическая и политическая
ситуация на рубеже 1920—1921 гг.

Подходил к концу 1920 г., а с ним и ожесточенная вооруженная борьба за власть между «белыми» и «красными», которая велась на протяжении уже трех лет. Победы Красной Армии на фронтах гражданской войны позволили установить советскую власть по существу на всей территории страны. С подавлением вооруженного сопротивления белогвардейских войск, казалось, была преодолена главная преграда на пути к «светлому социалистическому будущему». В выступлениях лидеров большевиков все чаще звучали слова о наступлении нового политического периода, когда «вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам» необходимо будет «применить методы организаторства, строительства»¹. Естественно, что большинство тех, кто поддержал большевиков в октябре 1917 г., обещавших хлеба, мира, предоставления демократических свобод, связывало переход к мирной жизни с выполнением большевиками данных три года назад обещаний.

Однако время шло, а большевики не торопились отказываться от военнo — коммунистических методов управления страной. По мере свертывания крупномасштабных военных действий на фронтах эти методы довольно быстро входили в противоречие с изменяющейся обстановкой. Выходя победителями из кровопролитной братоубийственной войны, большевики все глубже втягивали страну в экономический, социальный и политический кризис. Ленин охарактеризовал его как «самый большой... внутренний политический кризис Советской России»².

Кризис политики военного коммунизма четко обозначился к концу 1920 г. Особенно остро он отразился на положении деревни. Военно — коммунистическая политика, выражавшаяся в непрекращающемся изъятии продовольствия, разного рода повинностях, изматывала крестьянские хозяйства. Особенно страдали от продовольственной диктатуры крестьяне Центральной России. На одном из съездов Советов крестьянский делегат

говорил: «Крестьяне всегда будут работать, сыновей своих не жалеют, крови не жалеют, и сами идем, и в Германии били, и на Украине били, и Колчака били, и Деникина били, и еще будем бить. Они бежали. Мы еще их будем гнать, если они придут, но все — таки хочется того, чтобы нас зря не мучили... Труд должен быть свободный...»³.

Бескомпромиссность, жестокость продовольственной политики власти оправдывали угрозой голода в городах и необходимостью содержать огромную армию. Борьба за хлеб рассматривалась как борьба за социализм, а недовольство насильственным изъятием хлеба — как «сопротивление кулака».

Даже те крестьяне, которые безропотно отдавали свой хлеб по продразверстке, поверив, что это временная, вынужденная мера, не могли не возмущаться произволом в отношении размеров разверстки, бесхозяйственным отношением к отобранному у них урожаю. Часто крестьяне были свидетелями того, как хлеб, выращенный ими с таким трудом, а затем отобранный у них и свезенный на ближайшую станцию, оставался там гнить и растаскивался продотрядниками.

Опасаясь, что у них вообще все отберут, крестьяне стали засевать поля в размерах, необходимых только для личного потребления. Так, если в 1918 г. в Тамбовской губернии на одно хозяйство приходилось в среднем 4,3 десятины посева, то в 1920 г. — 2,8 десятины. Согласно одному из свидетельств, «крестьянство стало смотреть на свое хозяйство как на чуждое ему, как на явление, которым оно не дорожит»⁴.

Между тем после разгрома главных сил белого сопротивления на Востоке и Юге России изменение продовольственной политики стало не только возможным, но и необходимым, тем более что в деревне было всегда достаточно горючего материала для социального взрыва. В результате мировой, гражданской войн, революций массы людей оказались вне привычного для них социального бытия. Однако они успели хорошо усвоить психологию «человека с ружьем». Многие из них, пройдя фронт, вернулись домой с готовностью действовать по — своему, а если надо, то и с оружием. В лесах пряталось немало дезертиров, уклонявшихся от военных мобилизаций и готовых поддержать всякое недовольство властью.

Весной 1920 г. крестьянам, как и в предыдущие годы, пришлось пахать и сеять под дамокловым мечом предстоящей продразверстки. Надеялись на хороший урожай и на то, что власти, наконец, поймут крестьянина, перестанут грабить мужика. Однако лето в Центральной России выдалось засушливым, урожай собрали весьма скудный, в то время как разверстка оставалась чрезвычайно высокой. Перед крестьянством возникла проблема элементарного физического выживания.

К опустошению деревни, развалу крестьянских хозяйств приводила деятельность не только продотрядов, но и отрядов по борьбе с дезер —

тирством, регулярно посылаемых в деревню для поимки и наказания уклонявшихся от мобилизаций и дезертировавших из Красной Армии. Пойманных дезертиров расстреливали, заключали в концлагеря и тюрьмы, направляли в штрафные части. При этом их имущество, а также имущество семей тех, кто был заподозрен в укрывательстве или попустительстве дезертирам, конфисковывалось. Специфика же деревенской жизни позволяла довольно широко трактовать понятия «укрывательство» и «попустительство». Так что наказанию подвергались все без исключения родственники проживавшего в деревне дезертира. Часто это было несколько деревенских дворов. Из сводок о деятельности Центральной и местных комиссий по борьбе с дезертирством, регулярно направлявшихся Ленину, видно, что конфисковывали практически все, от оставленного продотрядниками продовольствия до кухонной утвари. Так, по сводке за январь 1921 г., у дезертиров и укрывателей было конфисковано: «фуража 5603 пуда и 6 повозок, мелкого скота 188 голов, жира 11 пудов 9 фунтов, соли 18 пудов 20 фунтов, кукурузы 30 пудов, пшеницы 2 мешка, мяса 35 фунтов, зерна 10 мешков, овощей 25 пудов, хлеба 10 мешка, фруктов 9 пудов 4 фунта, материи 49 аршин, 267 штук белья, 114 вещей домашней утвари, 20 повозок, 14 предметов упряжи и 14 комплектов упряжи, головных уборов 27, овчин 38, 11 пар обуви, 41 штука кож, 108 вещей носильного платья, 21 бочка меда, 3 швейных машины, 6 самоваров, сельскохозяйственных орудий 35, ремней 5, револьвера 2, штык 1, нагайка 1, винтовка 1, 19 котелков, 1 противогазная маска, 1 бинокль, 4 бомбы, 7 пулеметных лент, разных денег 568470 рублей и 1217 разных прочих вещей»⁵.

Недовольство крестьян политикой большевиков в деревне открыто проявилось на совещании председателей волостных и сельских исполкомов Московской губернии, на котором выступил Ленин. В своем заключительном слове он признал, что большинство крестьян «слишком больно чувствует... и голод, и непосильное обложение», и что именно за это «...и прямо, и косвенно большинство говоривших ругали центральную власть»⁶.

Несмотря на усиливавшийся кризис власти в деревне, решение проблемы продовольственного снабжения большевики продолжали искать в рамках политики «военного коммунизма». Итоги этих поисков были подведены на VIII съезде Советов в декабре 1920 г., продемонстрировавшем изменение акцентов в подходе к продовольственной проблеме. Если раньше ставка делалась на насильственное изъятие и распределение, то на съезде речь уже шла больше о стимулировании производства сельхозпродуктов.

Однако, вопреки всей предшествовавшей трагической практике, власти по-прежнему полагали, что продовольственную проблему можно решить силовым методом.

VIII съезд Советов оказался последним, на который были допущены представители оппозиционных социалистических партий. Некоторым

из них дали возможность выступить. Как и следовало ожидать, их отношение к большевистскому решению продовольственной проблемы было негативным. Так, меньшевик Ф.И.Дан в полемике с Лениным говорил: «Мы видим, прежде всего, что до сих пор в области продовольствия по отношению к крестьянству применялась политика чисто насильнического характера. Нам вчера приводили блестящие цифры, что мы, слава богу, за этот год выкачали гораздо больше, чем царское правительство за последний год своего существования. По этому поводу я позволю себе сказать, что продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась, ибо хотя она выкачала триста миллионов пудов, но это куплено повсеместным сокращением посевной площади, достигшей почти одной четверти прежних засевов, сокращением скотоводства, прекращением посевов технических растений, глубоким упадком сельского хозяйства и выкачиванием из деревни хлеба, в результате чего — так же, как прежде выкачиванием податей, — мы разрушили ту основу, на которой только и может существовать наше на три четверти крестьянское хозяйство. И теперь, когда этот факт обнаружился, переносить эту политику насилия из области выкачивания продуктов крестьянского труда в область крестьянского производства совершенно недопустимо. Совершенно невозможно путем насилия в области крестьянского производства заставить крестьян сеять мяту, репу и т.д. по тем рецептам, которые будут им даваться и насильственно проводиться в жизнь разными учреждениями. Мы считаем, что такой путь углубления насилия над крестьянством пагубен. Мы считаем и предупреждаем, что этот путь углубления и усиления насилия над крестьянством приведет только к тому, что поднимется непроходимая пропасть между городом и деревней, и тогда крестьянство, освобожденное от страха царя и помещика, станет опорой буржуазной контрреволюции в России. И все, кому дороги интересы революции и социализма, должны протестовать против этого насилия и требовать широкой самостоятельности для рабочего класса и помнить, что строить гораздо легче с свободно организованным крестьянским классом»⁷.

Атмосферу на съезде передает в своих воспоминаниях тогдашний советник германского посольства в Москве Густав Гильгер, приглашенный туда советским правительством в качестве гостя. «Я наблюдал это событие из первого ряда ложи, — вспоминает Гильгер, — менее чем в тридцати футах от трибуны для ораторов. С моей удобной позиции я мог также наблюдать за настроением заполнившей партер толпы. Меньшевистская партия поручила Федору Дану, одному из ее умнейших представителей и лучших ораторов, подвергнуть безжалостной критике аграрную политику большевиков. Острыми словами клеймил Дан методы большевистских правителей, которые насильно заставляли русского крестьянина отдавать всю сельскохозяйствен-

ную продукцию, не оставляя ему достаточного количества продуктов даже для поддержания его скромного жизненного уровня. Докладчик убедительно доказал, что сельскохозяйственное производство будет все больше сокращаться и что сельское население погибнет, если нынешняя политика будет продолжаться. Спасти от катастрофы, заявил он, можно только путем создания для крестьянства стимула к увеличению производства. Вместо того, чтобы заставить крестьянина отдавать всю его продукцию, правительство должно установить определенные размеры поставок, оставляя за крестьянином право свободно распоряжаться излишками»⁸.

Все выступления представителей оппозиции, в каких высказывалось несогласие или даже сомнение в экономической эффективности государственного принуждения по отношению к деревне, подверглись резкой критике со стороны Ленина. В основу продовольственной политики были, как и прежде, положены интересы города. Съезд принял решение создать губернские, уездные, волостные и сельские «посевные комитеты». Наркомзему было предписано «выработать общегосударственный план обязательного посева». На губернские комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли было возложено «установление планов засева по уездам, волостям и селениям». Было решено также «объявить государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева»⁹.

Таким образом, крестьяне по-прежнему были лишены свободы распоряжаться своей землей по их усмотрению. Они продолжали испытывать на себе произвол властей в проведении продразверстки, ставшей непосильной для все большего числа крестьянских хозяйств.

Крайне сложной продолжала оставаться ситуация в промышленности. Многие заводы и фабрики стояли. В результате резко сократилась численность рабочего класса. Если в 1913 г. число наемных рабочих в промышленности составляло 3 млн человек, то в конце 1920 г. оно не превышало 1 млн 240 тыс.¹⁰ Возникло положение, когда в условиях установления «диктатуры пролетариата» численность класса, от имени которого осуществлялась эта диктатура, а также его вес в экономике страны стремительно падали. Продолжала сокращаться производительность труда на тех предприятиях, где еще теплилась жизнь. В крупной промышленности в 1920 г. она составила 39% уровня 1913 г., а в мелкой — 57%.

Развал промышленности был вызван не только разрушительной гражданской войной, но и просчетами в организации самого производства. Бюрократическая система управления промышленностью по методам и принципам военного коммунизма приводила к тому, что даже элементарный вопрос мог быть решен только в центре.

Апофеозом этого стал «главизм». К осени 1920 г. в стране насчитывалось более полусотни главков, в их структуре находились управляемые сверху тресты. Они осуществляли управление крупными национализированными предприятиями, регулировали отношения с ненационализированной мелкой кустарной и кооперативной промышленностью, координировали деятельность смежных отраслей, обеспечивали распределение готовой продукции. Главки были, по существу, хозяйственно изолированными друг от друга вертикальными объединениями, взаимосвязь между ними зависела исключительно от Президиума ВСНХ. Такая система народного хозяйства имела своей основой распределительный принцип. У нее не было стимулов развития, ибо она не способствовала развитию местной инициативы. Она была способна, и то до известной степени, лишь координировать количественный рост продукции, но не ее качество и ассортимент. В этой системе полностью отсутствовали элементы саморегуляции, внутренние стимулы роста производительности труда. Она могла опираться только на внеэкономическое принуждение.

Жесткая централизация народного хозяйства породила особый приказной стиль руководства. М.Н.Покровский в 1924 г. отмечал, что «характерной особенностью военного коммунизма было то, что в нем экономика должна была плясать под дудку политики. Забыта была фраза тов. Ленина, написанная... в 1916 г.: «Экономике нельзя приказывать». Весной 1921 г. эта фраза и оправдалась»¹¹.

Между тем большевики, хотя и констатировали тяжелое положение в промышленности, в эйфории побед на фронтах гражданской войны оценивали ситуацию довольно оптимистично. На VIII съезде Советов А.И.Рыков говорил о серьезных положительных сдвигах в снабжении населения продовольствием, топливом, в работе транспорта. Он утверждал, что эти «три основных момента — улучшение продовольствия, топлива, железнодорожного транспорта — создали базу для того, чтобы наша промышленность, начиная с половины настоящего года, стала неуслонно развиваться, и значительная часть стоящих до сих пор фабрик и заводов стала оживать»¹².

Однако такой оптимизм не отражал реального положения дел. За статистическими выкладками докладчика, иллюстрировавшими успехи промышленности по сравнению с ее состоянием в 1919 г., не ощущалось даже слабых изменений к лучшему.

Присутствовавшие на VIII съезде Советов меньшевики настаивали на необходимости прежде всего отказаться от всеобщей национализации промышленности. Непосредственно государственное руководство хозяйством должно ограничиться, по их мнению, только основными отраслями промышленности, и только в крупных предприятиях, в остальных же отраслях должны развиваться, под регулирующим контролем государства, кооперация и частный капитал. Что касается мелкой про —

мышленности, то ее вообще не следует национализировать. Вместе с тем в значимых для общества отраслях государство должно регулировать хозяйственную деятельность, оказывать помощь мелким производителям всем необходимым, и прежде всего сырьем, получая взамен готовую продукцию.

Для восстановления промышленности предлагалось более широко использовать иностранный капитал; в то же время привлечение его должно совершаться при полной гласности и подчиняться общему плану восстановления народного хозяйства.

Признавая за государством право прибегать в случае крайней необходимости к трудовой повинности, оппоненты большевиков считали, что она допустима, только когда все другие средства исчерпаны. Однако эти предложения не были услышаны большевистскими делегатами съезда¹³.

Проблему преодоления кризиса, в каком оказалась промышленность, большевики по-прежнему намеревались решить, исходя из военно-коммунистической доктрины. Кратчайшим путем возвращения промышленности к условиям мирного времени они без особых раздумий сочли уже проторенную дорогу «военного коммунизма». В результате, несмотря на прекращение крупномасштабных боевых действий на фронтах, различие между военной и трудовой повинностью оставалось чисто номинальным. Концепция труда как повинности была по-прежнему господствующей.

Рабочим для повышения эффективности труда считали власти, вполне достаточен революционный энтузиазм — стимул, испытанный в годы гражданской войны. Однако по мере возвращения к мирной жизни власти становилось все труднее поддерживать этот энтузиазм, ибо ликвидировались вызванные войной побудительные мотивы. Они сменились усталостью и разочарованием, ибо перспектива улучшения жизни не просматривалась.

В сложившихся условиях возможность прекратить падение производства, повысить эффективность работы стала все теснее увязываться с необходимостью наладить систему принудительного труда. При этом очевидной стала несостоятельность того положения, что принуждать к труду следует только буржуазные элементы, а для сохранения усердия рабочих достаточно добровольной самодисциплины.

Теоретическое обоснование трудового принуждения было дано Н.И. — Бухариным в его «Экономике переходного периода». Он утверждал, что «всеобщая трудовая повинность в системе государственного капитализма есть закабаление рабочих масс; наоборот, в системе пролетарской диктатуры она есть не что иное, как трудовая самоорганизация масс»¹⁴.

В начале 1920 г. декретом Совнаркома были утверждены общие правила всеобщей трудовой повинности. В преамбуле декрета провозглашался принцип Конституции РСФСР и Кодекса законов о труде гово —

рилось о долге граждан выполнять «общественно — полезную работу в интересах социалистического общества», о необходимости «обеспечивать промышленность, земледелие, транспорт и другие отрасли народного хозяйства рабочей силой на основе единого хозяйственного плана»¹⁵. Любой человек мог быть призван на различные виды трудовой повинности (дорожную, топливную, строительную и др.). Для координации этой работы при Совете Труда и Обороне был создан Главный комитет по проведению трудовой повинности (Главкомтруд), а на местах — губернские, городские и сельские комитеты труда, в задачу которых входила непосредственная организация трудовой повинности. Эти комитеты стали отвечать за всеобщую трудовую мобилизацию.

Все большую роль в принудительной системе труда начинают играть образованные в 1919 г. исправительно — трудовые лагеря для нарушителей, приговоренных к этой форме наказания органами ВЧК, революционными трибуналами и даже обычными народными судами. Заключенные в таких лагерях направлялись на работу «по запросам советских учреждений». Исправительно — трудовые лагеря были созданы не только для взрослых, но и для детей и подростков.

Несмотря на то, что гражданская война подходила к концу, большевики не собирались отказываться от милитаризации труда. 22 января 1920 г. в газете «Правде» были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд». Идеи, заложенные в тезисах, были развиты на IX съезде партии. При этом милитаризация труда рассматривалась отнюдь не как временная мера. В резолюции съезда «О переходе к милиционной системе» это было аргументировано тем, что, несмотря на приближающееся окончание гражданской войны, в целом благоприятное положение Советской России на будущий период, «который может иметь длительный характер», сохраняется необходимость «во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей». Эти идеи стали глубоким убеждением многих. «Что соблазняло и влекло нас в этом угаре милитаризации? — писал М.Н.Покровский. — Две вещи, по — моему. Во — первых, к этому времени уже определенно выяснилось, что рабочая революция на Западе запаздывает, что ожидать появления социалистического хозяйства в капиталистических странах Западной Европы с сегодня на завтра не приходится... Это с одной стороны. С другой — быстрота ликвидации белых фронтов, окончание гражданской войны, сулившей бесконечные годы бойни, всего за два года, породило надежду, что дело пойдет так же быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы. Все это вместе взятое и обес —

печивало «военному коммунизму» хотя короткий, но блестящий успех»¹⁶.

Крайне тяжелым оставалось продовольственное положение горожан. В первую очередь это касалось крупных промышленных центров, и прежде всего Петрограда и Москвы.

Продукты распределялись по карточкам. Их выдавали на заводы, фабрики и учреждения, исходя из количества работавших на них. Этих продуктов едва хватало, чтобы не умереть от голода.

В то время как голод в городах усиливался, власти по — прежнему продолжали сохранять заградительные отряды, не позволявшие частным лицам ввозить в города хлеб, оправдывая это борьбой со спекуляцией и поддержанием государственной хлебной монополии. Это, в свою очередь, не могло не сказаться на стремительном росте рыночных цен. С сентября 1920 г. по февраль 1921 г. в Петрограде, например, цена фунта хлеба повысилась с 370 руб. до 1515 руб.¹⁷

Прогрессировавшее ухудшение продовольственного положения в крупнейших промышленных центрах страны власти оправдывали обстоятельствами, производными от просчетов их экономической политики. Усилившийся голод объясняли плохой работой транспорта, нехваткой топлива, снежной зимой и сильными морозами, «антисоветской» агитацией меньшевиков и эсеров — чем угодно, только бы не признать несостоятельность самой этой политики.

Между тем большевики хорошо понимали, чем грозит такое ухудшение. Чтобы хоть как — то поправить положение, создавались различные комиссии, комитеты по продовольствию и снабжению, призванные контролировать, подстегивать хозяйственных работников. В декабре 1920 г. при Совете Труда и Обороне была создана специальная комиссия по снабжению Москвы и Петрограда, она сосредоточила в своих руках контроль за снабжением и распределением продуктов и топлива в обеих российских столицах¹⁸. 31 января 1921 г. при Совете Труда и Обороне создали чрезвычайную хлебную Комиссию, которую возглавил сам Ленин. Она должна была ежедневно давать сводки об отправке и продвижении продовольственных грузов. И тем не менее положение лучше не становилось — наоборот, продолжало ухудшаться.

20 января комиссия по снабжению Москвы и Петрограда на совместном с представителями Московского Совета заседании констатировала: «подход хлебных грузов за последние две недели к Московскому и Петроградскому узлам значительно понизился. Указанный факт объясняется, главным образом, недостатком топлива на железных дорогах, снежными заносами и метелями...» Рассматривая такое положение как временное, Комиссия постановила «сократить в Москве, в Петрограде, в Иваново — Вознесенском районе и в Кронштадте выдачу хлеба населению по карточкам временно с 22 января по 1 февраля на 10 дней в размере 1/3 прежней выдачи, то есть выдавать прежнюю 2 — дневную норму в 3 дня»¹⁹.

Однако по истечении этого срока прежняя хлебная норма не была восстановлена.

Русская Вандея

Недовольство политикой большевиков в деревне переросло в открытое вооруженное сопротивление этой политике. В конце 1920 г. вооруженные восстания охватили Западную Сибирь, Тамбовскую, Воронежскую губернии, Среднее Поволжье, Дон, Кубань. Большое число крестьянских формирований действовало на Украине. Волна крестьянских восстаний нарастала. По данным штаба внутренних войск, только в одной Сибири на 1 февраля 1921 г. (без учета участников Западно-Сибирского восстания) «бандитские отряды» насчитывали свыше 6,5 тысячи штыков и 800 сабель. Всего, по подсчетам ВЧК, в феврале 1921 г. восстаниями было охвачено 118 уездов по всей России²⁰. На Кубани, где движение вспыхнуло с новой силой, в апреле — мае 1921 г. количество бойцов в отрядах «зеленых» составляло, по данным Екатеринодарской «чрезвычайки», 40 — 50 тысяч человек. Из Воронежской губернии весной 1921 г. сообщали, что в губернии нет волости, «в которой бы не было своей бандитской шайки»²¹. В связи с таким развитием событий Политбюро ЦК 8 февраля 1921 г. приняло специальное постановление, предписывавшее главкому достижение «решительных и быстрых успехов» в подавлении «бандитизма и местных восстаний»²².

В районах крестьянских восстаний вводятся чрезвычайные органы управления — уездные политкомиссии, сельские и волостные ревкомы, «тройки», «пятерки». К ним переходит вся полнота политико-административной и военной власти. В ЦК РКП(б) поступают предложения вывести эти районы из административного «аппарата Республики», рассматривать их как территории, «занятые неприятелем», и «приравнять в смысле важности и значения к внешним фронтам... периода гражданской войны»²³.

Наиболее упорным и решительным было сопротивление крестьян Тамбовской губернии. Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Хитрово и Каменка Тамбовского уезда, жители которых отказались сдавать хлеб, разоружили и частично уничтожили продотряд, огонь восстания стремительно распространился по губернии. Если в начале сентября 1920 г. численность повстанцев, по разным оценкам, составляла от 3 до 5 тысяч человек, то в январе 1921 г. она приблизилась уже к 40 тысячам бойцов, сведенных в 2 армии в составе 21 полка и отдельную бригаду. Ядром антибольшевистского восстания тамбовских крестьян стал отряд «независимого» (т.е. не состоявшего в партии) эсера А.С. Антонова.

Антоновцы создали «крестьянскую республику» на территории Кир — сановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов, изгнав оттуда коммунистов и советских работников. Государственное управление там осуществлял Союз трудового крестьянства (СТК), имевший до 300 местных комитетов. В распространенной в декабре 1920 г. программе Союза ставились такие задачи: «свержение власти коммунистов — большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора», установление политического равенства всех граждан (кроме «дома Романовых»), созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права (с изъятием для большевиков), частичная денационализация промышленности и привлечение русского и иностранного капитала к восстановлению хозяйственной жизни²⁴. В целом программа Тамбовского губернского СТК представляла документ широкого демократического содержания с заметным эсеровским влиянием, хотя ни общероссийское, ни губернское руководство ПСР (включая эсеровский губернский СТК) напрямую не были связаны с движением.

Наибольшего размаха повстанческое движение в Тамбовской губернии достигает к февралю 1921 г. Оно охватывает приграничные уезды Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний.

Ликвидация фронтов гражданской войны дала возможность большевикам подтянуть свежие силы и перейти к решительным действиям. В феврале 1921 г. войска, направленные против крестьян, насчитывали 32,5 тыс. пехоты, около 8 тыс. кавалеристов, 463 пулемета и 63 орудия²⁵. В конце февраля — начале марта 1921 г. высшим органом борьбы с «антоновщиной» становится Полномочная комиссия ВЦИК во главе с В.А. Антоновым — Овсеевко. В конце апреля того же года по инициативе Ленина, неустанно требовавшего «скорейшего и примерного подавления» восстания, «единоличным командующим войсками в Тамбовском округе, ответственным за ликвидацию банд» назначается М.Н. Тухачевский. Учитывая известность Тухачевского как «усмирителя» кронштадтцев, Ленин в записке Молотову предложил назначить его на эту должность «без огласки в центре, без публикации», с тем чтобы не будоражить общественное мнение, особенно за границей²⁶. В постановлении, принятом Политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля 1921 г., решено было не фиксировать это назначение в протоколах РВСР и «не допускать никакого вмешательства в военные действия т. Тухачевского как со стороны комиссии ВЦИК, так и других властей»²⁷.

Вместе с ним на Тамбовщину прибыли другие видные военачальники и деятели карательных органов Н.Е. Какурин, И.П. Уборевич, Г.И. Котовский, Г.Г. Ягода, В.В. Ульрих. С их прибытием методы подавления крестьянских волнений еще более ужесточились.

Приказом Полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня 1921 г. в уездах, охваченных восстанием, вводился расстрел заложников. Лица,

отказавшиеся назвать свое имя, тем же приказом подлежали расстрелу без суда. На следующий день (12 июня) Тухачевский издал приказ: «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами»²⁸. При этом командующий, уже пытавшийся использовать отравляющие вещества против кронштадтских «мятежников», требовал, чтобы «облако удушливых газов распространялось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось»²⁹. На задачу искоренения бандитизма, писал Тухачевский в специально разработанной на этот счет инструкции, «следует смотреть не как на какую — нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну. Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству»³⁰.

Установленный на Тамбовщине оккупационный режим (официальный термин) включал в себя занятие повстанческих местностей войсками, уничтожение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей (некоторые села были сожжены целиком), репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство «бандитов» и оружия. Согласно инструкции Ульриха, расстрелу подлежали все «руководители, инициаторы и вдохновители» крестьянского движения, командный состав антоновской армии, все непосредственно виновные в гибели коммунистов и совработников, «злостные дезертиры», а также «коммунисты, совработники, а равно и комсостав Красной Армии», примкнувшие к бандам Антонова³¹.

В мае 1921 г. приказом Тухачевского «бандитские дела» стали рассматриваться специально созданными следственными «комиссиями — тройками». При этом «расстрельные» категории участников крестьянского движения стали еще шире³². В губернии была создана сеть концетрационно — полевых лагерей, где содержались крестьяне — заложники, включая женщин с грудными детьми. Даже после проведенной кампании по «разгрузке» концлагерей в июле 1921 г. там все еще находилось свыше 450 детей — заложников в возрасте от 1 до 10 лет³³. Только в июне 1921 г., когда восстание уже шло на убыль, властями было «изъято» 16 тыс. «бандит — дезертиров», конфисковано до 500 крестьянских хозяйств, сожжено 250 крестьянских домов³⁴.

Все это еще более ожесточало повстанцев. В качестве ответной меры они брали в заложники семьи красноармейцев, коммунистов, советских служащих. Сами сторонники правительства безжалостно уничтожались. Всего за время восстания их было казнено свыше 2 тыс. Тамбовская ЧК потеряла за это время до 40% своего личного состава. 16 июля Тухачевский сообщил в ЦК РКП(б) о ликвидации крестьянского восстания. К этому времени у Антонова осталось 1200 человек, за время боев оставшие только убитыми потеряли 11 тыс. человек³⁵.

Кровавый след оставили после себя каратели и в Западной Сибири. В

борьбе с крестьянским повстанчеством местные власти особенно широко и «разносторонне» внедрили институт заложничества и круговой поруки (коллективной ответственности). Заложники подлежали расстрелу не только в случаях приближения повстанческих отрядов к уездным или волостным центрам или убийств коммунистов и советских работников, но и при повреждениях телеграфных и железнодорожных линий, распространении «провокационных слухов» и даже при «малейшем поповстве» на попрание прав представителей власти»³⁶. Круговая порука распространялась на целые села и деревни, если их жители участвовали в восстании или поддерживали повстанцев. Так, в феврале 1921 г. власти Ишимского уезда издали насчет таких селений приказ, разрешающий «конфискацию всего имущества вплоть до поголовного уничтожения деревень»³⁷. Подавление самого восстания, как и везде, проводилось крайне жестокими методами. Число погибших и казненных повстанцев исчислялось тысячами.

Серьезными были потери и противной стороны. Восставшие крестьяне весь свой гнев, накопленный за время осуществления на селе политики «военного коммунизма», обрушили в первую очередь на продработников и коммунистов. Уже в мае — апреле 1921 г. из строя выбыло 70 — 75% сотрудников заготовительного аппарата Тюменской губернии, Петропавловского и Кокчетавского уездов³⁸. Всего за 1921 г. продорганы губернии потеряли 1240 чел. Что касается организаций РКП на территориях, охваченных восстанием, то средняя убыль в них составляла 50%. Только одна Тюменская губернская организация недовосставших считалась 3,5 тыс. своих членов; в Курганском уезде за время восстания погибло около 500 коммунистов³⁹. Чувствительные потери понесли местные комсомольские организации, органы милиции, регулярные части РККА. Восставшими было уничтожено также несколько сот коммунаров, колхозников и членов их семей.

Репрессии против участников крестьянских вооруженных выступлений продолжались и после подавления восстаний. Как правило, власти сквозь пальцы смотрели на самовольные расстрелы, грабежи и другие насилия, учиняемые карателями над жителями очищенных от повстанцев селений.

Судебные, посредством ревтрибуналов, расправы над повстанцами проводились как в ходе подавления восстаний, так и после их окончания. Быстрота рассмотрения дел, крайняя упрощенность всей судебной процедуры позволяют заключить, что действия ревтрибуналов мало отличались от внесудебных расправ, совершавшихся на местах пленения повстанцев.

Вплоть до середины 1920-х гг. местные власти в грубом противоречии с законом широко лишали бывших крестьянских «мятежников» избирательных прав. Так, на выборах 1924 г. число «лишенцев» в местах наиболее крупных крестьянских восстаний (например, в Тамбовской

губ.) доходило до 1/3 всех граждан, достигших 18-летнего возраста (при 3,6% в среднем по стране). В 1930-е гг. оставшиеся в живых участники крестьянских восстаний были взяты на учет органами ОГПУ — НКВД и в подавляющем большинстве репрессированы. Так, из 17 тыс. жителей Омской области, подвергшихся репрессиям в 1937 г., каждому третьему органы НКВД инкриминировали участие в Западно-Сибирском восстании⁴⁰. Массовые аресты бывших участников крестьянских восстаний по всей стране в 1937 — 1938 гг. были проведены по приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Борьба деревни с коммунистическим режимом продолжалась на всем протяжении 1920-х гг., как в виде локального повстанчества (в Якутии, Западной Сибири, на Дону), так и, по официальной терминологии, в форме «политического бандитизма».

Таким образом, аграрно — крестьянская политика большевиков спровоцировала массовое оппозиционное движение деревни, масштабы которого позволяют характеризовать его как крестьянскую войну. В этой войне, шедшей под лозунгами отмены продразверстки, уравнительного трудового землепользования, восстановления демократических свобод и созыва Учредительного собрания, участвовало все крестьянство, а отнюдь не только его наиболее состоятельная часть («кулачество»). Демократическим и общеполитическим требованиям крестьянства в этом движении противоречит определение его как «бандитского». Во многих случаях неверна и оценка этого движения, шедшего под антикоммунистическими лозунгами, как антисоветского. Не удалась попытка большевиков разжечь, на этот раз в деревне, гражданскую войну путем противопоставления беднейшей ее части зажиточному крестьянству.

Крестьянская война вылилась в сотни разрозненных, не связанных между собой, различных по масштабам и степени организованности вооруженных выступлений по всей территории страны. Непосредственное участие в вооруженной борьбе приняли сотни тысяч крестьян, а опосредованное — вся российская деревня. Подавление этого невиданного по масштабам движения потребовало от большевистского режима крайнего напряжения сил всего репрессивного аппарата.

В ходе борьбы крестьянство выступило как самостоятельная политическая сила. Лозунги, под которыми оно вело эту борьбу, в той или иной степени заимствованные из идейного арсенала небольшевистских социалистических партий, в первую очередь — эсеровской, дали повод большевикам обвинить эсеров в инспирировании крестьянской войны.

Крестьянам не удалось добиться удовлетворения своих политических требований в полном объеме. Власть с помощью лавирования и демагогических обещаний, с одной стороны, и свирепой жестокости при подавлении крестьянских восстаний, с другой, сумела к 1922 г. подавить

основные очаги крестьянских выступлений. Однако оппозиционное движение крестьян (как «политический бандитизм», а в отдельных местах — и как повстанчество) в локально ограниченных масштабах продолжалось на всем протяжении 1920-х гг. Ожесточенное сопротивление крестьянства политике «военного коммунизма» заставило власть отказаться от продолжения социалистических экспериментов в деревне и отложить ее большевизацию на годы.

Предел терпения пролетариата

Недовольство рабочих тяжелым материальным положением, неспособностью властей наладить работу предприятий стало перерастать в открытый протест против экономической деятельности правительства. На собраниях и митингах, стихийно возникавших в цехах заводов и фабрик, в мастерских люди требовали прекратить сокращение продовольственных пайков и обеспечить их регулярную выдачу, снять заградительные отряды, которые продолжали отбирать продукты, купленные у крестьян или взятые горожанами у своих родственников, живших в деревне. Резкий протест против своего рабского положения и требования скорейшей демобилизации исходили от рабочих, направленных на заводы в порядке трудовой мобилизации.

Недовольство экономическим курсом правительства начало принимать с середины февраля отчетливую политическую окраску. На собраниях и митингах рабочих принимались резолюции с требованием пере выборов Советов, свободы слова, легализации политических партий, свободы торговли.

Росла неприязнь к большевикам, их авторитет в трудовых коллективах стремительно падал. Часто на митингах и собраниях партийным лидерам, пытавшимся успокоить народ, попросту не давали говорить, ставивая с трибуны. Раздавались призывы покончить с диктатурой одной партии. Лозунг «Вся власть Советам!», обрел первоначальный смысл: власть коалиции всех демократических партий

Бурлила Москва. 23 февраля на фабрике Госзнак в Хамовническом районе рабочие на митинге призвали к забастовке. Толпа рабочих, насчитывавшая до трех тысяч человек, вышла из фабрики и направилась к Хамовническим казармам с целью привлечь на свою сторону красноармейцев 2-й запасной бригады. Часть рабочих — госзнаковцев направилась на соседние предприятия с призывом присоединиться к забастовке. В первом часу дня прекратили работу фабрики Земпалатка, Гивардовского и Гюбнера. Часть рабочих разошлась по домам, остальные присоединились к демонстрантам.

Подойдя к Хамовническим казармам, рабочие попытались прорваться через ворота. Среди красноармейцев, находившихся в казармах, многие, особенно из тех, кто, несмотря на уже подошедший срок демобилизации, продолжал служить, были готовы поддержать демонстрантов. Охрана казармы получила приказ стрелять по толпе. Раздались выстрелы. Один из рабочих фабрики Госзнак Кузьменко был ранен в живот. Ночью 24 февраля он скончался. Ранение в руку получила женщина, находившаяся среди демонстрантов⁴¹.

После неудавшейся попытки прорваться на территорию Хамовнических казарм демонстранты приняли решение собраться на митинг в здании Высших женских курсов. К вечеру у здания собралось около пяти тысяч человек. Приехавшему на собрание Калинину удалось убедить собравшихся рабочих разойтись по домам.

В феврале волнениями рабочих были охвачены многие предприятия Москвы. Быстро нарастало напряжение и в Петрограде. 11 февраля 1921 г. было объявлено о закрытии до 1 марта 93-х петроградских предприятий. Среди них значились такие гиганты, как Путиловский, Сестрорецкий, Треугольник и другие.

На митингах и собраниях все чаще выдвигались политические требования, затрагивающие основы существовавшего режима. Например, 14 февраля на заводе Лесснера рабочее собрание приняло резолюцию, содержащую следующие требования: перевыборы Советов посредством тайного голосования, коалиция всех социалистических партий, восстановление свободы торговли, восстановление частной собственности, свобода труда, свобода передвижения, снятие заградительных отрядов. Аналогичные резолюции были приняты на заводе Нобеля и на других предприятиях.

В это время Подвойский, Механошин, Муралов, Кедров, Менжинский и Ягода подготовили и направили в ЦК РКП(б) записку с анализом положения в стране. В ней обращалось внимание руководства большевистской партии на растущий размах крестьянских восстаний, все более организованных и перерастающих в широкомасштабную крестьянскую войну. Что же касается пролетариата, то и он становится все менее управляемым. Даже в таких крупных промышленных центрах, как Москва и Петроград, где рабочие еще недавно были надежной опорой большевиков, партия начинает терять поддержку. Пролетарские массы этих городов, говорилось в записке, находятся «в данный момент в таком состоянии, что без осуществления со стороны партии самого действенного и революционного влияния на них они не только не способны противопоставить свою организованность выходящему из — под влияния пролетарского государства крестьянству, но и сами при дальнейшем ухудшении экономического положения неизбежно выйдут из — под влияния РКП и даже могут под влиянием антисоветских партий выступить против советской власти...»⁴²

Пролетариат, подчеркивалось в записке, перестает быть надежной опорой партии. Об этом свидетельствует нарастание забастовочного движения, появление в рядах рабочего класса синдикалистских настроений, усиление влияния оппозиционных социалистических партий.

В ослаблении влияния партии на пролетариат в определенной мере повинна, по мнению авторов записки, сама партия, так как для нее нормой стало сокрытие от масс действительного положения в стране, стремление «объявить все наши неудачи и зачастую неспособность справиться с поставленными задачами исключительно объективными условиями»⁴³.

Авторы записки, будучи людьми военными, хорошо понимали, что с разгромом войск Врангеля разговоры об окончании гражданской войны по меньшей мере преждевременны. По их мнению, на смену первому периоду гражданской войны, когда Красная Армия воевала с белогвардейцами, приходит второй этап, когда предстоит воевать уже с поставшими против большевиков крестьянами. Однако, сообщается в записке, успешно решить эту задачу армия едва ли сможет, ибо ее боеспособность падает, и она в сложившейся ситуации уже «не может быть надежным оплотом советской власти». Поэтому систему органов управления Красной Армией, которая сложилась еще в ходе первого периода гражданской войны, необходимо привести в соответствие с новой задачей, стоящей теперь перед Красной Армией⁴⁴.

В записке предлагалось немедленно организовать при ЦК РКП(б) временную военную комиссию во главе с одним из членов ЦК, которая привела бы армию «в состояние, соответствующее поставленным задачам». Указывалось на необходимость обратить особое внимание на расширение и укрепление отрядов особого назначения, удаление из них «неустойчивых элементов». Предлагалось, наконец, на каждой фабрике и каждом заводе выделить группы надежных коммунистов, на каких в случае волнений можно было бы опереться⁴⁵.

Между тем волнения в стране, вызванные недовольством политикой большевиков, разрастались. Во второй половине дня 24 февраля состоялось экстренное заседание Бюро Петроградского комитета партии. Волнения на петроградских заводах и фабриках оно квалифицировало как мятеж. На следующий день в городе было введено военное положение. Категорически воспрещалось хождение по улицам после 23 часов, проведение митингов и собраний без разрешения на то военного совета. Население предупреждалось, что виновные в неисполнении настоящего положения будут привлекаться к ответственности по всей строгости законов военного времени⁴⁶.

Вечером 27 февраля открылось расширенное заседание пленума Петроградского совета, в его работе принял участие прибывший из

Москвы председатель ВЦИК М.И. Калинин. Выступивший на заседании комиссар Балтийского флота Н.Н. Кузьмин обратил внимание собравшихся на тревожные признаки в настроении экипажей флота. Ситуация для партии становилась все более угрожающей. 28 февраля состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждалось положение в Москве и Петрограде. Было признано необходимым в первую очередь активизировать работу по подавлению политической оппозиции. В связи с этим ЦК поручалось усилить аресты среди меньшевиков и эсеров, не исключая одиночных рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью⁴⁷.

По этому поручению ЦК провела аресты круга лиц, имевших отношение к меньшевикам и эсерам. В числе арестованных в Петрограде оказался и один из руководителей меньшевистской партии Ф.И. Дан, и вышедший к тому времени из ее рядов известный историк Н.А. Рожков.

Кронштадт

Кронштадтцы, бывшие, как известно, главной опорой большевиков в октябрьские дни 1917 г., одними из первых поняли, что произошла, по существу, подмена советской власти властью партийной, а идеалы, за какие они боролись, оказались преданными. Недовольство росло. По сообщениям спецслужб, во всех морских и береговых воинских частях, в штабах, советских учреждениях, на заводах Кронштадта «были выявлены лица, замеченные в различных преступлениях контрреволюционного характера, как — то: саботаж, антисоветская агитация среди масс и прочее». На 24 февраля 1921 г. «в списке подозрительных лиц, преимущественно контрреволюционеров» значилось 2554 кронштадтца⁴⁸. Сообщения о волнениях кронштадтских матросов появились и в западной прессе. 13 февраля во французской газете «Матен» была опубликована заметка, где, в частности, сообщалось, что «ввиду последних волнений кронштадтских матросов военные большевистские власти принимают целый ряд мер, чтобы изолировать Кронштадт и не дать просочиться в Петроград красным солдатам и морякам кронштадтского гарнизона». Характерно, что впоследствии это сообщение станет единственным аргументом большевистской пропаганды, в пользу версии об активном участии французской разведки в организации выступления кронштадтцев. Слухи о волнениях в Петрограде, дошедшие в Кронштадт, были противоречивыми. Они еще больше накаляли атмосферу в крепости. Для выяснения причин и масштабов волнений в город были направлены делегации матросов и солдат.

27 февраля, вернувшись из Петрограда, делегаты доложили общим

собраниям своих команд о причинах волнений рабочих, а также моряков линкоров «Гангут» и «Полтава», стоящих в фарватере Невы. 28 февраля моряки линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» созвали собрание и приняли резолюцию, а ее текст распространили для обсуждения среди представителей кораблей и военных частей Балтийского флота. Днем 1 марта на Якорной площади Кронштадта состоялся митинг, собравший до 16 тысяч человек⁴⁹. Проведение митинга в этот день было традицией, связанной с годовщиной Февральской революции. Официально митинг значился как общее собрание 1-й и 2-й бригад линейных кораблей. Руководители Кронштадтской военно-морской базы считывали, что в ходе митинга им удастся переломить настроение матросов и солдат гарнизона. На трибуне находились председатель Кронштадтского Совета П.Д. Васильев, комиссар Н.Н. Кузьмин, а также прибывший из Петрограда председатель ВЦИК Калинин. Они пытались убедить собравшихся отказаться от своих требований. Однако это им не удалось. Участники собрания подавляющим большинством голосов поддержали резолюцию, принятую днем раньше моряками линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь». В ней говорилось:

«Заслушав доклад представителей команд, посылаемых общим собранием команды с кораблей в гор. Петроград для выяснения дел в Петрограде, ПОСТАНОВИЛИ:

1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

3. Свободу собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4. Собрать не позднее 10-го марта 1921 года беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7. Упразднить всякие ПОЛИТОТДЕЛЫ, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства на эти цели. Вместо них должны быть учреждены, с мест выбраны Культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.
10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.
11. Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и уп — равлять своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом.
12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.
13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.
14. Назначить разъездное бюро для контроля.
15. Разрешить свободное кустарное производство собственным тру — дом»⁵⁰.

Таким образом, резолюция, принятая кронштадтцами, была, в сущ — ности, призывом соблюдать права и свободы, провозглашенные в ходе революции. В ней не было призывов к свержению правительства, она была направлена только против всевластия большевиков. Все пункты были разумными, исходили из жизни.

Было решено разоружить коммунистов, не согласных с принятой ре — золуцией и угрожавших силой оружия усмирить недовольных, а также усилить охрану крепости.

Сразу после митинга состоялось заседание парткома большевиков кре — пости, на котором обсуждалась возможность вооруженной расправы со сторонниками принятой резолюции. Однако все собравшиеся пришли к выводу, что достаточного для того количества надежных частей в Крон — штадте нет⁵¹. Обсуждалось предложение арестовать «зачинщиков». Од — нако и аресты, отмечает А.И. Грибов, бывший тогда начальником Особого отдела, «проводить в тот момент не было возможности в силу полити — ческих событий, т.к. это могло вызвать бунт, да тогда и нельзя было выделить зачинщиков из общей массы»⁵².

Калинин, видя сложившуюся ситуацию, распорядился перед отъездом из Кронштадта сосредоточить оставшиеся надежные коммунистические ча — сти в наиболее важных пунктах крепости, пообещав, что сразу по приезде в Петроград он «примет все меры к сосредоточению сил на берегах у Ораниенбаума и Сестрорецка для применения репрессивных мер извне»⁵³.

Боясь ареста, некоторые ответственные партийные работники, со — трудники Особого отдела стали покидать крепость.

В час дня 2 марта в доме Просвещения (бывшее Инженерное учили — ще) собрались представители, выбранные на делегатское собрание. Это были рабочие, матросы, красноармейцы, служащие кронштадтских уч — реждений. Среди делегатов были как беспартийные, так и коммунисты.

Однако последние оказались в меньшинстве.

Собрание открыл С.М. Петриченко — писарь с линкора «Петропавловск». Делегаты избрали президиум из пяти человек. Все они оказались беспартийными. Главным на собрании стал вопрос о перевыборах в Кронштадтский Совет, тем более что полномочия старого Совета уже заканчивались. Первым слово взял комиссар Балтфлота Н.Н. Кузьмин. Возмущение собравшихся вызвало его заявление о том, что коммунисты добровольно от власти не откажутся, а попытки их разоружить приведут к тому, что «будет кровь»⁵⁴.

Это заявление было воспринято как угроза. «Когда я уже собирался уходить, — вспоминал Кузьмин, — то меня задержали под предлогом, чтобы я не вызвал вооруженных отрядов. Когда я сказал, что это арест, то бывшие на собрании коммунисты тоже поднялись и требовали ареста их тоже, как коммунистов»⁵⁵. Вместе с Кузьминым был задержан председатель Кронштадтского Совета П.Д. Васильев. Обоих под охраной препроводили на линкор «Петропавловск».

Внезапно поступило сообщение о том, будто коммунисты крепости готовятся арестовать делегатов. В связи с этим было внесено предложение срочно создать Временный Революционный Комитет для поддержания порядка в Кронштадте⁵⁶. Ввиду отсутствия времени на образование комитета, решено было исполнение обязанностей ревкома возложить на президиум и председателя делегатского собрания. Так президиум во главе с Петриченко превратился во Временный Революционный Комитет матросов, красноармейцев и рабочих города Кронштадта. Власть в Кронштадте без единого выстрела перешла в руки Ревкома.

Ревком взял на себя подготовку выборов в Совет путем тайного голосования, предоставив право участвовать в них и вести свободную агитацию всем политическим силам. Советские учреждения в городе продолжали работать.

Начало волнений в крепости сопровождалось развалом партийных ячеек. На январь 1921 г. насчитывалось 2680 членов и кандидатов в члены РКП(б). Во Временный Революционный Комитет, в Революционные тройки, в редакцию «Известий ВРК» стали поступать как индивидуальные, так и коллективные заявления о выходе из партии. Многие просили опубликовать их заявления в газете.

«Признавая, — писал 3 марта в своем заявлении командир одной из красноармейских частей Герман Канаев, — что политика Коммунистической партии завела страну в безвыходный тупик — так как партия обюрократилась, ничему не научилась, не хотела учиться и прислушиваться к голосу масс, которым она пыталась навязать свою волю, не считаю себя больше членом Р.К.П. и всецело присоединяюсь к резолюции, принятой на общегородском митинге 1-го марта, и прошу располагать моими силами и знаниями»⁵⁷.

Вследствие массового выхода из партии матросов линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» партийные организации этих кораблей прекратили свое существование. Распалась партийная организация кронштадтского крепостного Минного отряда. Очень много заявлений о выходе из партии было от рабочих промышленных предприятий города, обслуживающих флот.

Всего за время кронштадтских событий из партии выбыло 900 человек⁵⁸. Большинство из них стали коммунистами в годы гражданской войны. Однако были и такие, кто связал свою жизнь с партией большевиков еще в октябрьские дни 1917 г.

2 марта было организовано Временное бюро Кронштадтской организации РКП, куда вошли Я. Ильин, Ф. Первушин и А. Кабанов. Оставшихся в Кронштадте коммунистов они призвали к сотрудничеству с Ревкомом. «Временное бюро, — говорилось в воззвании, — призывает всех членов партии быть на своих местах и не чинить никаких препятствий мероприятиям, проводимым Временным Революционным Комитетом»⁵⁹.

Делегация кронштадтцев, отправленная в Петроград с требованиями матросов, солдат и рабочих, была арестована. Утром 3 марта было опубликовано правительственное сообщение о событиях в Кронштадте. В нем говорилось:

«Уже 13-го февраля 1921 г. в парижской газете «УТРО» («Матэн») появилась телеграмма из Гельсингфорса от 11-го февраля о том, будто в Кронштадте произошло восстание моряков против советской власти. Французская контрразведка только несколько опередила события. Через несколько дней после указанного срока действительно начались события, ожидавшиеся и несомненно подготавливавшиеся французской контрразведкой. В Кронштадте и Петрограде появились белогвардейские листки. Во время арестов задержаны заведомые шпионы. В то же время правые эсеры начали усиленную агитацию среди рабочих, пользуясь трудным продовольственным и топливным положением, 28-го февраля в Кронштадте начались волнения на корабле «Петропавловск». Была принята черносотенно-эсеровская резолюция. 1-го марта волнения на «Петропавловске» продолжаются. На общем собрании вновь была принята такая же резолюция. 2-го марта с утра уже открыто появилась на сцену группа бывшего генерала Козловского (начальник артиллерии). Бывший генерал Козловский с тремя офицерами, фамилии коих еще не установлены, открыто выступили в роли мятежников. Под их руководством были арестованы коммиссар Балтфлота т. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета т. Васильев и ряд других должностных лиц; таким образом, смысл последних объяснился вполне. За спиной эсеров и на этот раз стоял царский генерал. Ввиду всего этого Совет Труда и Оборона постановляет:

1. Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона.

2. Город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении.

Всю полноту власти в Петроградском Укрепленном Районе передать Комитету Оборона г.Петрограда».

Под документом стояли подписи Председателя Совета Труда и Оборона Ленина и Председателя Реввоенсовета Республики Троцкого.

Объявив кронштадтское движение мятежом, организованным французской разведкой и бывшим генералом Козловским, а резолюцию, принятую кронштадтцами, «черносотенно — эсеровской», большевики учли тогдашнюю психологию масс, и прежде всего рабочих. В большинстве они крайне негативно относились к попыткам восстановить монархию. Поэтому уже одно упоминание о царском генерале, да еще связанном с империалистами Антанты, должно было дискредитировать действия кронштадтцев и их программу. На А.Н. Козловского же пал выбор только потому, что он единственный в крепости бывший генерал.

Кронштадтцы стремились к открытым и гласным переговорам с властями, однако позиция последних с самого начала событий была одной: никаких переговоров, никаких компромиссов, мятежники должны быть жестоко наказаны. Парламентеры от восставших арестовывались. Предложение обменяться представителями Кронштадта и Петрограда осталось без ответа.

В печати была развернута широкая пропагандистская кампания, искажающая суть происходящих в Кронштадте событий, внедрявшая мысль, что восстание — дело рук царских генералов и черносотенцев. Звучали призывы «обезоружить кучку бандитов, засевших в Кронштадте».

Итак, по Петрограду и Петроградской губернии было объявлено осадное положение. Предписывалась усиленная охрана постов, складов и т.д. Воспрещалось хождение по улицам после 9 часов вечера, закрывались театры и другие зрелищные учреждения. Указывалось, что виновные «в неисполнении означенного приказа подлежат ответственности по законам военного положения». Приказ заканчивался словами: «В случае скопления на улицах войскам действовать оружием. При сопротивлении — расстрел на месте»⁶⁰. Эта мера была направлена скорее против возможных демонстраций питерских рабочих, чем против кронштадтских матросов.

На основании лишь предварительной информации, безо всякого следствия генерала Козловского и его сподвижников Совет Труда и Оборона объявил, как уже говорилось выше, вне закона. За этим последовали репрессивные акты в отношении их родственников. В числе заложников оказались жена и четыре сына генерала Козловского. Вместе с ними были арестованы и сосланы в Архангельскую губернию все их родственники, в том числе и дальние — всего 27 человек.

4 марта было опубликовано воззвание Комитета Обороны Петрограда «Достукались. К обманутым кронштадтцам». Это был, по — существу, ультиматум.

Власти готовились силой оружия подавить восстание. Во все части, на корабли Балтфлота был направлен приказ, предписывающий всем комиссарам находиться на местах. Запрещались всякого рода собрания в присутствии посторонних лиц. Всех замеченных в агитации против советской власти надлежало арестовывать, а при сопротивлении — применять силу. Были приняты меры по изоляции Кронштадта от внешнего мира и закрытию доступа в Петроград морьякам и красноармейцам Кронштадта. Береговая линия тщательно патрулировалась.

Опасаясь, что волнения в Кронштадте перекинутся на весь Балтийский флот, власти приняли решение отправить «ненадежных» моряков Балтийского флота на службу в другие регионы страны, подальше от Кронштадта. С начала волнений в Кронштадте до 12 марта на Черное море и в Крым было отправлено 6 эшелонов с моряками петроградских экипажей, представлявших, по мнению командования, «наиболее нежелательный элемент для Петрограда»⁶¹.

5 марта отдается приказ об оперативных мерах ликвидации восстания. Была восстановлена 7 — я армия под командованием М.Н. Тухачевского, ему предписывалось сформировать боеспособные части для штурма и в кратчайший срок подавить восстание в Кронштадте.

Между тем в Москве заканчивалась подготовка к открытию очередного X съезда РКП(б). Начать работу съезда было решено 6 марта. В Москву уже съехались делегаты, но съезд не открывался. 7 марта состоялось заседание пленума ЦК РКП(б). В постановлении пленума по вопросу «Об открытии X партсъезда» говорилось: «Открыть съезд завтра 8 марта в 12 часов утра в зале Свердлова с тем, чтобы в дневном заседании были выяснены все формальности и вопросы, а после обеденного перерыва открыть заседание докладами ПК ЦКК»⁶². Перенос начала работы съезда на 12 часов дня 8 марта был не случайностью, а вполне продуманным шагом. Дело в том, что в ночь с 7 на 8 марта был назначен штурм Кронштадта. Военные руководители были уверены, что с кронштадтцами будет покончено одним ударом и уже в первый день работы съезда делегатам можно будет доложить о взятии крепости.

К этому времени обстановка в стране была настолько серьезной, что Ленин начал искать выход из положения. В день открытия съезда он принял решение объявить о повороте в экономической политике и, в частности, о замене продразверстки продналогом.

Открытия съезда, выступления на нем Ленина ждали и кронштадтцы. Даже когда начался обстрел крепости, кронштадтцы все еще надеялись, что большевики не решатся на штурм крепости.

Руководство партии уже понимало необходимость уступок, в том числе

замены продрозверстки продналогом, разрешения торговли. Накануне съезда были подготовлены соответствующие документы с тем, чтобы вынести их на обсуждение. Но как раз это и было основным содержанием требований со стороны кронштадтцев. Казалось, возникла основа для переговоров. Однако советское правительство отвергло такую возможность, и, более того, принимая под давлением общественных сил решение об изменении внутренней политики, считало необходимым упредить этот шаг карательной акцией против тех, кто осмелился открыто выдвигать от имени народа назревшие требования. Большевики тем самым хотели показать, что у них есть свое представление о том, как должны осуществляться изменения в экономической политике. Вместе с тем они отдавали себе отчет в том, что эти изменения потребуют известных реформ в политической жизни. Расправа над кронштадтцами должна была показать границы отступления в этой области, именно то, что любые политические реформы не затронут основ властной монополии. Вот почему именно в день открытия съезда, когда Ленин должен был объявить о повороте в экономической политике, предполагалось нанести беспощадный удар по Кронштадту. Суть этой карательной акции заключалась, по мысли Ленина, в том, чтобы проучить кронштадтцев и на их примере других так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении действиям власти никто и думать не смел.

Если бы X съезд РКП(б) открылся, как и предполагалось ранее, 6 марта, то объявленный на нем в первый же день поворот в экономической политике мог бы изменить ситуацию в Кронштадте, повлиять на настраивание матросов и солдат: они ждали выступления Ленина на съезде. Тогда, возможно, не понадобился бы и штурм. Но такого хода событий не хотели в Кремле. Кронштадт стал для Ленина примером, на каком он намеревался придать особую убедительность требованиям устранить всякую внутрипартийную борьбу, обеспечить единство партии и соблюдение жесткой партийной дисциплины. Именно феномен Кронштадта лег в основу аргументации о «недопустимости» какой бы то ни было фракционности в партии и проекта резолюции «О единстве партии». Именно с этого момента РКП(б) начала свой страшный путь через массовые репрессии к партии диктатуры.

Надежды сокрушить восстание в день открытия X съезда РКП(б) не оправдались. Понесся большие потери, карательные войска отступили на исходные позиции. Одна из основных причин этой неудачи — политические настроения красноармейцев, брошенных на штурм крепости. Дело дошло до прямого их неповиновения и даже до выступлений в поддержку Кронштадта.

В полосе наступления Южной группы 561-й полк отказался подчиниться приказу штурмовать крепость. В телефонограмме заместителя начальника Особого отделения, отправленной спустя несколько часов после

начала штурма, сообщалось: «561-й полк, отойдя полторы версты на Кронштадта, дальше идти в наступление отказался. Причина неизвестна. Тов. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Комполка 561 принимает репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставить наступать»⁶³. Часть полка перешла на сторону кронштадтцев⁶⁴.

На Северном участке с большим трудом удалось заставить наступать даже отряд петроградских курсантов, считавшийся самой боеспособной частью войск Северной группы.

Волнения в воинских частях усиливались. Солдаты отказывались идти в наступление, звучали призывы «бить коммунистов». 10 марта начальник общей части Особого отдела охраны финляндской границы Николаев сообщал: «...11-я рота, а затем 21-я рота отдельного Кронштадтского полка отказались идти в наступление... Есть основания полагать, что полк взбунтуется. Меры приняты, но прошу настаивать перед высшим командованием об изъятии данного полка, замене его надежными частями. Здесь частей нет, но необходимо всеми средствами усилить численность и качество участка Южгруппы»⁶⁵.

Чтобы заставить воинские части наступать, командованию пришлось прибегнуть к угрозам, срочно создается мощный репрессивный механизм, призванный переломить настроения красноармейцев (полевые выездные сессии ревтрибунала, чрезвычайные революционные тройки, осведомители в каждой воинской части). Ненадежные части отправляются в тыл, а тех, кого посчитали зачинщиками, расстреливают. Приговоры к высшей мере наказания «за отказ от выполнения боевого задания», «за дезертирство» следовали один за другим. Их приводили в исполнение немедленно, поясняя, что так делается ввиду «особых условий, сложившихся в городе Кронштадте, и для поддержания революционного порядка»⁶⁶. Расстреливали публично. Красноармейцы, проводившие экзекуции, расписывались или ставили крестики в актах о расстреле, тем самым как бы скрепляя себя кровью с людьми, вынесенными приговор.

Подтягивались новые, считавшиеся наиболее надежными части. С 10 марта под Кронштадт начала прибывать 27-я Омская стрелковая дивизия. Однако по прибытии в 235-м Невельском, 236-м Оршанском и 237-м Минском полках 79-й бригады началось брожение. В рапорте уполномоченного информационной части 1-го Особого отделения Насонова от 14 марта 1921 г. говорилось: «Настроение прибывших частей — неблагонадежное, красноармейцы открыто все заявляют, что против Кронштадта и матросов наступать не пойдем, а если 27-я дивизия не пойдет, то не пойдет никто... Вчера команда пеших разведчиков, пулеметная команда и 5-я и 6-я рота Кронштадтского полка были разоружены за отказ идти в наступление»⁶⁷.

Начались аресты. Процедура «следствия» была упрощена: после ко —

роткого допроса обвиняемого ему сразу же выносили приговор. В тот же день 14 марта постановлением Чрезвычайной Тройки 41 красноармейца 237 — го Минского полка приговорили к расстрелу «как предателей и изменников рабоче — крестьянской революции, за невыполнение боевого приказа, и поднявших вооруженное восстание против советской власти»⁶⁸.

Затем пришла очередь Невельского полка. Механизм судебного разбирательства оставался прежним: короткий допрос и приговор. 15 марта к высшей мере наказания — расстрелу «как зачинщиков вооруженного восстания против советской власти и за неисполнение боевого приказа» было приговорено 33 красноармейца Невельского полка⁶⁹. Приговоры были приведены в исполнение немедленно. Постановления о расстрелах приказывалось прочитать всем ротам и командирам⁷⁰.

Расстрелы и аресты, проводившиеся в воинских частях, были признаны эффективными. Председатель Тройки Николаев с удовлетворением сообщал: «Операция в 79, 80 бригадах прошла удачно. Арестовано 200 человек. После ареста полки, желая искупить свою вину, кричат: «Даешь Кронштадт», в особенности 73 бригада. В 12 часов огонь по Кронштадту. Противник отвечал сильно, штаб Особого назначения в подвале, работа идет успешно. Население спокойно. Я с отрядом иду в наступление. Делаю заградительную линию на предмет трусости наступающих и их отступления»⁷¹.

Для усиления боеспособности частей приняли решение провести партийные мобилизации. В губкомы партии были посланы соответствующие телеграммы. По сведениям на 10 часов утра 16 марта 1921 г., поступившим в президиум X съезда, в Кронштадт было мобилизовано 928 коммунистов из 18 губкомов страны. Наибольшее количество, 255 человек, удалось мобилизовать Московскому губкому. Петроградский губком направил 237 человек, Новгородский — 66, Тульский — 53, Нижегородский — 46, Иваново — Вознесенский — 65, Псковский — 28, Петрозаводский — 24⁷².

Посылая делегатов X съезда на кронштадтский фронт, власти в то же время не хотели подставлять под пули «золотой фонд партии». Почти все делегаты съезда были направлены в самые «неблагонадежные» части в качестве особоуполномоченных, исключительно для усиления военно — административной и политической части Южной группы. При этом комиссарам и начальникам давалось указание «видеть в особоуполномоченном старшего товарища, который помогает им словом и делом». Красноармейские войска, которым предстояло штурмовать Кронштадт, были буквально наводнены осведомителями. В их задачу входил сбор сведений о степени надежности частей. Особенно густая осведомительная сеть опутала те части, где ранее были зафиксированы случаи проявления прокронштадтских настроений и неповиновения приказам ко —

мандования⁷³. Специальной телеграммой с грифом «Совершенно секретно» предписывалось «жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления... пленными не увлекаться»⁷⁴.

В ночь на 17 марта после интенсивного артиллерийского обстрела крепости начался новый штурм Кронштадта. Характерно, что предусматривалось применение в ходе штурма химических снарядов. Командующим 7-й армией Тухачевским был отдан приказ, в частности, говорилось: «не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами с ядовитыми снарядами»⁷⁵. Однако привести его в действие не успели.

Во второй половине дня 17 марта, когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление защитников крепости бесполезно и кроме дополнительных жертв ни к чему не приведет, по предложению штаба обороны крепости было решено отступить.

Запросили правительство Финляндии, может ли оно принять гарнизон. После получения положительного ответа начался отход на финский берег, его обеспечивали специально сформированные отряды прикрытия.

В Финляндию успело уйти около 8000 человек, в том числе почти все члены кронштадтского Ревкома и штаба обороны. Среди прибывших в Финляндию большую часть составляли матросы и красноармейцы. Много было женщин и детей.

К утру 18 марта крепость была взята. Власти не обнародовали количество погибших, пропавших без вести и раненых красноармейцев. Ворошилов, выступая с докладом о кронштадтских событиях на общеродском собрании в Екатеринбурге в конце марта 1921 г., заметил, что штурмовавшие потеряли убитыми до 1200 человек⁷⁶.

Сводных данных о потерях обнаружить в архивных документах не удалось. А цифры, опубликованные в официальных изданиях, вызывают большие сомнения, они резко расходятся с числом потерь в отдельных частях. Участники штурма Кронштадта П.Е. Дыбенко, П.П. Растопчин считали, что потери убитыми и ранеными среди отдельных частей превысили 50% личного состава.

Из делегатов съезда, участвовавших в штурме Кронштадта, было убито два человека, 23 было ранено. Погибших на кронштадтском льду было столько, что многие даже не были похоронены. С таянием льда возникла опасность заражения акватории Финского залива. Необходимо было срочно убрать оставшиеся трупы. Свое содействие в этом предложил Междunarодный Красный Крест. Однако в Москве категорически отвергли его участие, посчитав более приемлемым передать это дело финляндскому и российскому командованиям.

После взятия крепости маховик репрессий резко увеличил обороты. При этом карательные органы уже само пребывание в крепости во время восстания считали преступлением. Поэтому все матросы, красноар-

мейцы и большая часть рабочих прошли через Особый отдел. Как можно судить по составлявшим протоколам, пленных среди осужденных не было. Их расстреливали на месте. Преступлением считалось даже оказание помощи раненым кронштадтцам, которые оставались в крепости после штурма⁷⁷.

Было организовано несколько десятков открытых судебных процессов. Особенно жестоко расправлялись с моряками линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Уже сам факт нахождения на этих кораблях был достаточным для того, чтобы быть расстрелянным. Победители были особенно беспощадны к красноармейцам 560-го Кронштадтского полка и тех частей 561-го полка, которые перешли на сторону кронштадтцев во время штурма крепости 7-го марта⁷⁸.

На открытом судебном заседании Выездной Сессии Окружного Революционного военного трибунала Петроградского военного округа при Южной группе в городе Кронштадте 20 марта 1921 г. заслушано дело по обвинению 13 человек с линкора «Севастополь» в мятеже и вооруженном восстании. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Один из самых крупных открытых процессов над военными моряками восставших линкоров состоялся 1—2 апреля 1921 г. Перед Ревтрибуналом предстало 64 человека. 23 из них приговорили к расстрелу, остальным определили по 15 и 20 лет тюрьмы.

Однако открытые судебные процессы были лишь вершиной репрессивного айсберга. Судьбы тысяч людей решались на заседаниях чрезвычайных «троек», а иногда и «двоек». 20 марта 1921 г. на заседании Чрезвычайной Тройки было заслушано дело по обвинению 167 военных моряков линкора «Петропавловск» «в активном участии в Кронштадтском мятеже». Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. На следующий день по постановлению Тройки было расстреляно 32 военных моряка с «Петропавловска» и 30 моряков с «Севастополя», а 24 марта — еще 27 моряков «Петропавловска»⁷⁹.

В ходе следствия от каждого арестованного следователи требовали прежде всего назвать «сообщников». Далее проводили аресты «сообщников», от которых требовали того же самого. Таким образом, скорость вращения репрессивного маховика постоянно возрастала.

Посредством массового террора власти намеревались раз и навсегда покончить с возможностью повторения антибольшевистских выступлений в крепости. «Дальнейшие аресты продолжают и будут продолжаться до тех пор, пока я буду убежден, что Кронштадт обескровлен и обезоружен», — телеграфировал Председатель выездной сессии Реввоен трибунала в Сестрорецке С.Д. Цветков Председателю Реввоен трибунала Петроградского военного округа Я.К. Берзиню.

Подавляющее большинство представших перед судом не принимали

активного участия в обороне крепости. О том свидетельствуют формулировки состава преступления обвиняемых, содержащиеся в протоколах заседаний чрезвычайных троек.

Так, Петр Самсонов, 25 лет, из крестьян, телефонист 1 Морского Воздушного Дивизиона, беспартийный, малограмотный, был приговорен к расстрелу за то, что «его избрали делегатом на собрание, проходившее 2 марта на линкоре «Петропавловск». Арсений Петров, 40 лет, младший писарь хозяйственной части плавучих средств, по заключению следователя, активно в мятеже не участвовал, но ввиду того, что он три раза нес караульную службу с оружием, был приговорен к расстрелу. Павел Родькин, 29 лет, из крестьян, матрос Сводного отряда судовых команд, был приговорен к двум годам принудительных работ за то, что «в дни мятежа нес караул на кладбище, дорогах и проверял пропуска». Алексей Терентьев, 27 лет, из крестьян, кочегар Управления артиллерии электрической станции, «в дни мятежа работал как кочегар» — приговорен к одному году принудительных работ⁸⁰.

Особо пристрастны карательные органы были к тем, кто во время кронштадтских событий вышел из партии. Людей, чье «преступление» состояло только в сдаче партийных билетов, безоговорочно относили к разряду политических врагов и судили.

Перед следователем ставилась задача прежде всего найти в каждом коллективе инициаторов выхода из партии. Все вышедшие из партии были разделены на четыре категории. К 1-й относили комиссаров, секретарей партийных организаций, организаторов коллективов, а также «лиц, подавших злостные заявления, окрылявшие надежды мятежного ревкома и подымавшие его авторитет». Они приговаривались к высшей мере наказания — расстрелу.

Ко 2-й категории относили подавших менее злостные заявления и политически плохо развитых, молодых по возрасту и пассивно участвовавших в мятеже. Они приговаривались к пяти годам концентрационных лагерей.

Наконец, в 3 — 4-ю категории включались «подавшие заявления без всякой мотивировки, лица, заявлений которых о выходе из партии не обнаружено, но они сами сознались, что такие заявления подавали, а также те, кто подал заявление о выходе из партии, но находился под надзором у ревкомовцев». Они приговаривались к одному году общественных работ «условно или освобождались»⁸¹.

Однако в конечном счете принадлежность к той или иной категории решалась следователем. Обвиняемый мог быть приговорен к высшей мере наказания всего лишь по подозрению следователя.

В ходе проведения карательных мероприятий в первые же дни после подавления сопротивления кронштадтцев были арестованы члены Временного Бюро Кронштадтской организации РКП, созданного 2 марта. По

приговору Чрезвычайной Тройки шесть членов Временного бюро были приговорены к расстрелу, а те коммунисты, которые были только ознакомлены с текстом «Воззвания Временного Бюро» до его опубликования в «Известиях ВРК», получили по пять лет принудительных работ⁸².

Часто единственным основанием для расстрела или тюремного заключения мог служить письменный или даже устный донос.

Расправляясь с кронштадтцами, власти стремились навсегда искоренить возможность повторения антибольшевистских выступлений. Было принято решение провести фильтрацию среди военных моряков Балтийского флота, которые с начала волнений в Кронштадте были направлены на юг как неблагонадежные.

К лету 1921 г. только Президиумом Петроградской Губчека, Коллегией Особого отдела охраны финляндской границы, Чрезвычайной тройкой Кронштадтского Особого отдела и Ревтрибуналом Петроградского военного округа «за участие в кронятеже» к высшей мере наказания были приговорены 2103 человека, к различным срокам — 6459 человек. 1469 человека были освобождены, однако обвинение с них снято не было⁸³.

В поисках выхода: НЭП

В условиях острого социально — политического кризиса, мощной волны крестьянских восстаний и забастовок рабочих в городах, волнений в воинских частях, апогеем которых стало Кронштадтское восстание, партийное и советское руководство страны отдавало себе отчет в серьезности положения. Все более очевидной становилась необходимость скорректировать военно — коммунистическую политику, прежде всего в деревне. Еще в январе — феврале 1920 г. Троцкий, оказавшись на Урале и познакомившись с настроениями деревни, направил в ЦК РКП(б) записку «Основные вопросы продовольственной и земельной политики». Документ начинался с вывода о «неэффективности продовольственной политики, построенной на отобрании излишков сверх потребительской нормы». Такая политика, утверждал Троцкий, «толкает крестьянина к отработке земли лишь в размерах потребности своей семьи». Он предупреждал, что продовольственные ресурсы грозят вот — вот иссякнуть, «против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». Более того, проведение продразверстки «грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». Чтобы остановить процесс «хозяйственной деградации», следует, во — первых, заменить «изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходный натуральный налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду», и, во —

вторых, установить «большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпаемого ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам»⁸⁴. Однако Политбюро ЦК РКП(б) отклонило эти предложения.

В начале 1921 г. Ленин, наконец, решает пойти на пересмотр экономической политики большевиков в деревне. На X съезде он так обосновывает свое решение: «крестьянство формой отношений, которые у нас с ним установились, недовольно, оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Эта воля его выразилась определенно. Это воля громадной массы трудового населения. Мы с этим должны смириться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать», ибо существовавшее до сих пор положение «дольше удерживать нельзя»⁸⁵.

Решение Ленина о замене продразверстки продналогом знаменовало начало новой экономической политики. Следствием этого неминуемо должна была стать «известная свобода товарооборота, свобода для частного мелкого хозяина»⁸⁶. Для Ленина, еще за несколько месяцев до этого заявлявшего, что такой шаг может за собой повлечь оживление торговли, а следовательно, «возвращение к капитализму», это решение было отступлением, «крестьянским Брестом» на пути строительства социализма и коммунизма.

В широких партийных кругах решение о переходе к НЭПу было встречено по-разному. Немало оказалось тех, у кого это решение вызвало резкое недовольство. Для них, привыкших жить в условиях чрезвычайщины и действовать военными методами, НЭП означал возврат к старому, предательство идеалов, за какие они боролись в годы гражданской войны.

Выражением несогласия с НЭПом стал выход коммунистов из рядов РКП(б). В некоторых уездах в 1921 г. и начале 1922 г. ежемесячный процент выхода из партии достиг 10%⁸⁷.

Настаивая на введении новой экономической политики, Ленин приводил те же аргументы, что и меньшевики двумя месяцами раньше — в декабре 1920 г. на VIII съезде Советов, когда пытались убедить советское правительство в необходимости изменения его аграрной политики. Тогда в выступлении лидера меньшевиков Дана и в проекте резолюции «О мерах по поднятию сельского хозяйства», предложенной меньшевиками и отвергнутой большинством съезда во главе с Лениным, рекомендовалось строить политику в деревне таким образом, «чтобы все излишки, оставшиеся за выполнением государственных повинностей, строго определенных, крестьянство имело возможность сбывать на основе добровольного товарообмена или устанавливаемых по соглашению с ним цен»⁸⁸. В ответ на эти предложения Ленин и его сторонники с пафосом заявили: лучше мы «все умрем, но свободы

торговли не допустим!»⁸⁹ И вот теперь, спустя два месяца, по существу все, что тогда было сказано лидером меньшевиков Даном, нашло свое отражение в речи Ленина на X съезде партии. Начав с перечисления совершенных ошибок, затем перейдя к обоснованию необходимости создать «стимул» для повышения производительности крестьянского труда, вождь закончил требованием дать возможность крестьянину свободно распоряжаться той продукцией, которая останется у него после уплаты установленного налога. Налицо был классический пример политического цинизма: большевистская партия сокрушала любую оппозицию, чтобы затем воспользоваться ее аргументами для своей собственной выгоды.

Характерно, что выражение «новая экономическая политика», или «нэп» не встречается ни в докладах Ленина, ни в решениях X съезда партии. Поначалу говорили и принимали решение лишь об одном, хотя и достаточно важном вопросе экономической политики — о переходе от продовольственной разверстки, т.е. реквизиции у крестьян практически всего продовольствия, к продовольственному налогу, обязывающему их сдавать государству только определенную заранее долю продовольствия. Оставшуюся сельхозпродукцию они могли менять на изделия промышленности. Однако при этом особо подчеркивалось, что такой обмен «допускается в пределах местного хозяйственного оборота».

Такое на первый взгляд частное налоговое мероприятие, оглашенное на X съезде партии, позже трансформировалось до масштабов новой экономической политики, знаменовавшей собой поворот во всей экономике не только в деревне, но и в городе. Этот поворот был отнюдь не результатом новационных соображений вождя. Он стал вынужденной мерой, продиктованной прежде всего политическими соображениями, стремлением любой ценой спастись от гибели под ударами начинавшейся в стране новой рабоче-крестьянской революции, на этот раз уже против большевиков.

Позже, в ноябре 1922 г., на IV конгрессе Коминтерна Ленин так это констатировал: «...в 1921 году, после того, как мы преодолели важнейший этап гражданской войны... мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих»⁹⁰. Ленин вынужден был признать, что режим «военного коммунизма» был попыткой непосредственного перехода к социализму. Но «большие массы крестьянства... были против нас», — которые открыто восставали, другие уходили в банды, третьи просто ворчали, как сибирские крестьяне (делегат X съезда Пахомов цитирует такую их присказку: «Поменяли Колчака на губчека — получай придачу»). В объяснение своего решения перейти к нэпу Ленин откровенно говорил: «Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение... Если мы эту задачу про —

бовали решить прямым, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу... Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой»⁹¹. 27 марта 1921 г. сразу же после принятия решения о замене продразверстки продналогом, Ленин пишет письмо А.Д. Цюрупе: «Политически необходимо перетасовать личный состав Компрода перед началом новой кампании.

Чтобы крестьяне видели других людей.

Не старые чиновники Компрода, ненавистные крестьянству, а другие должны проводить новую политику. Это необходимо.

Обдумайте, как это сделать (перетасовать из губернии в другую) и черкните мне быстро»⁹².

В ответе Цюрюпы, направленном Ленину в тот же день говорилось: «Вслед за тем, как было принято решение о введении продналога, коллегия постановила сделать передвижку продработников... Перетасовка будет проведена основательная»⁹³.

В основу программы НЭПа легли тезисы о новой экономической политике, подготовленные 11 июня 1921 г. П.Богдановым от имени ВСНХ. Она предусматривала возрождение рынка, денежных операций, переориентировку управления промышленностью. Предполагалось отменить бесплатный труд, увеличить заработную плату, увязать рабочее снабжение с уровнем производительности труда, а не с количеством рабочих на предприятии.

В основу всей экономической политики предлагалось положить хозяйственный расчет с предоставлением предприятиям определенной самостоятельности. Наконец, подчеркивалась необходимость денационализировать мелкую и среднюю кустарную промышленность, развивать кооперацию, сдавать предприятия в аренду.

16 июня 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) тезисы ВСНХ были приняты за основу. Для их доработки была создана комиссия в следующем составе: Богданов, Рыков, Каменев и Андреев. Она должна была учесть сделанные поправки, а также «выяснить отношение к ним профсоюзов и рабочих, в особенности наилучших предприятий»⁹⁴.

Обсуждение тезисов длилось около месяца. 8 августа тезисы были вынесены на пленум ЦК РКП(б), а на следующий день был принят «Наказ СНК о проведении в жизнь начала новой экономической политики»⁹⁵.

29 октября 1921 г. в докладе о новой экономической политике на VII Московской губернской партконференции Ленин подвел первые итоги НЭПа. Он еще раз подчеркнул, что переход к НЭПу был вынужденным. «Абсолютная необходимость, — сказал он, — привела нас к этому пути»⁹⁶.

Для ленинской оценки перспектив НЭПа характерна непоследовательность, в определенной степени обусловленная различием подходов к НЭПу внутри самой партии. Так, в его брошюре «О продовольственном налоге», опубликованной в начале апреля 1921 г., Ленин охарактеризовал НЭП как

возвращение к той линии, которая была указана им в 1918 г., но от которой пришлось отказаться в связи с чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны⁹⁷. Это предполагало, что новая экономическая политика продлится сравнительно долго. На партийной конференции в мае 1921 г. Ленин, выступая перед рабочими — партийцами с разъяснением нового курса партии, заявил, что НЭП принят «всерьез и надолго»⁹⁸. И на той же конференции Ленин охарактеризовал НЭП как «поражение и отступление для нового наступления»⁹⁹.

В марте 1922 г. Ленин уже прямо заявил: «это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено». То же самое он повторил через месяц на XI съезде партии¹⁰⁰. Однако, судя по тому, что это заявление не оказало сколько — нибудь заметного влияния на политику, оно было продиктовано скорее стремлением поднять в глазах противников НЭПа пошатнувшийся моральный дух партии.

Продовольственный налог на 1921 — 1922 гг. был установлен в размере 240 миллионов пудов, что было почти в два раза меньше, чем планировалось собрать по продразверстке. При этом он составил 339% довоенного прямого налога¹⁰¹. И несмотря на это, введение продналога имело для крестьян большое значение, ибо тем самым ограничивался произвол, характерный для продразверстки.

В целях восстановления сельского хозяйства пришлось ликвидировать некоторые положения Декрета о земле. Так, крестьянам было разрешено сдавать землю в аренду, применять наемный труд. На селе стали раз — виваться различные формы кооперации, например, объединения крестьян для сбыта своей продукции, приобретения сельскохозяйственного инвентаря, получения кредитов, обработки земли и т.д.

Проведение в жизнь новой экономической политики в деревне натолкнулось на серьезные трудности, связанные с деформацией психологии крестьянина — бедняка, привыкшего за годы советской власти жить за счет перераспределения результатов крестьянского труда. Деревенская беднота не приняла нового курса советской власти. Она в массе своей выступила против отмены продразверстки и замены ее продналогом, продолжала проводить насильственные реквизиции сельхозпродуктов у зажиточных крестьян. Такое явление получило название «красный бандитизм». Его проявления имели место и раньше, до перехода к НЭПу. Тогда он, находящийся под идейным руководством местных партячек, был важным подспорьем в борьбе большевиков с их «классовыми» противниками. Но если в ту пору проявления «красного бандитизма» контролировались властью, то теперь он стал неуправляемым.

Особенно большой размах «красный бандитизм» приобрел в сибирской деревне. В Москву шли сообщения о фактах насилия над зажиточными крестьянами. Это вызвало серьезное беспокойство власти.

14 августа 1921 г. И.П. Павлуновский — уполномоченный ВЧК по

Сибири — направил заместителю Председателя ВЧК Уншлихту доклад, в каком разгул «красного бандитизма» объяснял так: насильственные действия деревенской бедноты в отношении имущих слоев деревни «есть не что иное, как стихийное изживание классовых противоречий деревни, при чем бедняцкие комъячейки и волисполкомы неизбежно превращаются в своего рода комбеды». В докладе отмечалось, что «в предыдущий период борьба бедноты с кулачеством проходила организованно и под нашим руководством, а именно, беднота входила в продотряды, с помощью комъячеек проводилась разверстка, реквизиции, конфискации и т.д.» Переход же к новой политике в сибирской деревне проходит «при наличии классовых противоречий в ней», и эти противоречия «при новых условиях изживаются в процессе классовой борьбы. Но с той разницей, что в новый период эта борьба бедноты с кулаком протекает уже вне нашего организационного влияния. И проходя в изменившейся политической обстановке, срывает нашу экономическую политику».

В разделе доклада «Материалы о красном терроре и красном бандитизме» Павлуновский приводит многочисленные факты насилия бедняцкой части деревни над зажиточными крестьянами. Вот лишь некоторые из них: «Алтайская губ., — 100 — 150 тыс. бедноты высказываются за разверстку и всеми средствами мешают проведению товарообмена. Бедняцкая часть комъячеек отбирает у крестьян хлеб, предназначенный для товарообмена и сплошь и рядом убивают зажиточных крестьян. Благодаря этому крестьяне боятся вести хлеб для товарообмена. В губернии была шайка, состоящая из бедноты, которая производила реквизиции, конфискации хлеба, скота у зажиточных крестьян. Эта организация имела нити в городе...»

В докладе сообщалось «о раскрытии организации из бедноты и комъячеек, в количестве 30 человек» в Новониколаевской губернии. Отряд «разъезжал по деревням, в массе расстреливал так называемых кулаков, имущество их конфисковывалось и распределялось между беднотой»¹⁰².

«Помимо указанных фактов, — говорилось в докладе, — как общее правило начало замечаться следующее: арестованные, освобожденные из ЧК, на местах убиваются. Арестованных редко доводят до места, по дороге, «при попытке бежать», расстреливают. Такие примеры в каждой губернии. Наиболее сильно это явление сказывается в Алтайской, Красноярской, Томской и Новониколаевской губ. Устанавливается, что проводниками красного террора на местах являются политбюро и милиция».

По мнению Павлуновского, изжить «красный бандитизм» в Сибири можно двумя путями: «усилением политической работы, главным образом в низах, в деревне, и хозяйственным путем, а именно, необходимо скорей поставить бедноту на хозяйственные рельсы, т.е. изжить классовое противоречие в деревне в процессе хозяйственного строительства по Сибири».

В заключение доклада делается вывод о том, что «Сибирь находится в первой стадии развития красного бандитизма и красного террора, по — чему ни законченных лозунгов, ни определенной программы у сибир — ской бедноты еще нет». А поэтому, если не принять незамедлительных мер, «есть все основания предполагать, что это явление усилится с проведением продналога, а также приток из годовдных губерний в Си — бирь разоренного крестьянства может усилить красный террор и крас — ный бандитизм»¹⁰³.

Таким образом, «красный бандитизм» стал логическим следствием по — литики, проводившейся большевиками на протяжении гражданской войны.

Первым шагом НЭПа в городе стал Декрет Совнаркома от 17 мая 1921 г., в котором говорилось, что правительство намерено «принять не — обходимые меры к развитию кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме» и «избегать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяй — ственный почин отдельных лиц и групп населения»¹⁰⁴.

В декабре 1921 г. был принят Декрет о денационализации мелких и части средних предприятий промышленности. Они возвращались их пре — жним владельцам, что в ортодоксальных партийных кругах было вос — принято как предательство основ марксизма. Более трети мелких и средних промышленных предприятий преимущественно пищевой промышлен — ности были сданы в аренду. Стали открываться частные лавки, магази — ны, рестораны.

В государственной промышленности проведение НЭПа сопровожда — лось сменой форм ее организации и управления. Началось упразднение главков, вместо них создавались тресты, представлявшие собой объеди — нения профильных или взаимосвязанных предприятий, которые пользо — вались полной хозяйственной и финансовой независимостью. Пред — приятия, входящие в тресты, могли сами решать, что производить и где реализовывать свою продукцию. Тресты лишались государственного снабжения и переходили к закупкам ресурсов на рынке. ВСНХ уже не мог вмешиваться в их текущую деятельность. В результате аппарат ВСНХ был значительно сокращен.

Началось привлечение иностранного капитала. Некоторые предпри — ятия были сданы в концессию иностранцам.

Замена продразверстки продналогом не смогла предотвратить страш — ного голода, охватившего губернии Поволжья. Всю вину за этот голод большевики поспешили возложить на засуху, в течение двух лет пора — жавшую Поволжье.

Голод, охвативший Поволжье весной 1921 г., был намного страшнее того, какой те же губернии пережили в 1891 г. Тогда голодало почти 965 тысяч человек. В 1921 г. счет велся уже на миллионы. «Правильный расчет крестьянина этих местностей, — отмечал Бонч — Бруевич, —

подверженных столь ужасным засухам, — иметь хлеб на корм и засев не менее как на два, а то и на три года, нарушен беспощадным нашим временем»¹⁰⁵. Однако в результате реквизиций у крестьян не осталось никаких запасов «на черный день». И этот день наступил. На IX Всероссийском съезде Советов 24 декабря 1921 г. Калинин сказал, что голодающими «официально признано у нас в настоящий момент 22 миллиона человек. Несомненно, близкими к голодающим еще являются не менее 3—х миллионов, а я лично думаю около 5 милл. человек. Значит бедствие охватило не меньше, как 27—28 милл. человек»¹⁰⁶.

В голодающих губерниях дело часто доходило до людоедства. «Ели, — пишет М. Осоргин, — преимущественно родных, в порядке умира — ния, кормя детей постарше, но не жалея грудных младенцев, жизни еще не знавших, хотя в них проку было мало. Ели по отдельности, не за общим столом, и разговоров об этом не было»¹⁰⁷.

Похожее происходило и в других регионах. Так, в апреле 1922 г. руководство Башкирии было вынуждено принять специальное постановление «О людоедстве», направленное «на борьбу с трупоедством и людоедством, а также на пресечение торговли человеческим мясом»¹⁰⁸.

В конце 1921 г. было объявлено, что из 38 млн десятин земли, засеянных в европейской части страны, на 14 млн десятин урожай был полностью уничтожен¹⁰⁹. По данным Центрального статистического управления, от голода 1921—1922 гг. в стране умерло 5053000 человек¹¹⁰. Спасаясь от голодной смерти, тысячи людей двинулись на Украину и в Сибирь. Голод стал трагическим, но закономерным итогом политики большевиков в деревне.

Собранный в 1922 г. урожай был намного больше, чем за все годы после революции. Впервые за четыре года крестьянину были не только оставлены излишки продукции, которые ему разрешили продать, но и созданы для их продажи исключительно благоприятные условия.

С утверждением новой экономической политики все большие опасения у определенной части коммунистов вызывала наступающая капитализация деревни. В декабре 1921 г. Преображенский, выступая на партийной конференции, обратил внимание присутствующих на опасность роста кулацко — фермерских хозяйств¹¹¹.

Другой опасностью, на какой фокусировали внимание противники дальнейшего расширения НЭПа, было стремительное, по их мнению, увеличение разрыва в положении крестьян в деревне и промышленных рабочих в городах. Все чаще слышались жалобы на то, что проведение НЭПа в деревне осуществляется за счет промышленных рабочих, так что последние «принесены в жертву» крестьянам. Шляпников на XI съезде партии в марте 1922 г. прямо заявил, что все происходящее в деревне «делается за счет рабочих».

Между тем переход к новой экономической политике позволил не только

начать восстановление аграрного сектора и промышленного производства. Была также в значительной степени ослаблена острота социально — политических противоречий, порожденных военным коммунизмом, и предотвращен был новый виток полномасштабной гражданской войны, на этот раз между бывшими союзниками в борьбе против буржуазии и помещиков.

Большевистская концепция социализма при всем том оставалась неизменной. С переходом к НЭПу не было и речи о пересмотре Программы РКП(б), трактующей социализм как бесклассовое, бестоварное общество с одной (общегосударственной) формой собственности при диктатуре пролетариата и руководящей роли партии.

Отлаживание механизма репрессивной политики

В условиях мощного нарастания крестьянских восстаний, рабочих забастовок, волнений в армии и на флоте партия усилила внимание к деятельности карательных органов. Превращение партии в институт власти повлекло изменение ее взаимоотношений с ними.

Партия начинает работу по их перестройке и выделению приоритетных направлений их деятельности. В январе 1921 г. в ВЧК создается секретно — оперативное управление с отделами для контрразведывательной работы в армии, борьбы с небольшевистскими партиями, духовенством. Это управление имело сеть секретных агентов и занималось сбором информации. Созданному в январе 1921 г. Экономическому управлению ВЧК поручается развернуть работу по контролю за новыми хозяйственными отношениями. В ВЧК была создана следственная часть, широкая осведомительная сеть. Чекистам был поручен контроль за шифровальным делом в стране. Работа чекистов рассматривалась теперь «как выполнение боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте»¹¹². Численность только центрального аппарата ВЧК с января по сентябрь 1921 г. возросла с 1643 до 2645 человек, или в 1,6 раза¹¹³.

Таким образом, ВЧК продолжала оставаться военизированной организацией, всецело подчиненной руководству партии и выполняющей ее приказы.

4 июня 1921 г. по поручению Ленина Уншлихт представил план работы ЧК на вторую половину 1921 г. и начало 1922 г. План, в частности, предусматривал «массовые операции» по окончательному развалу партий эсеров и меньшевиков, высылку последних «в глухие места из промышленных центров», «изъятие группы» Вольского, Штейнберга, эсеров — максималистов, разоружение крестьян, регистрацию бывших помещиков, полицейских и офицеров¹¹⁴.

В июне 1921 г. начальник секретного отдела ВЧК Самсонов писал местным чекистам, что хотя на внешнем фронте Совреспублика и достигла как бы устойчивого положения, однако ЧК из-за ее слабой бдительности полностью не ликвидировала нелегальные политические партии¹¹⁵. О необходимости спешного укрепления местных органов ВЧК и других карательных учреждений Республики говорилось в обращениях ЦК к местным партийным организациям¹¹⁶.

Осенью 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение по реорганизации ВЧК. Во многом оно было вызвано тем, что ВЧК, несмотря на тотальный террор, оказалась не в состоянии надежно защищать власть. Чекисты не смогли предотвратить Кронштадт, массовые крестьянские выступления против большевистского режима. К тому же после введения НЭПа стало ясно, что многие чекисты не принимают этой политики и связанных с ней изменений. Эти люди мешали, и с ними надо было расставаться. Да и сама аббревиатура ассоциировалась в сознании большинства людей исключительно с беззаконием и ужасами чрезвычайца.

Для реформирования ВЧК была создана комиссия, в которую вошли Дзержинский, Каменев и Курский. Перед комиссией были поставлены следующие задачи: ограничить право ВЧК на аресты, усилить суды, подумать об изменении названия. Мнения членов комиссии разошлись. Каменев считал, что за ВЧК должны быть сохранены обязанности бороться с политическими преступлениями, саботажем, бандитизмом, охранять железные дороги и ценные склады. Он настаивал на том, чтобы ВЧК была лишена права внесудебных расправ. Курский требовал, чтобы над действиями ВЧК был установлен надзор Наркомюста. Дзержинский решительно возражал против предложений Каменева и Курского. По его мнению, за ВЧК должны были остаться все прежние функции, в том числе и внесудебные. В то же время он не возражал против того, чтобы эти функции были максимально ограничены. Надзор Наркомюста, по мнению Дзержинского, может быть установлен лишь над следственными делами, передаваемыми в ревтрибуналы. В конце концов победила точка зрения Каменева.

28 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов было принято постановление пересмотреть положение о ВЧК. 18 января 1922 г. Уншлицх направил Ленину проект коллегии ВЧК, в котором без изменения оставалось название, сохранялись карательные функции, ВЧК по-прежнему подчинялось Совнаркому. Таким образом, чекисты не были настроены на реорганизацию.

28 января 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) Ленин предложил проект реорганизации ВЧК, который, по существу, был компромиссом с чекистами. В соответствии с этим проектом ВЧК упразднялась. Все дела о преступлениях против советского строя передавались в рев-

трибуналы и суды. В составе НКВД создавалось Государственное политическое управление (ГПУ). На него возлагалась борьба со шпионажем и бандитизмом, охрана железных дорог и водных путей, охрана границ. ГПУ сохраняло кадры, получало право обысков и арестов, доступа к тайной информации, право иметь свои войска. Вся его работа должна была сосредоточиться «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях»¹¹⁷. При этом Ленин особо подчеркивал, что, несмотря на не — которое сокращение функций, у чекистов не должно быть оснований для беспокойств: «Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу репрессий... Малейшее усление бандитизма и т.п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте»¹¹⁸. 6 февраля по решению ЦК РКП(б) ВЦИК переименовал ВЧК в ГПУ.

Едва закончилось реформирование ВЧК и превращение его в ГПУ, как началось расширение его функций. 6 февраля декретом ВЦИК на ГПУ была возложена «политическая охрана границ РСФСР»¹¹⁹. В марте при отделе военной цензуры ГПУ было учреждено отделение цензуры зрелищ, ему были подведомственны театральные, концертные, цирковые и киноматографические постановки и художественные, фотографические и иные выставки, как государственные, так и частные.

Отныне в обязанности чекистов вменялось цензурирование всей издаваемой в стране печатной продукции. Без их визы ни одно печатное издание не могло выйти в свет. Кроме того, ГПУ получило право контролировать всю почтовую, телеграфную и радиокорреспонденцию как внутри страны, так и отправляемую за рубеж (кроме дипломатической), а также перлюстрировать письма.

Постепенно возобновляется наделение ГПУ внесудебными полномочиями. 1 августа 1922 г. ВЦИК, выполняя решение Политбюро ЦК РКП(б), предоставил НКВД право административной ссылки. При наркомате была создана специальная комиссия, которая по представлению чекистов рассматривала дела о высылке. 16 октября 1922 г. было получено право принимать те же репрессивные меры в отношении бывших членов антисоветских партий и к рецидивистам.

3 мая 1921 г. секретариат ЦК принял решение, по какому члены РКП(б) могли быть преданы суду только с санкции местных партийных комитетов. Однако Наркомюст опротестовал это решение. В результате судить коммунистов стали на общих основаниях, но при этом следственные учреждения были «обязаны изменить меру пресечения в отношении членов РКП и освобождать от арестов с заменой его поручительством в случае представления поручительства не менее трех членов РКП». Что же касается секретарей губкомов и обкомов, то их можно было привлекать к суду только с согласия ЦК¹²⁰.

Таким образом, карательные органы стали у партии основным инструментом удержания власти и борьбы со всяким инакомыслием.

В то же время переход к новой экономической политике, сопровождавшийся либерализацией экономики, вызвал надежды на демократизацию общественной жизни. Об этом заговорили не только идейные противники большевиков, но и сами большевики.

В апреле — мае 1921 г. в ЦК с предложением о демократизации режима обратился известный партийный публицист, работник Агитпропа ЦК и одновременно референт ВЧК И. Вардин (Мгеладзе). Он предложил в условиях либерализации экономики допустить некоторую либерализацию политики, разрешив меньшевикам, эсерам, анархистам вести политическую деятельность. При этом он имел в виду, что, «легализуя, возжи, понятно, мы должны держать натянутыми». Вардин предлагал предупредить идейных врагов: «Господа, в пределах наших законов вы свободны. За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу»¹²¹.

В начале мая 1921 г. Г. Мясников направил в ЦК РКП(б) докладную записку с предложением осуществить в стране глубокие демократические преобразования. «После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, — писал Мясников, — мы должны как после подавления Колчака, отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно. Этой мерой мы закрепим за нами влияние в массах города и деревни, а равно и во всемирном масштабе»¹²².

Однако такие предложения встретили со стороны Ленина решительный отпор. «Автор неправ, — написал Ленин по поводу записки Вардина. — Он формалистичен..., предложение автора не годится. Он не вник в дело как следует»¹²³. Отвергая предложение Мгеладзе, Ленин подчеркнул, что «буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас во много раз. Дать ей такое оружие, как свободу политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем»¹²⁴.

Одной из первостепенных задач, поставленных партией перед карательными органами, было окончательное удушение остатков всякой политической оппозиции. Чекисты действовали в соответствии с директивами Политбюро ЦК РКП, но нередко и по своей инициативе. Политбюро разрабатывало сценарии будущих судебных процессов, координировало деятельность пропагандистского аппарата по дискредитации социалистов и анархистов в глазах общественности, определяло меры наказания, места заключения и даже условия содержания арестованных.

С начала 1921 г. в организации и проведении репрессий против социалистов и анархистов были задействованы 6 из 10 центральных подразделений ВЧК. В одном из основных подразделений — Секретно-оперативном управлении был создан специальный отдел. Он состоял из отделений, на каждое из которых возлагалась борьба с определенной группой социалистических партий или анархистских организаций. Так, за 1-м отделением были закреплены анархисты, за 2-м — социал-демократы, за 3-м — социалисты-революционеры и т.д.¹²⁵

В феврале 1921 г. в ответ на критику социалистами политики большевиков, вызвавшей острый кризис в стране, Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление об «усилении арестов меньшевиков и эсеров»¹²⁶. Кронштадтское восстание было для большевиков хорошим поводом обвинить социалистические партии в его подготовке. По всей стране были начаты массовые «ликвидации» их организаций¹²⁷.

В июне 1921 г. вышел декрет ВЦИК, который давал ЧК право лишать социалистов свободы сроком до 2-х лет без передачи дела в суд только за принадлежность обвиняемого к той или иной социалистической партии.

Последовательно и методично уничтожались остатки партии социалистов-революционеров. Находясь в «идейной оппозиции», они решительно отвергали экстремистские действия в борьбе с большевистской властью. Вместо этого они призывали к организации беспартийного Союза трудового крестьянства, к развертыванию среди крестьян кампании по составлению «приговоров» с требованием референдума по вопросам о доверии большевистскому правительству, к активной работе в разрешенных большевиками общественных организациях. При этом особо подчеркивалась недопустимость каких-либо даже временных коалиций с буржуазией, призывов к вооруженной борьбе или интервенции для свержения власти большевиков.

С переходом к НЭПу эсеры заговорили об агрессивном характере новой экономической политики по отношению к рабочему классу, а по отношению к деревне называли эту политику «стольпинской». В сложившихся условиях эсеровская альтернатива развития страны предусматривала демократизацию не только экономического, но и политического строя, что не могло не стать привлекательным для широких масс¹²⁸.

В связи с этим большевики приняли все меры для того, чтобы дискредитировать идеи и политику социал-революционеров и физически устранить их с политической арены. Эсеров голословно обвиняли не только в организации различных антисоветских заговоров, мятежей, террористических актов, но даже в бандитизме и уголовщине.

8 июня 1922 г. в Москве начался сфальсифицированный процесс над 34 видными эсерами, обвиненными в контрреволюционной террористической деятельности. Из представших перед Верховным трибуналом ВЦИК 12 человек, в том числе такие видные деятели партии,

как А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, М.А. Лихач, П.Н. Иванов и другие были приговорены к расстрелу, остальные к тюремному заключению на срок от 2 до 10 лет. Однако для 10 человек Президиум ВЦИК отменил исполнение приговора. При этом он оговорил, что исполнение последует, если социал-революционеры будут использовать вооруженные методы борьбы против советской власти. «Помилованные» таким образом стали политическими заложниками.

Была предпрещена участь меньшевиков. Несмотря на то, что они еще в конце 1918 — начале 1919 г. объявили себя лояльными советской власти, тактика РКП(б) в отношении меньшевиков была направлена на их полное уничтожение. Большевики опасались растущей их популярности. Во многих городах (в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове и др.) стали возникать молодежные социал-демократические кружки. Часто в таких кружках преобладали рабочие. Власть настаивало на том, что эти кружки создавались действительно «снизу». Они не имели организационной связи с РСДРП и были образованы вопреки резолюции партии меньшевиков, запрещавшей создание собственных молодежных организаций.

Удары по меньшевикам следовали один за другим. 28 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсудило вопрос о якобы готовящемся контрреволюционном перевороте и постановило «поручить ЦК усилить аресты»¹²⁹. В декабре Политбюро ЦК приняло специальное постановление «О меньшевиках». Там, в частности, говорилось: «К политической деятельности их не допускать, обратив особое внимание на искоренение их влияния в промышленных центрах. Самых активных высылать в административном порядке в не proletарские центры, лишив их права занимать выборные должности, вообще должности, связанные с общением с широкими массами»¹³⁰. В январе 1922 г. Политбюро запретило внешнеполитическому ведомству и его заграничным миссиям принимать на службу как высланных меньшевиков, так и лиц, «как бы то ни было с ними связанных»¹³¹.

Поводом для очередного антисоциалистического похода стало незначительное, на первый взгляд, событие — полемика между студентом — меньшевиком Л.М. Гурвичем и Троцким на конференции молодежи по проблемам НЭПа, состоявшейся в начале 1922 г. В этой полемике Ленин увидел опасность усиления влияния меньшевизма в молодежной среде. «Я не сомневаюсь, — писал он Троцкому, — что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора, и репрессий против них. Я говорил об этом с Уншлихтом... было бы может быть чрезвычайно полезно, если бы Вы пошли в открытый бой в печати, назвали этого меньшевика, разъяснили злостный белогвардейский характер его выступления и обратились с внушительным призывом к партии подтянуться»¹³².

Большевики продолжали считать опасными даже тех социалистов, которые уже находились в заключении. 2 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), специально рассмотрев вопрос о заключенных меньшевиках, постановило перевести «наиболее активных и крупных представителей антисоветских партий» в «специальные места заключения», предписав «продолжать держать в заключении» меньшевиков, эсеров и анархистов¹³³.

В сентябре 1922 г. Секретный отдел ОГПУ потребовал от губернских отделов провести новые аресты среди членов РСДРП. «Обыски, — говорилось в направленной на места секретной директиве, — произвести у всех активных, так и неактивных, а также у сочувствующих Арестованным предъявлять обвинения в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске»¹³⁴.

22 марта 1923 г. на совещании в ГПУ, проводившемся по распоряжению Дзержинского, тройкой в составе Менжинского, Мессинга и Самсонова, были обсуждены меры борьбы с меньшевиками по партийной линии и по линии ГПУ.

По партийной линии было признано необходимым:

«1) Особую кампанию против меньшевиков в печати конкретно проводить там, где отмечена активная деятельность меньшевиков (заводы, фабрики, мастерские и т.д.) а в частности на ДВ, Питере и Москве.

2) В губкомах выделить особых товарищей газетных работников, коим поручить вести в печати кампанию против меньшевиков.

3) Особое внимание по борьбе с влиянием меньшевиков парт. органам обратить на Комсомол.

В качестве мер борьбы по линии ГПУ предусматривалось:

«1) Получить санкцию ЦК РКП(б) на право производства в государственном масштабе массовых операций по меньшевикам, Бунду и Поалай — Цион.

2) Как правило, местом ссылки для меньшевиков должны быть для взрослых — Нарымский край, для молодежи до 25 лет — Печорский край и для особенно больных — Туркестан на Кашгарской границе.

3) Изъятие меньшевиков из учреждений и предприятий согласовать с главами таковых.

4) Признать необходимым изгнание меньшевиков из всех видов кооперации в частности.

5) Признать необходимым, что при производстве дознания по меньшевикам отказ последних от активной работы или выход из партии в расчет приниматься не может, если о выходе из партии не было официально заявлено до октября 1922 г.

6) Признать необходимым организацию фильтровочных комиссий при ВУЗах с представительством ГПУ для студенчества, причем функцию —

нирывать комиссии должны только при наборе студентов в начале учебного года.

7) До конца же текущего учебного года активных меньшевиков — студентов изымать.

8) Чрезвычайно строгое изъятие меньшевиков произвести в НКПоч — теле, НКПС, Наркомвнешторге, НКВД, ВЦСПС и Профинтерне в целях пресечения связи меньшевиков с границей и местами.

9) Усилить работу ИНО ГПУ за границей в направлении пресечения связи меньшевиков с Россией. То же проделать Коминтерну и Профинтерну.

10) Об усилении борьбы с меньшевиками ЦК РКП(б), ВЦСПС и ГПУ дать указание местам.

11) Втянуть партии товарищей для дачи органам ГПУ посильной информации и оказания содействия по борьбе с меньшевиками.

12) За всякое содействие коммунистами меньшевикам и ручательство за них первых привлекать к судебной парт. ответственности¹³⁵.

Предложенные тройкой меры по борьбе с меньшевиками были обсуждены на совещании, проведенном в ГПУ на следующий день. В совещании, кроме Менжинского, Мессинга и Самсонова, приняли участие Уншлихт, Трисслер и Ягода. Меры борьбы с меньшевиками, предложенные тройкой, были приняты со следующими дополнениями:

«а) развить усиленную кампанию в печати против II Интернационала,

б) для борьбы в печати с меньшевиками, Бундом и Поалей — Цион просить ЦК РКП(б) выработать специальные тезисы и преподать их местам для руководства,

в) обратить серьезное внимание парторганизаций на состояние марксистских кружков и недопущение в них в качестве лекторов быв. меньшевиков.

2. 1 пункт решений тройки редактировать таким образом: «получить санкцию ЦК РКП(б) на право производства в государственном масштабе одновременных обысков и по их результатам изъятия меньшевиков, Бунда и Поалей — Цион.

3. Представление списков на меньшевиков в Главки и центры признано неприемлемым, так как опыт показал, что это дает только отрицательные результаты.

4. Просить ЦК РКП(б) о том, чтобы Главкам и центрам было сделано указание о том, что все требования ГПУ о персональном изъятии меньшевиков для них должны быть обязательными¹³⁶.

Предложения ГПУ о борьбе с меньшевиками были обсуждены 29 марта 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б). С докладом по этому вопросу выступил Дзержинский. В принятом постановлении говорилось:

«а) Одобрить в основе предложения т. Дзержинского о мерах борьбы с меньшевиками.

б) Для окончательной разработки этих мер и наблюдением за их проведением в жизнь создать комиссию в составе тт. Молотова (с правом замены тов. Куйбышевым), Бухарина и Уншлихта.

в) Поручить этой комиссии организовать узкое собрание (70 — 100 человек) наиболее ответственных работников с информацией о деятельности меньшевиков.

г) Поручить этой комиссии обсудить возможность постановки широкого процесса, специально на основании материалов группы «Заря».

д) Той же комиссии поручить обсудить и провести в жизнь партийную ответственность руководителей советских учреждений в тех случаях, если в их аппаратах находят себе место с их ведома хотя бы отдельные меньшевики»¹³⁷.

Был нанесен удар и по анархистам. 16 апреля 1921 г. Политбюро утвердило письмо ЦК РКП(б) губкомам. Обвиняя анархистов в причастности к лозунгам Кронштадта, в «разжигании недовольства» в рабочей и крестьянской среде, в попытках «разложения» армии, ЦК призвал к более решительной борьбе с ними. «РКП, проводящая диктатуру пролетариата, — подчеркивалось в письме, — ни в коем случае не может делать исключения для тех групп, которые под флагом анархизма прикрывают самые контрреволюционные тенденции движения. Поэтому ЦК РКП одобряет линию органов советской власти, которые в ответ на контрреволюционную деятельность анархистских групп вынуждены прибегнуть к значительному ограничению свободы деятельности этих групп»¹³⁸.

Ответом на призыв партии стала волна массовых репрессий в отношении недавних союзников большевиков. В результате прекратили свое существование «Российская конференция анархистов — синдикалистов» и «Московский рабочий союз анархистов».

Опыт борьбы с анархистами в 1921 г. лег в основу циркулярного письма ОГПУ (июль 1922 г.). Русский анархизм, названный «идеологией люмпен — пролетариата» и «не имевший ничего общего с борьбой рабочих за социализм», признавался повинным в намерении установить «беспощадную диктатуру кулачества над пролетариатом и беднейшим крестьянством» и в организации «заговорщических шаяк». Предлагая местным органам ГПУ по — прежнему вести беспощадную борьбу с анархистами, циркуляр, вместе с тем, констатировал, что одних арестов недостаточно, и только «внутреннее осведомление может действительно парализовать работу анархистов». В тюрьмах северных губерний, называемых концентрационными лагерями, так же, как и в тюрьмах других губерний и города Москвы, писал в ЦК РКП(б) в феврале 1923 г. видный анархист А.А. Карелин, «заключены по распоряжению бывшей ЧК и ГПУ десятки анархистов — коммунистов и анархистов. Часть анархистов сослана в дальние города. Так как заключенные в тюрьмах и административно

высланные анархисты ни в чем по своим убеждениям и образу действий не отличаются от анархистов Западной Европы, которые не преследуются даже буржуазными правительствами, так как никто из них не думал и не думает о захвате правительственной власти, так как все они сосланы или заключены в тюрьмах административным порядком, то я... точно зная, что в их рядах на севере свирепствует чахотка, зная о тех страданиях и лишениях, которыми они подвергаются, ходатайствую перед ЦК РКП(б) об освобождении всех названных заключенных»¹³⁹. Однако обращение Карелина осталось без ответа.

В августе 1921 г. был закрыт журнал анархистов — кропоткинцев «Почин». В ноябре в Москве были арестованы анархисты — универсалисты¹⁴⁰.

Чекистам ясна была юридическая несостоятельность обвинений, какие они выдвигали против арестованных. Поэтому они избегали передачи дел в суд (исключение делалось лишь в случаях хранения и распространения социалистической литературы) и предпочитали действовать методами внесудебной расправы. «Мы живем в эпоху, когда классовая борьба буржуазии и преступного мира против нас не приняла еще таких форм, когда всякое преступление мы можем карать только путем судебного воздействия, или когда всякое преступление настолько дает возможность точно себя определить, что мы безбоязненно можем отдать его на гласное рассмотрение с уверенностью, что преступник будет наказан», — писал Дзержинский в циркуляре от 1 мая 1920 г. Поэтому, говорилось в циркуляре, «закон дает ЧК возможность административным порядком изолировать тех нарушителей трудового порядка, паразитов и лиц, подозрительных по контрреволюции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно, и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдает»¹⁴¹.

В январе 1922 г. Уншлихт в письме Ленину, высказывая свое мнение о проектах реорганизации ВЧК отмечал: «Есть целый ряд дел, по которым в трибуналах из — за отсутствия фактического материала будут вынесены оправдательные приговоры, в то время как у нас имеется агентурный материал вполне достаточный для строгого приговора вплоть до высшей меры наказания. По отношению к деятелям антисоветских партий при известной обстановке на территории всей республики или в отдельных частях необходимо применять те или другие репрессии, не имея против них конкретных материалов. Все это выполнимо лишь в административном порядке»¹⁴².

То, чем руководствовались чекисты, производя аресты, видно из оставленных ими записей в списках арестованных напротив их фамилий: «Человек пожилой, взять, чтобы заставить уйти из партии». Или: «Он — единственная поддержка семьи, к которой очень привязан. Надо арестовать, отделить, сломать и завербовать»¹⁴³.

С 1923 г. ОГПУ уже на единицы вело счет членов партий социалис —

тических партий и анархистов, находившихся еще на свободе¹⁴⁴. К середине 1920-х гг. в тюрьме и концлагерях их содержалось более полторы тысячи¹⁴⁵. Большевики сделали безраздельными монополистами политической власти.

Курс большевиков на подавление в обществе всякого инакомыслия опередил отношение режима к интеллигенции. Ленин достаточно откровенно выразил его, когда в 1921 г. позировал Ю.П. Анненкову. Однажды, вспоминая художник, вождь мирового пролетариата произнес: «Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к рождению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего»¹⁴⁶.

Оставшаяся на Родине российская интеллигенция тяжело переживала жестокость, хаос и разорение. Известнейшим ученым и профессорам едва хватало средств, чтобы не умереть от голода. Многие вынуждены были продавать на толкучках свои вещи, книги. Созданная комиссия по улучшению быта ученых не могла решить проблему их обеспечения. Приходилось искать дополнительные приработки.

Угнетающе действовало стремительное падение уровня высшего образования. Академик П.П. Лазарев был подавлен, когда один из будущих студентов в ответ на предложение написать на доске два в квадрате нарисовал квадрат, а внутри его написал цифру два. В Московском высшем техническом училище из программы был изъят курс по сопротивлению материалов, чтобы пролетарским студентам не забивать голову непонятной им математикой¹⁴⁷.

Даже те представители интеллигенции, которые встретили советскую власть как «богом данную реальность» и готовы были на лояльное отношение к ней, к концу гражданской войны окончательно лишились на этот счет всяких иллюзий. Умонастроения этой части отечественной интеллигенции выразил в своих дневниковых записях Г.А. Князев, живший в начале 1920-х гг. в Петрограде: «Опыт не удался, — записал он в своем дневнике 19 февраля 1921 г. — С каждым днем это становится очевидным. Но не потому, конечно, что принципы большевизма не были жизненны, а потому, что все кругом было против... Теперь ясно, что мы жертвы великого эксперимента»¹⁴⁸.

Власть стремилась сломать интеллигенцию. Троцкий прямо говорил: «Мы голодом заставим интеллигенцию работать на нас». Для этого существовала целая система унижения и издевательства над ней. Обществу навязывалась идея ее никчемности, ненужности. Образ российского интеллигента — человека в шляпе, галстуке, с портфелем и в очках — сделался объектом оскорбительных насмешек и издевательств. Важ-

ной частью этой системы была трудовая повинность: седовласых профессоров принуждали колоть дрова, расчищать снег, ходить с метлами по улицам. И, наконец надругательство над тем делом, какому они посвятили свою жизнь, будь то наука или образование. Одновременно использовался и другой — финансовый способ «перевоспитания контрреволюционной профессуры», суть которого предельно проста: на те скудные средства, что отпускались на науку и образование, могли рассчитывать только по — настоящему лояльные режиму ученые и преподаватели. Эти средства тратились, исходя из классового подхода к обучению, на поддержку прежде всего рабочих факультетов в ущерб остальным.

Какая — то часть интеллигенции действительно была сломлена, она свыклась с тотальным террором, с повседневной нуждой, полуголодным существованием. Однако у многих в душе оставалось стремление к свободе творчества, нежелание мириться с навязываемым единомыслием. Многие представители отечественной интеллигенции всячески подчеркивали свою аполитичность, утверждаясь тем самым в своем достоинстве и независимости.

Режим расценил такую позицию как циничный саботаж рабоче — крестьянской власти. Интеллигенция ему нужна была послушная, быстро и четко выполняющая партийные рекомендации.

Для запугивания остававшейся еще инакомыслящей части интеллигенции в 1921 г. был начат большой процесс по делу так называемой Петроградской боевой организации. Чекистами было арестовано 883 человека, по преимуществу это были ученые, преподаватели, студенты. Среди арестованных оказались профессора В.Н. Таганцев, М.М. Тихвинский, Н.И. Лазаревский, поэт Н. Гумилев. Их обвиняли в подготовке террористических актов, в работе на иностранные разведки, стремлении свергнуть советскую власть. «Следствие» и сам процесс проходили под личным руководством Ленина.

В действительности же никакой организации арестованными по этому делу не создавалось. Она была создана искусственно следственными органами уже в ходе следствия из отдельных групп контрабандистов и тех, кто занимался переправкой желавших нелегально эмигрировать из России. Несмотря на абсурдность и бездоказательность обвинений, предъявленных подследственным, 98 человек из них были приговорены к расстрелу, 125 человек отправили в концлагеря и тюрьмы.

С либерализацией экономических отношений, ставшей следствием перехода к НЭПу, в стране началось оживление деятельности научных обществ, стали появляться новые частные издательства, возобновился выпуск некоторых закрытых ранее журналов. В марте 1922 г. прошли съезды профессоров — аграрников и ученых — экономистов. Однако присутствовавшие на них сотрудники ГПУ сообщили о том, что во многих

выступлениях звучали вредные призывы и, в частности, требования «соблюдать абстрактную надклассовую законность»¹⁴⁹.

15 марта 1922 г. Ленин, ознакомившись со сборником статей Н.А. Бердяева, Я.М. Бухшпана, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы», охарактеризовал его как «литературное прикрытие белогвардейской организации», а в статье «О значении воинствующего материализма» он назвал журнал «Экономист» «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.»¹⁵⁰.

Крайне «вредные тенденции» были выявлены на съезде врачей. Нарком здравоохранения поспешил доложить об этом Ленину и членам Политбюро. «Недавно закончившийся съезд врачей, — писал он, — проявил настолько важные и опасные течения в нашей жизни, что я считаю нужным не оставлять членов ПБ в неведении... На съезде был поход против медицины советской и восхваление медицины земской и страховой. Просматривалось стремление поддержать кадетов, меньшевиков, создать свой печатный орган»¹⁵¹.

Режим увидел в этом опасное «оживление деятельности старой буржуазной интеллигенции». Удар последовал незамедлительно. Прочитав доклад наркома здравоохранения, Ленин написал на нем резолюцию: «Т. Сталину. Я думаю, надо строго секретно, не размножая, показать это и Дзержинскому, всем членам Политбюро и вынести директиву...»¹⁵².

Проигрывая из-за слабой общей эрудиции и теоретической подготовки кадров идеологические дискуссии с интеллигенцией, критически настроенной в отношении власти, партия стала инициатором высылки из России, Украины, Белоруссии, Грузии за границу многих известных философов, экономистов, социологов, литераторов, религиозных мыслителей и др.

19 мая 1922 г. Ленин направил записку Дзержинскому, в которой предложил «тщательнее подготовить» вопрос о «высылке за границу писателей и профессоров, помогающих «контрреволюции». Одновременно он дал распоряжение «собирать систематически сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей», поручив это «толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ»¹⁵³.

Вопрос о Всероссийском съезде врачей было решено вынести на обсуждение Политбюро ЦК. Он слушался дважды — 24 мая и 8 июня. В результате было принято постановление «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Там, в частности, говорилось, что отныне съезды могут проводиться лишь с разрешения ГПУ, ему же поручалось проверять благонадежность всех печатных органов, усилить фильтрацию молодежи, поступающей в высшие учебные заведения, отдавая предпочтение рабочим. Бралось под контроль создание творческих и профессиональных союзов, впредь они должны были в обязательном порядке ре —

гистрироваться в ГПУ. Было принято решение образовать постоянную комиссию для высылки интеллигенции, а ГПУ поручалось внимательно следить за поведением врачей и всей интеллигенции¹⁵⁴.

Списки составлялись по принципу профессиональной принадлежности («Список литераторов», «Список врачей», «Список антисоветских инженеров» и т.д.), по городам («Список антисоветской интеллигенции г. Петрограда», Москвы, Киева, Одессы и др.), по учебным и научным учреждениям («Профессура 1 — го Московского университета», «Профессура института инженеров путей сообщения» и т.д.). В них оказались наиболее яркие представители тогдашней интеллектуальной элиты России. В их числе ректор Московского университета зоолог профессор М.М. Новиков, экономист профессор В.К. Зворыкин, историки А.А. Кизеветтер, Г.В. Флоровский, социолог П.А. Сорокин, философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и многие другие.

В представляемых в Политбюро ЦК списках напротив фамилий выслеляемых давались характеристики данного лица и формулировалась причина его выселения. Так, профессор — гистолог МГУ В.Е. Фомин характеризовался как «один из активных организаторов забастовки среди медиков, определенный противник Соввласти; один из организаторов антисоветских элементов профессуры»¹⁵⁵. Так решалась судьба людей — цвета нации!

Определяя свое отношение к интеллигенции, власть показала, что сотрудничество с ней может быть только при условии полной поддержки власти, в противном случае она должна разделить судьбу политических партий. В резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившего 4 — 7 августа 1922 г., прямо говорилось: «...Нельзя отказаться от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимобеспартийной, буржуазно — демократической интеллигенции»¹⁵⁶.

Одновременно с высылкой старой отечественной интеллигенции не обошли вниманием и молодых людей. 10 августа 1922 г. на заседании Политбюро ЦК был заслушан вопрос «О враждебных группировках среди студентов». Докладывал Уншлихт. Было принято решение «одобрить предложение тов. Уншлихта о высылке за границу контрреволюционных элементов студенчества». Было решено также «для разработки вопроса об агитации в связи с высылкой студентов образовать комиссию в составе тт. Каменева, Уншлихта и Преображенского»¹⁵⁷. Таким образом, «выкорчевывалась» не только «маститая» часть отечественной интеллигенции, но и новая поросль будущих научных и культурных кадров страны из числа учеников «контрреволюционной» профессуры.

31 августа 1922 г. в «Правде» была опубликована статья, озаглавленная «Первое предостережение». Уже сам заголовок статьи говорил о том, что решение о высылке интеллигенции следует рассматривать как

«предупреждение», за которым могут последовать и куда более серьезные наказания. В статье, в частности, говорилось: «Кадетствующие и эсерствующие круги интеллигенции, вообразив, что НЭП дает им новую опору для контрреволюционной работы, усиленно повели таковую, под — держивая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть, обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контрреволюционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче — крестьянскую интеллигенцию».

Вся операция по высылке российской интеллигенции находилась под постоянным вниманием Ленина. Он уточнял списки кандидатов на высылку, делал пометки, давал на этот счет указания ГПУ. 17 сентября 1922 г. он пишет Уншлихту: «Будьте любезны распорядиться вернуть мне все... бумаги с пометками, кто выслан, кто сидит, кто и почему изабавлен от высылки. Свои краткие пометки на этой же бумаге. Ваш Ленин»¹⁵⁸.

В результате этой операции из страны были высланы 160 видных представителей науки, культуры и искусства. Это были те, кто продолжал отстаивать право на независимость своих суждений, кто, по мнению большевиков, мешал им формировать свою идейную монополию в обществе.

Большое внимание в это время режим уделяет формированию партий — но — государственной системы руководства идеологией и культурой. Эту функцию берет на себя агитационно — пропагандистский отдел ЦК партии. Он был призван полностью охватить и объединить всю агитационно — пропагандистскую и культурно — просветительскую работу в стране. На XI съезде партии было принято решение укрепить агитпропы в центре и на местах опытными кадрами, превратив их «в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние в массах».

Складывается система тотального идеологического и политического контроля над всей жизнью общества. Под пристальное внимание берется все издательское дело. С весны 1921 г. любая рукопись могла быть издана только с разрешения Госиздата или его органов на местах. 6 июня 1922 г. декретом СНК РСФСР был создан специальный комитет по печати, объединявший все виды цензуры, существовавшей в Советской России, — Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Он должен был осуществлять предварительный просмотр всех предназначенных к публикации или распространению произведений, выдачу разрешений на их издание, составление списков запрещенных произведений. Таким образом, отныне устанавливалась предварительная и последующая цензура всех издательств, за исключением

изданий Коминтерна, партийной печати, изданий Госиздата, Главполитпросвета, «Известий ВЦИК» и трудов Российской Академии наук. Организацию контроля над всеми без исключения сторонами жизни общества партия поручает органам ВЧК—ГПУ. Для этого в структуре этого учреждения были дополнительно созданы специальные подразделения — отдел политического контроля, ведавший исполнением цензурного режима, перлюстрацией корреспонденции, а также 4-е и 5-е отделения секретно-политического отдела, сотрудники которых собирали агентурные сведения через сеть информаторов и осведомителей.

Подчинение всей культуры идеологии марксизма—ленинизма сопровождалось усилением наступления на религию и церковь. Большевизм должен был заменить религиозные учения, стать не только политической доктриной, но и собственно новой религией со стройной догматикой и с корпусом священных книг. По мере упрочения политической власти большевиков партийно—государственная политика по отношению к религиозным конфессиям становилась все более непримиримой.

Мощный удар по религии и церкви пришелся на начало 1922 г., формальным для того поводом стал страшный голод в России в 1921—1922 гг. Первой откликнулась на эту беду Русская Православная церковь. В воззвании «О помощи голодающим», с которым 22 августа 1921 г. обратился патриарх Тихон, содержался призыв ко всем верующим, духовенству православных приходов и зарубежным деятелям вносить добровольные пожертвования в помощь голодающим¹⁵⁹. Глава церкви не только призывал к благотворительным пожертвованиям, но и разрешал духовенству передачу в пользу голодающих церковной утвари и имущества, «не имеющих богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожереье и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом)»¹⁶⁰.

Эта активность Православной церкви, ее готовность добровольно пожертвовать часть церковных ценностей в помощь голодающим стали удобным поводом для того, чтобы отобрать у нее все и таким образом еще больше ослабить ее позиции в обществе.

2 января 1922 г. Президиум ВЦИК принял специальное постановление «О ликвидации церковного имущества», а 23 февраля был издан декрет ВЦИК об изъятии всех церковных ценностей на нужды голодающих. Декрет стал главным инструментом широкой кампании по подрыву религии и, в первую очередь, по разгрому Русской Православной церкви. Эта кампания потребовала энергичных усилий всех звеньев партийно—государственного аппарата и, в особенности, военно—карательных органов страны. Начиная с зимы 1922 г. вопросы, связанные с этой кампанией, ставились почти на каждом заседании Политбюро. На их решение партия нацелила весь механизм ГПУ—ОГПУ.

На места шли инструкции и циркуляры партийных и карательных ор—

ганов по проведению экспроприации церковных ценностей. Во многих местах верующие и священнослужители оказывали сопротивление вла — сти. В середине марта Ленин получил сообщение из Шуи о столкновениях при изъятии церковных ценностей, в результате которых 4 человека по — гибло и 10 было ранено¹⁶¹. События в Шуйе Ленин немедленно обратил себе на пользу. В строго секретном инструктивном письме, адресованном По — литбюро ЦК, он писал, что это событие «для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и во — обще единственный момент, когда мы можем 99 — ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необ — ходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно те — перь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржу — азии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»¹⁶².

Ленин дал указание, чтобы процесс против шуйских мятежников был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как рас — стрелом «очень большого числа самых влиятельных и опасных черно — сотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и несколько других духовных центров»¹⁶³.

13 апреля 1922 г. в Москве состоялся судебный процесс. В контрре — волюционной агитации и в противодействии изъятию церковных цен — ностей обвинялись 54 человека, из них 20 священников. Московский губревтрибунал вынес по этому делу 11 смертных приговоров. По отно — шению к 5 осужденным приговор привели в исполнение¹⁶⁴. Трибунал вынес также постановление о привлечении патриарха Тихона и архи — епископа Крутицкого Никандра к суду в качестве обвиняемых.

6 мая 1922 г. последовал домашний арест патриарха, а вскоре был арестован Петроградский митрополит Вениамин. С 10 июня по 5 июля 1922 г. проходили заседания петроградского революционного трибу — нала. На скамью подсудимых посадили 86 обвиняемых. Среди них — митрополит Вениамин, настоятель Казанского собора Чуков, настоя — тель Исаакиевского собора Богоявленский, архимандрит Сергей, пред — седатель правления совета петроградских приходов профессор Ю.Л. Новицкий. Трибунал приговорил к расстрелу 10 человек, из них 4 были расстреляны, в том числе Петроградский митрополит Вениамин, ос — тальным 6 — ти расстрел заменили заключением в тюрьму¹⁶⁵.

По данным Православного Свято — Тихоновского Богословского института, количество репрессированного православного духовенства в 1921 — 1923 гг. составило 10000 человек, расстрелян каждый пятый — всего около 2 тыс.¹⁶⁶

Кампания по изъятию церковных ценностей, нанеся мощный удар по церкви, не привела к обогащению государственной казны и к преодолению голода. Абсолютное большинство средств, полученных от продажи конфискованных ценностей, ушло на партийные нужды, в фонд Коминтерна. Немалыми оказались расходы по самому «изъятию». В марте 1922 г. Троцкий требовал у Политбюро выделить на это 10 миллионов советскими деньгами¹⁶⁷. Что касается закупки продовольствия, то на это была передана лишь незначительная часть средств, вырученных от продажи церковных ценностей.

Все это время не прекращалась антирелигиозная работа. Грубым надругательством над чувством верующих было продолжавшееся вскрытие мощей святых с целью «разоблачения суеверия». В газетах можно было встретить такие сообщения: «Петроград. 2 августа следователями по важным делам, в присутствии духовенства и экспертов профессоров Петроградского медицинского института, было произведено вскрытие мощей Александра Невского. Вместо мощей в раке оказались кусочки костей, перемешанных с мусором»¹⁶⁸.

Усилилось наступление большевиков на мусульманскую религию. Реакция основной части мусульманского духовенства на принятый декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» была поначалу не столь резкой, как у православного. Мусульманские служители культа не имели ни крупных богатств, ни прямой государственной поддержки. Вместе с тем, когда началась прямая реализация положений декрета, методы большевиков вызвали у мусульман недовольство.

Одновременно с грабежом церквей и физическим уничтожением священнослужителей большевики с привлечением чекистов развернули широкомасштабную работу по расколу церкви, разжиганию вражды между различными группами священнослужителей, созданию «попавшей» («обновленческой» или «живой») церкви с «красными попами». В специальной инструкции, направленной ВЧК на места давалось указание «использовать существующие в церковной жизни и враждующие между собой элементы, чтобы они сами один другого уничтожали. В этих целях, — говорилось далее, — мы иногда должны поддержать то или иное течение, менее для нас вредное, оказывая ему даже материальную поддержку...»¹⁶⁹.

В 1922 г. большевикам удалось склонить на свою сторону часть иерархов русской православной церкви. При непосредственном участии ГПУ была создана т.н. «живая церковь». В своем отчете Политбюро ЦК РКП(б) начальник 6-го отделения секретного отдела ГПУ Е. Тучков информировал: «Пять месяцев тому назад в основу нашей ра —

боты по борьбе с духовенством была поставлена задача борьбы с тихоновским реакционным духовенством и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами, как — то: митрополитами, архиепископами, епископами. Для осуществления этой задачи была образована группа, так называемая «живая церковь», состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность посорить попов с епископами... Попы (живоцерковники), взяв в свои руки верховную церковную власть, приступили к удалению от управления епархиями Тихоновских архиереев и замене их лояльными по отношению к Соввласти... Недурно было бы изгнать тихоновцев из приходских советов... натравливая одну часть верующих на другую»¹⁷⁰.

б — е отделение Секретного отдела ГПУ периодически направляло сводки высшим руководителям советского государства «О расколе духовенства» и «О ходе работ Всероссийского съезда духовенства «Живая церковь» (август 1922 г.). Таким образом и над обновленцами был установлен тотальный контроль.

Политика раскола проводилась и по отношению к другим конфессиям. Под воздействием ВЧК — ГПУ — ОГПУ происходило разделение мусульманского духовенства на «белых» и «красных». Так называемых «красных мул» заставляли становиться на позицию лояльности в отношении к советскому государству. Началась работа по созданию «живой синагоги» по типу «живой церкви» в православии.

По мере уничтожения религии, подрыва веры в вечные, непреходящие ценности в общественном сознании создавался гигантский духовный вакуум. Заполнявший его атеизм стал важной составной частью новой светской религии — марксизма — ленинизма. В стране настала эпоха религиозного нигилизма и нравственной нищеты.

В.И. Ленин: «Полное уничтожение оппозиции»

Наращение общегосударственного кризиса в стране не могло не сказаться на внутрипартийной жизни. С окончанием гражданской войны все яснее становилось то, что партия не выдерживает испытания бесконтрольной властью. В ее ряды все глубже проникали разложение и коррупция, столь характерные для государственного аппарата.

Все выше становился барьер между партийной верхушкой и рядовыми коммунистами. Внутри партии формировалась уже как бы самостоятельная партия элиты. Росло материальное неравенство между коммунистами — функционерами и рядовыми коммунистами. Разница была не столь в зарплате, сколь в обеспечении товарами, жильем, медицинским обслуживанием. В условиях экономической разрухи, тяжелого продо —

вольственного положения большевистские руководители могли себе позволить подолгу отдыхать и лечиться за границей, вызывать оттуда врачей, заказывать дорогие лекарства.

20 марта 1921 г. член РКП(б) М.А. Соколов сообщал в ЦК, что «много есть членов партии, которые мечтали и мечтают давно, как бы залезть повыше и получить побольше деньжонок. Этим самым из наших членов р.к.п. создаются не идейные коммунисты, а идейные карьеристы»¹⁷¹.

Разложение партийной верхушки все труднее было скрывать от партийных «низов». Они видели, что творится в партии, и выражали недовольство привилегированностью положения партийных «верхов». Дело дошло до того, что на улицах стали появляться самодельные листовки с осуждением партийной и государственной элиты. «У наших врагов, — говорилось в одной из них, — завелось страшное желание... быть высшими верхами, и вследствие этого пошли личные счеты, подлизывание, сплетни, злоупотребления и заискивание. Каждый верх считает низы серой кобылкой и не хочет не только с нами, низами, считаться, но даже не контролируется нами, и каждый находит нас ниже себя». Многие из таких партийцев, говорилось далее, имеют «уже штаты холуев, приносящих им, как старому николаевскому генералу, все на тарелочке и на цыпочках»¹⁷².

Превращение партии большевиков в единственную легальную политическую силу привело к тому, что все характерные для многопартийной системы противоречия между партиями оказались как бы загнаны «внутрь» самой РКП(б). Так или иначе они должны были проявиться, что со временем и произошло.

К середине 1920-го г. остро встал вопрос о неравенстве в партии. В сентябре он был внесен в повестку работы IX Всероссийской конференции РКП(б). По инициативе Ленина она избрала специальную комиссию для решения этой проблемы. Однако дальше ее констатации дело так и не пошло. Многие рядовые члены партии, осознав бессилие в борьбе с зарвавшимися «верхами», выражали свой протест отказом от участия в активной партийной жизни или выходом из партии.

Ввиду экономического хаоса в стране на первый план внутрипартийной борьбы выдвинулись вопросы, связанные с восстановлением экономики, с организацией производства. Отчетливо наметились группа рабочих, требовавших сосредоточить управление производством в руках профессиональных союзов, и группа военных коммунистов во главе с Троцким которые, из опыта гражданской войны вынесли глубочайшее отвращение ко всякой «самодеятельности масс» и твердо уверились во всемогуществе «милитаризации» и «железной дисциплины».

Первая группа, назвавшая себя «рабочей оппозицией» и опиравшаяся на все усиливающееся брожение как в беспартийных рабочих массах, так и в недовольных «верхами» коммунистических «низах», решила дать

бой «милитаристам», уже собравшимся милитаризировать профсоюзы и даже успевшим кое — чего добиться на этом пути (по отношению к транспортникам: «Главполитпуть», «Главполитвод», «Цектран»).

В тезисах «рабочей оппозиции», лидерами которой стали А.Г. Шляпников, С.П. Медведев и А.М. Коллонтай выдвигалось требование, чтобы организация управления всем народным хозяйством принадлежала Всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производительные союзы. Съезд избирает центральный орган, который управляет всем народным хозяйством страны. Предлагалось избирать на аналогичных съездах по согласованию с центром и все областные, губернские и другие хозяйственные учреждения. Рабочие отдельных предприятий должны были стать непосредственно распорядителями всего имущества этого предприятия, а свободно избранный рабочий комитет фабрики или завода — первичной ячейкой союза данного производства.

Отражая недовольство рабочего класса политикой большевиков, «рабочая оппозиция» в первую очередь потребовала улучшить положение рабочих. Однако предложения на этот счет не выходили за рамки представлений, которые сложились в условиях «военного коммунизма». Предлагалось, в частности, натурализовать зарплату, отменить оплату пайков и предметов широкого потребления, а также обедов для рабочих и их семей, оплату квартир, проезда в городском транспорте и т.п.

В сущности, к концу 1920 — го г., когда политика «военного коммунизма» достигла своего апогея, все эти меры уже входили в повседневную жизнь. Но «рабочая оппозиция» ставила вопрос о том, чтобы расширить их до масштабов первых месяцев советской власти.

Требованиям «рабочей оппозиции» опереться на самоуправление рабочих в экономической области противостояла позиция Троцкого, подерживаемого Дзержинским и отчасти Бухариным. Они, напротив, отстаивали необходимость военно — бюрократической опеки над производством и профсоюзами, которые, по их мнению, «в данный переходный период еще не созрели», «не окрепли». Профсоюзы, был убежден Троцкий, надо еще перестроить, «перетряхнуть» сверху и т.д. Исходя из этого, следует и далее расширять и укреплять «милитаризацию», которая проводилась в жизнь в течение последнего года. Троцкий был твердо убежден, что мобилизовать трудовые ресурсы для промышленности и транспорта можно лишь посредством милитаризации труда, создания трудовых армий. Характерно, что к этому времени Троцкому, в дополнение к его военным должностям, было поручено исполнение обязанности наркома путей сообщения и председателя Центрального комитета союза транспортных рабочих.

Дискуссия проходила очень остро. С конца 1920 г. газета «Правда» почти ежедневно печатала полемические статьи, где высказывались

диаметрально противоположные взгляды. В дискуссию были втянуты все — стные партийные организации. Спорили в учреждениях, на фабриках и заводах, в воинских частях. Далеко не все участники дискуссии глубоко разбирались в ее тонкостях. Для многих это был спор между сторонниками жесткой дисциплины и теми, кто требовал допустить рабочих к управлению промышленностью и дать им возможность высказывать не — довольство злоупотреблениями «верхов».

Размах дискуссии, начавшейся к тому же накануне очередного X съезда партии, вызвал у Ленина беспокойство. В брошюре «Кризис партии» он назвал дискуссию «лихорадкой», которая сотрясает партийный организм, и задавался вопросом, «способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможной или болезнь станет затяжной и опасной»¹⁷³.

Вождь партии, поддерживаемый Зиновьевым, Каменевым, Сталиным, Лозовским и другими авторитетными большевиками, занял позицию «над схваткой», подвергнув критике обе группировки. Основной удар был на — несен по «рабочей оппозиции», обвиненной в «синдикализме». Дело в том, что «рабочая оппозиция», возникшая на гребне недовольства рабочих масс и свидетельствовавшая о непрочности партийного единства, была способна своими действиями усилить антибольшевистские настроения в рядах рабочего класса.

Ограничиваясь до поры до времени синдикалистскими рамками чисто хозяйственных интересов и строя схему самоуправления рабочего класса в области производства, сторонники «рабочей оппозиции» когда — нибудь пришли бы к идее самоуправления политического. Тем более, что уже во фракции большевиков на VIII съезде Советов звучали жалобы на «удушливую атмосферу чрезвычайяк». Логика жизни и собственный опыт должны были скоро наглядно показать «рабочей оппозиции» неразрывную связь между экономикой и политикой. Экономическое возрождение, связываемое с выдвижением на передний план профессиональных союзов, могло вызвать необходимость приспособить политику к потребностям экономики, что, в свою очередь, может породить силы, справиться с которыми большевикам будет непросто.

Ленин, будучи прагматиком, хорошо понимал, что нельзя обойтись без уступок профсоюзам, ибо в стране с огромным преобладанием крестьянства это единственно возможный базис экономического строительства и реальная «опора для диктатуры пролетариата».

Ленин и его сторонники заявляли, что перестройка профессиональных организаций сверху совершенно нецелесообразна, что их деятельность основывается не на принуждении, а на убеждении и что рабочая демократия, сильно урезанная в течение трех лет жесточайшей гражданской войны, должна быть в первую очередь и шире всего восстановлена в профсоюзном движении.

В то же время Ленин и его сторонники были убеждены в необходимости реформ «сверху», дабы им не начаться «снизу». Кое — что было сделано с целью показать партийным низам, что ленинцы намерены пойти на реформы. Стараясь убедить сомневающихся в серьезности таких намерений, в статье, опубликованной в «Правде», Сталин писал: «Одни думают, что разговоры о демократизме в профессиональных союзах — пустая декларация, мода. Другие — что это вынужденная уступка требованиям рабочих, что мы имеем дело с дипломатией. Между тем все это неверно. Демократия в рабочих союзах нужна по существу...»¹⁷⁴.

В отношении позиции Троцкого Ленин был более снисходительным. Он обращал внимание на ее ошибочность, а его требование «милитаризовать» профсоюзы определял как политическую «бестактность». Ли — дерам «рабочей оппозиции» это дало повод заявить о фактическом отсутствии разногласий между «ленинцами» и «троцкистами» по важнейшим дискуссионным проблемам и рассматривать их как две фракции внутри группы «милитаристов», ведущие борьбу с рабоче — оппозиционными настроениями.

Если Троцкий по — военному прямолинейно, «бестактно» ратовал за милитаризацию профсоюзов, то Ленин, понимая необходимость считаться с настроениями «низов», пытался с помощью демократических послаблений сбить накал их недовольства.

Спор сторонников рабочей демократии со сторонниками диктатуры над рабочими Ленин сумел в результате направить в более спокойное тематическое русло, свести к вопросу о степени жесткости диктатуры. И чем больше темперамента и страсти проявлялось в споре вокруг этого, чем резче была полемика, тем больше массам начиналось казаться, что именно этот спор и есть самый важный.

Будучи серьезно обеспокоенным внутрипартийными разногласиями, Ленин потребовал отказаться от всяких внутрипартийных дискуссий и сомкнуть партийные ряды. Партийное единство и строгая партийная дисциплина — таковы, по его мысли, первостепенные условия выхода из кризиса. Именно эта мысль стала главной почти во всех его выступлениях на X съезде РКП(б).

Выступая на съезде, «дискуссию о профсоюзах» Ленин назвал «со — вершенно непозволительной» роскошью, а допущение этой дискуссии — ошибкой. Насчет свободы споров и дискуссий внутри партии Ленин высказал следующее: «...мы должны на съезде прямо сказать: споров об уклонах мы не допустим, мы должны поставить точку... превратить это в обязательство для партии, в закон». В своем докладе на съезде Ленин впервые после прихода большевиков к власти вынужден был признать, что пролетариат отныне не может считаться надежной опорой партийной диктатуры. При этом он сослался на то, что, когда в Москве были беспартийные собрания рабочих, «ясно было, что из де —

мократии, свободы они делают лозунг, ведущий к свержению советской власти». Еще во время профсоюзной дискуссии, до Кронштадта Ленин понял, что «диктатура пролетариата» — слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить самому пролетариату. Осуществлять ее подобает только партии. А для этого партия должна быть единой и проводить в жизнь единую линию своего руководящего центра. Уже во вступительном слове Ленин объяснил, в чем состоит вред внутрипартийных дискуссий и споров. Помимо всего прочего, в том, что враги большевизма получают повод думать так: «...если дискуссия — значит споры, если споры — значит раздоры, если раздоры — значит коммунисты ослабели: напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением!» В результате Ленин делает вывод, что всякая оппозиция против ЦК объективно способствует мелкобуржуазной контрреволюции.

Еще более резким было заключительное слово Ленина. «Рабочей оппозиции» он пригрозил не только исключением из партии, но и винтовкой. К своей угрозе он даже «притянул» Кронштадт: «Я утверждаю, что между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами «рабочей оппозиции» есть связь». Дело в том, что «рабочая оппозиция» требует, чтобы «организация управления народным хозяйством принадлежала всероссийскому съезду производителей», а Ленин убежден, что «диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию». Он считает, что «теперь «дисктировать винтовками» гораздо лучше, чем тезисами,»... «Для оппозиции теперь конец, крышка...» «Если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партия должна их из партии исключить»¹⁷⁵.

Таким образом, это выступление свидетельствует о том, что отныне вождь дошел до той черты, за какой со всяким инакомыслием в партии он намерен разговаривать не иначе, как винтовкой.

Ленинское высказывание было расценено как угроза в адрес строптивой части партийцев, тех, чье мнение могло расходиться с мнением большинства. Шляпников, выступая на съезде, заявил, что Ленин угрожает оппозиции пулеметным огнем. Однако в заключительном выступлении Ленин уточнил, что речь в данном случае идет о тех людях, «которые у нас называются меньшевиками и эсерами», а что касается коммунистов, то к ним будут применяться партийные меры взыскания, и прежде всего такое наказание, как исключение из партии.

Тень крестьянских восстаний, нависшая над делегатами съезда, эхо стрельбы кронштадтских орудий перепугали руководство партии и подтолкнули к более жесткой борьбе за дисциплину в самой партии, за единство и чистоту партийных рядов. Делегаты съезда сделались более сговорчивыми. Большинство из них проголосовало за запрещение фракций и группировок внутри РКП(б). Получилось, что в условиях гражданской войны, когда власть большевиков висела на волоске, создание фракций в

партии допускалось, а когда борьба выиграна и провозглашен период перехода от гражданской войны к гражданскому миру, это стало непозволительным.

Одновременно с заявлениями об отказе от милитаризации, от «боевых методов», с призывами к развертыванию рабочей внутрипартийной демократии, X съезд принял резолюции «О анархосиндикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» и «О единстве партии». Они имели далеко идущие последствия не только для партии, но и для всей страны.

В первой деятельности по распространению идей «рабочей оппозиции» объявлялась «несовместимой с принадлежностью к Российской коммунистической партии». В резолюции, однако, указывалось, что «в специальных изданиях, сборниках и т.п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам»¹⁷⁶.

Другая резолюция содержала требование выставлять все спорные вопросы «не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т.п., а на обсуждение всех членов партии». При этом Центральному комитету партии поручалось обеспечить «полное уничтожение всякой фракционности»¹⁷⁷.

Было предписано «немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе группы» и поручено «всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений»¹⁷⁸.

Съезд принял также секретное дополнение к резолюции, известное как «пункт 7», в соответствии с ним ЦК давались полномочия «принять в случае (—ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии»¹⁷⁹.

Принятие указанных резолюций сделало фактически невыполнимой резолюцию «О внутрипартийной демократии», принятую на этом же съезде.

Эти резолюции знаменовали собой крутой рост могущества партийного аппарата, переход реальной власти от съезда к ЦК партии. Были созданы условия для дальнейшей централизации партийной жизни, всевластия партийного аппарата и свертывания внутрипартийной демократии.

С целью укрепления партийного единства было принято решение о генеральной «чистке» партийных рядов. Она призвана, отмечалось в резолюции X съезда партии, «решительно повернуть рычаг партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов». Партийная «чистка» предполагала проверку не только поведения каждого коммуниста, но и его преданности больше-

вистским идеям¹⁸⁰. 27 июля было опубликовано обращение ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям «О чистке партии». В нем говорилось о необходимости добиться того, «чтобы наша партия более, чем когда бы то ни было, была вылита из одного куска»¹⁸¹.

Проверка началась в октябре 1921 г. Она проводилась под контролем Центральной проверочной комиссии, в ее состав вошли пять членов ЦК и пять кандидатов. Члены комиссии должны были рассматривать жало — бы, поступавшие из местных партийных организаций, осуществлять политический контроль за проведением «чистки». Предметом наиболее пристального внимания стали те члены РКП(б), которые прежде состояли в других партиях. Особенно жестко «чистили» интеллигенцию и тех, кто до вступления в РКП(б) был меньшевиком.

Результаты «чистки» были достаточно суровыми. Из партии был исключен почти каждый четвертый. В результате из более чем 650 тыс. членов партии в ее рядах осталось менее 500 тыс. человек¹⁸². В среднем из каждой сотни коммунистов — рабочих выбыло 17 человек, а из сотни коммунистов — крестьян — 42 человека¹⁸³. Исключенные из партии во время чистки вскоре стали браться губернскими органами ГПУ на особый учет¹⁸⁴.

Изменился и социальный состав партийцев. Количество партийных среди рабочих и крестьян в промышленных районах выросло с 47 до 53%, а в сельских — с 31 до 48%¹⁸⁵.

Суровые резолюции по сохранению партийного единства и дисциплины, принятые X съездом партии, начавшиеся «чистки» партийных рядов не смогли устранить партийные распри. Накануне XI съезда РКП(б) члены бывшей «рабочей оппозиции» попытались заручиться поддержкой зарубежных коммунистов. Они подали заявление в Коминтерн, известное как «Заявление 22 — х», в каком утверждали, что в РКП(б) проникает буржуазная стихия, а рабочие в ее рядах составляют лишь 40%. В заявлении говорилось, что руководящие центры партии «ведут непримиримую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение», а партийные бюрократы, «пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии»¹⁸⁶.

Для проверки поступившего заявления Коминтерном была создана специальная комиссия в составе Коларова, Кашена, Крейбиха, Террачини, Фриса, Мак — Мануса и Цеткин.

4 марта расширенный Пленум Исполкома Коминтерна, заслушав отчет комиссии, проверявшей «Заявление 22 — х», принял решение, содержащее отказ «признать жалобы 22 — х товарищей правильными»¹⁸⁷. Специальная комиссия в связи с «Заявлением 22 — х» была создана на XI съезде партии. Комиссия единогласно высказалась за исключение из партии Коллонтай, Минина, Медведева, Кузнецова и Шляпникова. «Делу 22 — х» было посвящено закрытое заседание съезда. Выступивший на нем Д.З. Лебедь

пытался доказать, что имело место не единичное заседание с целью подачи заявления в Коминтерн, а систематическая фракционная работа с попытками установить связь с местами¹⁸⁸. Затем слово предоставили «фракционерам». Коллонтай отвергла обвинения во фракционности. «Дело в том, — сказала она, — что когда собираются близкие товарищи, то и говорят между собой с опаской... Я нахожу, что страшного не было бы, если бы в партии была большая возможность обмена мнений». Она призвала «оздоровить режим партии». Это, подчеркнула Коллонтай, «главное и основное для того, чтобы исчезла маленькая группировка небольших верхов, которая по существу решает. Мы указывали, что резолюции X съезда о рабочей демократии необходимо проводить в жизнь»¹⁸⁹.

В ходе обсуждения страсти накалились до предела. За резолюцию Антонова — Овсеевского, оправдывающую «Заявление 22 — х» и предлагавшую изменить отношение к инакомыслящим в партии, было подано 215 голосов. Антонов — Овсеевский в ее защиту говорил: «По отношению к нашей партии мы вправе требовать, чтобы было иное отношение к инакомыслящим. Это отношение должно быть иное, чем то, которое было необходимо, когда непримиримость оправдывалась обостренностью фракционной борьбы. Мы сейчас вышли из этого периода и можем решать вопросы с гораздо большей терпимостью»¹⁹⁰. Но за резолюцию, осуждающую представителей бывшей «рабочей оппозиции», проголосовало 227 человек и таким образом большинством голосов она была принята. XI съезд принял решение предупредить Шляпникова, Медведева и Коллонтай. Минин и Кузнецов были исключены из партии.

Пирамида власти

В ходе партийного строительства одной из первоочередных задач аппарата ЦК стало отлаживание системы взаимодействия с местными партийными организациями. Для этого необходимо было, прежде всего, унифицировать партийные аппараты на местах. В октябре 1920 г. на всероссийском совещании представителей губкомов была подтверждена необходимость единообразного устройства как самих партийных комитетов, так и их секретариатов. Партийные комитеты отныне должны были строиться в соответствии с инструкцией ЦК «О конструкции комитетов РКП(б)»¹⁹¹.

Важной вехой на пути роста могущества партийного аппарата, превращения его в спаянную железной дисциплиной централизованную организацию стала реорганизация и укрепление Секретариата ЦК партии. 4 апреля 1922 г. в «Правде» появилось сообщение о том, что избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил секретариат ЦК РКП в составе: Сталин, Молотов и Куйбышев. Выдвижение Сталина на этот

пост было не случайным. Уже со второй половины 1921 г. Политбюро стало ему поручать организационную работу в Центральном Комитете. Он готовил заседания пленумов ЦК, сессий ЦИК, то есть по существу, исполнял обязанности секретаря ЦК¹⁹². В проекте состава ЦК, предло — женном делегатам XI съезда партии, после фамилии Сталина значилась его предполагаемая должность — «генеральный секретарь». Такой список не мог быть составлен без учета мнения Ленина. В итоге 463 делегата отдали свои голоса будущему «вождю всех времен и народов».

В стране оформлялась на редкость простая и архаичная система вла — сти, не обремененная ни законами, ни контролем общества. Это была, по существу, пирамида. Тот, кто находился на ее вершине, распоряжался всем и властвовал над всеми. Каркас этой пирамиды составляла иерар — хия партийных комитетов во главе с назначенными «сверху» секрета — рями¹⁹³. Все руководство кадровой политикой переходило к Оргбюро и Секретариату ЦК РКП(б). При этом партаппарат формировался только из людей, строго отобранных по «политическому признаку».

Большое значение для формирования кадровой политики в партии стало внесение новых положений в Устав партии, принятых на XII Всерос — сийской партийной конференции (4 — 7 августа 1922 г.). Речь идет о дополнении, предусматривавшем наличие у секретарей губкомов партийного стажа до 1917 г. и обязательность их утверждения выше — стоящей партийной инстанцией.

Менее чем через два месяца после назначения Сталина генеральным секретарем, у Ленина случился приступ, лишивший его трудоспособности. Эти два события обозначили новую эпоху в истории партии и страны.

Самой авторитетной фигурой продолжал оставаться Троцкий, счи — тавшийся в партии вторым лицом после Ленина. В это же время кон — центрировать власть в своих руках начинают Сталин, Каменев и Зи — новьев. В июле 1922 г. Сталиным и Каменевым была сделана попытка ограничить встречи больного Ленина с интересующими его людьми. 20 июля 1922 г. Политбюро ЦК на своем заседании приняло решение о том, что свидания с Лениным «должны допускать лишь с разрешения Политбюро, без всяких исключений»¹⁹⁴.

2 октября 1922 г. Ленин смог приступить к работе. Тактика «тройки» по отношению к Ленину сводилась к тому, чтобы отстранить его, по возможности не вступая в открытый конфликт, от принятия решений. Эта тактика находила поддержку у многих членов Политбюро ЦК.

По некоторым серьезным проблемам внутренней и внешней по — литики уже в 1922 г. решения принимались без участия Ленина его затем ставили перед фактом. Часто решения принимались после того, как Ленин по состоянию здоровья вынужден был покидать заседание. При этом «тройка» затягивала заседание, чтобы вынести решение после ухода вождя. Однако Ленин, поняв это, настоял включить в регламент

решение учитывать мнение каждого члена Политбюро ЦК¹⁹⁵.

Одновременно Сталин, Каменев и Зиновьев пытались заручиться под — держкой Ленина в их борьбе с Троцким. Свой категорический отказ Ленин выразил в его записке Каменеву, посланной после того, как он смог приступить к работе: «Я думаю, преувеличения удастся избежать. «Выкидывает (ЦК) или готов выкинуть здоровую пушку за борт», — Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение выкидывать за борт Троцкого — ведь на это же Вы намекаете. Иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если вы не считаете меня оглупевшим до безнадеж — ности, то как вы это можете думать!!! Мальчики кровавые в глазах»¹⁹⁶.

Ленин не только не поддержал действий «тройки», направленных на отсечение Троцкого от власти, но и внес предложение о назначении его своим основным заместителем по Совнаркому.

Не получив поддержки вождя, Сталин, Зиновьев и Каменев направили усилия на то, чтобы ослабить позиции Троцкого в военном ведомстве и по возможности изолировать его от участия в принятии решений по другим вопросам.

Понимая, к каким последствиям может привести борьба за лидерство в партии, и опасаясь, что дело, какому он отдал всю свою жизнь, без него погубят, теряющий силы Ленин решает дать последнее наставление. В продиктованной им в конце декабря 1922 г. «Письме к съезду» он ха — рактеризует деловые и человеческие качества своих возможных преем — ников и дает понять, что ни один из них не подходит на роль лидера партии. Стало быть, тончайший слой «старой гвардии» способен и дол — жен выступить коллективным вождем. Насколько талантлив выдвинутый руководитель — в этом случае не имело бы решающего значения.

Приняв решение продиктовать «Письмо к съезду», Ленин чувствовал необходимость скорректировать политический курс, опиравшийся на ос — новные догмы марксизма. Однако он по определению не мог увидеть главную опасность — ставку на непогрешимость одной партии, на насилие как способ решения социальных проблем. На этой позиции он стоял твердо.

Важным направлением в политике «диктатуры партии», проводимой с начала 1920 — х гг., стало возвышение партийных комитетов над Совета — ми, что означало фактическую ликвидацию советской власти. Сначала управление в советах перешло к исполкомам, затем к президиумам ис — полкомов, а сами президиумы исполкомов попали в полное подчинение к партийным комитетам¹⁹⁷. Рассматривая это как закономерность, Ленин в 1921 г. писал: «...Как правящая партия мы не могли не сливать с «вер — хаами» партийными «верхи» советские — они у нас слиты и будут та — ковыми»¹⁹⁸.

Советы были лишены полномочий, ресурсов, кадров. Безвластие со — ветов привело к тому, что народ уже не принимал их всерьез. На выбо —

рах сельских и волостных советов в 1922 г. в голосовании приняло участие лишь 20,4% избирателей.

Попытку восстановить дееспособность советов предпринял ВЦИК. 8 февраля было принято постановление о регулярных перевыборах советов и созыве их съездов в установленные сроки, а также об организации городских советов¹⁹⁹.

20 марта 1921 г. на заседании комфракции ВЦИК Калинин заявил: «...Я думаю, вам известно, что Калинин не является баловнем ЦК партии, ни в прошлом, ни в настоящем составе. Мы можем иногда фрондировать, как правительственные вельможи... но столько, чтобы это не помешало влиянию самого ЦК...»²⁰⁰.

Спустя три дня Ленин поддержал настойчивые предложения руководства ВЦИК о необходимости восстановить действие советской Конституции и в связи с этим повысить роль высших конституционных органов — Совнаркома и ВЦИК. Было признано необходимым привлечь к участию в работе правительства наркомов, а не их замов, как это практиковалось, наладить регулярные сессии ВЦИК с тем, чтобы активизировать законотворческую деятельность и систематически контролировать работу наркоматов и Совнаркома²⁰¹.

22 мая 1922 г. в выступлении перед членами комфракции ВЦИК Калинин сказал: «В ближайшее время на сессии будет внесен вопрос о разграничении работы между СНК, ЦИК, между партийными и советскими органами. Сейчас же ЦК провел постановление, что все законопроекты... не передаются на предварительное рассмотрение ЦК, а прямо вносятся сюда, обсуждаются... и принимаются сессией. После первого принятия сессией они передаются на окончательное редактирование в Комиссию. В этот промежуток времени ЦК смотрит за тем, есть ли какие-нибудь нарушения...вносит свои коррективы в законопроект», В то же время Калинин заметил, что еще «неизвестно», как это «пройдет в жизнь»²⁰².

На XI съезде РКП(б) Осинский поставил вопрос о диктате Политбюро над всеми государственными органами, о необходимости передать законодательные функции от Совнаркома ВЦИКу. «...Не может учреждение, состоящее из 16 безответственных или мало ответственных людей, представителей своих ведомств, писать и решать законы»²⁰³. Съезд не принял предложение Осинского, но постановил «разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей пришлось брать на себя в предшествовавший период»²⁰⁴. В октябре ВЦИК принял «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах», направленное на реанимацию местных органов конституционной власти.

К X съезду советов Сапронов подготовил тезисы доклада по советскому строительству. Они предусматривали разграничение полномо —

чий советов всех уровней и партийных органов, включая ЦК. «Партия оставляет за собой главным образом идейное, политическое руководство. Вся же практическая работа на основе данных партийной директив должна проводиться Советами», — говорилось в тезисах. Более детальные меры по разграничению полномочий предполагалось наметить ЦК совместно с коммунистической фракцией Президиума ВЦИК. Для руководства советской работой при Президиуме ВЦИК предполагалось создать «соответствующий аппарат»²⁰⁵.

22 декабря 1922 г. тезисы доклада были одобрены коммунистической фракцией съезда советов. Однако Политбюро сняло с повестки дня X съезда советов вопрос о советском строительстве. «Этот вопрос решено было считать несуществующим для настоящего съезда», — объявил на заседании комфракции Енукидзе²⁰⁶.

В условиях жесткой однопартийной диктатуры, централизованной системы управления принятие предлагаемых мер не помогло бы советам обрести даже часть той власти, какую они имели в конце 1917 — начале 1918 гг. Однако и эти предложения не были приняты. Таким образом, кампания по «оживлению» советов ограничилась в основном формальными мерами.

«Диктатура партии» выразилась в том, что партийный аппарат подмял под себя государство, превратившись в структуру власти. По свидетельству Калинина, к тому времени партийный аппарат уже на 2/3 управлял промышленностью, а Политбюро ЦК РКП(б) не только руководило работой всех центральных учреждений (СНК, СТО, Госплан, Президиум ВЦИК и др.), но и утверждало их постановления²⁰⁷. Это была жестко централизованная структура, при строгой иерархии партийных комитетов разных уровней. По тому же типу были устроены находившиеся под строгим контролем советские, хозяйственные, профсоюзные, комсомольские и карательные органы.

К началу 1920-х гг. окончательно создана система строгого конспирирования всей внутрипартийной деятельности партии. Была засекречена вся переписка. Решения высших партийных органов оформлялись как «секретные» и «строго секретные». 12 сентября 1921 г. постановлением оргбюро ЦК было создано Бюро секретариата ЦК, в нем сосредоточилось секретное делопроизводство высших партийных органов. Сюда поступала вся секретная информация с мест. К концу 1922 г. штат бюро секретариата ЦК насчитывал 68 человек. Возглавлял его первый помощник Сталина. При этом было установлено, что только ему следует вскрывать всю поступающую секретную почту.

Характерно, что постановления Политбюро ЦК, касавшиеся, например, развития военной промышленности, международной политики, проведения репрессий, не фиксировались в протоколах заседаний. Так, в приложении к протоколу Политбюро ЦК от 3 — 8 февраля 1922 г. имелся

пункт, который впоследствии стал играть едва ли не важнейшую роль в секретном делопроизводстве партийного аппарата. В этом пункте говорилось: «Особо секретные предложения и решения Политбюро ЦК вносятся в протокол в самой краткой форме, самое же решение заносится на особом листе. Необходимые сообщения заинтересованным лицам делаются на особом листе под их распиской, причем безусловно и немедленно по прочтении возвращаются в Секретариат ЦК»²⁰⁸.

Так же, как и в Бюро секретариата ЦК, в партийных органах на местах стали действовать секретно — директивные части, куда поступали директивные указания вышестоящих партийных органов. 30 августа 1922 г. секретариат ЦК утвердил «Инструкцию о порядке хранения и движения секретных документов». В соответствии с ней все центральные и местные учреждения должны были сосредоточить секретное делопроизводство в специально для того выделенных секретных частях. При этом контроль и наблюдение за порядком и условиями пересылки и хранения секретной переписки возлагались на ГПУ²⁰⁹.

В конце ноября 1922 г. был утвержден порядок хранения секретных документов. С этого времени круг лиц, которым рассылались выписки из протоколов ЦК РКП, партийных комитетов и отдельные распоряжения секретарей ЦК и парткомов, определялся одним из секретарей ЦК или секретарями парткомов. Эти выписки адресовались им персонально²¹⁰.

Таким образом, партийный аппарат действовал как настоящая подпольная организация, находившаяся во враждебном окружении. Власть делала все, чтобы оградить свою деятельность завесой секретности. Именно с начала 1920-х гг. партийные, да и иные конференции и съезды лишались всякой самостоятельности в принятии решений. Все решения предварительно согласовывались в ЦК партии. Не обладали никакой самостоятельностью и партийно — государственные органы на местах — они тоже стали полностью зависеть от политбюро, оргбюро и секретариата ЦК партии.

Образование СССР

На завершающем этапе гражданской войны одной из главных задач для большевиков становится объединение территорий бывшей Российской империи.

К этому времени Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония успели обрести независимость. Москва утратила контроль над Бессарабией, захваченной Румынией, и территорией, отошедшей после Брестского мира к Турции.

Различную степень независимости от центра обрели вновь образованные Украинская, Белорусская Азербайджанская, Армянская и Грузинская Социалистические Советские Республики, Дальневосточная Республика со столицей в городе Чите и две «народные советские республики» в Средней Азии — Хорезмская и Бухарская.

Наконец, Российская Социалистическая Советская Республика, занимавшая 92% территории, с 70% населения будущего союза советских республик включала в себя 20 автономных единиц, большей частью с нерусским населением.

В разгар гражданской войны образовалось «сотрудничество в форме военного союза» республик. Посредством его превращения в «военно — экономический и политический союз народов» осуществлялось воссоединение территорий бывшей Российской империи.

15 февраля 1920 г. было опубликовано Постановление ВЦИК, в котором говорилось, что «установление нормальных отношений с Р.С.Ф.С.Р. и входящими в ее состав автономными Советскими Республиками и, вообще, нерусскими национальностями» есть «одна из важнейших задач ВЦИК»²¹¹. Летом 1920 г. были образованы Башкирская, Татарская, Казахская и Калмыцкая автономные республики.

20 сентября 1920 г. между РСФСР и Азербайджаном был подписан договор. В соответствии с ним стороны соглашались на тесный военный и финансово — экономический союз. Этот договор стал своеобразной моделью для заключения последующих договоров РСФСР с другими советскими республиками. По этому договору подлежали объединению военные силы, органы, контролирующие экономику и внешнюю торговлю, железнодорожный и водный транспорт, почта, телеграф, финансы.

В декабре 1920 г. был заключен договор между РСФСР и Украиной. Договор был подписан в Москве в торжественной обстановке от имени РСФСР самим Лениным, что говорило о большой значимости, придаваемой этому акту. Председатель украинского Совнаркома Х.Г. Раковский, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, куда он был приглашен, выразил уверенность в том, что «дальнейшая наша политика будет идти по пути объединения, и в особенности теперь, в период советского хозяйственного строительства, эта сплоченность и объединение также и, может быть, даже более необходимы, чем раньше, в период военной обороны»²¹².

Договор оставлял за Украиной, по крайней мере на бумаге, определенную долю независимости. В его преамбуле подтверждалась незыблемость «провозглашенного великой пролетарской революцией права народов на самоопределение», признавались «независимость и суверенитет каждой из договаривающихся сторон», необходимость «сплотить свои силы в целях обороны, а также в интересах их хозяйственного строительства»²¹³.

В договоре указывалось, что всеми военными, военно — морскими делами, народным хозяйством, внешней торговлей, транспортом, финансами, почтой, телеграфом отныне ведают «объединенные комиссариаты», которые «входят в состав Совнаркома Р.С.Ф.С.Р. и имеют в Совете Народных Комиссаров У.С.С.Р. своих уполномоченных, утверждаемых украинскими Ц.И.К. и Съездом Советов». Высшими органами власти для «объединенных комиссариатов» стали ВЦИК и Всероссийский съезд Советов, где Украина имела своих представителей.

В 1921 г. в систему двусторонних договоров вошла Белоруссия. Договор с ней мало чем отличался от договора с Украиной, если не считать финансовых вопросов. Для их решения в белорусский Совнарком был введен представитель российского комиссариата финансов. Договором предусматривался также порядок представления в Наркомфин и Совнарком РСФСР бюджетов объединенных комиссариатов, где они утверждались и включались в бюджет РСФСР²¹⁴.

Договоры о союзе и экономические соглашения были заключены с республиками Средней Азии — 13 сентября 1920 г. с Хорезмской Республикой и 4 марта 1921 г. с Бухарской Республикой. Военные статьи договоров предусматривали «военно — политическое» соглашение для установления «общего плана, общего руководства и подготовки сил, обеспечивающих осуществление задач охраны независимости и свободы обеих республик»²¹⁵. Однако, из — за того, что почти до конца 1922 г. Красная Армия вынуждена была вести в Средней Азии масштабные военные действия против басмачей, реализовать военные статьи договоров было сложно.

Эти договоры, как и заключенные РСФСР с автономными или независимыми социалистическими советскими республиками, объективно вели к зависимости Хорезма и Бухары от РСФСР.

С серьезными для Москвы трудностями проходило объединение Закавказских республик. После февральских событий 1921 г., когда власть в Грузии перешла к большевикам, Ленин 2 марта 1921 г. принимает решение направить туда Орджоникидзе с тем, чтобы тот достиг «приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях». Ленин считал, что «условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики». Однако несмотря на это центральные власти продолжали форсировать процесс объединения трех кавказских республик в одну федеративную единицу, которая затем должна была подписать договор об объединении с РСФСР. Это вызвало трения между сторонниками и противниками такого объединения как среди грузинских большевиков, так и в самом Цент —

ральном Комитете партии, и прежде всего между Лениным и Сталиным.

Против такого объединения, навязываемого Москвой, выступили грузинские коммунисты Махарадзе, Орахелашвили, Мдивани. Однако, несмотря на возникшие разногласия, 12 марта 1922 г. три республики Закавказья заключили под давлением центра договор о Федерации Социалистических Советских Республик Закавказья. В ее ведение переходили внешние сношения, внешняя торговля, финансы, оборона, транспорт, руководство экономической политикой трех республик.

Таким образом, к лету 1922 г. объединение республик, возникших вокруг РСФСР на развалинах бывшей Российской империи, фактически было завершено. Самостоятельность союзных республик хотя и была провозглашена, однако оставалась номинальной, ибо реальная власть в них принадлежала партийным комитетам, действовавшим на принципах так называемого «демократического централизма». Все важнейшие политические и хозяйственные решения принимались центральными партийными органами и, следовательно, были обязательными для всех без исключения партийных организаций, включая и республиканские.

В этих условиях встала задача определить принципы отношений внутри этого объединения. Однако в партии не было единства мнений насчет национально — государственного строительства, как и насчет суверенитета республик в период образования единого государства.

Ленин считал, что неизбежны федерация, появление самостоятельных государственных образований на национальной основе, вступающих между собой в договорные отношения, культурно — национальные автономии как в территориальном, так и в экстерриториальном аспектах²¹⁶. Такая позиция Ленина, остававшегося по сути своей в первую очередь революционером, была основана на сохраняющейся у него вере в торжество грядущей мировой революции. С ее наступлением федеральное устройство государства, право на самоопределение открывает возможность присоединения к союзу все новых и новых республик.

В отличие от Ленина, Сталин в своих взглядах на решение национального вопроса выступал в первую очередь как державник, а уж потом как революционер. Понимание Сталиным и его сторонниками решения национального вопроса опиралось на две господствующие в общественном сознании идеи — неделимой России и подчиненности национального вопроса вопросу о власти. Реализовать эти идеи можно было только через унитаризм. В письме от 12 июня 1920 г. Сталин писал: «Для наций, вошедших в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений»²¹⁷.

Сталин постоянно подчеркивал, что советская федерация по своего типу должна быть «централизованной», с допущением автономии разных областей, «естественно сочетавших в себе особенности быта, своеобразия национального состава и некоторую минимальную ценность экономической территории»²¹⁸. При этом, по его твердому убеждению, «автономия не представляет независимости», «не означает отделение», поскольку у центральной власти должны быть оставлены «все важные для всей страны функции», а отделение от России ее окраин «должно быть исключено».

Сталин считал, что автономиям подобает роль субъектов федерации, а сама федерация с сильной центральной властью должна стать переходной ступенью к «социалистическому унитаризму».

Теоретические установки Сталина в решении национального вопроса, допускающие территориальное самоуправление наций и народностей России лишь в рамках единой государственности, имели под собой достаточно твердую практическую основу. Соединение партии и государства, при том, что организационную структуру партии отличал жесткий централизм, требовало такого же жестко централизованного государства.

Москва, в нарушение заключенных договоров, постоянно вмешивалась во внутреннюю жизнь республик, вызывая тем самым их протест. Для урегулирования возникших конфликтов с Украиной Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании 11 мая 1922 г. вынуждено было принять решение создать специальную комиссию «для проверки отношений между УССР и РСФСР и выработки положения, регулирующего отношения между ними»²¹⁹.

Недовольство постоянным вмешательством центра в ее дела выражала Грузия. Председатель ЦИК республики Ф. Махарадзе писал Ленину: «К сожалению, внешние условия для нашей работы за это время несколько не улучшились, а наоборот, они ухудшились и продолжают все более ухудшаться. Прежде всего, создалась у нас страшная путаница и неразбериха во взаимоотношениях между союзными органами, с одной стороны, и республиканскими, с другой». По мнению Махарадзе, проблема заключается в том, «что некоторые из ответственных товарищей, которые пользуются исключительным влиянием, хотят во что бы то ни стало опередить естественный ход вещей и форсировать события, не считаясь ни с внутренней, ни с международной обстановкой... Должен откровенно сказать, что Грузию нельзя мерить ни азербайджанским, ни туркестанским аршином»²²⁰.

Конфликты, периодически возникавшие между центром и республиками, свидетельствовали о слабости системы двусторонних договоров.

10 августа 1922 г. ЦК РКП(б) принял решение создать специальную комиссию во главе со Сталиным для установления формы единого государства. Кроме Сталина, в нее вошли В.В. Куйбышев, С. Орджони-

кидзе, Г.Я. Сокольников, Х.Г. Раковский и по одному представителю республик. Комиссии было поручено «к следующему Пленуму ЦК подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик»²²¹.

На рассмотрение комиссии в конце августа 1922 г. был представлен подготовленный Сталиным «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». Первый пункт документа гласил: «Признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»²²². Таким образом, единым союзным государством провозглашалась Советская Россия, в состав которой должны были войти на правах автономных республик Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Грузия.

Проект, получивший название «план автономизации», вызвал острую дискуссию как среди членов комиссии, так и в ЦК компартий союзных республик.

Ленин из-за болезни не участвовал в предварительном обсуждении сталинского плана. Ознакомившись с ним после, он выступил против этого проекта «автономизации». 26 сентября 1922 г. он пишет Каменеву: «По моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим делом и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать... сказать вместо «вступления» в РСФСР — «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии»²²³.

Ленинская позиция по вопросу о принципах взаимоотношений между советскими республиками была учтена комиссией, в результате чего первоначальный, подготовленный Сталиным проект претерпел серьезные изменения.

6 октября 1922 г. ЦК утвердил проект резолюции, переработанный по указаниям Ленина. Первый пункт резолюции гласил: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Советских Социалистических Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза...»²²⁴.

Этот проект был принят всеми национальными партиями. При этом грузинские руководители потребовали, чтобы их республика вошла в Союз не в составе Закавказской федерации, а самостоятельно. Прямому вхождению Грузии в Союз воспротивились Сталин и его представитель в Тифлисе Орджоникидзе — они ссылались на сложную национальную обстановку на Кавказе.

Во время одной из дискуссий страсти накалились до такой степени,

что Орджоникидзе ударил одного из своих оппонентов. Возмущившись таким поведением Сталина и Орджоникидзе, Ленин написал 30 декабря 1922 г. письмо грузинским большевикам, в каком он объявлял войну любым проявлениям великорусского шовинизма. За несколько дней до того, как окончательно отойти от дел, тяжело больной Ленин направил письмо Троцкому с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии»²²⁵. Одновременно он направил письмо руководителям грузинских большевиков Мдивани и Махарадзе, в каком выразил им свою поддержку. Он писал: «Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского»²²⁶. Это был последний документ, продиктованный Лениным.

Советизация в Грузии обернулась арестами многих социал — демократов меньшевиков. Реализация принципов федерирования в Закавказье ударила и по грузинским коммунистам. Но если их пока лишь перебрасывали на работу в центральные губернии страны или за рубеж, то меньшевиков, успевших уже посидеть в тифлиских тюрьмах, с декабря 1922 г. начали группами вывозить в Ярославский политизолятор, на поселения в Вологодскую и Северо — Двинскую губернии.

30 декабря 1922 г. состоялся I съезд Советов ССР, который в основном утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, подписанные четырьмя республиками (РСФСР, Украиной, Белоруссией, Закавказьем). Этот день, сказал Сталин, выступая на съезде с основным докладом, явился днем «торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии»²²⁷.

Так в конце 1922 г. наступил период истории Союза Советских Социалистических Республик. Это знаменовало собой завершение переворота, совершенного ленинской группировкой.

Примечания:

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 28.

² Там же. Т. 45. С. 282.

³ Исторический архив. 1962. № 2. С. 66 — 67.

⁴ Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919 — 1921 гг. // Антоновщина. Тамбов. 1994. С. 10.

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 47.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 363.

⁷ Там же. С. 42 — 43.

⁸ Гильгер Г., Майер А. Несовместимые союзники. Германо — советские отношения 1918 — 1941 гг. М. 1954. С. 87 — 88.

⁹ Восьмой Всероссийский съезд Советов. С. 267 — 271.

¹⁰ Розенфельд Я.С. Промышленная политика СССР. М. 1926. С. 317.

- ¹¹ Покровский М.Н. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. 14. С. 16.
- ¹² Восьмой Всероссийский съезд Советов. С. 92.
- ¹³ Там же. С. 49 — 52, 54.
- ¹⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М. 1920. С. 107.
- ¹⁵ Собрание узаконений. 1920. № 8. Ст. 49.
- ¹⁶ Покровский М.Н. Указ. Соч.. С. 15.
- ¹⁷ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пет — роград, 1922. С. 224 — 227.
- ¹⁸ Петроградская правда. 1 января 1921 г.
- ¹⁹ Петроградская правда. 26 января 1921 г.
- ²⁰ Цит. по: Маслов С.С. Россия после четырех лет революции. Париж. 1922. Ч. 2. С. 133.
- ²¹ Там же. С. 139 — 140.
- ²² Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 197. Л. 1.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 114. Л. 81.
- ²⁴ Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919 — 1921 гг. С. 79 — 80.
- ²⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. М. 1999. С. 429.
- ²⁶ Там же. С. 428429.
- ²⁷ Там же. С. 429.
- ²⁸ Крестьянские восстания в Тамбовской губернии. С. 178 — 179.
- ²⁹ Там же. С. 179.
- ³⁰ Там же. С. 176.
- ³¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 3. Д. 70. Л. 346.
- ³² Крестьянские восстания в Тамбовской губернии. С. 166.
- ³³ Там же. С. 246.
- ³⁴ Яковлев А.Н. Крестосев. М. 2000. С. 106.
- ³⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы... С. 429.
- ³⁶ Томский областной центр документов новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 218; Курганский областной государственный архив обществен — но — политических движений (КОГАОПД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6а. Л. 85.
- ³⁷ КОГАОПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6а. Л. 85.
- ³⁸ Государственный архив Тюменской области (ГАТЮМО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 94. Л. 108.
- ³⁹ Богданов М.А. Разгром западно — сибирского кулацко — эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень. 1961. С. 106.
- ⁴⁰ Петрушин А.А. Неизвестная война. Новые факты из истории крестьянского восстания в Сибири // Труд. 7 февраля 1991 г.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 166. Л. 2 — 2 об; Ф. 76. Оп. 3. Д. 166. Л. 3.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 265. Л. 1.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 265. Л. 1 об.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 265. Л. 4 — 5.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Петроградская правда. 25 февраля 1921 г.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 — 2.
- ⁴⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Фе — дерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 114728. Т. 269. Л. 5 — 5 об.
- ⁴⁹ Петроградская правда. 5 марта 1921 г.
- ⁵⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 3. Л. 3.

- ⁵¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 175. Л. 5.
- ⁵² ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 175. Л. 7.
- ⁵³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 175. Л. 8 — 9.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 2. Л. 7.
- ⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 175. Л. 8.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 175. Л. 8.
- ⁵⁷ Известия ВРК. 5 марта 1921 г.
- ⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Материалы по кронштадтскому мятежу. Л. 24 — 25.
- ⁵⁹ Известия ВРК. 4 марта 1921 г.
- ⁶⁰ Петроградская правда. 3 марта 1921 г.
- ⁶¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 765. Л. 20.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
- ⁶³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 3. Л. 30.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 505.
- ⁶⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 3. Л. 50.
- ⁶⁶ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М. 1997. С. 15.
- ⁶⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 6. Л. 4.
- ⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 4. Л. 46.
- ⁶⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 3. Л. 47.
- ⁷⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 4. Л. 46.
- ⁷¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 3. Л. 96.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 141. Л. 8.
- ⁷³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 5. Л. 4; Т. 6. Л. 137.
- ⁷⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 16.
- ⁷⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 367. Л. 40.
- ⁷⁶ АП РФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 80. Л. 33.
- ⁷⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 74. Л. 2 — 4 об.
- ⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Материалы по кронштадтскому мятежу. Л. 24.
- ⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 82. Л. 436; Т. 83. Л. 1 — 2.
- ⁸⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 18. Л. 5; Т. 93. Л. 92; Т. 18. Л. 2 об; Т. 18. Л. 63; Т. 21. Л. 64 об; Т. 21. Л. 65.
- ⁸¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Материалы по кронштадтскому мятежу. Л. 25.
- ⁸² ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 29. Л. 72 — 73.
- ⁸³ Кронштадт. 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М. 1997. С. 15.
- ⁸⁴ Троцкий Л.Д. Соч. Т. XVII. Ч. 2. М. 1926. С. 543 — 544.
- ⁸⁵ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1963. С. 404 — 405.
- ⁸⁶ Там же. С. 406.
- ⁸⁷ Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М. 2000. С. 17.
- ⁸⁸ Восьмой Всероссийский съезд Советов... С. 119.
- ⁸⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 46.
- ⁹⁰ Там же. Т. 45. С. 282.
- ⁹¹ Там же. Т. 45. С. 47.
- ⁹² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. М. 1999. С. 425.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны. Антигосударственные воору —

женные выступления и повстанческие движения в Советской России 1921 — 1925 гг. М. 2000. С. 98.

⁹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 537 — 538.

⁹⁶ Там же. С. 308.

⁹⁷ Там же. Т. 43. С. 219.

⁹⁸ Там же. С. 329.

⁹⁹ Там же. С. 330; т. 44. С. 464.

¹⁰⁰ Там же. Т. 45. С. 10, 86.

¹⁰¹ Правда. 30 апреля 1925 г.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2560. Л. 4.

¹⁰³ Там же. Л. 3.

¹⁰⁴ Собрание узаконений. 1921. № 48. С. 240.

¹⁰⁵ Красная газета. 10 августа 1921 г.

¹⁰⁶ IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. 1921. С. 4.

¹⁰⁷ Осоргин М. Времена. Париж, 1955. С. 159.

¹⁰⁸ Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М. 2000. С. 10.

¹⁰⁹ Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов. М. 1921. С. 80.

¹¹⁰ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. С. 59.

¹¹¹ Всероссийская конференция РКП(большевиков). № 3. 21 декабря 1921 г. С. 20.

¹¹² Обзор деятельности ВЧК за 4 года. 1921. С. 208.

¹¹³ ЦА ФСБ РФ. Коллекция документов.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 197. Л. 1; Ф. 17. Оп. 3. Д. 153. Л. 1; Д. 215. Л. 5; Ф. 2. Д. 641. Л. 1 — 6.

¹¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 331. Л. 9.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 309. Л. 40.

¹¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 16. Л. 4.

¹¹⁸ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. М. 1975. С. 549 — 551; Уншлихт И.С. О Владимире Ильиче // Воспоминания о В.И. Ленине. М. 1984. Т. 4. С. 75 — 77.

¹¹⁹ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.

¹²⁰ Отечественная история. 1993. № 2. С. 31.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18265. Л. 12.

¹²² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 826. Л. 23.

¹²³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 2. Л. 3639.

¹²⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 79.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 4145.

¹²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 6.

¹²⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 334. Л. 3.

¹²⁸ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 449 — 450.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 — 2.

¹³⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 2. Л. 55.

¹³¹ Там же. Л. 80.

¹³² Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 130 — 131.

- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 — 2.
- ¹³⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 611. Л. 124.
- ¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 345. Л. 5.
- ¹³⁶ Там же. Л. 7.
- ¹³⁷ Там же. Л. 1.
- ¹³⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 29. Л. 44 — 47.
- ¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 546. Лл. 101 об.
- ¹⁴⁰ Сборник приказов и распоряжений ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР. Т. 3. Ч. 2. М. 1935. С. 72 — 91.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 50.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 611. Л. 124.
- ¹⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 323. Л. 9, 12 — 14, 17.
- ¹⁴⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 60.
- ¹⁴⁶ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл лекций. М. 1991. Т. 2. С. 270.
- ¹⁴⁷ Озолис К.В. Мемуары посланника. Париж. 1938. С. 216; Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк. 1952. С. 32.
- ¹⁴⁸ Русское прошлое. Научно-документальный альманах. Кн. 5. СПб. 1993. С. 187 — 188.
- ¹⁴⁹ Геллер М., Некрич А. История России 1917 — 1945. Кн. 1. М. 1996. С. 148.
- ¹⁵⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 198; Т. 45. С. 31.
- ¹⁵¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 5 — 5 об.
- ¹⁵² Там же. Л. 6.
- ¹⁵³ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 265 — 266.
- ¹⁵⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 6 — 16.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁵⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 198; Т. 45. С. 31.
- ¹⁵⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 175. Л. 6.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245. Л. 2.
- ¹⁵⁹ РГАНИ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 254. Л. 23.
- ¹⁶⁰ Политбюро и церковь. 1922 — 1925 гг. М. 1997. С. 11.
- ¹⁶¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192 — 193.
- ¹⁶² Там же. С. 193.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ К канонизации новомучеников российских. М. 1991. С. 29 — 30.
- ¹⁶⁵ Цыпин В. История Русской Православной церкви. 1917 — 1990. М. 1994. С. 41.
- ¹⁶⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 49. Д. 8. Л. 42.
- ¹⁶⁷ Правда. 5 августа 1922 г.
- ¹⁶⁸ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 177. Л. 12.
- ¹⁶⁹ Сборник приказов и распоряжений ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 3. Ч. 1. М. 1935. С. 44.
- ¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1078. Л. 1.
- ¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 228. Л. 209 об.
- ¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 230. Л. 18.

- ¹⁷³ Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 235 — 236.
- ¹⁷⁴ Правда. 19 января 1921 г.
- ¹⁷⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 43, 44.
- ¹⁷⁶ Десятый съезд РКП(б). Март 1921. Стенографический отчет. М. 1963. С. 576.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 572 — 573.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 573.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 564.
- ¹⁸¹ Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М. 2000. С. 29.
- ¹⁸² Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1961. С. 371 — 379.
- ¹⁸³ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4 — й. М. 1923. С. 39.
- ¹⁸⁴ Назаров О.Г. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁸⁵ Бубнов А.С. ВКП(б). М. — Л. 1931. С. 557.
- ¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 17. Л. 66.
- ¹⁸⁷ Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников. М. 1991. С. 45.
- ¹⁸⁸ Назаров О.Г. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.
- ¹⁹⁰ Назаров О.Г. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁹¹ Известия ЦК РКП(б). 1920. № 24. С. 5, 8; № 25. С. 5; № 27. С. 1 — 4.
- ¹⁹² Наумов В.П. Ленинское завещание // Правда. 1988. 26 февраля.
- ¹⁹³ Вопросы истории. 1998. № 11 — 12. С. 52.
- ¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 102. Л. 12.
- ¹⁹⁵ Назаров О.Г. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁹⁶ Наумов В.П. 1923 год. Судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 36.
- ¹⁹⁷ Вопросы истории. 1998. № 4. С. 54.
- ¹⁹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 15.
- ¹⁹⁹ Декреты советской власти. Т. 13. М. 1989. С. 39 — 42.
- ²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 18. Л. 62, 63.
- ²⁰¹ Там же. Л. 61, 512, 513.
- ²⁰² РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 7. Л. 14 — 15.
- ²⁰³ Одиннадцатый съезд РКП(б)... С. 88.
- ²⁰⁴ Там же. С. 525.
- ²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 10. Л. 216.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 8.
- ²⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 260. Л. 6; Д. 974. Л. 6; Д. 1003. Л. 59; Д. 1006. Л. 23, 55.
- ²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 100.
- ²⁰⁹ Вопросы истории. М. 1998. № 11 — 12. С. 57.
- ²¹⁰ См.: Яблочкина И.В. Указ. соч. С. 124.
- ²¹¹ Жизнь национальностей. № 6. 1920.
- ²¹² Восьмой Всероссийский съезд Советов... С. 232.
- ²¹³ Там же. С. 234.
- ²¹⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Петербург. 1921. Вып. II. 41. С. 7 — 8.

²¹⁵ Карр Э. История России. Большевистская революция 1917 — 1923. М. 1999. Том 1. Часть III. С. 307.

²¹⁶ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М. 1992. С. 9.

²¹⁷ Там же. С. 10.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же. С. 94.

²²⁰ Там же. С. 107.

²²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

²²² Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192 — 193.

²²³ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 211.

²²⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 206.

²²⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.

²²⁶ Там же. С. 330.

²²⁷ Сталин И.В. Соч. Т. 5. М. 1954. С. 158.

ДРАМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БОЛЬШЕВИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Приложения

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СУЩЕСТВОВАНИЯ ФРОНТОВ РККА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наименование фронтов (отдельных армий, районов обороны)	Время существования
Восточный фронт	13.06.1918 – 15.01.1920
Северный фронт	11.09.1918 – 19.02.1919
Южный фронт (<i>против А.И. Деникина</i>)	11.09.1918 – 10.01.1920
Западный район обороны	11.09.1918 – 15.11.1918
Отдельная Западная армия	15.11.1918 – 19.02.1919
Каспийско – Кавказский фронт	08.12.1918 – 13.03.1919
Забайкальский фронт	30.04.1918 – июль 1918
Гродековский фронт	05.06.1918 – 28.07.1918
Уссурийский фронт	03.07.1918 – 28.08.1918
Восточный фронт ДРВ	январь 1922 – 02.05.1922
Украинский фронт	04.01.1918 – 15.06.1919
Западный фронт	19.02.1919 – 18.04.1924
6 – ая отдельная армия	19.02.1919 – 15.04.1920
11 – ая отдельная армия	19.03.1919 – 12.06.1919
Актюбинский фронт	24.04.1919 – 28.05.1919
Северный	с 01.06.1919
Северо – Восточный	с 03.10 1919
Туркестанский фронт	14.08.1919 – 1926
Семиречинский фронт	
Туркестанской республики	28.06.1918 – 22.11.1919
Юго – Восточный фронт	01.10.1919 – 16.01.1920
Юго – Западный фронт	10.01.1920 – 31.12.1920
5 – ая отдельная армия	15.01.1920 – 06.09.1922
Кавказский фронт	16.01.1920 – 29.05.1921
7 – ая отдельная армия	10.05.1920 – 10.05.1921
Южный фронт (<i>против П.Н. Врангеля</i>)	21.09.1920 – 10.12.1920

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПРОСОВЕТСКИХ,
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВ, СУЩЕСТВОВАВШИХ В ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1917-1922)

Название	Время существования
Советские республики	
Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика	26 – 27.11.1917 – 30.12.1922
Украинская Социалистическая Советская Республика	12.12.1917 – 26.01.1919
Таврическая Социалистическая Республика	22.03.1918 – 25.06.1918
Крымская Советская Республика	апрель 1919 – июнь 1919
Донецко – Криворожская Советская Республика	февраль 1918 – апрель 1918
Одесская советская республика	30.01.1918 – 13.03.1918
Галицийская социалистическая советская республика	лето 1920 – 1921
Бессарабская советская социалистическая республика	май 1919 – сентябрь 1919
Донская советская республика	23.03.1918 – май 1918
Кубанская Советская Республика	апрель 1918 – 30.05.1918
Кубано – черноморская советская республика	май 1918 – 07.06.1918
Северо – кавказская советская республика	07.07.1918
Терская советская республика	март 1918 – февраль 1919
Финская рабочая социалистическая республика	26.01.1918 – март 1918
Эстлянская трудовая коммуна	ноябрь 1918 – январь 1919
Литовская Социалистическая Советская Республика	16.12.1918 – август 1919

Название	Время существования
Латвийская Социалистическая Советская Республика	17.12.1918 – август 1919
Белорусская Социалистическая Советская Республика	с 01.01.1919 – февраль 1919
Латвийско – Белорусская Социалистическая Советская Республика (Литбел)	с 31.07.1920 – 1922 28.02.1919 – август 1919
Дальневосточная республика (ДВР)	06.04.1920 – 15.11.1922
Азербайджанская Социалистическая Советская Республика	13.11.1917 – лето 1918 27.04.1920 – 12.03.1922
Бакинская коммуна	15.11.1917 – 31.07.1918
Армянская Социалистическая Советская Республика	29.11.1920 – 12.03.1922
Абхазская Социалистическая Советская Республика	март 1921 – 16.12.1921
Грузинская Социалистическая Советская Республика	25.02.1921 – 12.03.1922
Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР)	12.03.1922 – 30.12.1922
Хорезмская Народная Советская Республика	апрель 1920 – 1922
Бухарская Народная Советская Республика	06.10.1920 – 04.03.1921
Туркестанская Советская Республика	05.09.1918 – 01.01.1919
Закаспийское временное правительство	июль 1918 – январь 1919
Временное Ферганское правительство	22.10.1919 – март 1920

Название	Время существования
Антибольшевистские государственные образования	
Комитет членов учредительного собрания (КОМУЧ)	08.06.1918 — сентябрь 1918
Временное Сибирское правительство (П.Я. Дербера) (Томск)	27.01.1918 — март 1918
Временное правительство автономной Сибири (П.Я. Дербера) (Владивосток)	29.06.1918 — октябрь 1918
Временное Сибирское правительство (П.В. Вологодского) (Томск)	23.06.1918 — 3.11.1918
Западносибирский комиссариат	26.05.1918 — 23.06.1918
Правительство Забайкальской области	сентябрь 1918 — 19.11.1918
Уфимская Директория (Временное всероссийское правительство)	23.09.1918 — 18.11.1919
Омская Директория	18.11.1918 — 04.01.1920
Верховное управление Северной области	02.08.1918 — 06.09.1918
Временное правительство Северной области (ВПСО)	28.09.1918 — 10.09.1920
Западно — русское правительство	июнь 1918 — сентябрь 1918
Русский западный правительственный совет	сентябрь 1919 — декабрь 1919
Северо — Западное правительство	11.08.1919 — декабрь 1919
Временное правительство Архангельской Карелии (ВПАК)	21.07.1918 — 10.12.1920
Особое совещание при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России	31.08.1918 — 30.12.1919
Правительство при Главнокомандующем вооруженными силами юга России	30.12.1919 — март 1920

Название	Время существования
Южнорусское правительство	март 1920 – 04.04.1920
Правительство Юга России	май 1920 – ноябрь 1920
Донской гражданский совет	декабрь 1917 – февраль 1918
Донское правительство	17.04.1918 – апрель 1920
Доно – Кавказский союз	август 1918 – 08.01.1919
Временное войсковое правительство Кубани	ноябрь 1917 – декабрь 1917
Кубанское краевое правительство*	ноябрь 1917 – апрель 1918
Правительство барона Унгерна	03.02.1921 – июль 1921
Приамурское временное правительство	26.05.1921 – 23.06.1922
Правительство М.К. Дитерихса	23.06.1922 – 25.10.1922

* В дальнейшем, с конца 1918 г., существовало на территории, контролируемой А.И. Деникиным.

Национальные государственные образования

Литва	июнь 1917 – 16.12.1918, август 1919 – 15 – 17.06.1940
Латвия	18.11.1918 – 20.06.1940
Балтийское герцогство	08.03.1918 – 11.11.1919
Эстония	11.11.1918 – 21.06.1940
Финляндия	с декабря 1918
Белорусская Народная Республика	09.03.1918 – 01.01.1919
Украинская Народная Республика	ноябрь 1917 – апрель 1918
«Украинская держава»	29.04.1918 – декабрь 1918
Западно – Украинская Народная Республика	01.11.1918 – 25.07.1919
Украинская директория (Украинская Народная Республика)	14.11.1918 – 20.11.1920
Крымское краевое правительство	25.06.1918 – 15.11.1918

Название	Время существования
Крымско – татарское национальное правительство	декабрь 1917 – 22.03.1918
Временное Терско – Дагестанское правительство	14.12.1917 – май 1918
Горская Республика	11.05.1917 – май 1919
«Северо – Кавказское эмирство»	сентябрь 1919 – март 1920
Юго – западная Кавказская Демократическая Республика	01.12.1918 – 10.04.1919
«Диктатура Центрокаспия»	01.08.1918 – 19.09.1918
«Закаспийское временное правительство»	июль 1918 – 09.06.1919
Закавказская Демократическая Федеративная Республика	22.04.1918 – 26.05.1918
Азербайджанская Республика	28.05.1918 – апрель 1920
«Аракская республика»	январь 1918 – май 1919
Республика Армения	28.05.1918 – 22.11.1920
Грузинская демократическая республика	26.05.1918 – 25.02.1921
Народный Совет Алаш – Орды («Алашская автономия»)	13.12.1917 – ноябрь 1918
Туркестанское автономное правительство «Кокандская автономия»	август 1917 – февраль 1918
Временное Ферганское правительство	22.10.1919 – март 1920
Бухарский эмират	22.03.1918 – сентябрь 1920
Хивинское ханство	январь 1918 – апрель 1920

ЗАРУБЕЖНЫЕ СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ
ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Название	Время существования
Советская республика в Венгрии	21.03.1919 – 01.08.1919
Советская республика в Баварии	13.04.1919 – 01.05.1919
Бременская советская республика	10.01.1919 – 04.02.1919
Советская республика в Словакии	16.06.1919 – 05.07.1919
Монгольская народная республика	с 05.11.1921

ДРАМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БОЛЬШЕВИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Указатель имен

Campbell Patrick 171
Figes O. 342
Fisher Fritz 173
Laue T. von 24
Lyandres Semion 261
Shaw Bernard 171
Ullam R. 340

Абинякин Р.М. 338
Абрамович Р.А. 148
Абросимов В.М. 92
Авксентьев Н.Д. 190, 203, 283, 299, 300
Аврех А.Я. 14
Адамов В.В. 14
Адлер В. 113, 129, 152
Адлер М. 129
Адлер Ф. 129
Азеф Е.Ф. 46, 68, 96
Аксельрод 94, 95, 97
Аксельрод П.Б. 32, 37, 38, 47, 48, 49, 54, 73, 76, 77, 146, 147, 150
Александр II 189
Александр III 37
Александра Федоровна 183
Александрова — Штейн Е.М. 39
Алексашенко А.П. 339
Алексеев А.В. 295
Алексеев М.В. 181, 182, 196, 281, 285, 297, 312, 313
Алексеев Н.Н. 280, 311, 340
Алексеева Б.Д. 23
Алексей Михайлович Романов 58
Алексей Николаевич 181
Алексинский Г.А. 102, 151
Альтфатер В.М. 291
Андреев Н.А. 259, 378

Анненков Б.И. 308
Анненков Ю.П. 393, 424
Анненский Н.Ф. 67
Антонов А.С. 354, 356
Антонов — Овсеев В.А. 218, 222, 227, 355, 409
Анфимов А.М. 14
Аргунов А.А. 283, 300
Арманд И. 132
Артов 130
Арутюнов А. 173
Астров Н.И. 268, 283, 294, 327, 328, 329, 331, 341
Ацакатов М. 314

Багратион Д.П. 207
Бадаев А.Е. 105, 127
Базаров А.А. 92
Базаров В.А. 92, 102
Бакунин М. 299
Балабанов М. 136
Балабанова А. 163
Баранская Н.В. 27, 32, 87
Бауэр О. 113, 129
Бебель А. 129, 130, 131
Белов Г.А. 317
Белостоцкий И.С. 105
Беляев 175
Бенедикт XV 140
Бердяев Н.А. 6, 331, 395, 396
Беренс Е.А. 291
Берзиня Я.К. 373
Бернацкий М.В. 211
Бернштам М. 321, 323, 339, 344
Бернштейн Э. 129
Билинский Л. 294, 338, 343

- Блюмкин Я.Г. 259
Блюхер В.К. 13, 291
Бовыкин В.И. 23
Богданов А.А. (Малиновский) 50, 53, 102, 103, 106, 107, 134, 135,
Богданов М.А. 421
Богданов П. 378
Богданова Н.Б. 27
Болдин И.В. 340
Болдырев В.Г. 283, 295, 312
Бонч – Бруевич В.Д. 200, 230, 381
Бонч – Бруевич М.Д. 291
Бордюгов Г.А. 262, 338
Бортневский В.Г. 25, 337
Брешко – Брешковская Е.К. 190
Бровкин В.Н. 25, 339
Брусилов А.А. 196, 204, 281
Брушвит И.М. 257, 301
Бубнов А.С. 104, 425
Будберг А. 309, 333, 343
Буденный С.М. 13, 291
Букшпан Я.М. 395
Булгаков С.П. 343
Булдаков В.П. 11, 14, 17, 22, 24, 262, 338
Булкин Ф.А. 116
Бунаков И.И. (Фондаминский) 283
Бурджалов Э.Н. 14, 23, 224
Буревой К. 299
Бурцев В.Л. 133
Бухарин Н.И. 32, 151, 210, 244, 351, 391, 403, 421
Буховец О.Г. 24
Бьюкенен Дж. 174, 198, 218
- Валентинов В.К. (Вольский) 49, 54, 161, 172, 257, 299, 383
Вандервельде Э. 131, 132
Ванновский А.А. 33
Вардин И. (Мгеладзе) 386
Васецкий Н.А. 134
Васильев П.Д. 363, 365, 366
Вацетис И.И. 260, 291
Вениамин митр. Петроградский 399
Вердеревский Д.Н. 208
Вернадский В.И. 59
Верховский 241
Верховский А.И. 206, 208, 218, 241, 281
Вильсон В. 141, 276
- Вирен Р.Н. 185
Витте С.Ю. 33, 58, 110
Вишняк М. 300
Войнов В.М. 343
Войтинский В.С. 106, 135
Волесников Н. 308
Волжский В.К. 301
Волков С.В. 262
Волков Ф.Д. 134
Волкогонов Д.А. 25, 148
Волобуев О.В. 14, 22, 88, 89
Вологодский П.В. 430
Володарский В. 255
Волошин М.А. 339
Вольский В.К. *см. Валентинов В.К.*
Воровский В.В. 53
Воронов В.И. 338
Воронский А. 135
Ворошилов К. 13
Вострецов С.С. 291
Врангель П.Н. 281, 295, 296, 307, 312, 319, 329, 333, 335, 361, 427
Вурм Э. 131
- Гаазе Г. 129
Гаврилов Л.М. 339
Гай Г.Д. 291
Гайда Р. 308, 317
Гайдар Е. 172
Галили З. 25, 172
Гальперин Л.Е. 47, 50
Гамов И.М. 279, 308
Ганецкий 241
Гапон Г. 51, 85
Гарви П.А. (Бронштейн) 94, 109, 110, 145, 172
Гвоздев К.А. 116, 169, 211
Гегечкори Е.П. 249
Гед Ж. 129
Геллер М. 339, 424
Геллий Авл. (Владиславлев В.М.) 88
Гельфанд А.И. *см. Парвус*
Гендельман М.Я. 257, 388
Герасимов А.В. 27
Герасимов О.П. 286
Герцен А.И. 29
Герштейн Л.Я. 388
Гершуни Г.А. 46

- Гетцлер И. 99, 134
Гефтер М.Я. 14
Гильгер Г. 348, 420
Гимпельсон Е.Г. 341
Гиндин И.Ф. 14
Гинс Г.К. 312
Гитлер А. 14
Гиттис В.М. 291
Годдин В.И. 25, 262з. 338, 339
Голицын Н.Д. 168, 176
Головин Н.Н. 311, 314, 333, 339
Голощекин Ф.И. 104, 160
Гольденберг И.П. 103, 107
Горбачев М.С. 16
Горев Б.И. 99
Горелов И.Е. 135
Горемыкин И.Л. 128
Городецкий Е.Н. 15, 24
Городницкий Р.А. 25
Горький А.М. 6, 51, 137, 155, 216
Гоц А.Р. 299, 388
Грейлих Г. 152
Грибов А.И. 364
Гримм Р. 163
Гришин – Алмазов А.Н. 317
Грунт А.Я. 261
Гумилев Н. 394
Гурвич Л.М. см. Дан Ф.И.
Гурко В.И. 294, 311
Гусев К.В. 25
Гусев С.И. 50, 280, 340, 341, 344
Гучков А.И. 60, 182, 183, 184, 185, 195, 197, 281
Гюисманс К. 131, 132
- Далин Д. 112
Дан Ф.И. (Гурвич) 38, 49, 54, 76, 87, 88, 92, 93, 94, 95, 97, 109, 112, 132, 218, 222, 252, 298, 348, 362, 377, 388
Дейч Л.Г. 130
Дементьев Г.А. 173
Деникин А.И. 27, 268, 281, 295, 296, 305, 307, 308, 309, 311, 312, 314, 315, 318, 319, 320, 324, 327, 329, 333, 334, 335, 339, 342, 343, 344, 346, 427, 431
Денисов С.В. 333
Дербер П.Я. 430
Джунковский В.Ф. 127
- Дзержинский Ф.Э. 230, 244, 259, 260, 281, 384, 389, 390, 392, 395, 403, 420
Диаманди Г. 152
Дитерихс М.Х. 296, 318, 431
Доброхотов В.Я. 337
Довбор – Мусницкий 231
Донской Д.Д. 388
Драгомиров А.М. 281, 312
Дрекслер А. 142
Дубровинский И.Ф. 103
Думенко Б.М. 291
Дурново 198
Дутов А.И. 297, 308, 312, 317, 231
Духонин Н.Н. 228, 308
Душенко К. 172
Дыбенко П.Е. 236, 291, 370, 372
- Егоров А.И. 291
Егоров Е.Я. (Левин) 40
Егорьев В.Н. 291
Елпатьевский С.Я.
Енукидзе 413
Епеляев В.П. 285, 331
Еремин А.И. 25
Ермоленко 202
Ермолин А.П. 340
Ефремов И.Н. 203
- Железняков А.Г. 236
Житомирский Я.А. 92, 111
Жордания Н.Н. 94, 416
Жорес Ж. 129
- Загладин И.В. 340
Закс Г.Д. 299
Зарубин А.Г. 25
Зарубин В.Г. 25
Зарудный А.С. 203
Засулич В.И. 37, 47, 48
Затонский В.П. 108, 280
Зворыкин В.К. 396
Зевин Я.Д. 104
Землячка Р.С. 50, 107
Земцов Б.Н. 24
Зензинов В. 300, 341
Зими́на В.Д. 25, 262, 338
Зиновьев Г.Е. (Радомысльский) 13, 14, 15, 97, 98, 103, 104, 105, 107, 130, 160, 161,

- 202, 204, 205, 210, 215, 216, 217, 228, 231, 232, 241, 403, 410, 411
Знаменский О.Н. 261
- Иванов** И.И. 29
Иванов Л.М. 14
Иванов Н.И. 179, 314
Иванов П.Н. 388
Иванов – Ринов П.П. 312
Ильин И.А. 294, 342, 343
Ильин Я. 366
Иоффе А.А. 113, 242
Иоффе Г.З. 341, 343
Иоффе П.Э. 340
- Кабанов** А. 366
Кавторадзе А.Г. 311, 340, 343
Каганович Л.М. 13
Казарова Н.А. 25
Какурин Н.Е. 355
Каледин
Каледин А.М. 205, 239, 278, 297, 308, 314
Калинин М.И. 12, 104, 177, 360, 362, 363, 382, 412
Калмыков И.М. 308, 312
Каменев Л.Б. 13, 14, 15, 98, 103, 104, 113, 127, 188, 194, 204, 209, 210, 215, 216, 217, 228, 232, 241, 378, 384, 396, 403, 410, 411
Каменев С.С. 291
Камков Б.Д. 190, 251, 252, 299
Камо С.А. (Тер – Петросян) 6, 106, 111
Канаев Г. 365
Канищев В.В. 24
Капеллер А. 87
Карамзин Н.М. 59, 324
Карахан Л.М. 245
Карбышев Д.М. 291
Карелин А.А. 391
Карелин В.А. 238
Карр Э. 425
Карсавин Л.П. 294
Карташев А.В. 204, 263, 338
Каутский К. 81, 82, 89, 113, 129, 130, 131, 132, 304, 342
Кашен 408
Кащенко В.Н. 57
Кедров М.С. 281, 360
Кенез П. 304, 342
- Керенский А.Ф. 177, 178, 179, 181, 183, 184, 190, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 227, 242, 246, 247, 256, 297, 338
Кибардин В.В. 295
Кизеветтер А.А. 396
Кильсеев С.И. 340
Кирпичников Т. 176
Кириянов Ю.И. 25, 133
Кисловский Л.Л. 283
Кишкин Н.М. 211, 283
Клемансо Ж. 168, 276
Кленовская Л.А. 172
Климушкин П.Д. 301, 312
Ключевский В.О. 59
Ключников Ю.В. 294
Книпович Н.М. 101
Князев Г.А. 393
Ковальчук М.А. 136
Ковтюх Е.И. 291
Коган – Берштейн 252
Кожинов В.В. 339
Козловский А.Н. 241, 366, 367
Кокошкин Ф.Ф. 204
Кокурин Н.Е. 338
Коларов 408
Колби Б. 277
Колегаев А.П. 299, 239
Коллонтай А.М. 130, 403, 408, 409
Колчак А.В. 186, 265, 279, 281, 285, 295, 296, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 312, 317, 318, 319, 320, 324, 335, 346, 377
Кондаков Н.И. 172
Коновалов А.И. 184, 195, 211, 221
Константинов С.И. 338
Кораблев Ю.И. 294
Корвацкий И. 294
Корк С.С. 291
Корнилов Л.Г. 183, 195, 204, 205, 246, 206, 207, 208, 210, 211, 213, 281, 282, 285, 295, 312, 313, 314
Корнилов И.Н. 237
Короленко В.Г. 51
Котовский Г.И. 291, 355
Кохн Н.П. 172
Красиков П.А. (Игнат) 38, 47, 107

- Красин Л.Б. 50, 102, 106
 Краснов П.Н. 226, 227, 307, 314, 315, 333, 343
 Крейбих 408
 Крестинский Н.Н. 103
 Кржижановский Г.М. 42, 47, 102
 Кривошеин А.В. 329
 Кричевский Б.Н. 131
 Кроль Л.А. 285
 Крупская Н.К. 158, 160, 172
 Крыленко Н.В. 228
 Крымов А.М. 206, 207
 Кузнецов А.А. 339, 408, 409
 Кузьменко 360
 Кузьмин Н.Н. 362, 363, 365, 366
 Куйбышев В.В. 391, 409, 418
 Кулешов С. 22
 Кураев А.Н. 25
 Курлов В.Г. 311
 Курлов П.Г. 27, 134, 294
 Курский 384
 Кускова Е.Д. 35
 Куусинен О.В. 108
 Кшесинская М.Ф. 198, 201

 Лазарев П.П. 393
 Лазаревский Н.И. 394
 Лазари де А. 172
 Лазимир 220
 Лампе фон А.А. 312, 326, 327, 344
 Ларин Ю. (М.А. Лурье) 86, 94, 109
 Т. фон Лауэ 16
 Лафонтен А. 140
 Лашкевич 176
 Лбов А.В. 106
 Лебедев Д.А. 309
 Лебедь Д.З. 408
 Левицкий В.О. (Цедербаум) 94, 109, 110
 Лейберов И.П. 172
 Лейкина – Сварская В.Р. 339
 Лелевич В. 342
 Ленгник Ф.М. 42, 47, 48
 Ленин В.И. (Ульянов) 6, 9, 11, 12, 14, 17, 18, 21, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 57, 60, 61, 63, 64, 65, 75, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 122, 125, 126, 127, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 147, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 169, 170, 171, 172, 181, 189, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 204, 205, 207, 209, 210, 211, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 227, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 240, 241, 243, 245, 246, 247, 250, 255, 258, 259, 260, 261, 263, 264, 268, 272, 276, 281, 290, 293, 304, 322, 336, 338, 340, 341, 345, 347, 348, 349, 350, 355, 367, 368, 369, 376, 377, 378, 379, 383, 384, 385, 386, 388, 392, 393, 394, 395, 397, 399, 401, 402, 403, 405, 406, 410, 411, 412, 416, 417, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426
 Леонов М.И. 25, 88
 Леонов С.В. 18, 341
 Леонтьев С.М. 286
 Леонтьев Я.В. 260
 Либбер М.И. 99
 Либкнехт В. 129
 Либкнехт К. 130, 140
 Ливеровский А.В. 211
 Линде Ф.Ф. 194
 Линдов Г.Д. 239
 Литвин А.А. 24, 260
 Литвинов М.М. 111, 130, 131
 Лихач М.А. 388
 Лихтенбергский Г. герц. 314
 Ллойд Джордж Д. 168
 Логвинов Г.П. 235
 Лозовский 403
 Лорис – Меликов М.Т. 28
 Лукомский А.С. 295, 312, 329
 Луначарский А.В. 53, 65, 102, 103, 114, 130, 131, 135, 204, 241
 Львов В.А. 184, 206
 Львов В.Н. 206
 Львов Г.Е. 179, 184, 195, 196, 201, 202
 Львов Н.И. 344
 Львов Н.Н. 326
 Люксембург Р. 130, 132, 140
 Лядов М.Н. (О. Мандельштам) 97, 102

- Майер А. 420
Майский И. 300
Макадзюба М.С. (Панин) 38, 39
Макаров А.А. 123
Макдональд Р. 129
Маклаков В.А. 206
Мак — Манус 408
Малиновский Р.В. 92, 103, 104, 126, 127, 160
Малышев А.И. 173
Малянтович П.Н. 211
Маниковский А.А. 177
Маннергейм К.Г. 306
Мануилов А.А. 184, 202
Маракушев А.К. 92
Марквик Р.П. 23
Марков С.Л. 312
Маркс К. 78, 299
Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 9, 22, 31, 36, 37, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 52, 54, 75, 76, 77, 80, 81, 85, 86, 88, 95, 98, 107, 109, 110, 111, 112, 130, 148, 149, 150, 151, 154, 170, 172, 252, 298
Мартынов А.С. (Пиккер) 76, 77, 81, 95, 109
Маслов С.С. 421
Махарадзе Ф. 417, 418, 420
Мдивани 417, 420
Медведев А.В. 339, 340, 341, 342
Медведев В.Г. 25, 338, 339, 342
Медведев Р.А. 339, 341
Медведев С.П. 268, 403, 408, 409
Мельгунов С.П. 286, 295, 300, 311, 343
Менжинский В.Р. 360, 389, 390
Меринг 77, 78, 82, 89, 113
Мессинг 389, 390
Механошин 360
Миллер В.И. 172, 224
Миллер Е.К. 318
Миллюков П.Н. 9, 21, 27, 59, 88, 171, 179, 181, 183, 192, 193, 194, 195, 206, 210, 225, 268, 270, 294, 296, 305, 307, 308, 311, 313, 330, 331, 339, 342, 343, 344
Милютин В.М. 228
Минин 408, 409
Минц И.И. 15, 24
Мирбах 241, 259, 260
Миронов Б.Н. 87
Михаил Александрович в. кн. 182, 183
Молотов В.М. 181, 409
Моргани О. 163
Морозов К.Н. 25, 134
Муравьев В.А. 22
Муравьев М.А. 301
Муралов 360
Муромцев С.А. 59, 70, 71
Муссолини Б. 142, 163
Мякотин В.А. 67, 283, 300
Мясников А.Ф. 258, 386
Мячин К.А. 106
Набатов Г.В. 340, 341, 342
Назаров О.Г. 422, 423, 425
Нарский И.В. 24, 25
Насонов 370
Наумов В.П. 425
Некрасов В.Ф. 344
Некрасов Н.В. 177, 184, 195, 202, 203, 211
Некрич А. 339, 424
Немитц 283
Ненароков А.П. 26, 261
Непенин А.И. 185
Нестеров И.П. 257
Нестеров М.П. 301
Нестроев Г. 66, 299
Нечаев С.Г. 29, 37
Никандр арх. Крутицкий 399
Никитин А.М. 203, 208
Николаев П.П. 291, 370, 371
Николаевский Б.И. 134, 135, 173
Николай II 51, 58, 88, 90, 138, 152, 159, 167, 168, 174, 175, 179, 180, 182, 183, 192, 263
Никольский Б. 294
Новгородцев П.И. 268, 282, 283, 294, 343
Новиков Н.Н. 396
Новицкий Ф.Ф. 291
Новицкий Ю.Л. 399
Ногин В.П. 120, 210, 215, 228
Носков В.А. 42, 47, 50
Нэн Ш. 163
Овруцкий Л.М. 260
Огородников О.И. 291

- Озолис К.В. 424
Ольденбург С.С. 133
Ольденбург С.С. 90
Ольденбург С.Ф. 203
Орахелашвили 417
Орджоникидзе Г.К. 103, 104, 160, 416, 418, 419, 420
Осипова Т.В. 18, 25
Осоргин М. 382, 423
- Павлуновский И.П. 379, 380
Павлюченков С.А. 19, 25, 262
Пайпс Р. 133, 172
Панина 229
Пантин И.К. 89
Парвус (Гельфанд А.А.) 49, 61, 76, 77, 78, 79, 82, 83, 89, 113, 166
Парский Д.П. 291
Первушин Ф. 366
Переверзев П.Н. 196, 202
Перегудова З.И. 134
Петлюра С. 142
Петр I 58
Петраш В.В. 339
Петриченко С.М. 365
Петров А. 374
Петровский Г.И. 105, 127, 160, 245
Петрусевиц К.А. 33
Петрушин А.А. 421
Пешехонов А.В. 67, 196, 203, 283, 300
Пилсудский 333
Писарев И.К. 339
Писарев Ю. 171
Платонов О. 135
Плеве В.К. 47, 189
Плеханов Г.В. 9, 13, 32, 37, 38, 40, 42, 43, 47, 48, 54, 64, 76, 81, 82, 88, 89, 95, 98, 108, 110, 111, 112, 129, 131, 137, 144, 145, 147, 150, 162, 169, 170, 193, 199
Плимак Е.Г. 89
Подвойский Н.И. 237, 258, 281, 360
Познанский М.П. 302
Покровский А.С. 24
Покровский М.Н. 102, 105, 135, 155, 350, 352, 421
Поликарпов В.В. 23, 24
Полковников Г.П. 217
Полковников П.Н. 227
- Половцов 204
Половцов П.А. 201, 202
Поляков А.А. 92
Поляков Ю.А. 19, 26, 323, 344
Попов Д.И. 259, 260
Посадовский В.Е. (Мандельберг) 39
Потапов Н.М. 281
Потресов А.Н. 9, 36, 37, 38, 47, 48, 73, 76, 87, 88, 94, 109, 110, 114, 135, 145, 150, 169, 298, 299, 342
Преображенский 382, 396
Примаков В.М. 291
Принцип Гаврило 137
Прокопович С.Н. 204, 423
Протасов А.Г. 24, 261
Протопопов А.Д. 168, 174, 177
Прошьян П.П. 251, 259
Путятин 183
Пушкарева И.М. 136, 224
Пятницкий О.А. 104
- Рабинович А. 24, 25, 225, 261
Радченко Л.Н. 32
Радченко С.И. 33
Разин С. 299
Раковский Г. 344
Раковский Х.Г. 415, 419
Рамишвили Н.В. 97
Раскольников Ф.Ф. 291
Распутин Г.Е. 174, 223
Рассел Б. 140
Растопчин П.П. 372
Рейснер М. 258
Реннер К. 129
Решетова Н.А. 25
Ривкин Н.И. 299
Робинс 218, 247
Рогович 283
Родзаевский 295
Родзянко М.В. 27, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 183
Родькин П. 374
Рожков Н.А. 103, 362
Розенталь И.С. 136
Розенфельд Я.С. 420
Роллан Р. 140
Романишина В.Н. 338
Романов А.С. 92, 103

- Романовский И. 312
Ротштейн Э. 340
Рузский Н.В. 180, 182
Румянцев П.Н. 102
Рутенберг П.Я. 51
Рыков 103, 228, 350, 378
Рябушинский П.П. 205
Рязанов Д.Б. 130, 131
- Савинков Б.В. 203, 206, 281, 324
Савченко В.А. 340
Салтыков — Щедрин М.Е. 31
Самойло А.А. 291
Самсонов П. 374, 384, 389, 390
Сахаров К.В. 295, 342
Свердлов Я.М. 105, 106, 112, 160, 235, 258, 259, 274
Светлов С. 66, 299
Святицкий Н.В. 299
Семашко Н.А. 103
Семенов Г.М. 279, 307, 308, 312, 314
Семковский С.Ю. 113
Сенин А.С. 25, 224
Сенчакова Л.Т. 88
Сервис Р. 225
Сергей Александрович в. кн. 189
Сергий архим. 399
Серов В.А. 51
Сесицкий И.П. 92
Сипягин Д.С. 46, 189
Скобелев М.И. 113, 196, 203
Слассер Р. 22, 225
Слащев Я.А. 312, 333
Смиренный И.Н. 173
Смирнов А.Н. 115
Смирнов А.П. 104
Смирнов С.А. 211
Снесарев А.Н. 291
Соколов А.В. (Вольский С.) 97, 102
Соколов М.А. 402
Соколов М.И. (Медведь) 63
Сокольников Г.Я. 245, 250, 419
Соловьев С.М. 59
Соломон Г. 27
Сорокин П.А. 396
Спандарян С.С. 103, 104, 160
Спиридонова М.А. 190, 238, 251, 259, 299
Спиридонович А.И. 134
Спирин Л.М. 24
Сталин И.В. (Джугашвили) 11, 12, 13, 90, 104, 105, 106, 112, 114, 126, 133, 160, 188, 194, 205, 210, 217, 220, 395, 404, 409, 410, 411, 413, 416, 417, 418, 419, 420, 426
Станкевич А.В. 291
Старцев В.И. 15, 24, 224, 261
Стасов Е.Д. 104
Стеклов Ю.М. 180
Степанов В.А. 202, 283
Степанов С.А. 25
Степун Ф.А. 395
Столыпин П.А. 59, 68, 74, 89, 91, 92, 110, 114, 122
Стрижков Ю.К. 342
Струве П.Б. 9, 22, 281, 282, 283, 284
Стюарт Г. 342
Суменсон 241
Суханов Н.Н. 12, 22, 180, 225
Сухенко А.Д. 338
Сытин П.П. 291
- Таганцев В.Н. 394
Тараданов Г.В. 295
Таранков В.И. 173
Таратута В.К. 97, 106
Тарновский К.Н. 14, 23
Таубе А.А. 291
Теодорович Н.А. 228
Терентьев А. 374
Терещенко М.И. 184, 195, 196, 203, 208, 213, 218
Террачини 408
Тимкин Ю.И. 339
Титов А. 283, 300
Тихвинский М.М. 394
Тихвинский Ф.В. 74
Тихон патр. 275, 399
Ткачев П.Н. 36
Томпсон 218, 247
Тормозов В.Т. 262, 338
Трапезников С.П. 14
Третьяков С.Н. 211
Трисслер 390
Троицкий А. 66
Троцкий Л.Д. (Бронштейн) 11, 12, 13,

- 15, 22, 27, 32, 39, 48, 60, 61, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 87, 89, 95, 96, 98, 99, 103, 104, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 130, 148, 150, 151, 154, 162, 163, 170, 171, 172, 173, 197, 204, 210, 211, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 227, 228, 238, 239, 241, 243, 245, 249, 264, 268, 274, 290, 319, 322, 331, 338, 339, 340, 341, 367, 375, 388, 393, 400, 403, 405, 410, 411, 420, 422
- Трубецкие Г.Н. и Е.Н. 283
Трутовский В.А. 299
Тундатов 315
Туркул А.В. 313, 319, 343, 344
Тухачевский М.Н. 13, 291, 355, 356, 368, 372
Тучапский П.А. 33
Тучков Е. 400
Тынченко Я. 25
Тыркова А.В. 32
Тыркова – Вильямс 27, 87
Тютюкин С.В. 25, 89, 93, 135
- Уборевич И.П. 13, 291, 255
Угрюмов А.А. 135
Ульрих В.В. 355, 356
Ульянов А. 37
Ульянова М.И. 155, 160
Ульянова – Елизарова А.И. 160
Уншлихт И.С. 379, 383, 384, 390, 391, 392, 396, 397
Урилов И.Х. 25, 134, 172
Урицкий М.С. 113, 228
Урланис Б.Ц. 171, 323
Устинкин С.В. 25, 339, 340, 341, 342
Устинов А.М. 299
Устрялов Н.В. 268, 294, 306
Уткин А.И. 134, 135, 136
Ушаков А.И. 24, 262, 338, 339
- Федоренко А.А. 25
Федюк В.П. 24, 25
Фельштинский Ю. 260, 261
Фефелов С.В. 340
Фигес О. 342
Фицвиллис Дж.К.Л. 278
Фишер Л. 158, 172
Флоровский Г.В. 294, 396
- Флоровский Г.П. 342
Фомин В.Е. 396
Фортунатов Б.К. 257, 301
Франк С.А. 263, 294, 338, 339, 342, 395, 396
Франц Йозеф 138
Фрис 408
Фрунзе 13
Футман Д. 342
- Хабалов С.С. 168, 175
Ханжин М.В. 317
Хаустов В.И. 146
Хесин С.С. 339
Хизахидзе 281
Холодковский В.М. 135
Хорват 308
Хрусталева – Носарь П. Лейба 60, 134, 176
Хрущев Н.С. 13
- Цвеков С.Д. 373
Цветков В.Ж. 262, 338
Цедербаумы В.О. и С.О. 110
Церетели И.Г. 193, 196, 225, 236
Цеткин К. 130, 408
Цехновичер Л.А. 136
Циллиакус К. 49
Цихович 283
Цурганов Ю.С. 337
Цыпин В. 424
Цюрупа А.Д. 378
- Чайковский Н.В. 270, 295, 299, 300, 305, 332
Череванин Н. (Ф.А. Липкин) 73, 76, 109, 110
Чернов В.М. 31, 43, 44, 45, 66, 84, 85, 190, 194, 196, 199, 202, 203, 222, 227, 236, 338, 257, 295, 299, 300
Черномазов М.Е. (...Мирон) 127
Чичерин Г.В. 111, 245
Чудновский Г.И. 108
Чуков 399
Чураков В.Ю. 262, 338
Чхеидзе Н.С. 125, 126, 127, 128, 146, 147, 170, 178, 193, 205, 211, 218, 297
Чхенкели А.И. 128

- Шанин Т. 16, 24, 80, 89
Шапошников Б.М. 291
Шаумян С.Г. 104
Шахматов А.А. 58
Шварцман Д.В. 160
Шварцман Д.М. 104, 105
Шверник Н.М. 13
Швецов С.П. 235
Шелохаев В.В. 25, 88, 135
Шильдбах (Литовцев) 314
Шингарев А.И. 184, 196, 202
Шипов Д.Н. 258, 284
Шкирятов М.Ф. 13
Шкловский Г.Л. 133
Шлихтер А.Г. 257
Шляпников А.Г. 160, 382, 403, 406, 408, 409
Шмидт П.П. 62
Шмит Н.П. 106
Шолохов М.А. 273
Шорин В.И. 291
Штейнберг И.З. 251, 383
Шувалов Д.С. 281
Шульгин В.В. 182, 183, 263, 281, 294, 326, 338, 344
Шурканов В.Е. 92
- Щеголев П.Е. 133
Щепкин Д.М. 286
Щепкин Н.Н. 283, 284, 286
Щорс П.А. 291
- Эйнштейн А. 140
Энгельгардт Б.А. 178
Энгельгардт М. 66
Энгельс Ф. 78
Эренбург И.Г. 32
- Юденич Н.Н. 306, 318
Юренев П.П. 204
Юрьев А.И. 25
- Яблочкина И.В. 423, 425
Ягелло А.И. 126
Ягода Г.Г. 355, 360, 390
Якир И.Е. 13, 291
Яковлев А.Н. 421

ДРАМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БОЛЬШЕВИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Список сокращений

АГИ	Архив Гуверовского института войны, революции и мира
АН СССР	Академия наук СССР
АПРФ	Архив Президента Российской Федерации
БО	Боевая организация
БПЦ	Большевистский Партийный Центр
БУНД	Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России
БЦ	Большевистский центр
ВЖС	Всероссийский железнодорожный союз
ВКП (б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большеви — ков)
ВКС	Всероссийский крестьянский союз
ВНУС	Войска внутренней службы
ВОХР	Войска внутренней охраны Республики
ВПК	Военно — промышленный комитет
ВРК	Временный революционный комитет (Военно — революционный комитет)
Всевобуч	Всеобщее военное обучение трудящихся
ВСНХ	Высший Совет Народного Хозяйства
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК	Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
ГАОН	Государственный архив Нижегородской области
ГАТЮМО	Государственный архив Тюменской области

Главкомтруд	Главный комитет по проведению трудовой повинности
Главлит	Главное управление по делам литературы и издательств
Главполитпросвет	Главный политический просветительный комитет
Гнчак	Армянская партия социал — демократической ориентации
Гознак (Госзнак)	Главное Управление производством гос. знаков, монет и орденов.
Горком	Городской комитет (партии)
Госиздат	Государственное издательство
ГПУ	Государственное политическое управление
ГСДП	Германская социал — демократическая партия
губчека	губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ДВР	Дальневосточная республика
ЗагранБюро ЦК РСДРП	Заграничное Бюро Центрального Комитета Российской социал — демократической рабочей партии
ЗАР	Запасная армия республики
ЗБ ЦК	Заграничное Бюро Центрального Комитета
ЗЦБ	Заграничное центральное бюро
исполком	исполнительный комитет
истпарт	история партии
к. — д.	конституционно — демократические
КВЖД	Китайско — Восточная железная дорога
КГБ	Комитет государственной безопасности
КНК	Комиссия народного контроля
КНР	Китайская Народная Республика
КОГАОПД	Курганский областной государственный архив общественно — политических движений
Коминтерн	Коммунистический Интернационал
Комуч	Комитет членов Учредительного собрания
кооперативизм	...кооперативный социализм
КПК	Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б)
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
МВД	Министерство внутренних дел

МВРК	Московский военно — революционный комитет
МГБ	Министерство государственной безопасности
МГУ	Московский Государственный Университет
Межрайонка	...Петербургская междурайонная социал — демократическая организация
МИД	Министерство иностранных дел
МК РСДРП	Московский комитет Российской социал — демократической рабочей партии
МСБ	Международное Социалистическое Бюро
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКГК	Народный комиссариат государственного контроля
НСДАП	Национал — социалистическая партия Германии
НЭП	Новая экономическая политика
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОК	Организационный комитет
Окисты	Члены организационного комитета Российской социал — демократической рабочей партии
Ответсекретарь	Ответственный секретарь
ПБ, Политбюро	Политическое бюро
ПВО	Противовоздушная оборона
ПК РКП (б)	Петроградский комитет рабочей коммунистической партии (большевиков)
ПК РСДРП (б), ПК РСДРП	Петроградский комитет Российской социал — демократической рабочей партии (большевиков)
ПК ЦКК	Петроградский комитет Центральной контрольной комиссии
политотдел	политический отдел
политрук	политический руководитель
ППС	Партия польских социалистов
Предпарламент	Временный совет Российской Республики
продналог	продовольственный налог
продразверстка	продовольственная разверстка
профдвижение	профессиональное движение
профсоюз	профессиональный союз

ПСР	Правые социалисты – революционеры
ПСС	Полное собрание сочинений
ПУ РВСР	Политическое Управление Революционного военного совета Республики
РВС, реввоенсовет	Революционный военный совет
РВСР	Революционный военный совет Республики
РГАНИ	Российский Государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский Государственный архив социально – политической истории
РГВА	Российский Государственный военный архив
ревком	революционный комитет
ревкомовцы	члены революционного комитета
ревтрибунал	революционный трибунал
РКИ	Рабоче – крестьянская инспекция
РККА	Рабоче – крестьянская Красная Армия
РККФ	Рабоче – крестьянский Красный Флот
РКП (б), РКП	Рабочая коммунистическая партия (большевиков)
РОЦДНИ	Ростовский областной центр документов новейшей истории
РСДРП (б), РСДРП	Российская социал – демократическая рабочая партия (большевиков)
РСДРП (м)	Российская социал – демократическая рабочая партия (меньшевиков)
РСДРФ	Российская социал – демократическая рабочая фракция
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СДКПиЛ	Социал – демократическая партия Королевства Польского и Литвы
СДЛК	Социал – демократическая партия Латышского Края
СДО	Социал – демократическая организация
СДПА	Социал – демократическая партия Австрии
СДПГ	Социал – демократическая партия Германии
СДПФ	Социал – демократическая партия Финляндии
СКСО	Союз Коммун Северной области

СНК, Совнарком	Совет Народный Комиссаров
соцбюро	социалистическое бюро
СПб	Санкт – Петербург
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СТК	Союз трудового крестьянства
СФИО	Левосторонняя французская социалистическая партия, образованная под эгидой МСБ путем слияния центристской Французской социалпартии и Лево-Социалистической партии Франции.
США	Соединенные Штаты Америки
ТОЦДНИ	Томский областной центр документов новейшей истории
УС	Учредительное собрание
ЦА ФСБ РФ	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦБЗГ	Центральное бюро заграничной группы
ЦВПК	
ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ)	Государственный архив Российской Федерации
Центробалт	Центральный комитет Балтийского флота
ЦИК Советов	Центральный Исполнительный Комитет Советов
ЦК	Центральный Комитет
ЦК ВКП (б)	Центральный Комитет ВКП (б)
ЦК КПСС	Центральный Комитет КПСС
ЦК ПС – Д	Центральный Комитет партии социал – демократов
ЦК ПС – Р	Центральный Комитет партии социалистов – революционеров
ЦК РКП (б), ЦК РКП	Центральный Комитет РКП (б)
ЦК РСДРП (б), ЦК РСДРП	Центральный Комитет РСДРП (б)
ЦК РСДРП(м)	Центральный Комитет РСДРП (м)
ЦО	Центральный орган партии
ЦО РСДРП (б), ЦО РСДРП	Центральный орган РСДРП (б)
ЦСК	Центральный стачечный комитет
ЦСК МВД	Центральный стачечный комитет МВД
ЧК	Чрезвычайная комиссия
ЧОН	Части особого назначения

Оглавление

К читателю (А.Н.Яковлев).....	5
Введение (О.В.Волобуев).....	8
Глава I. Первая российская революция и социалистические партии (О.В.Волобуев).....	28
Глава II. Подполье и легальная деятельность. 1908 — 1914 гг. (А.И.Степанов, А.И.Уткин).....	88
Глава III. От войны к революции. 1914 — 1916 гг. (А.И.Степанов).....	137
Глава IV. Революционный 1917 — й (В.И.Старцев).....	174
Глава V. Первые месяцы большевистской власти: от войны политической к войне гражданской (В.И.Старцев).....	226
Глава VI. Красные и Белые (С.В.Устинкин).....	262
Глава VII. Большевики удерживают государственную власть (А.А.Косаковский).....	345
Приложения	427
Указатель имен	434
Список сокращений	444

Научное издание
**Драма российской истории:
большевики и революция**

Редактор - Б. М. Цейтлин
Корректоры - Е.В. Иванова, О.Н. Чернышева
Макет, верстка - Т.А. Лавренко

Подписано к печати 26.08.2002.
Формат 60×100/16. Гарнитура Балтика. Бумага офсетная.
Печать офсетная Печ. л. 29,5. Тираж 1000 экз.
Цена договорная. Заказ № 6858

НП «Новый хронограф».
Свидетельство регистрации № 002.070.147 от 06 декабря 2001 г.
125047, Москва, ул. 2-я Тверская Ямская, д. 30/29, строение 4, офис 26.
Тел. 251-3726. E-mail: nKhronograf@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**РОССИЯ.
XX ВЕК**

И С С Л Е Д О В А Н И Я

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Россия в начале **XX** века

Драма российской истории:
большевики и революция

Россия нэповская

РОССИЯ. XX ВЕК

И С С Л Е Д О В А Н И Я

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

Процесс над колчаковскими министрами.

В ряду происходивших в советской России политических процессов исключительное место занимает суд, состоявшийся в 20-х числах мая 1920 г. в Омске. Его уникальное место определяется тремя главными обстоятельствами. Во-первых, омский суд был первым широкомасштабным открытым политическим процессом, на котором в какой-то мере отрабатывались сценарий и технология всех последующих. Во-вторых, на нем была предпринята попытка судить в лице нескольких министров и их заместителей всю русскую контрреволюцию и поддерживавших ее интервентов. В третьих, в силу преследуемой цели руководство советской России стремилось придать омскому процессу большое общественно-политическое звучание.

Материалы процесса, основную часть которого составляет стенограмма одиннадцати судебных заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири, представляют большой интерес. Во-первых, они содержат данные о событиях гражданской войны на востоке России, не нашедшие отражения в других сохранившихся источниках. Исключительно важное значение имеют факты, относящиеся к борьбе за политическую власть осенью 1918 и зимой 1919—20 гг. Во-вторых, в них много сведений биографического характера о политической деятельности антибольшевистского лагеря. В третьих, они содержат новую информацию о взаимоотношениях в лагере контрреволюции, которая не была зафиксирована в текущих документах. В четвертых, в выступлениях большинства подсудимых объясняются мотивы их собственного поведения и даются оценки как своей деятельности, так и правительств в целом, членами которых они являлись. При этом нельзя забывать об обстановке, в которой эти признания делались. И, наконец, материалы этого процесса являются уникальным источником для изучения феномена так называемой “революционной законности” первых лет советской власти.

Книга предназначена для научных сотрудников, педагогов и аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся на изучении российской истории XX века.

**Издательство
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ**

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Т. Г. Леонтьева. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX веков.

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

А.С. Стыкалин. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы.

События «будапештской осени» и вокруг нее до недавнего времени оставались одним из наименее изученных международных конфликтов второй половины XX века, поскольку закрытость советских архивов не позволяла историкам в полной мере реконструировать роль важнейшего из внешних факторов этих событий – советского. Насколько политическое руководство СССР было информировано об углублении кризиса сталинской модели социализма в Венгрии, какие действия предпринимало в целях его разрешения; как работало в те месяцы посольство, возглавляемое Ю. Андроповым; проводились ли советской стороной какие-либо превентивные военные приготовления в самый канун восстания 23 октября? Попытка ответить на эти и другие вопросы с учетом новейшей историографии темы исследования предпринята автором.

Главное место среди источников занимают документы Архива Президента РФ, Российского государственного архива новейшей истории и Архива внешней политики РФ.

Центрально-европейские страны на пороге XXI века. Историко-политологический справочник.

Впервые издается справочник историко-политологического характера по странам Центральной и Юго-Восточной Европы и региону в целом. За последние десять лет существенно изменилось общественно-политическое устройство государств этого региона и их внешнеполитическая ориентация. Справочник включает разделы “Общество и власть”, “Экономика и политика”, “Внешняя политика”, “Национальная безопасность и геополитика”, “Этнополитика” и др., в которых нашли отражение новейшие данные, а также материалы по региону в целом, касающиеся двусторонних и многосторонних договорных систем, участие стран в международных политических и военных структурах и пр.

Издательство НОВЫЙ ХРОНОГРАФ ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

В.В. Марьина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 гг.

Монография В.В. Марьиной – первое в отечественной историографии конкретно-историческое исследование, посвященное истории присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине), договор о котором был подписан в июне 1945 г. между СССР и Чехословакией.

Исследование охватывает период Второй мировой войны. В нем отражена эволюция взглядов советских и чехословацких политиков на дальнейшую судьбу Подкарпатской Руси, входившей в состав Чехословакии с 1919 по 1939 гг.; обозначены этапы развития советско-чехословацких отношений, касающихся решения этой проблемы на протяжении 1939—1945 гг.; показаны события, происходившие в Подкарпатской Руси осенью-зимой 1944—1945 гг., и отношение к ним различных чешских и словацких политических сил, а также Западных стран. Особое внимание обращено на исследование механизмов и способов присоединения Подкарпатской Руси к СССР, освещению политических и военных аспектов происшедшего.

В исследовании использован широкий круг источников, и, прежде всего, большой массив документов из архивов России и Чехословакии (Чехии и Словакии), которые стали доступны для исследователей только в последнее десятилетие. Эти документы вносят значительные, а иногда и радикальные коррективы в существующие взгляды на эту проблему и ее оценки. Показывая всю сложность вопроса и кипевшие вокруг него страсти, автор представляет позиции советских государственных деятелей (И.В.Сталина, В.М.Молотова, А.Я.Вышинского, В.А.Зорина) и чехословацких политиков (Э.Бенеша, Я.Масарика, З.Фирлингера, Г.Пики, С.Ингра, Ф.Немеца, К.Готвальда и др.). В прошлом политизированные и мифологизированные вопросы включения Закарпатья (Подкарпатья) в состав СССР освещены по-новому на основе детального анализа документальных источников.

Основными задачами исследования является конкретно-исторический анализ причин, факторов и механизма присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине).

Издательство НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

На приеме у Сталина. Тетради посетителей И.В. Сталина. 1924—1953 гг.

Публикуются сохранившиеся в Архиве Президента РФ записи дежурных секретарей приемной И.В.Сталина за 1924—1953 гг. в которых каждый день с точностью до минуты фиксировалось время пребывания в кремлевском кабинете Сталина всех его посетителей. В качестве приложения публикуются также сведения о местонахождении Сталина и людях, с которыми он встречался во время своих отпусков.

Издание сопровождает обширный научный комментарий, включающий сведения о всех посетителях кремлевского кабинета Сталина. Эта публикация представляет исследователям богатейший фактический материал по истории СССР сталинской эпохи.

А. С. Ахиезер. Специфика российской истории.

Сборник включает три последние работы современного философа, культуролога и социолога: "Специфика российской истории", "Катастрофы в обществе и природа как нравственная проблема (на историческом опыте России)", "Об особенностях современного философствования. Взгляд из России". Все три работы объединяет проблема воспроизводства деятельности людей в современном усложняющемся мире, переполненном реальными и потенциальными опасностями. Автор предлагает методологию формирования смыслов и культуры в целом, противостоящих этим опасностям.

**НИЦ
СИБИРСКИЙ ХРОНОГРАФ
Издательство
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ**

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

И.Г. Яковенко. Российская государственность: национальные интересы, границы, перспективы. 2-е издание, переработанное и дополненное.

В.А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущевы и Брежнев. 2-ое издание, переработанное и дополненное.

"Новый хронограф" предлагает следующие книги по разнообразной тематике других издательств, в том числе НИЦ "Сибирский хронограф" и издательство СО РАН.

Заказы направлять по адресу: Издательство **НОВЫЙ ХРОНОГРАФ**
125047, Россия, Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, д.30/29, стр.4, офис 26.
Тел./факс.: (095)251-3726, nkhronograf@mail.ru

К. Хадсон. Влиятельные музеи. Пер. с англ.

Как продавать искусство: Сборник статей. Пер. с англ.

Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820—1840 гг.).

Е.К. Никанорова. Исторический анекдот в русской литературе XVIII: анекдоты о Петре Великом.

Е.Н. Проскурина. Поэтика мистериализма в прозе Андрея Платонова конца 20-х — 30-х гг. (на материале повести "Котлован").

А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, М.А. Шуровский, И.Г. Яковенко, Е.Н. Яркова. Социокультурные основания и смысл большевизма. (Серия "Российское общество: современные исследования").

А.П. Давыдов. "Духовной жаждой томим": А.С. Пушкин и становление "срединной" культуры в России. (Серия "Российское общество: современные исследования")

О.Н. Яницкий. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). (Серия "Российское общество: современные исследования").

Л.Н. Литошенко. Социализация земли в России.

Е.Б. Рашковский. Профессия — историограф: материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия.

Урал и Сибирь в сталинской политике: сборник научных статей.

В.Н. Пластун. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока.

Р. Коллинз. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Пер. с англ.